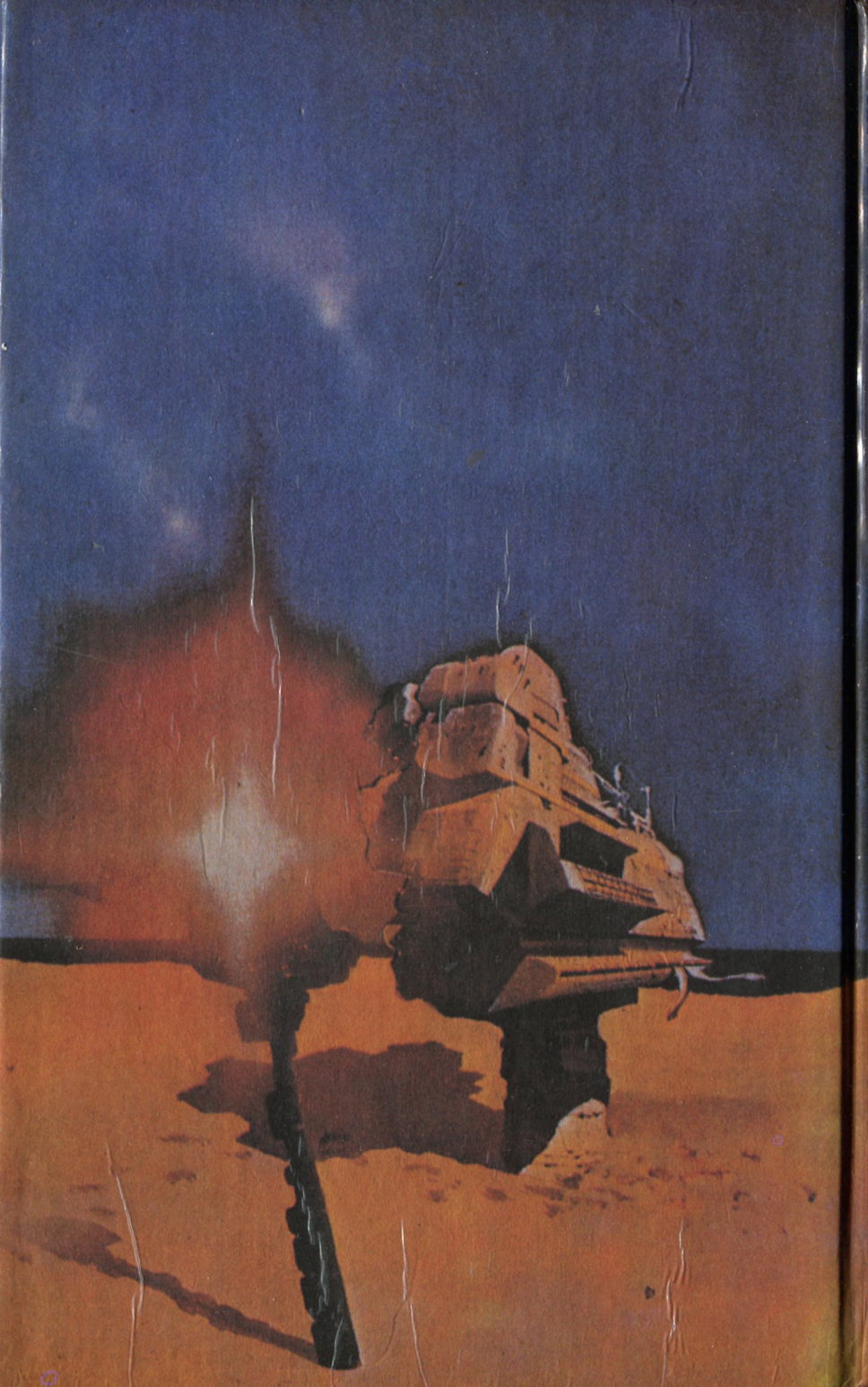
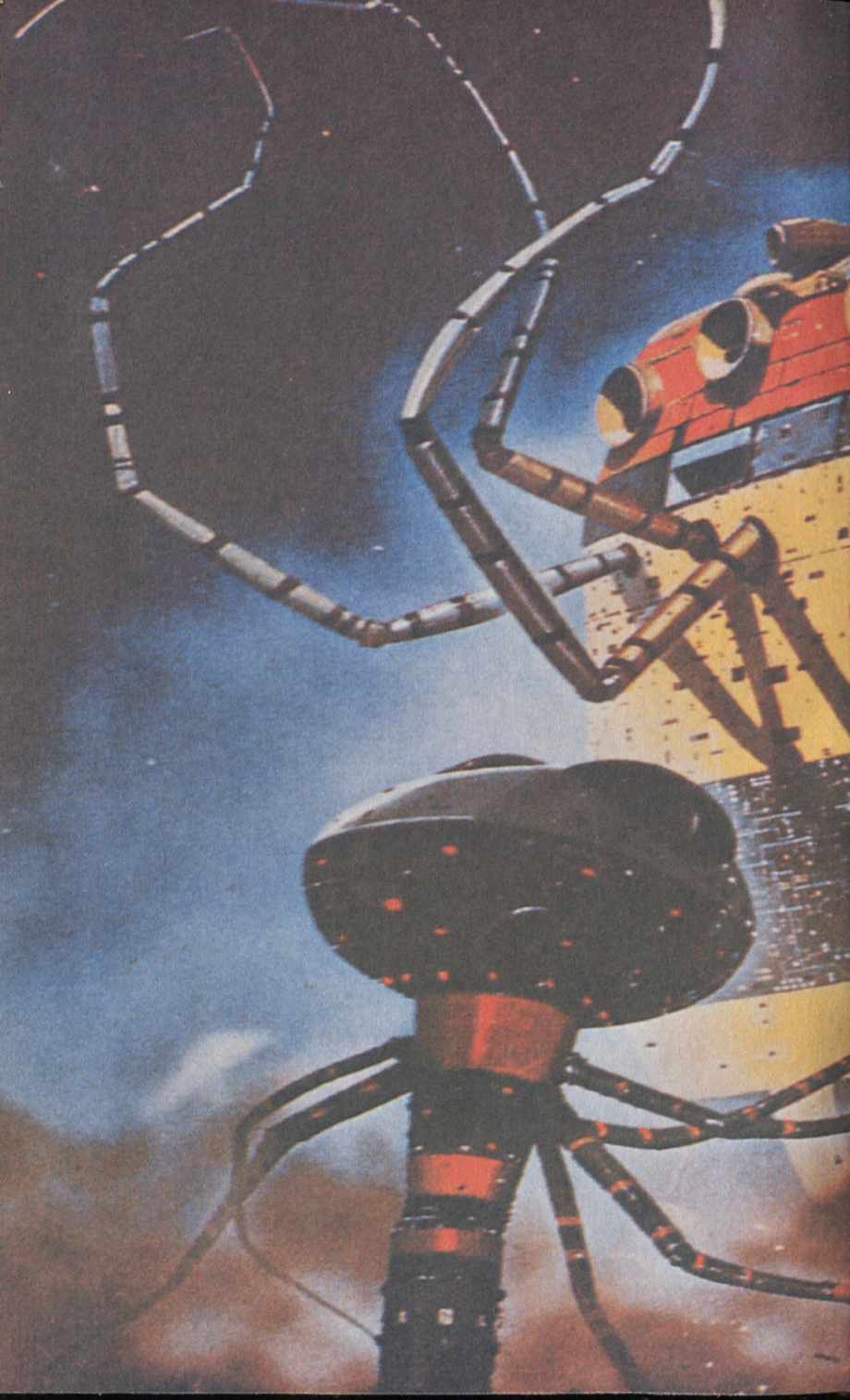
МИР ФАНТАСТИКИ
ФРЕДЕРИК БРАУН
ПЕРСОНА ГРАТА
ФРЕДЕРИК БРАУН
ПЕРСОНА ГРАТА

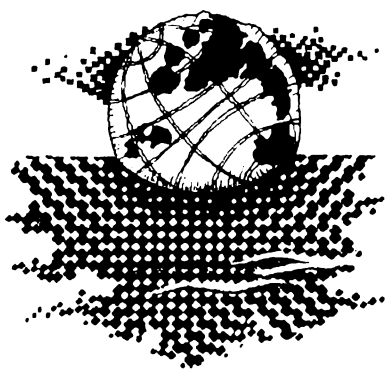




МИР ФАНТАСТИКИ

ФРЕДЕРИК БРАУН

ПЕРСОНА ГРАТА



НПП "Параллель"
Н. Новгород
1994

ББК 84.7 США

Б69

Художник Ю. Лук

На обложках использованы работы
Питера Джонса и Криса Фосса

Браун Фредерик
Б69 Персона грата: Фантастические повести и рассказы. Пер. с англ. — Н. Новгород: НПП "Параллель", 1994. — 544 с.: ил.

ISBN 5-86067-027-3

Фредерик Браун (1906—1972) — выдающийся американский писатель-фантаст, лауреат премии им. Эдгара По. Блистательный юмор, парадоксальные повороты сюжета, острая сатирическая нацеленность произведений Фредерика Брауна заслуженно выдвинули его в число лидеров юмористической и сатирической фантастики.

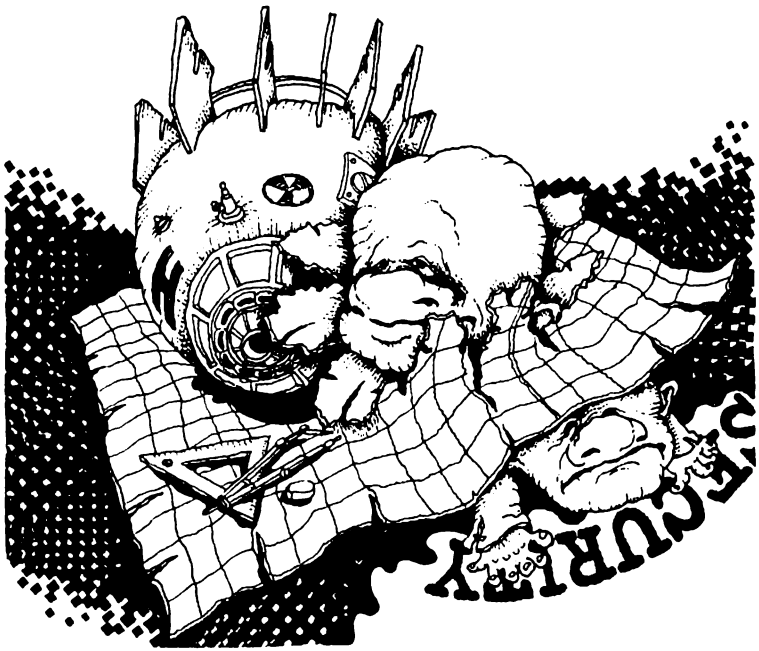
В однотомник вошли впервые публикующиеся на русском языке повести "Марсиане, убирайтесь домой!", "Что за безумная Вселенная!", а также рассказы из различных авторских сборников.

Б $\frac{4703040100\text{-}027}{3E8(03)\text{-}94}$ без объявления ББК 84.7 США

ISBN 5-86067-027-3

© НПП "Параллель", 1994

УБИРАЙТЕСЬ ДОМОЙ!
МАРСИАНЕ,



ПРОЛОГ

Если жители Земли оказались не готовы к появлению марсиан, то винить они должны только самих себя.

События предыдущего столетия и особенно нескольких последних десятилетий должны были подготовить их к этому.*

Мне могут возразить, что подготовка длилась гораздо дольше — с тех пор, как люди узнали, что Земля вовсе не центр Вселенной, а всего лишь одна из планет, кружащих вокруг Солнца. Начались домыслы: а не могут ли остальные планеты быть населены подобно Земле? Однако подобные рассуждения из-за отсутствия доказательств pro и contra имели чисто умозрительный характер и напоминали дебаты о том, сколько ангелов может поместиться на кончике иглы или был ли у Адама пуп.

Итак, можно принять, что подготовка всерьез началась со Скиапарелли и Лоуэлла. Особенно с Лоуэлла.

Скиапарелли был итальянским астрономом, он первый

* Роман впервые опубликован в 1955 году.

обнаружил на Марсе canali, хотя никогда не говорил, что они искусственные. Использованное им слово canali означало просто водные артерии.

Американский астроном Лоуэлл придал этому слову новый смысл. Именно Лоуэлл, внимательно изучив и зарисовав canali, возбудил сначала собственное, а потом и всеобщее воображение утверждением, что эти каналы наверняка искусственные. А значит, вот вам доказательство, что Марс обитаем.

Надо сказать, что лишь немногие астрономы соглашались с Лоуэллом; одни отрицали само существование линейных образований или утверждали, что это просто оптическая иллюзия, другие считали их естественными образованиями, но ни в коем случае не каналами.

Однако общественное мнение, обычно предпочитающее позитивные аргументы, отвергло возражения скептиков и стало на сторону Лоуэлла. Ухватившись за его утверждение, оно потребовало сведений о марсианах и получило о них миллионы слов и словес в виде научно-популярных книг и воскресных приложений.

Затем тему с большим шумом подхватила научная фантастика. Это случилось в 1895 году, когда Герберт Дж. Уэллс опубликовал свою великолепную «Войну миров» — классический роман, описывающий вторжение на Землю марсиан, прилетевших в снарядах, выпущенных из пушек.

Эта популярная книга не в малой степени помогла землянам подготовиться к вторжению. Помог этому и другой Уэллс, которого звали Орсон. В канун Дня Всех Святых 1938 года он передал радиопьесу (инсценировку романа Герберта Уэллса) и доказал, хоть и сам того не желая, что уже тогда многие из нас были готовы принять вторжение с Марса за чистую монету. Тысячи людей по всей стране, слишком поздно включив радио и пропустив объявление диктора, что все это выдумки, поверили, что марсиане и вправду приземлились и сразу же взялись истреблять человечество. В зависимости от характера одни из этих людей бросились прятаться под кровать, а другие с оружием выбежали на улицы, с намерением порешить злобных марсиан.

Научная фантастика цвела и ветвилась; то же самое делала и наука, причем в такой степени, что все труднее становилось понять, где в научной фантастике кончается наука и начинается фантастика.

Ракеты Фау-2, летящие через Ла-Манш на Англию. Радар и сонар.

Затем атомная бомба. Люди окончательно уверились, что наука может сделать все, что захочет. Ядерная энергия.

Экспериментальные космические ракеты уже выходили за пределы атмосферы над Белыми Песками в штате Нью-Мексико. Планировалась космическая станция на геоцентрической орбите. Затем на селеноцентрической.

Водородная бомба.

Летающие тарелки. Теперь-то мы, конечно, знаем, что это такое, но тогда многие свято верили, что они прибыли из Космоса.

Атомные подводные лодки. Открытие метазита в 1963 году. Теория Барнера, доказывающая, что теория Эйнштейна ошибочна и что скорость света вовсе не предел.

Случиться могло что угодно, и многие ждали этого.

Это касается не только западного полушария. Повсюду люди были готовы поверить во все. Некий японец из Ямаваши объявил, что он, де, марсианин, и позволил толпе, которая ему поверила, убить себя. Беспорядки в Сингапуре в 1962 году. Известно, что гражданская война на Филиппинах год спустя была вызвана таинственным культом моро, которые утверждали, будто они находятся в мистическом контакте с жителями Венеры и действуют по их указаниям. А в 1964 году произошел трагический случай с двумя американскими военными пилотами, совершившими аварийную посадку на опытном образце стратосферного истребителя. Они сели недалеко от южной границы США и, едва выйдя из самолета в своих комбинезонах и шлемах, были убиты возбужденными мексиканцами, принявшими их за марсиан.

Да, мы должны были приготовиться.

Но к тому ли облику, в котором они явились? И да и нет. Научная фантастика изображала их в тысячах видов — высокими голубыми призраками, микроскопическими ящерицами, большими насекомыми, огненными шарами, странствующими цветами... Фантасты старательно избегали банальностей, но действительность оказалась банальнее некуда: они были маленькими зелеными человечками.

Однако с некоторым отличием... да еще с каким! К этому уж никто не мог приготовиться.

Поскольку многие люди до сих пор думают, что это могло иметь какое-то значение, нужно заметить: 1964 год ничем особым не отличался от десятка предыдущих.

Можно даже сказать, что он начался несколько лучше.

Относительно небольшой спад начала шестидесятых кончился, и курс акций начал подыматься.

Холодная война продолжала держать мир в ледяных оковах, но не было никаких признаков взрыва; во всяком случае, не больше, чем во времена китайского кризиса.

Европа была более сплочена, чем когда-либо после второй мировой войны, а возрожденная Германия занимала былое место среди промышленных держав. В Соединенных Штатах бизнес переживал пору расцвета, в большинстве гаражей стояло по два автомобиля. Даже в Азии голодали меньше, чем обычно.

Да, 1964 год начинался хорошо.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЯВЛЕНИЕ МАРСИАН

1

Время действия: ранний вечер 26 марта 1964 года, четверг.

Место действия: двухкомнатный одиноко стоящий домик, почти два километра до ближайшего соседа — городка Индио, штат Калифорния, это километров двести на восток и немного к югу от Лос-Анджелеса.

На сцене в момент поднятия занавеса Люк Деверо, он один.

Почему мы начинаем именно с него? А почему бы и нет? Нужно же с кого-то начать. А Люк, как писатель-фантаст, должен быть подготовлен гораздо лучше, чем большинство людей, к тому, что вот-вот произойдет.

Познакомьтесь с Люком. Тридцать семь лет, рост метр семьдесят пять, вес — на тот момент — семьдесят килограммов. Голова увенчана рыжей шевелюрой, не желающей спокойно лежать без помощи гребня, а Люк никогда не пользовался этим предметом. Под шевелюрой — бледно-голубые глаза, а в них довольно часто — рассеянное выражение; словом, та разновидность взгляда, когда нельзя сказать точно, видят ли тебя, даже если смотрят в упор. Еще ниже — длинный и узкий нос, разумно расположенный в самом центре умеренно вытянутого лица, не бритого сорок восемь часов, а может, и больше.

Одет Люк в данный момент — а сейчас двадцать часов четырнадцать минут среднего западно-американского времени — в белую майку с короткими рукавами, украшенную красными буквами — эмблемой YWCA* — а также потертые джинсы и пару изрядно поношенных мокасин.

Пусть вас не вводит в заблуждение эмблема YWCA на майке. Люк никогда не был и никогда не будет членом этой организации. Майка принадлежала тогда, а может, и раньше, его жене Марджи, возможно, бывшей жене. У Люка не было уверенности относительно того, кем она ему приходится — Марджи разошлась с ним семь месяцев назад, но решение суда будет набирать законную силу еще пять

---

* YWCA (Yowg Woman Christian Association) — Христианская Ассоциация Молодых Женщин.

месяцев. Покидая постель и кухню Люка, она, вероятно, оставила эту майку среди его собственных. Люк редко надевал их в Лос-Анджелесе, а эту нашел только в то утро. Она пришлась ему впору — Марджи была полновата, — и он решил, что живя один в этой глуши, может в ней походить денек, прежде чем разжалует в тряпки для полировки машины. Майка наверняка не стоила того, чтобы присвоить ее или отослать почтой, даже если бы они с Марджи оставались друзьями. Марджи рассталась с YWCA гораздо раньше, чем с ним, и с тех пор не надевала майку. Возможно, она сунула эту тряпку в его вещи нарочно, ради шутки, однако он в это не верил, памятуя настроение Марджи в тот день, когда она его бросила.

Ну что ж, сегодня ему пришло в голову, что если она оставила майку шутки ради, то шутка не удалась, потому что он нашел ее, когда был один и действительно мог надеть. Если же она подкинула майку, чтобы Люк наткнулся на нее, вспомнил жену и почувствовал сожаление, то тоже обманулась в ожиданиях. С майкой или нет, он время от времени думал о Марджи, правда, без сожалений. Люк был влюблен в девушку, которая почти во всех отношениях являлась противоположностью Марджи. Звали ее Розалинда Холл и работала она стенографисткой в студии «Парамаунт». Он был без ума от нее. Просто рассудок потерял.

Конечно, имело значение то, что он был один в доме, вдалеке от асфальтированных дорог. Домик принадлежал его другу Картеру Бенсону, тоже писателю. Время от времени, в относительно холодные месяцы года — вроде как сейчас — он пользовался хижиной по той же причине, что теперь Люк — в поисках одиночества, идеи для новой книги и средств к существованию.

Это был третий вечер Люка здесь, и он тоже искал, но никак не мог найти ничего, кроме одиночества. Зато этого было в избытке: никаких телефонов, никаких почтальонов, Люк не видел другого человека даже вдалеке.

Впрочем, именно в тот день у него появилась некая идея. Нечто туманное и пока слишком зыбкое, чтобы это можно было перенести на бумагу хотя бы в виде заметки; нечто столь же неуловимое, как направление мышления... и все-таки нечто. Люк истово верил, что это только начало и шаг вперед по сравнению с тем, как обстояли его дела в Лос-Анджелесе.

Там он переживал самый глубокий кризис за всю свою

писательскую карьеру и едва не спятил от того, что за много месяцев не написал ни слова. Хуже того: он чувствовал на затылке горячее дыхание своего издателя — то и дело приходили авиаписьма из Нью-Йорка. Тот просил сообщить хотя бы название, которое можно было бы включить в список, как его новейшую книгу, а также настоятельно интересовался, когда он ее закончит и они смогут поставить ее в план. В конце концов, имеют же они право знать это, раз уж дали ему двадцать пять сотен аванса?

Наконец, подлинное отчаяние — а немного найдется более подлинных отчаяний, чем то, которое испытывает писатель, который должен творить, но не может — заставило его одолжить ключи от домика Картера Бенсона, и торчать там до тех пор, пока не высидит результата. К счастью, Бенсон только что заключил шестимесячный контракт с какой-то голливудской студией и не нуждался в домике, по крайней мере сейчас.

Вот почему Люк Деверо приехал сюда и не собирался уезжать, пока не родит сюжет и не начнет писать книгу. Не обязательно заканчивать ее здесь; он знал, что если уж наконец начнет, то сможет продолжать работу в своем родном гнезде, то есть там, где не нужно будет больше отказывать себе в вечерах с Розалиндой Холл.

И вот уже три дня кряду с девяти утра до пяти вечера он вышагивал по комнате, стараясь сосредоточиться. Трезвый, но временами близкий к безумию. Вечерами он позволял себе расслабиться, зная, что принуждение мозга к работе в позднее время принесет больше вреда, чем пользы. Это означало почитать и выпить несколько бокалов. Точнее говоря, пять — дозу, которая снимет напряжение, но не позволит упиться и утром не вызовет похмелья. Он делал между бокалами равные промежутки, чтобы их хватило на весь вечер, до одиннадцати часов. Ровно в одиннадцать наступало время отхода ко сну — по крайней мере, пока он жил в этом домике. Нет ничего лучше размеренного образа жизни... вот только до сих пор он не очень-то помогал.

В восемь четырнадцать Люк налил себе третий бокал — его должно было хватить до девяти — и сделал небольшой глоток. Он попытался читать, но безуспешно, поскольку теперь, когда он старался сосредоточиться на чтении, его мозг предпочитал думать о сочинительстве. У них, у мозгов, такое часто бывает.

И, вероятно, потому, что особо не тужился, Люк был сейчас ближе к идее новой книги, чем все последние дни. Он лениво размышлял, что если бы, к примеру марсиане...

В дверь постучали.

Прежде чем отставить бокал и встать с кресла, Люк удивленно уставился на дверь. Вечер был таким тихим, что никакая машина не могла бы подъехать неслышно, и уж наверняка никто бы не поперся сюда пешком.

Стук повторился, на этот раз громче.

Люк подошел к двери, открыл ее и выглянул наружу, на резкий яркий свет Луны. В первый момент он никого не заметил, но потом глянул вниз.

— О нет... — простонал он.

Это был маленький зеленый человечек. Сантиметров восьмидесяти росту.

— Привет, Джонни, — сказал он. — Это Земля?

— О нет... — повторил Люк Деверо. — Не может быть.

— Почему не может? Должна быть. Смотри. — Пришелец ткнул вверх. — Одна луна и как раз нужных размеров. Земля — единственная планета Системы с одним спутником. У моей их два.

— О Боже, — вздохнул Люк. В Солнечной системе есть только одна планета, у которой два спутника.

— Слушай, Джонни, возьми-ка себя в руки. Земля это или нет?

Люк молча кивнул.

— Отлично, — сказал человечек. — С этим разобрались. А с тобой что такое?

— З-з-з... — сказал Люк.

— Спятил ты, что ли? Так-то вот у вас встречают гостей? Ты даже не предложишь мне войти?

— В-входи.. — сказал Люк и отступил в сторону.

В доме марсианин осмотрелся и поморщился.

— До чего паршивая нора, — заметил он. — Вы, люди, все так живете, или ты из тех, кого зовут белым отребьем? Какая омерзительная мебель!

— Я ее не выбирал, — сказал Люк, оправдываясь. — Это все принадлежит моему другу.

— Значит, ты плохо выбираешь друзей. Ты тут один?

— Я как раз думаю над этим, — ответил Люк. — Еще вопрос, верить ли мне в тебя. Откуда я знаю, может, ты просто пьяная галлюцинация?

Марсианин легко вскочил на кресло и уселся в нем, болтая ногами.

— Знать ты этого не можешь, но если так думаешь, значит, и впрямь напился.

Люк открыл рот, затем снова закрыл его. Он вдруг вспомнил о бокале и ощупью поискал его за спинкой, но вместо того чтобы схватить бокал, опрокинул его тыльной стороной ладони, и вся выпивка вылилась на стол и на пол. Люк выругался, но тут же утешил себя, что питье было не очень крепким, а для такого случая требовалось что-нибудь убойное. Он подошел к раковине, где держал бутылки с виски, и налил себе полстакана чистого.

Сделав большой глоток, он едва не поперхнулся, но убедившись, что все попало в нужную дырку, уселся, держа стакан в руке и разглядывая своего гостя.

— Ты что, глаз на меня положил? — спросил марсианин.

Люк не ответил. Он положил на него оба глаза и пока не собирался их закрывать. Теперь он видел, что пришелец был гуманоидом, но не человеком, и это развеяло легкое подозрение, что кто-то из друзей нанял циркового лилипута, чтобы подшутить над ним.

Марсианин или нет, гость решительно не был человеком. На карлика он не походил, ибо тело его было очень коротким и пропорциональным веретенообразным рукам и ногам, а у карликов тела длинные, а конечности короткие. Голова его была относительно большой и более сферичной, чем человеческая, причем, совершенно лысой. Не видно было никаких признаков щетины, и Люк подумал, что это существо отроду лишено волос.

На лице у него имелось все, что должно иметь лицо, но не в привычных соотношениях. Губы в два раза шире губ человека, равно как и нос; глаза маленькие и живые, посаженные довольно близко. Уши тоже очень маленькие и без мочек. В лунном свете кожа марсианина казалась оливковой, а при искусственном освещении — изумрудной.

Ладони имели по шесть пальцев. Это означало, что и на ногах марсианина их, вероятно, тоже по шесть, но поскольку он был обут, проверить это не представлялось возможным.

Ботинки он носил темно-зеленые, остальная одежда — штаны в обтяжку и свободная рубашка, сделанные из од-

ного и того же материала, похожего на замшу — была того же цвета. Шляпы не было.

— Я начинаю в тебя верить, — удивленно сказал Люк и хлебнул еще раз.

Марсианин рассмеялся.

— Неужели все люди такие же тупые и такие же невежливые? Сами пьют, а гостям не предлагают?

— Извини, — сказал Люк. Он встал и пошел за бутылкой и вторым стаканом.

— Это не значит, что мне выпить невтерпеж, — продолжал марсианин. — Я вообще не пью. Мерзкая привычка. Но ты мог бы предложить.

Люк уселся обратно и вздохнул.

— Мог бы, — признал он. — Еще раз прошу прощения. А теперь начнем все сначала. Меня зовут Люк Деверо.

— Чертовски глупое имя.

— Может, и твое покажется глупым мне? Могу я спросить?

— Конечно, о чем разговор.

Люк снова вздохнул.

— Как тебя зовут?

— У марсиан нет имен. Дурацкий обычай.

— Но полезный, когда к кому-то обращаешься. Например... ну-ка, ну-ка, разве ты не назвал меня Джонни?

— Разумеется, назвал. Мы вас всех называем Джонни — или аналогами этого имени на языках, которыми владеем. Зачем запоминать имя каждого, с кем разговариваешь?

Люк глотнул виски.

— Гмм, — буркнул он. — Может, в этом что-то и есть. Однако, перейдем к более важным делам. Откуда мне знать, что ты действительно тут находишься?

— Джонни, я уже говорил, что ты перебрал.

— В этом-то и весь вопрос, — ответил Люк. — Так ли это на самом деле? Если ты действительно здесь сидишь, я охотно соглашусь с тем, что ты не человек, а если признаю это, то не вижу причин не верить тебе на слово, откуда ты взялся. Но если тебя здесь нет, то либо я упился, либо у меня галлюцинации. Вот только я не пьян: до того, как тебя увидеть, я выпил всего два бокала со льдом, а этого и киске не хватит.

— Так зачем же ты пил?

— Это не имеет значения для вопроса, который мы

Queen
BOURBON

обсуждаем. Остаются две возможности — либо ты сидишь там на самом деле, либо я усосался.

— А почему ты решил, что эти возможности исключают друг друга? Я здесь сижу наверняка, но не знаю, псих ты или нет. Впрочем, это меня совсем не волнует.

Люк вздохнул. Похоже, потребуется много вздохов, чтобы совладать с марсианином. Или много выпивки. Стакан был пуст. Люк пошел и наполнил его виски, опять чистым, но теперь добавил несколько кубиков льда.

Прежде чем он вернулся на свое место, в голову ему пришла одна мысль.

Отставив стакан, он сказал: «Извини, я на минутку», и вышел. Если марсианин настоящий, где-то рядом должен стоять космический корабль.

Но пусть даже он есть, разве это что-то докажет? Раз уж ему привиделся марсианин, почему не может привидеться и космический корабль?

Однако никакого космического корабля не было, ни иллюзорного, ни настоящего. Луна светила ярко, а местность была ровной, и Люк видел далеко. Он обошел вокруг дома и стоящей за ним машины, так что мог взглянуть на все четыре стороны. Никакого корабля.

Он вернулся в дом, сел в кресло и от души хлебнул большой глоток виски, а затем уличающе ткнул перстом в марсианина.

— Нет никакого корабля.

— Разумеется.

— В таком случае, как же ты сюда попал?

— Это не твое собачье дело, но я скажу. Я приквимил.

— Что ты имеешь в виду?

— А вот это... — ответил марсианин и исчез с кресла. Слово «вот» донеслось еще с кресла, а «это» — уже из-за спины Люка.

Он повернулся. Марсианин сидел на краю газовой плиты.

— Боже... — молвил Люк. — Телепортация.

Марсианин исчез. Люк снова повернулся и снова обнаружил его в кресле.

— Никакая не телепортация, — сказал марсианин. — Квимение. Для телепортации нужна техника, а для квимения только мозг. Ты этого не можешь, потому что недостаточно развит.

Люк выпил еще.

— И так ты проделал весь путь с Марса?

— Конечно. За секунду до того, как постучал в твою дверь.

— Ты приквимивал сюда раньше? Допустим... — Люк снова ткнул в него пальцем. — Держу пари, что довольно часто. Именно на этом основаны легенды о гномах и...

— Вздор! — отмахнулся марсианин. — У вас, людей, проблемы с мозгами и этим вызваны ваши суеверия. Меня здесь никогда раньше не бывало. Никого из нас не было. Мы только что открыли принцип квимсния на большие расстояния, а до сих пор могли перемещаться только по Марсу. Чтобы сделать его межпланетным, нужно севить хокиму.

Люк еще раз ткнул перстом.

— Тут ты и попался. Как же ты можешь говорить по-английски?

Губы марсианина презрительно скривились. Эти губы превосходно подходили для того, чтобы презрительно кривиться.

— Я говорю на всех ваших примитивных языках. По крайней мере тех, на которых идут радиопередачи, а все остальные могу изучить в течение часа каждый. Дешевка. А вот вам не изучить марсианского даже за тысячу лет.

— Ну, знаешь ли! — воскликнул Люк. — Ничего удивительного, что вы презираете людей, если составили мнение о нас по нашим радиопрограммам. Признаться, большинство из них вообще ни к черту.

— Значит, большинство из вас тоже ни к черту, иначе вы не пускали бы их в эфир.

У Люка уже кончалось терпение и виски в стакане. Он уже начинал верить, что перед ним настоящий марсианин, а не плод его воображения или безумия. «А-а, — вдруг подумал он, — что мне терять? Если я спятил, ничего не поделаешь, но если это взаправду марсианин, нельзя упустить такую возможность».

— Как там у вас, на Марсе? — спросил он.

— Не твое собачье дело, Джонни.

Люк еще раз глотнул из бокала, сосчитал до десяти и решил быть таким спокойным и рассудительным, как только возможно.

— Слушай, — сказал он. — Сначала я вел себя грубо, потому что ты застал меня врасплох. Хочу перед тобой извиниться. Почему бы нам не стать друзьями?

— А зачем? Ты принадлежишь к примитивной расе.

— Потому что тогда наш разговор станет приятнее для нас обоих.

— Не для меня, Джонни. Мне понравилось дразнить людей. Люблю ругаться. Если ты решил меня разжалобить, я пойду поговорю с кем-нибудь другим.

— Подожди, не... — Люк вдруг понял, что выбрал неверную тактику, если хотел задержать марсианина. — Ну так вали отсюда, если уж собрался, — буркнул он.

Марсианин широко улыбнулся.

— Так-то оно лучше! Теперь можно и поговорить.

— Зачем тебя принесло на Землю?

— Это тоже не твое собачье дело, но я с удовольствием отвечу. Зачем на вашей паршивой планетке люди ходят в зоопарк?

— И долго ты будешь здесь развлекаться?

Марсианин склонил голову набок.

— Настырный ты парень, Джонни. Я тебе не справочное бюро. Что я делаю и зачем — не твое дело. Скажу тебе одно — я прибыл не затем, чтобы преподавать в детском саду.

Стакан Люка снова был пуст, и он снова наполнил его.

Если гость желает поругаться, пожалуйста.

— Ах ты, маленький зеленый прыщ, — сказал он, — какого черта я не подумал о том, чтобы...

— Сделать что? Мне? Ты и кто еще?

— Я с фотоаппаратом и вспышкой, — ответил Люк, недоумевая, почему не сообразил насчет этого раньше. — Я хочу сделать хотя бы один снимок. Когда я его проявлю...

Он поставил бокал и бросился в спальню. К счастью, в аппарате была пленка, а во вспышке батарея: собираясь, он сунул их в чемодан, конечно, не для съемки марсиан, а потому, что Бенсон рассказывал о койотах, часто подходящих по ночам к дому. Люк рассчитывал снять одного из них.

Вернувшись обратно, он быстро отрегулировал аппарат, поднял его одной рукой, держа в другой вспышку.

— Хочешь, чтобы я позировал? — спросил марсианин. Он сунул большие пальцы в уши и замахал остальными десятью. Потом скосил глаза и показал длинный зеленовато-желтый язык.

Люк так его и щелкнул.

Вкрутив во вспышку новую лампу, он перевел кадр и еще раз поднял аппарат к глазам. Однако марсианина на месте не было, его голос доносился из другого угла комнаты.

— Одного хватит, Джонни. Не докучай мне больше.

Люк молниеносно повернулся и направил аппарат в ту сторону, но прежде чем он успел поднять вспышку, марсианин исчез. Голос из-за спины посоветовал Люку не выставлять себя большим идиотом, чем он уродился.

Сдавшись, Люк отложил аппарат. Худо-бедно, один снимок у него есть. Когда он его проявит, на нем будет или марсианин, или пустой стул. Жаль, что пленка не цветная, но всего иметь невозможно.

Он вновь взял стакан и уселся, потому что пол под ногами начал слегка раскачиваться. Пришлось выпить еще, чтобы его успокоить.

— Дерьмо... — сказал он. — Слушай, вы, значит, принимали наши радиопередачи. А как у вас с телевидением, отсталые космиты?

— Что такое телевидение, Джонни?

Люк объяснил ему.

— Волны этого типа не доходят так далеко, — сказал марсианин. — И слава Аргесу. Даже просто слушать вас, людей, противно. Теперь, когда я уже повидал человека и знаю, как вы выглядите...

— Тупи-цы, — отчеканил Люк. — Не изобрели телевидения.

— А зачем? Нам оно не нужно. Если в нашем мире происходит такое, что мы хотим увидеть, мы просто квимим туда. Скажи, я случайно наткнулся на такую диковину, или все остальные люди такие же мерзкие, как ты?

Люк едва не подавился виски.

— Ах ты... слушай, думаешь на тебя приятно смотреть?

— Для другого марсианина приятно.

— Держу пари, что девчонки от тебя бьются в истерике, — сказал Люк. — То есть, если у вас на Марсе есть девчонки.

— Да, мы двуполые, но, слава Аргесу, не как вы. Неужели вы, земляне, действительно ведете себя так мерзко, как герои ваших радиопостановок? И чувствуете к вашим самкам то, что называете любовью?

— Не твое собачье дело, — отшил его Люк.

— Это ты так думаешь, — заметил марсианин.

И исчез.

Люк встал — не очень уверенно — и огляделся, чтобы

проверить, не сквимил ли пришелец в другую часть комнаты. Не сквимил.

Он снова сел и тряхнул головой, чтобы та прояснилась, а потом глотнул виски, чтобы снова ее затуманить.

Слава Богу, или Аргесу, что он сделал фотографию. Завтра утром он вернется на машине в Лос-Анджелес и отдаст ее проявлять. Если на ней окажется пустой стул — сам отдастся в руки психиатра, и поскорее. Если же там будет марсианин... Что ж, тогда он решит, что делать, если еще можно будет что-то сделать.

А пока самым разумным было поскорее напиться. Он и так выпил слишком много, чтобы рисковать и ехать на машине ночью, а чем быстрее заснет с перепою, тем быстрее проснется утром.

Люк прикрыл глаза, а когда снова их открыл, в кресле перед ним сидел марсианин и широко улыбался.

— Я заглянул в твою спальню, больше похожую на хлев, и прочел письма к тебе. Фу, что за бред!

«Письма? Нет у меня с собой никаких писем», — подумал Люк, и тут же вспомнил, что есть. Три письма от Розалинды, написанные ему, когда он был в Нью-Йорке три месяца назад. Люк встречался со своим издателем, убеждая того заплатить дополнительный аванс за книгу, которую сейчас пытался начать. Он провел там неделю, главным образом для того, чтобы обновить знакомства с издателями журналов, и писал Розалинде каждый день, а она написала ему трижды. Это были единственные письма, которые он от нее получил. Люк бережно хранил их. В чемодан он их сунул, собираясь прочесть еще раз, если одолеет одиночество.

— Клянусь Аргесом, экий вздор, — сказал марсианин. — И что за кретинский способ записывать свой язык. Я провозился не меньше минуты, прежде чем соотнес буквы со звуками. Подумать только — язык, в котором различные слова произносятся одинаково!

— Черт возьми! — воскликнул Люк. — Ты не имеешь права читать мои письма!

— Цып-цып, — сказал марсианин. — Я имею право делать все, что мне нравится, а ты не хотел рассказывать о ваших любовных обычаях. «Сокровище, дорогой, любимая»!

— Так ты, значит, их прочел, ты, маленький зеленый прыщ! О, если бы...

— И что тогда? — презрительно спросил марсианин.

— Пинками загнал бы тебя обратно на Марс, вот что! — сказал Люк.

Марсианин хрипло засмеялся.

— Береги силы, Джонни, для любви со своей Розалиндой. Пари, что ты уверен, будто она всерьез писала все те свинства, которыми кормила тебя в своих письмах. Пари, что ты уверен, будто она так же втюрилась в тебя, как ты в нее.

— Так же втюрилась... то есть, я хотел сказать, чтоб тебе лопнуть...

— Не заработай язву, Джонни. На конверте был адрес — я сейчас к ней сгоняю и проверю для тебя. Не благодари.

— А ну сядь...

Люк снова оказался один.

И стакан его снова был пуст. Преодолев трудный путь до раковины, он наполнил его еще раз. Давно он так не пил, но чем быстрее он накачается, тем будет лучше. И если это возможно, то прежде, чем вернется марсианин, если он и вправду существует.

Люк не мог уже больше этого терпеть. Галлюцинация или реальность — он готов был тут же выбросить марсианина в окно.

И, вероятно, начал бы межпланетную войну.

Опять усевшись в кресло, он сделал большой глоток. Это должно подействовать.

— Как дела, Джонни? Ты еще можешь языком ворочать?

Люк открыл глаза, вспоминая, когда же это он их закрыл. Марсианин вернулся.

— Пшел вон, — сказал Люк. — Убирайся. Завтра я...

— Возьми себя в руки, Джонни. У меня для тебя новость, прямо из Голливуда. Твоя куколка дома и грустит по тебе как ненормальная.

— Да? Я же говорил, что она меня любит, правда? Ты, маленький зеле...

— Так по тебе грустит, что нашла себе утешителя. Высокого блондина. Она звала его Гарри.

Это на мгновение отрезвило Люка. Да, у Розалинды был друг по имени Гарри, но то была платоническая связь — они дружили, потому что работали в одном отделе студии «Парамаунт». Сейчас он убедится что марсианин врет, а потом влепит ему за сплетни по первое число.

— Гарри Сандерман? — спросил он. — Такой худо-

щавый, надменный, всегда носит крикливое спортивное пальто?..

— Не угадал. Этот Гарри — не тот Гарри, Джонни. Особенно, если всегда носит крикливое спортивное пальто. Этот Гарри не носил ничего, кроме часов.

Люк Деверо взвыл, затем кое-как встал и бросился на марсианина. Вытянутые руки его сомкнулись на зеленой шее и... прошли сквозь нее, встретившись друг с другом.

Маленький зеленый человечек широко улыбнулся ему, показал язык и тут же втянул его обратно.

— Хочешь знать, что они делали, Джонни? Твоя Розалинда и ее Гарри?

Люк не ответил. Пошатываясь, вернулся он к стакану и одним глотком прикончил его.

И это было последнее, что он помнил, когда проснулся утром. Он лежал в кровати — сумел, значит как-то дотащиться до нее — однако поверх одеяла, а не под ним, причем в одежде, включая туфли на ногах.

Голова разламывалась с похмелья, во рту — словно кошки нагадили.

Он встал и со страхом огляделся.

Никакого зеленого человечка.

Люк подошел к двери в комнату и внимательно осмотрел ее. Взглянул на газовую плиту, прикидывая, стоит ли кофе усилий, потребных, чтобы его приготовить.

Наконец решил, что нет, поскольку можно было получить готовый по дороге в город, в километре от выезда на шоссе. И чем раньше он туда доберется, тем лучше. Он даже не будет мыться и собираться, заберет свои вещи потом. Или попросит кого-нибудь сделать это за него, если самому какое-то время придется провести в психушке.

В эту минуту единственным его желанием было оказаться подальше отсюда, а все прочее пусть горит ясным пламенем. Он не будет даже бриться, пока не вернется домой; в квартире есть запасная бритва, а вся порядочная одежда и так там.

А что потом?

Э-э, потом видно будет, что потом. Похмелье отступит, и можно будет спокойно все обдумать.

Тащась через комнату, он заметил фотоаппарат, помешкал мгновенье, потом взял с собой. Можно отдать пленку проявлять, а уж потом предаваться тяжким раздумьям. Был все-таки один шанс из тысячи, что в кресле сидел настоящий марсианин, а не галлюцинация, если за-

быть, что ладони прошли сквозь него. Возможно, марсиане обладают и другими удивительными способностями, кроме квимения.

Да, если на снимке окажется марсианин, это изменит все мышление Люка, а помышлять о таких материях лучше не с похмелья.

Если марсианина на снимке не будет, единственным разумным поступком — если бы он сумел пересилить себя — был бы звонок к Марджи и вопрос о фамилии психиатра, к которому она так часто пыталась отправить Люка за время их супружеской жизни. До свадьбы Марджи была сиделкой во многих заведениях для душевнобольных, и пошла работать в очередное, когда бросила Люка. Кроме того, она рассказывала, что в колледже специализировалась по психологии и, если бы могла позволить себе продолжать учебу, сама стала бы психиатром.

Люк вышел, захлопнул дверь и направился к своей машине.

На капоте ее сидел маленький зеленый человечек.

— Привет, Джонни, — сказал он. — Выглядишь ты неважно, но сам виноват. Пьянство — страшный порок.

Люк вернулся к двери и вошел в дом. Схватив бутылку, налил себе и выпил для куражу. До этого он воздерживался от опохмелки, но раз галлюцинации продолжаются... что ж, клин клином вышибают. Когда перестало жечь горло, он почувствовал себя лучше в физическом смысле. Но не намного.

Он снова закрыл дом и подошел к машине. Марсианин по-прежнему был там. Люк сел за руль и запустил двигатель. Потом выставил голову из окна.

— Эй! — крикнул он. — Как я могу видеть дорогу, если ты тут маячишь?

Марсианин оглянулся и язвительно фыркнул.

— А мне какое дело, видишь ты дорогу или нет? Если ты во что-то врежешься, со мной-то ничего не случится.

Люк вздохнул и поехал. Участок разбитой дороги до шоссе он проехал, выставив голову в окно. Галлюцинация или нет, но он ничего не видел сквозь зеленого человечка, так что приходилось смотреть мимо него.

Стоило ли останавливаться у бара, чтобы выпить кофе? В конце концов, почему бы и нет? Может, марсианин останется там, где сидит? А если он полезет за ним в бар, то о чем беспокоиться — все равно его никто не заметит. Главное, ни о чем с ним не разговаривать.

Когда Люк заехал на стоянку, марсианин соскочил с капота машины и пошел за ним в бар. Клиентов в заведении не было — такое иногда случалось. Только бармен с землистым лицом в некогда белом фартуке.

Люк сел на высокий стул, марсианин подпрыгнул, встал на соседний и оперся локтями о стойку.

Бармен повернулся и уставился, но мимо Люка.

— О боже, — пробормотал он. — Еще один.

— Да? — не понял Люк. — Еще один кто? — Он наконец сообразил, что пальцы у него свело — он слишком сильно ухватился за край стойки.

— Еще один чертов марсианин, — объяснил бармен. — Вы что, его не видите?

Люк глубоко втянул в легкие воздух и медленно выдохнул.

— Вы хотите сказать, что их больше?

Бармен потрясенно вытаращился на Люка.

— Парень, где ты был нынче ночью? Один в пустыне, без радио и телевизора? Боже, да их тут верный миллион.

2

Бармен ошибался. Потом подсчитали, что их было около миллиарда.

Оставим ненадолго Люка Деверо — мы вернемся к нему позже — и посмотрим, что происходило в других местах, пока Люк принимал гостя в домике Бенсона неподалеку от Индио.

Около миллиарда марсиан. Примерно по одному на троих землян — мужчин, женщин и детей.

Их было почти шестьдесят миллионов только в одних Соединенных Штатах. Как оказалось, везде они появились одновременно. В поясе атлантического времени было двадцать четырнадцать. В других поясах — по-своему. В Нью-Йорке это произошло на три часа позже, в двадцать три четырнадцать, когда театры открывали двери, а ночные рестораны заполнялись посетителями. После прихода марсиан они стали куда более шумными, чем прежде. В Лондоне часы показывали четыре четырнадцать утра... и марсиане с радостью помогали людям проснуться. В Москве было уже семь четырнадцать, люди собирались на работу и то, что многие все-таки пошли туда, свиде-

тельствует о незаурядной отваге. Или, может, Кремля боялись больше, чем марсиан. В Токио было тринадцать четырнадцать, в Гонолулу — восемнадцать четырнадцать.

Множество людей погибло в тот вечер... или полдень; в зависимости от того, где они находились.

Только в Соединенных Штатах потери оцениваются в тридцать тысяч человек, большинство — в первые несколько минут после нашествия марсиан.

Одни умерли от сердечного приступа, другие — от апоплексического удара. Немало погибло от огнестрельных ран, ибо многие схватились за оружие и принялись палить в марсиан. Пули проходили сквозь них, не причиняя никакого вреда, но очень часто попадали в других людей. А некоторые марсиане вквимили в движущиеся машины, обычно на переднее сиденье, рядом с водителем.

Вопль «Газу, Джонни, газу!», доносящийся с места, которое водитель считает пустым, отнюдь не помогает управлению, даже если не поворачивать голову, чтобы посмотреть, что там за чертовщина.

Среди марсиан жертв не было, хотя люди и нападали на них — порой от одного их вида, однако чаще, как в случае Люка Деверо, спровоцированные на это — с огнестрельным оружием, с ножами, топорами, стульями, тарелками, вилами, мясницкими топорами, саксофонами, книгами, столами, французскими ключами, молотками, косами, ночниками и газонокосилками. Короче, со всем, что попадало под руки. Марсиане злорадно смеялись и делали оскорбительные замечания.

Некоторые старались подружиться с ними — и с этими людьми марсиане вели себя куда гнуснее.

Впрочем, где бы они ни появлялись и как бы ни бывали приняты, утверждение, что они вызвали замешательство и беспорядки, было бы недомолвкой века.

3

Возьмем, к примеру, печальные события на телевизионной студии KVAK в Чикаго. Не потому, что тамошние события в принципе отличались от того, что случилось на всех прочих телестудиях, передававших в прямом эфире. Мы просто не можем представить их все.

Это был спектакль с участием ведущих звезд. В сокращенной телевизионной версии «Ромео и Джульетты» выступал Ричард Бретайн, величайший шекспировский актер мира, а вместе с ним — Элен Фергюссон.

Действие началось в восемь часов вечера и через четырнадцать минут подошло к сцене на балконе из второго акта. На балкон вышла Джульетта, а внизу Ромео начал возвышенно декламировать известнейшие романтические строфы:

— Но что за блеск я вижу на балконе?
Там брезжит свет. Джульетта, ты как день!
Стань у окна, убей луну соседством...*

Он как раз дошел до этих слов, как вдруг на перилах балкона, в полуметре от Элен Фергюссон, возник маленький зеленый человечек.

Ричард Бретайн поперхнулся и потерял дар речи, но потом все-таки справился с собой и продолжил монолог. Не было никаких доказательств того, что кто-то еще видит то же, что и он. Что бы там ни было — представление должно продолжаться.

И он читал дальше:

Она и так от зависти больна,
Что ты ее затмила белизною.
Оставь служить богине чисто...

Слово «чистоты» увязло у него в горле. Он умолк, чтобы перевести дух, и услышал общий вздох, что шел со всех концов студии.

И в этот момент маленький зеленый человечек произнес громко, отчетливо и насмешливо:

— Джонни, ты порешь чушь, и отлично знаешь это.

Джульетта выпрямилась, повернулась и увидела то, что находилось рядом с ней на балконе. Взвизгнув, она повисла на перилах в глубоком обмороке.

Зеленый человечек спокойно посмотрел на звезду.

— Что с тобой, киска? — удивился он.

Режиссер был отважным мужчиной и человеком действия. Двадцать лет назад он служил в морской пехоте, шел впереди, а не за спинами своих людей во время штурма Таравы и Квелейна, и получил две медали за мужество, превосходящее его служебный долг во времена,

* Перевод Б. Пастернака.

когда мужество даже в пределах этого долга практически равнялось самоубийству. С тех пор он обзавелся тридцатью килограммами лишнего веса и животиком, но попрежнему оставался человеком смелым.

И он доказал это, выбежав из-за камеры, чтобы схватить пришельца и вышвырнуть его.

Он его схватил, но ничего не произошло. Маленький зеленый человечек громко фыркнул, потом вскочил на перила и, пока руки режиссера тщетно пытались ухватить его голени, а не одна другую, повернулся лицом к камере, поднял правую руку, приложил большой палец к носу и помаячил остальными.

В этот момент парень в пультовой пришел в себя настолько, чтобы снять спектакль с эфира, и никто из зрителей не узнал, что там было дальше.

Впрочем, если уж о том речь, из почти полумиллиона человек, смотревших представление по своим телевизорам, весьма немногие досмотрели до этого места. В их собственных гостиных появились их собственные марсиане, и им стало не до Шекспира.

4

Или возьмем печальные случаи с парами, проводящими медовый месяц — ведь в каждый момент времени, даже прямо сейчас, многие пары проводят медовый месяц или что-то вроде... Так сказать, в неофициальном смысле.

Возьмем пример супругов Уильяма Р. и Дороти Грюдеров, возраст соответственно двадцать пять и двадцать два года, которые в тот самый день поженились в Денвере. Билл Грюдер был лейтенантом флота и служил инструктором на Острове Сокровищ в Сан-Франциско. Его невеста Дороти, в девичестве Армстронг, работала в отделе объявлений чикагской «Трибюн». Они познакомились и полюбили друг друга, когда Билл находился на учебной базе у Великих Озер в окрестностях Чикаго. Когда Билла перевели в Сан-Франциско, они решили пожениться в первый же день недельного отпуска Билла, встретившись для этого на половине пути, в Денвере, и уместить в эту неделю весь медовый месяц, после которого он вернется в Сан-Франциско, а она поедет с ним.

Поженились они ровно в четыре того самого дня и, если бы знали, что произойдет через несколько часов, не-

медленно пошли бы в отель, чтобы насладиться своим супружеством без марсиан. Но они, разумеется, этого не знали.

Впрочем, им еще повезло. Они не сразу подцепили марсианина и, значит, имели время морально подготовиться к встрече с ним.

В девять четырнадцать того самого вечера наша парочка входила в номер отеля — после ужина с танцами и пары коктейлей, — убедив самих себя и один другого, что обладают достаточной силой воли, чтобы дождаться подходящего времени лечь в постель, и что поженились они не только ради этого. Гостиничный бой поставил на пол их чемоданы.

Когда Билл вручил ему несколько великоватые чаевые, они услышали первый, как выяснилось позже, из целой серии звуков. Кто-то крикнул в соседней комнате, и крик этот прозвучал эхом других, более отдаленных воплей, что неслись, казалось, со всех сторон. Слышны были гневные мужские возгласы, потом один за другим прогремели шесть выстрелов, словно кто-то опустошил барабан револьвера. В коридоре затопали.

С улицы донесся автомобильный гудок, резкий визг тормозов, а потом снова выстрелы. И громкий вскрик в комнате справа, слишком сдавленный, чтобы можно было разобрать слова, но очень похожий на проклятье.

Билл сурово посмотрел на боя.

— Я думал, у вас спокойный отель. Раньше здесь было тихо.

Лицо парня отражало замешательство.

— Сейчас тоже, сэр. Понятия не имею, что там...

Быстро подойдя к двери, он открыл ее и выглянул в коридор. Однако, кто бы там ни бегал, он уже скрылся за поворотом.

— Прошу прощения, сэр, — сказал бой через плечо. — Не знаю, что происходит, но наверняка что-то случилось. Я, пожалуй, спущусь вниз, а вам советую немедленно закрыть дверь на защелку. Спокойной ночи и большое вам спасибо.

Когда он закрыл дверь, Билл защелкнул задвижку и обратился к Дороти:

— Пустяки, дорогая. Не бери в голову.

Он шагнул к жене, но остановился, когда послышались новые выстрелы — на сей раз с улицы, ведущей к отелю — и снова торопливый топот. Их комната находилась на

четвертом этаже и одно окно было приоткрыто, так что звуки доносились ясно и отчетливо.

— Минуточку, дорогая, — сказал Билл. — Что-то странное происходит...

Он приблизился к окну, открыл его до самого верха, высунул голову и посмотрел вниз. Дороти присоединилась к нему.

Сначала они ничего не заметили, кроме пустой улицы со стоящими машинами. Потом из подъезда дома напротив выбежали мужчина и ребенок. Ребенок? Даже с такого расстояния и в слабом свете выглядел он довольно странно.

Мужчина остановился и сильно пнул ребенка, если это, конечно, был ребенок. Молодым показалось, что нога мужчины прошла сквозь малыша.

Мужчина опрокинулся — отличный плюх на ягодицы, который был бы смешон в другое время, — затем встал и побежал дальше, а ребенок следом за ним. Один из них что-то говорил, но нельзя было ни разобрать слов, ни определить, кто из двоих говорит, вот только голос совсем не походил на детский.

Вскоре они исчезли за углом. С другой стороны, из глубины ночи доносились звуки стрельбы.

Однако больше ничего не было видно.

Супруги переглянулись.

— Билл, что... — начала Дороти. — Может, это начало революции или... или что-то похуже?

— Черт возьми, нет. Только не у нас. Хотя... — взгляд его остановился на радиоавтомате. Подойдя к нему, он вынул из кармана горсть монет, нашел среди них четвертак, сунул в отверстие и повернул ручку. Девушка присоединилась к мужу и так они стояли, обнявшись, перед приемником, дожидаясь, пока прогреются лампы. Когда из динамика послышался шум, Билл принялся крутить ручку настройки и скоро раздался голос, громкий и возбужденный.

«...Марсиане, наверняка марсиане, — говорил он. — Пожалуйста, не впадайте в панику. Бояться их нечего, однако не пробуйте на них нападать — это ничего не даст. Кроме того, они безвредны. Они не угрожают вашему здоровью и жизни по той же причине, по которой вы не можете быть опасны для них. Повторяю, они безвредны.

Повторяю еще раз: вы не сможете им повредить. Ваша рука пройдет сквозь них, как сквозь дым. Пули, ножи и

прочее бесполезны по той же причине. Насколько нам известно, никто из них не пытался ранить человека, поэтому соблюдайте спокойствие и не впадайте в панику».

Вмешался другой голос, в пух и прах разбивая все только что сказанное, но диктор заговорил громче, чтобы его заглушить:

«Да, вот один сидит на моем столе, прямо передо мной, и что-то говорит, но я держу микрофон так близко к губам, что...»

— Билл, это все вранье, радиопостановка. Вроде той, о которой мне рассказывали родители... она была лет двадцать назад. Поймай другую станцию.

— Хорошо, дорогая, — ответил Билл. — Это наверняка какая-то шутка. — И он повернул ручку.

Теперь стал слышен другой голос:

«...спокойно, соотечественники! Многие уже поубивали других людей или покалечили, пытаясь убить марсиан, а они, надо сказать, вообще не убивают. Так что не делайте ничего такого и соблюдайте спокойствие. Да, они по всему миру, а не только у нас, в Денвере. Часть нашего персонала прослушивает другие станции, принимая столько, сколько может, и пока нет ни одной, которая не упомянула бы о них, хотя бы и с другого конца мира.

Но они не причинят вам вреда. Повторяю: марсиане не причинят вам никакого вреда. Так что нечего волноваться. Минуточку! Один из них уселся мне на плечо — старается что-то мне втолковать, правда я не знаю, что, потому что говорю сам. Попробую предложить ему микрофон и попросить рассеять ваши сомнения. Он не был... гммм... вежлив с нами, однако верю, что когда узнает, что обращается к миллионам слушателей, то будет, гммм... Коллега, не мог бы ты развеять сомнения нашей огромной аудитории?»

Заговорил другой голос, более высокий, чем у диктора:

«Спасибо, Джонни. Тебе я уже говорил, чтобы ты поцеловал меня в задницу, а теперь рад сказать всем этим твоим миллионам, чтобы...»

Радиостанция умолкла намертво.

Рука Билла свалилась с плеча Дороти, а ее рука — с его плеча. Широко раскрытыми глазами уставились они друг на друга. Потом Дороти робко произнесла:

— Дорогой, попробуй еще с одной станцией. Не может же...

Билл Грюдер потянулся к радио, но так и не дотянулся.

Кто-то за их спинами произнес:

— Привет, Джонни. Привет, киска.

Они обернулись и увидели сами знаете кого. Закинув ногу на ногу, он сидел в проеме окна, из которого несколько минут назад они выглядывали на улицу.

Никто не произнес ни слова, и так прошла целая минута. Ничего не происходило, только ладонь Билла нашла ладонь Дороти и стиснула ее.

Марсианин широко улыбнулся им.

— Языки проглотили, да?

Билл откашлялся.

— Это не иллюзия? Ты действительно мар... марсианин?

— О, Аргес, ну и тупой же ты, Джонни. Мало тебе того, что говорили по радио?

— Ах ты, чертов...

Когда он выпустил руку жены и направился к окну, Дороти схватила его за рукав.

— Билл, успокойся. Помнишь, что говорили по радио?

Билл Грюдер сдержался, но метнул на марсианина испепеляющий взгляд.

— Ну, ладно, — сказал он. — Чего ты хочешь от нас?

— Ничего, Джонни. С какой стати мне от вас чего-то хотеть?

— Ну так убирайся к дьяволу! Нам компания ни к чему.

— Может, вы молодожены?

— Мы поженились сегодня после полудня, — гордо сообщила Дороти.

— Вот здорово, — обрадовался марсианин. — Тогда я и вправду кое-чего хочу. Слыхал я о ваших мерзких любовных обычаях, а теперь смогу и увидеть.

Билл Грюдер освободился из рук жены и энергично прошел в другой конец комнаты. Там он протянул руки к марсианину, сидевшему на подоконнике... и повалился вперед, едва не вылетев при этом в открытое окно.

— Спокойно, спокойно, — сказал марсианин. — Цыпа-цыпа.

Билл вернулся к Дороти и обнял ее, гневно посматривая в сторону окна.

— Черт возьми, — сказал он, — там его нет.

— Это тебе так кажется, дубина, — откликнулся марсианин.

— Все так, как говорили по радио, Билл. Но помни, он тоже не может причинить нам вреда.

— Он уже причиняет. Самим своим существованием.

— Вы знаете, чего я жду, — заметил марсианин. — Если хотите, чтобы я ушел поскорее, не стесняйтесь. Сначала снимите одежды, ладно? Ну, раздевайтесь же.

Билл снова шагнул вперед.

— Ты, маленький зеленый...

Дороти остановила его.

— Билл, дай я попробую по-другому.

Выйдя из-за спины мужа, она умоляюще посмотрела на марсианина.

— Ты ничего не понимаешь. Мы... мы занимаемся любовью, только когда остаемся наедине. Мы не можем и не будем этого делать, пока ты не уйдешь. Прошу тебя, уходи.

— Чепуха, киска. Я останусь.

И остался.

Три с половиной часа сидели они на краешке кровати, пытаясь не обращать внимания на марсианина. И разумеется, не говоря друг другу, что хотят его пересидеть, ибо знали уже, что это еще больше утвердило бы марсианина в его намерениях.

Время от времени они разговаривали или пытались разговаривать, но то была не очень-то умная беседа. Порой Билл подходил к радио, включал его и крутил настройку, надеясь что кто-то нашел способ разделаться с марсианами или давал конструктивные советы вместо призывов соблюдать спокойствие и не поддаваться панике. Билл в панику не ударился, но и спокойным его назвать было нельзя.

К сожалению, одна станция походила на другую — все производили впечатление сумасшедших домов, охваченных анархией... за исключением тех, что молчали. И никто не придумал, как вести себя с марсианами. Иногда читали заявление президента Соединенных Штатов, председателя Комиссии по Атомной Энергии или какой-нибудь не менее важной персоны. Все эти заявления советовали людям соблюдать спокойствие и не волноваться, напоминая, что марсиане безвредны, и что с ними следует подружиться, если это возможно. Однако ни одна станция не сообщила ни об одном землянине, подружившимся с марсианином.

Наконец, Билл в очередной раз плюнул на радио и вернулся на свое место на краю кровати; он совсем забыл, что игнорирует марсианина и пронзил его яростным взглядом.

Марсианин как будто вообще не обращал внимания на Грюдеров. Достав из кармана инструмент, похожий на небольшую свирель, он наигрывал на нем различные мелодии... если конечно, это были мелодии. Звучали они невыносимо и не вписывались ни в какую земную музыкальную форму. Как будто десяти котам разом откручивали хвосты.

Порой он откладывал свирель и, ничего не говоря, поднимал на них взгляд, что раздражало больше любых слов.

В час ночи терпение Билла Грюдера лопнуло.

— К черту! — сказал он. — В темноте он ничего не увидит. Если я опущу шторы и погашу лампу...

— Дорогой, — обеспокоенно спросила Дороти, — откуда нам знать, что он не видит в темноте? Кошки и совы, например, видят.

Билл заколебался, но только на секунду.

— Вздор! Даже если он видит в темноте, то ничего не увидит сквозь одеяло. Мы можем даже раздеться в постели.

Он подошел к окну и с треском захлопнул его, а потом опустил штору, испытав злорадное удовлетворение, когда рука его прошла сквозь марсианина. Опустив вторую штору, он погасил свет и ощупью вернулся к постели.

И хотя необходимость соблюдать тишину несколько сковывала молодоженов и они не позволяли себе даже шепота, все-таки это была настоящая брачная ночь.

Впрочем, они были бы менее довольны — кстати, назавтра так оно и получилось — если бы знали (об этом всем стало известно в течение одного-двух дней), что марсиане видят не только в темноте, но и сквозь одеяло. И даже сквозь стену. Способность видеть в Х-лучах или, что более вероятно, некоторое особое умение вроде квимения, позволяла им видеть сквозь любые твердые тела. Причем очень хорошо: они могли прочесть мелкий шрифт на свернутых документах в задвинутых ящиках и запертых сейфах. Они могли читать письма и книги, не открывая их.

С момента, когда это стало известно, люди поняли, что уже никогда не смогут быть уверены в своем одиночестве, пока черти не заберут марсиан. Даже если ни одного из них нет рядом с вами, он может затаиться в соседней комнате или снаружи здания и смотреть на вас сквозь стену.

Впрочем, мы забегаем вперед, поскольку очень немногие люди узнали или догадались об этом в первую ночь. Хотя Люк Деверо должен бы был это понять, когда марсианин прочел письма от Розалинды, лежавшие в запертом чемодане, он тогда не знал еще, что марсианин просто не мог открыть чемодан и рыться в его вещах. Потом же, когда появилась возможность сопоставить факты, состояние Люка не позволяло ему сопоставлять что бы то ни было с чем бы то ни было. И в ту первую ночь, прежде чем большинство людей узнали об этом, марсиане увидели многое. Особенно те — а их были миллионы, — которые вквимили в спальни с погашенными лампами и выказали достаточно любопытства ко всему, что в них творилось, чтобы какое-то время помалкивать.

5

Второй по популярности спорт Америки для закрытых помещений получил той ночью куда более сильный удар — заниматься им стало просто невозможно.

Вот, к примеру, что произошло с группой покеристов, игравших по четвергам у Джорджа Келлера, что жил на побережьи, в нескольких километрах к северу от Лагуны, в Калифорнии. Джордж был холостяком и пенсионером, он жил там круглый год. Остальные тоже жили в Лагуне; одни ходили на работу, другие владели магазинами.

В тот четверг их было шестеро вместе с Джорджем. В самый раз на хорошую игру, а все они играли хорошо, и ставки были достаточно высоки, чтобы проигравшие оказались на мели. Насчет ставок решают обычно раздающие, но они, как правило, выбирают либо обычный покер, либо открытый с пятью картами — и никогда втемную. Для этих мужчин покер был скорее ритуалом, чем пороком. Четверговые вечера с восьми до часа ночи — а иногда и до двух — были смыслом их жизни, минутами счастья, согревавшими их в остальные дни и вечера. Пожалуй, нельзя назвать их фанатиками, зато адептами — в самый раз. В пять минут девятого они уже сидели в одних рубашках с ослабленными или снятыми галстуками вокруг большого стола в гостиной, готовые начать игру, как только Джордж протасует новую колоду, которую как раз распечатывал. Все купили жетоны и перед каждым стояли

бокалы или открытые банки пива. Пили они неизменно, однако всегда умеренно, чтобы не повредить игре.

Джордж закончил тасовать и раскидал карты, вскрывая их, чтобы проверить, кто получит валета и будет раздавать первым. Выпало Джерри Диксу, главному кассиру местного банка.

Дикс раздал карты и сам выиграл первый круг с тройкой десяток. Однако кон был невелик — только Джордж остался в игре и прикупал карты вместе с ним. К тому же Джордж не мог даже объявить игру; он получил с раздачи пару девяток и не прикупал ничего.

Следующий по очереди Боб Тримбл, хозяин магазина канцелярских товаров, собрал карты для новой раздачи.

— Деньги на кон, парни, — объявил он. — Теперь пойдет веселей. Каждый что-нибудь получит.

В углу комнаты тихо мурлыкало радио. Джордж Келлер любил музыкальный фон и знал, какие станции ловить вечером в четверг.

Тримбл раздал карты. Джордж взял со столика свои и увидел две пары — семерки и тройки. Слишком слабо, чтобы открывать при первом же слове; кто-нибудь мог бы его перебить. Если вскроет другой игрок, он сможет остаться в игре и прикупить карту.

— Подожду, — сказал он.

Еще двое спасовали, после чего Уэйнрайт — Гарри Уэйнрайт, директор небольшого универмага — открыл красным жетоном. Дикс и Тримбл вошли, не перебивая его, и Джордж поступил точно так же. Те, что спасовали между Джорджем и Уэйнрайтом, пасанули снова. Это оставило в игре всего четверых и дало возможность Джорджу дешево прикупить пятую карту к двум малым парам; если сделать из них фул, то можно и выиграть.

Тримбл снова взял колоду в руки.

— Сколько карт, Джордж?

— Минуточку, — неожиданно ответил Джордж. Повернув голову, он слушал радио. В этот момент оно не передавало музыки, и он вдруг осознал, что так продолжается уже несколько минут. Кто-то говорил, причем очень эмоционально, как в рекламе; собственно, голос был на грани истерики. Кроме того, близилась четверть девятого и, если шла передача, на которую Джордж настроился, это должен быть «Час в мире звезд», прерываемый для рекламы только один раз, в половине девятого.

Может, это срочное сообщение — объявление войны, предупреждение о бомбардировке или что-то подобное?

— Минуточку, Боб, — повторил Джордж, кладя карты на стол и вставая со стула. Подойдя к радио, он прибавил громкость.

«...маленькие зеленые человечки расхаживают по нашей студии и зданию станции. Говорят, что прибыли с Марса. О них сообщают отовсюду. Однако, не волнуйтесь — они не могут причинить вам вреда. Они абсолютно безвредны, потому что вы не можете коснуться их тела; ваша рука или то, чем вы в них бросите, проходит сквозь них, словно их вовсе нет, а они по той же причине не могут коснуться вас. Так что перестаньте...»

Ну, и так далее.

Слушали уже все шестеро. Потом Джерри Дикс заметил:

— Что за черт, Джордж? Ты прервал игру из-за какой-то научной фантастики?

— Ты уверен, что это постановка? — спросил Джордж. — У меня было настроено на «Час в мире звезд». На музыку.

— Верно, — вставил Уолт Грейнер. — Минуту или две назад играли вальс Штрауса. «Венский лес», если не ошибаюсь.

— Попытайся на другой волне, Джордж, — предложил Тримбл.

Но едва Джордж успел коснуться ручки настройки, как радио вдруг умолкло.

— Черт, — пробормотал он, крутя ручки. — Надо же было лампе перегореть именно сейчас. Нет даже фонового шума.

— Может, это сделали марсиане? — предположил Уэйнрайт. — Продолжим, Джордж, пока карты не остыли. Они у меня так и рвутся сорвать банк.

Джордж никак не мог решиться. Наконец посмотрел на Уолта Грейнера. Все пятеро приехали из Лагуны в машине Грейнера.

— Уолт, — обратился к нему Джордж, — у тебя в машине есть радио?

— Нет.

— Вот дьявол! К тому же у меня нет телефона — эта чертова телефонная компания не желает ставить столбы так далеко от... А, ладно, хватит!

— Если это тебя всерьез беспокоит, Джордж, — заметил Уолт, — мы все можем быстренько смотаться до го-

рода. Или только мы с тобой, а остальные пусть играют. Это не займет много времени. Можно будет потом посидеть подольше, чтобы возместить утрату.

— Если не наткнемся по дороге на космический корабль, полный марсиан, — вставил Джерри Дикс.

— Бред! — воскликнул Уэйнрайт. — Джордж, твое радио просто перенастроилось на другую станцию.

— Мне тоже так кажется, — сказал Дикс. — Да и что с того, если где-то поблизости есть марсиане? Почему бы им самим не заглянуть сюда, если они хотят с нами познакомиться? Это наш покерный вечер, господа. Играем в карты, и пусть жетон идет к жетону.

Джордж Келлер вздохнул.

— Ну, ладно... — согласился он.

Вернувшись к столу, он сел, взял в руки карты и посмотрел в них, чтобы вспомнить, что там есть. Ах да, семерки и тройки. И его очередь прикупать.

— Сколько? — спросил Тримбл, поднимая колоду.

— Одну, — ответил Джордж, сбрасывая лишнюю карту.

Однако Тримбл так и не подал ему новую.

Внезапно с другой стороны стола Уолт Грейнер произнес каким-то странным голосом:

— Господи Боже!

Все на мгновенье замерли. Потом уставились на него и тут же быстро повернулись, чтобы увидеть, на что он пялится.

Марсиан было двое. Один сидел на лампе, стоявшей на полу, другой стоял на приемнике.

Джордж Келлер, хозяин дома, первым пришел в себя, может, потому, что почти поверил в сообщение, переданное по радио.

— П-привет, — неуверенно сказал он.

— Привет, Джонни, — ответил марсианин с лампы. — Слушай, бросай-ка ты карты.

— Да?

— Точно говорю, Джонни. У тебя семерки и тройки, и ты купишь до фула, потому что сверху лежит семерка.

Тут вмешался второй марсианин:

— Это просто, Джонни. Ты отдашь штаны за свой фул, потому что вот этот субчик... — он указал на Гарри Уэйнрайта, открывающего торговлю, — ...вошел с тремя вальтами, а вторая карта в колоде — валет. У него будет каре.

— Можешь сыграть и убедиться, — добавил первый марсианин.

Гарри Уэйнрайт поднялся и бросил на стол перевернутые карты — в том числе три валета. Вытянув руку, он взял колоду у Боба Тримбла и вскрыл две первые карты. Это были семерка и валет.

Как и было сказано.

— Думал, мы тебя дурим, да, Джонни? — спросил первый марсианин.

— А-а, чтоб тебя... — Уэйнрайт двинулся к ближайшему марсианину, под рубашкой его перекатывались мускулы.

— Успокойся! — окликнул его Джордж Келлер. — Гарри, помнишь сообщение по радио? Ты не сможешь их выкинуть, если не можешь коснуться их тела.

— Верно, Джонни, — признал марсианин. — Покажешь себя даже большим болваном, чем всегда был.

Опять встрял второй:

— Что ж вы не садитесь играть? Мы вам поможем, всем играющим.

Тримбл поднялся.

— Один твой, Гарри, — со злостью бросил он. — Я возьму второго. Если радио сказало правду, мы не сможем их выбросить. Но попытаться не мешает...

Не помешало. Но и не помогло.

6

Во всех странах в ту ночь — или в тот день, если говорить о восточном полушарии, — максимальные людские потери были среди солдат.

На всех военных объектах караулы применили оружие. Одни часовые кричали: «Стой, кто идет!» а потом стреляли, но большинство открывало огонь сразу и палило до опустошения магазинов. Марсиане смеялись, да еще и подзуживали их.

Солдаты, не имевшие под рукой оружия, побежали за ним. Некоторые взяли гранаты. Офицеры использовали пистолеты.

В результате среди солдат началась жуткая бойня, а марсиане пострадали разве что от грохота.

Самые же страшные моральные муки испытывали офицеры, ответственные за секретные военные объекты. В зависимости от остроты своего ума они быстро или медленно понимали, что нет больше никаких секретов. Толь-

ко не от марсиан. А поскольку марсиане обожали сплетничать, то и вообще ни от кого.

Дело даже не в том, что они интересовались военными делами как таковыми. В сущности, на них не произвели никакого впечатления ни дислокация установок для запуска ракет с ядерными боеголовками, тайных складов атомных и водородных бомб, ни знание секретных документов и тайных планов.

— Слабовато, Джонни, — сказал один из марсиан, сидя на столе генерала, командующего базой Эйбл, в те времена наглухо засекреченной. — Слабовато. Со всем, что у тебя есть, ты не справишься даже со стойбищем эскимосов, если они будут знать, как вахрать. А мы можем их научить, учитывая все ваши игрушки.

— А что такое это ваше вахрание?! — рявкнул генерал.

— Не твое собачье дело, Джонни. — С этими словами марсианин повернулся к одному из своих; всего в кабинете их было четверо. — Эй! — позвал он. — Квимим к русским, посмотрим, что есть у них. А заодно расскажем им кое-что.

Двое марсиан исчезли.

— Послушай, — сказал третий четвертому, — вот это цирк! — И принялся читать вслух сверхсекретный документ из запертого сейфа в углу комнаты.

Его коллега презрительно рассмеялся.

Генерал тоже рассмеялся, но без презрения. Он так и смеялся, пока два адъютанта тихонько выводили его.

Пентагон превратился в сумасшедший дом, равно как и Кремль, хотя, надо признать, ни одно из этих зданий особо не привлекло к себе марсиан.

Марсиане были так же беспристрастны, как и вездесущи. Никакие места не интересовали их больше других. Белый ли Дом, публичный ли — не имело значения.

Ничто не интересовало их больше или меньше, будь то объекты в Нью-Мексико, где строилась космическая база, или подробности сексуальной жизни беднейшего кули из Калькутты.

И повсюду, всеми возможными способами, они нарушали приватность. Я сказал «приватность»? Она просто перестала существовать.

И, разумеется, стало понятно, даже в ту первую ночь, что пока марсиане будут развлекаться, не будет покоя, не будет конфиденциальности ни в личных делах, ни в интригах правительств.

Их интересовало все, что касалось нас — индивидуально или в общем — все их смешило или вызывало отвращение.

Предметом исследований марсианской расы был человек. Животные сами по себе не интересовали их, однако они охотно пугали и дразнили животных, если это доставляло людям неприятности или прямой вред.

Лошади особенно боялись марсиан, и езда верхом — будь то ради спорта или ради передвижения — стала не то что бы опасна, а просто невозможна.

Только самые легкомысленные осмеливались, пока марсиане пребывали среди нас, доить корову, если та не была крепко связана.

Собаки обезумели; многие из них покусали своих хозяев и те прогнали их прочь.

Только кошки привыкли к марсианам и воспринимали их спокойно и хладнокровно.

Впрочем, кошки всегда были сами по себе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПЕЙЗАЖ С МАРСИАНАМИ

1

Итак, марсиане остались, и никто понятия не имел, надолго ли. Судя по тому, что мы о них узнали, они вполне могли остаться здесь навсегда. Это было не наше собачье дело.

Немного удалось узнать о них, кроме того, что стало очевидно после первых дней их пребывания.

Внешне они почти не различались. Хоть и не совсем одинаковые, марсиане походили друг на друга куда больше, чем люди одной расы и пола.

Единственное, в чем проявлялись заметные различия, так это в росте; самый высокий марсианин был около метра, самый маленький — семьдесят сантиметров. У людей было несколько мнений относительно такой разницы в росте. Одни считали, что все пришельцы являются взрослыми самцами, и разница в росте для марсиан так же естественна, как и для людей. Другие утверждали, что разница в росте свидетельствует о разнице в возрасте. Возможно, все они и были взрослыми самцами, но у марсиан, мол, рост не кончается с достижением зрелости, значит низкие относительно молоды, а высокие — постарше.

Третьи же думали, что высокие особи были мужчинами, а низкие — женщинами, и что отличия между полами у марсиан, когда они были одеты, проявлялись только в росте. Поскольку же никто не видел раздетого марсианина, эту гипотезу, как и все иные, нельзя было ни подтвердить, ни опровергнуть.

Наконец, выдвигалась теория, что марсиане в половом смысле были одинаковы, обоеполы, или вообще не имели никаких полов в нашем понимании, а размножались партеногенезом или каким-то иным образом, которого мы просто не можем себе представить. Из того, что мы узнали, они могли расти хоть на деревьях, как кокосовые орехи, и падать, когда созревали, уже взрослыми и разумными, готовыми противостоять своему миру или оказаться среди нас и насмехаться над нашим. В таком случае самые маленькие могли быть в определенном смысле новорожденными, только что упавшими с дерева, но такими же

недружелюбными, как большие и старшие особи. Если меньшие не были молодым поколением, значит, мы вообще не видели марсианят.

Мы так никогда и не узнали, что они ели и пили, не узнали даже, ели ли они и пили ли вообще. Разумеется, они не могли употреблять земную пищу, не могли ее даже взять в руки или прикоснуться к ней — по той же причине, по которой мы не могли коснуться марсиан. Большинство людей считали, что поскольку квимение — процесс мгновенный, марсиане просто квимили на Марс, когда испытывали голод или жажду. Или когда хотели спать, если, конечно, нуждались во сне, поскольку никто из людей не видел спящего марсианина.

Мы знали о них на удивление мало.

У нас даже не было уверенности, что они находились здесь в своем истинном виде. Многие люди, особенно ученые, утверждали, что нематериальная и лишенная телесности форма жизни, существовать никоим образом не может. По их мнению, мы видели не самих марсиан, а лишь их изображения, а марсиане, имея тела такие же плотные, как и у нас, оставляли их на своей планете, возможно, в состоянии летаргии. Квимение же — это просто способность проецировать астральное тело, видимое, но не осязаемое.

Теория эта объясняла многое, если не все, но оставался один неясный момент, что признавали даже самые ярые ее сторонники. Как нематериальное видение может говорить? Звук — это вибрация воздуха или иных частиц, а значит, простое изображение, которого на самом-то деле вроде как и нет, не могло бы издавать звуки.

Однако марсиане издавали их, да еще как. Настоящие звуки, а не слуховые впечатления в мозгу слушателя; это доказывали магнитофонные записи. Они разговаривали по-настоящему, а также стучали в двери, хотя и крайне редко — марсианин, в *тот* вечер стучавший в дверь Люка Деверо, был исключением. Большинство квимило безо всякого стука прямо в гостиные, спальни, телестудии, ночные клубы, рестораны — чудесные сцены разыгрывались в тот вечер в ресторанах и барах — в тюрьмы, казармы, иглу... словом всюду.

Они отчетливо запечатлевались на фотографиях, в чем убедился бы Люк Деверо, если бы отдал проявлять свою пленку. Были они тут во плоти, нет ли — марсиане были

непрозрачны для света. Но не для радара, и ученые из-за этого рвали волосы на головах.

Марсиане утверждали, будто не имеют имен или хотя бы номеров, говорили также, что имена — это абсурд. Никто из них никогда не обратился к человеку по имени. В Соединенных Штатах каждому мужчине они говорили «Джонни», каждой женщине «киска», в других местах употребляли местные аналоги.

В единственной области проявляли они невероятные способности — в языкознании. Марсианин Люка не врал, утверждая, что может изучить любой язык в течение часа или около того.

Марсиане, оказавшиеся среди различных примитивных племен, на языках которых не было радиопередач, поначалу не знали ни слова, но через час могли говорить без ошибок, а через несколько — бегло. И на каком бы языке марсиане ни говорили, они пользовались идиоматическими и даже жаргонными выражениями без той неловкости, которая характерна для людей, только что выучивших чужой язык.

Многие выражения, входившие в их лексикон, наверняка были почерпнуты не из радиопередач. Впрочем, это легко объяснить: в первые несколько секунд после своего появления марсиане (по крайней мере большая их часть) могли получить всестороннее образование по части проклятий. Марсианин, прервавший спектакль «Ромео и Джульетта» по телевидению своим вульгарным комментарием монолога Ромео в сцене у балкона, несомненно, сначала приквимил в забегаловку, но через несколько секунд, встретив там слишком много собратьев, нашел себе более благодатное угодье.

В умственном развитии марсиане отличались друг от друга еще меньше, чем физически, хотя и здесь отмечались некоторые вариации: одни были хуже других.

Однако каждый в отдельности и все они вместе были агрессивны, болтливы, брюзгливы, враждебны, вульгарны, грубы, дерзки, ехидны, жалящи, зловредны, злы, испорчены, капризны, колки, любопытны и любовь ломающи. Они были маниакальны, мерзки, наглы, надменны, назойливы, насмешливы, отвратительны, паскудны, подлы, похабны, пренебрежительны, раздражающи, сварливы, склочны, твердолобы, упрямы, фальшивы, хамовиты, цепки, чванливы, шельмоваты, щеголеваты, эгоистичны, юродливы и язвительны.

Одинокий и подавленный — рядом не было ни одного марсианина, иначе он совсем уж впал бы в депрессию — Люк Деверо неторопливо распаковывал два чемодана в номере дешевого пансионата, куда только что вселился.

Кончалась вторая неделя с Вечера Прибытия. Пятьдесят шесть долларов отделяли Люка от голода. Он приехал в Лонг-Бич в поисках работы — любой работы, которая позволила бы ему есть и впредь, когда уже исчезнут эти пятьдесят шесть долларов. Он отказался от попыток писать, по крайней мере, пока. В некотором смысле ему повезло, здорово повезло. Ему удалось сдать собственную холостяцкую квартиру в Голливуде, которую он лично обставил и которая обходилась ему в сто долларов ежемесячно. Он взял за нее тоже сто долларов, поскольку сдал вместе с обстановкой. Это позволило сократить расходы на жизнь и сохранить большинство своих вещей и не платить при этом за хранение. Он не сумел бы продать их за сумму, оправдывающую хотя бы хлопоты, тем более, что самыми дорогими вещами были телевизор и радиоприемник, в данный исторический момент бесполезные. Если бы марсиане ушли, они снова обрели бы прежнюю ценность.

Вот так он и попал в самый дешевый район Лонг-Бич, имея с собой только два чемодана с одеждой и пишущую машинку... чтобы писать прошения.

«Похоже, мне придется написать их много, — печально подумал Люк. — Даже здесь, в Лонг-Бич, жизнь будет трудна». В Голливуде же она была просто невозможна.

Голливуд пострадал сильнее всего. Голливуд, Беверли Хиллс, Калвер-Сити — весь киногородок. Лишились работы все, как-то связанные с кино, телевидением и радио: актеры, режиссеры, дикторы, словом — все. Все они плыли в одной и той же лодке, и вдруг эта лодка утонула.

В Голливуде пошла цепная реакция, пострадало и все прочее. Обанкротились тысячи магазинов, салонов красоты, отелей, баров, ресторанов и борделей, клиентуру которых составляли в основном люди кинобизнеса.

Голливуд превращался в деревню-призрак. В нем остались лишь те, кто по какой-то причине не сумел выбраться. Не удалось бы выбраться и Люку, разве что пешком, если бы он прождал чуть дольше.

Ему подумалось, что нужно бы ехать от Голливуда подальше, чем в Лонг-Бич, но он не хотел расходовать тающие средства на дальнее путешествие. К тому же, дела везде обстояли плохо.

По всей стране — кроме Голливуда, тот просто-напросто капитулировал — уже неделю девизом дня было: работаем нормально.

В некоторых отраслях это более-менее удавалось. Можно привыкнуть управлять грузовиком с марсианином, насмехающимся над тем, как ты его ведешь, или подпрыгивающим на капоте... и даже если не можешь привыкнуть, по крайней мере можешь кое-как работать. Можно продавать продукты, имея на макушке невесомого, хотя и неснимаемого марсианина, размахивающего ногами перед твоим носом и раздражающего и тебя, и клиентов. Такие вещи действуют на нервы, но работать можно.

Но не во всем было так хорошо. Как мы уже видели, первый и самый сильный удар пришелся по индустрии развлечений.

Совершенно невозможно стало вести передачи из студий. Хотя заснятые на пленку представления шли в первую ночь нормально — за исключением станций, где техники ударились в панику при виде марсиан, — все телепрограммы в прямом эфире были прерваны почти разом. Марсиане обожали мешать прямым передачам, как телевизионным, так и радио.

Некоторые теле- и радиостанции закрылись на время осады... или навсегда, если бы марсиане так и остались на Земле. Другие продолжали передачи, используя ранее отснятые материалы, однако было ясно, что людям скоро надоест смотреть и слушать старые программы... даже когда временное отсутствие марсиан в их гостиных позволяло посмотреть и послушать что-то без помех.

Вот почему никто в здравом уме не покупал нового телевизора или приемника, в связи с чем очередные тысячи людей потеряли работу: все занятые в производстве и продаже телевизоров и радиоприемников.

А также те тысячи, что работали в театрах, концертных залах, на стадионах и в других местах массового развлечения. Массовые развлечения вообще приказали долго жить: массы людей, собиравшиеся в одном месте, привлекали туда массы марсиан и то, что должно было развлекать людей, развлекало марсиан. Не у дел остались игроки в бейсбол, кассиры, охранники, борцы, кинооператоры...

Да, для всех наступили тяжелые времена. Великая Депрессия тридцатых годов теперь казалась эпохой процветания.

«Да, найти работу будет очень нелегко, — подумал Люк. — Чем скорее я этим займусь, тем лучше.» Нетерпеливо швырнул он в ящик несколько последних вещей, заметив с удивлением, что среди них была и майка Марджи с эмблемой YWCA. Зачем он ее взял? Люк коснулся щеки, чтобы вспомнить, побрился ли, провел по волосам складной расческой и вышел из комнаты.

Телефон стоял внизу, на столе. Люк сел на стол и придвинул телефонную книгу. Для начала — две газеты, что издаются в Лонг-Бич. Не потому, что он надеялся на успех, просто журналистика была наименее обременительным занятием, которое пришло ему в голову, и ничто, кроме нескольких даймов за разговор, не мешало попробовать. Кроме того, он знал Хэнка Фримена из «Ньюс», он мог помочь.

Люк набрал номер «Ньюс». На станции сидел марсианин, он заигрывал с телефонисткой и путал соединения, кстати, не без успеха. Но наконец Люку удалось связаться с Хэнком. Тот работал в отделе городских новостей.

— Хэнк, это Люк Деверо. Как дела?

— Чудесно, если тебя не волнует то, что ты говоришь. Как с тобой обходятся зеленые?

— Пожалуй, не хуже, чем с другими. Кроме того, что я ищу работу. Есть шансы попасть в «Лос-Анджелес Ньюс»?

— Ноль целых ноль десятых. Список кандидатов на все возможные должности тянется отсюда и до Нью-Йорка. Многие с опытом работы в газете ушли когда-то из редакций на радио или телевидение. А ты когда-нибудь имел дело с прессой?

— Мальчишкой развозил газеты.

— Это тоже не требуется. Извини Люк, но нет ни единого шанса. Дела идут так плохо, что приходится снижать зарплату. Когда я вижу, сколько знаменитостей пытаются втиснуться к нам со всех сторон, то сам боюсь лишиться работы.

— Приходится снижать зарплату? По-моему, газеты, освободившиеся от конкуренции радио, должны процветать.

— Тиражи-то растут, но доходы газет зависят не от тиражей, а от объявлений, а их все меньше. Столько людей оказались без работы и больше не ходят по магазинам, что всем универмагам в городе пришлось тупым топором отсечь расходы на рекламу. Извини, Люк.

Во вторую газету Люк звонить не стал.

Выйдя в город, он прогулялся по Пин-авеню и направился в сторону южного делового района. Улицы были полны пешеходов и марсиан. Люди были мрачны и молчаливы, но пронзительные голоса марсиан компенсировали это с избытком. Уличное движение стало меньше, водители ехали очень осторожно — марсиане имели привычку внезапно квимить на капот автомобиля, прямо перед ветровым стеклом. Приходилось ехать с ногой на тормозе и останавливать машину на зеленый, но не свет, а марсианина.

Опасно было и проезжать сквозь марсиан, разве что была полная уверенность, что они не стоят перед какой-то преградой, чтобы помешать увидеть ее.

Люку довелось увидеть, как это происходит. На углу Пин-авеню и Седьмой стрит стояла группа марсиан. Они казались необычайно спокойными, и Люк не мог этому надивиться... пока не появился «кадиллак», ехавший со скоростью километров тридцать в час. Водитель его внезапно газанул и повернул, чтобы их переехать. Как выяснилось, они прикрывали полуметровой ширины канаву для водопроводной трубы. «Кадиллак» подскочил как дикий конь, правое переднее колесо отлетело и покатилось вдоль Пин-авеню. Водитель вышиб стекло головой и выбирался из машины, обливаясь кровью и ругаясь на чем свет стоит. Марсиане же просто обезумели от радости.

На следующем углу Люк купил газету. Увидев подставку чистильщика обуви, он решил воспользоваться его услугами и одновременно просмотреть объявления.

«Последний раз, — пообещал он себе, — пока не найду работу. Отныне придется самому заботиться о своих башмаках».

Люк заглянул в колонку объявлений, ища заголовок: «Мужчина для помощи». Поначалу он решил, что таких объявлений больше нет, но потом нашел четверть страницы, сплошь заполненную ими. Впрочем, как он понял через несколько минут, их могло бы хоть вообще не быть. Предлагаемая работа делилась всего на две категории: высококвалифицированная техническая работа, требующая специального образования и опыта, и работенка для фрайеров: должности разносчиков и коммивояжеров с товаром на комиссию. Люк занимался этим несколько лет назад, задолго до того, как ему исполнилось тридцать; он только начинал писать. Тогда он убедился, что не может даже

раздать бесплатные образцы, не говоря уже о том, чтобы продать. А это было в хорошие времена. В каком бы отчаянном положении он ни оказался, не было смысла снова браться за это.

Складывая газету, Люк задумался, не ошибся ли он, выбрав Лонг-Бич. Почему он это сделал? Наверное не потому, что здесь находилась клиника для психически больных, в которой работала его жена. Он не собирался ее навещать — с женщинами покончено, на время, во всяком случае. Короткая, но очень неприятная сцена с Розалиндой на следующий день после возвращения в Голливуд доказала ему — марсианин не лгал, рассказывая о том, что происходило той ночью в ее квартире.

Черт возьми, марсиане никогда не лгали!

Неужели переезд в Лонг-Бич был ошибкой?

Первая страница газеты сообщала, что дела везде плохи. Правда, резко сократились расходы на оборону, заявлял президент. Да, нужно признать, что это вызвало рост безработицы, но деньги отчаянно требовались на социальное обеспечение и впредь будут вкладываться в него. «Социальное же обеспечение — вспомните о голодающих людях — конечно, важнее обороны», — сказал президент на пресс-конференции.

И верно — расходы на оборону не имели теперь никакого смысла. «У русских и китайцев были свои проблемы, еще хуже, чем у нас. Кроме того, мы уже узнали все их тайны, а они узнали все наши; и война таким образом стала невозможна», — с вымученной улыбкой заметил президент.

Люк десять лет назад прослужил три года лейтенантом военного флота и содрогнулся, представив войну в компании марсиан, с радостью помогающих обеим сторонам.

Рынок ценных бумаг по-прежнему в застое, сообщала редакционная статья. Правда, отмечается определенный рост акций развлекательных учреждений, таких как радиостанции, кинотеатры, телевидение и театры. Неделю назад их сочли было бросовыми, но теперь брали за десять процентов номинала. Это была политика дальнего прицела: некоторые считали или надеялись, что марсиане останутся у нас ненадолго. Однако на тяжелой промышленности сокращение расходов на оборону отразилось резким падением курса, ценные бумаги в остальных отраслях понизились на несколько пунктов.

Люк заплатил чистильщику и оставил газету на стуль-

чике. Длинная очередь, уходящая за угол, заставила его свернуть в переулок, чтобы посмотреть, где она кончается. Это было бюро трудоустройства. Он было задумался, не присоединиться ли к очереди, но тут увидел в окне надпись: «Регистрация I» и прошел мимо. Шанс найти работу через эту контору наверняка не стоил десяти долларов из его тающих финансов. Но сотни людей платили.

А если бы нашелся посредник, не берущий платы, у него царила бы еще большая давка.

Люк продолжал свою бесцельную прогулку.

На импровизированной трибуне у края тротуара, между двумя машинами стоял высокий пожилой мужчина с развевающейся седой бородой и безумным огнем во взгляде. Его равнодушно слушали несколько человек. Люк остановился и оперся плечом о стену здания.

— ...а почему, спрашиваю я вас, почему они никогда не лгут при всей своей болтливости? Почему говорят правду? Почему? Чтобы вы, видя отсутствие малой лжи, поверили в их Большую Ложь! А что, друзья мои, является Большой Ложью? То, что они марсиане. Они хотят, чтобы вы в это поверили и стали бы навечно прокляты! «Марсиане»! Это дьяволы, дьяволы из самых страшных бездн Ада, посланные Сатаной, как и предсказано Апокалипсисом!

Истинно говорю вам, о мои братья и сестры, вы обречены на вечное проклятие, если не поймете правды, не преклоните колена и не начнете молиться каждый час, днем и ночью, обращаясь к Единственному, кто может прогнать их туда, откуда они явились, дабы подвергнуть нас испытанию и смеяться над нами. Да, друзья мои, молитесь Богу и Его Сыну, просите прощения за все Зло мира, распустившее этих демонов...

Люк пошел дальше.

«Наверное, повсюду в мире, — думал он, — религиозные фанатики практикуют это одинаково».

Ну что ж, это могло даже оказаться правдой. Не было никаких доказательств, что они марсиане. Вот только лично он полагал, что марсиане существовать могут, а в дьяволов, демонов и все остальное не верил сроду. А потому готов был поверить марсианам на слово.

Еще одна очередь в очередное бюро по трудоустройству.

Парень, расхаживавший вдоль очереди с пачкой листовок, вручил одну Люку. Тот замедлил шаги, чтобы

взглянуть на нее. «ПОБЕДИ ДЕПРЕССИЮ, ПОЛУЧИ НОВУЮ ПРОФЕССИЮ, — значилось на листке. — СТАНЬ СОВЕТНИКОМ ПО ПСИХОЛОГИИ».

Остальное напечатали мелким шрифтом, и Люк сунул листок в карман. Может, попозже... Хотя, похоже, новое жульничество. Кризис рождает мошенников, как падаль опарышей.

Еще одна очередь, уходящая за угол, куда длиннее, мимо которых Люк прошел. Ему стало интересно: может, это государственное бюро по трудоустройству, и здесь не берут денег за регистрацию.

Если да, то не мешает записаться, поскольку в эту минуту Люк не мог придумать себе никакого другого занятия. Кроме того, если деньги кончатся прежде, чем он найдет работу, ему все равно придется зарегистрироваться, чтобы получить пособие. Или зацепиться за одну из программ Агентства Занятости, которые федеральное правительство готовилось организовать. Может, это будет Программа Писателей? Если да, он наверняка подошел бы для нее: ведь такая программа не требует даже литературных способностей, все ограничилось бы халтурой типа «Истории Лонг-Бич», а уж такое он мог бы написать хоть спросонья, хоть с похмелья.

К тому же очередь двигалась довольно быстро, настолько быстро, что Люк решил, что там просто дают людям анкеты, которые потом надо бросить в почтовый ящик.

Но, как бы то ни было, сначала следовало проверить начало очереди и узнать, в чем тут дело.

Очередь вела в столовую для бедноты, разместившуюся в большом здании, где когда-то находился крытый каток или танцевальный зал. Теперь весь его заполняли длинные столы, наскоро сколоченные из кое-как оструганных досок, и сотни людей, в основном, мужчин, хотя встречались и женщины, горбились над мисками с супом. По столам бегали толпы марсиан, «зеленые» часто забирались — впрочем, без какого-либо эффекта — в миски, прыгали над головами обедающих.

Дух от супа шел аппетитный и Люк вспомнил, что голоден. Время было к полудню, а он еще не завтракал. Так почему бы ему не присоединиться к очереди и не сэкономить немного денег? Казалось, никто никому не задает никаких вопросов — все, стоявшие в очереди, получали миску.

Но все ли? Люк понаблюдал за котлом, из которого какой-то толстяк в несвежем фартуке половником наливал суп в миски, и заметил, что многие люди отказываются от предлагаемой порции, морщатся, поворачиваются и направляются к двери.

Люк положил ладонь на плечо мужчины, который отверг миску.

— В чем дело? — спросил он. — Такой скверный суп? А пахнет неплохо.

— Сам увидишь, старик, — ответил мужчина и поспешил к выходу.

Люк подошел ближе и увидел. В котле с супом сидел марсианин: каждые несколько секунд он наклонялся, опуская в него невероятно длинный зеленоватый язык. Потом он втягивал язык обратно и делал вид, что плюет в суп, издавая при этом мерзкий звук. Толстяк с половником в руке не обращал на это внимания и черпал суп прямо сквозь марсианина. Кое-кто из очереди — как подозревал Люк, те, кто уже бывал здесь раньше, — тоже не обращали внимания или подходили, предусмотрительно отвернувшись.

Люк смотрел на котел еще с минуту, а потом выбрался на улицу и пошел. Он превосходно знал, что присутствие марсианина в котле никак не влияло на суп, но это не имело значения — он еще не настолько оголодал.

Он нашел небольшой бар, почти без клиентов, и — вот удача! — без марсиан, и съел там бутерброд с котлетой. Потом заказал еще один и чашку кофе.

Люк приканчивал второй бутерброд и уже собирался выпить кофе, когда заговорил бармен — высокий светловолосый парень лет девятнадцати.

— Я налью вам горячего. — Он вставил чашку в «экспресс», наполнил ее и принес обратно.

— Спасибо, — поблагодарил Люк.

— Может, хотите кусочек пирога?

— Гмм... спасибо, не нужно.

— С ягодами. За счет фирмы.

— За эту цену — с удовольствием, — улыбнулся Люк. — Но что у вас случилось?

— Шеф сегодня вечером закрывает лавочку. У нас больше пирогов, чем можно продать за день, так почему бы и нет?

Он поставил перед Люком пирог, рядом положил вилку.

— Спасибо, — сказал Люк. — Так плохо идут дела?
— Не то слово, — ответил бармен. — Ужасно!

2

И верно, многое выглядело ужасно. Особенно в смысле преступности и соблюдения законов. Конечно, можно сказать, что если дела обстояли плохо для копов, то были хороши для мошенников — и наоборот, однако все выходило совсем не так.

Плохо было защитникам закона и порядка, поскольку число актов насилия и преступлений в состоянии аффекта резко возросло. Нервы людей были напряжены до предела. Поскольку нападать на марсиан или ругаться с ними было бесполезно, люди собачились и дрались между собой. На улицах и в домах шли потасовки крупные и мелкие. Человеческая жизнь — речь тут не о преднамеренных убийствах, а о тех, что совершались в приступе гнева или временной невменяемости — не стоила ни цента. Полиция не жаловалась на нехватку работы и на свободные места в тюрьмах.

Насколько заняты были копы, настолько же профессиональные преступники сетовали на вынужденный простой и голод. Количество преступлений с целью наживы, будь то кража или грабеж, резко уменьшилось.

И виной тому были марсиане.

Вот вам в качестве типичного случая то, что произошло с Алфом Биллингсом, лондонским карманником, примерно в то же время, когда Люк Деверо ел пироги и бутерброды в Лонг-Бич.

Позволим Алфу рассказать все самому. Валяй, Алф.

— Так вот, значит, шеф, откинулся это я с кичи...

Подожди-ка, Алф. Пожалуй, мне лучше изложить это простыми словами.

Итак, Алф Биллингс, только-только освободившийся из тюрьмы после месячной отсидки, выходил из пивной, где отдал последнюю мелочь за кружку пива. Увидев на улице богато одетого человека, он, естественно, решил его обокрасть. Никто в пределах видимости не походил ни на полицейского, ни на тайного агента. Правда, на крыше автомобиля, что стоял невдалеке, сидел марсианин, но Алф пока мало знал о марсианах. Как бы то ни было, не имея ни пенса за душой, он решил рискнуть — а то негде будет

спать ночью. Поэтому он нарочно столкнулся с этим человеком и ловко, буквально на ходу обчистил его.

Именно это и хотел рассказать вам Алф, но я подумал, что лучше это сделать мне. А теперь продолжаю.

Внезапно марсианин оказался на тротуаре рядом с Алфом и радостно запел, указывая на бумажник в его руке:

— А-фе, а-фе, а-фе, смотрите, как почистили фрайера!

— Заткнись, сука! — рявкнул Алф, пряча бумажник в карман и поворачиваясь, чтобы дать деру.

Однако марсианин не замолчал. Он пошел рядом с беднягой Алфом, продолжая петь. Оглянувшись через плечо, Алф заметил, что его лох остановился, пощупал задний карман брюк и бросился в погоню за ним и его маленьким спутником.

Алф удрал... за ближайший угол, прямо в объятия бобби.*

В общем, вы поняли, что я имею в виду.

Конечно, это не значит, что марсиане были принципиальными противниками нарушения законов, разве что в том смысле, что были противниками всего и всех. Они обожали паскудничать, им нравилось ловить людей либо на стадии планирования преступлений, либо на стадии совершения.

Однако, когда преступник бывал пойман, они с не меньшим усердием принимались изводить полицейских. Во время судебных разбирательств они доводили судей, адвокатов, прокуроров, свидетелей и присяжных до такого состояния, что большинство процессов прекращались за недоказанностью обвинения. С марсианами в судебных присутствиях Фемиде пришлось не только завязать глаза, но и заткнуть уши.

— Чертовски вкусный пирог, — сказал Люк, откладывая вилку. — Еще раз спасибо.

— Может, еще кофе?

— Нет, спасибо, я выпил уже достаточно.

— Может, все-таки еще чего-нибудь?

Люк широко улыбнулся.

— Разумеется. Работу.

Высокий парень стоял нагнувшись, облокотившись на стойку. Внезапно он выпрямился.

---

* Прозвище лондонских полицейских.

— А это мысль, приятель. Возьмешь работу на полдня? С этой минуты и до пяти?

Люк уставился на него.

— Ты что, серьезно? Конечно, возьму. Лучше уж так, чем потратить весь день на поиски другой.

— Ну, так ты ее нашел. — Бармен обошел стойку и снял фартук. — Повесь пиджак и надень вот это. — Он бросил фартук на стойку.

— Хорошо, — сказал Люк, не касаясь пока фартука. — Но что все это значит? В чем дело?

— Я возвращаюсь домой, вот в чем, — ответил парень. Затем, усмехнулся в ответ на оторопелый взгляд Люка. — Хорошо, я тебе все расскажу. Но сначала познакомимся. Меня зовут Рэнс Картер. — Он протянул руку.

— Люк Деверо, — ответил Люк, пожимая ее.

Рэнс уселся на высокий табурет так, что они оказались лицом друг к другу.

— Я не придумал, что я провинциал, — сказал он. — Во всяком случае был им пару лет назад, когда приехал в Калифорнию. У папочки с мамочкой небольшая ферма под Хартвиллом в Миссури. Тогда я не был доволен тамошним житьем, но как увидел, что здесь творится, и что останусь без работы Бог знает насколько, меня, разумеется, потянуло домой. — Глаза его сверкали от возбуждения — или от тоски по дому — и с каждой фразой акцент все больше приближался к речи родных мест.

Люк кивнул.

— Хорошая идея. По крайней мере, всегда будешь сыт. И марсиан на ферме будет крутиться меньше, чем в городе.

— Кто его знает. Но я решился, как только шеф заявил, что закрывает дело. Чем быстрее, тем лучше. А сегодня с утра меня так зае́ло, что твоя шутка насчет работы подсказала мне идею. Я обещал шефу посидеть в заведении до пяти — в это время он заступает — и, похоже, я слишком честен, чтобы просто хлопнуть дверью и смыться. Думаю, ничего не случится, если ты меня подменишь. Как ты считаешь?

— Думаю, ничего, — ответил Люк. — Только вот заплатит ли он мне?

— Это и я могу сделать. Я получаю десять долларов в день, не считая питания, и мне заплатили по вчера. За сегодня мне причитается десять баксов. Я возьму их из

кассы и оставлю записку, что пять даю тебе, а пять беру себе.

— Хорошо, — согласился Люк. — Договорились. — Он встал, снял пиджак и повесил его на гвоздь, Потом надел фартук и завязал тесемки.

Рэнс, уже в пиджаке, стоял за прилавком у кассы, доставая два пятидолларовых банкнота.

— О, Каа-лии-фор-нийя, простишь ли ты меня... — весело пропел он и умолк, явно не зная продолжения.

— Что еду я домой, до Хартвилла в Миссури! — закончил Люк.

Рэнс раззявил рот и восхищенно уставился на него.

— Эй, ты это прямо сейчас придумал? — Он щелкнул пальцами. — Значит, ты литератор или что-то вроде.

— Меня устроит «что-то вроде», — ответил Люк. — Кстати, расскажи мне побольше о моих обязанностях.

— Тут и рассказывать нечего. Цены висят на стене, а все, чего нет на виду, найдешь в холодильнике. Вот твои пять долларов, и большое тебе спасибо.

— Удачи, — сказал Люк. Они пожали друг другу руки, и Рэнс вышел, весело напевая: — О, Каа-лии-фоорнийя, простишь ли ты меня... до Хартвилла в Миссури...

Десять минут отняло у Люка знакомство с содержимым холодильника и ценами на стене. Похоже, самое сложное, что могли у него попросить, это яйца с ветчиной. Он довольно часто готовил их для себя дома. Писатели-холостяки, не желающие прерывать работу, чтобы выйти перекусить, становятся неплохими специалистами по быстрому приготовлению некоторых блюд.

Да, работа казалась простой, и у Люка родилась надежда, что хозяин заведения передумает сворачивать дело. Десять долларов в день плюс питание — вполне достаточно, чтобы продержаться какое-то время. А когда нужда отступит, можно снова писать по вечерам.

Однако торговля или, точнее, ее отсутствие, разбила эту надежду гораздо раньше, чем время подошло к пяти. Клиенты появлялись со скоростью примерно одного в час и оставляли в кассе по полдоллара или еще меньше. Гамбургер и кофе за сорок центов или кофе с пирогом за тридцать пять. Самый азартный немного поднял среднюю величину, поставив доллар без пяти центов на шницель, однако даже для такого профана, как Люк, было ясно, что прибыль не покрывала цены продуктов, увеличенной на

торговые накрутки, хотя единственной накруткой была его плата.

Марсиане квимили в бар несколько раз, но получилась так, что не в то время, когда у стойки насыщались клиенты. Компания одного Люка им не улыбалась, и они через пару минут исчезали.

Без четверти пять Люк еще не чувствовал себя голодным, но решил, что мог бы сэкономить немного, сделав запас на вечер. Он приготовил себе бутерброд с ветчиной и съел его, а еще один завернул в бумагу и сунул в карман пиджака.

При этом пальцы его наткнулись на листовку, полученную в полдень на Пин-авеню. Возвращаясь за стойку, Люк взял листовку с собой и развернул, чтобы прочесть за последней чашкой кофе.

«ПОБЕДИ ДЕПРЕССИЮ, ПОЛУЧИ НОВУЮ ПРОФЕССИЮ» — советовала листовка и добавляла пониже меньшими буквами: «Стань советником по психологии».

Ни тот, ни другой заголовок не был отпечатан излишне жирно. Шрифт — десятипунктовая антиква с широкими засечками — был несколько старомоден и приятен для глаза.

«Ты умен, имеешь приятную внешность и образование, но не имеешь работы?» — спрашивала листовка. Люк едва не кивнул в ответ, потом стал читать дальше.

«Если да, то у тебя есть шанс помочь человечеству и самому себе, став советником по психологии, чтобы советовать людям, как поступать, чтобы сохранить спокойствие и не лишиться рассудка, несмотря на марсиан, как бы долго они ни оставались на Земле.

Если у тебя подходящая квалификация, особенно, если ты знаком с психологией, то буквально несколько уроков — максимум два или три — дадут тебе необходимые знания и умение анализировать, чтобы ты помог себе, а потом и другим, противостоять преднамеренному покушению на психическое здоровье человека, совершаемому сегодня марсианами.

Численность класса ограничена до семи человек, чтобы сделать возможной свободную дискуссию на каждом занятии. Оплата весьма умеренная — пять долларов за урок.

Твоим профессором будет нижеподписавшийся бакалавр естественных наук (Государственный Университет в Огайо, 1953), доктор психологии (Государственный Уни-

верситет в Калифорнии, 1958); в течение пяти лет проработавший психологом в «Конвэйр, Инк.», активный член Американского Психологического Общества, автор многочисленных монографий, а также книги «Ты и твои нервы» (Даттон, 1962) *Доктор Ральф С. Форбс*».

И — номер телефона в Лонг-Бич.

Перед тем как снова свернуть листовку и сунуть в карман, Люк прочел ее еще раз. Это не было похоже на липу... если этот парень действительно обладал всеми перечисленными степенями.

И в этом был смысл. Людям действительно нужна помощь, причем скорая: нервные срывы ширились и множились. Если у доктора Форбса имелся какой-то рецепт...

Люк посмотрел на часы — уже десять минут шестого. Он как раз думал, на сколько может опоздать шеф, и не следует ли просто закрыть дверь и уйти, когда она вдруг открылась.

Вошел коренастый мужчина средних лет и внимательно оглядел Люка.

— А где Рэнс?

— На пути в Миссури. Вы хозяин?

— Да. Что тут случилось?

Люк объяснил ему. Хозяин кивнул и прошел за стойку. Там он открыл кассу, прочел записку Рэнса и что-то пробормотал. Потом пересчитал наличные — это не заняло много времени — и вытащил контрольную ленту из кассы, чтобы проверить запись на ней. Снова пробормотал что-то и повернулся к Люку.

— Что, такие вшивые дела? — спросил он. — Или вы стянули несколько долларов?

— Да, такие вшивые, — ответил Люк. — Если бы я наторговал хотя бы десять долларов, может, и соблазнился бы. Но не в такой ситуации, когда наторговал неполные пять. Мое честное имя чуть дороже.

Хозяин вздохнул.

— Ладно, я вам верю. Обедали сегодня?

— Съел один бутерброд. Второй сунул в карман.

— Черт побери, берите еще! Чтобы хватило и на завтра. Я уже закрываю — зачем терять весь вечер? — и забираю домой остатки жратвы. Но ее тут чертова прорва, она протухнет прежде чем мы с женой ее одолеем.

— Спасибо, тогда я что-нибудь возьму.

Он сделал себе еще два бутерброда — это позволит не тратить завтра деньги на еду.

3

Вернувшись к себе в комнату, Люк предусмотрительно спрятал бутерброды в один из чемоданов, чтобы обезопасить их от мышей и тараканов — если здесь были мыши и тараканы; он пока ничего такого не заметил. Правда, комнату снял только утром.

Вынув листовку из кармана, Люк вновь принялся читать ее. Внезапно на плече у него возник марсианин и тоже стал читать. Марсианин закончил первым, хихикнул и исчез.

Да, это имело смысл, и Люк решил потратить пять долларов на урок у профессора психологии. Вынув бумажник, он в очередной раз пересчитал деньги. Шестьдесят один доллар — на пять больше, чем оставалось утром после платы за комнату на неделю вперед. Благодаря счастливому стечению обстоятельств он не только обогатился в баре на эти пять долларов, но не потратил сегодня ни цента на еду, да и на завтра обеспечился.

Почему бы не рискнуть этими пятью долларами и убедиться, сможет ли он превратить их в источник постоянного дохода? Черт побери, даже если не удастся и он не получит с этого никаких денег, за пять долларов можно купить информацию о том, как владеть собой. Благодаря этому он сможет снова попытаться писать.

Не откладывая, Люк пошел к телефону в холле чтобы позвонить по номеру, указанному в листовке.

Спокойный громкий голос в трубке подтвердил ему, что он имеет дело с Ральфом Форбсом.

Люк назвал себя.

— Я прочел вашу листовку, доктор, — сказал он, — и заинтересовался. Когда у вас следующий урок и есть ли еще свободные места?

— Занятий пока не было, мистер Деверо. Первая группа собирается сегодня вечером, в семь, то есть через час. А вторая завтра в два часа дня. В обеих группах осталось еще по несколько мест, точнее говоря, по пять, так что есть выбор.

— В таком случае, чем быстрее, тем лучше, — ответил Люк. — Запишите меня на сегодня. Вы ведете занятия у себя?

— Нет, я снял помещение в Дрежер Билдинг на Пинавеню, к северу от Оушен-бульвар. Но прежде чем вы положите трубку, можно задать вам несколько вопросов?

— Конечно, доктор.

— Спасибо. Надеюсь, вы простите мне вопросы о вашем прошлом, перед тем, как занести вас в список. По-

нимаете, мистер Деверо, это не... гмм, липа. Разумеется, я надеюсь на этом заработать, но прежде всего хотел бы помочь людям, а помощь — причем огромная — будет нужна многим. В одиночку я не смогу помочь всем, а потому решил действовать через других.

— Понимаю, — ответил Люк. — Вы ищете учеников, чтобы превратить их в апостолов.

Психолог рассмеялся.

— Остроумно подмечено. Но не будем развивать аналогию; уверяю вас, я не считаю себя мессией. Однако во мне достаточно веры в свой дар помогать другим, чтобы старательно отбирать учеников. Особенно, учитывая небольшой объем групп. Я хотел бы убедиться, что занимаюсь с людьми, которые... гмм...

— Я все понимаю, — прервал его Люк. — Давайте ваши вопросы.

— Есть у вас законченное университетское или равноценное ему образование?

— Я два года ходил в колледж, однако могу поручиться, что мое образование не хуже университетского... в смысле разносторонности. Я всю жизнь был пожирателем книг.

— А можно вас спросить, сколько это уже продолжается?

— Тридцать семь лет. То есть это мне тридцать семь лет, а читаю я лет тридцать.

— Много вы прочли по психологии?

— Ничего серьезного. Так, научно-популярные книги, написанные для дилетантов.

— А кто вы по профессии?

— Писатель.

— Ага! Научная фантастика? Вы часом не Люк Деверо?

Люк почувствовал удовольствие, которое всегда испытывает писатель, когда называют его фамилию.

— Да, — ответил он. — Неужели и вы читаете научную фантастику?

— Конечно, и очень ее люблю. То есть любил две недели назад. Сомневаюсь, чтобы кто-то хотел сейчас читать о пришельцах с другой планеты. По-моему, произошло резкое крушение рынка научной фантастики. Потому вы и ищете новую... гмм, профессию?

— Боюсь, что еще до прихода марсиан я переживал самый глубокий кризис в своей писательской карьере, так

что не могу валить все на них. Хотя они мне, разумеется, не помогли. А то, что вы сказали о рынке научной фантастики, можно повторить еще раз и гораздо конкретнее. Такого рынка вообще нет и не будет годы и годы после ухода марсиан... если, конечно они когда-нибудь уйдут.

— Понимаю. Ну что ж, мистер Деверо, сочувствую вашим неудачам. Надеюсь, незачем добавлять, что я буду рад видеть вас в одной из моих групп. Если бы вы с самого начала назвали свое имя, поверьте, вопросы оказались бы лишними. Итак, сегодня вечером в семь?

— Совершенно верно.

Возможно, вопросы психолога и были лишними, однако Люк был рад, что Форбс задал их. Теперь он не сомневался, что это не липа, что парень этот точно тот, за кого себя выдает. И что пять долларов, которые он вскоре потратит, могут стать лучшим капиталовложением в его жизни. Теперь он не сомневался, что получит новую профессию, и к тому же очень нужную людям. Люк чувствовал, что должен пройти весь курс и прослушать столько лекций, сколько Форбс сочтет для него необходимым, даже если их будет больше двух или трех, о которых говорила листовка. Если деньги у него кончатся раньше, Форбс, несомненно согласится — зная его и восхищаясь им как писателем — дать несколько последних уроков в кредит и позволит заплатить за них, когда Люк начнет зарабатывать, помогая другим.

А между уроками он будет проводить время в публичной библиотеке, будет брать книги домой. То есть, даже не читая, а, собственно, изучая все труды по психологии, которые попадут ему в руки. Читал он быстро, и память у него была неплохая, а раз уж занялся этим вопросом, то нужно идти до конца и стать настоящим психологом, если это возможно без докторской степени. Хотя, кто знает, может, когда-нибудь... почему бы и нет? Если он и вправду кончился как писатель, лучше всего браться за дело — как бы трудно это ни было поначалу — и хорошенько освоить другую важную профессию. Он еще достаточно молод.

Люк быстро принял душ и побрился, чуть порезавшись, когда прямо в ухо ему гаркнули «фу!»; секундой раньше там не было никакого марсианина. Впрочем, порез был неглубокий и палочка квасцов справилась с ним в два счета. Интересно, а психолог может противостоять вот такому и избегать реакций, ведущих к травмам? Что ж,

Форбс должен знать ответ и на этот вопрос. Если же другого выхода не будет, он решит проблему, купив электрическую бритву... как только появятся деньги. Впечатление, вызванное своей фамилией, Люк хотел усилить внешним видом, поэтому надел лучший костюм — коричневый габардин, — чистую белую рубашку, поколебался выбирая галстук: узорный или голубой, более консервативный, и наконец остановился на голубом.

Вышел он, посвистывая, и бодро зашагал, чувствуя, что достиг переломного момента в своей жизни и стоит на пороге новых, лучших времен.

Лифты в Дрежер Билдинг не действовали, но подъем на седьмой этаж не испугал Люка, наоборот, еще и добавил воодушевления.

Когда он открыл дверь в комнату шестьсот четырнадцать, из-за стола навстречу ему встал высокий, худощавый мужчина в толстых очках, одетый в темно-серый костюм.

— Люк Деверо? — спросил он.

— Собственной персоной, доктор Форбс. Но как вы меня узнали?

Форбс усмехнулся.

— Методом исключения — все записавшиеся уже явились, кроме вас и еще одной особы. А еще потому, что видел вашу фотографию на обложке книги.

Люк огляделся и увидел, что в комнате, в удобных креслах сидят еще четыре человека. Двое мужчин и две женщины. Все были элегантно одеты и производили впечатление людей интеллигентных и симпатичных. Был также один марсианин, он сидел по-турецки на краю стола Форбса. Он ничего не делал, похоже, даже скучал. Форбс познакомил Люка со всеми... за исключением марсианина. Мужчин звали Кендалл и Брент, женщины представились как мисс Ковальска и миссис Джонстон.

— Я познакомил бы вас и с нашим приятелем с Марса, если бы у него было имя, — со смехом заметил Форбс. — Но они уверяют, что не носят имен!

— Отцепись, Джонни, — буркнул марсианин.

Люк выбрал одно из свободных кресел, а Форбс вернулся на свой вращающийся стул.

— Ровно семь, — сообщил он, посмотрев на часы. — Думаю, следует подождать еще несколько минут, пока придет наш последний слушатель. Вы согласны, господа?

Все утвердительно закивали, а мисс Ковальска спросила:

— Может, нам, пока ждем, рассчитаться с вами?

Пять пятидолларовых бумажек, включая банкнот Люка, перекочевали на стол Форбса. Доктор их там оставил.

— Спасибо, господа, — сказал он. — Пусть они полежат здесь. Если кто-то из вас останется недоволен уроком, он сможет забрать свои деньги. Ага, вот и наш последний слушатель. Мистер Грэшем?

Форбс пожал руку вошедшему, лысому мужчине лет сорока, он показался Люку странно знакомым, хотя он и не мог вспомнить, где видел его — а потом представил его остальным. Грэшем заметил стопку банкнот на столе и добавил к ним свои пять долларов, а затем занял свободное место рядом с Люком. Пока Форбс раскладывал на столе свои записи, Грэшем наклонился к Люку и прошептал:

— Мы с вами уже встречались?

— Видимо, да, — ответил Люк. — У меня такое же чувство. Но поговорим потом. Минуточку, кажется...

— Прошу тишины!

Люк умолк и резко откинулся в кресле. В следующее мгновенье легкий румянец покрыл его щеки — он понял, что слова эти произнес марсианин, а не Форбс. Марсианин весело поглядывал на Люка.

Форбс улыбнулся.

— Для начала я хотел бы сказать, что вы не сможете игнорировать марсиан — особенно, когда они заговорят или сделают что-то неожиданно. Я не собирался пока касаться этого вопроса, но вижу, что на сегодняшнем уроке у меня будет «помощник», поэтому лучше начать с вывода, к которому я хотел подойти постепенно.

Вот он: ваша жизнь, ваши мысли, ваше психическое здоровье, так же, как жизнь, мысли и психическое здоровье людей, которым, надеюсь, вы будете давать советы и уроки, меньше пострадают от марсиан, если вы выберете нечто среднее между попыткой полностью их игнорировать и серьезным к ним отношением.

Полное игнорирование — или, скорее, попытка игнорирования, то есть делание вида, будто их среди нас нет, когда не может быть никаких сомнений, что есть — является попыткой отрицания действительности, которая кратчайшим путем может довести до шизофрении и паранойи. И наоборот, пристальное внимание, глубокая нена-

висть к ним может в скором времени завершиться нервным срывом или апоплексическим ударом.

«В этом есть смысл, — снова подумал Люк. — Почти во всем лучшая дорога проходит посредине».

Марсианин на столе Форбса протяжно зевнул.

Внезапно в комнату вквимил еще один марсианин, приземлившись на самую середину стола. Так близко от носа Форбса, что тот невольно икнул. Потом улыбнулся классу поверх головы марсианина и попытался взглянуть на свои записи, но новый марсианин уселся прямо на них. Форбс сунул сквозь него руку и отодвинул их в сторону. Марсианин переместился вместе с ними.

Психолог вздохнул и посмотрел на класс.

— Ну что ж, похоже, мне придется говорить, не пользуясь записями. У них, надо сказать, детское чувство юмора.

Он отклонился в сторону, чтобы лучше видеть из-за головы марсианина, сидевшего перед ним. Марсианин тоже отклонился. Форбс выпрямился — марсианин сделал то же.

— Да, именно детское, — повторил Форбс. — Кстати, нужно сказать, что именно благодаря наблюдениям за детьми и за их реакцией на марсиан я сформулировал большинство своих теорий. Все вы, несомненно, заметили, что по прошествии нескольких часов дети привыкают к марсианам, принимают их гораздо легче и охотнее, чем взрослые. Особенно дети в возрасте до пяти лет. У меня самого двое детей и...

— Трое, Джонни, — заметил марсианин с угла стола. — Я читал соглашение, по которому ты отслюнил одной дамульке из Гардена две тысячи долларов, лишь бы она не предъявляла иска об отцовстве.

Форбс покраснел.

— У меня двое детей дома, — с нажимом сказал он, — а еще...

— А еще жена алкоголичка, — добавил марсианин. — Не забудь о жене.

Форбс посидел несколько секунд с закрытыми глазами, словно считал про себя.

— Нервная система ребенка, — продолжал он, — как я объяснял в моей популярной книге «Ты и твои нервы»...

— Не такой уж и популярной, Джонни. В твоей налоговой декларации говорится о неполной тысяче экземпляров.

— Я имел в виду, что она написана в популярной форме.

— Тогда почему же она не продавалась?

— Потому, что люди ее не покупали! — рявкнул Форбс и улыбнулся классу. — Прошу прощения. Зря я втянулся в этот бессмысленный спор. Когда вам задают глупые вопросы, не отвечайте на них.

Марсианин, сидевший на записях Форбса, внезапно перебрался на его голову, размахивая ногами перед его лицом таким образом, чтобы то открывать, то закрывать психологу поле зрения.

Форбс взглянул на записи, теперь открывшиеся перед ним.

— Гмм... у меня здесь помечено, чтобы напомнить вам... и лучше сделать это сразу, пока я еще могу прочесть... что в общении с людьми, которым вы будете помогать, следует быть абсолютно искренними...

— А сам ты почему не был, Джонни? — спросил второй марсианин.

— ...и воздерживаться от голословных утверждений о себе...

— Вроде тех, что ты понаписал в своей листовке, Джонни? Позабыв добавить, что ни одна из твоих монографий никогда не была опубликована?

Форбс покраснел, как рак, за маятником из зеленых ног. Он медленно встал, крепко сжимая руками край стола.

— А почему ты не рассказал, Джонни, ни того, что в «Конвэйр» был только ассистентом психолога, ни того, за что тебя вышвырнули? — марсианин на столе сунул большие пальцы в уши, помахал остальными и громко фыркнул.

Форбс с усилием повернулся к нему, а потом взвыл от боли, когда его кулак, пройдя сквозь марсианина, сбросил на пол тяжелую бронзовую лампу, которую тот заслонял.

Психолог затряс покалеченной рукой, пытаясь увидеть ее сквозь размахивающие ноги второго марсианина. Внезапно оба зеленых человечка исчезли.

Форбс медленно сел и тупо посмотрел на шестерых людей, находившихся перед ним, как будто не понимал, что они тут делают. Потом махнул рукой перед лицом, словно отгоняя что-то, чего там уже не было.

— В общении с марсианами прежде всего нужно пом... — он умолк, закрыл лицо руками и тихо зарыдал.

Женщина, представившаяся как миссис Джонстон, сидела ближе всех к столу. Она встала, наклонилась вперед и положила ладонь на плечо психолога.

— Мистер Форбс... — сказала она. — Мистер Форбс, что с вами?

Ответа не было, но рыдания постепенно стихли.

Остальные тоже поднялись с кресел. Миссис Джонстон повернулась к остальным.

— Мне кажется, лучше оставить его одного, — сказала она. — И еще, думаю... — она подняла шесть пятидолларовых бумажек, — ...что мы получили их обратно. — Один банкнот женщина взяла себе, остальные раздала. Все вышли, некоторые на цыпочках.

Все, кроме Люка и мистера Грэшема, что сидел рядом с ним.

— Останемся, — предложил Грэшем. — Ему может понадобиться помощь.

Люк, соглашаясь, кивнул.

Оставшись одни, они приподняли со стола голову Форбса и поддержали его на стуле. Глаза у него были открыты, но психолог смотрел как бы сквозь Люка и Грэшема.

— Шок, — заметил Грэшем. — Он может из него выйти и снова будет здоров. Хотя... — в голосе его звучало сомнение. — Может, лучше вызвать специалистов из дома, где двери без ручек?

Люк осмотрел пораненную кисть Форбса.

— Сломана, — констатировал он. — Помощь нужна ему так или иначе. Вызовем врача. Если до того времени он не выйдет из шока, пусть врач вызывает тех.

— Хорошая идея. Может, даже звонить не придется. Рядом есть кабинет врача; когда я шел сюда, там горел свет. Наверное, у него вечернее дежурство или просто засиделся допоздна.

Врач засиделся допоздна и уже собирался уходить, когда они заглянули к нему. Его привели в комнату Форбса, объяснили, что произошло, и возложили ответственность на него.

Спускаясь по лестнице, Люк сказал:

— Неплохой был человек, пока держался.

— И идея была неплоха, пока держалась.

— Точно, — согласился Люк. — Я и сам чувствую себя где-то некуда. Послушайте, мы же хотели вспомнить, где видели друг друга раньше. Вы не вспомнили?

— Может, в «Парамаунте»? Я работал там шесть лет, пока две недели назад они не свернули лавочку.

Sgt. Rock

— Точно, — сказал Люк. — Ты занимался графиком рабочего сценария. Пару лет назад я провел несколько недель в «Парамаунте», работал над сценариями. Шло неважно, и я бросил это дело. Мой талант проявляется в повествовании, а не в киносценариях.

— Вот и ладно. Так, значит, Деверо?

— Для тебя просто Люк. А тебя зовут Стив, правда?

— Верно. Я тоже чувствую себя неважно. И уже знаю, как потратить те пять долларов, которые только что получил обратно. Ты уже придумал, что сделать со своими?

— То же самое. Куда пойдем, ко мне или к тебе?

Обсудив вопрос, они решили, что лучше пойти к Люку; Стив Грэшем остановился у сестры и ее мужа, а там были дети и другие неудобства, так что комната Люка оказалась наилучшим вариантом.

Они топили свои печали, поглощая стакан за стаканом. Оказалось, что у Люка литраж больше. Вскоре после полуночи Грэшем отключился, а Люк еще шевелился, только руки-ноги чуть заплетались.

Он попытался разбудить Грэшема, но ничего не вышло, поэтому просто налил себе еще и сел со стаканом в руке, чтобы пить и думать, вместо того, чтобы пить и разговаривать. Впрочем, он предпочел бы разговор и уже почти хотел, чтобы появился марсианин. Но ни один так и не заглянул, а Люк еще не был настолько пьян или безумен, чтобы говорить с самим собой.

— Но это пока... — громко произнес он, и звук собственного голоса так испугал его, что он вновь умолк.

«Бедный Форбс», — подумал Люк. Они с Грэшемом удрали от него, а надо было остаться и приложить все усилия, чтобы ему помочь... по крайней мере, пока не убедились бы, что это бесполезно. Они не дождались даже диагноза врача. Интересно, вывел он Форбса из шока, или вызвал парней из дома с дверями без ручек?

Можно было позвонить ему и спросить, чем кончилось. Вот только Люк не помнил фамилии врача, а точнее и вовсе не знал.

Еще он мог позвонить в Городскую больницу для душевнобольных в Лонг-Бич и узнать, привозили туда Форбса или нет. А если попросить к телефону Марджи, от нее можно получить больше информации, чем от телефонистки. Но он не хотел разговаривать с Марджи. Хотя нет, пожалуй, хотел. Нет, все-таки не хотел — она с ним развелась, и к дьяволу ее. К дьяволу всех баб!..

Люк вышел в холл и направился к телефону, только слегка покачиваясь. Зато пришлось прикрыть один глаз: сначала — чтобы прочесть мелкий шрифт в телефонной книге, потом — чтобы набрать номер.

Он спросил Марджи.

— Как ее фамилия?

— Э-э... — Целую страшную секунду Люк не мог вспомнить девичью фамилию Марджи. Потом наконец вспомнил, однако решил, что жена могла отказаться от мысли вновь пользоваться ею, тем более, что развод не вступил еще в законную силу. — Марджи Деверо. Медсестра.

— Подождите минуточку.

Вскоре голос Марджи произнес:

— Алло?

— Привет, Марджи. Это Люк. Я тебя не разбудил?

— Нет, у меня ночное дежурство. Люк, я рада, что ты звонишь — я за тебя беспокоилась.

— Беспокоилась? Со мной все в порядке. А почему ты беспокоилась?

— Ну, понимаешь... Марсианс... Столько людей... В общем, я беспокоилась.

— Ты думала, они довели меня до безумия? Не волнуйся, дорогая, им до меня не добраться. Я же пишу научную фантастику, помнишь? Я ведь сам придумывал марсиан.

— Ты хорошо себя чувствуешь, Люк? Ты пил?

— Разумеется, пил. Но чувствую себя хорошо. А как у тебя?

— Потихоньку. Очень много работы. Наша больница... ну ты знаешь, это сумасшедший дом. Я не могу разговаривать долго. Тебе что-то нужно?

— Ничего, дорогая. Все путем.

— Мне пора бежать. Но я хотела бы поговорить с тобой, Люк. Позвонишь завтра после полудня?

— Конечно. Во сколько?

— Неважно, только после полудня. Пока, Люк!

— Пока, сокровище!

Он вернулся к своей бутылке и тут вспомнил, что забыл спросить Марджи о Форбсе. А, черт с ним, это не имеет значения. Как бы он ни чувствовал себя, Люк все равно ничего не может поделать.

Странно, что Марджи была так мила с ним. Особенно после того, как узнала, что он пил. Сама она пила мало

и всегда злилась на него, когда он позволял себе выпить слишком много, как сегодня, например.

Видимо, она и вправду беспокоилась за него. Но почему?

И вдруг он вспомнил. Она всегда подозревала, что он не совсем нормален. Однажды даже пыталась заставить его пройти обследование; по этому поводу они всегда спорили. Теперь, когда у многих крыша ехала, она подумала, что Люк вполне мог оказаться в числе первых.

К черту ее, если она так решила. Он будет последним, до кого доберутся марсиане, а вовсе не первым.

Люк налил себе еще. Не потому, что нуждался в этом — он и так уже перебрал, — а просто назло Марджи и марсианам. Он им еще покажет.

Один из них был теперь в комнате. Марсианин, ясно, не Марджи.

Люк ткнул в него дрожащим пальцем.

— Ты не сможешь со мной разделаться, — сказал он. — Я сам тебя придумал.

— Тебе и так абзац, Джонни. Ты пьян, как сапожник.

Марсианин с отвращением перевел взгляд с Люка на Грэшема, храпевшего на кровати. Видимо, он пришел к выводу, что ни один из них не заслуживает внимания, потому что тут же исчез.

— Ну вот... я же говорил, — произнес Люк.

Он еще раз хлебнул из стакана, а потом отставил его. Как раз вовремя, потому что голова упала ему на грудь, и он заснул.

И снилась ему Марджи. В этом сне были ссоры и драки с нею, но были и... Впрочем, даже если марсиане крутились поблизости, сны пока оставались его личным делом.

4

Железный Занавес дрожал, как осиновый лист во время землетрясения. Вожди Пролетариата обнаружили в стране оппозицию, среди которой невозможно провести чистку, которую нельзя даже запугать.

И при этом они не только не могли возложить вину за появление марсиан на империалистов и поджигателей войны, но быстро убедились, что марсиане куда хуже любых поджигателей.

Они не только не были марксистами, но начисто отвергали и осмеивали политическую философию любого сорта. В равной степени смеялись они над всеми земными правительствами и системами, теоретическими в том числе. Да, сами они имели систему идеальную, хоть и не желали отвечать, в чем она заключалась, а в лучшем случае утверждали, что это не наше собачье дело.

Они не были миссионерами и не собирались нам помогать, хотели только знать обо всем, что творилось, а также изводить и нервировать нас, как только могли.

По ту сторону дрожащего Занавеса это удавалось им превосходно.

Как мог кто-либо пустить Большую Ложь или хотя бы немного приврать, если со всех сторон его окружали миллионы марсиан, готовых тут же ее опровергнуть! Они всей душой полюбили пропаганду.

А с каким наслаждением они чесали свои языки! Никто не знает, сколько людей было в ускоренном порядке осуждено в коммунистических государствах за первый, а может, и за второй месяц присутствия марсиан — крестьян, директоров заводов, генералов, членов Политбюро. Опасно было что-либо говорить или делать в присутствии марсиан. А марсиане всегда оказывались поблизости.

Разумеется, через некоторое время процесс замедлился. Так и должно было случиться. Невозможно убить всех — во всяком случае, за стенами Кремля, — хотя бы потому, что тогда империалисты и поджигатели войны могут явиться и захватить власть. Невозможно даже сослать всех в Сибирь; конечно, она вместила бы всех, но не сумела бы удержать.

Требовалось пойти на уступки, позволить хоть небольшую свободу мнений. Приходилось оставлять без внимания мелкие отклонения от линии партии, а то и вообще закрывать на них глаза. Уже одно это было просто ужасно.

Но, что самое худшее — стала невозможна пропаганда, даже внутри страны. Факты и цифры в речах и газетах должны были совпадать с истиной. Марсиане наслаждались выискиванием малейших расхождений, а потом раздували их и доводили до всеобщего сведения.

Как можно управлять страной в таких условиях?

5

Однако империалистам и поджигателям войны хватало своих проблем. Да и у кого их не было?

Возьмем, к примеру, Ральфа Блейза Уэнделла, родившегося на переломе века и достигшего сейчас шестидесяти четырех лет. Высокого, хотя в последнее время слегка сутулящегося, худощавого, с редеющими седыми волосами и усталыми серыми глазами. Он имел несчастье быть выбранным в 1960 году президентом Соединенных Штатов Америки, хотя тогда это не казалось несчастьем.

Сейчас и до тех пор, пока ноябрьские выборы не положат этому конец, он был президентом страны, населенной стами восемьюдесятью миллионами людей... и почти шестьюдесятью миллионами марсиан.

Сейчас — то есть вечером одного из первых дней мая, через шесть недель после вторжения марсиан — он сидел один в своем Овальном кабинете и размышлял.

Совершенно один, не было даже марсианина. Такое порой случалось. Когда он бывал один или только со своей секретаршей, то имел не меньшие шансы на покой, чем все остальные люди. Президентов и диктаторов марсиане посещали не чаще, чем бухгалтеров и попечителей по делам несовершеннолетних. Они не уважали права личности, не уважали вообще ничего. Но вот сейчас, пусть даже временно, он был один. Дневная норма отработана, но вставать трудно. А может, уже не хватает сил. Он был едва жив от той особой усталости, которую вызывает чувство высокой ответственности в соединении с сознанием полной своей некомпетентности.

В очередной раз с горечью думал он о шести прошедших неделях и о хаосе, который воцарился в стране. О кризисе, по сравнению с которым Великая Депрессия тридцатых годов выглядела как период высокой конъюнктуры, превосходящей идеалы алчности.

О кризисе, который начался не крахом на бирже, а внезапной потерей работы всеми, кто был занят в индустрии развлечений, причем не только артистами, но и рабочими сцены, билетерами и уборщицами; всеми, занятыми в профессиональном спорте; всеми, как-то связанными с кинобизнесом; всеми, работавшими на радио и телевидении, за исключением техников, присматривающих за передатчиками и ставящих старые записи и фильмы, а также немногих — очень немногих — дикторов и комментаторов.

И всеми музыкантами — как симфонических оркестров, так и дансингов.

Никто понятия не имел, сколько миллионов людей прямо или косвенно были связаны с кино и спортом, пока все они разом не лишились работы.

А падение почти до нуля стоимости акций индустрии развлечений вызвало крах биржи.

Кризис приобрел колоссальные размеры и все разрастался. Производство автомобилей упало на 87% по сравнению с тем же периодом прошлого года. Люди, даже те, кто еще не потерял работу, не покупали новых машин. Люди сидели по домам. Куда им было ездить? Правда, некоторым приходилось ездить на работу и обратно, но для этого вполне годилась старая машина. Кто был бы настолько наивен, чтобы покупать новую машину во время такого кризиса, особенно при огромном рынке подержанных машин, забитом почти новыми автомобилями? Чудом казалось не то, что производство машин упало на 87%, а то, что они еще выпускались.

А в ситуации, когда на машинах ездили только по необходимости — езда ради удовольствия перестала его доставлять — пострадали также нефтедобытчики и нефтепереработчики. Более половины заправочных станций закрылись.

Туда же канули сталь и резина. Безработица росла.

Упадок переживало строительство, ибо у людей не было денег, и они не строили домов. Новые безработные.

А тюрьмы?! Они были забиты до отказа, несмотря на то, что организованная преступность практически исчезла. Впрочем, теснота в них была и до того, как преступники обнаружили, что их профессия перестала приносить доход. И что прикажете делать с тысячами людей, которых арестовывали каждый день за преступления в состоянии аффекта или от отчаяния?

Что делать с армией, ведь война стала невозможна. Распустить ее? И увеличить армию безработных еще на несколько миллионов человек? Как раз сегодня он подписал закон, немедленно освобождающий со службы каждого солдата и матроса, который мог доказать, что имеет постоянную работу или капитал, гарантирующий, что он не станет подопечным службы социального обеспечения. Но процент уволившихся будет до смешного мал.

Государственный долг... бюджет... программы повышения занятости... армия... бюджет... государственные долги...

Президент Уэнделл закрыл лицо руками и застонал, чувствуя себя очень старым и совершенно беспомощным.

Из угла кабинета донеслось насмешливое эхо его стона.

— Привет, Джонни, — сказал голос. — Снова вкалываешь сверхурочно? Хочешь, помогу?

И смех. Издевательский смех.

6

Но не у всех дела шли плохо.

Возьмем психиатров, сходящих с ума, чтобы удержать от помешательства других.

Или взять владельцев похоронных бюро. При такой смертности, вызванной ростом числа самоубийств, актов насилия и апоплексических ударов, у наполнителей гробов кризиса никакого не было. Они сколачивали состояния, несмотря на растущую тенденцию к простому закапыванию или сжиганию трупов без какого-либо ритуала, который можно было бы назвать похоронами. Марсиане с большим успехом превращали заупокойные службы в фарс и особенно любили речи пастырей, когда те начинали уклоняться от точного перечисления достоинств покойного или неверно толковать некоторые его физические недостатки. То ли на основании предварительного изучения, то ли благодаря подслушиванию или чтению неизвестных писем или дневников, марсиане, сопровождавшие похороны, всегда ухитрялись уцепиться за любую неправду в надгробном слове. Это становилось просто опасно, даже если любимый покойник признавался образцом для подражания; слишком часто пребывающие в трауре узнавали об ушедшем такие вещи, что их самих хватала кондрашка.

Аптеки процветали, продавая аспирин, успокаивающие средства и затычки для ушей.

Однако наивысший расцвет переживала промышленность, от которой вы, конечно, этого и ожидали — производство алкоголя.

С незапамятных времен спиртное было для человека любимым зельем, помогающим убежать от жизненных проблем. Ныне жизнь человека проходила среди маленьких зеленых проблемок, которые были в несчетные тысячи раз хуже прежних. Теперь человеку воистину стало от чего бежать.

Разумеется, насасывались по домам.

Но и бары по-прежнему были открыты, полны после полудня и забиты вечером. В большинстве зеркала на стенах были разбиты из-за того, что люди швыряли в марсиан стаканами, бутылками, пепельницами и вообще чем попало, а зеркала не меняли потому, что новые ждала бы та же скорбная участь.

Однако бары продолжали работать, и люди буквально осаждали их. Марсиане их тоже осаждали, хотя и не пили. Хозяева и завсегдатаи нашли паллиативное решение — поднять уровень шума. Музыкальные автоматы врубали на максимальную громкость, а в большинстве баров их стояло, самое малое, по два. Грохота добавляли еще и радиоприемники, так что клиенту приходилось кричать в ухо собеседнику.

Марсиане тоже шумели не без удовольствия, уровень шума становился уже таким, что громче некуда.

Если ты любил выпить в одиночестве — а таких любителей становилось все больше — в баре у тебя был шанс не пасть жертвой марсианина. Будь их хоть десяток вокруг тебя, но если ты склонялся над стойкой со стаканом в руке и закрытыми глазами, тебе удавалось их не видеть и не слышать. Когда же ты снова открывал глаза и видел их, это тебе уже не мешало.

Да, бары процветали.

7

Возьмем «Желтый Фонарь» на Пин-авеню в Лонг-Бич. Бар как бар, но в нем сидит Люк Деверо, нам сейчас самое время вернуться к нему. Тем более, что с ним должно случиться нечто необычайное.

Люк стоит у стойки со стаканом в руке и глаза его закрыты, так что мы можем рассмотреть его, не мешая.

Он не очень изменился с тех пор, как мы видели его в последний раз, то есть семь недель назад. Он по-прежнему умыт и гладко выбрит, одежда его в довольно приличном состоянии, хотя пиджаку и не помешало бы общение с утюгом, а складочки на воротнике рубашки говорят о том, что теперь Люк стирает сам. Впрочем, это спортивная рубашка, ей и с этого много чести.

Честно говоря, до сегодняшней ночи Люку везло — в том смысле, что он сумел продержаться на свои пятьдесят

шесть долларов, время от времени восполняемые мелкими заработками — за эти семь недель он так и не перешел на пособие.

Но завтра перейдет.

Он принял это решение, имея еще шесть долларов, и поступил весьма мудро. С той ночи, когда он упился на пару с Грэшемом и позвонил Марджи, Люк ни разу не пил. Он жил, как монах и пахал как вол, если находил ярмо.

Семь недель его поддерживала гордость. Та самая гордость, кстати, которая не позволяла ему снова позвонить Марджи, как он обещал ей по пьянке в ту ночь. Он хотел это сделать, но у Марджи была работа, а Люк не хотел ни видеть ее, ни разговаривать с ней, пока сам не встанет на ноги.

Однако сегодня, под вечер десятого безрадостного дня кряду — одиннадцать дней назад он заработал три доллара, помогая перевезти мебель — и после оплаты скромного ужина из вчерашних булочек и холодных паровых котлет навынос, Люк пересчитал свой тающий капитал и обнаружил ровно шесть долларов — цент в цент.

«Пропади все пропадом, — решил он тогда. — Придется сдаться и переходить на пособие, разве что случится чудо». Впрочем, в чудеса Люк не верил. Если он перейдет на пособие уже завтра, то у него еще хватит денег, чтобы напиться на прощанье. После семи недель воздержания и при полупустом желудке шести долларов вполне достаточно, чтобы надраться, даже если он потратит там только часть денег, а на остаток прихватит с собой бутылку. В обоих случаях он проснулся бы с жутким похмельем, но с пустым бумажником и со спокойной совестью мог бы перейти на пособие. Пожалуй, с похмельем это не так гадко, чем без него.

Придя к выводу, что чуда ждать бесполезно, он отправился в «Желтый Фонарь», где его ждало чудо.

Люк сидел у стойки бара tête-a-tête с четвертой порцией и стискивал стакан ладонью. Он был слегка разочарован, потому что первые три подействовали на него довольно слабо. Впрочем, оставались деньги еще на несколько — в кармане, разумеется: никто не кладет деньги на стойку, чтобы сидеть потом с закрытыми глазами. И по той же самой причине стакан крепко держат в руках.

Люк сделал очередной глоток.

Внезапно он почувствовал на плече чью-то руку и в ухо ему гаркнули:

— Люк!

Крик мог исходить от марсианина, но рука — никоим образом. Кто-то здесь его знал, а он хотел сегодня напиться в одиночестве. Проклятье! Ну что ж, придется избавляться от нахала.

Открыв глаза, Люк повернулся.

Это был Картер Бенсон, он улыбался как призрак. Картер Бенсон, от которого он получил разрешение пользоваться домиком вблизи Индио, где пару месяцев назад пытался начать писать фантастическую книгу, которую так и не написал и уже никогда не напишет.

Картер Бенсон выглядел таким же цветущим, как и всегда, он наверняка по-прежнему был при деньгах. Вот принесла же нелегкая! В другое время — пожалуйста, но в тот вечер Люк не желал видеть даже Картера Бенсона. Пусть даже тот поставит ему выпивку... а он, несомненно, так и сделает, если Люк позволит. Сегодня он хотел пить в одиночестве, чтобы можно было жалеть самого себя за то, что неминуемо произойдет завтра.

Люк кивнул Картеру и сказал:

— До-ре-ми-фа-соль-ля-си-до...

Картер видел его движущиеся губы, но все равно не слышал ни слова. Так не все ли равно, что говорить? Люк снова кивнул, а потом повернулся к своему стакану и закрыл глаза. Картер не дурак; он поймет, в чем дело, и уйдет.

У него было достаточно времени, чтобы сделать еще один глоток и еще раз глубоко вздохнуть от жалости к себе. Потом он снова почувствовал руку на плече. Чертов Картер! Неужели не понимает?

Люк поднял голову — что-то застило ему глаза. Что-то розовое... значит, не марсианин. Что бы это ни было, оно было слишком близко; пришлось отодвинуться, чтобы разглядеть.

Это был чек. Очень знакомый на вид чек, хотя Люк уже давно не видел ничего подобного — чек выданный Издательской Корпорацией Бенштейна, выпускавшей книги Картера Бенсона и самого Люка. Четыреста шестнадцать долларов и сколько-то там центов. Но зачем, черт возьми, Картер тычет его прямо в нос? Чтобы похвалиться, что все еще зарабатывает писательским трудом и нуждается в помощнике, чтобы это отметить? Шел бы он... Люк опять закрыл глаза.

Очередной настойчивый толчок в плечо заставил открыть их снова. Чек по-прежнему маячил перед глазами.

На этот раз Люк разглядел, что чек выписан на Люка Деверо, а не на Картера Бенсона.

Что еще за черт?! Ведь это он должен деньги Бенштейну за все авансы которые получил, а не наоборот.

Как бы то ни было, он потянулся дрожащими пальцами, взял чек и подержал на нужном расстоянии от глаз, внимательно разглядывая. Ничего не скажешь, чек выглядел настоящим.

Тут Люк дернулся и выронил чек — прямо сквозь его руку промчался марсианин, гад катался по стойке, как на катке. Люк спокойно поднял чек и повернулся к Картеру; тот все скалил зубы.

— Что за черт? — спросил он, старательно произнося слова, чтобы Картер мог прочитать по движениям его губ.

Картер указал на бар, поднял два пальца, а потом спросил, преувеличенно артикулируя:

— Пойдем выйдем?

Это было не приглашение подраться, как в старые добрые времена. Фраза имела теперь другое значение — достаточно вспомнить оглушительный шум, царящий в барах марсианской эры. Если двое людей хотели поговорить, не желая при этом орать или читать по губам, они выходили через парадную или заднюю дверь и удалялись от бара на несколько шагов, прихватывая выпивку с собой. Если ни один марсианин не преследовал их или не вквимивал внезапно между ними, удавалось спокойно поговорить. Если же марсианин не желал отвязываться, они возвращались обратно и ничего на этом не теряли. Бармены это понимали и не запрещали клиентам выходить наружу с напитками; кроме того, они были слишком заняты, чтобы уследить за всем.

Люк быстро сунул чек в карман и принял два стакана, заказанные Картером, а потом, по возможности незаметно, вышел через заднюю дверь в слабо освещенный переулок. И счастье, так неожиданно нашедшее Люка, не покинуло его — ни один марсианин не последовал за ними.

— Большое спасибо, Картер. И прости, что я поначалу хотел от тебя отвязаться — я как раз начинал прощальную попойку в одиночку, потому что... а-а неважно. Но что это за чек?

— Ты читал когда-нибудь книгу «Ад в Эльдорадо»?

— Читал ли? Да я же ее сам написал! Но ведь она вышла двенадцать или пятнадцать лет назад. Это был вестерн не из лучших.

— Вот именно! Только вестерн хороший, Люк.

— От нее давно и следа не осталось. Неужели Бернштейн решил ее переиздать?

— Не Бернштейн. Это «Миджет Букс» выпускает новое карманное издание. Рынок вестернов переживает расцвет и они ищут их повсюду. И дали очень неплохой аванс за переиздание этого старого вестерна.

Люк нахмурился.

— Слушай, Картер, а ты не шутишь? Нет, я конечно не смотрю в зубы дареному коню, но с каких это пор четыреста долларов стали неплохим авансом за карманное издание? Конечно, сейчас и это для меня целое состояние, но...

— Успокойся, парень, — прервал его Картер. — Твоя доля составляла три тысячи, а это чертовски хорошо для переиздания в виде покита. Однако ты был должен Бернштейну более двух с половиной тысяч — все авансы, которые ты получил, — и он просто вычел эту сумму. Чек, который у тебя в кармане, это, так сказать, плата нетто; ты ничего никому не должен.

Люк тихо свистнул — это и впрямь меняло дело.

— Бернштейн — лично Берни! — позвонил мне на прошлой неделе, — продолжал Картер. — Почта возвращала письма, отправленные на твой старый адрес, и он понятия не имел, где тебя искать. Я сказал ему, что он может выслать чек на мой адрес, а уж я как-нибудь тебя найду. Он говорил, что...

— А как ты меня нашел?

— Узнал у Марджи, что ты в Лонг-Бич... ты ведь звонил ей несколько недель назад, но перезванивать не стал и не оставил своего адреса. Я приезжал сюда вечерами и учинял обход баров, зная, что рано или поздно встречу тебя.

— Это чудо, что тебе удалось, — ответил Люк. — Я здесь впервые с той ночи, когда звонил Марджи. И в последний раз... то есть, был бы в последний раз, причем на неопределенное время, если бы ты меня не нашел. Так что там сказал Берни?

— Он велел передать тебе, чтобы ты забыл о той фантастической книге. Научная фантастика издохла. Люди бегут сейчас от этого вздора насчет пришельцев из космоса — на их собственных головах сидят марсиане. Однако они по-прежнему читают, растет спрос на детективы, а еще пуще на вестерны. Он велел сказать тебе, что если ты все-таки начал тот НФ-роман... Кстати, ты его начал?

— Нет.

— Это хорошо. Во всяком случае, Берни относительно этого романа повел себя благородно. Он сказал, что заказал его тебе и платил за него авансы, и что если ты уже что-то написал, он заплатит за каждое слово, сколько бы их ни было... а ты потом можешь все это порвать и выкинуть. Он не хочет этого даже видеть, зато хочет, чтобы ты перестал над этим работать.

— Это просто, учитывая, что у меня не было даже идеи. То есть, она уже начинала формироваться — в твоей хижине, но снова ускользнула. В ту ночь, когда появились марсиане.

— Какие у тебя планы?

— С завтрашнего утра перехожу на... — Люк осекся. С чеком на четыреста с лишним долларов ему незачем переходить на пособие. Но какие же у него планы? При кризисном падении цен он может продержаться на эти деньги несколько месяцев. Снова при деньгах он мог бы даже заглянуть к Марджи, если бы ему захотелось. Только вот хотелось ли?

— Сам не знаю, — ответил он, и это был ответ и на вопрос Картера, и на свой собственный.

— А я знаю, — заметил Картер. — Знаю, что ты сделаешь, если у тебя остались мозги в голове. Тебе кажется, что ты кончился как писатель, потому что не можешь писать научную фантастику... по той же причине, по которой все остальные не хотят уже ее читать. Фантастика околела. Но что плохого в вестернах? Однажды ты написал один... а может, и не один?

— Один роман. Несколько повестей и рассказов. Вот только... не люблю я вестерны.

— А канавы копать любишь?

— Э-э... не очень.

— Посмотри сюда. — В руке Картера Бенсона снова появился бумажник, он что-то вынул из него и протянул Люку.

Это походило еще на один чек. Да, это и был еще один чек. В слабом свете Люк с трудом разобрал сумму прописью. Чек на одну тысячу долларов, выписанный Люку Деверо и подписанный У. Б. Мораном, главным бухгалтером Издательской Корпорации Бернштейна.

Картер протянул руку и забрал чек у Люка.

— Он пока еще не твой, парень. Берни прислал его мне, чтобы я передал тебе как аванс за очередной роман

о Диком Западе, если ты согласишься его написать. Велел передать, что если ты согласишься, и книга будет не хуже «Ада в Эльдорадо», ты заработаешь на ней по крайней мере пять кусков.

— Давай его сюда, — потребовал Люк. Овладев чеком, он с любовью вгляделся в него.

Депрессия кончилась. Мысли, теснящиеся в голове, начали подталкивать Люка к пишущей машинке. Долина у подножия Скалистых Гор, ковбой в седле...

— Браво, — сказал Картер. — А теперь пойдем отметим?

— Черт побери, конечно... или все-таки... Слушай, ты не обидишься, если мы не будем? Или хотя бы отложим на потом?

— Как хочешь. Но что случилось? Торопишься начать?

— Вот именно. Думаю, нужно браться за дело, пока запал не прошел. И пока я трезв. Ты не сердишься?

— Черт возьми, конечно, нет. Я все понимаю и рад, что ты так к этому подходишь. Это как открыть новую страницу в своей жизни. — Картер поставил стакан и достал блокнот с карандашом. — Только сначала дай мне свой адрес и номер телефона.

Люк сообщил ему то и другое, потом протянул руку.

— Огромное спасибо. Можешь не писать Берни, Картер. Я сам ему завтра напишу и сообщу, что вестерн уже начат.

— Молодец, парень. Слушай, Марджи за тебя беспокоится; я понял это по тому, как она со мной говорила. Заставила меня пообещать, что передам ей твой адрес, если найду тебя. Ты согласен?

— Конечно, но можешь не брать в голову. Завтра утром я сам позвоню ей. — Он еще раз пожал Картеру руку и поспешно ушел.

Люк чувствовал такое радостное возбуждение, что только поднимаясь по лестнице к себе в комнату заметил, что все еще держит в руках стакан виски с содовой; нес его так осторожно, что не пролил ни капли, хотя шел быстро.

Посмеявшись над собой, он остановился на площадке и опростал стакан.

Войдя в комнату, Люк снял пиджак и галстук, закатал рукава. Поставил на стол пишущую машинку, положил пачку бумаги и подвинул стул. Затем вставил в машинку лист желтой бумаги. Он уже решил, что напечатает на ней черновик, так что можно будет не останавливаться, для правки. Если нужно будет что-то поправить, он сделает это, редактируя беловой вариант.

Название? Для вестерна это не главное. Достаточно, чтобы оно определяло действие и попахивало Диким Западом. Что-нибудь вроде «Выстрелы на границе» или «Выстрелы над Пекосом.*.

Разумеется, выстрелы будут, вот только он не хотел снова повторять историю о фронтире — «Ад в Эльдорадо» был именно об этом — а кроме того, Люк понятия не имел о Пекосе. Лучше всего взять какое-нибудь местечко в Аризоне — там он бывал и мог справиться с описаниями.

Какие реки текут в Аризоне? Гмм, Пюлайа Колорадо, но она слишком длинна. Разумеется, название, а не река. Еще Троут, но «Выстрелы над Троутом» звучало бы просто смешно**. «Выстрелы над Дактилем» — еще хуже.

Ага, есть! Хила. «Выстрелы над Хилой». Это даже могло бы сойти за аллитерацию для тех, кто не знал, что название произносится как «Хила», а не «Джила»*** И даже для тех, кто знал, это было вполне хорошее название.

Большими буквами Люк напечатал новообретенное название вверху страницы.

Немного ниже: «Люк Деверс». Этой фамилией он подписал «Ад в Эльдорадо» и несколько других своих вестернов. «Деверо» казалось слишком претенциозным для ковбойской оперы. Если же Берни думал иначе и считал, что слава, завоеванная Люком на романах, сохранилась до сих пор и поможет продать вестерн, то это его дело. За тысячу долларов аванса и четыре тысячи возможного гонорара Берни пусть ставит на книгу любую фамилию, какую захочет. Это было больше, чем Люк обычно получал за фантастический роман.

Еще ниже он отстучал посредине «Глава I», отступил несколько строк и перевел каретку вправо. Он был готов.

Люк решил ковать железо, пока горячо, пусть сюжет или хотя бы детали вылуплятюся сами, по мере работы.

Что ни говори, а для вестерна не так уж много разновидностей сюжета. Допустим, он применит основной тип, который использовал в одной из своих повестушек под названием «Гром над прерией». Два противоборствующих ранчо, одно управляемое «черной душой», другое — положительным героем. И сейчас будет по одному ранчо по обе стороны реки Хилы, вот и название. У «черной души» ранчо, разумеется, больше, и служат наемные бан-

---

* Пекос — река в Техасе.

** Trout *(англ.)* — форель.

*** По-английски река называется Gila.

диты, у положительного героя — меньше, и возможно, пара ковбоев, которых бандитами не назовешь.

Зато у него, конечно, есть дочь. Если уж берешься за роман, ты должен вывести в нем симпатичную девчонку.

Теперь действие набирает скорость.

Нужно почаще менять рассказчиков. Сначала это некий авантюрист, которого нанял «черный», и который как раз приехал, чтобы присоединиться к большому ранчо.

Однако в глубине души этот парень неплохой человек и вскоре влюбится в дочь хорошего фермера. И перейдет на другую сторону, и поспешит на помощь хорошим людям, когда убедится, что...

Опробовано и безотказно. Верняк.

Пальцы Люка повисли над клавишами, постучали по пробельной, чтобы обозначить абзац, а потом начали выстукивать:

«Когда Дон Марстон подъехал поближе к фигуре, поджидающей его на дороге, та превратилась в человека с грозным взглядом, руки которого держали винтовку, уперев ее прикладом в луку седла...»

Взад-вперед бегала каретка, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее, по мере того как Люк втягивался, отключившись от всего, кроме возникающих на бумаге слов.

И тут на каретке появился марсианин, один из самых мелких.

— Хей-хо! — крикнул он. — Жупийя, хо, Сильвер! Быстрее, Джонни, быстрее!

Люк вскрикнул.

А потом...

8

— Кататония, доктор? — спросил практикант.

Врач скорой помощи потер впалую щеку, глядя на неподвижную фигуру, лежавшую на кровати.

— Очень странно, — сказал он. — Несомненно, фиксируется состояние кататонического столбняка, но это лишь переходная фаза. — Он повернулся к хозяйке Люка, стоявшей в дверях комнаты. — Так вы утверждаете, что сначала услышали крик?

— Совершенно верно. Мне показалось, что это из его комнаты, поэтому я вышла в холл, чтобы прислушаться,

но там стучала пишущая машинка. Ну, я решила, что все в порядке, и пошла к себе. А потом, минуты через две-три, разбилось окно, и тогда я открыла дверь к нему в комнату и вошла. Смотрю — окно выбито, а он лежит с другой стороны на пожарной лестнице. Повезло ему с этой лестницей.

— Странная история, — сказал врач.

— Вы его заберете, доктор? С таким кровотечением...

— Заберем, заберем. Кстати, не беспокойтесь — кровотечение у него не опасное.

— Только не для моего белья. А кто заплатит за выбитое окно?

Врач вздохнул.

— Это не входит в мои обязанности, миссис. Однако, прежде чем увозить его, нужно остановить кровь. Вы не могли бы вскипятить нам немного воды?

— Уже иду, доктор.

Когда хозяйка вышла, практикант удивленно посмотрел на врача.

— Вы действительно хотели, чтобы она кипятила для нас воду, или...

— Разумеется, нет, Пит. Я хотел, чтобы она сунула голову под кран, но она бы не согласилась. Всегда проси женщин вскипятить воду, если хочешь от них избавиться.

— Похоже, это действует. Промыть ему раны спиртом, или так заберем?

— Промой их здесь, Пит. Я хочу немного осмотреться. Кроме того есть шанс, что он придет в себя и сам спустится с третьего этажа.

Врач подошел к столу, на котором стояла пишущая машинка. Из каретки торчал лист. Начав читать, он на секунду остановился на фамилии.

— Люк Деверс, — сказал он. — Звучит очень знакомо, Пит. Где это я в последнее время слышал фамилию Деверс?

— Не знаю, сэр.

— Это начало какого-то вестерна. Я бы сказал, романа, потому что начинается с первой главы. Три абзаца читаются хорошо... потом идет место, где буква пробила бумагу. Я бы сказал, что он дошел до сих пор, когда что-то произошло. Наверняка, марсианин.

— А есть ли еще какая-то причина, от которой люди теряют рассудок, сэр?

Врач вздохнул.

HEY-HO
SILVER!

— Бывали и другие причины, но сейчас они не стоят того, чтобы из-за них сходить с ума. Что ж, именно тогда он и закричал. А потом... хозяйка права, он написал еще несколько строк. Иди-ка, прочти, что тут написано.

— Еще минуту, сэр. Я промываю последнюю ссадину.

Наконец, он подошел к столу.

— До этого места все нормально, — сказал врач, показывая пальцем. — Здесь рычаг пробил бумагу. А потом... «ЖУПИЙЯ ХЕЙ СИЛЬВЕР ЖУПИЙЯ ХО СИЛЬВЕР ЖУПИЙЯ ХЕЙ ЖУПИЙЯ ХО СИЛЬВЕР ЖУПИЙЯ ХЕЙ ЖУПИЙЯ ХО СИЛЬВЕР ВПЕРЕД ЖУПИЙЯ СИЛЬВЕР ХО ВПЕРЕД ЖУПИЙЯ ХЕЙ СИЛЬВЕР ХЕЙ ВПЕРЕД ЖУПИЙЯ ЖУПИЙЯ ВПЕРЕД ВПЕРЕД В СТРАНУ МЕЧТЫ И СНОВ ЖУПИЙЯ ВПЕРЕД»

— Такую телеграмму мог бы послать Одинокий Ковбой своей лошади. Вы что-нибудь понимаете, сэр?

— Не очень. Это как-то связано с тем, что с ним произошло, но понятия не имею, как. Впрочем, я в этом деле человек новый. Ну что, Пит, займемся бумажной работой или сразу отнесем его в машину?

— Сначала проверим его бумажник.

— Зачем?

— Если у него есть деньги — неважно, сколько — придется ему отправиться в частную психиатрическую клинику. Если есть указание: «в случае несчастного случая сообщить...», то мы сообщим первыми, и может, его родственники раскошелятся на платную клинику. У нас такая давка, что нужно все проверять, прежде чем принять кого-то. — У него есть бумажник?

— Да, в заднем кармане брюк. Минуточку. — Практикант перевернул человека, неподвижно лежащего на кровати и вынул из кармана бумажник, и открыл. — Три доллара, — сказал он.

— А эти сложенные бумажки, случайно, не чеки?

— Возможно. — Практикант вынул их, развернул сначала одну, потом другую и тихо свистнул. — Почти полторы тысячи. Если они настоящие...

Врач заглянул ему через плечо.

— Настоящие, в крайнем случае, искусно подделанные. Это уважаемая издательская фирма. Ну-ка... выписаны на имя Люка Деверо. «Люк Деверс», видимо, просто литературный псевдоним, но довольно похожий и звучит знакомо.

Практикант пожал плечами.

— Мне это ни о чем не говорит. Хотя, с другой стороны, я читаю мало беллетристики. Времени нет.

— Я не о том сходстве. Есть одна девушка, сиделка из Городской Больницы для Душевнобольных, так вот она просила всех врачей и психиатров Лонг-Бич сообщить, если кому-то в качестве пациента попадется Люк Деверо. Думаю, это ее бывший муж. Ее фамилия тоже Деверо, а имя... э-э вылетело из головы.

— Жаль. Выходит, нам есть, кому сообщить. А что с этими чеками? Платежеспособен он или нет?

— Имея тысячу четыреста долларов?

— Но ведь чеки не подписаны, а он пока не в состоянии ничего подписать.

— Гмм... — задумчиво хмыкнул врач. — Я тебя понимаю. Ну что ж, как я уже говорил, в данном случае кататония, думаю является состоянием переходным. Но если его признают душевнобольным, будет ли его подпись иметь силу?

— Нечего нам заранее об этом беспокоиться. Поговорим сначала с той дамочкой, его бывшей женой. Может, она возьмет ответственность на себя и избавит нас от хлопот?

— Неплохая мысль. Кажется, в холле на этом этаже есть телефон. Останься здесь и следи за ним, Пит — он в любой момент может прийти в себя.

Врач вышел в коридор и через пять минут вернулся.

— Ну, все улажено, — сообщил он. — Она этим займется. Частная клиника — за ее счет в случае неувязки с чеками. Она отправляет за ним машину, только просит, чтобы мы дождались ее.

— Неплохо, — заметил практикант, зевая. — Интересно, что заставило ее подозревать, что он может так кончить? Расстройство психики?

— Частично — да. Но прежде всего, она боялась, что с ним может случиться беда, если он снова начнет писать. Кажется, после прихода марсиан он не написал ни слова, даже не пытался. Еще она сказала, что когда он по-настоящему углублялся в работу и быстро писал, то выходил из себя по любому поводу. Когда он писал, ей приходилось ходить по дому на цыпочках и... в общем, понимаешь, что я имею в виду.

— Наверное, многие реагируют похоже, когда хотят на чем-то сосредоточиться. Интересно, что сделал ему марсианин сегодня ночью?

— Я знаю не больше тебя. Но что бы ни случилось, это произошло в процессе творчества, в тот момент, когда он взялся за работу. И все-таки интересно — что же это было.

— Почему бы вам не спросить у меня?

Оба повернулись. Люк Деверо сидел на краю кровати с марсианином на коленях.

— А-а? — довольно глупо спросил врач.

Люк улыбнулся и посмотрел на него глазами, которые были — или по крайней мере казались — совершенно спокойными и разумными.

— Я вам расскажу, что случилось, — сказал он, — если это вас вправду интересует. Два месяца назад у меня началось психическое заболевание... видимо, от напряжения, в котором я жил, пытаясь заставить себя писать — у меня ничего не получалось. Я жил в небольшом домике за городом и у меня начались галлюцинации: марсиане мерещились. Так продолжалось до сегодня, а теперь прошло.

— А вы... уверены, что это были галлюцинации? — спросил врач, одновременно положив ладонь на плечо практиканта, чтобы тот молчал. Если бы пациент в подобном состоянии слишком резко посмотрел вниз, он мог бы впасть в шок.

Однако молодой человек не понял.

— В таком случае, как вы назовете существо у вас на коленях? — спросил он Люка.

Люк посмотрел вниз. Марсианин уставился на него, показал Люку длинный желтоватый язык и с громким чмоканьем втянул его обратно. Потом высунул еще раз и потряс им перед носом Люка.

Тот поднял голову и удивленно взглянул на практиканта.

— У меня на коленях ничего нет. Спятили вы, что ли?

9

Случай с Люком Деверо, о котором доктор Элликот Х. Снайдер, психиатр и основатель Фонда Снайдера, клиники, в которую привезли Люка, позднее написал монографию, был, вероятно, исключением. Во всяком случае, ни один уважающий себя психиатр не упоминал ни об одном

случае, чтобы пациент, который прекрасно видел и слышал, не видел и не слышал марсиан.

Разумеется, имелось много людей, страдающих одновременно от слепоты и глухоты. Поскольку прикосновения марсиан были неощутимы, и они не имели ни вкуса, ни запаха, этим несчастным людям невозможно было предоставить объективного или чувственно воспринимаемого доказательства существования марсиан, приходилось им верить на слово — передаваемое каким-либо образом, — что такие существа имеются. Некоторые из этих людей никогда не поверили в них до конца. Сами понимаете, трудно упрекать их за это.

И конечно, были миллионы — много миллионов — здоровых и психически больных ученых, атеистов и просто дураков, признающих факт их существования, но отказывающихся признавать их марсианами.

Самую многочисленную группу среди них составляли суеверные люди и религиозные фанатики, утверждавшие, что самозваные марсиане на самом деле были гномами, гоблинами, демонами, джиннами, домовыми, духами, колдунами, нечистой силой, призраками, привидениями, силами тьмы или зла, троллями, феями, чертями, эльфами и всем прочим из этого набора.

По всему миру в монашеских орденах, сектах и приходах происходили по этой причине расколы. Пресвитерианская церковь, например, разделилась на три самостоятельных конфессии. Возникла церковь пресвитерианско-сатанистская, утверждавшая, что это были дьяволы, посланные из Ада для того, чтобы покарать нас за грехи; образовалась церковь пресвитерианско-научная, признававшая, что это марсиане и что их вторжение на Землю является таким же божьим деянием — ни больше, ни меньше, — как и множество землетрясений, пожаров и наводнений, с помощью которых он время от времени совершенствует свои позитивные деяния. И, наконец, возникла церковь ревизионистско-пресвитерианская, соглашавшаяся с основной доктриной сатанистов, но делавшая еще один шаг и признававшая пришельцев марсианами, благодаря простой ревизии взглядов на локализацию Ада. Небольшая группа представителей этого течения, называющая себя ревизионистами, верила в то, что поскольку Ад находится на Марсе, Рай должен быть под вечными облаками Венеры, этой сестры Земли.

Почти каждая вера распалась или распадалась по та-

ким же — или еще более шокирующим — линиям раздела. Исключением были Церковь Христианской Науки и римско-католическая церковь.

Церковь Христианской Науки сохранила большинство приверженцев — а те, что ушли, предпочли присоединиться к другим группам, а не создавать собственные учения — утверждая, что пришельцы не были ни дьяволами, ни марсианами, а просто видимым и слышимым порождением человеческого греха и, если бы мы не пожелали верить в их существование, они бы ушли. Как можно видеть, доктрина эта весьма похожа на параноидальный бред Люка Деверо, за исключением того, что теория Люка оправдалась, по крайней мере, в отношении его самого.

Римско-католическая церковь сохранила единство и почти девяносто процентов своих последователей благодаря здравому смыслу или, если хотите, непогрешимости папы. Его булла возвестила созыв специальной конференции католических теологов и католических ученых с целью выработки позиции Святого Престола, и объявила, что до оглашения формального решения католики могут считать и так и эдак. Конференция собралась через месяц и все заседала; поскольку условием завершения совещания было принятие единогласного решения, похоже было, что они будут сидеть бесконечно, предотвращая этим опасность схизмы. Правда, в различных странах молодые девицы имели божественные — хотя и противоречащие друг другу — видения относительно природы марсиан, а также их места и предназначения во Вселенной, но ни одно из них не признавалось церковью и каждое завоевало только местных приверженцев. Даже то, которое имела некая чилийка, похвалявшаяся стигматами: отпечатками маленьких шестипалых ручек на своих ладонях.

У людей, более склонных к суевериям, чем к религии, количество гипотез относительно марсиан стремилось к бесконечности. Так же как и количество предлагаемых способов избавления от них с использованием сил зла. Отдельные группы сходились в том, что, независимо от природы марсиан, молитва к Богу, чтобы он освободил нас от них, недопустима.

Однако, на волне моды на суеверия превосходно расходились книги о чарах, демонологии, а также руководства по черной и белой магии. Испытывались все известные формы чудотворства, темных практик и заклятий. Кроме того, изобретались новые.

Среди прорицателей, практикующих астрологию, ну-

мерологию и миллиарды прочих видов мантики* — от гадания на картах до изучения бараньих кишок — предсказывание дня и часа ухода марсиан стало настолько распространено, что независимо от того, когда они покинут Землю, правы должны были оказаться сотни прогнозистов. И каждый прорицатель, предсказывавший их исход в течение нескольких ближайших дней, мог обзавестись приверженцами. На ближайшие несколько дней.

10

— Самый странный случай в моей практике, миссис Деверо, — констатировал доктор Снайдер.

Он сидел в своем роскошно обставленном кабинете за дорогим столом красного дерева. Невысокий мужчина со сверлящим взглядом и улыбчивым лицом, напоминающим полную луну.

— Но почему, доктор? — спросила Марджи Деверо. Она была очень красива, прямо сидя в кресле, созданном для того, чтобы в нем развалиться. Высокая девушка с волосами цвета меда и голубыми глазами, она приехала в санаторий прямо с дежурства в больнице. — Другими словами, ваш диагноз — паранойя?

— С истерической слепотой и глухотой к марсианам. При этом я не хочу сказать, что случай трудный, миссис Деверо. Ваш муж — первый и единственный известный мне параноик, которому живется в десять раз лучше, чем любому из здоровых. Я ему завидую, и никак не могу решиться на лечение.

— Но ведь...

— Люк — я должен был хорошо узнать его, чтобы называть просто по имени — провел здесь уже неделю. Он чувствует себя абсолютно счастливым — за исключением того, что постоянно спрашивает о вас, и успешно работает над романом о Диком Западе. От восьми до десяти часов в день. Он закончил уже четвертую главу; я читал их все, они превосходны. Так сложилось, что я люблю вестерны, читал их по несколько штук в неделю и хорошо знаю жанр. Это не какая-нибудь халтура, а настоящая литература, не уступающая лучшим книгам Зейна Грея, Люка Шорта или Хэйкса и других ведущих мастеров. Мне уда-

---

* Мантика — термин, обычно определяющий все виды гаданий, имеющий своей целью предсказание будущего и, в небольшой степени, воздействие на него. *(Прим. ред.)*

лось достать «Ад в Эльдорадо», первый роман Люка о Диком Западе, он его написал несколько лет назад... Это было еще до того, как вы поженились?

— Задолго до этого.

— И я его прочел. Тот, над которым он сейчас работает, на порядок лучше. Не удивлюсь, если он окажется на самом верху списка бестселлеров или так близко к вершине, как только может оказаться вестерн. Но бестселлер там или нет, он неизбежно станет классикой своего жанра. Так вот, если я вылечу его от этой мании... от его уверенности, что никаких марсиан нет...

— Я понимаю, куда вы клоните. Он никогда не закончит эту книгу... разве что марсиане снова доведут его до безумия.

— Причем до такой же степени безумия. Один шанс из миллиона. Станет ли он счастливее, вновь видя и слыша марсиан, но не имея возможности писать?

— Так вы предлагаете вообще не лечить его?

— Я уж и сам не знаю. Мягко говоря, у меня проблемы, миссис Деверо... Это совершенно непрофессионально: иметь на руках пациента, которого можно вылечить, и даже не попытаться. Я никогда не допускал такой ситуации и не должен допускать ее впредь. Однако...

— Вы что-то узнали о его чеках?

— Конечно. Я позвонил его издателю, мистеру Бернштейну. Чек на меньшую сумму, четыреста долларов — это деньги, которые издатель был ему должен. Хорошо, если бы он переписал этот чек на вас — тогда его можно будет депонировать или использовать на содержание Люка в случае чего. Считая по сто долларов за недельное пребывание у нас, одного этого чека хватит для оплаты прошедшей недели и еще трех. Чек на большую сумму...

— А ваш гонорар, доктор?

— Мой гонорар? Как я могу требовать гонорар, если даже не пытаюсь его лечить? Но вернемся ко второму чеку, на тысячу долларов. Это аванс за роман о Диком Западе. Когда я все объяснил мистеру Бернштейну: что Люк психически болен, но на редкость споро работает над романом; он отнесся к этому скептически. Боюсь, он не доверяет моему вкусу. Он попросил одолжить у Люка рукопись, позвонить ему еще раз, за его счет, и прочесть первую главу по телефону. Я сделал это — разговор, должно быть, стоил более ста долларов, — и Бернштейн был восхищен. Сказал, что если остальное будет на таком же

уровне, то книга принесет Люку, самое малое, десять тысяч долларов, а может, и во много раз больше. По его словам, Люк, естественно, может получить деньги и оставить себе как аванс. И если я сделаю что-то, что помешает Люку закончить книгу, то он лично прилетит сюда и собственноручно меня застрелит. Разумеется, я не допускаю, что он действительно хотел это сделать, а если бы даже допускал, не мог бы позволить, чтобы это повлияло на мое решение. Хотя...

Он виновато развел руками. На правой появился марсианин, бросил: «Отцепись, Джонни», — и исчез.

Доктор Снайдер вздохнул.

— Взгляните на это под другим углом, миссис Деверо. Примем десять тысяч долларов за минимум того, что «Тропа в никуда» — он изменил не только название, но и переписал начало романа — может принести Люку. Те четыре главы, которые он написал за эту неделю, составляют примерно часть книги.

Таким образом, можно смело утверждать, что за последнюю неделю он заработал две с половиной тысячи долларов. Если работа у него и дальше пойдет в таком темпе, он заработает в месяц десять тысяч долларов. Учитывая перерывы между книгами и то, что сейчас он пишет очень быстро, компенсируя творческий кризис, который переживал так долго, в этом году он должен заработать не менее пятидесяти тысяч долларов. И кто знает, может, даже сто или двести, если, как утверждает Бернштейн, этот роман может принести ему значительно больше обычного гонорара. У меня, миссис Деверо, в прошлом году чистыми вышло двадцать пять тысяч. И вы хотите, чтобы я его лечил?

Марджи Деверо улыбнулась.

— Я и сама боюсь об этом думать. До сих пор лучшим годом Люка был второй год нашей супружеской жизни, когда он заработал двенадцать тысяч. Но я кое-чего не понимаю, доктор...

— Чего именно?

— С какой целью вы меня вызвали? Конечно, я хочу с ним увидеться, но ведь вы решили, что лучше мне этого не делать, что это может помешать Люку или довести его до безумия, прервать его работу или даже положить конец. Я говорю это не потому, что хотела бы ждать дольше, но если, работая в таком темпе, он может закончить роман за три недели, может, мне все-таки разумнее по-

дождать? Даже если... он снова изменится, то пусть закончит хотя бы эту книгу.

Доктор Снайдер печально улыбнулся и сказал:

— К сожалению, у меня не было выбора, миссис Деверо. Люк забастовал.

— Забастовал?

— Сегодня утром он заявил, что не напишет ни слова, пока я не позвоню вам и не попрошу, чтобы вы пришли его навестить. Он говорил совершенно серьезно.

— Значит, он потерял сегодня рабочий день?

— О нет. Всего полчаса — столько времени я искал вас по телефону. Он вновь сел работать, как только я сказал, что вы обещали заглянуть вечером. Люк поверил мне на слово.

— Это меня радует. Но прежде чем я пойду к нему, может, у вас будут какие-то рекомендации, доктор?

— Прошу с ним не спорить, особенно насчет его болезни. Если вдруг появятся марсиане, помните, что Люк не видит их и не слышит. И что это полностью соответствует действительности... он не притворяется.

— И я, конечно, тоже должна их игнорировать? Вы же отлично знаете, доктор, что это не всегда возможно. Если, например, марсианин крикнет внезапно вам в ухо, когда вы ничего такого не ожидаете...

— Люк знает, что остальные по-прежнему видят марсиан. Его не удивит, если вы внезапно вздрогнете. А если попросите повторить только что сказанное, он поймет, что марсианин кричал громче, чем он говорил; то есть, что вам *показалось*, будто марсианин крикнул.

— А если марсианин нарочно начнет шуметь, когда я буду говорить с Люком? Как это может быть, доктор, что его подсознание не позволяет ему принимать звуки, издаваемые марсианином, хотя Люк может отчетливо слышать мои слова? Неужели это правда?

— Да. Я это проверял. Его подсознание просто отфильтрует голос марсианина, и он будет слышать только вас, даже если вы будете шептать, а марсианин кричать. Это похоже на то, что происходит с людьми, работающими у пневматических молотов или у других шумных машин. Правда, там скорее многолетняя привычка, чем истерическая глухота позволяет им слышать и понимать обычную речь выше — или, точнее, ниже — уровня шума.

— Ясно. Теперь я поняла, как он может слышать, несмотря на помехи. А как со зрением? Ведь марсиане не-

прозрачны. Как можно видеть сквозь марсианина, даже если не верить в его существование? Допустим, какой-то марсианин появится между мною и Люком, когда он будет на меня смотреть. Не понимаю, как он сможет не увидеть марсианина — пусть хотя бы как пятно, но ведь невозможно, чтобы он видел меня сквозь него; он же должен отдавать себе отчет, что между нами что-то находится.

— Он просто отводит взгляд. Обычный защитный механизм специфической слепоты на почве истерии. А его слепота именно специфична, потому что он видит все, кроме марсиан.

Видите ли, между сознанием и подсознанием существует некое разделение, и подсознание Люка подшучивает над сознанием. И заставляет его отворачиваться или вообще закрывать глаза, вместо того, чтобы позволить ему убедиться, что в его поле зрения находится нечто, мешающее видеть.

— Но как он объясняет для себя это... отворачивание и закрывание глаз?

— Его подсознание подсовывает какое-нибудь объяснение. Присмотритесь к нему, когда появится марсианин, и сами убедитесь. — Доктор вздохнул. — Я точно установил это в первые же дни. Я провел много времени в его комнате, разговаривая с ним, а также читая или делая вид, будто читаю, пока он работал. Не один раз между пишущей машинкой и Люком вквимивался марсианин, и каждый раз Люк закладывал руки за голову и откидывался назад, глядя в потолок...

— Он всегда так делает, когда пишет — прерывается ненадолго, чтобы подумать.

— Разумеется. Но в данном случае именно подсознание прерывало ход его мыслей и заставляло делать именно так, иначе он смотрел бы на клавиши и не видел их. Когда мы беседовали с ним, и между нами возникал марсианин, Люк всегда находил причину встать и отойти в сторону. Однажды марсианин уселся ему на голову и совершенно перекрыл поле зрения, свесив ноги перед лицом. Люк просто закрыл глаза — вообще-то, я этого не видел, потому что марсианские ноги мешали и мне, — и извинился передо мной за это, объяснив, что они у него устали. Его подсознание не позволяет ему признать, что перед ним находится нечто непрозрачное.

— Я начинаю понимать, доктор. Если бы кто-то попытался доказать Люку, что марсиане существуют; если

бы он заверял его, что один из них размахивает ногами перед лицом Люка или провоцировал открыть глаза и сказать, сколько пальцев ему показывают, Люк просто отказался бы под каким-нибудь предлогом.

— Да. Вижу, у вас есть опыт общения с параноиками, миссис Деверо. Давно вы работаете в больнице?

— В сумме почти шесть лет, но за последнее время только десять месяцев — с тех пор, как мы с Люком живем отдельно. И пять с небольшим лет до нашей свадьбы.

— А не могли бы вы мне сказать — разумеется, только как врачу, — чем был вызван ваш разрыв?

— Охотно, доктор... только, может, в другой раз? Это было множество всяких мелочей, а не что-то определенное, и объяснение займет много времени... особенно, если быть справедливой.

— Разумеется. — Доктор Снайдер взглянул на часы. — Боже, я и не заметил, что так задержал вас. Люк, наверно, уже ногти грызет. Но прежде, чем вы подниметесь наверх, можно задать вам один довольно необычный вопрос?

— Конечно, можно.

— Мы очень нуждаемся в сиделках. Не согласитесь ли вы уйти из Городской больницы и работать у меня?

Марджи рассмеялась.

— А что в этом необычного?

— Мотивы, по которым я хочу вас переманить. Люк пришел к выводу, что очень вас любит, что совершил страшную ошибку, позволив вам уйти. По вашему беспокойству и заботливости я делаю вывод, что... гмм... что вы разделяете его чувства.

— Ну... я не уверена, доктор. Да, я беспокоюсь и думаю, что сама была во многом виновата. Сама я чертовски заурядна и, видимо, не понимала в достаточной мере его психических проблем, как писателя. Но смогу ли я снова его полюбить? Этого я не узнаю, пока не увижу его.

— Тогда мои мотивы обоснованы только в случае положительного ответа. Если вы решите работать и жить здесь, я выделю вам смежную с его палатой комнату. Обычно она, разумеется, закрыта...

Марджи снова улыбнулась.

— Я дам вам ответ перед уходом, доктор. Полагаю, вас обрадует известие — если я все-таки соглашусь, — что в этом случае вы не погрешите против морали. Формально мы все еще супруги. Я могу опротестовать развод в любой

момент, пока еще он не обрел юридическую силу, то есть в течение трех месяцев.

— Это хорошо. Вы найдете Люка в шестой палате на втором этаже. Вам придется самой открыть дверь — ручка на ней только со стороны коридора. Чтобы выйти, просто нажмите звонок. Кто-нибудь придет и выпустит вас.

— Спасибо, доктор. — Марджи встала.

— И загляните сюда, если перед уходом захотите со мной поговорить. Боюсь только, что... гмм...

— Что вы уже ляжете спать? — Марджи широко улыбнулась. — Честно говоря, доктор, я и сама ничего еще не знаю. Я так давно не видела Люка...

Она вышла из кабинета и направилась к лестнице, покрытой толстой ковровой дорожкой, а потом вглубь коридора, высматривая дверь с номером шесть. Из-за нее доносился быстрый стрекот пишущей машинки.

Марджи тихонько постучала, чтобы предупредить Люка, и открыла дверь.

Люк вскочил из-за машинки и бросился к ней. Она едва успела закрыть за собой дверь. Волосы его были взлохмачены, но глаза сияли.

— Марджи! О, Марджи! — воскликнул он и начал ее целовать, крепко прижимая к себе правой рукой — левая протянулась к выключателю. Комната погрузилась в темноту.

У нее даже не было времени проверить, есть ли в комнате марсианин.

А через несколько минут это стало ей безразлично. В конце концов марсианин не был человеком.

А она была.

11

К этому времени многие люди осознали, что марсиане не были людьми, особенно когда их присутствие — или возможное присутствие — могло помешать процессу воспроизводства.

В первые дни после прибытия марсиан многие запаниковали, полагая, что если пришельцы останутся надолго, человечество вымрет через одно поколение, прекратив размножаться.

Когда стало известно — а новость эта разошлась быстро, — что марсиане не только видят в темноте, но обла-

дают рентгеновским зрением и видят через белье, одеяла, подушки и даже сквозь стены, сексуальная жизнь человека — даже узаконенная супружеская сексуальная жизнь — на время притихла.

Привыкшие, за исключением личностей неполноценных и испорченных, к полному одиночеству (разумеется, не считая партнера) — при получении даже самых обычных и нормальнейших удовольствий от собственных тел, люди не могли сразу смириться с вероятностью, что за ними наблюдают независимо от принимаемых мер предосторожности. Особенно при том, что вне зависимости от собственной формы воспроизведения, марсиане весьма интересовались нашей.

Насколько депрессивным оказалось их присутствие, демонстрирует статистика рождаемости, — по крайней мере, в той части что касается супружеских сексуальных контактов, — для первого квартала 1965 года.

В январе 1965 года (то есть спустя девять месяцев плюс одну неделю от появления марсиан) рождаемость в Соединенных Штатах уменьшилась в 33 раза, причем многие январские дети родились в начале месяца и были переношены, то есть зачаты они были до ночи 26 марта 1964 года. В большинстве прочих стран падение рождаемости было почти столь же велико, а в Англии еще больше. Даже во Франции этот показатель уменьшился в пять раз с лишним.

В феврале (десятом месяце плюс еще неделя от Появления) рождаемость снова начала расти. В Штатах она составила 30 процентов от нормы, в Англии — 22, а во Франции — 49.

До конца марта показатель рождаемости поднялся до 80 процентов во всех странах мира, а во Франции аж до 137. Понятно, что французы вовсю наверстывали упущенное, пока другие народы испытывали еще некоторую скованность.

Земляне оставались людьми, а марсиане — нет.

Результаты опросов по методу Кинси, проведенных в апреле, показали, что почти все супружеские пары возобновили, хотя бы спорадически, половую жизнь. А поскольку за большинством диалогов, на которых основывались исследования, наблюдали марсиане, знающие доподлинные факты, нет никаких сомнений, что результаты оказались гораздо точнее, нежели данные, скажем, двадцатилетней давности.

Почти повсеместно сексом занимались только по ночам, в полной темноте. Утренние и послеполуденные сеансы даже у молодоженов ушли в прошлое. А затычки для ушей применялись почти повсеместно; даже дикари, не имевшие доступа к аптекам, продающим затычки, обнаружили действенность глиняных шариков, применявшихся с той же целью. Оснащенная таким образом и находящаяся в полной темноте особа, а точнее, пара, могла игнорировать присутствие марсиан и не слышать их непрерывных комментариев, обычно крайне непристойных.

Однако, при данных обстоятельствах предбрачные и внебрачные сексуальные контакты оказались исключены, уж очень просто было превратиться в мишень для сплетен. Только совершенно не имеющие стыда могли позволить себе такое.

Да и в супружестве половые отношения стали реже и менее приятными, поскольку сопровождались неизбежной скованностью, не говоря уже о том, что бессмысленно шептать нежные словечки в заткнутое ухо.

Конечно, секс был уже не тем, как в старые добрые времена, но по крайней мере его осталось достаточно, чтобы поддержать вид.

12

Дверь в кабинет доктора Снайдера была открыта, но Марджи Деверо постояла на пороге, пока врач не поднял голову и не пригласил ее войти. Он увидел, что она принесла с собой две машинописные копии, и глаза его заблестели.

— Закончил?

Марджи кивнула.

— И последнюю главу тоже? Она такая же хорошая, как первые?

— По-моему, да, доктор. У вас есть время прочесть?

— Конечно! Я свободен, просто делал кое-какие заметки к реферату.

— Отлично. Если у вас найдется бумага и веревка, я упакую, пока вы будете читать копию.

— В этом шкафу вы найдете все, что нужно.

Какое-то время оба были заняты своим делом. Марджи закончила на несколько минут раньше и ждала, пока врач дойдет до последней страницы и поднимет голову.

— Прекрасно, — сказал он. — И не только в литературном смысле, но и в коммерческом. Это бестселлер. Кстати, вы здесь уже месяц?

— Завтра будет месяц.

— Значит, в общей сложности он писал пять недель. Видите: вы ему ничуть не помешали.

Марджи улыбнулась.

— Я старалась держаться от Люка подальше, когда он работал. Это было не слишком трудно, ведь я в это время тоже работала. Я отнесу пакет на почту, как только закончу дежурство.

— Прошу вас, отнесите прямо сейчас. И отправьте авиапочтой. Бернштейн немедленно пустит это в набор. Пока вы будете ходить, мы с Люком справимся одни. Но не дольше.

— Что вы имеете в виду?

— Вы хотите и дальше работать здесь?

— Конечно, почему бы и нет? Вы недовольны моей работой?

— Вы прекрасно знаете, что доволен. И хочу, чтобы вы остались. Но, Марджи... зачем вам это? За последние пять недель ваш муж заработал столько, что хватит года на два. Учитывая понижение цен в результате Кризиса, на пять тысяч в год вы оба можете жить почти по-королевски.

— Но...

— Знаю, деньги это еще не все, но у вас достаточно, чтобы стартовать. Те тысяча четыреста лежат нетронутые. А поскольку ваш оклад покрыл все мои расходы на Люка, все ваши личные сбережения остались в целости и сохранности. Уверен, что Бернштейн выплатит новый аванс, вы его попросите, еще до выхода книги.

— Вы хотите от меня избавиться, доктор Снайдер?

— Бросьте, Марджи, вы же не настолько глупы. Я просто не могу понять, зачем человеку работать, если в этом нет нужды. Я бы не стал.

— Правда? Сейчас, когда человечество нуждается в психиатрической помощи больше, чем когда-либо, вы отошли бы в сторону, если бы могли себе это позволить?

Доктор Снайдер вздохнул.

— Я понимаю, куда вы клоните, Марджи. Честно говоря, я мог бы уйти, если бы продал свою клинику. Но я не предполагал, что и у сиделок может оказаться такой подход к делу.

— У этой вот сиделки может, — ответила Марджи. — Кроме того, как быть с Люком? Я не осталась бы здесь, если бы не он. По-вашему, ему здесь больше нечего делать?

На сей раз вздох доктора Снайдера был действительно глубоким.

— Марджи... — сказал он. — Пожалуй, именно это беспокоит меня больше всего... если не считать марсиан. Кстати, похоже, они освободили нас от своей опеки?

— Их у Люка было шестеро, когда он отдавал мне рукопись.

— И что они делали?

— Танцевали на нем. А он лежал на кровати и обдумывал сюжет новой книги.

— Он не хочет отдохнуть? Я бы предпочел, чтобы... — Врач криво усмехнулся. — Не хочу, чтобы он перетрудился. Что, если он сорвется?

— Он хотел устроить себе свободную неделю, начиная с завтрашнего дня. Однако сначала хочет обдумать сюжет новой книги и ее название. Говорит, что если сумеет, тогда его подсознание само начнет охотиться за идеями, а он будет отдыхать, и когда почувствует себя готовым для работы, она пойдет как по маслу.

— Но это лишит его подсознание отдыха. Какой же писатель работает таким образом?

— Я знаю, некоторые поступают именно так. Мне бы хотелось поговорить с вами насчет отдыха Люка. После дежурства? Или, может, прямо сейчас?

— Вы уже закончили дежурство. Рукопись может подождать еще несколько минут, так что говорите.

— Мы с Люком обсудили это прошлой ночью, после того, как он сказал, что сегодня закончит роман. Он охотно остался бы здесь при двух условиях. Во-первых, что я тоже освобожусь от работы на эту неделю. Во-вторых, что замок на его двери сменят, чтобы можно было выйти в парк. Он сказал, что предпочел бы отдыхать здесь, чем где-либо еще, только бы не чувствовать себя взаперти, и что мы могли бы устроить себе второй медовый месяц, если бы мне тоже не приходилось работать.

— Договорились. А замок в его двери вовсе не нужен. Порой мне кажется, Марджи, что Люк — единственный здесь человек в здравом уме. И лучше всех приспособленный к жизни, не говоря уж о том, что зарабатывает побольше прочих. Вы что-нибудь знаете о его новой книге?

— Он говорил, что сюжет ее будет разворачиваться в Таосе, штат Нью-Мексико, кажется, в 1847 году. И что ему придется немного порыться в библиотеке.

— Убийство губернатора Рента? Безумно интересный период. Я смогу помочь Люку: у меня есть несколько книг, которые ему пригодятся.

— Превосходно. Это избавит меня от похода в библиотеку или книжный магазин. Ну что ж...

Марджи встала и потянулась за пакетом, но потом передумала и снова села.

— Доктор, я хотела бы с вами поговорить еще об одном. А этот конверт может подождать несколько минут. Разве что вы...

— Говорите, Марджи. Я свободен, как никогда. Даже марсиан поблизости нет.

Он на всякий случай огляделся. Действительно не было.

— Доктор, о чем думает Люк на самом деле? Мне пока удавалось обходить эту тему, но ведь так будет не всегда. А если марсиане появятся во время разговора... словом, я должна знать, как мне быть. Люк знает, что я вижу и слышу марсиан. Иногда мне не удается сдержаться при виде их. Я обязательно гашу свет и вставляю в уши пробки, когда... гмм...

— Когда темнота и заткнутые уши показаны, — подсказал врач.

— Вот именно. Но он знает, что я вижу их и слышу, а он — нет. Не думает ли он, что я ненормальна? Что все спятили, кроме Люка Деверо? Как вы считаете?

Доктор Снайдер снял очки и тщательно протер стекла.

— Это очень трудный вопрос, Марджи.

— Потому что вы не знаете ответа, или потому, что это трудно объяснить?

— И то и другое. В первые дни я не раз говорил с Люком. Он был слегка не в себе, можно даже сказать, несколько более, чем слегка. Марсиан нет — это он знал точно. У него было то ли расстройство психики, то ли просто галлюцинации, вот он их и видел. Однако он не мог объяснить — коль скоро все прочие люди тоже галлюцинируют, — почему он выздоровел, а остальные — нет.

— Но... тогда, он должен думать, что все мы сошли с ума.

— Вы верите в духов, Марджи? Конечно, нет. Но это совершенно другое дело. Верящие в духов — это просто

люди, наделенные богатым воображением, которым кажется, что они повсюду видят марсиан.

— Но... ведь все видят марсиан. Кроме него.

Доктор Снайдер пожал плечами.

— Тем не менее, он рассуждает именно так. Аналогия с духами — его идея, а не моя, и в определенном смысле она хороша. Так сложилось, что некоторые мои друзья убеждены, будто видят духов. Вряд ли это значит, что они спятили, потому что я духов не вижу или не могу видеть. А может, просто не хочу.

— Однако... духов нельзя заснять, нельзя записать их голоса.

— Люди *верят*, будто делают и то, и другое. Вы явно читали маловато книг по психологии. Это не значит, что вы непременно должны были их читать, я просто обращаю ваше внимание, что аналогия с духами не лишена смысла.

— Значит, вы хотите сказать, что Люк вовсе не болен психически?

— Разумеется, болен. Или это так, или все остальные спятили, включая вас и меня. А в это я уж никак не могу поверить.

Марджи вздохнула.

— Боюсь, это мне мало поможет, если Люк когда-нибудь захочет поговорить со мной об этом.

— Он может никогда не захотеть. Со мной он говорил, пожалуй, неохотно. Если вам повезет больше, позвольте говорить ему, а сами просто слушайте. Не нужно никаких дискуссий. И боже вас упаси относиться к нему снисходительно. Но если заметите в Люке какую-то перемену или если он начнет по-другому вести себя, пожалуйста, дайте мне знать.

— Хорошо. Только зачем это, если вы не собираетесь его лечить?

— Зачем? — Доктор Снайдер нахмурился. — Моя дорогая Марджи, ваш муж безумен. В данный момент он подвержен весьма удобной форме безумия; Люк, вероятно, самый счастливый человек на Земле. Но что будет, если форма его безумия переменится?

— А разве паранойя может перейти во что-то другое?

Психиатр развел руками.

— Я все время забываю, что вы не дилетант. Нужно сказать, что его систематизированная иллюзия может приобрести иную, куда менее удобную форму.

— Например, он снова поверит в марсиан и усомнится в реальности людей?

Доктор Снайдер улыбнулся.

— Ну-у, не так резко, моя дорогая. Но вполне возможно... — Улыбка исчезла с его лица, — Словом, он может усомниться и в тех, и в других.

— Вы, конечно, шутите?

— Нет, не шучу. Это вполне обычная форма паранойи. И, если уж зашла об этом речь, форма веры, исповедуемой многими психически больными. Вы слыхали о солипсизме?

— Мне встречалось это слово.

— Оно латинское, solus — единственный, и ipse — сам. Это признание своего «я» единственной реальностью. Логическое следствие рассуждения, начинающегося с «Cogito, ergo sum» — мыслю, следовательно существую — а кончающегося констатацией невозможности сделать хотя бы шаг дальше. Вера, что мир вокруг тебя и все люди, кроме тебя самого, просто плод твоего воображения.

Марджи рассмеялась.

— Теперь я вспомнила. Я слышала об этом в колледже.

— Многие однажды задумываются над этим, пусть даже и не всерьез. Вера соблазнительная и совершенно неопровержимая. Однако для параноика это готовая иллюзия, которую незачем даже упорядочивать или хотя бы обосновывать. А поскольку Люк уже не верит в марсиан, переход в эту веру может оказаться следующим шагом.

— Вы допускаете, что он может сделать этот шаг?

— Все возможно, моя дорогая. Мы в состоянии лишь внимательно наблюдать и быть готовыми к изменению, заранее отмечая признаки его приближения. А вы находитесь в самом лучшем положении, чтобы заметить первое предупреждение.

— Понимаю, доктор. Я буду осторожна. И спасибо вам за все.

Марджи вновь встала. На этот раз она взяла пакет и вышла.

Доктор Снайдер смотрел ей вслед. Потом какое-то время сидел неподвижно, глядя на дверь, за которой исчезла Марджи. Он дышал чаще, чем обычно.

«Чертов Деверо, — сказал он себе. — Нечувствительный к марсианам, и женатый на такой женщине. Никто

не должен иметь столько счастья разом, это просто нечестно».

Его собственная жена... впрочем, сейчас он предпочитал не думать о своей жене.

Не сразу после того, как расстался с Марджи Деверо.

Он взял в руку карандаш и подвинул к себе блокнот, где делал пометки к реферату, который собирался прочесть на собрании ячейки ПФПМ.

13

Да, существовал ПФПМ, Психологический Фронт Против Марсиан. Он набирал силу, хотя по-прежнему — это в середине июля, спустя почти четыре месяца после Появления — явно плыл в никуда.

В Соединенных Штатах, как и во всех прочих странах мира почти все психологи и психиатры входили в подобные организации. Каждая сообщала о своих открытиях и теориях — к сожалению, теорий было больше, чем открытий — в специальный филиал ООН, оперативно для этого созданный и названный ЦКТП, Центром Координации Психологического Труда, главной задачей которого был перевод и распространение сообщений.

Один только Отдел переводов этого Центра занимал три больших здания и давал работу тысячам людей.

Членство в ПФПМ и аналогичных организациях в разных странах было добровольным, а работа бесплатной. Однако почти все, имеющие подходящую квалификацию, записались, а отсутствие оплаты не имело значения, поскольку все психологи и психиатры, сумевшие остаться в здравом уме, зарабатывали достаточно.

Разумеется, не собирались никакие конференции, толпа психологов была так же неработоспособна, как любая другая толпа. Множество людей означало множество марсиан, и уровень помех лишал выступления всякого смысла. Большинство членов ПФПМ работали сами по себе и отправляли отчеты по почте. Кроме того, они получали груды чужих отчетов и опробовали на пациентах идеи, которые казались стоящими.

Возможно, имелся и некоторый прогресс: что ни говори, а все меньше людей сходили с ума. Могло быть так — а могло и не быть, как утверждали некоторые, — что

большинство землян с психикой слишком слабой, чтобы выносить марсиан, уже успели эмигрировать в безумие.

Другие прислушивались к совету, который психиатры давали еще остававшимся в здравом уме. По их мнению, размеры безумия уменьшались, когда человек окончательно понимал, что в психическом смысле игнорировать марсиан безопасно только до некоторой степени. Следовало отвечать им проклятиями и время от времени выходить из себя. В противном случае в человеке нарастала злость, словно пар в котле, лишенном выпускного клапана, и человек терял голову.

Не менее важным был совет не пытаться подружиться с ними. Поначалу люди пробовали это делать и считалось, что максимальное число психических заболеваний вызывалось ответной реакцией. Множество людей, мужчин и женщин, пытались сделать это в первую ночь, а некоторые — еще долго после нее. Несколько человек — вероятно, они были святыми и к тому же удивительно сдержанными людьми — не прекращали пыток.

Секрет заключался в том, что марсиане постоянно перемещались. Ни один не оставался долго на одном месте или в контакте с одним и тем же человеком, семьей или группой людей. Нельзя исключить, хотя и трудно в это поверить, что чрезвычайно терпеливому человеку удалось бы жить в дружбе с каким-то марсианином и завоевать его доверие, если бы этот человек имел возможность долго общаться с *этим* марсианином.

Однако ни один марсианин не оказался «этим». Через минуту, через час, в крайнем случае назавтра, дружелюбный человек вдруг обнаруживал, что начинает все с самого начала с новым марсианином. Откровенно говоря, те, которые старались быть с ними вежливыми, замечали, что меняют марсиан чаще, чем те, которые огрызались. Симпатичные люди были скучны марсианам, их стихией был конфликт, только им они и наслаждались.

Впрочем, вернемся к ПФПМ.

Некоторые его члены предпочитали работать небольшими группами, ячейками. Особенно те, кто — будучи членами Психологического Фронта — изучал, точнее, пытался изучать психологию марсиан. Иметь рядом марсианина даже удобно, когда их изучаешь или рассуждаешь о них.

Именно к такой ячейке, состоящей из шести членов, принадлежал доктор Элликот Х. Снайдер, и в тот вечер

она должна была собраться. А пока он вставил лист в пишущую машинку — заметки к реферату были готовы. Конечно, он предпочел бы просто прочитать его, пользуясь заметками — доктор любил говорить и не выносил писанины, — однако всегда существовала опасность, что болтовня марсиан не позволит держать речь и придется пускать реферат по рукам. Кроме того, если члены ячейки одобряли содержание реферата, он отправлялся на более высокий уровень и даже получал шанс на публикацию. А именно реферат доктора Снайдера особенно заслуживал публикации.

14

Начало реферата доктора Снайдера выглядело так:

«Я уверен, что единственной психологической слабостью марсиан, их ахиллесовой пятой, является то, что они органически не могут лгать. Разумеется, мне известно, что мысль эта уже высказывалась и обсуждалась, как известно и то, что многие — особенно наши русские коллеги — истово верят, будто марсиане умеют лгать и фактически это делают, что причина, по которой они всегда говорят правду о наших делах — ибо никто еще не поймал их на доказанной лжи на темы о Земле, — двояка. Во-первых, это делает их болтовню более эффективной и раздражающей, так как мы не можем сомневаться в том, что нам говорят. Во-вторых, коль скоро нельзя доказать лживости в делах мелких, они готовят нас к тому, чтобы мы безо всяких сомнений поверили в какую-то их Большую Ложь о собственной природе и причинах вторжения на Землю. Идея, что где-то должна таиться Большая Ложь, кажется нашим русским коллегам более обоснованной. Впрочем, так долго живя со своей собственной Большой Ложью...»

Доктор Снайдер перестал писать, прочел начало последней фразы и зачеркнул его. Поскольку реферат этот будет распространяться за границей, незачем заранее настраивать часть читателей против того, что он хочет сказать.

«Полагаю, однако, что с помощью логических аргументов можно неопровержимо доказать, что марсиане не только не лгут, но и вообще лгать не могут.

Разумеется, их цель — досадить нам как можно сильнее, однако из их уст ни разу не прозвучала одна фраза,

которая усилила бы наши страдания свыше всякой меры; ни разу они не сказали нам, что собираются остаться здесь навсегда. С момента их появления единственным ответом — если они вообще давали его — на вопрос, когда они собираются вернуться домой или долго ли собираются здесь оставаться, было: «не твое собачье дело» или нечто подобное.

Для большинства из нас единственным, что позволяет нам держаться несмотря ни на что, является надежда, что однажды, завтра или через десять лет марсиане уберутся отсюда, и мы никогда больше их не увидим. Сам факт, что их появление было таким неожиданным, позволяет надеяться, что и уйдут они подобным же образом.

Если бы марсиане могли лгать, просто невероятно, чтобы они отказали себе в удовольствии сообщить нам, что они собираются стать постоянными жителями Земли. Значит, они не могут лгать.

Из этой простой логической посылки следует очень приятный вывод: очевидно, марсиане знают, что будут находиться на Земле не вечно. В противном случае, им вовсе не нужно было бы лгать, чтобы еще более усилить наши страдания...»

В нескольких сантиметрах от правого уха доктора Снайдера раздался визгливый хохот. Доктор подскочил, но предусмотрительно не повернулся, зная, что увидит харю марсианина невыносимо близко от своего лица.

— Очень хитро, Джонни, очень хитро. И полезно, как ты знаешь, и полезно.

— Идеальный логический вывод, — заметил доктор Снайдер. — Исключительно логичный. Вы не можете лгать.

— А вот я могу, — сказал марсианин. — Подумай немного над логикой моего высказывания, Джонни.

Доктор Снайдер подумал над логикой этих слов и охнул. Поскольку марсианин утверждал, что может лгать, то либо он сказал правду и может лгать, либо солгал и не может...

Залп визгливого хохота вновь отдался в его ухе.

А потом воцарилась тишина, в которой доктор Снайдер вынул листок из машинки, мужественно отказался от идеи сложить его так, чтобы потом можно было вырезать снежинку, и вместо этого просто порвал его в клочья. Обрывки он швырнул в корзину для мусора и застыл, нахохлившись.

— Доктор Снайдер, что с вами? — донесся от двери голос Марджи.

— Ничего. — Он поднял голову, стараясь придать лицу обычное выражение. Вероятно, ему это удалось, потому что Марджи явно ни о чем не догадалась. — Глаза болят от усталости, — объяснил он. — Я хотел, чтобы они немного отдохнули.

— Ага. Я отправила рукопись, а времени только четыре часа. Я точно не буду вам нужна?

— Нет. Хотя... минуточку. Загляните к Джорджу и скажите, чтобы сменил замок в комнате Люка. Пусть поставит обычный.

— Хорошо. Вы закончили свой реферат?

— Да, кончил.

— Вот и хорошо. Я поищу Джорджа.

Она вышла из комнаты и вскоре с лестницы, ведущей в подвал, донесся стук ее каблуков.

Снайдер с трудом встал, чувствуя себя страшно усталым, разочарованным и пустым. Нужно отдохнуть, немного вздремнуть. Если он заснет и проспит собрание ячейки, в этом не будет ничего страшного. Он нуждался в сне больше, чем в еде или бесплодной дискуссии с коллегами-психиатрами.

Тяжело ступая, он поднялся по лестнице на второй этаж и двинулся по коридору.

Перед дверью Люка он остановился и мрачно посмотрел на нее. Чертов счастливчик. Лежит там и думает или читает. А если поблизости крутятся марсиане, даже не знает об этом. Не видит их и не слышит.

Абсолютно счастлив и идеально приспособлен. Кто же спятил — Люк или все остальные?

И у него есть Марджи.

Чтоб ему пусто было! Надо бы бросить его на съедение волкам — другим психиатрам, — и пусть экспериментируют с ним и лечат, превращая в такого же несчастного, как и все, или загоняя в новый вид безумия, не такой приятный.

Надо бы, но он этого не сделает.

Снайдер вошел в комнату, которой всегда пользовался, когда не хотел возвращаться домой на Сигнал-Хилл, и закрыл дверь. Подняв трубку телефона, он позвонил жене.

— Пожалуй, я не вернусь сегодня, дорогая, — сказал он. — Я подумал, лучше позвонить тебе, пока ты не взялась за обед.

— Что-то случилось, Элликот?

— Нет, просто я здорово устал. Хочу вздремнуть и если просплю... в общем, мне нужно поспать.

— У тебя сегодня собрание.

— На него я тоже могу не успеть. Но, если все-таки пойду, то потом приду домой.

— Хорошо, Элликот. Марсиане сегодня активны как никогда. Представляешь, двое из них...

— Пожалуйста, дорогая, не нужно о марсианах. Расскажешь в другой раз, хорошо? До свидания, дорогая.

Кладя трубку, он увидел в зеркале измученное лицо, свое собственное измученное лицо. Да, ему нужен сон. Он еще раз поднял трубку и позвонил секретарше, которая также обслуживала коммутатор и вела картотеку.

— Дорис? Не соединяй меня ни с кем. Если будут какие-то звонки, говори, что меня нет.

— Хорошо, доктор. До какого часа?

— До отмены моей просьбы. И передай то же Эстелл, когда придет, если я не позвоню до конца твоей смены, хорошо? Спасибо.

Он снова увидел в зеркале свое лицо. Щеки запали, седины стало в два раза больше, чем полгода назад.

«Так значит, марсиане не умеют лгать?» — спросил он самого себя.

Потом позволил себе довести эту мысль до ее страшного конца: «Если марсиане умели лгать — а они умели — то факт, что не было разговоров о том, чтобы остаться навсегда, вовсе не доказывал, что они не останутся.

Кто знает, может, позволяя нам жить надеждой и наслаждаясь нашими страданиями, они испытывали больше удовольствия, чем если бы прикончили человечество, отобрав у него надежду. Если бы все люди совершили самоубийство или спятили, марсианам не над кем стало бы издеваться».

А логика его рассуждений была так отчетливо красива и так красиво отчетлива...

В этот момент что-то затуманило его разум и он не сразу вспомнил, где в его рассуждениях было слабое место. Ах, да! Если кто-то утверждает, что может лгать, значит, он может; в противном случае он бы лгал, утверждая, что может лгать, а поскольку он лжет...

Снайдер сумел вырваться из этого порочного круга, прежде чем запутался окончательно. Сняв пиджак и гал-

стук, он повесил их на спинку стула, сел на кровать и скинул ботинки.

Потом лег на спину и закрыл глаза.

Мгновением позже он резко подскочил, когда одновременно в оба его уха хрипло фыркнули. Он забыл о пробках.

Доктор встал, вложил в уши затычки и снова лег.

На этот раз он заснул.

И увидел сон.

О марсианах.

15

Научно-техническое движение против марсиан не было так организованно, как психологическое, однако выказывало большую активность. В отличие от психиатров, постоянно занятых с пациентами и едва выкраивающих время для научных исследований и экспериментов, физики посвящали изучению марсиан все свое время.

Научные исследования во всех остальных областях просто прекратились.

Линия фронта проходила через все крупные лаборатории мира. Брукхевен, Лос-Аламос, Харвич, Брауншвейг, Дубна, Троицк и Токаяма — вот лишь несколько их них.

Не говоря уже о чердаке, подвале и гараже каждого землянина, обладавшего минимальными знаниями в любой области науки или псевдо-науки. Электротехника, электроника, химия, белая и черная магия, алхимия, лозоискательство, бионика, оптика, акустика, токсикология и топология практиковались как методы изучения или возможной обороны.

Марсиане должны были иметь слабое место. Должен был существовать способ заставить марсианина крикнуть «Ой!»

Их бомбардировали лучами альфа, бета, гамма, дельта, дзета, эта, тета и омега.

Когда подворачивался случай — а марсиане не избегали, но и не искали сами возможностей подвергнуться эксперименту, — их поражали электрическими разрядами во много миллионов вольт, захватывали в сильные и слабые магнитные поля, подвергали воздействию микро- и макроволн.

Их испытывали холодом, близким к абсолютному ну-

лю и максимальным жаром, какой мы только могли получить — температурой синтеза атомного ядра. Нет, ее не удалось достичь в лаборатории. После некоторого колебания власти распорядились, несмотря на присутствие марсиан, провести пробный взрыв водородной бомбы, запланированный на апрель. Поскольку они и так уже знали все наши тайны, нам нечего было терять. Кроме того, имелась надежда, что кто-нибудь из них захочет взглянуть на бомбу вблизи в момент взрыва. Один марсианин уселся прямо на нее, а после взрыва приквимил на мостик адмиральского корабля и недовольно спросил:

— Не мог найти хлопушку получше, Джонни?

Их фотографировали для нужд науки во всех видах света, какие только можно придумать: в инфракрасном, ультрафиолетовом, дневном, в свете натриевых и дуговых ламп, в свете свечи, солнца, луны и звезд.

Их опрыскивали всеми известными жидкостями, включая синильную кислоту, тяжелую и святую воду, не забывали и средства от насекомых.

Звуки, которые они издавали голосом или иным способом, записывались с помощью всех известных устройств. Марсиан разглядывали в микроскопы, телескопы, спектроскопы и иконоскопы.

Практические результаты равнялись нулю; ни один ученый не сумел испортить настроение марсианину.

Теоретические результаты не имели значения. Очень мало удалось узнать о них сверх того, что и так знали после нескольких первых дней.

Они отражали свет только видимой части спектра: 0,0004—0,00076 мм; любое излучение выше или ниже этой полосы проходило сквозь них без потерь и преломления. Их невозможно было обнаружить рентгеновскими лучами, радиоволнами или радаром.

На них вообще не действовали ни гравитационное, ни магнитное поля. Никакой вид энергии, никакие твердые или газообразные вещества, которые мы смогли на них опробовать. Марсиане не поглощали и не отражали звук, однако могли его испускать.

Это интриговало ученых даже больше, чем то, что они отражают свет. Звук — явление более простое, чем свет, по крайней мере лучше изученное. Это волновое воздействие на упругую среду, обычно воздух, и если в телесном и реальном смысле марсиан в данном месте не было, как они могли вызывать колебания воздуха, которые мы слы-

шали? Однако они их вызывали, и это были не субъективные впечатления в мозгах слушателей, поскольку звук этот можно было записывать и воспроизводить. Так же как можно было регистрировать и видеть на фотоснимке световые волны, которые они отражали.

Разумеется, ни один ученый ex definitione*, не верил, что они были демонами или дьяволами. Однако многие ученые не хотели верить, что они прибыли с Марса или — если уж о том речь — из нашей Вселенной. Они наверняка представляли иной вид материи — если материи вообще, насколько мы понимаем ее сущность — и, должно быть, явились из иной вселенной, в которой физические законы совершенно отличны от наших. А возможно, из другого измерения.

Или, что еще более возможно, они сами имели больше измерений, чем мы.

Разве не могли они быть двумерными существами, чей трехмерный облик являлся следствием их присутствия в трехмерной вселенной? Дамочки тоже кажутся на киноэкране трехмерными, пока не попытаешься схватить одну из них за руку.

Могли они также быть проекциями в трехмерный мир существ четырех или пятимерных, наглость которых основывалась на обладании большим числом измерений, чем мы могли воспринять и понять.

Люк Деверо проснулся, потянулся и зевнул, испытывая блаженство и приятную расслабленность. Было третье утро недельного отдыха, который он устроил себе по окончании «Тропы в никуда». Самого заслуженного отдыха, который он когда-либо заслуживал: после завершения книги ровно за пять недель. Книги, которая принесет ему больше денег, чем любая их предыдущих.

К тому же — никаких проблем со следующей книгой. Уже какое-то время основные сюжетные линии были разложены по полочкам в его мозгу и, если бы Марджи не настаивала на отдыхе, он успел бы уже написать по крайней мере первую главу. У Люка руки чесались поскорее сесть за машинку.

Ну что ж, он поставил четкое условие: будет отдыхать, если и Марджи сделает то же самое. Из этого практически родился второй медовый месяц, почти идеальный.

«Почти идеальный?» — спросил он себя, и тут же пой-

---

* Ex definitione *(лат.)* — по определению.

NAVY

мал свой мозг на попытке уйти от этого вопроса. Если даже второй медовый месяц не был идеальным, он не хотел знать, почему.

Но почему не хотел знать? Это было всего на шаг дальше основного вопроса, но все-таки непонятно тяготило.

«А ведь я мыслю», — подумал он. А не должен бы, потому что мышление каким-то образом могло все испортить. Может, потому он и работал над книгой так напряженно, чтобы не мыслить?

Но чтобы не мыслить о чем? Его разум снова встревожился. И в этот момент Люк очнулся от полусна и все к нему вернулось.

Марсиане.

«Посмотри в глаза правде, той правде, от которой ты старался сбежать: что каждый продолжает их видеть, а ты нет. Что ты безумен; а ведь ты знаешь, что это не так... или же все остальные сошли с ума.

Ни то, ни другое не имеет смысла, а ведь один вариант из двух должен быть правдой. С тех пор, как пять недель назад ты видел своего последнего марсианина, ты бежишь от этой проблемы и делаешь все, чтобы избежать мыслей о ней, поскольку даже мысли о таком страшном парадоксе могут снова довести тебя до безумия, в которое ты впал прежде и начал видеть...»

Люк со страхом открыл глаза и осмотрелся. Марсиан не было. Ну разумеется, ведь марсиан не существовало. Он был абсолютно уверен в этом, откуда бы ни бралась его уверенность.

Так же, как в том, что теперь он был здоров.

Он повернулся, чтобы взглянуть на Марджи. Она спокойно спала с лицом невинным, как у ангела. Ее волосы цвета меда, рассыпанные по подушке, вызывали восторг даже непричесанные. Одеяло сбилось, обнажив нежный розовый сосок; Люк приподнялся на локте и склонил голову, чтобы его поцеловать. Но очень осторожно, чтобы ее не разбудить; бледный свет в окне ясно говорил, что еще очень рано. И чтобы не разбудить при этом самого себя. Прошедший месяц показал, что она не желала иметь с ним дела при свете дня, а только ночью и с этими чертовыми пробками в ушах, так что он не мог с ней разговаривать. Проклятые марсиане! Впрочем, эта сторона отпуска оказалась неплоха — ведь это их второй медовый месяц, а не первый; Марджи уже тридцать семь лет, и потребности ее с утра невелики.

Люк лег на спину и снова закрыл глаза, хотя уже знал, что не сможет заснуть снова.

И не смог. Может, через десять, а может, через двадцать минут он наконец почувствовал, что с каждой секундой все больше просыпается, поэтому осторожно выскользнул из кровати и оделся. Еще не было и половины седьмого, но он мог бы выйти и погулять по парку. А Марджи пусть поспит вволю.

Взяв туфли в руки, он на цыпочках вышел в холл и притворил тихо за собой дверь. Потом сел на лестнице, чтобы обуться.

Ни одна из входных дверей санатория не была заперта; полностью изолированные пациенты — менее половины всех больных — находились в палатах, часто под наблюдением. Люк вышел через боковую дверь.

Утро было безоблачное, хотя и холодноватое. Даже в первые дни августа раннее утро в южной Калифорнии может быть почти холодным, и Люк дрожал, жалея, что не надел пуловер под спортивную куртку. Впрочем, солнце поднялось уже довольно высоко и скоро станет тепло. Если он будет идти быстро, ничего с ним не случится.

Энергично шагая, он добрался до забора, а затем пошел вдоль него. Поверху не было колючей проволоки, и любой среднеразвитый человек, включая и Люка, мог через него перебраться. Забор служил, скорее, для изоляции от города, чем как преграда.

Люк прикинул, не выбраться ли наружу и не погулять ли на свободе с полчасика, но потом отказался от этой мысли. Если его кто-то заметит, доктор Снайдер может забеспокоиться и лишить пациента привилегий. Доктор Снайдер — известный паникер. Кроме того, парк был обширен и можно было досыта нагуляться и в его пределах.

Он пошел дальше вдоль забора, потом свернул в аллею.

И тут увидел, что не один. На зеленой скамейке, какие во множестве были разбросаны по всему парку, сидел невысокий мужчина с густой черной бородой и при очках в золотой оправе. Он был одет с необычайной тщательностью, включая начищенные до блеска черные туфли, прикрытые легкими серыми гетрами. Люк с любопытством разглядывал гетры — он и не знал, что кто-то еще их носит. Бородач сосредоточенно смотрел поверх плеча Люка.

— Прелестное утро, — заметил Люк. Раз уж он остановился, было невежливо промолчать.

Бородач не реагировал. Люк повернул голову, посмотрел через плечо и увидел дерево. Ничего, кроме того, что обычно видишь, глядя на дерево, листья и ветки. Ни птичьего гнезда, ни хотя бы залетной птицы.

Люк снова повернулся к бородачу, но тот продолжал разглядывать дерево, по-прежнему не обращая внимания на Люка. Может глухой? Или?..

— Прошу прощения, — сказал Люк, а когда не получил ответа, у него родилось страшное подозрение. Он шагнул вперед и осторожно коснулся плеча мужчины. Тот чуть вздрогнул, протянул руку и машинально потер плечо, не отводя, однако взгляда от дерева.

«Что бы он сделал, если бы я размахнулся и ударил его», — подумал Люк. Вместо этого он вытянул руку и повел ею взад-вперед перед лицом мужчины. Бородач моргнул, снял очки, потер сначала один глаз, потом второй, снова надел очки и опять уставился на дерево.

Люк вздрогнул и пошел дальше.

«Боже, — сказал он сам себе, — он меня не видит, не слышит и не верит в то, что я здесь, перед ним. Точно так же, как я не верю...

И все же, когда я его коснулся, он это почувствовал, хотя...

Слепота истерического происхождения, объяснил мне доктор Снайдер, когда я спросил его, почему — если существуют марсиане — я не вижу пустых пятен, сквозь которые ничего не видно, даже если не замечаю самих марсиан.

Он объяснил мне еще, что я...

Точно как этот человек...»

Недалеко стояла еще одна скамейка, и Люк сел на нее, повернув голову, чтобы видеть бородача, все еще сидящего на своей лавке метрах в двадцати дальше. Все так же смотрящего на дерево.

«На что-то, чего там нет, — подумал Люк. — Или на что-то, чего там нет для меня, но существует для него. И кто же из нас прав?

Он думает, что меня нет, а я думаю, что я есть... и кто прав в этом немом споре?

Видимо, я; по этому вопросу, если не по всем другим. Я мыслю, следовательно существую.

Но откуда мне знать, существует ли он?

Почему он не может быть плодом моего воображения?

Глупый солипсизм — пример сомнений, которые каж-

дый переживает в возрасте созревания, а потом освобождается от них.

Однако это дает пищу для размышлений, когда другие люди и ты начинаете видеть все по-разному.

Не бородач, нет. Это просто еще один псих. Он тут ни при чем.

16

Возможно, — только возможно — что именно короткая встреча Люка с этим человеком подтолкнула его мысли на нужные рельсы.

В ту ночь, когда он упился с Грэшемом, прямо перед тем, как вырубиться, появился марсианин, и Люк поругался. «Я тебя придумал», — вспомнил он свои слова.

«Ну и что?

А если это правда? Что если мой разум в пьяном виде признался в том, о чем трезвый не имел даже понятия?

А если солипсизм не так уж и глуп?

Что если Вселенная и все люди внутри нее просто созданы воображением Люка Деверо?

Что если это я, Люк Деверо, придумал марсиан в ночь появления, когда сидел в одиночестве в домике Картера Бенсона под Индио?»

Люк встал и снова пошел, да побыстрее, чтобы ускорить работу мозга. Он сосредоточился на том вечере. Перед тем, как в дверь постучали ему пришла идея фантастического романа, который он пытался написать. Он еще подумал тогда: «что было бы, если бы марсиане...»

Однако продолжения мысли он никак не мог вспомнить. Ее прервал стук марсианина.

Вот только прервал ли?

А если — даже сознание не сформулировало эту мысль до конца — она закончилась уже в его подсознании: — что было бы, если бы марсиане оказались маленькими зелеными человечками, видимыми, но и бесплотными, а через секунду один из них постучал бы в дверь и сказал бы «Привет, Джонни. Это Земля?» И с этого места идея развивалась.

Почему бы и нет?

А вот почему: он напридумывал уже сотни возможных ситуаций, если учесть короткие рассказы, но ни одна из них не воплотилась в тот момент, когда он о ней думал.

Ну... а если в ту ночь обстоятельства были несколько

иными? Или, что правдоподобнее, в его разуме возник дефект от усталости мозга и беспокойства... вызвавший оторванность «факта» — книжного мира, который его разум обычно создавал вокруг себя, от «фантазии», — того, что он воображал и переносил на бумагу в виде литературной фикции, и что в данном случае действительно было фикцией-внутри-фикции.

Это имело смысл, хоть и звучало бессмысленно.

Но что же произошло чуть больше пяти недель назад, когда он перестал верить в марсиан? Почему другие люди, коль скоро они сами были плодами воображения Люка, не перестали в них верить и продолжали видеть то, во что сам он уже не верил и что, следовательно, перестало существовать?

Он заметил очередную скамейку и сел на нее. Да, это был крепкий орешек.

В самом деле? Ночью, пять недель назад, его разум пережил потрясение. Он не мог вспомнить, что именно случилось, за исключением того, что речь шла о марсианине, но, судя по результату, кататонии, это было необычайно сильное потрясение.

Возможно, это просто выбило веру в марсиан из сознательной части его разума, той части, которая сейчас думала, не убрав из подсознания расхождений между фактом и фикцией, между вымышленной «настоящей» Вселенной и сюжетом романа; расхождений, которые с самого начала сделали фиктивных марсиан мнимо реальными.

Он вовсе не был параноиком. У него просто была шизофрения.

Одна часть его разума — сознание, мыслящая часть, не верила в марсиан, и всегда знала, что их не существует.

Но вторая, глубинная часть, подсознание, создатель и очаг воображения и иллюзий, не получила этой информации. Подсознание по-прежнему считало марсиан настоящими, такими же настоящими, как все прочее, и точно так же, конечно, считали все прочие существа из его воображения — люди.

Люк встал и пошел дальше.

Все оказалось просто. Ему лишь требовалось как-то переслать необходимую информацию в свое подсознание.

Чувствуя себя довольно глупо, он мысленно крикнул:

«Эй, нет никаких марсиан! Другие люди тоже не должны их видеть!»

Помогло? А почему бы и нет, если он нашел нужное решение. А Люк не сомневался, что нашел его.

Он дошел до угла сада и повернул в сторону кухни. Завтрак должен быть уже готов, а ему нужно проверить по поведению других людей, по-прежнему ли они видят марсиан.

Люк посмотрел на часы. Было десять минут восьмого, еще двадцать минут до первого гонга на завтрак, но в большой кухне стояли стол и стулья, и уже с семи часов ранних пташек поили там кофе.

Он вошел в кухню и огляделся. Повар суетился у печи, сиделка готовила поднос с завтраком для какого-то изолированного пациента. Санитаров не было видно, вероятно, они накрывали столы в столовой.

На кухне две пациентки пили за столом кофе — обе в возрасте, одна в купальном халате, другая в обычном.

Все они выглядели спокойными и сдержанными, не высказывали никаких признаков волнения. Люк сам не мог заметить марсиан, ему нужно было определить их присутствие по реакции других людей. «Нужно просто подождать», — решил он.

Он налил себе чашку кофе, отнес ее к столу и сел рядом с женщинами.

— Доброе утро, миссис Марчисон, — сказал он той, которую знал; Марджи вчера представила их друг другу.

— Доброе утро, мистер Деверо, — ответила миссис Марчисон. — А как ваша прелестная жена? Еще спит?

— Да. Я встал пораньше, чтобы немного пройтись. Отличное утро.

— Похоже на то. Это миссис Рэндолл, мистер Деверо, если вы еще не знакомы.

Люк пробормотал что-то вежливое.

— Очень приятно, мистер Деверо, — ответила миссис Рэндолл. — Если вы гуляли в парке, то, может, видели моего мужа?

— Я встретил еще только одного человека, — ответил Люк, — мужчину с черной бородой.

Женщина кивнула, и Люк продолжил:

— Недалеко от северо-западного угла парка. Сидит на скамейке и все время вглядывается в дерево.

Миссис Рэндолл вздохнула.

— Наверняка обдумывает свою речь. На этой неделе он возомнил, будто он Исуко, бедняга. — Она отодвинула стул от стола. — Пойду скажу ему, что кофе готов.

Люк начал было отодвигать свой стул, собираясь сходить вместо нее, но вовремя вспомнил, что бородач его не

видит и не слышит, поэтому передать ему сообщение будет сложно.

Когда дверь за ней закрылась, миссис Марчисон коснулась ладонью руки Люка.

— Такая милая пара, — заметила она. — Это просто ужасно...

— Миссис Рэндолл производит очень приятное впечатление, — ответил Люк. — С ним мне... гмм... не удалось познакомиться. Оба они... гмм?

— Да, разумеется, но каждый думает, что только другой. — Женщина наклонилась ближе. — Но я кое-что подозреваю, мистер Деверо. Мне кажется, оба они шпионы с Венеры! — Она прошипела это буквально ему в ухо, так что Люк откинулся назад и, делая вид, что вытирает губы, стер брызги со щеки.

Чтобы сменить неприятную тему, он спросил:

— Что она имела в виду, говоря, что ее муж на этой неделе сука?

— Не сука, мистер Деверо. Исуко.

Теперь, когда ему повторили, слово или фамилия показалось ему знакомым, но Люк все еще не мог вспомнить, где и когда его слышал.

Он вдруг подумал, что может оказаться в неловком положении, если миссис Рэндолл приведет мужа к столу в его присутствии. Поэтому он воздержался от дальнейших расспросов, быстро допил кофе и попрощался, сказав, что хочет проверить, не проснулась ли его жена.

Ему удалось исчезнуть вовремя — Рэндоллы как раз входили в кухню.

Услышав, что Марджи ходит по комнате, Люк тихо постучал, чтобы не испугать ее, и вошел.

— Люк! — Она обняла его за шею и поцеловала. — Был на прогулке в парке? — Марджи кончала одеваться; на ней был лифчик, трусики и туфли, а платье она отложила, чтобы освободить руки.

— Да, и выпил кофе. Надевай платье, можно идти на завтрак.

Он сел в кресло и стал смотреть, как она поднимает платье над головой и начинает классическую серию изгибов, неуклюжих и все-таки чарующих, когда на них смотришь.

— Марджи, что или кто такой Исуко?

Из-под платья донеслись какие-то сдавленные звуки, а потом из воротника вынырнула голова. Марджи с удив-

лением смотрела на Люка, пока руки ее разглаживали складки материи.

— Люк, ты не читаешь газ... Впрочем, конечно, не читаешь. Но ты должен помнить Ято Исуко с тех пор, когда еще читал!

— Разумеется, — сказал Люк. Имя и фамилия, произнесенные вместе помогли ему вспомнить, кем был этот человек. — О нем теперь часто вспоминают в новостях?

— Вспоминают в новостях? Вот уже три дня, как он сам по себе новость. Завтра он должен выступить с речью по радио на весь мир. С тех пор, как об этом объявлено, газеты не пишут ни о чем другом.

— Выступление по радио? А разве марсиане не мешают?

— Уже не могут, Люк. Тут мы с ними справились: изобрели новый микрофон, гортанный, и марсиане не могут уже встревать. Это была большая сенсация, неделю назад, перед заявлением Исуко.

— А как это действует? Я о микрофоне.

— Он вообще не принимает звук, как таковой. Я не инженер и не знаю подробностей, но он снимает вибрации непосредственно с гортани говорящего и преобразует их в радиоволны. Не нужно даже говорить громко, достаточно... как же это называется?

— Артикулировать, — подсказал Люк, вспомнив свой собственный опыт общения с подсознанием несколько минут назад. Интересно, помогло ли это? Он не видел признаков марсиан вокруг себя.

— А о чем будет его речь?

— Никто этого не знает, но все считают, что о марсианах... о чем еще мог бы он сказать всему миру? Ходят слухи — никто не знает, правда ли это, — что некий марсианин установил наконец деловой контакт с Исуко и сказал, на каких условиях марсиане покинут Землю. Это похоже на правду. Должен же у них быть какой-то предводитель, король там, президент, диктатор или как его еще... И если бы он захотел установить контакт, Исуко — самая лучшая кандидатура.

Люк сумел удержаться от усмешки, даже не кивнул головой. Какой сюрприз ждет Исуко завтра...

— Марджи, когда ты в последний раз видела марсианина?

Она посмотрела на него с легким удивлением.

— Почему ты спрашиваешь, Люк?

— Ну... из любопытства.

— Если хочешь знать, их сейчас двое в комнате.

— Вот как...

Не помогло.

— Я готова, — сказала Марджи. — Идем вниз?

Подали завтрак. Люк ел угрюмо, совсем не чувствуя вкуса ветчины и яиц; с тем же успехом это могли быть опилки.

Почему не помогло?

Проклятое подсознание, может, оно глухо к его артикуляции?

А может, просто не верит ему?

Внезапно он пришел к выводу, что должен вырваться из этого места. Здесь было не место для решения подобных проблем — могло оказаться, что это сумасшедший дом, хотя кто-то и назвал его санаторием.

А общество Марджи настолько же чаровало, насколько и отвлекало.

Он был совершенно один, когда придумал марсиан, значит, один должено от них избавиться. Один, вдали от всего и всех.

Домик Картера Бенсона вблизи Индио? Разумеется, ведь там все и началось!

Правда, был август и днем там царила адская жара, зато Картера там сейчас наверняка нет. Значит, незачем спрашивать разрешения, он даже не будет знать, что Люк туда поехал, и не выдаст его, если Люка начнут искать. Марджи не знала этого места, он никогда не упоминал ей о нем.

Но надо быть осторожным. Сейчас ускользать слишком рано, потому что банк открывают только в девять, а именно там должна быть его первая остановка. Слава богу, Марджи открыла им общий счет и принесла ему бланк с образцами подписей. Нужно будет снять несколько сотен долларов, чтобы хватило на подержанную машину; иного способа добраться до домика Бенсона не было. А свою машину он продал еще когда уехал из Голливуда. Пришлось отдать ее всего за двести пятьдесят долларов, хотя несколько месяцев назад — тогда еще существовало такое понятие, как езда ради удовольствия — он мог бы получить все пятьсот. Ничего, зато теперь машины дешевы; меньше чем за сотню можно будет выбрать что-нибудь подходящее, чтобы доехать до места и выбираться в Индио за покупками... если то, что он задумал, отнимет много времени.

— Плохо себя чувствуешь, Люк?

— Да нет, с чего бы? — ответил он и решил, что можно начинать подготовку к своему бегству. — Просто спать хочется. Я все ворочался ночью, вряд ли поспал больше двух часов.

— Может, пойдешь наверх и вздремнешь, дорогой?

Люк сделал вид, что мешкает.

— Ну... может, попозже, когда совсем уж невтерпеж станет. Сейчас я чувствую вялость, какую-то тяжесть, но не знаю, засну ли.

— Хорошо... Хочешь чем-нибудь заняться?

— Может, поиграем в бадминтон? Пока я не устану настолько, чтобы заснуть и проспать несколько часов?

Для игры в бадминтон было, пожалуй, слишком ветрено, однако они поиграли с полчаса, до половины девятого, после чего Люк зевнул и объявил, что теперь всерьез захотел спать.

— Ты можешь сходить со мной наверх, — предложил он. — Если тебе что-то нужно в комнате, можешь взять это сейчас и потом не беспокоить меня до обеда, если я просплю так долго.

— Иди один, мне ничего не нужно. Обещаю не будить тебя до двенадцати.

Люк поцеловал ее, жалея, что поцелуй так короток. Ведь они снова расстаются. Он вошел в здание и отправился наверх, к себе в комнату.

Там Люк сел за машинку и написал Марджи записку, заверяя, что любит ее, но должен сделать нечто важное, что беспокоиться не стоит, потому что он скоро вернется.

Затем он открыл сумочку Марджи и взял деньги на такси до города, на случай, если сможет его поймать. Если получится, он сэкономит немного времени, но даже если придется всю дорогу до банка идти пешком, то и тогда он попадет туда до одиннадцати, и будет еще достаточно рано.

Люк выглянул в окно — проверить, не наткнется ли в парке на Марджи. Оказалось, что нет. Он перешел к окну в конце холла, но и оттуда ее не увидел. Зато, когда осторожно спускался по лестнице, услышал ее голос, доносящийся из открытой двери в кабинет доктора Снайдера:

—...я не очень беспокоюсь, но он вел себя как-то странно. Хотя не думаю, чтобы...

Люк бесшумно вышел через боковую дверь и пробрался на зады сада, где ряд деревьев заслонял забор от построек.

Теперь единственной опасностью оставалось, что кто-нибудь увидит, как он лезет через забор и позвонит в полицию или в санаторий.

Но никто его не увидел.

17

Было пятое августа 1964 года. В Нью-Йорке — без нескольких минут час, в иных часовых поясах — соответственно.

Близился великий момент.

Ято Исуко, Генеральный Секретарь Организации Объединенных Наций, одиноко сидел в небольшой студии радиостанции. Он был готов и теперь только ждал.

Полон надежд и опасений.

Ларингофон был на своем месте, в ушах генерального секретаря торчали пробки, которые позволят ему не отвлекаться, когда он начнет говорить. Кроме того, он закроет глаза, как только режиссер подаст знак.

Вспомнив, что ларингфон еще не включен, он несколько раз откашлялся, не сводя глаз с небольшого окошечка и человека по другую сторону стекла.

Ему вот-вот предстояло обратиться к самой большой аудитории, которая когда-либо слушала отдельного человека. Когда-либо и где-либо. За исключением группки дикарей и детей, еще слишком маленьких, чтобы говорить и понимать, практически все люди на планете услышат его слово — прямо или через переводчика.

Подготовка была настолько же торопliва, насколько утомительна. Все правительства Земли сотрудничали в полной мере, все радиостанции мира будут принимать и ретранслировать его выступление. Каждая действующая радиостанция и многие из тех, что закрылись, но быстро активировались для этой цели. И все корабли на всех морях.

Нужно будет говорить не торопясь, делать паузы после фраз, чтобы тысячи переводчиков могли за ним успеть.

Даже кочевники в самых отсталых районах и те будут слушать: предприняты необходимые меры, чтобы там, где это только возможно, туземцы выслушали переводы, даваемые по горячим следам у ближайшего радиоприемника. В цивилизованных государствах все еще работающие заводы и учреждения будут закрыты, а их работники собе-

рутся перед приемниками и громкоговорителями; людей, остающихся дома и не имеющих приемников, просили присоединяться к соседям, у которых они есть.

Отсюда следовало, что слушать его будут три миллиарда людей. И миллиард марсиан.

Если повезет, он станет самым известным... Исуко быстро отогнал эту тщеславную мысль. Он должен думать об интересах человечества, а не о своих собственных. И если ему повезет, нужно будет немедленно уйти с должности: пользоваться своим успехом некрасиво.

Если же он проиграет... впрочем, и об этом нельзя думать.

Похоже, в студии не было марсиан, во всяком случае, в той части режиссерской комнаты, которую он видел через стекло, не было ни одного.

Исуко еще раз откашлялся, и вовремя. По другую сторону окна оператор повернул ручку и кивнул ему.

Ято Исуко закрыл глаза и заговорил:

— Жители Земли, — сказал он, — я обращаюсь к вам и через вас к нашим гостям с Марса. Прежде всего к ним. Однако нужно, чтобы вы тоже слушали и, когда я закончу, могли ответить на вопрос, который я вам задам.

Затем он продолжал:

— Марсиане, по причине, известной только вам, вы не говорили, почему оказались среди нас. Возможно, вы действительно подлы и злобны, и наши страдания доставляют вам удовольствие.

Возможно, ваша психика, образ вашего мышления настолько чужды нам, что мы не поняли вас, хотя вы прилагали все усилия, чтобы объяснить нам свое поведение.

Но, я не верю ни в то, ни в другое.

Если бы вы действительно были таковы, какими выглядите или каких изображаете — сварливыми и мстительными, мы хотя бы несколько раз поймали вас на ссорах или драках между собой.

Однако мы ничего такого не слышали и никогда не видели.

Марсиане, вы просто маскируетесь перед нами, изображаете кого-то, кем не являетесь.

Люди по всей Земле зашевелились...

— Марсиане, — продолжал Исуко, — есть какая-то тайная цель в том, что вы делаете. Это может и должно быть одним из двух, разве что понимание ваших мотивов превосходит мои возможности, разве что ваши мотивы выходят за пределы человеческой логики.

Возможно, ваши мотивы благородны и вы прибыли сюда с чистой душой. Вы знали, что мы разобщены, ненавидим друг друга, ведем между собой войны и находимся на пороге последней решающей войны.

Возможно, вы пришли к выводу, что мы, будучи такими, какие есть, можем объединиться только ради общей борьбы с противником, когда общая ненависть превосходит взаимную враждебность, она уже кажется настолько бессмысленной, что мы о ней почти и не помним.

Но есть и другая возможность — вы доброжелательны, хотя и не враждебны. Возможно, узнав, что мы стоим на пороге космических полетов, вы не захотели видеть нас на Марсе.

Возможно, на Марсе вы вполне вещественны, подвержены ударам и потому боитесь нас; боитесь, что мы могли бы вас завоевать, вскоре или через несколько столетий. Кто знает, может, мы просто скучны вам, как наверняка вам скучны наши радиопередачи, и вы просто не хотите нашего присутствия на своей планете.

Если один из двух упомянутых мною мотивов соответствует действительности, а я считаю, что третьего не дано, вы должны понимать, что вынуждая нас поступать определенным образом или запрещая нам отправляться на Марс, скорее вызвали бы враждебность, чем достигли бы своей цели.

Вы хотели, чтобы мы сами поняли это и поступали согласно вашим желаниям.

Разве важно, чтобы мы знали или, скорее, угадали, какая из двух основных целей соответствует действительности?

Так вот, независимо от этого я докажу вам, что вы добились своей цели.

Я говорю от имени всех жителей Земли и сейчас докажу это.

Затем он добавил:

— Мы клянемся закончить войны между собой. Клянемся никогда не отправлять ни одного космического корабля на вашу планету — разве что однажды вы пригласите нас к себе, но и тогда вам придется нас упрашивать.

Наконец он торжественно произнес:

— А теперь доказательство. Земляне, согласны ли вы со мной по этим двум вопросам? Если да, то где бы вы ни были, подтвердите это так громко, как только можете!

Но чтобы переводчики успели за мной, подождите немного, пока я дам вам знать и скажу... пора!

— ДА!
— YES!
— OUI!
— SI!
— TAK!
— HAJ!
— NAM!
— SZI!
— JA!
— ANO!
— LA!

И тысячи других слов, каждое из которых означало одно и то же. Вырвавшиеся из глоток и вместе с тем из сердец всех людей, что слушали Исуко.

И среди них ни одного «по» или «нет».

Это был самый чудовищный звук под солнцем. По сравнению с ним водородная бомба была комариным писком, а извержение Кракатау — тихим шепотом.

Не было никаких сомнений, что все марсиане на Земле услышали его. Если бы между планетами имелась атмосфера, передающая звуковые колебания, его услышали бы и марсиане на Марсе.

Ято Исуко услышал его, несмотря на пробки в ушах. И почувствовал, как от него содрогнулось все здание.

Он не произнес ни слова больше, чтобы не портить эффект от этого великолепного звука. Открыв глаза, он кивнул оператору, глубоко вздохнул, заметил движение переключателя, потянулся к ушам и вынул пробки.

Потом встал, совершенно выжатый, и медленно направился к небольшому тамбуру, отделявшему студию от коридора. Там он остановился на секунду, чтобы успокоиться.

При этом он случайно повернулся и увидел свое отражение в зеркале на стене.

На голове его по-турецки сидел марсианин. Исуко увидел в зеркале его ехидный взгляд и услышал, как марсианин сказал ему:

— Отцепись, Джонни.

Тогда Исуко понял, что пришло время для того, к чему он приготовился на случай неудачи.

Вытащив из кармана церемониальный кинжал, Исуко вынул его из ножен, а потом сел на пол так, как того

требовала традиция. Обратившись к своим предкам, он свершил краткий вступительный ритуал, а затем с помощью кинжала...

...ушел с поста Генерального Секретаря Организации Объединенных Наций.

18

В день выступления Исуко биржу закрыли в полдень. Назавтра, шестого августа, она снова закрылась в полдень, но по другой причине: президент распорядился в срочном порядке закрыть ее на неопределенное время. В то утро акции, стоимость которых в момент открытия биржи равнялась лишь доле вчерашней цены, которая в свою очередь равнялась доле цены домарсианских времен, не находили покупателей и стремительно падали. Чрезвычайное распоряжение остановило сделки в тот момент, когда по крайней мере часть акций стоила не дороже бумаги, на которой они были отпечатаны.

Еще одна сенсация ждала людей в тот день: сообщение правительства о девяностопроцентном сокращении вооруженных сил. На пресс-конференции президент признал, что решение это продиктовано отчаянием. Это значительно увеличит ряды безработных, однако шаг этот стал неизбежен, поскольку правительство фактически обанкротилось. Проще держать людей на пособии, чем в казармах. Все другие государства поступали подобным же образом, однако все равно оставались на грани банкротства. Каждое из этих распоряжений еще вчера бы вызвало революцию... если не учитывать, что даже самые фанатичные революционеры не желали принимать власть в таких условиях.

Теснимый, терроризируемый, отуманенный, преследуемый и подталкиваемый средний гражданин среднего государства с тревогой смотрел в таинственное будущее и с тоской мечтал о старых добрых временах, когда главными его заботами были болезни, налоги и термоядерная бомба.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

УХОД МАРСИАН

1

В августе 1964 года человек с довольно необычным именем Хирам Педро Обердорфер из Чикаго, штат Иллинойс, изобрел устройство, которое назвал субатомным антикосмитным супервибратором.

Мистер Обердорфер получил образование в Гейдельберге, штат Висконсин. Его формальное образование закончилось восьмым классом, но на протяжении пятидесяти с лишним лет, которые прошли с тех пор, он был запойным читателем научно-популярных журналов и статей на темы науки в воскресных приложениях. Он был теоретиком-энтузиастом, и по его собственным словам — а кто мы такие, чтобы в них сомневаться? — «знал науку лучше всех этих лаборантов».

В течение многих лет он работал привратником дома на Дирборн-стрит недалеко от Гранд-авеню и жил в двух подвальных комнатах того самого дома. В одной комнате он готовил, ел и спал, во второй проводил ту часть жизни, которая имела для него основное значение. Это была его мастерская.

Кроме рабочего стола и различных электрических инструментов в мастерской находились несколько шкафчиков, а в них и на них, а также на полу и в ящиках валялись части старых автомашин, старые же радиодетали, старые части старых швейных машин и пылесосов. И это не говоря о частях машин стиральных и пишущих, велосипедов, газонокосилок, лодочных моторов, телевизоров, часов, телефонов, всевозможных инструментов, электрических моторчиков, фотоаппаратов, граммофонов, электрических вентиляторов, двустволок и счетчиков Гейгера-Мюллера. Словом, неисчислимые сокровища в одной маленькой комнате.

Его обязанности привратника были не очень обременительны, особенно летом, и оставляли множество времени на изобретения или на второй его любимый способ времяпрепровождения — отдых и размышления на площади У Психов.

Площадь У Психов — это небольшой городской парк

на перекрестке улиц и называется он, конечно, по-другому, однако никто этим названием не пользуется. Живут там в основном бродяги, пьянчужки и повернутые всех сортов. Сразу уточним, что мистер Обердорфер не был одним из них. Он имел постоянную работу и пил исключительно пиво, да и то в разумных количествах. На случай обвинения в психической болезни он мог доказать свою нормальность, поскольку имел документы, выданные при выписке из психиатрической клиники, в которой провел некоторое время несколько лет назад.

Мистеру Обердорферу марсиане докучали гораздо меньше, чем большинству людей — по счастливому стечению обстоятельств он был совершенно глух.

Конечно, кое в чем они мешали и ему. Не имея возможности слушать, он обожал разговаривать. Можно даже сказать, что мистер Обердорфер думал вслух, поскольку обычно он разговаривал сам с собой все время, пока занимался изобретениями. Разумеется, выходки марсиан были ему не страшны — даже и не слыша себя, он прекрасно знал, что говорит, заглушали его при этом или нет. Однако, у него был дружок, с которым он любил поболтать — мужчина по имени Пит. Обердорфер пришел к выводу, что марсиане порой вмешивались в его одностороннюю беседу с другом.

Летом Пита всегда можно было найти У Психов — на четвертой скамейке по левой стороне аллеи, ведущей наискосок от центра скверика к юго-восточному углу. Осенью Пит исчезал, Обердорфер предполагал, что он улетает на юг с птицами. Однако каждой весной он появлялся снова, и мистер Обердорфер мог вернуться к прерванному разговору.

Это действительно была односторонняя беседа, поскольку Пит был немым. Впрочем, он с удовольствием слушал мистера Обердорфера, верил, что видит перед собой великого мыслителя и ученого, с чем мистер Обердорфер полностью соглашался. Для поддержания беседы Питу хватало нескольких простых жестов: кивок или покачивание головой означали да или нет, поднятые брови — просьбу дополнительного объяснения. Но даже эти сигналы редко бывали нужны: обычно хватало выражения восторга или напряженного внимания слушателя. Еще большей редкостью было использование карандаша и блокнота, каковые мистер Обердорфер постоянно носил с собой.

Однако в то особенное лето Пит все чаще применял новый сигнал — прикладывал ладонь к уху. Когда Пит впервые использовал его, мистер Обердорфер удивился, поскольку знал, что говорит достаточно громко. Он подал Питу бумагу и карандаш с просьбой объясниться, и Пит написал: «Ничо не слышу. Марсианы шумят».

В связи с этим мистер Обердорфер почувствовал себя обязанным говорить громче, но факт этот слегка его раздражал. Впрочем, гораздо меньше, чем обитателей соседних скамеек, которым его громкий голос мешал уже после того, как болтовня марсиан прекратилась. И это понятно — ведь мистер Обердорфер никоим образом не мог знать, что марсиане уже ушли.

Даже когда в то особенное лето Пит не просил говорить громче, разговор был уже не тем, что прежде. Слишком часто мина Пита ясно говорила о том, что он слушал что-то другое, вместо — или кроме — мистера Обердорфера. И каждый раз, когда мистер Обердорфер оглядывался при этом по сторонам, он замечал марсианина или марсиан и знал уже, что Пит беспокоится, и это может довести Пита до невроза, а значит, косвенным образом, должно довести до невроза и его самого.

Мистер Обердорфер начал подумывать, не стоит ли сделать чего-нибудь с этими марсианами.

Однако только к середине августа он окончательно решил что-то с ними делать. В середине августа Пит неожиданно исчез с площади У Психов. Несколько дней подряд мистеру Обердорферу не удавалось найти Пита и он принялся расспрашивать обитателей соседних скамеек, тех, которых видел настолько часто, что мог считать здешними завсегдатаями, что с ним случилось. Какое-то время он не получал в ответ ничего кроме покачиваний головой или иных знаков отказа, например, пожатия плечами. Потом вдруг какой-то мужчина с седой бородой начал ему что-то объяснять, на что мистер Обердорфер ответил, что он глухой и протянул тому блокнот и карандаш. Возникла временная трудность, когда оказалось, что бородач не умеет ни писать, ни читать, однако они нашли посредника, достаточно трезвого, чтобы выслушать историю седобородого и изложить ее в письменном виде мистеру Обердорферу. Пит, оказывается, сидел в тюрьме.

Мистер Обердорфер тут же отправился в полицию и после многих недоразумений, вызванных тем, что там бы-

ло предостаточно Питов а он не знал фамилию своего приятеля, разведал наконец, где того держат. Он немедленно побежал туда, чтобы увидеться с другом и помочь, если сможет.

Оказалось, что Пит уже осужден и не будет нуждаться в его помощи еще тридцать дней; впрочем, он с удовольствием принял десять долларов на курево.

Все-таки мистеру Обердорферу удалось «поговорить» с Питом с помощью карандаша и блокнота и узнать, что случилось.

Очищенная от орфографических ошибок версия событий Пита выглядела так, что он ни в чем не был виноват, а полиция его просто подставила. В общем, он был немного пьян, иначе не пытался бы совершить кражу среди бела дня, да еще в присутствии марсиан.

Марсиане заманили его к киоску и обещали постоять на шухере, а потом заложили и, пока он набивал карманы, натравили на него копа. Во всем были виноваты только марсиане.

Его патетический рассказ настолько раззадорил мистера Обердорфера, что он сразу решил сделать что-то с марсианами. В тот же вечер. Он человек терпеливый, но теперь его терпение кончилось.

По пути домой он решил нарушить свою многолетнюю привычку и поесть в ресторане — если не придется прерывать мыслительный процесс для еды, он выиграет еще на старте.

Заказав свиные ножки с кислой капустой и дожидаясь, пока принесут заказ, он начал думать. Но тихо, чтобы не мешать другим людям у бара.

Он упорядочил для себя все, что прочитал о марсианах в научно-популярных журналах, а также все, что прочел об электричестве, электронике и теории относительности.

Логичное решение он получил одновременно с ножками с капустой.

— Это должен быть, — сказал он официантке, — субатомный антикосмитный супервибратор! Только он с ними справится.

Ее ответ, если он вообще последовал, прошел незамеченным, и мы его не приводим.

Разумеется, ему пришлось прекратить думать, пока он ел, однако он громко думал всю дорогу домой. Едва оказавшись у себя, Обердорфер отключил сигнальное устройство — вместо звонка у него была красная мигалка, —

Sub

чтобы ни один жилец не мог ему помешать чепухой о текущем кране или испортившемся холодильнике, и взялся за монтаж субатомного антикосмитного супервибратора.

«Этот лодочный мотор используем для привода, — подумал он, воплощая слово в дело. — Только снять винт, и будет готов генератор постоянного напряжения на... сколько же вольтов?» Поднял напряжение трансформатором, пустил его в индукционную катушку и продолжал работу.

Только однажды столкнулся он с серьезной трудностью. Это произошло, когда он понял, что ему понадобится вибрационная мембрана диаметром в двадцать сантиметров. Ничего подобного в его мастерской не было, а поскольку было почти восемь часов, и все магазины уже закрылись, он едва не отказался от своей затеи.

Однако его спасла Армия Спасения, о которой он вовремя вспомнил. Выйдя из дома, Обердорфер направился на Кларк-стрит и бродил по улице, пока девица из Армии не прибыла для обхода баров. Пришлось пожертвовать ради дела тридцатью долларами, прежде чем она согласилась расстаться со своим бубном; и хорошо еще, что она сдалась на этой сумме, поскольку это были все деньги, которые он имел при себе. Кроме того, если бы она не согласилась, он решился уже вырвать бубен и бежать, а это, вероятно, кончилось бы для него встречей с Питом в его новом обиталище. Мистер Обердорфер был полным мужчиной и быстро бегать не умел — одышка мешала.

Бубен после удаления с него бляшек оказался в самый раз для его целей. Посыпанный щепоткой намагниченных опилок и размещенный между катодной лампой и алюминиевой кастрюлей, служащей сеткой, он не только отфильтрует нежелательные лучи дельта, рассчитал мистер Обердорфер, но вибрация опилок — после запуска лодочного мотора — еще и вызовет необходимую флуктуацию индуктивности.

Спустя час после обычного своего времени отхода ко сну мистер Обердорфер припаял последний контакт и отступил на шаг, чтобы взглянуть на дело рук своих. Потом довольно вздохнул. Хорошо. Должно сработать!

Затем он проверил, на всю ли ширину открыто вентиляционное отверстие. Субатомная вибрация должна иметь выход, иначе она будет действовать только в этой комнате. Зато, однажды выпущенная, она отразится от иono-

сферы и, подобно радиоволнам, в несколько секунд обежит весь мир.

Убедившись, что в баке лодочного мотора довольно топлива, он намотал на ротор шнур и приготовился дернуть, но тут призадумался. Марсиане заглядывали в мастерскую время от времени в течение всего вечера, но в этот момент ни одного не было. Лучше подождать, пока появится хоть один, а потом запустить машину и сразу же убедиться, действует она или нет.

Он перешел в другую комнату, вынул из холодильника бутылку пива и открыл ее. Вернувшись с нею в мастерскую, он сел, потягивая пиво, и стал ждать марсианина.

Где-то снаружи пробили часы, но мистер Обердорфер, будучи глухим, этого не услышал.

Марсианин появился, сидя верхом на субатомном антикосмитном супервибраторе.

Мистер Обердорфер отставил пиво, протянул руку и дернул шнур. Мотор завелся, машина заработала.

С марсианином ничего не случилось.

— Ему нужно несколько минут, чтобы накопить потенциал, — объяснил мистер Обердорфер, скорее самому себе, чем марсианину.

Он снова сел и взялся за пиво, дожидаясь, пока пройдут эти несколько минут.

Было примерно пять минут двенадцатого чикагского времени, 19 августа, среда.

2

В четыре часа 19 августа 1964 года в Лонг-Бич, штат Калифорния — это соответствовало шести вечера в Чикаго, почти точно то время, когда мистер Обердорфер пришел домой, съев порцию свиных ножек с кислой капустой и готовый начать работу над своим субатомным и прочее — Марджи Деверо остановилась в дверях кабинета доктора Снайдера и спросила:

— Вы заняты, доктор?

— Нисколько, Марджи. Входите, — ответил заваленный работой доктор Снайдер. — Садитесь, пожалуйста.

Она села.

— Доктор, — сказала Марджи слегка запыхавшись, я наконец придумала, как мы сможем найти Люка.

— Надеюсь, это хорошая идея, Марджи. Прошло уже две недели.

Прошло уже на день больше. Минуло пятнадцать дней и четыре часа с тех пор, как Марджи вошла в их с Люком комнату наверху, чтобы разбудить Люка, и вместо мужа нашла записку.

Она побежала с ней к доктору Снайдеру. Их первой мыслью был банк, поскольку, кроме нескольких долларов из сумочки Марджи, денег у Люка не было. Однако в банке ответили, что Люк уже снял пятьсот долларов с общего счета.

Позднее стало известно, что примерно через полчаса после визита Люка в банк какой-то мужчина, соответствующий описанию, но назвавшийся другой фамилией, купил подержанную машину и заплатил за нее сто долларов наличными.

У доктора Снайдера была рука в полиции, и по всему юго-западу пошел кружить словесный портрет Люка а также описание его машины — старого желтого «меркури» модели 1957 года. Сам же доктор Снайдер кружил по всем психиатрическим заведениям того же региона.

— Мы пришли к выводу, — продолжала Марджи, — что он скорее всего поехал в тот же домик, где находился в ночь появления марсиан. Вы по-прежнему так считаете?

— Конечно. Он уверен, что придумал марсиан — так сказано в записке. Поэтому ясно, что он вернулся в то самое место, чтобы постараться воспроизвести те самые обстоятельства и исправить то, что по его мнению, он сделал. Однако, вы говорили, будто понятия не имеете, где находится этот домик.

— Я по-прежнему этого не знаю, кроме того, что он должен находиться недалеко от Лос-Анджелеса. Но мне кое-что вспомнилось, доктор. Несколько лет назад Люк упомянул, что Картер купил себе хату где-то недалеко от Индио. Держу пари, это именно то.

— Вы уже говорили с этим Бенсоном, правда?

— Да, я звонила ему. Только я спрашивала, не видел ли он Люка. Он ответил, что нет, но обещал сообщить, если что-то услышит. Я не спрашивала, пользовался ли Люк его домом в марте, а Картеру не пришло в голову сказать мне об этом, потому что я не рассказала ему всей истории и того, что Люк, по нашему мнению, мог вернуться туда. Я просто не подумала об этом.

— Гмм, — буркнул врач. — Что ж, хоть какой-то

шанс. Но может ли Люк пользоваться домом Бенсона без его согласия?

— В марте, вероятно, согласие у него было. На этот же раз он скрывается, не забывайте! Ему не нужно, чтобы даже Картер знал, куда он поехал. Кроме того, Люк знал, что Картеру дом не понадобится... только не в августе.

— Вполне возможно. Так вы хотите позвонить Бенсону? Вот телефон.

— Я позвоню от дежурной, доктор. Поиски могут затянуться, а вы очень заняты, хоть и говорите, что нет.

Но поиски Картера Бенсона не заняли много времени. Марджи вернулась через несколько минут, сияющая.

— Доктор, в марте Люк пользовался домиком Картера. Я знаю, как туда проехать! — Она помахала листком бумаги.

— Молодец! И что теперь, по-вашему, нужно делать? Позвонить в полицию Индио или?..

— Какая еще полиция? Я сама к нему поеду, как только закончу дежурство.

— Можете не ждать окончания дежурства, моя дорогая. Но так ли уж обязательно вам ехать самой? Мы не знаем, до какой степени прогрессировала его болезнь, и может оказаться, что вы его... выведете из равновесия.

— Уж я его выведу из равновесия! А если серьезно, доктор, то не беспокойтесь. Я справлюсь с ним при любых обстоятельствах. — Она взглянула на часы. — Пятнадцать минут пятого. Если вы отпускаете меня, я буду там, самое позднее, между девятью и десятью.

— Не хотите взять с собой кого-нибудь из персонала?

— Ни в коем случае.

— Ну хорошо, моя дорогая. Только поезжайте осторожно.

3

Под вечер третьего дня третьей луны времени антилоп куду — почти в это же время в Чикаго мистер Обердорфер расспрашивал на площади У Психов про своего пропавшего приятеля — шаман по имени Бугасси был вызван к вождю племени мопароби, что обреталось в Экваториальной Африке. Вождя звали М'Карти, однако он не был родственником бывшего сенатора Соединенных Штатов со схожей фамилией.

— Сделай куку на марсиан, — потребовал М'Карти от Бугасси.

Разумеется, он называл их не марсианами. Вождь использовал слово «гнаямката», этимология которого представляется нам следующим образом: «гна» — то есть пигмей, «ям» — то есть зеленый, «кат» — то есть небо. Гласная на конце образовывала множественное число, а все вместе означало — зеленые пигмеи с неба.

Бугасси склонил голову.

— Я сделаю большой куку, — пообещал он.

Лучше, чтобы это был чертовски большой куку — уж Бугасси-то знал об этом.

Должность шамана в племени мопароби не относится к безопасным. Продолжительность их жизни невелика, разве что действительно хороший шаман. И она была бы еще меньше, если бы вождь чаще обращался к кому-либо из своих шаманов с официальным требованием, поскольку закон гласил, что не оправдавший доверия, должен пополнить мясом кладовую племени. А мопароби — людоеды.

Когда появились марсиане, у мопароби было шестеро шаманов, но теперь Бугасси остался один. С интервалами в одну луну — поскольку табу запрещает вождю требовать делать куку раньше, чем в полнолуние, через двадцать восемь дней после создания предыдущего. Пять шаманов попытались, провалились и внесли свои вклады в общий котел.

Теперь пришла очередь Бугасси и по голодным взглядам, которые бросали на него М'Карти и остальные соплеменники, он понял, что они будут почти так же рады его поражению, как и успеху. Мопароби уже двадцать восемь дней не ели мяса.

Вся Африка жаждала мяса.

Некоторые племена, живущие исключительно или почти исключительно охотой, практически голодали. Другим приходилось совершать изнурительные переходы в районы, где можно было найти растительную пищу — плоды и ягоды.

Охота стала просто невозможной.

Почти все создания, на которых человек охотился ради пропитания, бегают быстрее него, а то и летают. Он вынужден подкрадываться к ним против ветра и тихо, пока не окажется на расстоянии смертельного удара.

При марсианах не было и речи о скрадывании дичи. С наслаждением помогали они туземцам охотиться, и по-

мощь эта состояла в том, что они бежали или квимили перед охотником, распугивая радостными криками возможную добычу.

В результате животные мчались от них со всех ног.

Это приводило к тому, что охотник возвращался с охоты с пустыми руками, в девяносто девяти случаях из ста не имея возможности выстрелить из лука или бросить копье, не говоря уже о том, чтобы поразить цель.

Это был Великий Кризис. Иного типа чем более цивилизованные кризисы, ширившиеся в более цивилизованных странах, но не менее разрушительный.

Занимавшимся животноводством тоже досталось. Марсиане обожали вскакивать на спины скота и вызывать среди него панику. Коль скоро марсиане были бесплотны и ничего не весили, корова, разумеется не могла чувствовать марсианина на своей спине. Однако, когда тот наклонялся вперед и во все горло орал в ее ухо: «Ивриго 'м Н'гари! — Жупийя хей» — по-масайски, — в то самое время, когда десяток или более марсиан кричали: «Ивриго 'м Н'гари!» в уши десятка или более других коров и быков, — и вот вам паника.

Африка не любила марсиан.

Однако вернемся к Бугасси.

«Я сделаю большой куку» — пообещал он М'Карти. Да, это должен быть большой куку и в прямом и в переносном смысле. Когда вскоре после появления с неба маленьких зеленых пигмеев М'Карти вызвал шестерых своих чародеев, он говорил с ними долго и серьезно. Он приложил все старания, чтобы убедить или заставить их объединить свое искусство и использовать общую мудрость для создания самого большого куку в мире.

Они отказались и даже угроза пыток и мучительной смерти на них не подействовала. Их тайны были святы и дороже самой жизни.

Однако некоторый компромисс был все же достигнут. Им предстояло каждый месяц тянуть жребий о своем месте в очереди, и каждый согласился на то, что если — и только если — потерпит неудачу, то раскроет все свои тайны, включая в обязательном порядке ингредиенты и заклятия, вошедшие в состав его куку, а уж потом сделает свой вклад в животы племени.

Бугасси вытащил самый длинный прутик и теперь, пять месяцев спустя, обладал знаниями как всех прочих шаманов, так и своими собственными — а шаманы мопа-

роби славятся как самые искусные во всей Африке. К тому же он точно знал все предметы и слова, вошедшие в состав пяти неудачных куку.

Располагая такой энциклопедией, он обдумывал свой собственный куку уже с предыдущего полнолуния, когда душа Нарибото, пятого шамана, рассталась со съедобным телом, из которого Бугасси досталась печень. Он сохранил небольшой кусочек этой печени; наполовину сгнивший к этому времени, он превосходно подходил для включения в состав его собственного куку.

Бугасси знал, что его куку не должно подвести не только потому, что такой исход был бы для него самого весьма неприятен, но и потому... что ж, суммированные знания всех шаманов мопароби просто не могли подвести.

Это будет куку, который уничтожит все прочие куку, а вместе с ними и марсиан.

Это будет чудовищный куку, он вместит все ингредиенты и все заклятия, использованные в пяти предыдущих, а кроме того, будет содержать еще одиннадцать его собственных ингредиентов и девятнадцать заклятий — семь из них были танцевальными фигурами, — его личную тайну.

Все необходимое было под рукой, но собранное вместе — каким бы маленьким ни было по отдельности — должно было заполнить мочевой пузырь слона, который и станет вместилищем куку. Разумеется, слон был убит шесть месяцев назад. После прихода марсиан не было убито ни одного большого животного. Составление куку должно было длиться всю ночь, поскольку отдельные составляющие требовалось добавлять в сопровождении нужного заклятья или танца, другие же заклятья и танцы будут соединять ингредиенты.

Никто из мопароби не сомкнул глаз той ночью. Все они сидели вокруг большого костра, куда женщины время от времени подкидывали дрова, и следили за работой Бугасси, за его танцами и прыжками. Это было утомительное дело и все с грустью отметили, что он потерял в весе.

Перед самым рассветом Бугасси упал пластом перед вождем М'Карти.

— Куку готов, — сказал он.

— Гнаямката все еще здесь, — грозно заметил М'Карти. И верно, они были активны как никогда — всю ночь следили за приготовлениями да еще и делали вид, будто помогают. Несколько раз Бугасси спотыкался в танце из-за них, а один раз даже упал лицом вниз, когда они бро-

сились ему под ноги. Однако каждый раз он терпеливо повторял последовательность фигур, так что ни одно па не было пропущено.

Бугасси приподнялся на руке в пыли и свободной рукой указал на ближайшее дерево.

— Куку должен висеть высоко над землей, — заявил он.

М'Карти отдал приказ, и трое негритят вскочили со своих мест, чтобы его выполнить. Они обвязали куку веревкой, сплетенной из лиан, затем один вскарабкался на дерево и перекинул веревку через сук, а двое других стали поднимать куку. Когда он оказался в трех метрах от земли, Бугасси, который успел подняться, крикнул им, что уже хватит. Веревку закрепили, тот, что был на дереве, слез и присоединился к остальным.

Бугасси подошел к дереву, ступая так, словно у него болели ноги — а так оно и было — и встал под куку. Он повернулся лицом на восток, туда где небо уже начинало сереть, а солнце было под самым горизонтом, и сложил руки на груди.

— Когда лучи солнца упадут на куку, — сказал он торжественным, хотя и слегка охрипшим голосом, — гнаямката уйдут.

Над горизонтом появился красный край солнца, его первые лучи осветили верхушку дерева, на котором висел куку.

Через минуту первые лучи солнца достигнут куку.

Случайно или нет, но это было в тот самый момент, когда в Чикаго, штат Иллинойс, Сосдиненные Штаты Америки, некий Хирам Педро Обердорфер, привратник и изобретатель, сидел и пил пиво, дожидаясь, пока его субатомный антикосмитный супервибратор накопит нужный потенциал.

4

С точностью до трех четвертей часа к этой минуте, около восьми пятнадцати тихоокеанского времени, в домике недалеко от Индио, в Калифорнии, Люк Деверо наливал себе третий в тот вечер стакан.

Это был его четырнадцатый вечер, впустую проведенный в этом домике.

Это был пятнадцатый вечер со времени бегства из са-

натория — если это можно назвать бегством. Первый вечер тоже был проведен впустую, но по другой причине. В Риверсайде, примерно на полпути между Лонг-Бич и Индио, у него вышла из строя машина, старый «меркури» 1957 года, купленный за сто долларов. Когда он отбуксировал его в мастерскую, ему сказали, что ремонт невозможно закончить раньше, чем завтра после обеда. Пришлось провести в отеле Риверсайда скучный вечер и невыносимую ночь. Люку казалось странным и неприятным, что он должен снова спать один.

До полудня он занимался покупками, относя их в мастерскую и грузя в машину, над которой работал механик. Люк купил подержанную пишущую машинку и, разумеется, немного бумаги. Он как раз выбирал, какую бы взять, когда в двенадцать часов тихоокеанского времени выступление Ято Исуко пошло в эфир и остановило торговлю, потому что хозяин включил радио, и все собрались вокруг него. Зная, что основная посылка Исуко — марсиане, мол, существовали на самом деле — абсолютно неверна, Люк слегка разозлился, но потом даже развеселился, слушая смешные рассуждения Генерального Секретаря.

Люк купил чемодан и кое-что из одежды, бритву, мыло и расческу, а также достаточно продуктов и алкоголя, чтобы можно было не ездить за покупками в Индио по крайней мере первые дни. Он надеялся, что не застрянет здесь надолго.

Забрав машину и заплатив за ремонт почти половину ее стоимости, Люк добрался до домика перед самой темнотой. Он решил, что слишком устал, чтобы браться за великий труд, к тому же вспомнил, что забыл кое о чем: будучи один, он не имел возможности узнать, удалось ему или нет.

На следующее утро он опять поехал в Индио и купил самый лучший и дорогой приемник, какой только сумел найти — аппарат, принимающий программы всей страны, с помощью которого можно было ловить новости, передаваемые в любое время дня и ночи.

Первый же выпуск новостей даст ему ответ.

Вот только выпуски новостей снова и снова сообщали, что марсиане все еще здесь. Не то чтобы они начинались со слов: «Марсиане среди нас»; просто почти каждая передача хотя бы косвенно касалась их или рассказывала о Кризисе и прочих трудностях, вызванных ими. Люк тем

временем пробовал все, что приходило ему в голову, и от этих пыток едва не сходил с ума.

Он знал, что марсиане, как и все остальное, плод его воображения, что он их выдумал в тот вечер пять месяцев назад, в марте, когда тужился придумать сюжет для фантастического романа. Он их придумал.

До этого он придумал сотни различных сюжетов и ни один из них не воплотился в реальность, а значит, в тот вечер произошло что-то еще, и Люк испытывал все, чтобы точно воспроизвести те обстоятельства, тот настрой, вообще все. Включая, разумеется, и масштабы пьянства, тот мерзкий вкус во рту с перепоя, поскольку это могло оказаться важным. Он не брал ни капли в рот в течение дня, как и в тот день, независимо от глубины похмелья, с которым мог проснуться — меряя шагами комнату и все глубже погружаясь в отчаяние; тогда — в поисках сюжета, теперь — в поисках ответа. Сейчас, как и тогда, он позволял себе первый стакан только после ужина, а потом выдерживал надлежащие паузы между стаканами и придавал своему питью весьма умеренный темп... пока с отвращением не сдавался в конце вечера.

Что же было не так?

Он придумал марсиан, вообразив их себе, правда? Почему же он не может их «раздумать», коль скоро перестал их себе воображать и познал правду? Разумеется, познал. Но почему другие люди не перестали их видеть и слышать? Наверное, это психическая блокада, объяснил себе Люк. Однако название, данное явлению, делу не помогло.

Глотнув из стакана, он уставился на него, стараясь точно вспомнить, сколько стаканов выпил в ту мартовскую ночь. Их было немного, он это знал; Люк чувствовал — их не больше тех двух, что уже выпил сегодня, прежде чем налил себе третий.

А может, питье не имело с этим ничего общего?

Он еще раз глотнул, отставил стакан и начал ходить по комнате. «Нет никаких марсиан, — подумал он. Никогда никаких не было; они существовали, как все прочее и все остальные люди, только когда я их себе воображал. А я уже вообще их не воображаю. Значит...»

Может, теперь подействовало. Люк подошел к приемнику, включил его и подождал, пока нагреется. Он выслушал несколько программ и внезапно понял, что даже если минуту назад добился своего, должно пройти какое-то время — поскольку марсиан не везде видели постоянно —

прежде чем люди начнут понимать, что их больше нет. Наконец, диктор новостей произнес:

— В эту минуту в нашей студии какой-то марсианин пытается...

Люк выключил приемник.

Сделав еще глоток, он зашагал снова. Потом сел, допил стакан и налил еще один.

Внезапно его осенило.

Может, он сумеет перехитрить психическую блокаду, обойдя ее, вместо того чтобы ломиться сквозь нее. Эта блокада могла возникнуть единственно потому, что ему не хватало веры в себя, несмотря на то, что он знал о своей правоте. Может, нужно вообразить что-то другое, что-то совершенно отличное, и когда воображение вызовет это к жизни, даже его чертовому подсознанию не удастся этого отрицать, и вот тогда, в этот самый момент...

Стоит попробовать. Терять ему нечего.

Вот только нужно было представить что-то такое, в чем он действительно нуждался; а в чем он нуждался в эту минуту сильнее всего... кроме избавления от марсиан?

Разумеется, в Марджи.

После двух недель изоляции он чувствовал себя безумно одиноким. Люк уже знал, что если бы ему удалось представить Марджи здесь, а благодаря этому привести ее сюда, он мог бы сломать психическую блокаду.

«Давай посмотрим, — говорил он себе, — представим, что она едет ко мне на своей машине, уже миновала Индио и ехать ей осталось всего метров пятьсот. Вскоре я услышу машину».

Вскоре он и вправду услышал машину.

Люк заставил себя подойти — не подбежать, а именно подойти — к двери и открыть ее. Стали видны снопы света от фар. Должен ли он... уже сейчас?..

Нет, он подождет, пока не убедится. Если бы даже машина подъехала так близко, что он мог бы решить, будто узнает машину Марджи. Но ведь многие машины выглядят одинаково. Он подождет, пока автомобиль не остановится и из него не выйдет Марджи... тогда все станет ясно. Именно в эту чудесную минуту он подумает: «Нет никаких марсиан».

И они исчезнут.

Через несколько минут машина остановится перед домом.

Это происходило примерно в пять минут десятого ве-

чера тихоокеанского времени. В Чикаго было пять минут двенадцатого, и мистер Обердорфер тянул пиво, ожидая, пока его супервибратор накопит потребный потенциал; в Экваториальной Африке начинало светать, и шаман по имени Бугасси стоял скрестив руки, под самым большим в мире куку, ожидая, пока на него упадут первые лучи солнца.

Четыре минуты спустя, через сто сорок шесть дней и пятьдесят минут после своего появления, марсиане исчезли. Одновременно отовсюду. То есть, отовсюду на Земле.

Независимо от того, куда они направились, не известно ни одного заслуживающего доверия случая встречи с марсианином после этого времени. В ночных кошмарах и в состоянии delirium tremens* марсиан видят до сих пор, но такие видения трудно счесть заслуживающими доверия.

Так и по сей день.

ЭПИЛОГ

По сей день никто не знает, зачем они являлись и почему ушли.

Это не значит, что нет людей, которые думают, будто знают это; по крайней мере они высказывают смелые мысли по этому вопросу.

Миллионы людей по-прежнему считают, что это были не марсиане, а просто черти, и что они вернулись в свой Ад, а не на Марс. Потому что Бог, который отправил их покарать нас за наши грехи, в результате наших к нему молитв снова стал Богом милосердным.

Еще больше людей согласны с тем, что они прибыли все-таки с Марса и туда же вернулись. Большинство, хотя и не все, заслугу их изгнания приписывают Ято Исуко, указывая на то, что хотя рассуждения Исуко с самого начала были верны и его предложение марсианам нашло такое невероятное подтверждение, трудно было ожидать от марсиан, что они среагируют немедленно. Они должны были где-то собраться, все обсудить и решить, достаточно ли мы искренни и достаточно ли усмирены. При этом напоминается и о том, что марсиане после выступления Исуко оставались всего две недели, что, несомненно, не очень долго для принятия такого решения.

---

* Delirium tremens *(лат.)* — белая горячка

Как бы то ни было, крупные армии больше не создаются, и ни одна страна не собирается посылать какие-либо ракеты на Марс — а вдруг Исуко был полностью или хотя бы отчасти прав?

Впрочем, не все верят, что Бог или Исуко имели какое-то отношение к уходу марсиан.

Одно африканское племя, например, точно знает, что это куку Бугасси отправило гнаямката обратно в кат.

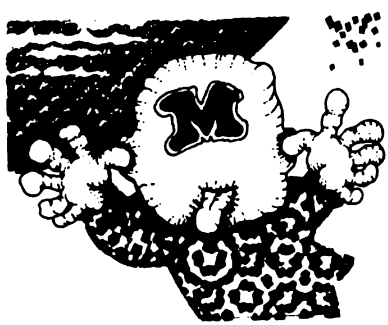
Некий привратник из Чикаго отлично знает, что прогнал марсиан своим субатомным антикосмитным супервибратором.

И эти последние, разумеется, лишь первые из длинного списка сотен тысяч других ученых и мистиков, которые, по-своему, делали все, что могли, чтобы добиться той же цели. И каждый, разумеется, считал, что именно ему это в конце концов удалось.

Но Люк-то, разумеется, знает, что все они ошибаются. Впрочем, неважно, что они думают, коль скоро все равно существуют только в его голове. А учитывая то, что теперь он очень популярный автор вестернов, создавший за четыре года четыре бестселлера и заработавший превосходный дом в Беверли-Хиллз, два кадиллака, любимую и любящую жену и двухлетних близнецов — Люк очень осторожно позволяет работать своему воображению. Он вполне доволен Вселенной, которую сейчас воображает, и не хочет больше рисковать.

Лишь в одном вопросе относительно марсиан Люк Деверо согласен со всеми остальными, включая Обердорфера и Бугасси.

Он не тоскует по ним и не желает их возвращения.



Постскриптум автора

Мои издатели пишут мне:

«Перед тем, как отправить в печать рукопись романа «Марсиане, убирайтесь домой!», мы хотели бы предложить вам снабдить ее постскриптумом, раскрывающим нам и читателям правду о марсианах.

Коль скоро вы автор книги, то именно вы лучше всех должны знать, были они в конце концов с Марса или из Ада, и был ли ваш герой, Люк Деверо, прав, считая, что марсиане вместе со всем остальным во Вселенной существовали только в его воображении.

Было бы непорядочно по отношению к вашим читателям, не сообщить им этого».

Есть много вещей непорядочных, включая — в особенности — вышеприведенное пожелание моих издателей!

Я хотел бы избегнуть здесь окончательных суждений, поскольку правда бывает страшной, а в данном случае будет страшной, если вы в нее поверите. Впрочем, вот вам она.

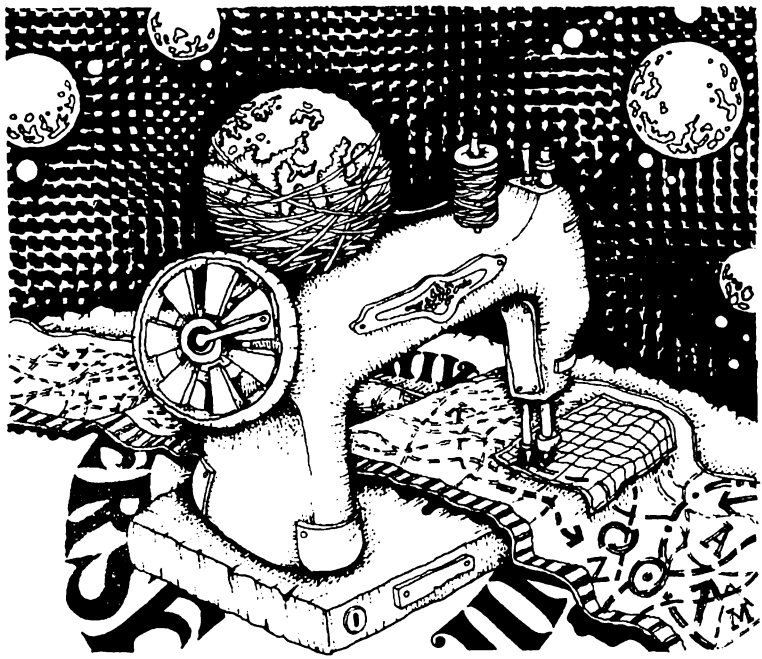
Люк прав: Вселенная и все, что в ней находится, существует только в его воображении. Люк выдумал и Вселенную, и марсиан.

Но ведь это я выдумал Люка. Так куда же это помещает и его, и марсиан?

А также вас всех?

Фредерик Браун
Тусон, Аризона, 1955

ЧТО ЗА БЕЗУМНАЯ ВСЕЛЕННАЯ!



Глава 1

ВСПЫШКА

Первая попытка запустить ракету на Луну — в 1954 году — закончилась неудачей. Из-за конструктивной ошибки в системе управления ракета упала на Землю, погубив при этом двенадцать человек. У нее не было боеголовки, но, чтобы ее посадку можно было наблюдать с Земли, ракета несла конденсатор Бартона, устроенный так, чтобы во время полета он накопил огромный электрический потенциал, который в момент соприкосновения с Луной высвободился бы в виде разряда, в несколько тысяч раз превосходящего по яркости молнию... и во столько же раз — разрушительной силой.

К счастью, ракета упала в малонаселенной местности, недалеко от холмов Кэтскилл, во владениях газетного магната. Хозяин и его жена, двое гостей и восемь человек прислуги погибли от электрического разряда, который ис-

пепелил дом и повалил деревья в радиусе четверти мили. Однако нашли только одиннадцать тел. Считается, что двенадцатый, редактор, оказался так близко от места катастрофы, что тело его полностью испарилось.

Очередная — на этот раз успешная — попытка состоялась годом позже, в 1955 году.

Под конец сета Кейт Уинтон изрядно запыхался, хотя изо всех сил старался это скрыть. Он не играл уже несколько лет, а теннис — наконец-то это до него дошло — был игрой для молодых. Не то чтобы он был стар — боже сохрани! — но после тридцати быстро начинаешь задыхаться, разве что много тренируешься. Кейт этим пренебрегал, и сейчас ему пришлось изрядно поднапрячься, чтобы выиграть сет.

Когда все кончилось, он перепрыгнул через сетку и подошел к партнерше. Несмотря на одышку, он сумел улыбнуться ей.

— Сыграем еще?

Бетти Хедли встряхнула шевелюрой.

— Пожалуй, нет, Кейт. Я уже опаздываю. Я бы вообще не осталась, если бы мистер Борден не пообещал, что его шофер отвезет меня в Гринвилл, оттуда я смогу улететь в Нью-Йорк. Разве он не превосходный хозяин?

— Угу, — буркнул Кейт, менее всего думая о мистере Бордене. — Тебе и вправду уже пора возвращаться?

— Ну, конечно. Это встреча выпускниц моей старой alma mater. И я должна не просто присутствовать, а еще и речь произнести — рассказать, как я редактирую журнал для женщин.

— Я мог бы пойти туда и рассказать им, как редактируют научную фантастику. Или журнал ужасов, потому что до «Поразительных Историй» занимался «Жуткими Рассказами». Ну и кошмары мне тогда снились! Может, твои выпускницы не прочь бы послушать о них?

Бетти Хедли рассмеялась.

— Наверняка! Только это чисто женская встреча. Не грусти, Кейт, еще встретимся завтра в редакции. Ведь мир не кончается сегодня, правда?

— Пожалуй, — признал Кейт. В некотором смысле он ошибался, но еще не знал об этом.

Они направились через корт к большому дому — лет-

ней резиденции Л. А. Бордена, владельца множества газет.

— И все же надо бы тебе остаться и посмотреть фейерверк, — сказал он.

— Фейерверк? А, ты о ракете. А будет на что посмотреть, Кейт?

— Надеюсь, будет. Ты читала об этом?

— Очень мало. Знаю только, что ракета должна вспыхнуть, когда ударится об Луну... если конечно ударится. И ожидается, что вспышку будет видно невооруженным глазом, поэтому все и ждут. Это будет в пятнадцать минут десятого, правда?

— В шестнадцать минут десятого. Я, во всяком случае, жду этого с нетерпением. Если у тебя будет возможность, смотри на центр диска, точно между рогами полумесяца. Сейчас новолуние, а ракета ударит в затененное место. Если смотреть без телескопа, видна будет только слабая вспышка, вроде спички, зажженной в двух кварталах от тебя. Нужно смотреть очень внимательно.

— Говорят, у ракеты нет разрывного заряда. Что же вызовет вспышку?

— Электрический разряд небывалой силы. На ракете установлен новый прибор, разработанный профессором Бартоном. Он преобразует ускорение в электрическую энергию. Вся эта ракета — огромная лейденская банка, летящая в пустоте, так что заряд не может никуда деться или освободиться в виде вспышки, пока ракета не ударится о цель. Когда же это произойдет... это будет нечто побольше, чем просто молния. Рядом с этим разрядом поблекнут все короткие замыкания.

— А не проще было использовать взрывчатку?

— Конечно, проще, но так мы получим более яркую вспышку, чем если бы поместили на нее боеголовку... даже атомную. Разумеется, ракета уничтожит какую-то площадь, но это не имеет значения. Подключив спектрометры ко всем крупным телескопам на ночной стороне Земли, можно будет многое узнать о составе Луны. А еще...

Они уже дошли до двери дома, и Бетти Хедли прервала Кейта, коснувшись его руки.

— Извини, Кейт, что прерываю тебя, но мне уже пора. Иначе я опоздаю на самолет. Пока.

Бетти протянула ему руку, но Кейт Уинтон не принял ее, а положил руки на плечи девушки, притянул к себе

и поцеловал. На одно ошеломляющее мгновенье ее губы ответили его губам, затем она отстранилась и сказала:

— Пока, Кейт! Увидимся в Нью-Йорке.

— Завтра вечером? Договорились!

Бетти кивнула и вбежала в дом, а Кейт остался перед дверью, прислонившись к столбику веранды. Он снова влюбился, но это здорово отличалось от всех его прежних романов.

Он знал Бетти Хедли всего три дня; в сущности до этого чудесного уик-энда и видел ее лишь однажды. Это было в четверг, когда она впервые появилась в Издательствах Бордена. Ежемесячник, который она редактировала — «Идеальные Любовные Истории» — был куплен Борденом у прежнего хозяина, и новый владелец оказался достаточно умен, чтобы забрать журнал вместе с редактором. Бетти Хедли уже три года отлично справлялась с должностью главного редактора, а «Уэли Паблишинг Компани» продавала журнал только потому, что менялся профиль издательства — оно переходило исключительно на выпуск научно-популярных журналов. «Идеальные Любовные Истории» был их последним журналом, содержавшим только прозу.

Короче говоря, Кейт впервые встретил Бетти Хедли в четверг, и день этот сейчас казался ему важнейшим днем жизни.

В пятницу ему пришлось поехать в Филадельфию, чтобы встретиться с одним своим автором, который действительно умел писать. Однако, получив аванс в счет нового романа, он казалось, позабыл об этом. Кейт должен был заставить его работать, и вроде бы это ему удалось.

Как бы то ни было, он избежал встречи с Джо Доппельбергом, своим фанатичным поклонником, который выбрал пятницу для приезда в Нью-Йорк и визита в редакцию Бордена. Судя по письмам Джо Доппельберга, избегнувшего встречи с ним можно было от души поздравить.

А в субботу Кейт приехал сюда по приглашению Л. А. Бордена. Он был здесь уже в третий раз, но обычный уик-энд в имении шефа превратился в чудесное приключение: среди гостей оказалась Бетти Хедли.

Бетти Хедли — высокая, стройная и золотоволосая, с шелковистой загорелой кожей, с лицом и фигурой, подходящими скорее для экрана телевизора, чем для редакции...

Кейт вздохнул и вошел в дом.

В большой комнате со стенами, закрытыми ореховыми

панелями, Л. А. Борден и главный бухгалтер Уолтер Кэллахэн играли в карты.

Борден посмотрел на вошедшего и кивнул ему.

— Привет, Кейт. Хочешь меня подменить? Мы уже почти закончили. Мне нужно написать несколько писем, а Уолтер, надо думать, охотно обыграет и тебя тоже.

Кейт покачал головой.

— Мне тоже нужно поработать, мистер Борден. Время поджимает: я должен написать текст для раздела ответов на письма. Я специально захватил пишущую машинку и папку с письмами читателей.

— Да брось ты! Я пригласил тебя сюда не работать. Неужто нельзя сделать это завтра, в редакции?

— Я бы очень хотел, мистер Борден, — сказал Кейт, — но у меня старые долги, а материал должен пойти в печать завтра утром, не позже десяти. В полдень номер закрывают, так что все должно быть готово. Это часа на два работы, потому я и хочу сделать все сейчас, чтобы иметь свободный вечер.

Кейт пересек холл и поднялся по лестнице. Оказавшись в своей комнате, он вынул машинку из футляра и поставил на столик, а из чемоданчика достал папку с письмами, адресованными Ракетной Почте или — если отправитель был посмелее — Ракетчику.

На самом верху лежало письмо Джо Доппельберга. Кейт положил его первым потому, что, судя по содержанию, Джо Доппельберг мог явиться лично, и Кейт хотел иметь письмо под рукой.

Он вставил в машинку лист бумаги, отстучал заголовок «Ракетная Почта» и начал:

«Ну, братья космопилоты, сегодняшняя ночь — когда я это пишу, а не когда вы это читаете, — это великая ночь, и ваш Ракетчик специально караулил, чтобы все увидеть самому. И он действительно видел вспышку на затененном диске Луны, означающую счастливую посадку первой ракеты, отправленной человеком в Космос».

Критически перечитав текст, он вырвал лист из машинки и вставил новый. Это было слишком официально, слишком напыщенно для его фэнов. Кейт закурил и написал вступление снова. На сей раз вышло лучше. Впрочем, может, и хуже.

Читая новый вариант, он услышал, как хлопнула дверь и по лестнице простучали каблуки. Это, наверное, уезжала Бетти. Нет, еще одно прощание, да еще в при-

сутствии Бордена и Кэллахэна испортит все впечатление. Гораздо лучше оставить все как есть — остановиться на том коротком, перехватывающем дыхание поцелуе и обещании, что они увидятся завтра вечером.

Он вздохнул и взял из пачки первый лист. Джо Доппельберг писал:

«Дорогой Ракетчик!

Я вообще-то не хотел тебе писать, но ваш последний номер вонял отсюда и до Арктура, за исключением написанного Уилером. Кто сказал этому барону Гормлею, будто он умеет писать? А чего стоит его космонавигация? Этот графоман не сумел бы в солнечный день переправиться на лодке через Муд-Крик.

А обложка Хупера? Девка была в порядке, даже в лучшем виде, но с девками всегда так. А то, что за ней гонится — это что — меркурианский дьявол из рассказа Уилера? Ну, так скажите вашему Хуперу, что я могу вообразить БЕМов* пострашнее и в трезвом виде, без единого стакана венерианской сивухи.

Что бы ей просто не повернуться и не погнаться за этим чудовищем?

Держите Хупера внутри — его черно-белые картинки вполне на уровне — а для обложек найдите кого-нибудь другого. Может, Рокуэла Кента или Дали? Держу пари, Дали сделал бы деликатесного БЕМа на обложку. Сечешь, Рак? Деликатесный Дали!

Слушай, Рак, держи молочко от бешеных червей с Урана под рукой и хорошо охлажденным — где-то на неделе я к вам загляну. Но не думай, Рак, на нью-йоркский космодром я прибуду не только, чтобы тебя увидеть. Но раз уж все равно буду в городе, хочу проверить, так ли ты уродлив, как все говорят.

Одна из твоих последних идей, Рак, на голову выше всего прочего. Это я о рубрике фотографий самых интересных и постоянных корреспондентов. Высылаю тебе свою. Сначала хотел привезти сам, но по почте она дойдет быстрее, и ты сможешь дать ее в очередном номере.

В общем, Рак, готовь лунного тельца, я буду скоро, а может, и еще раньше.

Джо Доппельберг».

---

* БЕМ (BEM) — Bug Eyed Monster — жукоглазое чудовище. Примерно с конца тридцатых годов — один из терминов научной фантастики, широко распространенный в среде и языке ее фэнов.

Кейт Уинстон снова вздохнул и взял голубой карандаш. Прежде всего он вычеркнул места о поездке в Нью-Йорк — это вовсе не интересно другим читателям, а кроме того, он не хотел, чтобы и прочим взбрело навестить его в редакции — это отняло бы массу ценного времени.

Затем он выбросил самые резкие обороты, взял в руки фотографию, пришедшую вместе с письмом, и еще раз посмотрел на нее.

Джо Доппельберг выглядел совсем не так, как можно было подумать по его письму. Он был довольно симпатичным, пожалуй, даже интеллигентным шестнадцатилетним юношей с милой улыбкой. В личном общении он наверняка оказался бы столь же робким, сколь дерзким было его письмо.

Разумеется, снимок можно напечатать. Уже давно следовало отправить его в цинкографию, но это еще успеется. Кейт пометил, чтобы рядом с письмом оставили врезку на полколонки, и на обороте фотографии написал: «полкол. Доппельберг».

Вставив письмо Джо в машинку чистой стороной кверху, Кейт подумал и написал:

«Ладно, Доппельберг, мы пригласим Рокуэлла Кента, чтобы сделал нам следующую обложку. А ты ему заплатишь. Если же говорить о девицах, гоняющихся за чудовищами (или, как ты пишешь, БЕМами), то они у нас и вправду никогда не бывали чудовищными. Сечешь, Доппельберг? Девушки — чудовищные. Этот каламбурчик в половину не так плох, как твой «деликатесный Дали».

Он вынул листок из машинки, вздохнул и взял следующее письмо.

К шести часам он закончил, так что до ужина оставался еще час. Приняв душ, Кейт оделся, спустился вниз и через веранду вышел в сад.

Темнело, и Луна хорошо была видна на чистом небе. Видимость будет хорошая, подумал Кейт. Черт возьми, хоть бы вспышку было видно невооруженным глазом, а то придется писать новое вступление. Впрочем, для этого еще будет время.

Он сел на плетеную скамейку у главной аллеи и глубоко вдохнул свежий сельский воздух, полный цветочных ароматов.

Кейт думал о Бетти Хедли, а что именно, о том писать не обязательно.

Однако мысли о ней доставляли ему удовольствие — может, лучше даже сказать, болезненное удовольствие — поэтому он предавался этому занятию до тех пор, пока не вспомнил об авторе из Филадельфии. Интересно, начал он работать или опять пошел и надрался?

Потом он вновь вспоминал о Бетти Хедли, мечтая, чтобы сейчас был вечер понедельника в Нью-Йорке, а не воскресный вечер у подножия холмов Кэтскилл.

Посмотрев на часы, Кейт отметил, что через несколько минут прозвучит гонг к ужину. Это было приятно — одной любовью сыт не будешь.

Непонятно почему он вдруг подумал о Клоде Хупере, авторе большинства обложек к «Поразительным Историям». Может, и вправду стоит отказаться от его услуг? Хупер был отличным парнем и неплохим художником и, кроме того, умел рисовать женщин так, что слюнки бежали, но он совершенно не умел придумывать достаточно страшных чудовищ, преследующих этих женщин. Может, просто у него не бывало кошмаров, может он вел слишком счастливую семейную жизнь или еще почему-то. Как бы то ни было, большинство фэнов выражали недовольство, как Джо Доппельберг. То, что Доппельберг...

Лунная ракета, падающая обратно на Землю, летела быстрее звука, поэтому Кейт не услышал ее и не увидел, хотя она рухнула всего в двух метрах от него.

Вспышка получилась на славу!

Глава 2

ПУРПУРНОЕ ЧУДОВИЩЕ

Он не испытал ничего особенного, его не крутило, не вертело, никуда не несло. Все было так, словно вместе с ослепительной вспышкой кто-то вырвал из-под него плетеную скамейку. Кейт застонал от удара — он сидел, откинувшись на спинку, и после вспышки растянулся во весь рост. Так он и лежал на спине, глядя в вечернее небо.

Именно вид неба и был самым удивительным; не могло быть так, что плетеная скамья сломалась под тяжестью Кейта или даже просто исчезла... потому что до сих пор она стояла под деревом, а сейчас и его не было. Ничто не заслоняло темно-голубого неба.

Кейт сначала поднял голову, а потом сел. Он был слишком потрясен, чтобы встать, и инстинктивно хотел прежде сориентироваться в ситуации, а уж потом доверяться своим ногам.

Он сидел на траве, на аккуратно подстриженном газоне посреди двора. Оглянувшись назад, он увидел дом. Совершенно обычный дом, вовсе не такой большой и роскошный, как дом мистера Бордена. Здание казалось покинутым, во всяком случае Кейт нигде не заметил никаких признаков жизни — ни в одном окне не было света.

Несколько секунд он смотрел на дом, потом повернулся и взглянул в другую сторону. Метрах в тридцати дальше, по краю газона, на котором он сидел, тянулась живая изгородь, а за ней росли деревья — двумя ровными рядами, словно по сторонам дороги. Это были тополя, высокие и очень красивые.

Нигде в пределах видимости не было клена, а скамья стояла именно под кленом. Впрочем, нигде не было и самой скамьи.

Кейт потряс головой и осторожно встал. Голова слегка кружилась, но все остальное было в порядке. Что бы с ним ни произошло, ранен он не был. Он постоял, пока окончательно не пришел в себя, и направился к калитке в изгороди.

Кейт посмотрел на часы — три минуты седьмого! Но ведь это невозможно, подумал он; шесть часов было, когда он сидел на скамье в саду мистера Бордена. Где бы он сейчас ни находился, он не мог перенестись сюда в одно мгновение.

Он поднес часы к уху — тикают. Но это ничего не доказывало: может, часы остановились из-за того, что с ним произошло, а потом вновь пошли.

Еще раз посмотрел он на небо, пытаясь оценить время, но это ничего не дало. До сих пор было темно — и теперь тоже. Серебряная луна висела на том же месте, по крайней мере на том же расстоянии от зенита. Кейт ничего не мог решить по ее положению.

Калитка в изгороди выходила на асфальтированное трехполосное шоссе, но машин на нем не было.

Выйдя с участка, он еще раз посмотрел на дом и увидел то, чего не заметил раньше. На одной из колонн висела табличка, гласившая: «Продается. Агентство Р. Блейсделл, Гринвилл, Нью-Йорк».

Значит, он все-таки находился недалеко от имения

Бордена — ведь Гринвилл был ближайшим городом. Впрочем, это очевидно — далеко он не мог уйти. Но вот вопрос: каким образом он оказался в другом месте за какую-то долю секунды?

Кейт еще раз тряхнул головой, хотя чувствовал себя уже вполне хорошо. Неужели внезапная потеря памяти? Может, он пришел сюда в каком-то помрачении? Это казалось невозможным, особенно за такое краткое время.

Он постоял, глядя на широкую асфальтированную дорогу между рядами тополей, гадая, в какую сторону пойти. Дорога тянулась прямо, он видел ее до ближайших холмов, что были в полукилометре, но нигде не заметил ни следа присутствия людей. И все же где-то недалеко должна быть какая-то ферма, потому что за рядом высоких тополей тянулись возделанные поля. Возможно, деревья заслоняли постройки, и он увидит их, если перейдет на другую сторону шоссе.

Кейт прошел полпути, когда услышал рокот: его догоняла машина. Автомобиль был невероятно шумным, если возвещал о себе с такого расстояния. Кейт пошел дальше, а когда оглянулся, машина была уже в пределах видимости. Водитель мог оказаться не менее ценным источником информации, чем фермер, даже лучшим, потому что мог подкинуть Кейта до Бордена, если бы ехал туда.

Машина оказалась допотопным «фордом-Т», и Кейт счел это добрым знаком. В студенческие годы он много путешествовал автостопом и знал: вероятность, что тебя подвезут, прямо пропорциональна возрасту и степени изношенности автомобиля.

Что касается изношенности машины, то она не вызывала сомнений. Похоже, она была едва способна преодолеть холм, на который как раз поднималась, задыхаясь и хрипя.

Кейт дождался, пока машина окажется достаточно близко, вышел на дорогу и замахал руками. «Форд» притормозил и остановился.

Водитель опустил окошко — впрочем, совершенно напрасно, потому что стекла в нем все равно не было.

— Подвезти? — спросил он.

«Он выглядит слишком уж типичным фермером», — подумал Кейт. Мужчина даже жевал длинную соломину цвета своих волос, а линялый голубой комбинезон полностью гармонировал с его блеклыми голубыми глазами.

Кейт поставил ногу на подножку и сунул голову в от-

крытое окно, чтобы его услышали сквозь кашель двигателя и жестяной грохот, в машине, похоже гремел каждый винтик, даже когда та стояла на месте.

— Я, кажется, заблудился, — сказал он. — Вы не знаете, где здесь имение мистера Бордена?

Фермер перегнал соломинку в другой угол рта и глубоко задумался, даже насупил брови.

— Нет, — сказал он наконец. — На этой дороге такой фермы нет. Может, между холмами... я там не всех знаю.

— Это не ферма, — сказал Кейт, — а просто большое имение. Хозяин издает газеты и журналы. Куда ведет эта дорога? В Гринвилл?

— Да-а. Я туда и еду, это километрах в пятнадцати. А если в обратную сторону, можно доехать до автострады из Олбани. Подвезти вас до Гринвилла? Наверно, там вам скажут, где живет этот Бордсн.

— Ну, ясно, — ответил Кейт. — Спасибо вам.

Фермер вяло протянул руку и покрутил ручку, поднимавшую окошко без стекла.

— Гремит, — объяснил он, — если его не закрыть.

Он нажал на педали сцепления и газа, машина застонала и покатилась. Грохот ее напоминал град, колотящий по жестяной крыше. «Форд» набрал максимальную скорость, и Кейт прикинул, что на пятнадцать километров, машине понадобится верных полчаса, если она вообще туда доедет.

Что ж, если они доберутся до Гринвилла, он хотя бы будет знать, где находится. Будет уже слишком поздно для ужина, поэтому он решил сперва позвонить Бордену, успокоить его, поесть в городе, а потом поймать такси или какую другую машину, которая отвезет его в имение. Он доберется туда самое позднее к девяти — масса времени, чтобы подготовиться к фейерверку на Луне. Такое зрелище пропускать нельзя.

А как объяснить все это Бордену? Единственное, что приходило Кейту в голову, что он отправился на прогулку и заблудился, так что пришлось ехать аж в Гринвилл, чтобы сориентироваться. Это прозвучит довольно глупо, но все-таки не так глупо, как правда. Кейт менее всего хотел, чтобы хозяин решил, будто у него бывают приступы амнезии.

Старая машина катилась по длинной прямой дороге. Благодетель Кейта не выказывал желания поболтать, и Кейт радовался этому. Им пришлось бы кричать, чтобы

расслышать друг друга, а кроме того, он хотел подумать о том, что с ним случилось, и поискать хоть какое-то разумное объяснение.

Имение Бордена было большим и его наверняка хорошо знали в этих местах. Раз уж хозяин этой древней развалины знал всех живущих у дороги, он не мог не слышать о Бордене... если они находились рядом с ним. Впрочем, имение не могло быть дальше чем в тридцати километрах отсюда, поскольку Борден жил в пятнадцати километрах от Гринвилла — хотя Кейт и не помнил, в каком направлении, — а место, где его подобрал «форд», было удалено от Гринвилла на то же расстояние. Даже если две эти точки находились по разные стороны от города, Кейт не мог преодолеть более тридцати километров, хотя даже это казалось ему нереальным, учитывая малый промежуток времени.

Они въехали в Гринвилл, и Кейт снова посмотрел на часы — семь тридцать пять. Он разглядывал здания, проплывавшие за окном автомобиля, и наконец заметил в витрине часы. Его собственные, получалось, шли правильно.

Через несколько минут они добрались до торгового центра Гринвилла. Водитель подвел машину к тротуару и остановился.

— Это почти центр города, мистер. Думаю, вам нужно поискать адрес в телефонной книге, — сказал он. — По ту сторону улицы стоит таксист, он отвезет вас куда нужно. Сдерет, конечно, три шкуры, но довезет до места.

— Огромное спасибо, — поблагодарил Кейт. — Выпьете со мной?

— Нет, спасибо. Мне еще ехать обратно. Кобыла у меня жеребится, вот я и приехал за братом — он ветеринар, и я хочу, чтобы он был при этом.

Кейт еще раз поблагодарил и вошел в аптеку, расположенную сразу за углом, у которого высадил его водитель «форда». Зайдя в телефонную кабину в глубине аптеки, он взял в руки тонкую телефонную книжку Гринвилла, прикрепленную к стене цепочкой. Найдя букву Б, просмотрел список...

...и не нашел никакого Бордена.

Кейт нахмурился. Номер Бордена относился к телефонной станции Гринвилла, Кейт в этом не сомневался, сам не раз звонил ему по делам из Нью-Йорка.

А может, его просто не внесли в книжку? Сумеет ли

он вспомнить этот номер? Ну разумеется, он состоял из трех одинаковых цифр... Гринвилл-сто одиннадцать. Кейт вспомнил, что подумал тогда, каким образом Борден заполучил такой легкозапоминающийся номер.

Он закрыл за собой дверь кабины и принялся искать по карманам мелочь. Однако аппарат в будке был какого-то странного типа, Кейт никогда прежде не видел такого. Нигде не было отверстия для монет. Он осмотрел аппарат со всех сторон и наконец пришел к выводу, что, вероятно, в маленьких городах нет телефонов-автоматов и за разговор нужно платить аптекарю.

Подняв трубку и услышав голос телефонистки — «Назовите номер» — Кейт повторил номер Бордена. Последовала короткая пауза, после чего женщина сказала:

— Такого номера нет, сэр.

На мгновение Кейт усомнился в своем рассудке: такой номер перепутать невозможно. Гринвилл один-один-один — такой номер не забывают и не путают.

— Вы не могли бы сказать мне номер телефона Д. А. Бордена? Я думал, что это его номер. В телефонной книге его нет, но я знаю, что у него есть телефон, мне уже приходилось ему звонить.

— Минуточку, сэр... К сожалению, в наших списках нет такой фамилии.

— Спасибо, — пробормотал Кейт и повесил трубку.

Он никак не мог поверить тому, что услышал. Взяв телефонную книгу, он вышел из кабины, чтобы лучше видеть, насколько позволяла цепь, и проверил еще раз, но снова не нашел никакого Бордена. Потом вспомнил, что Борден называл свое имение «Четыре Дуба», и поискал на букву Ч, но и такого названия не оказалось.

Резко захлопнув книгу, Кейт посмотрел на обложку. Надпись на ней гласила: «Гринвилл, штат Нью-Йорк». Туманное подозрение, что он оказался в другом Гринвилле, умерло так же быстро, как и зародилось — в штате Нью-Йорк был только один город с таким названием. Другое, совсем уж слабое подозрение, скончалось еще до того, как Кейт до конца осознал его — когда он прочел напечатанное мелким шрифтом под названием города: «Весна 1954».

И все-таки Кейт никак не мог поверить, что номера Л. А. Бордена нет в этой книге; с трудом подавил он желание перелистать ее страница за страницей и проверить все телефоны.

Вместо этого он подошел к бару и сел на один из старомодных табуретов с широко расставленными ножками. Стоявший за стойкой аптекарь — невысокий седоволосый человечек в очках — протирал стаканы. Подняв голову, он посмотрел на Кейта.

— Чем могу служить?

— Кока-колу, пожалуйста, — сказал Кейт. Он хотел о чем-то спросить продавца, но сам еще не решил, о чем, и потому просто смотрел, как тот наливает напиток в стакан со льдом и ставит перед ним на стойку.

— Отличный вечер для прогулок, — сказал аптекарь.

Кейт кивнул. Ему вдруг вспомнилось, что он непременно должен увидеть вспышку на Луне, и он взглянул на часы. Почти восемь. Еще час с четвертью, и нужно будет поискать место, откуда хорошо видно Луну. Похоже, до тех пор он не успеет вернуться к Бордену.

Кейт выпил кока-колу почти одним глотком. Жидкость была холодной и довольно вкусной, однако напомнила ему, что он голоден. И ничего удивительного — было уже восемь вечера, и ужин у Бордена наверняка кончился. За обедом Кейт съел немного, а после этого еще играл в теннис.

Он заглянул за сатуратор, желая проверить, не продает ли аптекарь бутерброды или что-то в этом роде. Похоже, ничего такого здесь не было.

Кейт вынул из кармана четвертак и положил на мраморную стойку.

Монета звякнула, и аптекарь выронил стакан, который протирал. За толстыми стеклами очков видны были явно испуганные глаза; он стоял неподвижно, как столб, только голова моталась то влево, то вправо, нервно так. Казалось, он даже не заметил, что выронил и разбил стакан. Тряпка тоже выпала у него из рук.

Наконец ладонь продавца неуверенно двинулась вперед, накрыла монету и сгребла ее. Аптекарь вновь огляделся, словно желая убедиться, что в магазине нет никого, кроме Кейта.

Только после этого он посмотрел на монету. Прикрывая ладонью он оглядел ее, почти касаясь носом, потом перевернул и так же внимательно осмотрел реверс.

Взгляд его, испуганный и вместе с тем какой-то прямо экстатический, вновь устремился на Кейта.

— Великолепно! — сказал он. — Почти не потертая. И двадцать восьмого года. — Он понизил голос до шепота: — Но... кто вас прислал?

Кейт устало опустил веки, потом снова открыл глаза. Кто-то из них спятил. Он бы не сомневался, кто именно, если бы не события последнего часа: внезапная телепортация с одного места на другое, отсутствие фамилии Бордена в телефонной книге и списках телефонной станции.

— Кто вас прислал? — снова спросил аптекарь.

— Никто, — ответил Кейт.

Маленький человечек усмехнулся.

— Не хотите говорить? Должно быть, это мистер К. Впрочем, неважно, пусть даже и не он. Я рискну и дам вам за нее тысячу кредиток.

Кейт молчал.

— Тысячу пятьсот, — сказал аптекарь. Глаза его напомнили Кейту взгляд спаниеля — голодного спаниеля, смотрящего на кость, до которой он не может дотянуться.

Аптекарь глубоко вздохнул и сказал:

— Ну ладно, две тысячи. Я знаю, что она стоит дороже, но больше дать не могу. Если моя жена...

— Хорошо, — произнес Кейт.

Ладонь, сжимавшая монету, нырнула в карман со скоростью полевки, исчезающей в норе. Забытый стакан хрустнул под ногами человечка, когда он шагнул к кассе на конце стойки. Подойдя к ней, он повернул ключ и за стеклянным окошечком появилась надпись: «Без продажи».

Аптекарь вернулся, вновь пройдя по стеклу; все свое внимание он сосредоточил на банкнотах. Потом положил их перед Кейтом.

— Две тысячи, — сказал он. — В этом году мне придется отказаться от отпуска, но думаю, дело того стоит. Наверное, я спятил.

Кейт взял пачку банкнот и долго разглядывал верхнюю. В центре — знакомый овальный портрет Джорджа Вашингтона, цифры по углам возвещали: «100», а под портретом было написано: «Сто кредиток».

«Опять бессмыслица, — подумал Кейт. — Ведь изображение Вашингтона имелось только на однодолларовых банкнотах... разве что здесь дело обстоит иначе. Здесь? Что значит *здесь*? Ведь это же Гринвилл, штат Нью-Йорк, США, год 1954. Так утверждала надпись на телефонной книге, о том же говорит и портрет Вашингтона».

Кейт еще раз посмотрел на деньги и прочел другие надписи: «Соединенные Штаты Америки», «Банкнот Федерального Министерства Финансов».

И это был далеко не новый банкнот, он был потерт и выглядел настоящим. Кейт заметил знакомые шелковые волоски, номер серии, отпечатанный голубой краской. Справа от портрета надпись — «Серия год 1954» и факсимиле подписи Фреда М. Винсона над мелкой надписью, гласившей: «Министр финансов».

Кейт медленно сложил пачку банкнотов и сунул в карман пиджака.

Подняв голову, он поймал взгляд аптекаря, обеспокоенно смотревшего на него сквозь толстые стекла очков. Голос его, как и взгляд, выдавал тревогу.

— Все... все в порядке, правда? — спросил он. — Вы не агент? Я хотел сказать, что если вы агент, то, выходит, поймали меня на коллекционировании. Можете меня арестовать и покончим с этим. Я рискнул... и, если проиграл, вовсе не обязательно держать меня в неведении, верно?

— Нет, — ответил Кейт, — все в порядке. Думаю, что все в порядке. Можно еще колы?

На этот раз часть жидкости пролилась на стойку, когда аптекарь поставил стакан перед Кейтом. А когда стекло вновь хрустнуло под подошвами, он нервно улыбнулся, взял из угла щетку и принялся подметать.

Кейт пил колу и думал, если можно определить этим словом хаос, царивший в его голове. Больше всего это напоминало карусель на полном ходу.

Дождавшись, когда аптекарь кончит прибирать, он спросил:

— Послушайте, я хотел бы задать вам несколько вопросов, которые могут показаться вам... гм... сумасшедшими. Но у меня есть резоны. Можете вы ответить мне, каким бы глупым это вам не показалось?

Аптекарь смерил его осторожным взглядом.

— А какие вопросы?

— Ну... к примеру, какой сегодня день?

— Десятое июня тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года.

— Новой эры?

Аптекарь широко раскрыл глаза, но ответил:

— Да. Новой эры.

— И это Гринвилл, штат Нью-Йорк?

— Да. Вы хотите сказать, что не знаете...

— Позвольте я буду спрашивать, — прервал его Кейт. — В этом штате нет никакого другого Гринвилла, правда?

— Я ни о чем подобном не слыхал.

— А вам знаком человек — или, может, вы о нем слышали — по фамилии Борден, у которого где-то здесь недалеко большое имение? Это крупный издатель.

— Нет. Но, разумеется, я знаю здесь не всех.

— Но о концерне Бордена вы слышали?

— Конечно. Я продаю их. Как раз сегодня пришли несколько новых. Это июльские номера, они лежат на верхней полке.

— А ракета... сядет сегодня ночью?

Аптекарь нахмурился.

— Не понимаю, о чем вы. «Сядет сегодня ночью»... Она садится каждую ночь, и уже должна быть. С минуты на минуту я жду гостей, кое-кто из них заглядывает сюда по дороге к отелю.

Ответы были не так уж плохи — за исключением последнего. Кейт закрыл глаза и не открывал их несколько секунд. Когда он вновь разомкнул веки, седоволосый человечек по-прежнему стоял за стойкой, обеспокоенно посматривая на него.

— С вами все в порядке? — спросил он. — Вы не заболели?

— Со мной все хорошо, — сказал Кейт, искренне надеясь, что это правда. Он хотел спросить еще, но боялся. Требовалось что-то хорошо знакомое, чтобы убедиться, и тут ему показалось, что он нашел.

Соскользнув с табурета, он подошел к стойке с журналами. Первое, что бросилось ему в глаза, были «Идеальные Любовные Истории», и Кейт вынул журнал из держателя. Девушка на обложке напоминала редактора, Бетти Хедли, но была не так красива: У скольких журналов, подумал Кейт, сидят в редакции девушки, более красивые, чем на обложках? Наверно, только у этого.

Впрочем, он не мог позволить себе сейчас мечтать о Бетти, а потому решительно отогнал эти мысли и поискал «Поразительные Истории» — свой собственный журнал. Наконец нашел его и взял в руки.

Знакомая обложка июльского номера. Точно такая же...

Разве? Иллюстрация на обложке представляла собой ту же самую сцену, но в технике рисунка произошла явная перемена. Он стал лучше, живее. Работа явно хуперова, но впечатление такое, будто Хупер в последнее время многому научился.

Девушка на рисунке, одетая в прозрачный космиче-

ский скафандр, была гораздо красивее — и сексуальнее, — чем та, которую он помнил по пробным оттискам. А чудовище...

Кейт содрогнулся.

Собственно говоря, это было то же самое чудище, но и оно подверглось странной метаморфозе, сущность которой Кейт не мог определить... да и не хотел.

Однако под рисунком виднелась подпись Хупера, которую Кейт заметил, когда сумел отвести взгляд от чудовища — маленькая изогнутая буква Х, которой художник помечал все свои работы.

Потом в правом нижнем углу Кейт увидел цену... вовсе не двадцать центов.

Надпись сообщала: «2 кр.»

Две кредитки?

А что еще это могло значить?

Очень медленно и осторожно он сложил оба журнала — оба невероятных журнала, потому что «Идеальные Любовные Истории» тоже стоили 2 кр. — и сунул их в карман.

Теперь следовало найти спокойное местечко вдали от суеты, просмотреть журналы, прочесть и переварить каждое содержащееся в них слово.

Однако сначала за них нужно заплатить и выбраться отсюда. Две кредитки за каждый — это в сумме четыре кредитки. Только сколько это — четыре кредитки? Аптекарь дал ему две тысячи за двадцать пять центов, но таким образом, что это нельзя было считать истинным критерием. Монета по какой-то причине, которую Кейту еще предстояло выяснить, являлась редким и ценным экземпляром для этого человека.

Да, журналы были лучшим указателем. Если их стоимость в кредитах была примерно такой же, как в долларах, то две кредитки приблизительно соответствовали двадцати центам. А если так, то аптекарь дал ему — нука посчитаем — двести долларов за двадцатипятицентовую монету. Почему?

Мелочь звенела у Кейта в кармане, когда он подходил к стойке. Порывшись в ней, он нашел полдоллара. Как-то аптекарь среагирует на это?

Ему не следовало вести себя так, нужно было соблюдать осторожность, однако шок от почти идентичной обложки июльского номера собственного журнала на мгновение лишил его рассудительности.

Кейт небрежно бросил монету на мраморную стойку.

— Я возьму эти два журнала, — сказал он. — И посчитайте еще за две колы.

Аптекарь протянул руку за монетой, но рука эта так дрожала, что он не мог поднять монету с прилавка.

Кейту стало неловко. Не следовало этого делать. Кроме того, это могло положить начало разговору, который задержит его в аптеке, и помешает ближе познакомиться с журналами — а этим он хотел заняться как можно быстрее.

— Оставьте ее себе, — сказал Кейт. — За то, что вы мне дали, можете оставить себе обе: и четвертак, и полдоллара.

Он повернулся и двинулся к выходу.

Только двинулся — ничего больше.

Сделав один шаг, Кейт замер: что-то входило в открытую дверь аптеки. Что-то, совершенно не похожее на человека.

Ростом оно было более двух метров — такое высокое, что ему пришлось слегка пригнуться, чтобы поместиться в дверях — и все его тело, за исключением ладоней, лица и ступней, покрывал светло-пурпурный мех. Эти части тела тоже были пурпурными, но вместо меха их покрывала чешуя. Глаза существа были плоскими дисками, лишенными зрачков. Носа оно вообще не имело, зато зубы... их у него хватало.

Кейт стоял столбом, и вдруг чья-то рука схватила его сзади за плечо. Аптекарь писклявым голосом прокричал:

— Монета сорок третьего! Он дал мне монету сорок третьего! Это шпион, арктурианец! Держи его, лунарь! Убей его!

Пурпурное существо остановилось сразу за порогом, издало жуткий рев, казалось, переходящий в ультразвук, и, раскинув в стороны могучие пурпурные руки, так что ладони удалились друг от друга на два с половиной метра, пошло на Кейта, напоминая кошмарного Гаргантюа. Пурпурные губы приоткрыли двухдюймовые клыки и зияющую за ними зеленую бездну.

Аптекарь висел у Кейта на плече, вереща:

— Убей его! Убей его, лунарь!

Пальцы его сжимали горло редактора, не давая дышать.

Впрочем, глядя на приближающееся существо, Кейт почти не обращал на продавца внимания. Повернувшись, он бросился вглубь магазина, сбросив по дороге аптека-

OPEN

ря. Правда, он не знал, есть ли там дверь, но он надеялся всей душой. Дай бы бог, чтобы она все-таки была.

Глава 3

СТРЕЛЯТЬ БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

К счастью, дверь там оказалась.

Что-то схватило его за полу, когда он пробегал через дверь, но Кейт вырвался, услышав треск рвущейся материи. Когда он захлопнул дверь, раздался рев боли — нечеловеческий рев — но Кейт не стал оборачиваться, чтобы извиниться, а просто припустил со всех ног.

Оглянулся он, находясь уже в добром квартале от аптеки, когда услышал позади грохот выстрела и ощутил сильную боль, словно кто-то хватил его по руке раскаленной докрасна кочергой.

Тут он и оглянулся. Пурпурное чудовище все бежало следом и было теперь на полпути между дверями аптеки и Кейтом. Впрочем, несмотря на длинные ноги, существо бежало медленно и неуклюже — ускользнуть от него будет просто.

У пурпурного чудовища не было никакого оружия, а пуля, скользнувшая по руке Кейта, была выпущена маленьким аптекарем, стоявшим на пороге с большим старомодным револьвером в руке. Он как раз готовился выстрелить еще раз.

Влетая в узкий проход между двумя домами, Кейт услышал грохот, но пуля, похоже, прошла мимо, потому что боли он не почувствовал.

Он оказался в небольшом переулке, и на несколько ужасных секунд решил было, что попал в тупик. В конце прохода виднелась кирпичная стена, слишком высокая, чтобы через нее перелезть. Однако, добежав до нее, Кейт увидел по обе стороны двери, ведущие в здания, и одна из них была распахнута настежь. Он не стал торкаться в запертую дверь, а ворвался в распахнутую, после чего захлопнул ее за собой и задвинул засов.

Он стоял в темноте коридора, тяжело дыша и оглядываясь по сторонам. Справа вверх уходила лестница, напротив виднелась еще одна дверь — несомненно, наружу.

Тут на дверь, через которую он только что вбежал, обрушились удары, послышались возбужденные голоса.

Кейт метнулся к другой двери и оказался в другом переулке. Пробежав между двумя зданиями, выходящими фасадами на улицу, и замедляя шаги по мере приближения к углу, он вышел на улицу и мерным шагом двинулся вперед.

Повернув было к главной улице, Кейт вдруг остановился. Улица была довольно оживленной, но означала ли толпа опасность? Встав в тени дерева метрах в десяти от угла, он решил сначала изучить ситуацию.

То, что он видел перед собой, напоминало обычную улицу обычного небольшого городка — но только в первый момент. Через секунду Кейт заметил двух пурпурных чудовищ, идущих плечом к плечу; они были еще крупнее того, что напало на Кейта в аптеке.

Сами по себе чудовища были достаточно удивительны, однако Кейт заметил нечто совсем уж странное: люди на улице не обращали на них внимания. Чем бы они ни были, их... принимали. К ним привыкли. Здесь было их место.

Здесь?

Опять это слово. *Как, когда* и *где* было это *здесь*?

Что это за безумная Вселенная, в которой обычным явлением считают представителей чужой расы, пострашнее самых жутких БЕМов, когда-либо скаливших клыки с обложек журналов научной фантастики?

Что это за безумная Вселенная, в которой дают двести долларов за двадцать пять центов и пытаются убить за подарок в виде полудолларовой монеты? Мир, в котором крупные банкноты имеют портрет Джорджа Вашингтона и верные даты, в котором издают — к счастью, они все еще торчали из кармана — лишь незначительно измененные номера «Поразительных Историй» и «Идеальных Любовных Историй»?

Мир астматических «фордов» модели Т и космических путешествий?

Непременно должны быть космические путешествия. Эти пурпурные существа просто не могли происходить с Земли... если это Земля. А когда Кейт спросил аптекаря о ракете, тот ответил: «Она садится каждую ночь».

И потом... что это кричал аптекарь пурпурному чудищу, которое атаковало Кейта? «Арктурианский шпион». Но это же абсурд! Арктур удален от Земли на много световых лет. Цивилизация, которая по-прежнему использовала «форд-Т», могла разработать технику полетов на Луну, но на Арктур? Неужели он чего-то не понял?

Аптекарь назвал чудовище лунарем. Что это, имя собственное или название жителя Луны?

«Садится каждую ночь, — сказал аптекарь. — Уже должна быть. С минуты на минуту я жду гостей».

Двухметровые гости, покрытые пурпурной шерстью?

Тут Кейт осознал, что рука у него болит и по ней течет что-то теплое и липкое. Посмотрев, он увидел, что весь рукав спортивного пиджака пропитался кровью, которая в полумраке казалась скорее черной, чем красной. Там, куда попала пуля, виднелась рваная дыра.

Нужно обработать рану и остановить кровотечение.

А может, найти полицейского — есть ли они здесь? — и отдаться в руки властей, рассказать им всю правду?

Но какую правду?

Нельзя сказать им: все вы тут ошибаетесь. Да, это действительно Гринвилл, штат Нью-Йорк, Земля, США и у нас июнь 1954 года — но до сих пор не было никаких космических путешествий, кроме экспериментальной ракеты, которая должна прилуниться сегодня вечером. И американской валютой являются доллары, а не кредитки, пусть даже если на них есть подпись Фреда М. Винсона и портрет Вашингтона; а эти пурпурные чудовища, расхаживающие по вашей главной улице, просто не имеют права здесь находиться; а парень по фамилии Борден — если вам удастся его найти — объяснит, кто я такой. По крайней мере, я на это надеюсь.

Разумеется, это невозможно. Судя по тому, что он видел и слышал, *здесь* имелся лишь один человек, который мог во все это поверить. Этого человека звали Кейт Уинтон, и если бы он объявился, его бы тут же заперли в ближайшем сумасшедшем доме.

Нет, он не мог обратиться к властям с такой совершенно невероятной историей. Во всяком случае, не сейчас. И не раньше, чем сможет сориентироваться в ситуации, понять, что случилось и где он, собственно, оказался.

В нескольких кварталах от него завыли сирены, звук быстро приближался.

Если эти сирены означали то же, что и в том, знакомом мире, значит, это воют полицейские машины, скорее всего, преследующие Кейта.

Учитывая кровь на пиджаке и другие причины, Кейт решил не соваться на главную улицу. Он быстро пересек улочку, свернул в следующий переулок и, стараясь по

возможности держаться в тени, удалился от главной улицы на несколько кварталов.

Услышав рядом сирену, он нырнул в тень ворот.

Проехали.

Может, они искали его, может, нет, но рисковать он не собирался. Нужно было найти какое-нибудь убежище: не мог же он бродить с кровью на рукаве и — что вспомнилось ему только теперь — в пиджаке, который пурпурное чудовище разорвало на спине.

На другой стороне улицы Кейт заметил надпись: «Меблированные комнаты». Так что же, рискнуть и снять комнату? Струйка крови, текущая по руке, убедила его, что это просто необходимо.

Убедившись, что машин вокруг нет, Кейт перешел улицу. Здание выглядело помесью пансионата с захудалой гостиницей. Построили его из красного кирпича и вход внутрь был прямо с улицы. Кейт заглянул через стеклянную дверь.

За стойкой в небольшом холле никого не было, но сбоку имелся звонок и табличка с надписью: «Вызов портье».

Тихо, как только мог, Кейт открыл дверь и закрыл ее за собой. Подойдя на цыпочках к стойке, он посмотрел на висевший за ней открытый шкаф, разделенный на множество ячеек. В одних лежала почта, в других — ключи.

Осторожно оглядевшись, он перегнулся через стойку и вынул ключ из ближайшей ячейки. Ключ имел номер 201.

Кейт снова осмотрелся — никто его не видел.

На цыпочках поднялся он по лестнице; по счастью она была покрыта ковром и не скрипела.

При всем желании Кейт не сумел бы выбрать лучшего номера — дверь двести первого находилась прямо напротив лестницы.

Оказавшись внутри, он повернул ключ в замке и включил свет. Если обитатель комнаты 201 не вернется в течение ближайших тридцати минут, у него есть шанс.

Сняв плащ и рубашку, он осмотрел рану. Она была скорее болезненна, чем опасна... разве что внутрь попадет инфекция. Да и кровотечение постепенно унималось.

Заглянув в ящики комода, Кейт убедился, что обитатель комнаты 201 имел несколько рубашек — к счастью, всего на полномера меньшего размера — после чего разодрал свою собственную и использовал ее на повязку, раз за разом оборачивая вокруг руки, чтобы кровь просачива-

лась сквозь нее очень медленно, а лучше бы вообще остановилась.

Потом он позаимствовал одну из чужих рубашек, выбрав темно-голубую, поскольку его собственная была белой, и один из галстуков.

Проверив стенной шкаф, Кейт нашел в нем три костюма и выбрал темно-серый, меньше прочих похожий на его собственный, бежевый, который все равно был безнадежно испорчен. Кроме того в шкафу лежала соломенная шляпа. Поначалу Кейт решил, что она будет ему слишком велика, но когда подложил под потник свернутый лист бумаги, шляпа пришлась в самый раз. После полной смены одежды и в шляпе — до этого он был без головного убора — Кейт сомневался, чтобы даже аптекарь сумел его опознать. А полиция будет искать мужчину в рваном бежевом пиджаке. Аптекарь наверняка видел дыру на спине.

Прикинув стоимость призанятых вещей и пересчитав их по приблизительному курсу, Кейт оставил на столе банкнот в пятьсот кредиток. Пятидесяти долларов должно хватить: костюм, представлявший наибольшую ценность, не был ни дорогим, ни новым.

Свернув свою одежду, Кейт запаковал ее в газеты, найденные в том же шкафу. Несмотря на огромное желание просмотреть их и прочитать, какими бы старыми они ни были, он знал, что сначала должен выбраться отсюда и найти место побезопаснее. Человек, чьей комнатой он воспользовался, мог вернуться в любой момент.

Кейт открыл дверь и прислушался. Из небольшого холла внизу не доносилось ни звука. Кейт спустился по лестнице так же тихо, как и поднимался.

В холле он остановился, прикидывая, не стоит ли позвонить и спросить свободную комнату. Но решил, что это слишком рискованно. Портье запомнит темно-серый костюм, соломенную шляпу и сверток под мышкой. Когда позднее хозяин этих вещей вернется домой, заметит пропажу и обратится к портье, тот может связать два эти факта между собой.

Кейт вышел на улицу. Теперь, как только ему удастся незаметно избавиться от свертка, он на время окажется в безопасности. Впрочем, до тех лишь пор, пока не заговорит с кем-нибудь и не выдаст себя. Если не знать законов, управляющих этим миром, очень легко можно попасть впросак. Если попытка подарить человеку полдоллара

1943 года приводит к тому, что этот человек хочет тебя убить, как шпиона... Вправду ли аптекарь сказал «арктурианский шпион»? Кто знает, какие ловушки могут скрываться в обычном разговоре?

Сейчас Кейт был доволен, что мало говорил с фермером, который подвез его до Гринвилла: рано или поздно он чем-нибудь да выдал бы себя.

Он направился в сторону главной улицы, демонстрируя полную уверенность в себе, которой вовсе не было. На углу он избавился от свертка, швырнув его в мусорный контейнер.

Вот теперь, когда он несколько изменил свой облик, надо было поискать крышу над головой и место, где можно спокойно изучить журналы, лежавшие в кармане пиджака. У Кейта было предчувствие, что эти журналы после внимательного прочтения хотя бы частично объяснят ему, в чем дело.

Он направился в сторону, противоположную той, в которой находилась аптека, миновал магазин мужской галантереи, потом следующий, со спортивными товарами, затем кинотеатр, где шел фильм, который Кейт видел два месяца назад в Нью-Йорке; все казалось вполне нормальным и обычным.

На секунду у него даже мелькнула мысль: может, все и было нормальным и обычным, а все различия просто созданы его воображением. Может, аптекарь был психом, может, все это имело какое-то рациональное объяснение... даже пурпурные чудовища.

Вскоре он дошел до стойки с газетами и увидел на полках нью-йоркские и местные издания. Все выглядели совершенно обычно, пока он не прочел заголовки.

АРКТУР АТАКУЕТ МАРС И УНИЧТОЖАЕТ КАПИ
ЗЕМНАЯ КОЛОНИЯ ЗАСТИГНУТА ВРАСПЛОХ
ДОПЕЛЛЕ КЛЯНЕТСЯ ОТОМСТИТЬ

Кейт подошел ближе, чтобы прочесть дату. Сегодняшнее издание «Нью-Йорк Таймс», такое же знакомое, как собственная ладонь. Вынув газету со стойки, он вошел с ней в магазин, подал продавцу банкнот в сто кредиток и получил девяносто девять кредиток сдачи, все в банкнотах, идентичных — за исключением номиналов — тем, что имел в кармане. Спрятав деньги, Кейт вышел.

Через несколько домов он наткнулся на какой-то отель

и снял номер, сообщив — после секундного колебания — свою настоящую фамилию и адрес.

Гостиничных боев в этом отеле не было. Портье подал ему ключ и рассказал, где он найдет свой номер: в конце коридора второго этажа.

Спустя две минуты, старательно закрыв за собой дверь, Кейт облегченно вздохнул и уселся на кровать. Впервые после стычки в аптеке он почувствовал себя в безопасности.

Он вынул из кармана газету и оба журнала, положил их на кровать. Потом встал, чтобы повесить пиджак и шляпу на вешалку, и заметил на стене возле двери две ручки и шкалу, а чуть повыше — закрытое тканью круглое отверстие диаметром двадцать сантиметров. Явно встроенное радио.

Кейт покрутил ручку настройки и из динамика тут же донесся тихий шум. Он вращал ручку, пока не добился ясного и отчетливого звука, после чего уменьшил громкость. Музыка была приятной — что-то похожее на Бенни Гудмена, хотя Кейт и не узнал мелодию.

Он вернулся к кровати, снял для удобства туфли и прислонил подушку к спинке. Для начала он взялся за свой журнал, «Поразительные Истории», и с прежним удивлением вновь рассмотрел обложку — иллюстрацию, которая была той же самой и вместе с тем каким-то непонятным образом другой.

Он долго смотрел бы на нее, если бы не одна мысль, заставившая быстро открыть журнал на странице с содержанием. Внизу, он прочел:

«Объединенные Издательства Бордена. Главный редактор — Л. А. Борден, редактор — Кейт Уинтон...»

Увидев свою фамилию Кейт перевел дух. Значит, он принадлежал этому месту — где бы оно ни находилось — и по-прежнему имел работу. И мистер Борден тоже был здесь... вот только, что случилось с его летней резиденцией, не под землю же она провалилась?

Ему пришла в голову еще мысль. Схватив журнал с рассказами о любви, Кейт едва не разодрал его в поисках оглавления. Да, редактором была Бетти Хедли. Однако он отметил кое-что странное — и этот журнал издавался Объединенными Издательствами Бордена, хотя июльский номер должен был еще носить знак издательства Уэли, ведь Борден купил журнал всего несколько дней назад. Знак Уэли должен был стоять даже

на августовском номере. Впрочем, это было уже не так важно.

Самым важным было другое: какой бы безумной ни была эта Вселенная, в ней существовала Бетти Хедли.

Кейт облегченно вздохнул. Мир Бетти Хедли не мог быть плохим, даже если по нему разгуливали пурпурные чудовища с Луны. А если он, Кейт Уинтон, остался редактором своего любимого журнала научной фантастики, следовательно, по-прежнему имел работу и пропитание, и неважно, в кредитках ему платили или в долларах.

Мелодия из динамика внезапно стихла, раздался голос диктора:

«Передаем экстренное сообщение! Второе предупреждение жителям Гринвилла и окрестностей! Арктурианский шпион, разоблаченный полчаса назад, до сих пор не пойман. Все вокзалы, дороги и космодромы тщательно охраняются. Начаты обыски в домах. Просим всех граждан проявлять максимальную бдительность.

К оружию и стрелять без предупреждения! Ошибки могут и будут происходить, но еще раз напоминаем, что пусть лучше умрут сто невинных, чем сбежавший шпион вызовет смерть миллионов людей.

Стрелять при малейшем подозрении!

Повторяем словесный портрет...»

Едва дыша, Кейт слушал описание своей внешности.

«...около ста семидесяти пяти сантиметров, вес примерно семьдесят килограммов, одет в бежевый костюм и белую спортивную рубашку. Без шляпы. Глаза карие, волосы темные, волнистые, возраст около тридцати лет...»

Кейт медленно выдохнул. Они не знали, что он сменил одежду, и не упомянули, что он ранен. Значит, аптекарь не знал, что одна из пуль попала в цель.

Описание было довольно верным, однако не могло представлять для Кейта особой опасности: они не знали, что у него перевязана рука и одежда другая.

Разумеется, опасность еще не миновала: рано или поздно мужчина, в чью комнату он забрался, вернется в отель и заявит, что у него украли серый костюм и соломенную шляпу. Правда, Кейт оставил ему пятьсот кредиток, но тот все равно донесет, если слышал это сообщение. Кейт пожалел, что оставил деньги: обычный вор не привлек бы к себе такого внимания, как странный тип, который платит за то, что украл. Следовало забрать и другие

вещи, чтобы инсценировать обычную кражу. Нужно было забрать все три костюма и сложить их в чемодан, лежавший на дне шкафа; тогда они могли бы только гадать, в каком из них он ходит.

А так, если они свяжут кражу в гостиничном номере с его особой, то снова будут иметь точное описание.

Однако... о, боги, во что же он вляпался? *Стрелять без предупреждения!* А он-то едва не надумал отдаться в руки властей!

Приказ «стрелять без предупреждения» исключал какие-либо контакты с властями.

Черт знает почему он оказался в смертельной опасности, и не было никакой возможности объясниться. Несмотря на блокаду вокзалов и дорог, надо было как-то вернуться в Нью-Йорк и разобраться в ситуации. Только каким он будет, этот Нью-Йорк? Таким, каким знал его Кейт, или совершенно иным?

В номере стало жарко и душно. Кейт подошел к окну, открыл его и постоял, глядя на улицу внизу. Обычная улица, такие обычные люди. Впрочем, он тут же заметил трех высоких пурпурных чудовищ, они плечо к плечу вышли из кинотеатра. И никто не обратил на них внимания.

Кейт поспешно отодвинулся от окна — ведь один из пурпурных мог оказаться тем, что видел его в аптеке. Для него все чудовища выглядели одинаково, но если они привыкли к людям — а так, похоже, оно и было, — тот наверняка узнает его, если встретит снова.

Вид пурпурных чудовищ заставил Кейта вздрогнуть от страшной мысли: а что, если он спятил? Возможно ли это? Если да, то это самое безумное сумасшествие, о котором он когда-либо слышал, а ведь в колледже он ходил на лекции по психиатрии.

Но если же он и вправду спятил, то что было иллюзией: мир, в котором он теперь находился, или тот, что остался в воспоминаниях?

Мог ли его мозг создать набор фальшивых воспоминаний о мире без космических кораблей, без пурпурных чудовищ с Луны, с долларами вместо кредиток, без арктурианских и земных колоний на Марсе?

Могло ли быть так, что именно в этом мире Кейт провел свою жизнь, а тот, который казался ему знакомым — мир из его воспоминаний, — был творением больного разума?

Однако, если этот мир был настоящим, а его воспоми-

нания до семи часов вечера — просто видения, то кто же он такой? Арктурианский шпион? Это казалось не менее правдоподобным, чем все остальное.

И тут в коридоре послышались тяжелые шаги нескольких человек. Потом в дверь громко и решительно постучали.

— Полиция, — произнес чей-то голос.

Глава 4

СУМАСШЕДШИЙ МАНХЕТТЕН

Кейт глубоко вздохнул, торопливо обдумывая положение. Он только что слышал по радио, что в домах начались обыски. Вероятно, дело именно в этом. Разумеется, его, как только что заселившегося, должны проверить первым. У них не было никаких оснований для подозрений, кроме времени его прибытия сюда.

Что может выдать его в случае обыска? Деньги! Не кредитки, которые дал ему аптекарь, а мелочь и доллары в бумажнике.

Кейт быстро вынул из кармана мелочь, которая у него осталась — четвертак, два дайма* и несколько центов, а из бумажника банкноты — три десятки и пару долларов.

Стук повторился, на этот раз громче и настойчивее.

Кейт завернул мелочь в банкноты, и, высунувшись в окно, положил небольшой сверток на край карниза, за пределами видимости.

Потом резко выдохнул, подошел к двери и открыл ее.

На пороге стояли трое мужчин, двое в полицейских мундирах держали в руках револьверы. Заговорил третий мужчина, в сером штатском костюме.

— Простите, — сказал он, — это обычная проверка. Вы слышали сообщение?

— Разумеется, — сказал Кейт. — Входите, прошу вас.

Впрочем, они и без приглашения уже входили, настороженные и внимательные. Оба револьвера смотрели ему в грудь, не отклоняясь ни на миллиметр. Холодным подозрительным взглядом человек в сером костюме тоже изучал лицо Кейта.

Впрочем голос его был тих и вежлив.

---

* Дайм — монета достоинством в 10 центов.

— Как вас зовут?

— Кейт Уинтон.

— Чем вы занимаетесь?

— Работаю в издательстве, редактирую журнал «Поразительные Истории», — ответил Кейт, небрежно указывая на журнал лежавший на кровати.

Один из револьверов слегка опустился... этак на сантиметр. На широком, круглом лице полисмена расцвела улыбка.

— Черт возьми! — сказал он. — Так это вы тот парень, который ведет Ракетную Почту? Ракетчик?

Кейт кивнул.

— Тогда вы, может, помните мою фамилию, — сказал полицейский. — Меня зовут Джон Гаррет, я отправил вам четыре письма и два из них вы напечатали.

Он быстро переложил револьвер в левую руку — хотя ствол по-прежнему направлял на Кейта — и протянул правую.

Кейт пожал ее.

— Ну, конечно, — сказал он. — Это вы пытаетесь убедить нас давать цветные иллюстрации внутри, даже если цена при этом поднимется на д... — он вовремя поправился, — на одну кредитку.

Мужчина улыбнулся еще шире и опустил оружие.

— Да, это я, — подтвердил он. — Читаю ваш журнал уже...

— Оружие, сержант! — рявкнул мужчина в сером костюме. — Не забывайте о бдительности.

Сержант вновь поднял револьвер, но продолжал улыбаться. Потом он сказал:

— С этим парнем все в порядке, капитан. Будь он не тот, кем назвался, откуда ему знать, что было в моих письмах, верно?

— Эти письма были опубликованы? — спросил капитан.

— Да, но...

— У арктурианцев превосходная память. Если он готовился играть роль редактора, то изучил все номера журнала, который якобы редактировал.

Сержант нахмурился.

— Да-а, но... — начал было он и умолк.

Правой рукой сдвинул фуражку на лоб и почесал затылок. Капитан закрыл дверь и прислонился к ней, переводя взгляд с сержанта на Кейта. Наконец он сказал:

— Впрочем, это хорошая идея, сержант. Мы можем проверить личность мистера Уинтона, спросив о том, что не было опубликовано. Вы можете это сделать?

Сержант тупо уставился на своего начальника, но Кейт тут же подсказал ему:

— Вы помните, сержант, последнее письмо, которое отправили мне? Месяц назад, если не ошибаюсь.

— Ну-у, конечно. Вы имеете в виду то, в котором я писал...

— Стоп, — прервал его Кейт, — я скажу сам. Вы писали, что комиксы издаются в цвете и стоят дешевле популярных журналов, поэтому вы не можете понять, почему бы и нам не сделать иллюстрации цветными и сохранить прежнюю цену.

Ствол револьвера вновь опустился.

— Точно, капитан, — подтвердил сержант. — Так я и написал, и письмо еще не было опубликовано. Значит, с ним все в порядке, иначе бы он ничего этого не знал. Разве что... — он вновь взглянул на лежавший на кровати журнал, — разве что письмо напечатано в этом номере. Я его еще не читал. Это новый номер; наверное, только сегодня появился в продаже.

— Верно, — сказал Кейт. — Но вашего письма в нем нет. Можете проверить.

Сержант Гаррет посмотрел на начальника и получил одобрительный кивок. Он обошел Кейта, поднял журнал, нашел Ракетную Почту и начал читать, при этом пытаясь не упускать из виду Кейта.

Мужчина в сером костюме улыбнулся и вынул из наплечной кобуры револьвер с коротким стволом.

— Уберите оружие и сосредоточьтесь на том, что делаете, сержант, — разрешил он. — Мы с Барком будем настороже.

— Конечно, капитан. Спасибо, — ответил Гаррет, пряча револьвер в кобуру.

Освободив обе руки и глаза, он смог теперь заняться исключительно журналом. Просматривая отдел переписки с читателями, сержант сказал:

— Я по-прежнему считаю, что нужно дать цвет и внутрь, мистер Уинтон. Хоть присягнуть, БЕМы будут выглядеть гораздо лучше.

Кейт улыбнулся.

— Я бы тоже хотел, чтобы мы могли себе это позволить, сержант. Но тогда сильно подскочит себестоимость изданий.

Капитан недоуменно воззрился на них.

— О чем вы говорите? — спросил он. — Что это за БЕМы такие? И почему речь идет об изданиях? Ведь это журналы.

— Называть журналы изданиями — обычай, принятый среди редакторов и издателей популярных журналов, — объяснил Кейт. — Может, потому, что нам хотелось бы видеть свои журналы книгами. А БЕМ — это жаргонное выражение, употребляемое фэнами. Это сокращение от Bug-Eyed Monster (жукоглазый монстр). Существо на обложке журнала, который просматривает сержант Гаррет, именно БЕМ.

— И неплохой, — сказал сержант. — Один из жителей третьей планеты Арктура, верно?

— Насколько я помню рассказ, — ответил Кейт, — это венерианин.

Сержант рассмеялся, словно Кейт удачно сострил. Если так, то Кейт понятия не имел, в чем тут дело. Впрочем, он тоже улыбнулся на всякий случай. Сержант продолжал листать журнал.

Потом он поднял голову.

— Знаете, мистер Уинтон, что касается письма того парня из Провинстауна, которому не нравятся романы Бергмана, то не обращайте внимания на таких тупарей. Бергман наш лучший автор, кроме, может...

— Сержант! — ледяным тоном одернул его капитан. — Мы здесь выясняем не ваши литературные вкусы. Проверьте обращения этих писем или подписи под ними, чтобы убедиться, что вашего там нет. Мы не можем гробить на это весь вечер.

Сержант покраснел и пролистнул несколько страниц.

— Нет, — сказал он спустя минуту, — его здесь нет, капитан.

Мужчина в сером костюме улыбнулся Кейту.

— Похоже, все в порядке, мистер Уинтон, — сказал он. — Но так, для порядка, у вас есть какое-нибудь удостоверение личности?

Кейт кивнул и потянулся за бумажником, однако человек в сером костюме остановил его:

— Минуточку. Если позволите...

Не дожидаясь разрешения, он обошел Кейта и, оказавшись за его спиной, быстро провел руками по его бокам. В карманах не нашлось ничего интересного для него, кроме бумажника. Вынув его, он быстро проверил содержимое, затем вернул Кейту.

— Хорошо, мистер Уинтон, — сказал он. — Похоже, все в порядке, однако...

Он подошел к шкафу, открыл дверь и заглянул внутрь. Затем проверил ящики комода, заглянул под кровать... В общем, быстро и умело осмотрел комнату.

— Никакого багажа, мистер Уинтон? — в голосе его вновь зазвучали нотки подозрения. — Даже зубной щетки?

— Даже зубной щетки, — ответил Кейт. — Я не думал оставаться в Гринвилле на ночь. Однако дела, которые привели меня сюда, отняли больше времени, чем я предполагал.

Человек в сером костюме закончил обыск и сказал:

— Простите за беспокойство, однако мы должны быть бдительны и проверить всех... а вы только что вселились. Хорошо, что с помощью сержанта вы смогли доказать свою личность, иначе нам пришлось бы провести проверку более тщательно. Однако, в данной ситуации...

Он кивнул второму полицейскому в форме, и тот убрал оружие в кобуру.

— Понимаю, капитан, — сказал Кейт. — Конечно, вам нельзя рисковать.

— Вы совершенно правы. Этот шпион где-то рядом. Ничего, из Гринвилла ему не ускользнуть. Мы окружили город кордоном, через который даже мышь не проскочит. И не снимем, пока не поймаем его.

— Как вы думаете, у меня могут быть сложности с выездом в Нью-Йорк? — спросил Кейт.

— Ну... на вокзалах проверяют особенно тщательно. Думаю, вы сумеете убедить их. — Офицер улыбнулся. — Особенно, если среди патрульных найдется ваш фэн.

— Думаю, это маловероятно, капитан. Понимаете, я хотел вернуться утром, но с этой проверкой попаду в редакцию слишком поздно. Так что, пожалуй, лучше мне уехать еще сегодня. Когда я решил остаться здесь на ночь, я чувствовал себя очень усталым, но теперь мне уже лучше. Вы не помните, когда отходит ближайший поезд до Нью-Йорка?

— Кажется, в половине десятого, — ответил капитан. — Он посмотрел на часы. — Вы успеете, но не знаю, смогут ли вас быстро проверить и пропустить. А следующий поезд только в шесть утра.

Кейт нахмурился.

— Я хотел бы уехать в девять тридцать. Гм... капитан,

а не могли бы вы мне помочь: позвонить тому, кто командует на станции, и поручиться за меня? Тогда меня не будут держать долго, и я успею на поезд. Или, может, я прошу слишком многого?

— Ну, что вы, мистер Уинтон! Конечно, я позвоню им.

Через десять минут Кейт уже сидел в такси, а через полчаса в почти пустом поезде мчался к Нью-Йорку.

Он вздохнул с облегчением: кажется, главная опасность на время миновала. В Нью-Йорке он будет в безопасности. Самое главное, что он сумел пробраться сквозь кордон, а кроме того, он отважился — едва полицейские вышли из номера — забрать свои деньги с карниза. Кейт верил, и как оказалось, правильно, что разговор капитана с людьми на вокзале избавит его от повторного обыска, когда он удостоверит свою — уже установленную — личность.

Кроме того, он не собирался терять свои банкноты и монеты, пока не узнает, в чем же тут дело. Да, держать их при себе было опасно, но некоторые высоко ценились здесь. Аптекарь дал ему за одну монету эквивалент двухсот долларов. Может, другие окажутся еще ценнее? Кстати, аптекарь признал, что четвертак стоит больше, чем он за него платит!

Однако полудоллар... Кейт содрогнулся при одном воспоминании. Незачем гадать, нужно просто подождать, пока он не узнает, в чем дело, а до тех пор вести себя по возможности осторожно. Когда он заплатил за комнату и билет, у него еще осталось около ста сорока долларов в кредитках, этого должно было хватить на какое-то время. Или надолго, если экономить. Небольшой сверток некредитовых банкнот и монет он предусмотрительно сунул в задний карман брюк, чтобы случайно не расплатиться за что-нибудь этими деньгами. Монеты он плотно обернул банкнотами, чтобы они его не выдали своим звоном.

Да, держать их было опасно, но существовала причина поважнее, чем их возможная ценность: монеты являлись последней ниточкой, на которой держался его рассудок. Воспоминания могли быть плодом воображения, но деньги были настоящими. Они доказывали, что по крайней мере часть из воспоминаний были истинными. Эта небольшая выпуклость на заднем кармане брюк добавляла ему уверенности.

В окно поезда Кейт видел, как огни Гринвилла редеют и медленно исчезают в темноте.

Хотя бы на время он оказался в безопасности. И мог самое малое два часа разглядывать оба журнала и газету.

Он начал с газеты.

АРКТУР АТАКУЕТ МАРС И УНИЧТОЖАЕТ КАПИ

Несомненно, это была главная новость дня. Кейт внимательно прочел сообщение. Капи была земной колонией на Марсе, основанной в 1939 году; четвертое из семи существующих там поселений. Она была самой маленькой — всего сорок колонистов-землян. Считалось, что все они погибли, а с ними — около ста пятидесяти марсианских работников.

«Значит, — подумал Кейт, — существуют туземцы-марсиане, если пишут отдельно о марсианских работниках. Интересно, как они выглядели? Об этом не было ни слова в короткой заметке, похожей на сообщение с передовой. Может, все-таки слово «лунарь» было именем? Может, пурпурные чудовища — марсиане, а не селениты?»

Однако имелись проблемы и поважнее. Кейт читал дальше.

Один из кораблей арктурианцев сумел каким-то образом прорваться сквозь космическую блокаду и выпустил торпеду прежде, чем его обнаружили люди Допелле. Его немедленно атаковали и, хотя он перешел на межзвездный привод, догнали и уничтожили.

Начата подготовка — сообщала «Нью-Йорк Таймс» — к ответному удару. Разумеется, подробности были военной тайной.

Читая статьи, Кейт наткнулся на многочисленные фамилии и названия, которые ничего ему не говорили, однако он почувствовал себя еще более странно, когда встретил знакомое имя в совершенно непонятном контексте: генерал Эйзенхауэр командовал венерианским сектором.

Окончание статьи касалось предлагаемого усиления средств защиты вокруг наиболее уязвимых городов, и это было совершенно непонятно Кейту. То и дело мелькали понятия, ничего ему не говорящие, например, «полное затуманивание», и многочисленные упоминания каких-то «ренегатов» и «Людей Ночи».

Продравшись через передовицу — почти две колонки, — Кейт просмотрел газету от первой до последней страницы, читая все заголовки и по крайней мере треть каждого сообщения, которое казалось ему необычным или интерес-

ным. Похоже, повседневная жизнь мало отличалась от знакомой ему.

Он нашел колонку светской хроники и встретил в ней много знакомых фамилий; несомненно, их было бы еще больше, если бы он регулярно читал эту рубрику. Сент-Луис вел в одной лиге, а Нью-Йорк в другой — и это тоже было так, как он помнил, хотя и не был уверен, что очки были теми же самыми. В объявлениях мелькали те же самые фирмы и продукты, что и всегда, только с ценами в кредитках вместо долларов и центов. Не было объявлений, рекламирующих игрушечные космические корабли или Набор Юного Атомного Физика.

Особенно внимательно он просмотрел объявления о продаже. Ситуация с жильем выглядела гораздо лучше, чем он помнил; возможно, объяснение заключалось в том, что некоторые объявления о продаже дома или квартиры сопровождались дополнением: «Ввиду эмиграции на Марс». Одно из объявлений в рубрике «Домашние животные» предлагало *венерианскую колину*, а другое — *лунных щенков*.

В начале второго, точно по расписанию, поезд въехал на Центральный Вокзал. Это настолько захватило Кейта, что он совершенно забыл о журналах.

По мере того, как состав медленно втягивался на станцию, Кейт все сильнее ощущал что-то необычное, чего не мог определить словами — некий особый настрой, царивший здесь. Дело было не в отсутствии огней, они светили как обычно, их было даже больше.

Вагон Кейта был заполнен всего на четверть, а то и меньше. Кроме того, выйдя, он увидел, что это единственный поезд на всем вокзале, а у носильщиков явно был выходной.

Прямо перед ним невысокий человечек сражался с тремя чемоданами, пытаясь два нести в руках, а один под мышкой. Шел он с огромным трудом.

— Вы позволите помочь вам? — спросил Кейт.

— О-о, конечно, спасибо, — ответил человечек с явным облегчением. Он передал один чемодан Кейту и оба пошли по бетонному перрону.

— Слабое сегодня движение, верно? — заметил Кейт.

— Кажется, это был последний поезд. Вовсе незачем пускать их так поздно. Велик ли толк, что ты доедешь, если домой все равно не попадешь? Да, конечно, утром можно добраться быстрее, но что это даст?

— Пожалуй, ничего, — ответил Кейт, гадая, о чем говорит его собеседник.

— Восемьдесят семь убитых только за прошлую ночь! — сказал человечек. — По крайней мере столько обнаружено тел, и никто не знает, сколько унесла река.

— Ужасно, — согласился Кейт.

— И это одной только ночью! Наверное, было по крайней мере сто убитых. И это только те, кого убили на месте. Бог знает, скольких избили до полусмерти. — Он вздохнул. — Я помню времена, когда даже на Бродвее было безопасно. — Он вдруг остановился и поставил чемоданы на землю. — Передохнем немного. Если вы хотите идти дальше, поставьте чемодан рядом.

Кейт был рад возможности отдохнуть: раненая левая рука не позволяла ему перекладывать чемодан из одной руки в другую. Он помассировал ладонь, затекшую от тяжести.

— Я не спешу, — сказал он. — Мне некуда спешить.

Человечек расхохотался, словно услышал что-то невероятно смешное, и Кейт улыбнулся ему в ответ.

— Вот это отмочили, — произнес человечек. — «Некуда спешить!»

Он хлопнул ладонью по бедру.

— Гмм... Я в последнее время не слушал новости, — сказал Кейт. — А вы? Есть что-то новое?

— Разумеется, черт побери! — Лицо мужчины отразило страх, смешанный со смертельной серьезностью. — В стране арктурианский шпион. Но, может, вы о нем слышали; это передавали сегодня вечером. — Он вздрогнул.

— Нет, не слышал, — ответил Кейт. — Вы помните подробности?

— Его засекли в Гринвилле, городе, через который мы проезжали. Не помните? Все двери держали закрытыми и не пускали в поезд никого без проверки. На вокзале было полно фараонов и охранников.

— Наверно, я задремал, когда мы проезжали этот... как его... Гринвилл?

— Да, Гринвилл. Хорошо, что я там не выходил. Они перевернут город вверх ногами.

— А как его обнаружили? — спросил Кейт.

— Он пытался продать кому-то запрещенную монету, к тому же арктурианскую подделку... из тех, знаете, неверно датированных.

— Ага, — буркнул Кейт.

Все-таки это из-за монеты, так он и думал. Может, лучше было бы от них избавиться, невзирая на их ценность или потенциальное значение — при первом же удобном случае выбросить в канализацию или в урну. А может, следовало оставить их на карнизе гостиничного номера в Гринвилле. Нет, это была бы ошибка — ведь найдя их, могли бы выйти на него, поскольку он записался в отеле под своей настоящей фамилией и — в данном случае, к счастью — назвал ее полицейским. Да, находка монет на карнизе в гостинице несомненно привела бы к настоящему Кейту Уинтону из Нью-Йорка. Он не подумал об этом, забирая их оттуда, считал даже, что поступает легкомысленно, держа их при себе. Кейт даже покрылся испариной, осознав, насколько ему повезло.

— Но если шпиона разоблачили, почему же его не задержали? — спросил он.

— Задержали?! — Человечка даже затрясло. — А арктуриан не задерживают, их убивают! Его пытались убить аптекарь и лунарь, которого тот позвал на помощь, но он сумел удрать.

— О! — сказал Кейт.

— Держу пари, к этому времени в Гринвилле по ошибке убито человек двадцать-тридцать, — угрюмо продолжал человечек. Он потер ладони и взялся за чемоданы. — Ну, я уже готов, если вы можете идти.

Кейт поднял чемодан и они пошли к дверям вокзала.

— Надеюсь, лежанки еще остались, — сказал человечек.

Кейт открыл было рот, но осекся. Любой вопрос мог выдать его.

— Едва ли, — откликнулся он излишне пессимистическим тоном, чтобы можно было обратить все в шутку, если вдруг следовало сказать что-то другое.

Однако человечек только угрюмо кивнул. Они уже подходили к дверям зала ожидания, когда появился носильщик. Человечек облегченно вздохнул, передоверив ему все чемоданы.

— Лежанки? — спросил носильщик. — Есть еще несколько свободных.

— Мы берем. Две штуки, — сказал человечек, потом заколебался и посмотрел на Кейта. — Я не хотел бы решать за вас. Некоторые предпочитают сидеть.

Кейт чувствовал себя словно человек, идущий по канату в темноте. В чем тут дело? Что это за выбор между

сидением и лежанием? Ему не хотелось ни того, ни другого.

— Пожалуй, я не буду, — сказал он наконец.

Они как раз дошли до зала, и Кейт удивленно уставился на лежанки. Повсюду тянулись длинные плотные ряды раскладушек. Если не считать проходов между рядами, они занимали все огромное помещение. И почти на всех спали люди.

Неужели жилищная проблема стояла настолько остро? Нет, это невозможно, судя по количеству объявлений в «Нью-Йорк Таймс» о сдающихся комнатах и квартирах. И все же...

Человечек коснулся его раненой руки и Кейт буквально подпрыгнул. По счастью, тот ничего не заметил — он как раз говорил «Одну минутку» носильщику, который шел чуть впереди.

Потом он обратился к Кейту:

— Если... гмм... у вас нет денег, я готов... гмм... одолжить вам несколько кредиток.

— Спасибо, — поблагодарил Кейт. — Я, пожалуй, пойду.

— Надеюсь, вы не собираетесь *выйти*? — На лице человечка читался ужас вперемешку с удивлением.

Снова он сказал что-то не так. Ведь он понятия не имел, ни почему в зале Центрального Вокзала стояли раскладушки, ни в чем разница, останется он здесь или нет. Во всяком случае лучше избавиться от нового человека, пока у того не возникли подозрения... если это еще не произошло.

— Разумеется, нет, — сказал он. — Я не настолько глуп. Просто меня должны были ждать, и я хочу поискать его. Может, позднее я и возьму лежанку, но сомневаюсь, чтобы мне удалось заснуть. Не беспокойтесь обо мне, и спасибо за предложение. Деньги у меня есть.

Он быстро отошел, прежде чем мужчина успел задать новый вопрос. Свет в зале вокзала был притушен, явно для того, чтобы не мешать спящим. Кейт медленно прошелся по огромному помещению, стараясь ступать как можно тише, потом направился к выходу на Сорок Вторую стрит.

Приближаясь к двери, он заметил, что по обе ее стороны стоят полицейские.

Поворачивать было уже поздно — один из полицейских смотрел прямо на него. Кейт шел к двери, которую

охраняли, и уже не мог отвернуть, не привлекая к себе внимание. Если вдруг окажется, что с вокзала выходить нельзя — он даже не мог предположить, почему, — Кейт решил сделать вид, что просто хочет выглянуть через стеклянную дверь.

Итак, он медленно подошел к двери, отметив про себя, что стекло закрашено снаружи черной краской.

Когда Кейт оказался совсем рядом, заговорил тот полицейский, что был выше, причем в голосе его звучало уважение:

— Вы вооружены?

— Нет.

— Снаружи довольно опасно. Разумеется, мы не имеем права никого задерживать и можем только давать советы.

Первой реакцией Кейта было облегчение: значит, его не задержат здесь, как он боялся. Он не собирался терять ночь на вокзале, какая бы тому ни была причина. Вот только о чем говорил полицейский? Опасность? Что за опасность? Он знал только, что она задержала на вокзале тысячи людей, прибывших поздними поездами. Что случилось с Нью-Йорком?

Впрочем, отступать уже поздно. «Кроме того, — угрюмо подумал он, — пока я не знаю законов, управляющих этим миром, я в опасности везде и всюду».

Стараясь говорить как можно равнодушнее, он произнес:

— Мне недалеко. Ничего со мной не случится.

— Дело ваше, — сказал полицейский.

Второй оскалился в усмешке:

— Надеюсь, хоронить не придется. Можете идти. — И он открыл дверь.

Кейт с трудом сдержался, чтобы не повернуть. Дверь не была закрашена черной краской, просто снаружи царила тьма египетская. Абсолютная темнота, какой он никогда прежде не видел. Нигде ни малейшего огонька, а свет ламп вокзала, казалось, вообще не разгонял мрака. Взглянув под ноги, Кейт увидел тротуар всего на полметра за порогом.

И кроме того — было ли это просто иллюзией? — ему показалось, что часть темноты проникла сквозь открытую дверь в зал вокзала, словно это была не обычная ночная тьма, а какие-то черные испарения. Неужели тьма — это нечто большее, чем просто отсутствие света?

Но что бы то ни было, Кейт не мог признаться в своем невежестве. Он должен был выйти, что бы его ни ждало.

Он вышел, и дверь закрылась за его спиной. Впечатление было такое, будто он вдруг оказался в шкафу. Это была тьма в квадрате, по-видимому — ему вспомнилось определение из «Нью-Йорк Таймс», — то самое полное затуманивание.

Кейт взглянул вверх и не увидел ни звезд, ни Луны, хотя была ясная лунная ночь. В Гринвилле, по крайней мере.

Сделав два шага, он обернулся, чтобы посмотреть на дверь... и не увидел ничего. А ведь должен был увидеть ярко освещенный прямоугольник. В такой темноте дверь должна быть заметна издалека, несмотря на слабый свет в зале. Разве что стекло и вправду было закрашено снаружи черным. Кейт шагнул к вокзалу и заметил дверь — расплывчатый прямоугольник на расстоянии вытянутой руки. В двух шагах ее уже не было видно.

Кейт снова отступил и дверь исчезла. Порывшись в кармане, он нашел коробок спичек и зажег одну. Держа ее в вытянутой руке, он видел только слабое сияние. С полуметра огонек был виден отчетливо, но не дальше.

Спичка догорела, пришлось ее бросить. Кейт не знал, погасла ли она, ударившись о тротуар, или нет.

Он уже жалел, что не взял лежанку на вокзале, но возвращаться было поздно. Он и так обратил на себя внимание, когда выходил. Почему он не последовал примеру маленького человечка? На будущее следует запомнить, что безопаснее подражать другим.

Вытянув руку, Кейт коснулся стены здания и, ведя по ней одной ладонью, а второй рукой шаря перед собой, двинулся на запад, к перекрестку с Вандербильт-авеню. Широко открытыми глазами он вглядывался во тьму, но с тем же успехом можно было вообще зажмуриться — все равно ни дьявола не видно. Теперь он знал, каково слепым. Сейчас бы не помешала тросточка, чтобы стучать по тротуару, а вот собака-поводырь оказалась бы бесполезной; Кейт сомневался, чтобы даже кот мог бы видеть в этом черном тумане дальше чем на полметра.

Вскоре рука, касавшаяся стены, наткнулась на пустоту — он оказался на углу.

Кейт остановился, прикидывая, стоит ли вообще идти дальше. Он не мог вернуться на вокзал, но почему бы просто не сесть на тротуар, не прислониться спиной к стене и не подождать утра? Разумеется, если утром этот черный туман рассеется.

Добраться до своей холостяцкой квартиры в Гринич-Виллидж он явно не сможет. Такси не *могли* ездить. Рассудок подсказывал ему, что и на все прочие виды транспорта лучше не рассчитывать. Только полный идиот или невежда вроде него — а во всем Нью-Йорке другого такого наверняка не было — попытался бы преодолеть океан темноты.

Подумав, он решил все же не дожидаться рассвета. Мог появиться полицейский патруль и его начали бы расспрашивать, почему он не остался в безопасном убежище вокзала. Нет, если уж он решится сесть и переждать ночь, то сделает это в другом месте, а не в десяти шагах от исходной точки. Тогда, если его задержат, он хотя бы сможет утверждать, что пытался добраться домой.

Полагаясь только на везение и осторожно ставя ноги, Кейт дошел до края тротуара и ступил на мостовую. Если здесь было какое-то движение... но ведь машины не могут ездить в таком тумане, разве что с помощью радара. Эта мысль заставила его проскочить вторую половину мостовой быстрее, чем первую — кто знает, может, они действительно используют радары?

Край тротуара по другую сторону улицы он нашел, споткнувшись об него. Поднявшись, Кейт пересек тротуар и вновь коснулся рукой стены.

Сорок Вторая стрит всего в нескольких кварталах от Таймс-сквер и Бродвея, но с тем же успехом он мог находиться... нет, даже не на Луне, ведь там компанию ему могли составить хотя бы пурпурные чудовища. Да, кстати, а есть ли они здесь?

Кейт запретил себе думать об этом.

Он прислушался, но не услышал ничего, кроме тихого шороха собственных подошв, и поймал себя на том, что невольно идет на цыпочках, стараясь не нарушать этой страшной тишины.

Миновав очередной квартал, он добрался до Мэдисон-авеню, пересек ее и начал наощупь искать дорогу к Пятой авеню.

А собственно, куда он идет? К Таймс-сквер? А почему бы и нет? Гринич-Виллидж слишком далеко, чтобы таким вот образом добраться туда до рассвета. Однако, куда-то идти нужно, так почему бы не к центру? Если где-то и была какая-то ночная жизнь, то только там.

Зайти куда-нибудь, куда угодно, только бы выбраться из этой темноты!

Кейт принялся нажимать ручки дверей, мимо которых проходил. Все были заперты. Потом вспомнил, что в кармане у него лежит ключ от редакции Объединенных Издательств Бордена, расположенной в здании, что стоит в трех кварталах к югу. Хотя нет, ворота наверняка будут заперты, а от них у него нет ключа.

Он пересек Пятую авеню. На другой стороне улицы, слева, должна быть Публичная Библиотека. Он прикинул, не провести ли остаток ночи на ее лестнице, но отказался от этой идеи. Теперь, когда он уже выбрал направление движения, можно идти дальше, до Таймс-сквер. Там наверняка найдется какое-нибудь укрытие, пусть даже просто освещенная станция метро.

Между Пятой и Шестой авеню — Кейт задумался, не пытались ли ее и здесь назвать Авеню Америк, — расстояние немалое. Однако нигде он не нашел открытой двери, хотя и нажимал на все ручки.

Миновав Шестую авеню, он оказался на полпути к Бродвею. Кейт нажал очередную ручку; но эта дверь тоже была закрыта. Однако в тот краткий момент, когда он остановился, чтобы поискать ручку и его собственные шаги стихли, из темноты донесся звук. Первый звук с тех пор как он вышел с вокзала.

Это был звук шагов, таких же тихих и осторожных, как и шаги Кейта. И он почувствовал, что это означает опасность, смертельную опасность.

Глава 5

ЛЮДИ НОЧИ

Он стоял неподвижно, слушая чужие шаги. Кто бы или что бы там ни было, Кейт никак не мог избежать встречи, разве что повернулся бы и пошел в обратном направлении. Мир вдруг показался ему одномерным. Пока оба они — он сам и незнакомец в темноте — нащупывали дорогу вдоль одной стены, существовали только два направления: вперед и назад. Как муравьи, ползущие по одной нитке, они должны были встретиться; им не разойтись, разве что один из них повернет назад.

Прежде чем он решился на что-либо, было уже поздно. Шарящая ладонь коснулась его лица и тихий голос просительно произнес:

— Не бейте меня. У меня нет ни кредитки.

Кейт облегченно вздохнул.

— Хорошо, — сказал он. — Я буду стоять спокойно, а вы проходите мимо.

— Да-да, конечно, сэр.

Когда мужчина проходил мимо, Кейт почувствовал мгновенное прикосновение и сильный запах перегара, у него перехватило дыхание. В темноте прозвучал тихий смех.

— Я просто старый космический волк в увольнении, — сказал голос. — К тому же уже выпотрошенный два часа назад. Послушайте, что я вам скажу, сэр. Неподалеку промышляют Люди Ночи... вся банда кружит сейчас где-то возле Таймс-сквер. Лучше бы вам изменить направление.

Мужчина уже миновал Кейта, но еще касался рукава его пиджака.

— Это они вас ограбили? — спросил Кейт.

— Они? Слушай, ты разве не видишь, что я живой? А остался бы я жив после встречи с Людьми Ночи? Ну, скажи-ка сам.

— Верно... я и забыл, — подтвердил Кейт. — Лучше я пойду в другую сторону. Гмм... метро еще работает?

— Метро? Парень, ты что, ищешь приключений покруче?

— А где тут какое-нибудь безопасное место?

— Безопасное? Давно я не слышал такого слова. Что оно означает? — Он пьяно рассмеялся. — Дорогуша, я летал по трассе Марс — Юпитер во времена платиновой лихорадки; тогда, прежде чем задраить люки, по нам читали панихиду. Проклятье, я бы лучше снова оказался там, чем бродить в этом тумане и играть в прятки с Людьми Ночи.

— А откуда вы знаете, что я не один из них? — спросил Кейт.

— Шутишь? Ты вот именно один, а они ходят целой бандой, держась за руки, перекрывая улицу во всю ширину и стуча палками. Дураки мы, что вообще вышли из домов. И ты, и я... оба мы. Не будь я пьяным... Эй, у тебя есть спички?

— Да, целая коробка. Сможете зажечь?

— Нет, меня всего трясет. Это венерианская лихорадка. Можешь ты поднести мне огоньку? Как закурю, скажу тебе, где есть безопасное место, в котором можно укрыться до утра.

Кейт чиркнул спичкой. Внезапная вспышка превратила черный мрак в серые сумерки — на полметра вокруг.

Первое, что увидел Кейт, это отвратительное, исковерканное шрамами, злобное лицо... и поднятую для удара палку. Палка пошла вниз в ту же секунду, как зажглась спичка.

Времени уклониться не было. Только мгновенная реакция спасла Кейту жизнь. Он инстинктивно нырнул под поднятую руку, одновременно ткнув горящей спичкой в мерзкую рожу грабителя. Палка рассекла воздух и лишь предплечье ударило Кейта по голове. Инерция удара выбила оружие из руки грабителя, и палка с глухим стуком упала на тротуар.

Они сцепились в темноте. Сильные руки стиснули шею Кейта, на лице он чувствовал дыхание противника, тот грязно ругался. С трудом редактор выкрутился из захвата, отступил на шаг и ударил, почувствовав, что его кулак угодил во что-то твердое.

Нападавший упал, но сознания не потерял — Кейт по-прежнему слышал сдавленные ругательства. Пользуясь этим шумом, производимым противником, Кейт отступил на три шага в черную пустоту открытого пространства и стал там спокойно, стараясь дышать тихо.

Мужчина тяжело дыша поднялся на ноги. Долгие полминуты его сопение казалось единственным признаком жизни в городе.

И тут послышался новый звук: далекое сухое постукивание сотен тонких тростей. Можно было подумать, что по улице марширует колонна слепых. Звук доносился со стороны Бродвея и Таймс-сквер, оттуда, куда двигался Кейт.

В следующее мгновение он услышал сдавленный вскрик: «Люди Ночи!», а потом быстрый топот — несостоявшийся грабитель бросился наутек. Из густой темноты до Кейта донесся ясный голос, словно тот вдруг протрезвел:

— Беги, парень! Это Люди Ночи!

Шаги его быстро стихли вдали, а стук тростей становился все громче; он приближался необычайно быстро.

Кем были эти Люди Ночи? Людьми? Кейт попытался вспомнить все, что читал или слышал. Как там сказал человек со шрамами? «Они ходят целой бандой, держась за руки, перекрывая улицу во всю ширину и стуча палками!» Люди или нет, это явно организованная банда убийц, бесчинствующая на улицах во время затуманивания; они

идут длинной шеренгой, от стены до стены, держась за руки и постукивая тросточками.

Интересно, тросточки их единственное оружие или есть и что-то другое?

Стук раздавался уже в десятке метров, приближаясь гораздо быстрее, чем может идти в темноте человек. У них явно была какая-то система, позволяющая двигаться так быстро.

Кейт не стал ждать. Повернувшись, он побежал к зданию, пока вытянутая рука не коснулась шершавой стены. После этого он помчался вдоль нее. Забыв о том, что может упасть, он бежал со всех ног. Опасность сзади страшила его больше, чем бег вслепую. Кейту передался страх, который слышался в голосе мужчины со шрамами. Этот человек явно не был трусом, но он знал, кто такие Люди Ночи, и боялся их... очень боялся. Са убийца, он повел себя, как шакал перед стаей львов, едва услышал стук тросточек.

Кейт пробежал тридцать или сорок шагов и остановился, прислушиваясь. Стук остался позади, они приближались не так быстро, как он осмелился бежать. Внезапно с другой стороны — оттуда, куда он бежал — донесся страшный хриплый крик. Кейт был почти убежден, что это голос человека со шрамами. Крик сменился жутким предсмертным стоном, заглушенным стуком тросточек.

Что же случилось с этим человеком? Что могло вызвать смерть, — а Кейт не сомневался, что тот мертв, — в таких муках? Это выглядело так, словно удиравший ото львов шакал стал добычей боа-констриктора. Так мог кричать человек, раздавливаемый змеей.

Волосы у Кейта поднялись дыбом. В эту минуту он отдал бы правую руку за лучик света; и неважно, что бы тот открыл ему. Теперь он понимал, что такое страх, чувствовал, как он сжимает ему горло.

Стук сзади. Короткая пробежка дала ему небольшую фору — теперь стучали метрах в пятнадцати позади. Он мог снова броситься бежать прочь от этого звука. Только вот что таилось во мраке?

Человек со шрамами побежал вдоль стены и что бы его ни постигло, это случилось у дома. Кейт принял вправо и вышел на середину улицы. Потом, повернувшись так, чтобы бежать параллельно тротуару, он припустил от Людей Ночи. Пробежав еще тридцать или сорок шагов, он снова остановился, вслушиваясь в тишину. Да, стук остался позади.

Остался? На мгновение ему показалось, что в непроницаемой темноте он перепутал направление, но потом страшная правда дошла до него: с другой стороны тоже доносился стук.

Два сходящихся ряда — и он между ними. Вот их метод — гнать жертву на линию охотников. Еще недавно он не мог понять, как им удавалось хоть кого-то схватить — ведь стук, сопровождавший их движение, выдавал их и предупреждал потенциальную жертву. Теперь он понял это.

Кейт остановился, сердце его неистово колотилось. Люди Ночи, кем бы они ни были, окружили его. Бежать было некуда.

Он постоял, ища выход, пока стук сзади — более близкий, чем спереди — не приблизился настолько, что стало просто *необходимо* что-то делать. Стоять неподвижно означало погибнуть в течение ближайшей минуты. Бежать вперед или назад означало то же самое, только еще скорее.

Повернув направо, он подбежал к стене здания с южной стороны улицы — противоположной той, на которой смерть настигла человека со шрамами. Кейт не беспокоился о крае тротуара, — он нашел его, когда споткнулся и упал. Поднявшись, он сделал несколько шагов по тротуару, прижался к стене и на долю секунды замер, прислушиваясь. Стук, казалось, и справа, и слева доносился с одинакового расстояния.

Нащупав рукой дверь, он взялся за ручку — не потому, что думал найти ее открытой, просто он должен был ее найти, чтобы открыть изнутри. И ударил кулаком по стеклу рядом с ручкой. Стекла должны были изрезать ему суставы, однако, счастье наконец решило улыбнуться ему: небольшая пластинка стекла целиком ввалилась внутрь, а остальное стекло осталось цело.

Провалившееся внутрь стекло на мгновенье шевельнуло толстую штору, и Кейт увидел проблеск. Он быстро сунул руку в отверстие, нащупал замок, открыл дверь и ввалился в дом.

Яркий свет ослепил его, но он сумел захлопнуть за собой дверь. Тут же чей-то голос приказал:

— Стой или буду стрелять!

Кейт замер, поднял руки и заморгал, пытаясь приучить глаза к свету. Он оказался в холле небольшой гостиницы. В нескольких метрах от него за стойкой стоял по-

бледневший от страха ночной портье, держа в руках самозарядное ружье. Ствол смотрел прямо в грудь Кейту. Портье дышал еще громче редактора.

— Не подходи ни на шаг, — сказал он дрожащим голосом. — Проваливай отсюда! Уходи немедленно! Я не хочу в тебя стрелять, но...

Не двигаясь с места и не опуская рук, Кейт сказал:

— Я не могу. Снаружи Люди Ночи. Если я открою дверь, они ворвутся сюда.

Лицо портье побледнело еще сильнее. Он был слишком испуган, чтобы что-то сказать. В наступившей тишине оба услышали стук.

Портье наконец обрел дар речи, но голос его звучал чуть громче шепота:

— Повернись к стене и придержи штору, чтобы не было видно света.

Кейт шагнул назад и прижался спиной к двери.

Оба молчали. Кейт чувствовал, как пот ручьем течет по его спине. Может, Люди Ночи заметят — или нащупают — дыру в дверях? Может, через нее они всадят ему в спину нож, пулю или что-нибудь еще?

Мурашки побежали по коже, время ползло еле-еле.

Но ничего не случилось.

Какое-то время еще слышен был громкий стук и приглушенные голоса. Кейту показалось, что это голоса людей, но он не был уверен. Наконец все стихло.

Ни Кейт, ни портье не двигались с места и не говорили ни слова по крайней мере еще минуты три. Потом портье заявил Кейту:

— Ну, теперь уходи.

— Они все еще слишком близко, — сказал Кейт так тихо, как только мог, — если я выйду, меня схватят. Я не грабитель, у меня нет оружия, зато есть деньги. Я бы хотел заплатить за выбитое стекло и снять комнату, если у вас найдется свободная. Если все заняты, я заплачу даже за диванчик в холле.

Портье неуверенно смотрел на него, не опуская ружья. Наконец он спросил:

— Что вы делали снаружи?

— Я приехал из Гринвилла, — ответил Кейт, — последним поездом на Центральный Вокзал. Мне сообщили, что мой брат серьезно болен, и я решил рискнуть добраться до дома; это всего пара кварталов отсюда. Я даже не

представлял, что все так плохо. Теперь, когда я это знаю... что ж, лучше пойти домой утром.

Портье долго и внимательно разглядывал его.

— Не опускайте рук, — сказал он наконец.

Положив ружье на стойку, но продолжая держать палец на спуске, он другой рукой вынул из ящика стола пистолет.

— Повернитесь ко мне спиной, я должен убедиться, что у вас нет оружия.

Кейт повернулся и стоял спокойно, пока портье выходил из-за стойки. Он не шевельнулся, когда тот ткнул ему в спину ствол пистолета и быстро провел рукой по карманам.

— Порядок, — сказал портье. — Похоже, вы чисты. Ладно, рискну. В такое время я и собаки не выгнал бы из дома.

Кейт облегченно вздохнул и повернулся. Портье снова стоял за стойкой, но уже не целился в него.

— Сколько я вам должен за стекло? И за комнату, если есть свободная?

— Конечно, есть. Ста кредиток хватит и за то, и за другое. Только сначала помогите мне. И давайте перенесем эту стойку с книгами и газетами и закроем ею дверь. Она такой высоты, что закроет дыру в стекле. Во всяком случае придержит штору, а если та не будет колыхаться, снаружи никто не увидит света.

— Хорошая идея, — сказал Кейт. Он ухватился за один конец стойки, портье взялся за другой, и они придвинули ее к двери, не отрывая от пола.

Внимание Кейта привлекли несколько книг на стойке. Особенно одна, под названием «Стоит ли того затуманивание?» Он решил взять несколько книг с собой в номер и посмотрел на цену — две с половиной кредитки. По-видимому, пересчет одна кредитка за десять центов действовал и в этом случае.

Сто кредиток — десять долларов — за стекло и комнату было довольно умеренной ценой. Похоже, ему повезло. Похоже? Черт возьми, ему и вправду повезло! Он предпочел бы отдать все деньги, что у него оставались — более тысячи кредиток — чем еще раз выйти этой ночью в темноту Сорок Второй стрит.

Это напомнило ему о еще одной загадке. Кейт был уверен, что на южной стороне этой улицы между Шестой и Бродвеем нет никакого отеля. То есть, не было никакого отеля там, откуда Кейт прибыл. А это означало...

Он отогнал эти мысли и, подойдя следом за портье к стойке, вписал себя в книгу. Потом вынул из бумажника сто кредиток и добавил еще пятьдесят.

— Я хочу взять две или три книги со стойки. Сдачу оставьте себе.

Это означало для портье четрехдолларовые чаевые.

— Разумеется, мистер Уинтон, благодарю. Вот вам ключ. Номер триста семь, это на третьем этаже. Вам придется подняться по лестнице и самому найти свой номер. Понимаете, мы закрываемся на закате солнца, поэтому посыльных сейчас нет. Только я слежу за всем.

Кейт кивнул, спрятал ключ в карман и вернулся к стойке с книгами и газетами.

В первую очередь он взял «Стоит ли того затуманивание?» — с ее содержанием обязательно следовало познакомиться.

Кейт бегло просмотрел другие названия. Часть из них были знакомы ему, а часть нет. Наконец, взял «Историю мира» Герберта Дж. Уэллса — из этой книги можно было узнать множество интересных вещей.

Что бы взять еще? На полке стояло много прозы, но сейчас ему требовалось что-нибудь посущественнее. То, что дало бы ему нужную информацию.

Кейт обратил внимание на полдюжины книг о человеке по фамилии Допелле. Где он уже слышал эту фамилию? Ах да, видел ее в «Нью-Йорк Таймс». Это генерал, командующий всем космическим флотом Земли.

«Человек по имени Допелле», «Рассказ о Допелле», «Допелле — герой Космоса». И еще несколько.

Если уж среди немногих документальных книг на стойке оказалось так много изданий о Допелле, о нем стоило узнать. Кейт выбрал «Рассказ о Допелле», и даже не очень удивился, обнаружив, что написал ее Пол Гэлликоу.

Кейт поднял книги, чтобы портье видел, сколько он берет, и направился к лестнице, торопясь уйти, пока не захотелось купить еще книг или журналов, кроме тех, которые у него уже были. Он еще не прочел те, что купил в Гринвилле. Чтива ему хватит на весь остаток ночи, даже если он будет читать по диагонали и до утра не сомкнет глаз. А поспать просто необходимо, какими бы интересными не оказались книги. Поднимаясь на третий этаж, он понял, насколько он устал. Раненая рука болела все сильнее, да и костяшки правой ладони начали ныть — правда,

он не порезал их, но расшиб так, что каждое движение пальцами вызывало мучительную боль.

В слабо освещенном коридоре он нашел свой номер, вошел и включил свет. Комната была приятной и удобной; Кейт с тоской посмотрел на кровать, однако лечь не решился. Сначала нужно изучить книги. Новые сведения могли спасти его завтра от ошибки не менее опасной, чем сегодняшнее решение покинуть Центральный Вокзал. Ему здорово повезло, что все кончилось так хорошо.

Он разделся настолько, чтобы было удобно, и начал читать, сознательно выбрав более жесткий из двух стульев, чтобы меньше клонило в сон. Кейт знал, что если бы лег на кровать, его хватило бы на полчаса, не больше.

Сначала он взял в руки «Стоит ли того затуманивание?» Эту можно пролистать быстро, только чтобы выяснить, что же это такое.

К счастью, история его была довольно хорошо изложена в первой главе. Метод разработал один немецкий профессор в 1934 году, вскоре после уничтожения Чикаго и Рима арктурианскими кораблями. Чикаго — там погибло около девяти миллионов человек, был уничтожен в начале 1933 года, а Рим — через несколько месяцев.

После гибели Чикаго во всех крупных городах ввели обязательное затемнение... правда это не спасло Рим.

Рим, несмотря на полное затемнение, был уничтожен. К счастью, арктурианский корабль — тот, что выпустил снаряды — был перехвачен Допелле и несколько членов экипажа попали в плен.

Благодаря помощи кого-то или чего-то, называемого Мекки (автор книги предполагал, что читатели знают о нем все и не утруждал себя объяснениями), от оставшихся в живых арктурианн узнали, что их корабль обладал детекторами, обнаруживающими неизвестное до сих пор излучение — не световое, а излучаемое электрическими приборами.

Эти детекторы могли обнаружить город, пусть даже свет горел только внутри зданий, потому что стены пропускали так называемые лучи эпсилон, так же как радиоволны.

Одно время казалось, что безопасность Земле может гарантировать только возвращение к свечам и газовым лампам. (Электричеством можно было по-прежнему пользоваться для освещения зданий в течение дня, поскольку солнечный свет нейтрализовал лучи эпсилон, прежде чем они покидали атмосферу).

Однако Допелле заперся в своей лаборатории, занялся этой проблемой и открыл природу лучей эпсилон. Он ежедневно посылал отчеты о своей работе ученым всего мира, которые под его руководством пытались разработать способ нейтрализации этих лучей с такой же надежностью, как это делал солнечный свет.

Этот самый немецкий профессор нашел единственный до сего времени успешный способ: контрэпсилоновый газ, вызывающий затуманивание, которое Большой Совет Земли объявил обязательным для всех городов с населением более ста тысяч человек.

Газ профессора Курта Эббинга обладал удивительными свойствами. Без запаха, безвредный для всех форм растительной и животной жизни, непроницаемый для света и лучей эпсилон, он вырабатывался из древесного угля. Одна фабрика могла в течение нескольких часов произвести его столько, чтобы, смешавшись с воздухом, он полностью накрыл город. А на рассвете солнечные лучи разлагали его за десять-пятнадцать минут.

Со времени введения затуманивания несколько арктурианских кораблей сумели прорвать блокаду, но ни один крупный город Земли не был атакован. Затуманивание выдержало экзамен.

Однако были разрушены более десятка небольших городов. Предполагая, что арктурианские корабли выбирали целью нападения крупнейшие города, обнаруженные их детекторами, можно было сказать, что затуманивание спасло более десятка метрополий. Сравнивая потери в результате уничтожения крупных городов, если бы не было затуманивания, с потерями от гибели более мелких, можно было утверждать, что затуманивание спасло жизни по крайней мере десяти миллионам человек. А если принять во внимание, что среди целей могли оказаться Нью-Йорк или Лондон, цифра эта возрастала десятикратно.

Но у затуманивания была, так сказать, и темная сторона. Силы правопорядка в большинстве городов оказались совершенно беспомощными перед захлестнувшей их волной преступлений. Под прикрытием тумана улицы крупных городов превращались после наступления темноты в ничейную землю. В Нью-Йорке погибли пять тысяч полицейских, прежде чем силы правопорядка — точнее, их остатки — решили отказаться от ночного патрулирования улиц.

Гражданские комитеты самообороны тоже не оправдали надежд.

Ситуацию еще более осложняли ветераны войны в Космосе — у них часто просыпались преступные наклонности; психоз захватил около трети их общего числа.

В большинстве городов — особенно в Париже, Нью-Йорке и Берлине — в конце концов отказались от всяких попыток поддержания порядка по ночам. После наступления темноты власть переходила к гангстерам, а порядочные граждане покидали улицы и запирались по домам. Городской транспорт замирал.

Это может показаться странным, но большинство преступников ограничивали поле своей деятельности открытым пространством. Взломы происходили не чаще, чем до затуманивания. Человек, остававшийся дома и закрывавший окна и двери, рисковал не больше, чем прежде. Сам характер «психоза затуманивания», лежащего в основе большинства преступлений, казалось, требовал, чтобы их совершали под прикрытием густой, непроницаемой темноты...

Орудовали как одиночные преступники, так и целые банды, причем последние были значительно хуже. Такие группы, как Люди Ночи в Нью-Йорке, Кровожадные в Лондоне и Лены в Москве (у Кейта мелькнула мысль, не производное ли это от фамилии Ленин) использовали особые методы и были хорошо организованы.

Каждую ночь в крупных городах гибли сотни людей. Положение было бы еще хуже, если бы не одно счастливое обстоятельство: преступники чаще грабили и убивали друг друга, чем нападали на порядочных граждан, сидевших по домам.

Затуманивание было — как признавал автор — высокой ценой за безопасность от нападения из космоса. Около миллиона людей пали жертвами преступлений, совершенных во время затуманивания, но миллионов десять наверняка спаслись. Благодаря затуманиванию двенадцать атак, совершенных после гибели Чикаго и Рима, уничтожили лишь небольшие города. Стоило ли того затуманивание? Да, отвечал автор, учитывая десять миллионов человеческих жизней, а то и больше.

Кейт содрогнулся и отложил книгу в сторону. Если бы он купил ее в Гринвилле и прочитал в поезде, то не покинул бы Центральный Вокзал. Он бы точно купил лежанку или улегся бы на пол.

Да уж, ночная жизнь на Бродвее была здесь не такой, как там, откуда он прибыл.

Подойдя к окну, он остановился, глядя... нет, не на улицу, а на густую тьму за стеклом. Шторы не были задернуты, впрочем, это имело значение только на первом этаже.

Глядя снаружи, уже на расстоянии метра невозможно было бы увидеть окно. Эта темнота была просто невероятной, Кейт не поверил бы, что такое может быть, если бы не видел воочию.

А что происходило теперь там, внизу, во мраке Сорок Второй стрит, всего в квартале от Таймс-сквер — центра Вселенной?

Кейт задумчиво покачал головой. Сорок Вторая стрит во власти преступников! Пурпурные обитатели Луны, расхаживающие по центру Гринвилла! Генерал Эйзенхауэр — командующий венерианским сектором земного космического флота, ведущего войну с Арктуром!

В какую же безумную Вселенную он попал!

Глава 6

КАПРИЗЫ ШВЕЙНЫХ МАШИН

Что ж, какой бы ни была эта Вселенная, он оказался в ней, и с этим ничего не поделать. И он будет попадать впросак на каждом слове и на каждом шагу, пока не поймет управляющих ею законов.

А это слишком опасно в мире, где без предупреждения стреляют в человека, едва заподозрив в нем арктурианского шпиона, где можно погибнуть, решив прогуляться в темноте от Центрального Вокзала до Таймс-сквер.

Лучше уж отложить сон на потом и почитать еще немного.

Кейт решительно взял в руки карманное издание «Истории мира» Г. Дж. Уэллса. Он слишком устал, чтобы сидеть, и потому решил, что ляжет на постель, а если даже и уснет, то утром почитает до тех пор, пока не отважится выйти из отеля и оказаться лицом к лицу с Нью-Йорком... днем. Каким бы ни оказался этот Нью-Йорк, он все равно будет лучше Нью-Йорка ночью.

Кейт подложил подушку под голову и начал читать Уэллса. Он быстро просмотрел первые главы, читая лишь отдельные фразы, листая по десятку страниц разом.

Несколько месяцев назад перелистывал он эту книгу и

хорошо помнил ее содержание. Это издание ничем не отличалось от того, по крайней мере в начале. Даже иллюстрации были те же самые.

Динозавры, Вавилон, египтяне, греки, Римская Империя, Карл Великий, Средневековье, Возрождение, Колумб и Америка, война с Англией, промышленная революция...

«В космос».

Так называлась одна из последних глав. Кейт перестал листать и начал читать.

1903 год. Профессор Джордж Ярли, американский ученый из Гарварда, сконструировал межзвездный двигатель.

Совершенно случайно!

Он возился со швейной машинкой жены, испорченной и предназначенной на свалку. Профессор пытался переделать ее так, чтобы ремень вращал небольшой генератор его собственной конструкции, который должен был давать ток низкого напряжения и высокой частоты необходимый для какого-то физического опыта.

Все подключив — к счастью, он вспомнил потом, как именно, — ученый несколько раз крутанул колесо... и тут его нога вместо педали ударилась о пол, а сам он едва не свалился со стула.

Швейная машина, педаль... генератор — все исчезло.

Профессор, не без юмора писал Уэллс, был тогда совершенно трезв, однако быстро исправил это упущение. Протрезвев, он отобрал у жены новую швейную машинку и точно скопировал генератор. На этот раз он сознательно повторил ошибочное соединение, нажал на педаль — и новехонькая швейная машинка исчезла.

Профессор еще не знал, что открыл, но догадывался — нечто великое. Он снял деньги со счета и купил еще две швейные машинки: одну для жены, чтобы ей было на чем шить, а вторую переделал точно так, как и две первые.

На сей раз он позаботился о свидетелях, среди которых были ректор и декан. Он не сказал им, чего следует ожидать, просто попросил смотреть на швейную машину.

Они и смотрели, но через секунду смотреть стало не на что.

Ученому пришлось приложить немалые усилия, чтобы убедить кое-кого, что это не фокус, но когда он все же убедил — после исчезновения швейной машинки жены декана — все признали, что он действительно открыл *нечто.*

Его освободили от лекций и выделили средства на дальнейшие исследования. Профессор лишился еще нескольких швейных машинок, после чего перестал ими пользоваться и сосредоточился на сути.

Он установил, что для приведения в движение «ошибочно» смонтированного генератора можно использовать пружинный привод, подключенный особым способом. Если же к генератору подключали электрический двигатель, что-то нарушалось и эксперимент заканчивался неудачей. По ходу дела выяснилось, что не нужен ни ремень, ни маховое колесо, однако челнок необходим и должен быть непременно из ферромагнитного сплава.

Профессор открыл, что для приведения генератора в движение можно использовать что угодно, кроме электричества, он опробовал ножной и пружинный приводы, водяное колесо и даже паровую машину — игрушку сына. Потом пришлось купить ему новую.

В конце концов он редуцировал прибор до относительно простого набора элементов, смонтированных в ящике — это было дешевле швейной машинки — и приводимых в движение пружинным механизмом от заводной игрушки, причем весь аппарат стоил менее пяти долларов, а собрать его можно было за пару часов.

После этого достаточно было завести пружину, толкнуть рычаг и... механизм отправлялся *куда-то*. Куда, каким образом — профессор не имел понятия, однако продолжал экспериментировать.

Потом в газете появилось сообщение о чем-то, что поначалу сочли метеоритом; оно ударило в стену небоскреба в Чикаго. После детального осмотра предмет оказался остатками деревянного ящика и нескольких странно повязанных частей, как электрических, так и механических.

Ярли отправился в Чикаго первым же поездом и на месте опознал свое творение.

Теперь он знал, что аппарат перемещается в пространстве, и мог работать над этим. Никто не засек время удара аппарата в здание, но из косвенных данных вытекало, что прибор перенесся из Гарварда в Чикаго за время, близкое к нулю.

Университет тут же выделил Ярли ассистентов, и группа начала экспериментировать, посылая устройства, снабженные номерами, и ведя точный реестр числа оборотов заводного ключа, ориентировки и времени — с точностью до секунды — исчезновения аппарата.

Кроме того, всему миру было объявлено о предмете исследований и выражалась просьба искать «коробки».

Из нескольких тысяч отправленных аппаратов были найдены два. Заглянув в реестр, профессор узнал кое-что важное. Во-первых, аппарат двигался в направлении оси генератора, во-вторых, отыскалась связь между количеством оборотов ключа и расстоянием, преодоленным аппаратом.

Теперь можно было браться за дело всерьез. К 1904 году он установил, что расстояние, преодоленное машиной, пропорционально кубу числа полных или частичных оборотов заводного ключа, и что время путешествия составляет ровно ноль секунд.

Уменьшая генератор до микроскопических размеров, можно было отправить устройство на относительно короткое расстояние — несколько километров — и нацелить так, чтобы оно приземлялось в определенном месте за городом.

Это могло бы произвести революцию на транспорте, если бы не факт, что машины на финише неизменно подвергались серьезным внешним и внутренним изменениям. Говоря простыми словами, от них мало что оставалось.

В качестве оружия это тоже не годилось: взрывчатые материалы никогда не достигали цели, вероятно, взрывались где-то по дороге, в каком-нибудь надпространстве.

Однако после трех лет опытов ученые смогли свести все данные воедино и даже начали понимать принцип... в той мере, чтобы предсказывать результаты.

Было установлено, что причиной разрушения аппаратов является их внезапная материализация в конечной стадии полета, в воздухе. Воздух — материал весьма солидный и нельзя мгновенно переместить какой-либо его объем за время, не уничтожив при этом предмета, вызывающего перемещение — тот подвергался разрушению не только как целое, но и во всей своей молекулярной структуре.

Стало очевидно, что единственным местом, куда можно посылать устройство, чтобы оно прибывало туда невредимым, может быть, вакуум, Космос. А поскольку дальность полета росла пропорционально кубу оборотов ключа, требовалась не такая большая машина, чтобы достичь Луны и даже других планет. Даже межзвездное путешествие не нуждалось в каком-то большом аппарате, тем более, что совершить его можно было в несколько прыж-

ков, причем каждый отнимал не больше времени, чем нужно было пилоту, чтобы нажать кнопку.

Более того, раз время не играло никакой роли, то не требовалось и рассчитывать траекторию. Достаточно было нацелиться на конечную точку, установить дальность, нажать кнопку — и ты уже на месте, на безопасном расстоянии от планеты и остается только сесть.

Разумеется, первой целью была Луна.

Методику посадки разрабатывали несколько лет. Принципы аэродинамики были еще плохо изучены, хотя два брата по фамилии Райт еще несколько лет назад успешно летали на машине тяжелее воздуха — в том самом году, когда профессор Ярли лишился своей первой швейной машинки. К тому же на Луне воздуха не было.

В конце концов методика была разработана, и в 1910 году первый человек ступил на Луну, а потом вернулся целым и невредимым.

В течение следующего года люди достигли пригодных для заселения планет.

Следующая глава называлась: «Межпланетная война», однако Кейт не сумел ее прочесть: было уже половина четвертого, а день был слишком долгим и богатым событиями. Глаза его закрылись сами собой.

Он даже не разделся, просто вытянул руку, погасил свет и заснул почти в ту же секунду.

Проснулся он почти в полдень и полежал не открывая глаз, думая о своем сумасшедшем сне: о мире космических путешествий, совершаемых благодаря швейной машинке, о войне с Арктуром и затуманивании Нью-Йорка.

Когда он повернулся на бок, рука его разболелась с такой силой, что Кейт открыл глаза и увидел над головой незнакомый потолок. Этот разбудил его мгновенно. Сев на постели, он посмотрел на часы. Одиннадцать сорок пять?! Он на несколько часов опоздал на работу.

Опоздал?

Ничего не понимая, он встал с постели — чужой постели — и подошел к окну. Да, он находился на третьем этаже отеля на Сорок Второй стрит и смотрел на обычное уличное движение внизу. Обычные машины, тротуары, как обычно забитые обычными людьми, носящими обычные одежды. Это был Нью-Йорк, который он знал.

Значит, это все-таки был сон. Только как он оказался на Сорок Второй стрит?

Он постоял, подумал над этим, пытаясь совместить

свое присутствие в отеле со всем остальным. Последним осмысленным воспоминанием было то, как он сидел на скамейке в саду мистера Бордена. Потом...

Мог ли он вернуться в Нью-Йорк каким-то иным способом, чем тот, который помнил... и как-то заместить воспоминания об этом жутким кошмаром? Если так, значит, ему срочно нужно к психиатру.

Неужели он сошел с ума? Похоже на то. И все-таки, *что-то случилось*. Если он отбросит эту невероятную версию, то не сможет объяснить, каким образом вернулся из имения Бордена в Нью-Йорк и как оказался в комнате отеля вместо собственной квартиры в Гринич-Виллидж.

А рука болела всерьез. Кейт тронул ее и ощутил под рубашкой повязку. Где-то он поранился, но наверняка не таким образом, как ему приснилось.

Ну что же, нужно выйти отсюда, пойти домой и... больше он ничего не мог придумать. Сначала надо попасть домой, а уж потом он сообразит, что делать дальше.

Отвернувшись от окна, он подошел к стулу, на котором сложил свои вещи. Взгляд его привлекло карманное издание «Истории мира» Г. Дж. Уэллса.

Руки Кейта слегка тряслись, когда он поднимал книгу и открывал на оглавлении. Кейт быстро взглянул на три последние главы. Они назывались: «В космос», «Межпланетная война» и «Борьба с Арктуром».

Книга выпала у него из рук. Он наклонился, чтобы ее поднять, и увидел другую, частично засунутую под кровать. Эта называлась «Стоит ли того затуманивание?»

Кейт опустился стул и несколько минут пытался собраться с мыслями, примириться с фактом, что это не кошмарный сон, а действительность.

Или необычайно реалистическая иллюзия.

Или он спятил, или все это было на самом деле. Он и вправду бежал от пурпурного чудовища, блуждал в черном тумане, спасался от банды убийц.

Кейт полез в карман брюк и вынул бумажник. Это были кредитки, а не доллары. Более тысячи кредиток.

Он медленно оделся, затем вновь подошел к окну. Это по-прежнему была Сорок Вторая стрит и выглядела она все так же обычно, но теперь это его не обмануло. Кейт вспомнил, какой она была в час ночи, и вздрогнул.

Присмотревшись внимательнее, он увидел отличия, которых прежде не замечал. Большинство магазинов вы-

глядели знакомо, но некоторые были совершенно новые, и Кейт был уверен, что прежде их здесь не было.

Кроме того, вскоре он заметил в толпе красное пятно. Разумеется, это было пурпурное чудовище, оно входило в магазин на другой стороне улицы. И внимания на него обращали не больше, чем на остальных пешеходов.

Кейт вздохнул и начал собираться. Сборы свелись к расталкиванию по карманам «Истории мира», «Рассказа о Допелле» и двух журналов. Он решил не брать с собой «Стоит ли того затуманивание?», потому что выжал из этой книги все, что мог. Оставил он и вчерашний номер «Нью-Йорк Таймс».

Спустившись по лестнице, Кейт пересек холл. За стойкой стоял другой портье, он даже не взглянул на него. Кейт на секунду остановился перед входной дверью, с удивлением глядя на целое стекло. Потом заметил по краям свежую замазку.

Теперь, когда он окончательно проснулся, дал знать о себе голод. Сейчас это было самое важное — ведь он ничего не ел со вчерашнего утра. Двинувшись на восток, он вскоре нашел напротив Публичной Библиотеки небольшой ресторанчик.

Заняв столик, Кейт просмотрел меню. На выбор предлагалась дюжина блюд, названия выглядели знакомо, кроме трех, в конце списка. Эти три были самыми дорогими в меню: марсианский Zot a la Marsielle, жареный Krail в соусе Kapi и galline de luna.

Это последнее, насколько Кейт помнил испанский, означало лунного цыпленка. Он решил когда-нибудь обязательно попробовать все это, но сейчас чувствовал себя слишком голодным, чтобы экспериментировать, и потому заказал гуляш.

Гуляш, кроме прочих достоинств, не требует напряженного внимания. За едой Кейт просмотрел последние главы «Истории мира». Уэллс с горечью писал о межпланетной войне, считая ее вульгарно-захватнической, а Землю — агрессором.

Обитатели Луны и Венеры оказались дружелюбными и годными для эксплуатации... чем земляне и воспользовались. Интеллект высоких пурпурных лунарей был близок к уровню африканского дикаря, вот только лунари вели себя гораздо спокойнее. Они оказались превосходными рабочими и еще лучшими механиками, когда их познакомили с машинами. Наиболее предприимчивые из них откла-

дывали свои заработки и приезжали на Землю, но никогда здесь не оставались: две или три недели — максимальный срок, который они могли провести на Земле без вреда для здоровья. Использование их труда на Земле было законодательно запрещено после того, как тысячи привезенных с Луны рабочих умерли в течение нескольких месяцев. Продолжительность жизни лунарей составляла двадцать лет — на Луне. В других местах — на Земле, Венере, Марсе, Каллисто — ни один не выдерживал больше полугода.

Венериане, хоть и не отставали по интеллекту от землян, были существами совершенно иного склада. Интересующиеся исключительно философией, искусством и абстрактной математикой, они приняли землян с распростертыми объятиями, стремясь обменяться мыслями и взглядами. У них не было городов (домов тоже), они не имели ни машин, ни оружия — словом, не создали цивилизацию.

Очень немногочисленные, они вели кочевой образ жизни; и, если не считать умственной активности, жили примитивно, как животные. Они ничем не мешали людям и предлагали им любую возможную помощь — за исключением физического труда — при колонизации и эксплуатации Венеры. Земляне основали там четыре колонии, в которых проживало около миллиона человек.

А вот с Марсом дело обстояло иначе.

Марсиане почему-то не захотели, чтобы их колонизировали. Как выяснилось, они создали цивилизацию почти равную земной, за исключением межзвездного двигателя — вероятно, потому, что не носили одежды и не придумали швейных машин.

Первых землян на Марсе встретили серьезно и вежливо (марсиане все делали серьезно, у них напрочь отсутствовало чувство юмора) и предложили им вернуться домой и никогда больше не возвращаться. Членов же второй и третьей экспедиции попросту перебили.

Хотя марсиане захватили звездолеты, на которых прилетели земляне, они не потрудились ни использовать их, ни скопировать. Им вовсе не хотелось покидать Марс. В сущности, как писал Уэллс, ни один марсианин никогда не покинул Марса живым, даже во время межпланетной войны.

Несколько марсиан, схваченных живыми и посаженных на земные корабли для демонстрации и изучения,

умерли еще до того, как ракеты вышли за пределы разреженной атмосферы Марса.

Это нежелание или неспособность хотя бы минуту жить за пределами родной планеты распространялось также на марсианские растения и животных. Ни один вид марсианской флоры и фауны не пополнил земных ботанических садов или зоопарков.

Так называемая межпланетная война велась исключительно на поверхности Марса. Это была яростная битва, в ходе которой население Марса уменьшилось в десятки раз. В конце концов, перед лицом полного уничтожения, марсиане капитулировали и согласились на колонизацию своей планеты.

Из всех планет Солнечной системы и их спутников только четыре — Земля, Луна, Венера и Марс — оказались населены разумными формами жизни. На Сатурне процветала удивительная растительная жизнь, а на нескольких спутниках Юпитера кроме растений обнаружили и диких животных.

Человек встретил равного себе противника — агрессивную расу разумных существ, — только выбравшись за пределы Солнечной системы. Арктуриане обладали межзвездным двигателем уже много веков и лишь случайно — ведь галактика невероятно велика — еще не посетили нашу систему. Узнав о нас после встречи у Проксимы Центавра, они решили исправить это упущение.

В данный момент война с Арктуром с точки зрения Земли была оборонительной, хотя использовались все доступные средства нападения. До сих пор ни одна из сторон не добилась решающего преимущества — не позволял уровень средств защиты. Только иногда кораблям одной из сторон удавалось прорываться сквозь защитные кордоны и нанести противнику удар.

Захватив в первой фазе войны несколько арктурианских кораблей, Земля быстро ликвидировала свое техническое отставание.

Ныне, благодаря гению и командованию Допелле Земля добилась незначительного превосходства в некоторых областях, но продолжала вести позиционную войну.

Допелле! Опять эта фамилия. Кейт отложил книгу Уэллса и полез в карман за «Рассказом о Допелле». Тут он осознал, что уже давно закончил есть и нет больше причин сидеть здесь.

Он расплатился и вышел. Лестница, ведущая в

библиотеку на другой стороне улицы, привлекла его — там можно было сесть и читать дальше.

Но, пора было подумать и о работе.

Работал он в Издательствах Бордена — здесь и сейчас — или же нет? Если да, то прогул утра в понедельник можно было бы объяснить. Но не прогул целого дня.

А часы показывали уже второй час.

Может, сначала попытаться получить всю возможную информацию, а уж потом идти на работу? Это показалось ему вполне логичным.

Кейт вошел в табачный магазин на углу. Перед телефонной будкой стояла небольшая очередь. Впрочем, ожидание позволило ему решить загадку, каким образом платили здесь за телефон, если не было монет. Каждый, закончив разговор, подходил к кассе и платил банкнотами сумму, появлявшуюся в окошечке над дверью кабины. После оплаты кассир нажимал кнопку, обнуливая табло.

Вероятно, такое же окошко было и над дверью кабины в аптеке в Гринвилле; Кейт его просто не заметил. А поскольку разговор не состоялся, счетчик показывал ноль.

К счастью, никто из стоявших в очереди не разговаривал долго, и через несколько минут Кейт вошел в будку.

Он набрал номер Издательств Бордена и только тут сообразил, что следовало бы проверить номер по телефонной книге.

Однако в трубке раздался голос, как ему показалось, Марион Блейк, секретаря Издательств.

— Могу я поговорить с мистером Уинтоном? — спросил он. — Мистером Кейтом Уинтоном?

— Нет, сэр. Мистера Уинтона сейчас нет. А кто говорит?

— Это неважно. Я позвоню завтра.

Он торопливо повесил трубку, не дожидаясь новых вопросов. Хотелось верить, что Марион не узнала его голос.

Кейт заплатил в кассу полкредитки и, подумав, пришел к выводу, что мог бы лучше истратить эти деньги. Нужно было спросить, вышел Кейт Уинтон на обед или уехал из города, и знает ли она, где он. Однако было уже слишком поздно — вновь выстаивать очередь не хотелось.

Его вдруг потянуло как можно скорее выйти из магазина и узнать все, каким бы опасным это ни было.

Он быстро прошел несколько кварталов, отделявших

его от здания, в котором Издательства Бордена занимали весь одиннадцатый этаж, поднялся лифтом наверх, глубоко вздохнул и вышел.

Глава 7

КОКТЕЙЛЬ С КАЛЛИСТО

Кейт стоял перед хорошо знакомой дверью. Он всегда ею восхищался. Она была из современных — сплошная стеклянная плита с причудливой хромированной ручкой. Петли были утоплены в стену, а надпись «Объединенные Издательства Бордена» находилась на уровне глаз: небольшая и строгая, металлические буквы вплавлены в толстое стекло.

Кейт осторожно взялся за ручку, стараясь как всегда не оставлять отпечатков пальцев на этой удивительной плите, открыл дверь и вошел.

Тот же барьер красного дерева, те же картины, изображающие сцены охоты, на стенах. И та же пухленькая Марион Блейк, с теми же полными губами и зачесанными наверх темными волосами, сидит за тем же столом. Первый знакомый человек, кого он встретил за... Боже, неужели все это началось только вчера в семь вечера? Ему казалось, будто прошло уже несколько недель. На мгновенье Кейту захотелось перескочить через барьер и расцеловать Марион Блейк.

До сих пор ему встречались знакомые вещи, места, но не люди. Да действительно, адрес в «Поразительных Историях» указывал, что Издательства Бордена по-прежнему находились здесь, занимаясь своим привычным делом, но только теперь он понял, что не очень-то верил в это, пока не увидел Марион Блейк на ее всегдашнем месте.

Знакомый вид редакции, где все выглядело так, как он помнил, заставили Кейта усомниться в реальности последних восемнадцати часов.

Это было невозможно, просто невозможно...

А потом Марион Блейк повернулась, посмотрела на него, и Кейт понял, что женщина его не узнает.

— Да? — нетерпеливо спросила она.

Кейт откашлялся. Шутит она что ли? Не знает его или просто валяет дурака?

Он откашлялся еще раз.

— Мистер Кейт Уинтон на месте? Я хотел бы с ним повидаться.

Это могло сойти за ответную шутку. Если сейчас она ему улыбнется, он сможет ответить ей тем же.

— Мистер Уинтон уже ушел домой, сэр, — сказала она.

— Гмм... а мистер Борден... Он в редакции?

— Нет, сэр.

— А Бет... мисс Хедли?

— Нет, сэр. Почти все работники ушли в час. В этом месяце мы заканчиваем работу именно в час.

— Так... ах, да. — Кейт вовремя остановился, заставив себя не удивляться тому, что наверняка должен был знать. — Я и забыл, — неловко добавил он. Интересно, почему они закрываются в час дня, к тому же именно в этом месяце? — Тогда я приду завтра. Когда я смогу застать мистера Уинтона?

— Около семи.

— Се... — Он вновь с трудом удержался и не переспросил, что она имела в виду — семь утра или семь вечера. Наверняка семь вечера — это почти время затуманивания.

И вдруг он понял! Это было так просто, что он сам удивился, как не сообразил раньше.

Разумеется, в городе, где введено затуманивание, в городе, чьи улицы в темноте становились смертельно опасными, в городе без нормальной ночной жизни и время работы должно было сместиться, чтобы у людей вообще могла быть какая-то личная жизнь.

Все менялось — ведь человек должен был добраться до дома до темноты, причем задолго, если хотел дожить до утра. Рабочий день должен был начинаться в шесть или семь утра — через час после того, как восходящее солнце уничтожит туман — и продолжаться до часа или двух часов дня. Это освобождало людям вторую половину дня — эквивалент вечеров.

Разумеется, все так и было. Кейт недоумевал, почему не догадался обо всем, когда читал книгу о затуманивании.

Новость даже обрадовала его. Все-таки Бродвей был не таким мертвым, как боялся Кейт. Наверняка есть и представления, и развлечения, и концерты, правда — после полудня, а не вечером. А вместо ночных клубов — дневные.

При этом все оказывались в безопасности, дома, скажем, к семи или восьми, и спали до четырех или пяти утра. А поскольку продолжительность дня и ночи менялась в течение года, часы работы варьировались. Вот почему *в этом месяце* работа заканчивалась в час дня. Наверняка это регулировалось постановлениями местных властей, потому что Марион была уверена, что Кейт об этом знает, и удивилась, узнав, что он забыл.

Кейт увидел, что Марион складывает все со стола в ящик и готовится уходить. Она вновь посмотрела на него, словно удивляясь, что он еще здесь.

— Скажите, вас зовут Марион? — спросил он. — Марион Блейк?

Глаза ее широко раскрылись от удивления.

— Да... Но откуда...

— Мне показалось, что я вас помню, хотя поначалу не был уверен, — сказал Кейт. Он лихорадочно пытался вспомнить все, что она о себе говорила: подружки, с которыми встречалась Марион, где она жила и что делала.

— Девушка по имени Эстель... э-э... забыл ее фамилию... познакомила нас на вечеринке... кажется, в Кувинсе. — Он улыбнулся. — В тот вечер я был с Эстель. Разве не забавно, что я не могу вспомнить ее фамилию, а вашу запомнил, хотя мы танцевали всего один раз?

Она поблагодарила Кейта за комплимент.

— Наверное, вы правы, — сказала она, — хотя я ничего такого не помню. Я действительно живу в Кувинсе и хожу там на танцы. И у меня есть подруга, которую зовут Эстель Рэмбо, так что вы не могли все это придумать.

— Я и не ожидал, что вы запомните мое имя, — сказал Кейт. — Это было несколько месяцев назад. Меня зовут Карл Уинстон. Однако на меня вы произвели впечатление, поэтому я до сих пор помню, как вы сказали, что работаете в издательстве. Вот только я забыл, в каком, потому и не ожидал вас здесь увидеть. Помню еще, вы говорили, что пишете... Вы поэтесса, ведь так?

— Я бы не сказала, мистер Уинстон. Просто пишу стихи, вот и все.

— Называй меня по имени, — сказал Кейт, — ведь мы старые знакомые, пусть даже ты меня и не помнишь. Ты уже уходишь?

— Да. Мне нужно было еще закончить два срочных письма. Мистер Борден сказал, что если я сделаю это после часа, то завтра смогу прийти на работу на полчаса

позже. — Она посмотрела на часы над столом и криво усмехнулась. — Похоже, это была ловушка. Письма оказались длинные и отняли у меня почти час.

— Во всяком случае я рад, что ты оказалась здесь, — сказал Кейт. — Выпьешь со мной чего-нибудь?

Она заколебалась.

— Только если быстро. Мне нужно быть в Кувинсе в половине третьего... меня будут ждать.

«Отлично», — подумал Кейт. Его обрадовало, что у нее свидание, поскольку он мог вытянуть у нее все, что хотел узнать за выпивкой, но не собирался тратить на нее всю вторую половину дня.

Они спустились на лифте и Кейт позволил Марион выбрать заведение, оказавшееся баром за углом Мэдисон-авеню. Кейт еще никогда не бывал здесь.

За коктейлем с Каллисто (Кейт заказал то же, что и Марион; пойло оказалось слишком сладким, но в общем сносным) он сказал ей:

— Кажется, я упоминал при нашей первой встрече, что я писатель и пока пишу статьи. А теперь решил попробовать силы в прозе и уже написал несколько вещей.

— О! Потому ты и пришел к нам?

— Да. Я хотел поговорить с мистером Уинтоном или мистером Борденом, а может, с мисс Хедли и узнать, что вам нужно. Сколько страниц и тому подобное.

— Ну, кое-что и я могу тебе сказать. Думаю, у них вполне достаточно вестернов и криминалов. Мисс Хедли ищет рассказы для своего журнала, а кроме того нужны и короткие и длинные вещи для журнала приключений.

— А что с фантастикой? Думаю, она мне удается лучше.

— А, значит ты слышал об этом?

— О чем?

— Что Борден собирается издавать журнал научной фантастики.

Кейт открыл рот — и быстро закрыл, пока не ляпнул какую-нибудь глупость. Нельзя было ничему удивляться. Он глотнул коктейля и задумался. Во всем этом было нечто странное.

Почему Марион сказала, что Борден только *собирается* издавать журнал научной фантастики? Ведь он уже издавал «Поразительные Истории» — экземпляр лежал у Кейта в кармане и на нем был фирменный знак Бордена. Почему Марион не сказала, что Борден собирается издавать *второй* журнал НФ?

Не понимая, в чем тут дело, Кейт осторожно ответил:

— Да, я что-то слышал об этом. Это правда?

— Да. Один номер уже собран и готов к печати. Журнал запустят осенью как ежеквартальник, а если пойдет хорошо, сделают ежемесячником. Для него и вправду нужен материал, пока есть только повести в отрывках и один или два рассказа.

Кейт кивнул и отпил «Каллисто».

— А что ты думаешь о фантастике? — спросил он.

— Думаю, журнал фантастики нужно было запустить уже давно. Это единственная область, в которой мы ничего не издаем.

Кейт полез в задний карман брюк и вытащил свернутый экземпляр «Поразительных Историй» — тот, что купил в Гринвилле и еще не успел прочесть, поскольку в первую очередь занялся «Нью-Йорк Таймс» и книгами.

Он положил журнал на стол, желая посмотреть, как среагирует на него Марион, утверждающая, будто Борден не издает никакой фантастики.

— О, я вижу, ты читаешь наш лучший приключенческий журнал.

«Как же все просто, — подумал Кейт. — Почему я сам не догадался? В мире, для которого межзвездные путешествия, межпланетные войны и пурпурные чудовища с Луны считаются ежедневной рутиной, рассказы о подобных вещах могут быть только *приключенческими*, а не фантастическими.

Но, если подобные вещи относились к приключениям, то что же, черт возьми, считается фантастикой? Он отметил для себя, что при случае нужно купить какой-нибудь журнал НФ. Это может оказаться куда как интересным.

Кейт снова посмотрел на «Поразительные Истории».

— Это хороший журнал, — сказал он. — Я бы хотел писать для него.

— Думаю, мистеру Уинтону нужен материал. Он охотно поговорит с тобой, если ты придешь завтра утром. У тебя есть готовые рассказы?

— Вообще-то, нет. У меня много незавершенного и я бы хотел сначала с ним поговорить, прежде чем идти дальше. Так можно избежать разочарования.

— Ты знаком с мистером Уинтоном? Ваши фамилии очень похожи: Кейт Уинтон — Карл Уинстон. Это может тебе помешать.

— Нет, я никогда не встречался с мистером Уинтоном.

Да, наши фамилии очень похожи — и к тому же у нас одинаковые инициалы. Но как это может помешать?

— Будет похоже на псевдоним. Если произведения Карла Уинстона появятся в журнале Кейта Уинтона, многие решат, что это его собственные рассказы, подписанные слегка измененной фамилией. А он этого наверняка не хочет.

Кейт кивнул.

— Да, теперь я и сам это вижу. Впрочем, это не имеет особого значения, все равно я буду писать беллетристику, придется только изменить фамилию. Статьи я публикую под собственной, кроме тех, что написаны от лица негра, а теперь возьму псевдоним.

Он глотнул тошнотворно сладкого «Каллисто» и решил никогда больше не заказывать его. Потом спросил:

— Кстати, можешь ты рассказать мне побольше об этом Кейте Уинтонс?

— А что ты хочешь знать?

Он неопределенно постриг пальцами.

— Все, что может помочь мне в разговоре с ним. Как выглядит. Что ест на завтрак. Какой он редактор.

— Ну... — Марион Блейк задумчиво нахмурилась. — Он высокий, немного выше тебя и чуть похудее. Брюнет. Носит очки в роговой оправе. Ему около тридцати и выглядит он очень серьезным. — Она вдруг хихикнула. — Кажется, в последнее время он стал еще серьезнее, чем обычно, хотя это неудивительно.

— Почему?

— Похоже, он влюбился, — ответила она.

Кейт заставил себя улыбнуться.

— В тебя?

— О, меня он даже не замечает. Нет, в редактора нашего нового журнала, суперкрасавицу мисс Бетти Хедли. Разумеется, шансов у него никаких.

Кейт хотел спросить, почему, но передумал, услышав это «разумеется». Когда люди говорят «разумеется», это значит, что ты должен знать, почему. Только отчего, коль скоро он сказал, что не знает Кейта Уинтона и не упомянул, что знаком с Бетти Хедли, Марион считала, будто собеседник должен знать, почему у Кейта нет никаких шансов на любовь Бетти? Может, дальше ему удастся что-то узнать, не задавая вопросов.

— Должно быть, ему это неприятно, — сказал он.

— Надо думать, — Марион глубоко вздохнула. — О,

боже, любая девушка в мире отдала бы все свои зубы и правую руку, лишь бы оказаться на месте Бетти Хедли.

Кейт не мог спросить, почему, но мог зондировать дальше.

— А ты?

— Я? Ты шутишь, Карл! Быть невестой величайшего человека в мире? Самого умного, самого красивого, самого романтического, самого... боже ты мой!

— О? — буркнул он и выпил остаток коктейля почти не давясь. Потом жестом подозвал официантку, а когда она подошла, спросил Марион, — Еще один?

— У меня нет времени, — ответила та, поглядев на часы. — Нет, не могу. У меня еще осталось полбокала. Закажи себе, а мне не нужно.

Кейт взглянул на официантку.

— Пожалуйста, один «манхеттен».

— Простите, сэр, но я никогда не слышала такого названия. Это какой-то новый коктейль?

— А «мартини»?

— О да. Голубой или розовый?

Кейт с трудом сдержался.

— Есть у вас просто виски?

— Конечно. Какой-нибудь особой марки?

Он отрицательно покачал головой, не желая больше искушать судьбу. Хотелось верить, что виски не будет ни розовым, ни голубым.

Кейт посмотрел на Марион, прикидывая, как склонить ее к дальнейшему разговору и заставить рассказать, кто является женихом Бетти Хедли. Он явно должен это знать. А может, и знал, или по крайней мере подозревал страшную правду.

Марион подтвердила это безо всяких усилий с его стороны. Взор ее стал мечтательным.

— О боже, — прошептала она. — Допелле!

Это прозвучало почти как молитва.

Глава 8

МЕККИ

«Ну, — подумал Кейт, вот оно — худшее». Впрочем, Бетти была только невестой, а не женой. Может, у него еще был шанс, пусть и совсем небольшой. Марион снова вздохнула и заметила:

— Я думаю, глупо она поступила: согласилась ждать, пока не закончится война. А кто знает, когда она кончится? И настояла, чтобы по-прежнему работать в редакции, хотя у Допелле денег больше, чем ему нужно, и... хотя, не будь у нее никакого занятия, она могла бы спятить, дожидаясь его. Боже, я бы сошла с ума, ожидая Допелле, даже если бы имела чем занять себя.

— Но у тебя есть работа.

— Но нет Допелле.

Марион отхлебнула коктейль и вздохнула так громко, что Кейт испугался, не привлекло бы это внимания.

Официантка подала ему виски, которое оказалось не голубым и не розовым, а золотистым. Более того, уже первый глоток убедил его, что жидкость не только выглядела как виски, но и на вкус не отличалась. Пока Марион цедила остатки своего «Каллисто», Кейт выпил виски и почувствовал себя лучше. Впрочем, не намного.

Марион встала.

— Мне пора, — сказала она. — Спасибо за коктейль, Карл. Ты будешь завтра в издательстве?

— Завтра или послезавтра, — ответил Кейт.

Он уже решил, что нужно идти туда с каким-нибудь материалом. Два или три рассказа, если он сумеет написать их так быстро. Ему казалось, что он знает, как это сделать.

Он проводил Марион до метро и затем направился к библиотеке.

Честно говоря, идти ему туда не хотелось. Он бы с удовольствием вернулся в бар, из которого только что вышел — или зашел в какой-нибудь другой — и там остался. Однако здравый смысл подсказывал, что это имело бы катастрофические последствия. В буквальном смысле. Он и в трезвом виде мог заработать немалые неприятности.

К тому же его только что постигли два сильнейших удара. Во-первых, здесь у него не было работы: тот Кейт Уинтон, что работал у Бордена, не только не был им самим, но даже не походил на своего однофамильца. Возраст совпадал, но и все. Во-вторых, Бетти Хедли не только была помолвлена, но еще и с таким необычайно романтическим типом, что это казалось просто невероятным.

Оказавшись в библиотеке, он поднялся в читальный зал и сел за один из столов. Он не стал заполнять заказа на книги, поскольку принес их с собой больше, чем был

в состоянии прочесть за день. А ведь помимо чтения нужно было еще заняться своим будущим.

Кейт вынул из кармана три издания, которые до сих пор не успел прочесть: по экземпляру «Поразительных Историй» и «Идеальных Любовных Историй», а еще «Рассказ о Допелле», написанный Полом Гэллико.

Нахмурившись, смотрел он на томик карманного формата. Из того что он слышал и читал о Допелле — а это было совсем мало, ведь он находился в этом невероятном мире всего двадцать часов, — выходило, что парень практически правил всей Солнечной Системой, а кроме того, завоевал Бетти Хедли.

Кейт взял книгу в руки, потом отложил ее. Если он начнет, то будет читать до конца, а это потребует больше времени, чем он мог бы сейчас себе позволить.

Поскольку здесь он не был редактором популярного журнала, следовало найти способ зарабатывать на жизнь, и немедленно — денег, оставшихся после истории в Гринвилле, хватит ненадолго. А способ заработать на жизнь, который он придумал, требовал изучения этих двух журналов.

Сначала он открыл «Поразительные Истории» и просмотрел содержание, мысленно сравнивая с содержанием июльского номера, который сам отправил в печать. Все авторы были теми же самыми, сверху донизу. Названия нескольких рассказов совпадали, другие изменились.

Прежде чем читать всерьез, Кейт пролистал журнал, разглядел иллюстрации. В каждой из них он заметил ту же почти неуловимую разницу, которая отличала обложку. Все они были созданы теми же художниками — точнее, художниками с теми же фамилиями и методами работы, — но были живее и динамичнее. Девушки стали гораздо красивее, а чудовища куда ужаснее. Ужасно ужаснее.

Кейт начал читать с самого короткого рассказа, попутно анализируя содержание. Сюжет был тот же самый, однако в деталях он заметил различия. Закончил он чтение слегка удивленный, однако в голове у него родилась одна идея.

Через некоторое время она окончательно сформировалась. Кейт не стал читать остальные рассказы, лишь бегло просмотрел их, не обращая особого внимания на сюжеты и описания героев, сосредоточившись на реалиях быта и деталях фона.

Идея была неплоха. Разница между этими историями и теми, которые он помнил, заключалась в том, что здесь все рассказы имели очень похожий фон и детали. Каждый писатель описывал марсиан и венериан совершенно одинаково. Все космические корабли действовали на одном принципе, о котором он прочел в книге Уэллса. Рассказы о войне в Космосе касались либо войны между Марсом и Землей времен начала колонизации, либо нынешнего конфликта Земли и Арктура.

Марион Блейк была совершенно права, назвав «Поразительные Истории» журналом приключений, а не фантастики. Фон этих историй был реальным для безумной Вселенной, в которой оказался Кейт. Ситуации и детали были подлинными и согласованными.

Так просто и обычно — приключенческие рассказы.

Кейт с треском хлопнул журналом по столу, заработав укоризненный взгляд от библиотекаря.

«Однако, — размышлял он, — здесь должны быть какие-то фантастические журналы, иначе Борден не надумал бы издавать ничего такого. А коль скоро эти рассказы фантастикой не являлись, то что же? Нужно купить какой-нибудь журнал НФ и выяснить это».

Он взял в руки книгу о Допелле и со злостью принялся листать ее. Допелле! Этот человек был ему ненавистен, однако теперь он хотя бы знал, как произносится его фамилия — слышал от Марион. Она произносила ее по-французски — Допел — всего два слога и ударение на втором.

Кейт задумался. Эту книгу — хоть и с огромной неохотой — он прочтет следующей. Но стоит ли браться за нее здесь и сейчас? Посмотрев на большие часы на стене, он решил, что не стоит: до наступления темноты и затуманивания он должен был сделать кое-что поважнее — найти какое-то жилище и способ зарабатывать на жизнь. Нельзя ждать, пока деньги кончатся.

Он вынул бумажник и пересчитал деньги, оставшиеся из двух тысяч кредиток — примерно двухсот долларов, — которые дал ему аптекарь. Осталось чуть больше половины. Если экономить, этого может хватить на неделю. Наверняка не дольше, ведь придется купить кое-что из одежды, туалетные принадлежности и бог знает что еще, поскольку у него вообще ничего нет.

А может, в этой Вселенной он по-прежнему имел шкаф, полный одежды, и уютную двухкомнатную квартиру на Грэшем-стрит в Гринич-Виллидж?

Обдумав такую возможность, Кейт отбросил ее, как совсем уж невероятную. Тот Уинтон, который делал его работу, наверняка занимал и его квартиру. Кейт уже знал, что в этой Вселенной ему не было места. Он должен завоевать себе положение, но это будет нелегко.

Что же это за Вселенная? Как он сюда попал? И почему?

С трудом он отогнал от себя эту мысль. Должно существовать какое-то объяснение, может, есть даже возможность вернуться. Однако самое главное сейчас — выжить, а для этого он должен сосредоточиться и хорошо все спланировать. Как лучше всего потратить свой эквивалент сотни долларов?

Кейт подошел к столу библиотекаря и одолжил у него бумагу и карандаш. Вернувшись на место, он принялся составлять список необходимых вещей. Длина списка ужаснула его.

Впрочем, когда он суммировал приблизительные цены, результат оказался меньше, чем он ожидал. Он мог купить все это кредиток за четыреста, так что на жизнь оставалось еще шестьсот. Если выбрать дешевый отель и питаться в дешевых ресторанах, денег может хватить на десять дней или даже недели на две.

Кейт вышел из библиотеки и направился к табачной лавке, из которой звонил несколько часов назад.

Для начала следовало исключить самое невероятное. Он поискал в телефонной книге Кейта Уинтона — фамилия была в списке, номер и адрес оказались прежними. Войдя в кабину — очереди уже не было, — Кейт набрал номер.

— Кейт Уинтон слушает, — донеслось из трубки.

Кейт спокойно повесил трубку. Одно он выяснил.

Зайдя в ближайший дешевый магазин, он принялся за покупки, памятуя, что нельзя быть слишком привередливым, иначе деньги быстро кончатся. Сначала он купил небольшой чемоданчик, самый дешевый, какой только нашел — двадцать две с половиной кредитки. Потом по списку: носки, носовые платки, бритва, зубные щетки...

Перевязочный материал и антисептик для раны, карандаш, резинка, стопка белой и стопка желтой бумаги... Список казался бесконечным. Когда же он добавил к нему несколько дешевых рубашек, чемодан оказался почти полон.

В прачечной Кейт подождал, пока ему почистят и погладят костюм. Кроме того, он отдал почистить и туфли.

Последней его покупкой, после которой осталось чуть меньше шестисот кредиток, были десятка полтора популярных журналов; их он выбирал очень придирчиво, поскольку они играли в его плане важную роль.

За то время, что Кейт совершал последние покупки, на улице собралась толпа. Когда он вышел из магазина, тротуар был забит, а в квартале или двух звучала громкая овация.

После мгновенного колебания Кейт остановился, прижавшись спиной к стеклу витрины. Он хотел знать, что происходит, но решил, что лучше ему оставаться на месте, чем пытаться пробиться к краю тротуара, тем более что чемодан и пачка журналов под мышкой затрудняли передвижение.

Кто-то или что-то приближалось — овация становилась громче. Кейт заметил, что все движение на улице прекратилось, все машины остановились у тротуаров. Появились двое полицейских на мотоциклах, а за ними машина с водителем в мундире.

На заднем сиденье машины никого не было, но прямо над нею, метрах в трех, двигалось *нечто*.

Это был гладкий металлический шар немного больше футбольного мяча.

По мере того, как он приближался, толпа кричала все громче, клаксоны машин оглушительно ревели.

Наконец Кейт сумел различить слова, скандируемые толпой, и узнал одно из них.

— Мекки, Мекки, Мекки!!!

— Покажи этим чертовым арктурианам, Мекки! — орал кто-то едва не в ухо.

И тут произошло нечто невероятное.

Среди криков толпы Кейт вдруг услышал голос — спокойный, отчетливый голос, шедший, казалось, отовсюду и ниоткуда.

— ИНТЕРЕСНАЯ СИТУАЦИЯ, КЕЙТ УИНТОН. КАК-НИБУДЬ ЗАГЛЯНИ КО МНЕ, И МЫ ВМЕСТЕ ПОДУМАЕМ НАД НЕЙ.

Кейт вздрогнул и огляделся. Никто из окружающих людей не обращал на него внимания, однако резкое движение заставило стоявшего рядом мужчину повернуться к нему.

— Вы слышали? — спросил Кейт.

— Что?

— Что-то о... о каком-то Кейте Уинтоне?

— Ну ты и псих, — ответил мужчина, отвернулся и заорал, что было сил: — Мекки! Виват, Мекки!

Кейт выбрался на свободное место между толпой, рвущейся к краю тротуара, и людьми, стоявшими у стены здания. Он старался не отставать от лимузина и висящего над ним шара. Кейту показалось, что это именно он заговорил с ним.

Если так, то он обратился к нему по имени, и никто другой этого не слышал. Теперь Кейт осознал, что голос вовсе не доносился отовсюду, а прозвучал у него в голове. И голос был совершенно лишен выражения. Какой-то механический. Нечеловеческий.

Неужели он начал сходить с ума?

А может, уже сошел?

Как бы то ни было, Кейт испытывал странную уверенность, что не должен терять шар из виду. *Это он обратился к нему по имени.*

Может, этот шар знал, почему он здесь оказался, что стряслось с миром, который он помнил — с нормальным миром, в котором были мировые, а не межпланетные войны, миром, в котором он был редактором журнала НФ, ставшего здесь журналом приключений и редактируемого человеком, носящим его фамилию, но нисколько на него не похожим.

— Мекки!! — ревела толпа. — Мекки, Мекки!

«Мекки» — видимо, так назывался шар. Может, ему известны ответы на все вопросы. Мекки сказал: КАК-НИБУДЬ ЗАГЛЯНИ КО МНЕ! Если существовало какое-то объяснение, Кейт хотел знать его немедленно.

Он протискивался сквозь толпу, задевая людей своим чемоданом, то и дело нарываясь на злые взгляды и слова. Не обращая на это внимания, Кейт ломился вперед, отставая, конечно, но не слишком.

Вновь послышался голос.

— КЕЙТ УИНТОН, — произнес он, — ОСТАНОВИСЬ. НЕ ХОДИ СЕЙЧАС ЗА МНОЙ, А ТО ТЫ ПОЖАЛЕЕШЬ ОБ ЭТОМ.

Кейт попытался перекричать рев толпы.

— Почему?! — заорал он. — Кто?!.

Тут до него дошло, что люди слышат его, несмотря на оглушительный шум, и начинают посматривать странно.

— НЕ ПРИВЛЕКАЙ К СЕБЕ ВНИМАНИЯ, — сказал голос. — ДА, Я ЧИТАЮ ТВОИ МЫСЛИ. ДА, Я МЕККИ. СДЕЛАЙ, КАК ЗАПЛАНИРОВАЛ, И ПРИХОДИ КО МНЕ ЧЕРЕЗ ТРИ МЕСЯЦА.

JOURNAL
MICKEY
MICKEY
MICKEY
MICKEY

«Почему? — с отчаянием подумал Кейт. — Почему я должен ждать так долго?»

— КРИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НА ФРОНТЕ, — объяснил голос. — СТАВКОЙ ЯВЛЯЕТСЯ ВЫЖИВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ РАСЫ. АРКТУРИАНЕ МОГУТ ПОБЕДИТЬ. У МЕНЯ СЕЙЧАС ПРОСТО НЕТ ДЛЯ ТЕБЯ ВРЕМЕНИ.

— Так что же мне делать?

— ТО, ЧТО ТЫ РЕШИЛ, — сказал голос. — И БУДЬ ОСТОРОЖЕН, ЕЩЕ ОСТОРОЖНЕЕ, ЧЕМ ДО СИХ ПОР. ТЕБЕ ПОСТОЯННО УГРОЖАЕТ ОПАСНОСТЬ.

Кейт лихорадочно пытался сформулировать мысль, которая разом принесла бы ответ на все мучительные вопросы.

— Но что случилось? Где я оказался?

— ПОТОМ, — ответил голос. — ПОТОМ Я ПОПЫТАЮСЬ РЕШИТЬ ТВОЮ ПРОБЛЕМУ. СЕЙЧАС Я НЕ ЗНАЮ ОТВЕТОВ НА ВОПРОСЫ, КОТОРЫЕ ЧИТАЮ В ТВОЕМ МОЗГУ.

— Может, я сошел с ума?

— НЕТ, И НЕ ВЗДУМАЙ ЭТОГО ДЕЛАТЬ. ЭТО РЕАЛЬНОСТЬ, А НЕ ТВОРЕНИЕ ТВОЕГО ВООБРАЖЕНИЯ. ЭТОТ МИР РЕАЛЕН, И ОПАСНОСТЬ, УГРОЖАЮЩАЯ ТЕБЕ, ТОЖЕ РЕАЛЬНА. ЕСЛИ ТЫ ПОГИБНЕШЬ ЗДЕСЬ, ТО УМРЕШЬ НА САМОМ ДЕЛЕ. — Голос на мгновенье умолк, после чего Кейт услышал: — СЕЙЧАС У МЕНЯ НЕТ ДЛЯ ТЕБЯ ВРЕМЕНИ. ПОЖАЛУЙСТА, ПЕРЕСТАНЬ МЕНЯ ПРЕСЛЕДОВАТЬ.

Прежде чем Кейт успел сформулировать очередной вопрос, и прежде чем до него снова донесся оглушительный рев клаксонов и приветственные крики толпы, он ощутил пустоту в голове. То, что установило с ним контакт, теперь ушло. Кейт понял, что спрашивать бессмысленно — ответов все равно не будет.

Повинуясь последнему приказу, он остановился так резко, что кто-то налетел на него и грубо выругался.

Кейт извинился и постоял, глядя поверх голов на шар, уплывающий вдаль... он вот-вот должен был исчезнуть из его жизни.

Чем же он был? И что удерживало его в воздухе? И каким образом он читал мысли?

Но чем бы он ни был, он, похоже, знал, кто такой Кейт и какие проблемы его мучают; он даже обещал, что попытается решить эти проблемы.

Кейт не собирался сдаваться. Ждать три месяца? Да ни за что, если есть хоть ничтожный шанс получить ответ немедленно!

Однако шар был уже в квартале от него. Кейт, обремененный чемоданом и пачкой журналов, не мог угнаться за ним в толпе. Он осмотрелся и увидел, что стоит перед табачной лавкой.

Кейт заскочил внутрь и положил чемодан и журналы на холодильник с напитками, стоявший у входа.

— Я вернусь через минуту! — крикнул он. — Спасибо, что присмотрите.

И прежде чем хозяин успел возразить, выбежал на улицу. Он мог потерять все, что накупил, но догнать шар сейчас казалось ему самым важным.

Теперь он снова мог идти быстро. Проталкиваясь сквозь толпу, Кейт понемногу догонял кортеж.

Они проехали на юг по Третьей авеню, добрались до Тридцать Девятой стрит и вновь повернули на восток. Сразу за углом собралась большая толпа, мотоциклы с машинами поневоле остановились.

Однако шар, висевший над машиной, не остановился, а поплыл дальше и выше над головами толпы. Все выше и выше, до открытого окна на пятом этаже здания по другую сторону улицы.

Из окна выглядывала женщина... это была Бетти Хедли.

Кейт Уинтон достиг угла и больше не пытался пробиться сквозь толпу — отсюда все было видно лучше.

Овация буквально оглушала. Кроме криков в честь Мекки, он слышал приветствия Бетти Хедли и Допелле. Кейт не знал, был ли тот здесь, однако не видел никого, кто выглядел бы величайшим героем этого мира. Все взгляды были устремлены на Мекки или Бетти Хедли, улыбавшуюся из окна. При этом она казалась еще привлекательнее, чем он ее запомнил.

Девушка была одета в костюм, похожий на те, которые носят героини фантастических рассказов, изображенные на обложках журналов: пурпурный лифчик подчеркивал две идеальные полусферы, открытые плечи, живот, а ниже... что ж, Кейт предполагал, что и ниже она во что-то одета, но видеть этого просто не мог.

Шар все поднимался и вскоре оказался рядом с окном, из которого выглядывала Бетти Хедли. Там он и повис в нескольких сантиметрах от ее белой руки. Было непонят-

но, обращен он передней частью (если она у него имелась) к собравшейся внизу толпе или к девушке.

А потом шар заговорил, и после первого же слова Кейт понял, что обращение это адресовано всем собравшимся, а не только ему. Овация не прекращалась; не требовалось тишины, чтобы услышать слова шара — ведь они звучали в мыслях, а не в ушах. Можно было одновременно слушать аплодисменты и выступление Мекки — одно другому не мешало.

— ДРУЗЬЯ, — говорил голос, — СЕЙЧАС Я ОСТАВЛЯЮ ВАС, ЧТОБЫ ПЕРЕДАТЬ СООБЩЕНИЕ ОТ МОЕГО ХОЗЯИНА И СОЗДАТЕЛЯ ДОПЕЛЛЕ ДЛЯ МИСС ХЕДЛИ. САМИ ПОНИМАЕТЕ, ЭТО ЛИЧНОЕ СООБЩЕНИЕ. БЛАГОДАРЮ ВАС ЗА СЕРДЕЧНЫЙ ПРИЕМ И ПЕРЕДАЮ ВАМ ВСЕМ СЛОВА МОЕГО ХОЗЯИНА: «СИТУАЦИЯ ПО-ПРЕЖНЕМУ КРИТИЧЕСКАЯ И МЫ ДОЛЖНЫ ОТДАТЬ ВСЕХ СЕБЯ. МЫ ДОЛЖНЫ ПОБЕДИТЬ, И МЫ ПОБЕДИМ.

— Мекки! — ревела толпа. — Допелле!! Бетти! Победа! Долой Арктур! Мек-ки, Мек-ки, Мекки-и-и!!!!

Бетти Хедли, как заметил Кейт, продолжала улыбаться, хоть и покраснела, смущенная обожанием толпы. Еще раз кивнув, она исчезла в окне. Шар вплыл следом за ней.

Толпа начала расходиться.

Кейт застонал и попытался протолкнуть свою мысль следом за шаром, но понял, что опоздал. Даже если бы шар ее принял, он не обратил бы внимания.

Впрочем, он же предупредил его. Шар знал мысли Кейта, знал, что он испытывает к Бетти, и предупредил, чтобы он туда не ходил. Было заранее известно, как он среагирует, увидев девушку в такой обстановке, и шар пытался защитить его от отчаяния, которое сейчас нахлынуло на него.

Когда Марион Блейк сказала ему, что Бетти помолвлена, он воспринял это без боли... во всяком случае, не так трагично. Пока она не вышла замуж, думал Кейт, у него остается шанс. Он осмелился думать, что мог бы потягаться с этим Допелле.

Но теперь... Какие у него шансы? Сцена, свидетелем которой он был только что, помогла понять, кто таков Допелле, гораздо лучше, чем все, что он о нем слышал или читал. «Мой хозяин и создатель», — так назвал его чудесный шар. Весь Нью-Йорк приветствовал его.

Какие же шансы имел Кейт Уинтон в соревновании с таким человеком?

Глава 9

ИСТОРИЯ ДОПЕЛЛЕ

Угрюмый вернулся он в табачную лавку, где оставил чемодан и журналы. Они по-прежнему лежали на холодильнике. Кейт извинился перед хозяином и купил у него пачку сигарет.

Когда он вышел из магазина, улицы начинали пустеть. Кейт понял, что уже довольно поздно и пора искать ночлег.

Вскоре он нашел дешевый отель на Пятой авеню недалеко от Сороковой стрит, заплатил вперед сто двадцать кредиток, и получил номер на неделю. Оставив чемодан и журналы, он спустился вниз, поел в дешевом мексиканском ресторане, а затем вернулся в номер, чтобы провести долгий вечер за чтением.

Сначала он взялся за один из журналов. Сейчас он убедится, реален ли его план... если это вообще нуждалось в проверке, ведь Мекки ясно сказал ему, чтобы он осуществлял его.

Долгое время Кейт не мог сосредоточиться, мешал образ Бетти: лицо, окаймленное золотистыми волосами, гладкая, как персик, кожа и губы, созданные для поцелуев. Не говоря уже о прекрасном теле, видневшемся в открытом окне и прикрытом, если он ничего не перепутал, только облегающим пурпурным бюстгальтером.

Почему он не послушался совета шара и все-таки пошел дальше? Именно теперь, когда нужна была ясная голова, он ничего не мог с собой поделать.

Долгое время образ Бетти мешал ему заняться текстом. Разбитые надежды делали все задуманное смешным и бессмысленным. Кейт через силу начал читать, невольно заинтересовался и пришел к выводу, что план вполне выполним.

Да, пожалуй, он сможет заработать на жизнь писательским трудом. Пять лет назад, прежде чем начать работать у Бордена, Кейт много писал для газет. Он продал несколько рассказов, но некоторые продать не сумел. Откровенно говоря, тех и других было поровну, что для не слишком плодовитого писателя являлось не таким уж достижением. Кроме того, писал он с трудом, были проблемы с идеями, и приходилось здорово потеть над рассказом.

Поэтому, когда подвернулась должность редактора, он не колебался.

Однако сейчас, после пяти лет работы в издательстве, Кейт считал, что сможет писать лучше, чем раньше. Он уже знал свои ошибки — одной из них была лень. А от этого лекарство найдется.

Кроме того, у него уже были готовые рассказы — те, непроданные, он хорошо их помнил. Кейт не сомневался, что теперь напишет их куда лучше, чем пять лет назад.

Один за другим он просматривал журналы, бегло знакомясь со всеми рассказами и читая некоторые из них. Снаружи стемнело, абсолютный мрак затуманивания накрыл город, но Кейт продолжал читать.

Постепенно он уяснил одно — нельзя, чтобы действие разворачивалось в неизвестном ему сегодняшнем мире. Он наверняка допустит ошибки, мелкие, а может, и крупные, и они его выдадут, покажут, что он не знает реалий повседневной жизни. Рассказы из современности решительно исключались.

К счастью, оставались и иные области. Из «Истории мира» Уэллса он знал, что все различия начались со времен исчезающих швейных машинок в 1903 году. Стало быть, он может чувствовать себя уверенно, если действие будет происходить до 1904 года. Хорошо, что в колледже он занимался историей и превосходно знал реалии восемнадцатого и девятнадцатого веков, особенно американские.

Он с удовлетворением отметил, что популярные журналы помещали много исторических рассказов, гораздо больше, чем подобные издания в мире, из которого он прибыл. Может, потому, что здесь существовала большая разница между сегодняшней жизнью и жизнью времен пионеров. Восемнадцатый и девятнадцатый век часто становился фоном приключенческих рассказов. Исключением из правила были «Поразительные Истории», специализировавшиеся на современных приключениях, происходивших в Космосе. Чтобы поддержать равновесие, Борден издавал и другой журнал, «Романтические Приключения», печатающий исключительно исторические рассказы с преобладанием тематики времен гражданской войны и революции. Этот журнал тоже редактировал Кейт Уинтон.

Даже журналы для поклонников любовных историй, как с удивлением отметил Кейт, содержали множество рассказов о любви на фоне исторических событий. На это

он даже не рассчитывал. Получалось, что он мог работать в трех жанрах сразу.

Одним из них, разумеется, была фантастика. Кейт изучил три журнала НФ и решил, что здесь ему нечего бояться. Они содержали рассказы о приключениях в далеких и неисследованных галактиках, истории из далекого будущего или позабытого мифического прошлого, описания путешествий во времени и огромных возможностей человеческого разума, а также легенды об оборотнях и вампирах, опирающиеся на исторические реалии. Здесь он будет в безопасности.

Около десяти Кейт закончил чтение журналов и до полуночи просидел за небольшим столом с карандашом в руке. Пока он не писал — для этого понадобится машинка, — только делал пометки, вспоминая рассказы, которые когда-то не смог продать.

За короткое время он вспомнил около двадцати таких рассказов, а были еще и другие, которые он непременно вспомнит потом. Из этих двадцати шесть были приключенческими и любовными историями и вполне годились, особенно четыре короткие, которые он мог относительно быстро написать заново. Еще шесть он отобрал, потому что их легко было переделать в исторические или фантастические.

Итак, дюжина рассказов для начала, надо только раздобыть пишущую машинку. Хорошо бы продать побыстрее один или два. Разумеется, он не может бесконечно переделывать старые рассказы, рано или поздно придется начать новые. Однако при своем опыте редактора Кейт считал, что получится и это, если он обеспечит себе хороший старт. А с запасом в дюжину рассказов он должен стартовать совсем неплохо.

Если ему не удастся продать ни одного рассказа, прежде чем кончатся деньги... тогда придется продать монеты, до сих пор лежавшие в кармане. За четверть доллара он получил в Гринвилле две тысячи кредиток... но и вляпался в историю. Больше он рисковать не собирался, разве что будет вынужден. Но и тогда он сначала узнает все о монстах, чтобы избежать возможных ловушек.

Около полуночи Кейту уже захотелось спать сильнее, чем вспоминать неопубликованные рассказы. Однако, он сделал еще не все, что собирался. Взяв «Рассказ о Допелле», написанный Полом Гэллико, Кейт начал читать.

Нужно, наконец, познакомиться с соперником.

В течение следующего часа он убедился, что соперничество было просто невозможно.

Допелле (казалось, у него вообще нет имени) был совершенно невероятной фигурой. Создавалось впечатление, что в нем соединились все достоинства — и ни одного недостатка — Наполеона, Александра Великого, Эдисона, Дон Жуана и Сэра Ланселота. А было ему двадцать семь лет!

История первых семнадцати лет его жизни была довольно коротка. Превосходный ученик, он перепрыгнул несколько классов и с отличием закончил Гарвард в возрасте семнадцати лет, будучи при этом старостой курса и, несмотря на молодость, самым популярным из студентов.

Первые ученики обычно не пользуются популярностью, однако Допелле оказался исключением. Он не был зубрилой, а успехами был обязан способности запоминать все, что услышал или прочитал. Это избавляло его от необходимости зубрить.

Несмотря на изрядную загруженность (он прослушал все возможные курсы). Допелле нашел время стать капитаном непобедимой футбольной команды. Он сам зарабатывал на учебу и, пока учился, стал финансово независим, благодаря шести приключенческим романам, которые написал в свободное время. Они сразу стали бестселлерами и продолжали оставаться ими до сих пор.

Доходы от этих книг (разумеется, все до единой были экранизированы) позволили ему купить космический крейсер и оборудовать лабораторию, в которой он на протяжении двух последних лет учебы сделал несколько важных изобретений в области техники путешествий и космических вооружений.

Вот вам Допелле в возрасте семнадцати лет... тогда еще совсем молодой. Его карьера только начиналась.

Закончив Гарвард, он поступил в Школу Космических Пилотов, вышел из нее лейтенантом и за год или два быстро продвинулся по службе. В двадцать один год он был уже начальником контрразведки и единственным человеком, которому удалось проникнуть в систему Арктура и вернуться. Большая часть информации, полученной землянами об арктурианах, была добыта именно им.

Он был на диво хорошим космопилотом и воином. Раз за разом его эскадра отражала атаки арктуриан, причем Допелле не только командовал сражением, но и принимал в нем активное участие. Учитывая неоценимые научные таланты, командование просило его не лезть в драку; од-

нако он явно был уже не обязан слушать приказы и дрался при каждом удобном случае. Казалось, исключительная удача сопутствует ему — его ярко-красный космический корабль «Мститель» ни разу не был даже задет.

В двадцать три года он стал командующим всеми силами Солнечной системы, но командование казалось наименее важной стороной его деятельности. Стоило миновать очередному кризису, он передавал управление в другие руки и проводил время в разведывательных экспедициях или работал в своей секретной лаборатории на Луне. Именно его работа позволила Земле добиться сперва технического паритета, а потом даже небольшого преимущества над арктурианами.

Список открытий, совершенных в этой лаборатории, был невероятно длинным.

Пожалуй, самым крупным из них было создание искусственного мозга — Мекки. Допелле дал ему мыслительные способности, превосходящие человеческие. Мекки не был человеком (Гэллико утверждал, что хотя Мекки и не имел пола, о нем всегда говорили как о мужчине), но превосходил людей во многом. Он умел читать мысли и общаться с людьми — как отдельными, так и целыми толпами — телепатически. Он мог даже — вблизи — читать мысли арктурианин. Несколько людей-телепатов тоже пытались делать это, но сошли с ума прежде, чем успели осознать свои открытия.

Мекки также мог разрешить — как электронная счетная машина — любую проблему, какой бы сложности она ни была, если ему сообщали все необходимые данные.

Обладал он и способностью к телепортации — мгновенному перемещению в пространстве без космического корабля. Это превращало его в незаменимого эмиссара, позволяя Допелле, где бы он ни был, поддерживать контакт со своим космическим флотом и правительствами Земли.

Под конец Гэллико коротко и трогательно описывал роман между Допелле и Бетти Хедли. Они были помолвлены и любили друг друга, но решили подождать со свадьбой до конца войны.

А пока Бетти Хедли продолжала работать редактором популярнейшего журнала любовных историй, делая то же самое, что и до встречи с Допелле — это произошло во время одной из его тайных миссий, когда он находился в Нью-Йорке инкогнито. Теперь весь мир восхищался этой влюбленной парой, с нетерпением дожидаясь конца войны и свадьбы.

Кейт Уинтон ругнулся и отложил книгу. Было ли что-то безнадежнее его любви к Бетти Хедли?

Однако именно эта безнадежность питала его надежду. Шансы просто не могли быть *такими* ничтожными; где-то должна существовать зацепка.

Был уже второй час, когда он разделся и лег, но сначала еще позвонил портье и попросил разбудить в шесть. Его ждал трудный день — приходилось крутиться, чтобы было на что жить.

Ночью ему — бедняга! — приснился сон о Бетти. О Бетти, одетой примерно так, как он видел ее в открытом окне на Тридцать Седьмой стрит. Девушка убегала по поверхности какой-то жуткой планеты от двенадцатиметрового восемнадцатиногого чудовища, размахивающего зелеными щупальцами метровой длины.

Каким-то непонятным образом, как это часто бывает в снах, именно он, Кейт, был этим зеленым БЕМом, преследующим Бетти. Когда он уже почти настиг ее, его оттолкнул высокий красивый юноша со стальными мышцами, вероятно, Допелле, хотя и здорово похожий на Эррола Флинна.

Допелле схватил зеленое чудовище, которым был Кейт Уинтон, и сказал: «Катись на свой Арктур, шпион!», после чего швырнул его в Космос. Кейт накрылся ногами (всеми восемнадцатью) и рухнул в межпланетную, а затем и межзвездную бездну. Он летел так быстро, что у него звенело в ушах. Звук все нарастал, и вдруг Кейт перестал быть арктурианцем и понял, что это звонит телефон.

Подняв трубку, он услышал:

— Уже шесть, сэр.

Кейт не посмел лечь снова, зная, что непременно заснет, поэтому немного посидел на кровати, вспоминая свой сон. Он был не глупее всего того, что с ним произошло.

Как на самом деле выглядел Допелле? Может, как и во сне, он напоминал Эррола Флинна? А почему бы и нет? Может, Допелле и был Эрролом Флинном. Надо бы проверить, есть ли здесь свой Эррол Флинн.

Он бы нисколько не удивился, если бы такого не было.

Может, это какой-то фильм или книга, в сюжете которого запуталось его псевдосознание? А почему бы и нет? «Допелле, — думал Кейт, — слишком идеален, слишком невероятен, чтобы быть настоящим. Он превосходит даже положительных героев приключенческих романов. Ни один

здравомыслящий редактор, издающий что-либо на уровне, хотя бы немного превосходящем комиксы, не принял бы Допелле в качестве героя».

А коль скоро Вселенная, в которой оказался Кейт, была слишком безумна даже для литературной выдумки, можно ли было относиться к ней серьезно?

Однако, разве этот искусственный мозг, Мекки, во время недолгого контакта с ним не предвидел именно эту мысль?

«...НЕ ВЗДУМАЙ ЭТОГО ДЕЛАТЬ. ЭТО РЕАЛЬНОСТЬ, А НЕ ТВОРЕНИЕ ТВОЕГО ВООБРАЖЕНИЯ. ЭТОТ МИР РЕАЛЕН, И ОПАСНОСТЬ, УГРОЖАЮЩАЯ ТЕБЕ, ТОЖЕ РЕАЛЬНА».

Мекки, как ни трудно было в это поверить, предвидел мысли Кейта. И он был прав: эта Вселенная и ситуация, в которой оказался Кейт, были реальны. Если бы Кейт в этом усомнился, лучшим доказательством стал бы терзавший его голод.

Он оделся и вышел.

В половине седьмого на улицах Нью-Йорка движение было как в десять или одиннадцать в мире, из которого прибыл Кейт. День, сокращенный затуманиванием, заставлял рано вставать.

Кейт купил газету и прочел ее за завтраком.

Главной новостью дня был, разумеется, визит Мекки в Нью-Йорк и встреча, которую ему устроили. Часть первой страницы занимал снимок, изображавший шар, висящий в воздухе перед открытым окном, и Бетти Хедли, перегнувшуюся через подоконник.

Под снимком жирным шрифтом, были напечатаны слова, которые Мекки телепатически передал людям и которые Кейт тоже слышал:

«ДРУЗЬЯ, СЕЙЧАС Я ОСТАВЛЯЮ ВАС, ЧТОБЫ ПЕРЕДАТЬ СООБЩЕНИЕ ОТ МОЕГО ХОЗЯИНА И СОЗДАТЕЛЯ, ДОПЕЛЛЕ, ДЛЯ...»

И далее, слово в слово. Это явно было единственное публичное заявление, сделанное искусственным мозгом. Час спустя он вернулся «куда-то в Космос», как значилось в сообщении.

Кейт бегло просмотрел остальные новости. Не было никакой информации о войне, никаких упоминаний о критическом положении, в котором, по словам Мекки (адресованным только Кейту), оказалось человечество.

Если даже дела шли плохо, это явно скрывалось от об-

щественного мнения. Коль скоро Мекки выдал ему военную тайну, которой, несомненно, являлась такая информация, он сделал это потому, что за время краткого мысленного контакта, прежде чем обратился к Кейту — «ИНТЕРЕСНАЯ СИТУАЦИЯ, КЕЙТ УИНТОН» — понял, что тот не сможет ничего разгласить, даже если бы захотел.

Внимание Кейта привлекла заметка о человеке, оштрафованном на пять тысяч кредиток плюс судебные издержки за обладание монетой. Он внимательно прочел ее, однако не узнал, почему владение монетой считалось незаконным. При первом же удобном случае нужно будет проверить это в публичной библиотеке. Только не сегодня. На сегодня и без того много дел.

Во-первых, нужно обзавестись пишущей машинкой.

Прежде чем покинуть ресторан, он отыскал в объявлениях адрес ближайшей фирмы, занимающейся прокатом пишущих машинок.

Рискнув и воспользовавшись собственными документами на имя Кейта Уинтона, он получил машинку без залога.

Вернувшись в отель, Кейт начал самый напряженный рабочий день в своей жизни. Когда он закончил — к семи вечера усталость заставила его прервать работу, — было готово семь тысяч слов. Один рассказ на четыре и один на три тысячи.

Правда, оба они были повторением уже когда-то написанного, но на сей раз получились лучше. Один был обычной приключенческой историей времен гражданской войны, а второй — рассказом о любви, действие происходило в Канзасе во времена первопоселенцев.

Кейт повалился на кровать, слишком усталый, чтобы позвонить портье и попросить разбудить его утром. Он знал, что проспит не более двенадцати часов, а семь утра было для него достаточно ранним временем.

Впрочем, он проснулся даже раньше, в начале шестого, как раз вовремя, чтобы увидеть, как солнечный свет рассеивает затуманивание. Одеваясь, Кейт зачарованно смотрел на это зрелище.

В шесть он позавтракал и, вернувшись в номер, прочел оба рассказа. Написано было по-настоящему *хорошо*. Недостатком предыдущих вариантов, причиной, по которой он не продал их, была не интрига — сюжет всегда был его сильной стороной. Дело было в стиле, а пять лет редакторской работы многому научили Кейта.

Теперь он уже не сомневался, что сможет заработать на жизнь писательским трудом. Разумеется, когда кончится «запас», он уже не сможет писать по два рассказа в день. Уже два коротких и один длинный в неделю должны прогнать от его порога призрак голода, даже если — как и прежде — проданных и отвергнутых будет поровну. А теперь соотношение должно было измениться в его пользу, потому что рассказы стали лучше. Значительно лучше.

«Еще один, — решил Кейт, — и можно начинать обход». Начнет он, разумеется, с Издательств Бордена и не только потому, что лучше представлял их требования, но и потому, что они быстро и хорошо платили. Часто, если автор срочно нуждался в деньгах, Кейт отправлял чек по почте в течение двадцати четырех часов.

Третьим он выбрал для переделки рассказ НФ примерно на две тысячи слов. Кейт хорошо помнил его содержание и знал, что успеет отстучать его часа за два. Марион Блейк говорила, что Борден ищет фантастические рассказы для своего журнала, так что шансы продать его были просто превосходными.

Этот рассказ не потребовал особых переделок. В нем от лица пещерного человека говорилось о путешествии во времени и о человеке, который попал в доисторическую эру. Начисто лишенный современных реалий, рассказ ничем не грозил Кейту.

Он вновь сел за машинку и закончил работу в десять утра, несмотря на то, что теперь рассказ был немного длиннее первоначального варианта — Кейт добавил в него описаний и подправил настрой, сделав живее и интереснее. Он был чертовски горд собой.

Еще через полчаса он уже улыбался Марион Блейк, сидевшей за барьером красного дерева в секретариате Издательств Бордена.

Марион улыбнулась ему в ответ.

— Ну что, Карл?

— Я принес три рассказа, — гордо сообщил он. — Один хотел бы оставить мисс Хедли для ее журнала. Еще один... кто делает тот новый журнал НФ, о котором ты говорила?

— Пока Кейт Уинтон. Когда он поступит в продажу, возможно, его передадут кому-то другому.

— Хорошо. Я оставлю ему рассказ. А кто занимается «Романтическими Приключениями»?

— Тоже мистер Уинтон. Этот журнал вместе с «Поразительными Историями» — его работа. Думаю, сейчас он

должен быть свободен. Я спрошу, сможет ли он с тобой поговорить. Мисс Хедли сейчас занята, но, может, освободится, когда ты закончишь разговор с мистером Уинтоном. Да, раз уж об этом зашла речь, ты выбрал себе какой-нибудь псевдоним?

Кейт со злостью щелкнул пальцами.

— Черт! Забыл. Пока я подписал все как Карл Уинстон. Посмотрим, что скажет на это мистер Уинтон. Я упомяну об этом и скажу, что не подписывал своей фамилией ничего, кроме статей, так что не буду возражать, если он порекомендует дать мне псевдоним.

Марион вставила штепсель в гнездо коммутатора и что-то сказала в микрофон, но Кейт не расслышал ее слов. Выдернув штепсель, девушка снова улыбнулась ему.

— Он примет тебя, — сказала она. — Я... гмм... я сказала, что ты мой знакомый.

— Большое спасибо, — искренне поблагодарил Кейт.

Он знал, что такие мелочи порой имеют значение. Не то чтобы это могло помочь продать плохой рассказ. Просто его могли рассмотреть быстрее и, если примут, быстрее выплатить гонорар.

Он направился к кабинету Кейта Уинтона, но тут же сообразил, что не должен бы этого делать, ведь Марион еще не сказала ему, куда идти. Впрочем, возвращаться было уже поздно.

Минуту спустя Кейт Уинтон поздоровался с Кейтом Уинтоном сел напротив и сказал:

— Мистер Уинтон, меня зовут Карл Уинстон. Я принес вам несколько рассказов. Конечно, я мог бы отправить их почтой, но подумал, что раз уж я в городе, неплохо бы повидаться с вами лично.

Глава 10

СЛЭЙД ИЗ ВБР

Говоря это, Кейт разглядывал Уинтона. Выглядел тот неплохо, но был сантиметра на два-три выше его и на пару килограммов легче. Волосы его были темнее и чуть сильнее вились. Чертами лица он вообще не походил на Кейта, а кроме того, носил очки в роговой оправе. Кейт никогда не пользовался очками, зрение у него было превосходное.

— Вы живете не в Нью-Йорке? — спросил Уинтон.

— И да и нет, — ответил Кейт. — Я имею в виду, что до сих пор не жил, но теперь хочу здесь остаться. Впрочем, может, еще вернусь в Бостон. Я работал там для одной газеты, этакий вольный стрелок. — Он еще раньше придумал эту сказочку и теперь говорил не задумываясь. — Я взял отпуск, и если смогу устроиться в Нью-Йорке, вероятно, домой уже не вернусь. Я принес два рассказа: один для «Романтических Приключений» и один для фантастического журнала, который, по словам Марион, вы собираетесь издавать.

Он вынул из конверта два из трех рассказов и положил на стол.

— Возможно, я прошу слишком многого, — добавил он, — но я был бы очень признателен, если бы прочли их побыстрее. Мне бы хотелось писать больше подобных вещей, но я не начну, пока не пойму по вашей реакции, что стою на верном пути.

— Хорошо, я не суну их сходу в корзину.

Уинтон взглянул на титульные листы обоих рассказов.

— Три и четыре тысячи слов. Отлично, именно такие мне и нужны. Если тексты на уровне, я найду для них место.

— Превосходно, — сказал Кейт, решив воспользоваться благоприятной ситуацией. — Послезавтра, в пятницу, у меня в этом здании назначена встреча. Вы не возражаете, если я загляну узнать, прочли вы рассказы или нет?

Уинтон слегка нахмурился.

— Не могу обещать наверняка, что управлюсь так быстро, но попытаюсь. Раз уж вы все равно будете здесь, заходите.

— Спасибо, — поблагодарил Кейт.

Хотя редактор ничего не обещал ему, Кейт знал, что его рассказы, скорее всего, будет прочитаны до пятницы. А если один или два будут одобрены, можно будет просить поскорее прислать чек. Придется придумать какую-нибудь историю, чтобы замотивировать срочную потребность в деньгах.

— Кстати, — сказал Кейт, — не знаю, годится ли имя... — Он указал на сходство их фамилий и заметил, что охотно возьмет псевдоним, если мистер Уинтон сочтет это необходимым.

Редактор улыбнулся.

— Это не так важно. Если уж вас зовут Карл Уинстон,

у вас есть полное право подписываться своей фамилией. Я сам вообще не пишу, да и кто обращает внимание на фамилию редактора?

— Другие редакторы, — сказал Кейт.

— А если вы действительно собираетесь писать для журналов, то они убедятся, что Карл Уинстон вовсе не мой псевдоним, когда вы начнете присылать свои тексты. Так что не беспокойтесь, если, конечно, сами не хотите подписываться псевдонимом.

— Ну, — заметил Кейт, — пока мне еще нечего подписывать. — Он встал. — Большое спасибо. Я загляну в пятницу в это же время. До свидания, мистер Уинтон.

Он вернулся к столу Марион Блейк, и та сообщила ему:

— Мисс Хедли уже свободна, думаю, ты сможешь войти, как только я ей позвоню. — Однако она не торопилась вставлять штепсель в гнездо и как-то странно смотрела на Кейта. — Откуда ты знал, какая дверь ведет в кабинет мистера Уинтона?

Он улыбнулся.

— Телепатия.

— Я серьезно. Меня это здорово удивило.

— А если серьезно, то ты взглянула на эту дверь, когда мы впервые упомянули в разговоре мистера Уинтона. Может, ты этого не помнишь, но так оно и было. Я решил тогда, что это его кабинет, а если бы ошибся, ты бы меня остановила.

Девушка улыбнулась ему — *этот* экзамен он сдал отлично, однако в будущем придется внимательнее следить за собой. Такие вот мелкие ошибки могут все испортить.

Марион воткнула штепсель и снова тихо заговорила в микрофон. Потом сообщила:

— Мисс Хедли ждет тебя.

На этот раз Кейт дождался, пока она указала ему нужную дверь. Идя к ней, он чувствовал себя так, словно пробирался сквозь густую патоку.

«Я не должен этого делать, — думал он, мне нужно сходить к психиатру. Надо просто оставить рассказ в секретариате, выслать почтой или отнести в другое издательство».

Он глубоко вздохнул и открыл дверь.

И сразу понял, что лучше бы ему и вправду держаться

подальше. Когда Кейт увидел ее, сидящую за столом и смотрящую на него с профессиональной безличной улыбкой, сердце его сделало двойное сальто.

Невероятно, но и на работе девушка носила одежду, похожую на ту, в которой он видел ее в окне ее квартиры на Тридцать Седьмой стрит. Впрочем, на этот раз лифчик на ней был зеленый; больше из-за стола ничего не было видно.

Вблизи она была еще красивее, чем он помнил. Хотя это, конечно, было глупо...

А так ли уж это глупо? Каким-то чудом он оказался в совершенно иной Вселенной, где уже имелся совершенно иной Кейт Уинтон. Почему бы здесь не быть хоть немного иной Бетти Хедли? Несколько дней назад он не сумел бы представить Бетти Хедли лучше оригинала, однако «эта» была красивее. Одежда, разумеется, выгодно подчеркивала это, но было в ней и что-то еще.

Кейт полюбил ее вдвое сильнее, чем оригинал.

Он смотрел, не отдавая себе в этом отчета, и гадал, в чем же тут разница. Все оставалось точно таким же. Разумеется, у этой Бетти Хедли одежда позволяла видеть больше, но не это было главным.

Различие было таким же неуловимым, как между девушками на обложках журналов там и здесь. Здесь они имели больше... ну, скажем, чего-то.

То же самое случилось и с Бетти — она осталась той же девушкой, только стала вдвое красивее и привлекательнее, и Кейт любил ее вдвое сильнее.

Улыбка медленно исчезла с ее лица, и только когда она спросила: «Да?», Кейт понял, как долго на нее таращился.

Он промямлил:

— Меня зовут Кей... Карл Уинстон, мисс Хедли. Я... гмм...

Видимо, она заметила его смущение и решила помочь ему выпутаться.

— Мисс Блейк говорила, что вы ее знакомый писатель. Садитесь, мистер Уинстон.

— Спасибо, — поблагодарил он, садясь на стул по другую сторону стола. — Я принес рассказ, который...

Дальше он говорил ровно и складно, и поведал ей ту же историю, что и Кейту Уинтону.

Однако думал он при этом совсем о другом.

Вдруг оказалось, что разговор закончен, и Кейт вы-

шел, каким-то чудом не споткнувшись при этом о собственные ноги. Оказавшись за дверью, он решил никогда больше не смотреть на Бетти вблизи. Не потому, что она не стоила его мук... если бы оставался хотя бы один шанс из миллиона. Но шансов не было. И быть не могло.

Кейт так расстроился, что прошел бы мимо Марион Блейк, не заметив ее и не сказав ни слова, если бы она сама не окликнула его:

— Эй, Карл!

Он повернулся и даже сумел улыбнуться.

— Огромное спасибо, Марион, за то, что представила меня, как своего знакомого и...

— О, не стоит благодарности. Это пустяки. Мистер Уинтон оставил для тебя сообщение.

— Да? Ведь я только что говорил с ним.

— Я знаю. Минуту назад он ушел на важную деловую встречу, но сказал, что хотел бы о чем-то спросить тебя, и что вернется к половине первого. Ты можешь позвонить ему между половиной первого и часом, когда мы закрываемся?

— Разумеется. Еще раз большое тебе спасибо. — Он знал, что должен теперь пригласить ее выпить или спросить, не сходит ли она с ним в театр, на танцы или еще куда-нибудь. И сделает это обязательно, если хотя бы один рассказ примут в печать. Пока же тающие финансы не позволяли ему отблагодарить Марион за услугу.

Кейт направился к двери, гадая, о чем хотел поговорить с ним Кейт Уинтон. Он провел в кабинете Бетти Хедли неполные пятнадцать минут, а за это время Уинтон не мог прочесть даже одного рассказа.

Впрочем, что толку гадать? Он позвонит ему в половине первого и узнает, в чем дело.

Когда он подходил и лифту напротив Издательств Бордена, дверь его бесшумно распахнулась, мистер и миссис Борден вышли, и дверь вновь закрылась за ними.

Застигнутый врасплох Кейт поклонился и поздоровался с ними. Оба ответили ему, а Борден пробормотал что-то, как бывает, когда встретишь человека, которого не помнишь.

Пройдя мимо, они вошли в Издательства.

Дожидаясь лифта, Кейт хмурился и ругал себя. Разу-

мется, они ни знали его, и он не должен был им кланяться. Это было не так уж страшно, однако следовало быть осторожнее и избегать даже таких вот мелких ошибок.

В кабинете Бетти он тоже оказался на грани серьезного провала, едва не назвавшись Кейтом Уинтоном вместо Карла Уинстона. Сейчас, когда он об этом думал, ему вспомнился внимательный взгляд Бетти, когда он начал говорить «Кей...». Такой, словно... нет, это невозможно. Кейт отогнал эту мысль.

Но почему Бетти была так одета или, скорее, раздета, даже в издательстве? Кейт не видел, чтобы другие женщины одевались так... а наверняка он бы заметил такие наряды. Еще одна загадка. Как бы узнать ответ, не задавая вопросов?

Столько различий и такое удивительное сходство. Входя в лифт, Кейт подумал, что сходство этой Вселенной может оказаться опаснее, чем различия: знакомые вещи и люди могли вызывать нежелательные реакции; расшаркался же он с Борденами.

Это не имело особого значения, но ведь легко совершить аналогичную ошибку, которая выдаст его как обманщика, каким он вынужден был стать, чтобы выжить. Постоянная угроза серьезной оплошности очень беспокоила Кейта.

Впрочем, он беспокоился бы куда сильнее, если бы знал, что уже совершил ее.

Кейт постоял перед зданием, думая, что делать дальше. Ему не хотелось возвращаться в отель и печатать новые рассказы... пока. Он сделает это вечером, когда все равно придется сидеть в отеле из-за затуманивания. Трех рассказов, пусть и написанных повторно, пусть довольно коротких, вполне достаточно для двух дней работы.

К тому же он знал, что это хорошие рассказы; лучше делать упор на качество, чем заставлять себя работать силком и плодить вздор. Итак, решено: он устроит себе свободный день и сядет за машинку только вечером.

Если сегодня вечером он напишет один рассказ, а утром второй, ему будет что взять на встречу в Издательствах Бордена. Кейту показалось забавным, что он оказался по другую сторону баррикады и сам приносит тексты вместо того, чтобы принимать их у писателей и агентов.

Может, можно подыскать себе агента? Нет, лучше подождать с этим, пока он не заявит о себе двумя-тремя опубликованными рассказами и войдет в дело. Пока он сам мог вести свои дела лучше, чем сделал бы это любой агент.

Он направился в сторону Бродвея и на север, к Таймс Сквер. Потом остановился, глядя на Таймс Билдинг и недоумевая, что же в нем не так. Наконец сообразил, что не горит световое табло, передающее последние новости. Почему?

Может, потому, что строго экономили электроэнергию. А может, потому, что эти как-их-там лучи, испускаемые проводами под напряжением и принимаемые кораблями арктуриан, нейтрализовывались солнечным светом не так полно, как затуманиванием.

Это объясняло бы весьма слабое освещение ресторанов, контор и магазинов. Только теперь Кейт осознал, насколько плохо они были освещены.

Если он не хочет себя выдать, придется обращать внимание на такие мелкие детали. У себя в номере он держал свет включенным почти все время, пока читал или работал. К счастью, никто пока не обратил на это внимания. Однако теперь он переставит стол и стул к окну, а свет будет включать только ночью.

Медленно проходя мимо киоска с газетами, Кейт прочел заголовки:

ФЛОТ УНИЧТОЖАЕТ ФОРПОСТ АРКТУРИАН
КРУПНАЯ ПОБЕДА СИЛ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ

«Это должно меня радовать, — подумал Кейт, — но почему-то не радует». Он не мог ненавидеть арктуриан — он ведь даже не знал, как те выглядят. Война с ними шла настоящая, однако Кейт никак не мог в нее поверить. Ему все время казалось, что это сон, кошмар, от которого он вот-вот очнется; ведь он просыпался здесь уже четыре раза, а война с Арктуром все продолжалась.

Кейт стоял, угрюмо глядя на витрину с нарисованными галстуками. Кто-то коснулся его плеча, и Кейт повернулся, но тут же отскочил, как ошпаренный, едва не разбив витрину. Перед ним стоял высокий, пурпурный лунарь.

— Прошу прощения, — писклявым голосом произнес пурпурный. — У вас есть спички?

Кейту хотелось расхохотаться, однако рука его слегка дрожала, когда он вынимал из кармана коробок, а потом принимал его от лунаря.

— Спасибо, — пискнуло существо и удалилось.

Кейт долго смотрел ему вслед. Несмотря на бугры мышц, лунарь шел как под водой. «Разумеется, из-за силы тяжести, — подумал Кейт. — На Луне это существо могло бы горы ворочать, а на Земле его сковывает тяжесть в несколько раз больше той, к которой он привык. Здесь он имеет всего два с половиной метра росту, а на Луне достигал бы всех трех. Но разве Луна не лишена атмосферы? Видимо, воздух там есть... во всяком случае в этой Вселенной. Лунари должны были дышать, иначе не курили бы сигарет. Ни одно существо не может курить, не дыша».

Внезапно — и только теперь — Кейт осознал еще одно. Он сможет, если захочет, полететь на Луну! На Марс! На Венеру! А почему бы и нет? Раз уж он оказался в мире, где космические полеты стали реальностью, почему бы не воспользоваться этим? Мурашки пробежали у него по спине. За время, проведенное здесь, он как-то не связывал космические полеты с самим собой, но теперь одна мысль об этом заставила его задрожать от возбуждения.

Разумеется, он не мог отправиться немедленно — такое путешествие, наверное, дорого стоит. Ему придется много писать. Но почему бы и нет?

Кроме того, существовала еще одна возможность, когда он ознакомится с правилами игры достаточно хорошо, чтобы рискнуть: монеты. Если выбранная наугад монета в четверть доллара принесла ему две тысячи кредиток, то, может, одна из остальных окажется настолько ценной, чтобы оплатить каникулы на планетах. Кстати, аптекарь из Гринвилла признал, что четвертак стоит больше двух тысяч, вот только у него не было таких денег.

Где-то должен существовать черный рынок монет. Но пока он не узнает побольше, продавать их слишком опасно.

Кейт дошел по Бродвею до Сорок Шестой стрит и тут увидел на часах в витрине, что уже почти половина первого. Зайдя в аптеку, он позвонил Кейту Уинтону.

— Ах да, мистер Уинстон, — сказал тот. — Я хотел

с вами поговорить... попросить кое-что сделать для нас. Вы сказали, что писали много статей?

— Да.

— Я собираюсь ввести в журнал научно-популярный раздел, так что хотел поговорить с вами, не согласитесь ли вы этим заняться. Материал нужен мне через день или два. Интересует это вас? И могли бы вы сделать это в такой короткий срок?

— Если это окажется мне по силам, — ответил Кейт, — я успею. Однако я не уверен... Какая у статьи тема?

— Это довольно трудно объяснить по телефону. Вы свободны сегодня после обеда?

— Да.

— Я как раз собираюсь домой. Может, заглянете ко мне? Выпьем немного и все обсудим.

— Отлично, — сказал Кейт. — Где и когда?

— В четыре часа вас устроит? Я живу в Гринич-Виллидж, Грэшем—триста восемнадцать, квартира шесть. Лучше возьмите такси, если не знаете этого района.

Кейт усмехнулся, но ответил серьезно:

— Думаю, что найду.

Должен найти — он прожил там четыре года.

Положив трубку, он вновь вышел на Бродвей и на сей раз направился на юг. Внимание его привлекла витрина бюро путешествий.

«ОТПУСК НА МАРСЕ И ВЕНЕРЕ, — зазывала реклама. — ОДИН МЕСЯЦ — ПЯТЬ ТЫСЯЧ КРЕДИТОК».

Всего пятьсот зеленых. Чертовски дешево, если он сумеет заработать достаточно, и что-то отложить. Если это поможет не думать о Бетти...

Ему вдруг снова захотелось писать, и он быстро пошел к отелю. У него было три часа до встречи с Кейтом Уинтоном.

Вставив бумагу в машинку, он начал работу над четвертым рассказом, писал почти до последней минуты, а затем вышел и сел в метро.

Интересно, что за статья понадобилась Уинтону так срочно? Кейт надеялся, что сумеет с нею справиться — ведь это означало верные и быстрые деньги. Но если статья окажется на тему, о которой он не имел понятия — например, обучение космопилотов или условия жизни на Луне — придется как-то мотивировать отказ. Разумеется, он не откажется, если будут хоть ка-

кие-то шансы справиться — может, хватит дн, в библиотеке.

Здание выглядело знакомо, равно как «Кейт Уинтон» на почтовом ящике номер шесть в холле. Он нажал кнопку и ждал с рукой на ручке двери, когда щелкнет замок.

Кейт Уинтон — *второй* Кейт Уинтон — стоял в дверях квартиры, глядя на гостя.

— Входите, мистер Уинстон, — сказал он, посторонился и шире открыл дверь. Кейт вошел и остановился, как вкопанный.

Возле книжного шкафа стоял высокий мужчина с серостальными волосами и холодными глазами того же колера. В руке он держал грозный пистолет сорок пятого калибра, ствол смотрел прямо в грудь Кейта.

Кейт медленно поднял руки.

— Обыщите его, мистер Уинтон, — сказал высокий мужчина. — Подойдите сзади. Советую не становиться перед ним. И будьте осторожны.

Кейт ощутил легкое прикосновение ладоней.

Стараясь, чтобы голос не дрожал, он спросил:

— Можно мне узнать, что все это значит?

— Оружия нет, — сказал Уинтон. Он обошел Кейта и стал так, что тот снова мог его видеть. Он смотрел на Кейта с удивлением.

— Пожалуй, я и вправду должен вам кое-что объяснить. А потом вы объясните мне кое-что. Итак, Карл Уинстон — если вас действительно так зовут, — это мистер Джеральд Слэйд из ВБР.

— Приятно познакомиться, мистер Слэйд, — сказал Кейт.

Что могло означать сокращение ВБР? Всемирное Бюро Расследований? Возможно. Кейт посмотрел на хозяина.

— Это все, что вы хотели мне объяснить?

Он лихорадочно думал, где допустил ошибку.

Уинтон посмотрел на Слэйда, затем снова на Кейта и сказал:

— Я... гмм... я подумал, будет лучше, если мистер Слэйд поприсутствует, пока я задам вам несколько вопросов. Сегодня утром в редакции вы передали мне два рассказа. Где вы их взяли?

— Взял? Я их написал. Так значит, вся эта история о статье — ложь?

WIN
WINTON
WINTON

— Да, — угрюмо согласился Уинтон. — Мне показалось, это самый верный способ завлечь вас сюда, не вызывая подозрений. Мистер Слэйд предложил мне это, когда я позвонил ему и рассказал, что вы сделали.

— А позвольте спросить, что же сделал такого?

Уинтон как-то странно посмотрел на него.

— Пока единственное обвинение против вас — плагиат... но настолько необычный, что я решил привлечь к этому делу ВБР и проверить, почему вы решились на такое.

Кейт уставился на него, ничего не понимая.

— Плагиат? — эхом повторил он.

— Те два рассказа, которые вы мне дали, я написал пять или шесть лет назад. Должен признать, что переделали вы их очень умело. Они стали куда лучше оригинала. Только почему вы решили, что сможете продать мне мои собственные рассказы? Это самая невероятная история, с которой я когда-либо сталкивался.

Теперь все казалось очевидным. Почему Кейт Уинтон, живущий здесь, занимающий его рабочее место и квартиру, не мог написать тех же самых рассказов?

Мысленно Кейт проклял себя за то, что не подумал об этом раньше.

Пауза затягивалась. Кейт провел языком по губам... нужно что-то сказать, иначе его молчание сочтут за признание вины.

Глава 11

БЕГСТВО

Кейт Уинтон снова облизнул губы.

— Многие сюжеты похожи, — неуверенно произнес он. — Бывали уже такие случаи...

Уинтон прервал его:

— Дело не в сходстве сюжета, это я мог бы понять. Однако здесь слишком большое сходство деталей. В одном из двух рассказов даже имена обоих главных героев те же самые. Один из этих двух текстов называется так же, как мой рассказ, и в обоих слишком много одинакового. Это не может быть случайностью, Уинстон. Случайностью можно объяснить сходство содержания — даже довольно

большое, — но не идентичность названий и деталей. Нет, это плагиат, и у меня есть оригиналы, которые могут это доказать. — Он указал на шкаф, потом хмуро посмотрел на Кейта. — Я кое-что заподозрил еще до того, как прочел первую страницу. Когда же прочел оба рассказа до конца, то уже не сомневался... но это удивило меня еще больше. Может ли плагиатор быть настолько дерзок, что пытается продать краденые рассказы тому, кто их написал? Где бы вы их ни взяли — кстати, это мне тоже непонятно, — вы должны были знать, что я сразу узнаю свои рассказы. И еще одно... Скажите, Уинстон — ваша настоящая фамилия?

— Разумеется.

— Это тоже забавно. Человек, называющий себя Карлом Уинстоном, предлагает рассказы, написанные человеком, которого зовут Кейт Уинтон. Не могу только понять, почему, — если это фальшивая фамилия, — вы не придумали себе другую, не такую похожую?

Кейт и сам не понимал этого. Единственным извинением ему было то, что следовало придумать ее молниеносно, во время первого разговора с Марион Блейк. Несмотря на это, он должен был придумать что-то получше, хотя бы на всякий случай.

— Есть у вас какие-нибудь документы? — спросил человек с пистолетом.

Кейт медленно покачал головой. Нужно было тянуть время, пока он не сумеет придумать какой-нибудь выход из положения — если это вообще возможно.

— С собой нет ничего, — сказал он. — Однако я могу доказать свою личность. Я живу в отеле «Уитсония». Достаточно позвонить...

Слэйд сухо прервал его:

— Если я туда позвоню, мне, конечно, скажут, что у них живет человек по фамилии Карл Уинстон. Это я и так знаю, звонил туда. Вы указали этот адрес на рукописях, которые оставили у мистера Уинтона. — Он откашлялся. — Это ничего не доказывает, кроме того, что вы пользовались фамилией Уинстон последние несколько дней — с тех пор, как там поселились.

Он щелкнул предохранителем пистолета; глаза его ничего не выражали.

— Не люблю стрелять в людей, но...

Кейт невольно попятился.

— Не понимаю, — сказал он. — С каких это пор пла-

гиат, пусть даже если я в нем и виноват, служит основанием для расстрела?

— Дело не в плагиате, — мрачно ответил Слэйд. — У нас есть приказ стрелять без предупреждения в каждого, в ком мы заподозрим арктурианского шпиона. Один из них крутится где-то здесь, в последний раз его видели в районе Гринвилла. Мы получили приблизительный словесный портрет, и хотя он немного стоит, но вполне подходит и к вам, мистер. А поскольку вы не можете доказать свою личность...

— Подождите, — торопливо сказал Кейт. — Наверняка, есть какое-то простое объяснение всему этому. Должно быть. Будь я шпион, разве совершал бы такие глупости — воровать рассказы, чтобы потом пытаться продать их автору?

— Он прав, Слэйд, — заметил Уинтон. — Именно это больше всего удивляет меня. И мне не нравится идея застрелить его, прежде чем мы все выясним. Позвольте задать ему еще один или два вопроса, а уж потом стреляйте. — Он повернулся к Кейту. — Слушай, Уинстон, сам видишь, тянуть нечего. Это не даст тебе ничего, кроме пули. Если ты арктурианин, Бог знает, зачем ты принес мне эти рассказы. Может, я должен был среагировать иначе... не вызывать ВБР? Однако, если ты не арктурианин, должно быть какое-то объяснение. В твоих интересах выложить его нам.

Кейт снова облизал губы. Одно страшное мгновенье — хотя у него уже родилась некая идея — он не мог вспомнить, куда посылал свои рассказы, когда написал их в первый раз. Наконец, вспомнил.

— Мне кажется, — начал он, — есть только одно объяснение. Вы когда-нибудь посылали эти рассказы в Издательства Гебхарта в Гарден-Сити?

— Гмм... один из них наверняка. А может, и оба. У меня это где-то записано.

— Около пяти лет назад?

— Да, около того.

Кейт глубоко вздохнул и сказал:

— Пять лет назад я был редактором у Гебхарта и, вероятно, читал ваши рассказы. Видимо, они мне понравились и я принял их для печати, однако главный редактор, скорее всего, отверг их. Но подсознательно я, видимо, запомнил эти рассказы... даже те мелкие детали, о которых вы говорите. — Он покачал головой, изображая удивле-

ние. — Если это правда, лучше мне перестать писать. По крайней мере прозу. Когда я недавно написал эти рассказы, то думал, что они оригинальны. Если же я подсознательно использовал произведения, которые читал так давно...

С облегчением отметил он, что Слэйд чуть опустил пистолет. Потом сказал Кейту:

— Вы могли делать заметки с намерением использовать их в будущем.

Кейт покачал головой.

— Если бы я сознательно совершил плагиат, то хотя бы изменил фамилии главных героев.

— По-моему, это логично, Слэйд, — сказал Уинтон. — Подсознание — штука коварная. Я склонен ему поверить. Действительно, делай он это сознательно, так по крайней мере сменил бы фамилии главных героев. И не озаглавил бы так же один из рассказов. И изменил бы больше второстепенных деталей.

Кейт облегченно вздохнул. Худшее миновало, теперь следовало закрепить успех.

— Порвите эти рассказы, мистер Уинтон, — сказал он. — А я разорву копии. Если память играет со мной такие шутки, лучше я вернусь к статьям.

Хозяин как-то странно смотрел на него.

— Забавно, Уинстон, — сказал он, — но эти рассказы — в их теперешнем виде — действительно хороши. А поскольку идея моя, а исполнение ваше, мне чертовски хочется купить их и напечатать. Другими словами, я предлагаю вам соавторство. Мне придется объяснить все Бордену, но...

— Минуточку, — прервал его Слэйд. — Прежде чем вы перейдете к делам, хочу заметить, что я еще не убежден. Точнее, убежден только на девяносто процентов... а этого мало. При десяти процентах сомнений я должен стрелять... и вы оба это знаете.

— Мы можем это проверить, Слэйд, — сказал Уинтон. — Хотя бы частично.

— И я о том же. Я не уберу пистолет, пока мы не проверим его со всех сторон. Для начала закажите разговор с Гарден-Сити и проверьте... нет, там уже несколько часов все закрыто: в этом районе работают по нью-йоркскому времени, хотя затуманивания у них нет.

— У меня есть идея, — сказал Уинтон. — Когда я его

обыскивал, то искал только оружие. Я ничего не нашел, но нащупал бумажник.

Слэйд пристально взглянул на Кейта, пальцы его, сжимавшие рукоять пистолета, снова побелели.

— Бумажник? — медленно произнес он. — И никаких документов?

«В нем есть документы, — подумал Кейт, — вот только не на имя Карла Уинстона. Задумается ли Слэйд хотя бы на секунду перед тем, как нажать на спуск, когда увидит документы, доказывающие, что подозреваемый изображал или намеревался изображать Кейта Уинтона?»

Эти документы спасли ему жизнь в Гринвилле, а в Нью-Йорке они его погубят. Нужно было избавиться от них, как только он перестал пользоваться именем Кейта Уинтона. Теперь он ясно видел цепочку ошибок, она тянулась с его первого визита в редакцию Бордена.

Исправлять их было уже слишком поздно, жить ему оставалось всего несколько секунд.

Агент ВБР не ждал объяснений, почему Кейт не носит в бумажнике документов. Его вопрос был чисто риторическим. Не сводя глаз с Кейта, он обратился к хозяину:

— Станьте за его спиной и вытащите бумажник. И проверьте, что еще у него в карманах. Это его последний шанс.

Уинтон обошел Кейта и стал у него за спиной.

Кейт глубоко вздохнул. Вот оно. Кроме документов он носил с собой изобличающие его монеты, завернутые в банкноты — вероятно, тоже изобличающие, — чтобы не звенели. Он не решился оставить их в номере гостиницы и небольшой сверток по-прежнему лежал в заднем кармане его брюк.

Впрочем, это уже не имело значения — вполне хватит и содержимого бумажника.

Что ж, либо он сейчас умрет, либо... попытается отнять у Слэйда оружие. Героям книг, которые он покупал — там, в нормальной Вселенной, где был редактором, а не арктурианским шпионом — всегда удавалось в таких вот случаях отобрать оружие у противника.

Был ли у него хоть один шанс из тысячи?

Второй Уинтон стоял теперь за его спиной, а сам Кейт смотрел в дуло пистолета. Мысли вихрем проносились у

него в голове, но ни одна из них не подсказывала, как сохранить жизнь. Когда они откроют бумажник и увидят документы...

Все его внимание сосредоточилось на пистолете. Это оружие, насколько он знал, стреляло пулями со стальной оболочкой, прошивающими человеческое тело насквозь. Если Слэйд выстрелит сейчас, он убьет их обоих... обоих Кейтов Уинтонов.

И что тогда будет? Проснется он на ферме Бордена в Гринвилле, в своем нормальном мире? Нет, если верить Мекки. «ЭТО РЕАЛЬНОСТЬ... ОПАСНОСТЬ, УГРОЖАЮЩАЯ ТЕБЕ, ТОЖЕ РЕАЛЬНА. ЕСЛИ ТЫ ПОГИБНЕШЬ ЗДЕСЬ...»

И пусть даже Мекки сам по себе был совершенно невероятен; Кейт знал, что он совершенно прав. Каким-то образом существовали две Вселенные и два Кейта Уинтона... и этот второй мир был не менее реален, чем тот, из которого пришел Кейт. И второй Уинтон был таким же реальным.

Помешает ли агенту ВБР нажать на спуск то, что выстрел, направленный в него, наверняка, убьет и стоящего позади Уинтона?

Может, да, а может, и нет.

Рука редактора протянулась к его карману, и Кейт почувствовал, как Уинтон вынимает бумажник.

Кейт затаил дыхание, а рука продолжала поиски — видимо, хозяин хотел сначала закончить обыск, а уж потом осмотреть найденные предметы.

Кейт перестал гадать и начал действовать.

Стиснув запястье Уинтона, он крутнулся и дернул его так, что редактор оказался между ним и Слэйдом; при этом ладонь Уинтона разорвала ему карман. Взглянув через плечо, Кейт увидел, что агент ВБР шагнул в сторону, и пытается прицелиться — Кейт тоже передвинулся, заслоняясь Уинтоном.

Краем глаза он заметил кулак редактора, и отскочил, пропустив кулак над плечом. Потом наклонился и ударил головой в грудь Уинтона, по-прежнему удерживая его на линии выстрела. Удар, усиленный толчком всего тела, швырнул Уинтона на Слэйда.

Агент повалился на книжный шкаф, зазвенело стекло. Пистолет выстрелил — в замкнутом помещении выстрел прозвучал словно взрыв гранаты.

Держа обеими руками лацканы пиджака Уинтона, Кейт

с размаху пнул ногой, целясь по пистолету. Он промахнулся по оружию, зато попал в запястье Слэйда, и пистолет выпал, с грохотом ударившись о пол.

Кейт еще раз пихнул Уинтона на Слэйда и книжный шкаф, а сам бросился за пистолетом.

Схватив его, он отступил назад, держа обоих на мушке. Кейт тяжело дышал. Теперь, когда все кончилось, руки его тряслись. Оказалось, что и вправду можно отнять оружие у противника, как это описывают в книгах... если тебе нечего терять.

В дверь постучали.

— С вами все в порядке, мистер Уинтон?

Кейт узнал голос миссис Фландерс, из соседней квартиры. Стараясь, чтобы его голос как можно больше напоминал голос хозяина, и надеясь, что толстая дверь не позволит уловить разницу, он ответил:

— Все в порядке, миссис Фландерс. Оружие выстрелило во время чистки, и меня опрокинуло отдачей.

Он стоял тихо, зная, что она будет думать, почему он не открыл дверь. Однако все внимание его привлекали двое мужчин — даже на секунду он не мог отвести взгляд. В глазах Уинтона читалось удивление: хозяин не мог понять, откуда Кейт знает фамилию и как сумел узнать ее по голосу.

Последовала короткая пауза, потом снова раздался голос миссис Фландерс:

— Хорошо, мистер Уинтон. Я только подумала...

Кейт прикинул, не сказать ли ей, что не может открыть дверь, потому что не одет, однако не стал этого делать. Теперь она могла слушать внимательнее и заметить, что его голос не похож на голос известного ей Кейта Уинтона. Кроме того, маловероятно, чтобы кто-то чистил оружие голышом.

Лучше пусть она думает что угодно, а разговор на этом следует закончить. Слышно было, как миссис Фландерс возвращается к себе в квартиру и даже по ритму ее шагов ясно было, что она обо всем этом думает. Почему, де, он не открыл дверь и почему, падая, наделал столько шума?

Вряд ли она сразу вызовет полицию... сперва хорошенько все обмозгует. Однако какой-нибудь другой сосед мог уже позвонить им и сообщить, что слышал звук выстрела. Следовало быстро сделать что-то с Уинтоном и Слэйдом и выбраться отсюда до прибытия полиции.

Это была трудная проблема. Он не мог их попросту застрелить, но не мог и выйти, оставив: они бы тут же бросились за ним в погоню. А вязать слишком долго и слишком рискованно.

Однако надо было выиграть хоть несколько минут, чтобы удрать. Только вот куда? — Кейт тут же отогнал эту мысль. Пока он не мог представить, что будет делать через десять минут.

— Повернитесь, — приказал он, стараясь, чтобы голос его звучал мрачно и грозно, так же мрачно и грозно, как голос Слэйда, когда тот держал в руке оружие.

Когда они повернулись, он подошел ближе, целясь при этом в спину агента ВБР: Слэйд был гораздо опаснее Уинтона. Левой рукой Кейт коснулся кармана пиджака агента и нашел там наручники, как и ожидал. Вынув их, он снова отступил и сказал:

— Так, теперь подойдите к той перегородке. Ты, Уинтон, сунешь под нее руки, а потом вы скуетесь вместе. Только сначала брось мне ключи, Слэйд.

Он следил за каждым их движением, пока не услышал щелчки браслетов.

Затем, пятясь дошел до двери и сунул пистолет в карман пиджака, держа ладонь на рукояти, а большим пальцем поставив оружие на предохранитель. Открывая дверь, еще раз оглянулся на мужчин, хотел сказать им, чтобы не кричали, но передумал. Все равно будут.

Они начали дуэтом почти в ту же секунду, как он вышел. Идя по коридору, Кейт слышал, как открываются двери, но старался не бежать. Вряд ли кто-то попытается его задержать, хотя из нескольких квартир наверняка уже звонили в полицию.

Никто его не задерживал. Он спокойно вышел на улицу и быстро зашагал прочь. Кейт успел отойти уже на два квартала, когда услышал завывание сирен. Вместо того, чтобы ускорить шаг, он пошел медленнее, но на ближайшем перекрестке свернул в боковую улицу.

Мимо пронеслась патрульная машина, но Кейт знал, что пока ему бояться нечего. Зато минут через пять—десять, когда они получат его описание, ситуация резко изменится. Впрочем, к тому времени он должен быть уже на Пятой авеню, к северу от Вашингтон-сквер, и они не смогут найти его в толпе, даже если поедут в ту сторону. А если он еще поймает такси...

Как раз показалось одно свободное, и Кейт хотел было остановить его, но быстро опустил руку и вернулся на тротуар, прежде чем водитель его заметил. При этом он мысленно выругался, вспомнив, что впопыхах забыл забрать свой бумажник.

Он выругался еще раз, когда осознал, что мог воспользоваться ситуацией и пополнить свой запас наличных. Почему он не забрал бумажники у Слэйда и Уинтона? Обычные моральные нормы неприменимы, когда человека травят с приказом стрелять без предупреждения!

Объединенное содержимое всех трех бумажников поставило бы его на ноги, хотя и тогда положение оставалось бы отчаянным. Он не мог даже вернуться в отель за своим жалким имуществом.

Кейт продолжал идти на север и еще прежде, чем добрался до Четырнадцатой стрит, почувствовал себя в относительной безопасности; разыскивающие его патрульные машины даже проезжали мимо; он нарочно не обращал внимания на автомобили, двигавшиеся по Пятой авеню.

Тротуары были по-прежнему полны... пожалуй, даже чуть больше, чем когда он вышел. Возможно, потому, что он приближался к центру, хотя Кейт подозревал иную причину.

Он заметил перемену в том, как люди ходили по улицам. Никто не прохаживался, все шли быстро, словно куда-то спешили. Подсознательно он подлаживался под них, чтобы не выделяться. Всех одолела удивительная торопливость.

И вдруг Кейт понял. Темнело, и люди спешили, чтобы добраться домой до наступления ночи.

И затуманивания.

Глава 12

ДЕВУШКА КОСМОСА

Люди торопливо расходились по домам, чтобы, закрыв двери и окна своих квартир, оставить улицу темноте и убийцам.

Впервые с момента бегства из квартиры Уинтона Кейт всерьез задумался, куда ему податься.

Если бы у него хватило ума не писать свой адрес на

рукописях, оставленных в редакции, его бы не ждали в отеле. А он еще заплатил за неделю вперед!

Похоже, придется все-таки продать монеты. Если бы не позднее время, он мог бы пойти в библиотеку и попытаться узнать о них что-нибудь. Почему он не сделал этого, когда был в библиотеке прошлый раз? Почему, если уж о том зашла речь, не сделал множества других вещей?

Кроме продажи монет, в голову ему пришла еще одна идея. Если бы только он мог связаться с Мекки! Мекки читал мысли и мог бы поручиться за него, мог бы убедить защитников закона и порядка, что Кейт — кем бы он ни был — вовсе не арктурианский шпион.

Если бы он мог попросить Мекки, тот наверняка не отказался бы ему помочь.

Кейт все еще шагал, сам не зная куда, и вдруг понял, куда надо идти. Он ускорил шаги.

Когда он добрался до дома на Тридцать Седьмой стрит, уже почти стемнело, и редкие прохожие почти бежали, чтобы успеть домой до затуманивания.

Швейцар уже тянул руку к замку внутренней двери, когда Кейт толкнул ее и вошел. Тот быстро потянулся к заднему карману брюк, но оружия не достал, а лишь спросил подозрительно:

— Вы к кому?

— К мисс Хедли, — ответил Кейт. — Я на одну минуту.

— Ладно... — Швейцар подвинулся, пропуская Кейта. Тот направился к двери, похожей на дверь лифта, но его остановил швейцар:

— Вам придется подняться пешком. Лифт уже отключили. И поспешите, если хотите, чтобы я рискнул и выпустил вас наружу.

Кейт кивнул и побежал по ступеням так быстро, что на площадке пятого этажа был вынужден остановиться и отдышаться, иначе не сумел бы произнести ни слова.

Наконец он нажал кнопку звонка. За дверью послышались шаги и голос Бетти Хедли спросил:

— Кто там?

— Карл Уинстон, мисс Хедли. Простите за беспокойство, но это очень важно... вопрос жизни и смерти.

Дверь приоткрылась на длину цепочки и в щели показалось лицо Бетти. Девушка смотрела на него испуганно.

— Мисс Хедли, я знаю, что уже страшно поздно, — сказал Кейт, — но мне нужно немедленно связаться с Мекки. Это очень важно! Не могли бы вы это устроить?

Дверь начала закрываться, и на секунду Кейт решил было, что Бетти собирается захлопнуть ее у него перед носом, но потом услышал лязг и понял, что девушка снимает цепочку. Щелкнул замок, дверь открылась.

— Входите, мистер Уинтон, — сказала Бетти.

Поначалу он не обратил внимания, что девушка назвала его настоящую фамилию. На ней был тот же наряд, что и утром в редакции, зеленые шорты дополняли зеленый лифчик. Это были очень короткие шорты, они сидели на ней как влитые. Еще сапожки из зеленой же кожи, доходившие до середины голеней. Между сапожками и шортами — золотистый загар; бедра стройные, колени — с умопомрачительными ямочками.

Девушка отступила назад, и Кейт вошел в комнату, едва осмеливаясь дышать. Он закрыл за собой дверь и стоял, прислонившись к ней, глядя на Бетти и не веря своим глазам.

Шторы уже задернули, и в комнате царил полумрак. Единственный свет был от пары свечей, подсвечник стоял за спиной Бетти. Лицо ее скрывалось в тени, но зато мягкий свет превратил ее волосы в золотистый ореол и подчеркнул контуры гибкого тела. Никакой художник не сумел бы придумать для нее ничего лучше.

— У вас неприятности, мистер Уинтон? — спросила Бетти. — Они узнали... о вас?

Кейта удивила легкая хрипотца в ее голосе.

— Откуда... откуда вы знаете мою фамилию?

— От Мекки.

— О! И что он вам сказал?

Вместо ответа девушка спросила:

— Вы никому не говорили о Мекки? Никто не догадается, что вы пришли сюда?

— Нет.

Она кивнула и повернулась; только теперь Кейт заметил, что в глубине коридора стоит чернокожая горничная.

— Все в порядке, Делла, — сказала Бетти. — Ты можешь идти к себе.

— Но, мисс...

— Все в порядке, Делла.

Горничная тихо закрыла за собой дверь, и Бетти снова повернулась к Кейту.

Он шагнул было к ней, но неимоверным усилием воли заставил себя остановиться. Потом спросил:

— Вы не помните?.. Ничего не понимаю... *Которая* вы Бетти Хедли? Даже если Мекки сказал вам... откуда вы можете знать?..

Даже ему самому собственные слова казались туманными и непонятными.

Довольно холодно и вместе с тем по-дружески, она сказала:

— Садитесь, мистер Уинтон. Я буду называть вас так в отличие от того Кейта Уинтона, которого знаю. Что случилось? Это Кейт вас расшифровал?

Кейт угрюмо кивнул.

— Да. Рассказы, которые я ему принес, оказались его собственными. Я даже не пытался объяснять, что они и мои тоже. Все равно он ничего бы не понял, я и сам плохо понимаю, хотя это и правда. Меня бы застрелили, прежде чем я добрался до середины своей истории.

— А как вы можете это объяснить?

— Никак. А вы? Мекки что-нибудь говорил вам?

— Он тоже ничего толком не знает. Так что с этими рассказами? Что вы имели в виду, будто их написали и вы, и он?

— Это выглядит примерно так: во Вселенной, из которой меня принесло, я являюсь... был Кейтом Уинтоном. А здесь Кейт Уинтон — это он. Наши биографии сходны в общих чертах... до прошлой недели. Что касается моих рассказов... Порвите тот, который я оставил вам сегодня утром. Фактически это плагиат. Теперь о Мекки. Мне обязательно нужно с ним поговорить. Есть какая-то возможность связаться с ним?

Девушка покачала головой.

— Нет. Мекки сейчас вместе с флотом. Арктуриане... — Она умолкла.

— Арктуриане собираются атаковать, — сказал Кейт. — Мекки говорил мне, что положение критическое. И что арктуриане могут победить. — Он с горечью рассмеялся. — Но меня это как-то не волнует. Я не могу поверить в это настолько, чтобы взволноваться. Мне кажется, я не верю ничему, что вижу здесь, за исключением... Нет, я не верю даже в вас... в этой одежде. Что это такое? Вы все время носите ее?

— Разумеется.

— Почему? Ведь другие женщины...

Она удивленно посмотрела на него.

— Конечно, это носят не все, а только Девушки Космоса.

— Девушки Космоса?

— Ну да. Девушки, которые работают или работали на космических кораблях. Или невесты космонавтов. Став невестой Допелле, я получила право носить этот наряд, даже если бы ни разу не была в космосе.

— Но почему?.. — он совсем запутался. — Я хочу сказать... разве на космических кораблях так жарко, что необходим... такой наряд?

— Не понимаю, о чем вы. Разумеется, на кораблях вовсе не жарко. Обычно мы носим пластиковые комбинезоны с подогревом.

— Из прозрачного пластика?

— Естественно. Куда вы клоните, мистер Уинтон?

Он нервно провел рукой по волосам.

— Я бы и сам хотел знать. Эти наряды... Прозрачный пластик... Как на обложках «Поразительных Историй».

— Разумеется. А как иначе Девушки Космоса могли оказаться на обложках «Поразительных Историй», если бы не носили таких нарядов?

Кейт попытался найти на это какой-нибудь ответ и не смог.

Кроме того, он мог провести здесь всего несколько минут, а узнать нужно было очень много разного. Это в ближайшие двадцать четыре часа может решить буквально все.

Кейт решительно посмотрел на ее костюм, а не на то, чего он не закрывал. Это помогло, но не очень.

— Что Мекки рассказал вам обо мне? — спросил он.

Это была безопасная тема; кроме того, он должен был это знать.

— Он и сам немного знает, — ответила Бетти. — Ему не хватило времени глубже изучить ваш разум. Однако он узнал, что вы действительно прибыли... не отсюда. Мекки не знает, откуда и как вы сюда попали. Он сказал, что если бы вы попытались кому-то это объяснить, вас мигом сочли бы сумасшедшим, хотя это далеко не так. В этом он не сомневался. Он знал, что там, откуда явились, вы называли себя Кейтом Уинтоном и были редактором — хоть вы и не похожи на здешнего Кейта Уинтона, — и оказались достаточно хитры, чтобы придумать себе другую фамилию.

— Но не настолько, — добавил Кейт, — чтобы взять

совершенно непохожую. И не настолько, чтобы не пытаться продать Кейту Уинтону его собственные рассказы. Однако продолжайте.

— Он сказал, что здесь вы в опасности, потому что не знаете нашего мира. Сказал, что вас застрелят, приняв за шпиона, если вы будете неосторожны. Еще он сказал, что предупредил вас.

Кейт чуть подался вперед.

— Кто такой этот Мекки? Это действительно всего лишь машина, робот? Или же... Допелле поместил в шар настоящий мозг?

— Это машина, а не настоящий мозг в том смысле, какой вы имеете в виду. Но каким-то образом Мекки стал бóльшим, чем машина. Даже Допелле не знает, как ему это удалось, но у Мекки есть чувства. Даже чувство юмора.

Кейт отметил благоговение, с каким она произносила фамилию Допелле, и то, как она сказала «даже Допелле не знает». «Черт возьми, — подумал он, — она держит его за Бога».

На секунду он зажмурился, а когда снова открыл глаза, не стал смотреть на Бетти. Впрочем, из-за этого он думал о ней еще больше и почти не слышал, что она говорит ему, пока не понял, что девушка о чем-то спрашивает.

— Что я могу сделать? Мекки сказал мне: возможно, что вы обратитесь ко мне за помощью, если окажетесь в безнадежной ситуации. Еще он сказал, что я должна вам помочь, если в этом не будет для меня никакого риска.

— Я бы этого не допустил, — сказал Кейт. — Я не пришел бы сюда, если бы за мной следили, или если бы предполагал, что кто-то может вас заподозрить. Но мне надо узнать, как связаться с Мекки. Моя маскировка расползлась по швам, и у меня нет никаких правдоподобных ответов на вопросы, которые может задать мне полиция... если они дадут себе труд задать их. Я надеялся, Мекки сумеет сделать что-нибудь.

— Связаться с ним нет никакой возможности... разве что вы найдете флот.

— А где он находится?

Девушка поколебалась, но потом сказала:

— Думаю, вам можно сказать. Это известно немногим. Флот находится возле Сатурна, однако вам туда не до-

браться. Придется подождать возвращения Мекки. У вас есть деньги?

— Нет, но... Кстати, могли бы вы объяснить мне еще кое-что? Я узнал бы это завтра в библиотеке, но если вы расскажете, это сэкономит мне время. Что тут у вас произошло с монетами?

— С монетами? Их в ходу нет с тысяча девятьсот тридцать пятого года. Все монеты изъяли из обращения во время перехода с долларов и центов на кредитки.

— Почему?

— Почему перешли на кредитки? Чтобы ввести всемирную денежную систему. Все страны сделали это одновременно, чтобы военные расходы...

— Я не о том, — перебил ее Кейт. — Я хочу знать, почему нет металлических монет.

— Арктуриане подделывали их, и едва не сокрушили нашу экономику. Банкноты они тоже подделывали. Узнали, что на Земле капиталистическое хозяйство...

— На всей Земле? А как же Россия?

— Конечно, на всей. Почему вы спрашиваете о России?

— Это неважно, — сказал Кейт. — Продолжайте.

— Они делали фальшивые деньги, их невозможно было отличить от настоящих. Даже эксперты не могли. Это привело к инфляции, которая едва не прикончила всю мировую экономику. Поэтому военный совет государств обратился к ученым и те придумали банкноты, которых арктуриане не могли подделать. Я не знаю тайны этих денег, ее не знает никто, кроме нескольких специалистов на монетных дворах.

— А почему их нельзя подделать? — спросил Кейт.

— Все дело в бумаге. Какой-то секретный технологический процесс, а не компонент, который арктуриане могли бы обнаружить, придает банкнотам специфическое желтоватое свечение, заметное в темноте. Теперь любой может обнаружить фальшивый банкнот — достаточно взглянуть на него в темном месте. И ни один фальшивомонетчик не в состоянии сделать такую бумагу, даже арктуриане.

Кейт кивнул.

— И поэтому доллары заменили кредитками?

— Да. Когда изобрели новую бумагу, новые деньги ввели во всех странах одновременно. Каждое государство печатает свои банкноты, но денежная единица везде кредитка, а паритет обмена делает ее мировой валютой.

— А старые деньги изъяли и запретили хранить?

— Да. За их хранение грозит очень высокий штраф, а в некоторых странах даже тюремное заключение. Однако есть коллекционеры, они охотно рискуют. А из-за того, что монеты можно купить только на черном рынке, цены на них очень высоки. Коллекционировать монеты опасно, но большинство людей не считают это серьезным преступлением.

— Как выпивка во времена сухого закона?

— Как что? — удивилась Бетти.

— Неважно, — ответил Кейт.

Он вынул из кармана сверток — монеты и банкноты — развернул его и осмотрел сначала бумажные, потом металлические деньги.

— У меня здесь пять монет и два банкнота, они выпущены до тысяча девятьсот тридцать пятого года. Сколько, по-вашему, это может стоить?

Он подал их Бетти, и девушка осмотрела их при свете свечей.

— Я не в курсе цен черного рынка, — сказала она, — знаю только, что они зависят от датировки и состояния монет. Очень приблизительно я могу оценить их в десять тысяч кредиток... это тысяча долларов по-старому.

— Всего-то? — спросил Кейт. — Аптекарь в Гринвилле дал мне две тысячи кредиток за четвертак и сказал, что она стоит больше.

Бетти вернула ему деньги.

— Может, на ней была редкая дата. Одна из этих тоже может оказаться редкой. Я назвала вам приблизительную цену, полагая, что это среднеценные экземпляры. Может, какая-то из них одна стоит тысяч десять — если была выпущена в определенный год. А что это за деньги, которые вы отделили от остальных?

— Те, что могут принести только неприятности — выпущенные после тысяча девятьсот тридцать пятого.

— Значит, они фальшивые, арктурианские. Лучше избавьтесь от них, чтобы их при вас не нашли.

— Вот этого я и не понимаю, — сказал Кейт. — Именно эти деньги не могли быть сделаны арктурианами, но скажите бога ради, зачем они выпускали монеты, датированные теми годами, когда правительства Земли перестали чеканить монету?

— Их действия порой глупы, порой гениальны. Когда реформа денег сделала невозможной подделку, они заста-

вили своих агентов получать средства, продавая монеты коллекционерам. Правда, сглупили, выпуская монеты и банкноты с поздними датами. Почти двадцать арктурианских шпионов попались на том, что пытались продать коллекционерам фальшивые деньги. Например, совсем недавно где-то неподалеку арктурианский шпион пытался...

Она вдруг умолкла, и глаза ее широко раскрылись.

— Ой! Это были вы, да?

— Это был я, — подтвердил Кейт. — Правда, я не арктурианский шпион, а монета не была подделкой — ни арктурианской, ни какой другой.

— Если она не была подделкой, то откуда же на ней такая дата выпуска?

Кейт вздохнул.

— Если бы я это знал, то мог бы ответить и на многие другие вопросы. Как бы то ни было, выйдя отсюда, я брошу эти монеты в первый же канализационный сток. Еще вопрос об арктурианских шпионах: неужели арктуриане настолько похожи на нас, что могут изображать людей?

Девушка вздрогнула.

— Они совершенно другие. Это чудовища. Внешне они больше всего похожи на насекомых, только больших, и такие же разумные, как мы. Но они очень злобны. Когда-то, в первые дни войны, они захватили несколько человек. Надо сказать, что они могут *подчинять* себе человеческие тела и пользоваться ими, как орудиями шпионажа и саботажа. Правда, теперь их уже немного, большинство уничтожили. Рано или поздно они чем-нибудь выдают себя, потому что их мышление настолько отличается от нашего, что они не в состоянии понять нашу цивилизацию. Арктуриане совершают грубые ошибки, и тогда их разоблачают.

— Это я легко могу себе представить, — заметил Кейт.

— Во всяком случае эта опасность постепенно уменьшается. Наша оборона так крепка, что им уже много лет не удавалось никого схватить. Порой они ухитряются прорваться и разбомбить какой-нибудь город, но пленных взять не могут. А из тех, кого поймали в начале войны, осталось немного.

— Даже если так, — сказал Кейт, — почему дан приказ стрелять без предупреждения? Почему их не пытаются

арестовать? Если их разум настолько отличается от нашего, психиатры должны без труда установить, арктурианин перед ними или нет. А то гибнут невинные люди.

— Да, конечно, на каждого настоящего шпиона гибнет около сотни человек. Однако... в общем, они настолько опасны, что лучше исключить малейший риск. Даже если бы на каждого убитого шпиона приходилось по тысяче невинных, это имело бы смысл. Понимаете, если они выкрадут хотя бы пару наших научных секретов, то в соединении с их знаниями это может склонить чашу весов в их пользу, нарушить существующее сейчас равновесие. По крайней мере, я думала, что оно существует, пока Мекки не сказал мне того же, что и вам: положение критическое. Может, они уже получили преимущество над нами. А проигрыш в этой войне означает гибель человечества. Они не хотят нас завоевывать, хотят просто уничтожить, а потом захватить Солнечную систему.

— С их стороны это просто свинство, — сказал Кейт.

Глаза девушки гневно сверкнули.

— Не шутите над этим! По-вашему, гибель человеческой расы — подходящий повод для шуток?

— Простите, — примирительно сказал Кейт. — Просто я как-то не могу... Ладно, оставим это. Пожалуй, я понимаю, что вы имели в виду, говоря, насколько может быть опасен такой шпион. Однако я по-прежнему не вижу, что за беда, если сначала проверять, а потом стрелять. Не может же он удрать, если его держат на мушке.

— А вот и может, причем в большинстве случаев. Поначалу их пытались арестовывать, но слишком многие бежали по дороге в тюрьму и даже из-за решетки. Они имеют особые способности, физические и психические, и такого мало просто взять на мушку.

Кейт криво усмехнулся.

— Такой шпион может даже отнять оружие у агента ВБР, который держит его на мушке. Ну что ж... В моем случае, если у них еще были какие-то сомнения, то я их успешно рассеял.

Он встал, глядя на Бетти, на свет, ложащийся на ее золотистую кожу и волосы, на невероятно красивое лицо и дивное тело. Он смотрел на нее, словно в последний раз — что, в общем-то, было вполне возможно.

Кейт старался запечатлеть в памяти ее образ, который —

он не сомневался — будет сопровождать его до конца жизни, независимо от того, кончится она через сорок минут или через сорок лет. Первый вариант казался куда более вероятным.

Повернув голову, он взглянул в окно, то самое, из которого выглядывала Бетти во время визита Мекки. Стеклянная плоскость была черным-черна. Затуманивание началось.

— Спасибо, мисс Хедли, — сказал он. — До свидания.

Она встала и тоже посмотрела в окно.

— Куда вы хотите идти? Если быть достаточно осторожным, можно рискнуть пройти один или два квартала, но...

— Не беспокойтесь обо мне. Я вооружен.

— Но ведь вам некуда идти, правда? Вы не можете остаться у меня — здесь нет никого, кроме Деллы, — но этажом ниже есть свободная квартира. Я могу договориться со швейцаром...

— Нет! — ответил он так резко, что почувствовал себя глупо.

— Завтра я могу поговорить с людьми из ВБР и объяснить им, что Мекки поручился за вас. Пока он не вернется — а это может продолжаться несколько месяцев, — вы будете в большей безопасности под арестом, чем на свободе. И я даю вам слово, они ничего не сделают, пока Мекки не появится.

Это было разумное предложение, и Кейт заколебался. Конечно, ему не улыбалось провести несколько месяцев под арестом, но это же не вечность, а лучше быть живым, чем мертвым.

Девушка заметила его колебания и сказала:

— Я почти уверена, что мне поверят — по крайней мере настолько, чтобы сомнения свидетельствовали в вашу пользу. Как невеста Допелле...

— Нет! — Кейт решительно покачал головой. Этого ей говорить не следовало. — Я не могу остаться. Мне трудно это вам объяснить; просто не могу.

Он еще раз взглянул на нее, может, последний раз в жизни.

— До свидания.

— До свидания.

Бетти протянула руку, но Кейт сделал вид, будто не заметил этого. Он не верил себе настолько, чтобы коснуться девушки.

Спускаясь по лестнице, Кейт осознал, насколько глупо поступил, но почувствовал удовлетворение. Он был доволен, что не воспользовался помощью Бетти Хедли. Совет — да, тут все было нормально. И ответы на вопросы, которые он не мог задать никому, кроме нее и Мекки. Теперь картина этого мира стала для него гораздо отчетливее, особенно в вопросе с монетами.

Но многое по-прежнему оставалось загадкой. Например, наряд, который она носила. Разве она не понимала, что, одеваясь таким образом, доводит мужчин до безумия? И все же это казалось ей настолько естественным, что она удивилась, когда он задал вопрос.

Ну да ладно, это пока подождет. Может, Мекки сумеет объяснить ему этот и другие вопросы, если он вообще до него доберется и если Мекки найдет время, чтобы решить основную проблему Кейта.

Как бы то ни было, он был доволен, что оказался достаточно тверд и не принял помощь Бетти.

Это было глупо, но ему уже осточертела эта безумная Вселенная с ее арктурианскими шпионами и летающими швейными машинками.

Чем больше он старался вести себя осторожно и предусмотрительно, тем больше совершал ошибок и в бо́льшие неприятности впутывался. Теперь он был в ярости, а в кармане его лежал мощный пистолет сорок пятого калибра, который мог остановить даже восьмифутового лунаря.

К тому же Кейт был в подходящем настроении, чтобы им воспользоваться. Каждый, кто попытается причинить ему вред, получит свое. Даже если он наткнется на Людей Ночи, то заберет с собой парочку.

К дьяволу осторожность — что ему терять?

Швейцар все еще сидел в холле. Он удивленно уставился на Кейта спускающегося по ступенькам.

— Вы что, собираетесь выйти? — спросил он.

Кейт оскалился в ухмылке.

— Мне нужно срочно повидать одного парня с его шариком.

— Это вы о Мекки? Вы увидитесь с Допелле? — В голосе швейцара звучало восхищение. Подойдя к двери, чтобы ее открыть, он вынул из кармана револьвер. — Ну, если вы его знаете — а я должен был сам догадаться: ведь вы пришли к мисс Хедли, — то, надеюсь, понимаете, что делаете.

— Я тоже надеюсь, — заметил Кейт.

Он скользнул в густую тьму и услышал, как за его спиной щелкнул замок и громыхнул засов.

Он постоял, прислушиваясь. Вокруг царила тишина — такая же глубокая, как и темнота.

Кейт глубоко вздохнул. Он не мог стоять здесь всю ночь, нужно было куда-то идти. Но на сей раз он будет хитрее, чем в ночь с воскресенья на понедельник.

Наощупь отыскав край тротуара и сев на него, Кейт снял туфли, связал их шнурками и повесил на шею. Теперь он будет идти так тихо, что никто не сможет услышать его и застать врасплох.

Встав, он убедился, что довольно легко — хоть и непривычно — одной ногой идти по краю тротуара, а вторую ставить на мостовую.

Почувствовав под ногой решетку стока, Кейт вспомнил о монетах и банкнотах, от которых следовало избавиться. Он еще раньше сунул их в другой карман, отдельно от остальных, а теперь вынул и пропихнул сквозь решетку. Монеты с плеском упали в воду.

Разделавшись с ними, Кейт пошел дальше, прислушиваясь. Он переложил пистолет в правый карман, но держал ладонь на рукояти, а большой палец на рычажке предохранителя.

Теперь он не боялся, как в первый раз, когда оказался в темноте. В какой-то степени ему добавляло смелости оружие, но не только оно. Не было это вызвано и тем, что в первый раз затуманивание представляло для него загадку, а сейчас он знал, зачем оно. Все обстояло очень просто: в прошлый раз он был дичью, а сейчас стал охотником, и затуманивание из врага превратилось в союзника.

Кейт обдумал свой план только в самых общих чертах и его еще следовало подогнать к обстоятельствам, но первый шаг был очевиден. Прежде всего, он нуждался в деньгах, хотел продать свои несколько долларов за десять тысяч кредиток. А каждый встречный будет преступником — ведь только преступники ходили по улицам во время затуманивания. Поэтому он сможет заставить его — если понадобится с помощью пистолета — показать дорогу к скупщику краденого, который и купит у Кейта нелегальные монеты и банкноты.

Да, хорошо стать охотником; это вам не рассказы писать. Честно говоря, он всегда ненавидел сочинительство.

Куда лучше охота. Особенно вот такая. Он еще никогда не охотился на людей.

Глава 13

ДЖО

Кейт двинулся на юг по Пятой авеню. В первые полчаса он не встретил никого — с тем же успехом можно было бы бродить среди развалин Чичен-Ица или Ура халдейского. И вдруг он услышал свою жертву.

Это не был звук шагов; кто бы ни был этот человек, он стоял у стены здания или, подобно Кейту, разулся, чтобы не шуметь. Его выдало тихое, едва слышное шмыганье.

Кейт замер, почти не дыша, и услышал его снова. Теперь он знал, что человек тоже идет на юг — шмыганье раздалось чуть ближе.

Кейт ускорил шаги, почти побежал, пока не убедился, что значительно обогнал его. Потом повернул под прямым углом и шарил вытянутой рукой, пока не нашел стену дома. Тогда он повернулся навстречу жертве и стал ждать.

Вскоре что-то ударилось о ствол пистолета. Кейт быстро протянул руку и схватил человека за отворот плаща.

— Не двигайся, — приказал он и тут же добавил: — А теперь повернись, но медленно.

В ответ послышалось лишь сдавленное сопение. Мужчина медленно поворачивался — Кейт проверял это, касаясь его рукой. Когда тот повернулся спиной, Кейт обыскал его и вынул из правого кармана револьвер. Забрав оружие, он быстро положил ладонь на плечо жертвы. Самое опасное было позади.

— Стой спокойно, — сказал он. — Поговорим. Кто ты такой?

— А тебе какое дело? — ответил мужчина сдавленным голосом. — У меня с собой всего тридцать кредиток и пушка. Пушку ты забрал; так бери деньги и отпусти меня.

— Не нужны мне твои тридцать кредиток, — заметил Кейт. — Мне нужна наводка. Если будешь говорить, я, может, даже верну тебе пушку. Ты здесь свой?

— Что ты имеешь в виду?

— Я только что приехал из Сент-Луиса, людей тут не знаю, а мне нужен скупщик. И побыстрее.

Последовала короткая пауза, затем мужчина заговорил, уже более свободно:

— Брошки-колечки? Что у тебя есть?

— Монеты. И несколько банкнот. Доллары до тридцать пятого. Кто тут этим занимается?

— А я что с этого буду иметь?

— Во-первых, свою жизнь, — ответил Кейт. — Может, потом я отдам тебе и оружие. А если не обманешь, то еще и сто кредиток. Добавлю еще сотню, если проводишь к такому, который даст хорошую цену.

— Жидковато. Пусть будет пятьсот.

Кейт рассмеялся.

— У тебя есть все основания торговаться. Ладно, пусть будет двести тридцать. Тридцать аванса у тебя уже в кармане: представь, что я их у тебя забрал и отдал обратно.

Мужчина вдруг тоже рассмеялся и сказал:

— Твоя взяла. Я провожу тебя к Россу, он обманет не больше, чем другие. Пошли.

— Еще одно, — заметил Кейт. — Повернись и зажги спичку. Хочу взглянуть на тебя, чтобы узнать, если сбежишь.

— Хорошо, — согласился тот; он говорил уже совсем свободно, почти дружески.

Вспыхнула спичка.

Кейт увидел, что его пленник — невысокий худощавый мужчина лет сорока, неплохо одетый, но несколько дней не бривший и с мешками под глазами.

— Теперь ты меня знаешь, так что можешь узнать и имя — Джо, — криво улыбнулся он.

— Хорошо, Джо. Далеко топать до этого Росса?

— Пару кварталов. У него там игра в покер.

Спичка погасла.

— Слушай, парень из Сент-Луиса, сколько стоит твой товар?

— Мне говорили, будто десять тысяч кредиток.

— Ну, значит, получишь пять. Росс парень честный. Только слушай, с оружием ты или нет, а лучше бы тебе взять меня компаньоном. Там будут и другие парни, они могут тебя запросто кончить, разве что я буду на твоей стороне.

Кейт задумался, затем согласился.

— Может, в этом что-то есть. Получишь десять процентов, то есть пятьсот, если я получу пять тысяч. Годится?

— Годится.

Кейт колебался недолго. Он нуждался в друге, а что-то в голосе Джо подсказывало ему, что рискнуть стоит. И так весь его план был совершенно безумным, а небольшой риск сейчас может избавить от гораздо большего потом.

Движимый внезапным порывом, он вынул из кармана револьвер, нашел ладонь мужчины и сунул в нее оружие.

Но в голосе Джо не было ни малейшего удивления, когда он сказал:

— Спасибо. Два квартала к югу. Я впереди, ты за мной. И держи руку на моем плече.

Они двинулись вдоль стен зданий, а переходя мостовую, брались за руки.

Наконец Джо сказал:

— Теперь держись поближе. Нам в проход между вторым и третьим зданиями, считая от углового. Не зевай, а то пропустишь.

Когда они оказались в проходе, Джо нашел дверь и постучал в нее — сначала трижды, а после короткой паузы еще два раза.

Дверь открылась, и свет на мгновенье ослепил Кейта. Когда он вновь смог видеть, человек в коридоре опускал ствол обреза.

— Привет, Джо, — сказал он. — Этот парень наш?

— Точно, — ответил Джо. — Это мой дружок из Сент-Луиса. У него дело к Россу. Он еще играет?

— Заходите.

Они прошли по узкому коридору. За углом, перед закрытой дверью стоял человек с автоматом.

— Привет, Джо, — сказал он и уселся на стул, положив автомат на колени. — Привел оленя для покера?

Джо покачал головой.

— Нет, мы по делу. Как у вас идет?

— Росс сегодня в ударе. Лучше не садись играть, если не чувствуешь удачу.

— Не чувствую. Я рад, что Росс выигрывает — может, даст хорошую цену.

Он открыл дверь, у которой сидел охранник, и вошел в комнату, там было сизо от дыма. Кейт не отставал.

Вокруг зеленого покерного столика сидели пятеро игроков. Джо подошел к одному из них,совершенно лысому толстяку в сильных очках, и указал пальцем на Кейта.

— Это мой друг из Сент-Луиса, Росс, — сказал он. — У него есть пара монет и бумажки. Я сказал, что у тебя можно получить хорошую цену.

Толстые стекла повернулись в сторону Кейта, и тот кивнул. Вынув из кармана деньги, он положил их на зеленое сукно перед толстяком.

Росс осмотрел предложенное и поднял взгляд.

— Четыре куска, — сказал он.

— Пять — и я согласен, — произнес Кейт. — Они стоят все десять.

Росс покачал головой и поднял карты, которые только что раздали.

— Вскрываю за сотню, — сказал он.

Кейт почувствовал на плече руку. Джо оттащил его от столика и прошептал:

— Нужно было тебя раньше предупредить: с Россом не торгуются. Если он предложил четыре, то не даст больше ни гроша. Ты можешь соглашаться или отправляться к черту, но спорить бесполезно.

— А если я не соглашусь? — спросил Кейт.

Джо пожал плечами.

— Я знаю и других. Только придется долго бродить по улицам, чтобы до них добраться, и все может кончится для нас пулей в голову. И они уж точно не дадут больше, чем Росс. Слушай, тот, кто сказал, что монеты стоят десять кусков, здорово в них сечет?

— Нет, — признал Кейт. — Хорошо, я согласен. Он сразу даст деньги? Есть у него столько с собой?

Джо оскалился в усмешке.

— У Росса? Да если у него нет с собой ста кусков, я готов арктушку съесть. О деньгах не беспокойся. Четыре тысячи для него мелочь.

Кейт кивнул и вернулся к столику. Он подождал, пока кончится сдача, и сказал:

— Хорошо, пусть будет четыре тысячи.

Толстяк вынул из кармана пухлый бумажник и отсчитал три тысячные банкноты и десять сотенных. Монеты Кейта он аккуратно завернул в банкноты и спрятал в карман пиджака.

— Сыграешь? — предложил он.

Кейт помотал головой.

— Извини, дела.

Пересчитав деньги, он взглянул на Джо, но тот почти незаметно покачал головой, давая понять, что не хочет брать свою долю при посторонних.

Они вышли, миновав охранника с автоматом на коленях и привратника с обрезом в руке. Дверь за ними закрыли на засов.

Оказавшись за пределами слышимости, Джо сказал:

— Одна десятая от четырех кусков — это четыре сотни. Зажечь спичку, чтобы ты мог отсчитать?

— Хорошо, — сказал Кейт. — А может, ты знаешь место, где можно чего-нибудь выпить и поговорить? Может, мы провернем еще какое-нибудь дельце.

— Хорошая идея, — ответил Джо. — С четырьмя сотнями в кармане я могу устроить себе выходной. Этого мне хватит до утра, а потом мне кое-что заплатят.

— Куда пойдем, Джо?

— Держись за мое плечо. Уж я тебя не потеряю, по крайней мере, пока ты не расплатишься. — Он вздохнул. — Эх, сейчас бы рюмочку лунного.

— Я бы тоже не отказался, — Кейт не знал, что такое лунный, но надеялся, что вкус у него лучше, чем у коктейля с Каллисто.

Пошарив рукой, он нашел плечо Джо, и тот сказал:

— Тогда пошли, компаньон.

Они вышли из тупика и повернули к югу. Пройдя полквартала — на этот раз улицу не переходили — Джо остановился и сказал:

— Это здесь. Подожди немного.

Он снова постучал — сначала два, а потом три раза. Дверь приоткрылась, показав слабо освещенный коридор. Нигде и никого не было видно.

— Это я, Релло! — крикнул Джо. — Я с другом.

Он вошел и двинулся по коридору, Кейт следом.

— Релло — прокс, — объяснил Джо. — Он сидит на полке над дверью. Если он тебя не знает, то прыгнет на тебя сзади, когда ты войдешь.

Кейт обернулся и посмотрел назад, но тут же пожалел об этом. Что бы там ни сидело на полке над дверью, его скрывала глубокая тень, не позволяя разглядеть детали... впрочем, оно и к лучшему. Выглядело оно как крупная черепаха со щупальцами осьминога и ярко-красными сверкающими глазами, похожими на лампы, горящие за тол-

стым стеклом. Кейт не заметил у твари никакого оружия, но понял, что оно ему и не нужно.

Был ли прокс обитателем Проксимы Центавра? Кейту захотелось спросить об этом у Джо; может, за выпивкой он сумеет так направить разговор, чтобы узнать о Релло побольше, не выдавая своего вопиющего невежества.

Он повернулся, но чувствовал на спине мурашки, пока они не добрались до двери с глазком. «Совсем как во времена сухого закона», — подумал Кейт, и едва не сказал этого вслух, однако вспомнил пустой взгляд Бетти, когда он упомянул о сухом законе, и вовремя прикусил язык.

Джо снова постучал два, а потом три раза и кто-то прильнул изнутри к глазку.

— Он со мной, Хэнк, — буркнул Джо, ткнув большим пальцем через плечо, и дверь открылась.

Похоже, это было помещение за рестораном; через открытую дверь Кейт видел бар, слабо освещенный зелеными и голубыми неоновыми лампами. Комната, в которой они оказались, была заставлена столами, за тремя из них играли в карты.

Джо махнул рукой тем, кто повернулся взглянуть на вошедших, и обратился к Кейту:

— Сядем здесь? — спросил он. — Или пойдем в бар? Думаю, там будет лучше говорить, а ведь ты помянул о каком-то деле.

Кейт кивнул.

— В баре, пожалуй, будет лучше.

Они прошли в бар, освещенный зелено-голубым светом. Кроме бармена и трех женщин, там не было никого. Когда они вошли, женщины подняли головы; Кейт заметил, что одна из них одета в лифчик и шорты из голубого шелка, а обута в сапожки из голубой кожи, доходящие до середины голеней. Однако на этом сходство с Бетти кончалось — эта была лет на двадцать старше, толще, неряшливее и, кажется, слегка на взводе. Зелено-голубое освещение делало ее похожей на зомби.

Джо махнул ей рукой.

— Привет, Бесси, — сказал он, после чего прошел к самому дальнему столику и отодвинул кресло. Кейт сел напротив него и вынул бумажник, чтобы отсчитать Джо четыре сотни, но тот поспешно произнес:

— Еще нет, компаньон. Подожди, пока девушки отойдут.

Кейт заметил, что они как раз подходят. Не та, одетая — или скорее раздетая — в космический наряд, а две другие. Обе были молоды и довольно привлекательны, несмотря на то, что делало с их кожей зелено-голубое освещение.

К счастью, Джо отослал их, прежде чем они успели сесть.

— Нам нужно поговорить, девушки, — сказал он. — Может, мы позовем вас позже, если не будем заняты. Скажите Спеку, чтобы налил вам за мой счет, хорошо? И Бесси тоже.

— Понятно, Джо, — ответила одна из них, и обе вернулись на стулья у стойки.

Кейт снова вынул бумажник и сумел передать Джо четыре сотни прежде, чем к ним подошел бармен с вопросом, чего бы они хотели. Джо оставил на столе одну сотенную банкноту.

— Принеси нам два лунных, Спек, — попросил он. — И по одному девушкам. Как дела у Крошки Релло?

— Неплохо, Джо. Нам уже дважды приходилось прибирать в холле, а ведь еще довольно рано.

Он вернулся за стойку, и Кейт рискнул:

— Этот Релло заинтересовал меня, Джо. Расскажи о нем.

Сказано было настолько расплывчато, что не могло оказаться опасным.

— Релло — это рен, — сказал Джо, — и пожалуй, самый крутой из всех. Во всяком случае, самый крутой в Нью-Йорке. Он один из первых проксов, что перешли на нашу сторону во время драки у Центавра. Хочешь с ним познакомиться?

— Не особо, — заметил Кейт. — Просто интересно было...

А про себя он подумал, не было ли «рен» сокращением от слова ренегат. Если Релло был одним из первых центаврийцев, перешедших на другую сторону во время войны, это могло иметь смысл.

— Я тебя понимаю, — сказал Джо. — Но если ты хочешь иногда сюда заглядывать, это просто необходимо. Одним глазом он может достать тебя с десяти метров, а если использует оба... тогда от тебя останется так мало, что и убирать не стоит. Дам тебе совет.

— Какой?

— Говори с ним, когда *входишь* в дверь. Не жди, пока окажешься внутри, и он сможет тебя увидеть — тогда может оказаться поздно. Думаю, именно так бывает с теми, кого отсюда выносят.

Джо сдвинул шляпу на макушку и усмехнулся.

— Я говорю тебе это, потому что чувствую — ты парень что надо. Надеюсь, мы славно поработаем вместе.

— Если уж речь пошла...

— Не сейчас, — прервал его Джо. — Не раньше, чем выпьем по лунному. Честно говоря, я еще не знаю, стоит ли работать с тобой, да и вообще иметь дело. Ты слишком доверяешь людям, из-за этого могут быть неприятности.

— Это ты о том, что я отдал тебе револьвер?

Джо кивнул.

— А если бы я этого не сделал?

Джо потер заросший подбородок и усмехнулся.

— Черт возьми, а ведь ты прав. Если бы не отдал, я бы тебя пришил. Достаточно было подмигнуть, когда ты говорил с Россом. Я не сделал ничего такого, потому что ты отдал мне пушку. Даже здесь, компаньон, если бы я хотел от тебя избавиться, ты прожил бы не дольше, чем...

Он умолк — Спека нес к их столику два стакана с белесым напитком. Взяв сотню Джо, бармен отсчитал сдачу мелкими бумажками. Джо поднял стакан.

— Смерть арктушкам, — сказал он и глотнул.

— И поскорее, — добавил Кейт.

Он внимательно следил за Джо; тот выпил только глоток жидкости. Кейт сделал то же самое. Предосторожность оказалась не лишней — этот единственный глоток обжег горло не хуже полбутылки джина. Он был жгучим, как соус чили, и одновременно холодным, густым, как сироп, хотя и не сладким, а когда Кейт прочухался, то почувствовал во рту слабый привкус мяты.

— Класс, — произнес Джо. — Прямо с корабля. У вас его хватает?

— Да... есть, — неопределенно ответил Кейт. — Правда, редко встретишь такой.

— А как там у вас вообще?

— Неплохо, — сказал Кейт.

Ему очень хотелось поговорить, но пока безопаснее было отвечать односложно. Глядя на свой стакан лунного,

он гадал, что это такое и какой эффект вызывает. С одного глотка он пока что ничего не чувствовал.

— Ты где остановился?

— Пока нигде, — ответил Кейт. — Я только что прибыл. Не зная места, нужно было где-то приткнуться, но тут я сглупил — сел играть и просадил все, что у меня было. Потому и пришлось продать монеты, кроме них у меня не осталось ничего. Я поначалу хотел подождать с продажей, пока не подвернется коллекционер, и получить хорошую цену.

«Это должно объяснить, — подумал Кейт, — почему я торчал ночью снаружи и так срочно хотел продать монеты».

Видимо, он оказался прав. Джо кивнул и сказал:

— Ну, если тебе понадобится малина, я смогу это устроить. Комнату «с» или «без».

Кейт не стал спрашивать, с чем или без чего.

— Может, попозже, — буркнул он. — А пока время молодо.

С удивлением осознал он, что так оно и было: с момента затуманивания прошло не более полутора часов.

— Время молодо, — Джо рассмеялся. — Хорошо сказано. Никогда не слышал такого определения, но сказано хорошо. Знаешь, старина, ты мне нравишься. Ну, ты готов?

«К чему?» — задумался Кейт, но вслух сказал:

— Конечно.

Джо поднял стакан.

— Тогда поехали! Увидимся, когда вернемся.

Кейт поднял свой и ответил:

— За счастливую посадку.

Джо опять засмеялся.

— И это неплохо! Счастливая посадка. Ну и шутник же ты. Ладно, вздрогнули!

Он осушил стакан и замер, не отрывая его от губ. Глаза остекленели, хотя и остались широко открытыми. Кейт поднес стакан к губам, но не выпил... да теперь и не собирался. Удивленно смотрел он на Джо, а тот его не видел, не видел и ничего вокруг.

Кейт быстро огляделся и заметил, что ни бармен, ни женщины не смотрят в их сторону.

Опустив руку под стол, он вылил остаток лунного на пол затем вновь поднес стакан к губам.

И вовремя. Джо заморгал, его странное одеревенение прошло так же внезапно, как и началось. Отставив стакан, он глубоко вздохнул. Потом сказал:

— Боже, я снова был на Венере. На одном из тех болот, и мне там нравилось. Там была Космическая Девушка...

Он тряхнул головой.

Кейт удивленно смотрел на него. Похоже было, напиток не давал никаких побочных эффектов. Джо был парализован десять или двадцать секунд, но теперь вел себя совершенно нормально, как и прежде.

Вынув из кармана сигареты, он угостил Кейта.

— Еще по одному? — предложил он. — Потом можно поговорить о делах.

— Хорошо, только за мой счет, — ответил Кейт.

Он повернулся к бару, поймал взгляд бармена и поднял вверх два пальца. Бармен кивнул — видимо, этот знак был понятен везде. Даже здесь.

Кейт положил банкноту на стол. В нем нарастало возбуждение, вызванное тем, что на этот раз он решил выпить белесую жидкость так же, как Джо; ему хотелось узнать, что случилось с ним в те десять или двадцать секунд. Джо вышел из этого без вреда для себя, а если Джо осилил, то и он сможет. У осторожности тоже есть пределы.

Принесли стаканы, и Кейт получил семьдесят кредиток сдачи.

Джо поднял свой стакан, и Кейт сделал то же самое, а когда тот отпил глоток и облизал губы, последовал его примеру. Видимо, первый глоток и следующий за ним разговор составляли некий ритуал. Возможно, невежливо было пить все сразу.

Второй глоток понравился ему больше первого: жгло не так сильно, и Кейт отметил, что вкус, оставшийся во рту, не был вкусом мяты — он не мог бы сказать, на что это походило.

Поскольку все равно требовалось сделать небольшой перерыв, следовало помалу сводить разговор на дело, которое он хотел устроить. Он наклонился через стол к Джо.

— Слушай, Джо, — сказал он, — может, ты случайно знаешь, где можно найти бывшего космопилота, который хотел бы немного подработать.

Джо рассмеялся было, но тут же осекся и посмотрел на него, прищурившись.

— Шутишь?

Это означало, что Кейт задал неверный вопрос, хотя и не понимал, почему. В любом случае следовало идти вперед, даже если он понятия не имел, как выйти из этого положения.

Как бы случайно он опустил руку в карман, в котором лежал пистолет. Интересно, велики ли у него шансы выбраться из этого места, и есть ли здесь другая дверь, кроме охраняемой Рслло. Кейт пришел к выводу, что шансы его невелики, если Джо мигнет. Впрочем, если все пойдет плохо — он может уложить Джо прежде, чем тот шевельнется.

Кейт холодно смотрел на Джо, пальцы его уже касались рукояти пистолета.

— С чего ты взял, что я шучу? — спросил он.

Глава 14

В КОСМОС!

К его безграничному облегчению Джо улыбнулся и указал большим пальцем на лацкан своего пиджака. Только теперь Кейт заметил на нем значок, похожий на страдающую грыжей утку.

— Слепой ты, что ли? — спросил Джо.

Кейт вынул руку из кармана. Слава богу, серьезной ошибки он все-таки не совершил.

— Я его не заметил, Джо. Наверное, я действительно ослеп. Но ведь мы почти все время провели в темноте, да и здесь видно не очень-то хорошо. Долго ты там был?

— Пять лет. Большую часть времени квартировал на Марсе, в Капи. Счастье, что меня не было там несколько дней назад. — Он покачал головой. — От Капи ничего не осталось.

— Мы рассчитаемся за это, — сказал Кейт.

— Возможно.

— Ты в это не веришь, Джо?

Джо прикурил очередную сигарету от предыдущей и глубоко затянулся. Потом произнес:

— Что-то готовится, старина. Что-то большое. Нет, мне ничего не известно, иначе бы помалкивал. Я знаю только то, что прочел между строк. Правда, когда человек поиграет с арктушками в прятки, он начинает кое-что

чувствовать. Можно ожидать массированной атаки. Думаю, что на сей раз им удастся. Похоже, равновесие кончилось, и война тоже скоро кончится... так или иначе. Боюсь только, что...

— Ну-ну? — подстегнул его Кейт.

— Боюсь, они придумали что-то новое. Равновесие такое неустойчивое, что любое новое оружие... Ты знаешь, о чем я говорю.

Кейт серьезно кивнул, мысленно напомнив себе, что должен придерживаться темы и говорить как можно меньше. Он не мог обсуждать с Джо ход войны, поэтому лучше направить разговор на безопасные рельсы — ближе к теме, которая его волновала. Кроме того, следовало узнать, вправду ли Джо умеет управлять кораблем или был просто стрелком или кем-то вроде того.

— Давно ты последний раз был на Луне? — спросил он.

— Год назад, — скривился Джо. — Затуманивание тогда меня еще не затянуло... я боролся с ним дольше других парней. Как последний дурак думал, что смогу жить честно. А что касается Луны... я вел тогда корабль одного хмыря. Вот это была история!

— Неужели так плохо?

— Наоборот — хорошо. Шесть человек на борту, и все пьяные, как старатели в субботу. «Эрлингом», может управлять последний пацан, но они все так усосались, что вполне могли финишировать где-нибудь в Плеядах. Я тогда водил такси. Они сели ко мне на Таймс-сквер и велели везти на свой личный космодром в Джерси. Хозяин лайбы заметил моего медного цыпленка и предложил тысячу за пилотаж. Я не был вне Земли уже два года и жутко хотелось покрутить колесо, пусть даже на такой детской игрушке, как «эрлинг». Оставил я тачку у дороги — когда вернулся, это стоило мне лицензии, работы и заставило выйти на улицу, — и полетел с ними на Луну. Вот это было дело! Мы летели до Пещер Наслаждения.

— Я бы и сам хотел туда наведаться, — заметил Кейт.

— На Луне они лучше, чем на Каллисто. Только не заглядывай туда, если у тебя мало денег. Мы провели там две недели, — он озорно улыбнулся. — Моей тысячи кредиток хватило всего на день и то потому, что они ставили. Таскали меня повсюду за собой и за все платили.

— А эти «эрлинги», — подтолкнул его к нужной теме Кейт, — они сильно отличаются от военных?

— Как гоночный автомобиль от роликов. Вся астрогация визуальная. Достаточно нацелиться на избранный объект и нажать кнопку. Окажешься прямо над атмосферой, так что можно выпускать крылья и парить. Автоматическая компенсация, автоматический гироскоп — все автоматическое. Пилотаж не сложнее, чем выпить лунного. Кстати, ты готов?

— Ах, да, — Кейт поднял стакан. — Смерть Арктуру!

— Тогда в путь. Счастливой нам посадки!

На сей раз Кейт осушил стакан до дна, но не почувствовал никакого жжения, может, потому, что жидкости было слишком много. Ему показалось, что его хватили палкой по челюсти и одновременно на веревке подтянули под потолок, сквозь мрак затуманивания, в раскинувшееся выше голубое небо так, что глядя вниз, он видел огромный черный круг тумана. По одну его сторону над полями и городами светила Луна, по другую блестел Атлантический океан.

Потом петля, охватившая шею Кейта, ослабла и исчезла, но он продолжал лететь все выше и выше, кувыркаясь при этом, и видел то Землю, а то звезды и рог Луны. Земля превратилась в мяч, в чудовищный черный шар, освещенный с одной стороны и уменьшающийся по мере того, как росла Луна. И некоторые звезды были так ярки, что выглядели клубками разноцветного огня.

Луна, когда он увидел ее во время очередного кульбита, тоже превратилась в шар. Не такой большой, как Земля, однако больше, чем он видел ее прежде. Кейт знал, что оказался далеко за пределами атмосферы, в Космосе, но не чувствовал холода, о котором читал. Ему было тепло, приятно, вокруг звучала музыка, какой он никогда прежде не слышал — чудесная музыка, ритм которой совпадал с его вращением, — а может, это он вращался в такт музыке; это не имело значения. Ничто не имело значения, кроме этого чудесного чувства подъема, вращения, и свободы, какого он никогда прежде не испытывал.

А затем, после очередного оборота он увидел на фоне Луны что-то длинное, сигарообразное — наверное, космический корабль. Да, когда он вновь повернулся, то заметил несколько освещенных иллюминаторов и крылья, сложенные по бокам.

Их явно несло друг на друга.

Они столкнулись, но он не почувствовал боли. Пролетел сквозь борт и оказался, целый и невредимый, на толстом ковре, устилающем помещение, похожее на неболь-

шой, но со вкусом устроенный и меблированный будуар. Будуар на космическом корабле? Встроенная в одну из окрашенных в белый цвет металлических стен стояла кровать, застеленная бельем черного шелка, слегка откинутым, словно в ожидании хозяина.

Он быстро встал. Держаться на ногах оказалось удивительно легко, он чувствовал себя так, словно весил половину своего нормального веса и был в два раза сильнее, чем обычно. Он мог двигать горы и хотел этого. «Уменьшенное тяготение», — подумал Кейт.

А потом он вообще перестал думать, потому что дверь открылась и вошла Бетти Хедли.

Она снова была в том же наряде, который был привилегией Девушек Космоса. Но на сей раз костюм был из белого шелка. Узенький белый лифчик, очень маленькие белые шорты, настолько тесные, что казались нарисованными кистью великого художника. И сверкающие белые сапожки из выделанной кожи, доходящие до середины голеней.

И ничего больше, кроме Бетти Хедли; Бетти Хедли с ее золотистой кожей и волосами, с ее большими голубыми глазами и чувственными красными губами на ангельски прекрасном лице.

Она была так красива, так желанна, что Кейт едва мог дышать видя ее так близко.

Девушка вошла в кабину, видимо, не подозревая о его присутствии, но когда увидела, лицо ее просияло. Протянув к нему белые руки, она сказала:

— Любимый... о, любимый мой!

Бетти подбежала к нему, обняла и прильнула всем телом. На мгновенье она уткнулась лицом ему в грудь, потом приблизила свои губы к его, и глаза ее затуманило счастье...

— О, боже, — сказал Джо. — Ты отключился на сорок, а то и на все пятьдесят секунд. Никогда раньше не пил лунного?

Кейт все еще держал стакан у губ, он чувствовал жжение в горле и желудке. Кое-как сосредоточился он на небритом лице Джо, постепенно начал ощущать стул, на котором сидел, стол, о который опирался локтями, почувствовал, как тяжесть его тела снова растет, и он весит столько же, сколько и прежде, и вовсе не стал сильнее.

Сквозь полумрак, едва разгоняемый зелено-голубыми неоновыми лампами, Кейт пустым взглядом смотрел на бывшего космопилота.

NO!

— Не пил, да ведь? — допытывался Джо.

Казалось, прошла целая минута, прежде чем Кейт понял, о чем тот говорит, потом еще одна, прежде чем он решил тряхнуть головой, и еще одна, прежде чем это сделал.

Джо усмехнулся.

— Да, это забавное пойло. Чем чаще его пьешь, тем короче отключка, но тем дольше тебя нет. Взять меня: пью его — если есть деньги — несколько лет и отключаюсь всего секунд на пять или десять, но зато меня нет двадцать три дня. Забавно, что ты тогда вернулся так быстро. Впрочем, так бывает в первый раз. Иногда вообще ничего не происходит — новичок просто теряет сознание. Так и с тобой было?

Кейт кивнул.

— А сейчас? Ты добрался до Луны?

Кейт почувствовал, что к нему вернулся голос, и выдавил:

— Почти.

— Неплохо. А что с тобой было? Впрочем, это не мое дело, — сказал Джо. Он быстро глянул на Кейта и рассмеялся. — Похоже, я прав. Сначала всегда возвращаются слишком быстро.

Он перегнулся через стол.

— Позволь дать тебе совет, компаньон: сегодня больше не пей. Примешь с самого начала больше одного или двух — и котелок вдребезги.

— Больше я вообще этого не хочу пить, Джо, — сказал Кейт.

— В следующий раз ты можешь вернуться не так быстро.

— Вот потому и не хочу. Чего мне хочется Джо, того хочется... но не в наркотическом сне.

Джо пожал плечами.

— Я и сам поначалу так думал. Ну ладно, дело твое. А если уж говорить о делах, ты еще не сказал, чего хочешь от меня. Запьем это виски, а ты объясни, что к чему.

Джо повернулся и позвал Спека, тот тут же принес им два виски. Стаканы были полны до краев, но Кейт выпил свою порцию, как воду. Полегчало. Джо опрокинул стакан так же быстро и гладко, лицо его посерьезнело.

— Ну, в чем дело?

— Я хочу попасть на Луну, — сказал Кейт.

Джо пожал плечами.

— А что в этом трудного? Каждый час — из Идивилда. Триста кредиток за обратный билет, двенадцать за паспорт.

Кейт придвинулся ближе и понизил голос:

— Я так не могу, Джо. Меня ищут. У них есть хорошее описание и даже отпечатки пальцев.

— И они знают, что ты слинял в Нью-Йорк?

— Если чуток поработали головой, то да.

— Это плохо, — протянул Джо. — Космопорты будут под наблюдением. Паспорт я бы мог тебе достать, но ты, пожалуй прав — от портов лучше держаться подальше.

Кейт кивнул и добавил:

— Есть еще одно... Несколько моих знакомых с другой стороны баррикады сейчас на Луне. Они могут меня ждать.

— Это было бы кисло, — сказал Джо.

— Да уж точно, хорошего мало. Я бы предпочел сесть потихоньку — не в порту — на одном из этих малых «эрлингов». А потом заглянул бы с заднего хода к тем ребятам, что меня ждут. Ты понимаешь, что я имею в виду.

— Кажется, да.

— Значит, все ясно, — продолжал Кейт. — Слушай, а как эти «эрлинги» на больших расстояниях?

— А почему ты спрашиваешь? Если тебе нужно только на Луну, какая тебе разница?

— На Луне тоже может стать слишком жарко.

— На «эрлинге» ты можешь лететь в любую точку Солнечной системы. Может, придется прыгнуть несколько десятков раз, чтобы попасть на некоторые из внешних планет, но что с того, раз прыжок совершается мгновенно? Только не пытайся улететь на таком за пределы Системы. Доберешься, куда захочешь, но никогда не найдешь Солнца и не вернешься.

— Не беспокойся, я не собираюсь покидать Систему, — заверил его Кейт. — Скорее всего полечу дальше Луны. Мне просто интересно, на что способен такой «эрлинг» в случае нужды.

— Давай ближе к делу. Чего конкретно ты от меня хочешь?

— Достань мне «эрлинг».

Джо свистнул.

— Ты имеешь в виду фальшивые документы, чтобы потом купить корабль, или хочешь, чтобы я его спер для тебя?

— А как насчет того, что стоит около Джерси и принадлежит тому богатому хмырю? Может, его умыкнуть?

Джо задумчиво посмотрел на него.

— И ты хочешь, чтобы я отвез тебя на Луну?

— Нет, если ты мне расскажешь, как с ним обращаться.

— Ну, это я могу сделать за десять минут. Однако увести лайбу, дружок, не так-то просто. Если нас поймают, проведем лет по десять на Венере, на болотах. Конечно, если проживем столько.

Кейт рассмеялся.

— Ты ходишь по улицам во время затуманивания и беспокоишься о таких мелочах? Ты рискуешь жизнью, чтобы вытащить из чужого кармана несколько кредиток, а боишься украсть «эрлинг»?

Джо нахмурился.

— Сколько?

У Кейта в кармане лежало три с половиной тысячи кредиток, не считая сдачи, полученной с сотни.

— Две или три тысячи кредиток, — сказал он.

— Как это — две или три тысячи? Говори точно.

— Три тысячи, если я получу «эрлинг» сегодня, — сказал Кейт. — И две, если завтра.

Джо тяжело вздохнул.

— Так я и думал. И дело не только в деньгах. Однако три куска лучше двух, так что проведем это сегодня. Правда, выбраться из города во время затуманивания почти так же опасно, как украсть лайбу... и гораздо труднее. Это значит, придется украсть еще и машину.

— Ты можешь это сделать?

— Шутишь? Но ехать придется потихоньку, чуть быстрее, чем пешком. Затуманивание редеет не ближе, чем в трех-четырех километрах от Джерси. Потеряем часа три, прежде чем туда доберемся.

— По-моему, это неплохо, — заметил Кейт.

— Немногие это умеют, — скромно сказал Джо. — Тебе повезло, что ты встретил меня. Я покажу тебе фокус, который мало кто знает — как вести машину во время затуманивания, пользуясь только чутьем и компасом. Сколько сейчас времени?

Кейт посмотрел на часы.

— Почти половина десятого.

— Допустим, машину я достану часа за полтора — будет уже одиннадцать. Три часа езды через затуманивание — если мы вообще проедем, — будет два часа ночи.

Полчаса езды до частного космопорта и полчаса, чтобы проникнуть внутрь и показать тебе приборы — это уже три утра. Полет на Луну не займет времени. Скажем, десять минут на посадку. Старик, в начале четвертого ты будешь на Луне.

В это трудно было поверить.

— А как с самолетом? — спросил он. — То есть, я хотел сказать, с кораблем. Что, если хозяин улетел на нем куда-нибудь?

— Не улетел. Сегодня я видел его фотку в газете. Он должен предстать перед комиссией Конгресса, так что будет в Вашингтоне. Ты, конечно, читал об этом — он делает раджики.

— О! — сказал Кейт, словно это все объясняло. А может, так оно и было. Во всяком случае Джо считал, что объясняет.

— Еще по одной, а? Потом пойдем.

— Хорошо, — согласился Кейт. — Только мне половину.

Впрочем, когда принесли виски, он пожалел, что заказал мало — вновь подступил страх.

Он по-прежнему находился на Манхеттене, и Сатурн, где пребывал флот и Мекки, казался очень далеким. До сих пор ему везло, невероятно везло. Но надолго ли это?

Впрочем, удача пока его не покинула и, выходя, им не пришлось проходить мимо прокса Релло. Мужчина с винчестером под мышкой выпустил их через заднюю дверь наружу, в непроницаемую тьму затуманивания.

Кейт положил руку на плечо Джо и шел за ним следом. Они добрались до Пятой авеню и повернули на юг. На углу Джо остановился и сказал:

— Тебе лучше подождать здесь. Один я быстрее уведу телегу. Кажется, я даже знаю, где нужно искать — кварталах в двух отсюда. Сиди тихо, пока не услышишь, как я еду.

— Как можно ехать в таком супе?

— Я тебе покажу, — сказал Джо. — Впрочем, лучше не стой здесь, у стены. На углу есть фонарь. Держись за него, по крайней мере тебя никто не зацепит.

Он исчез во мраке, двигаясь так тихо, что Кейт не слышал даже шороха его шагов; только раз донеслось до него тихое шмыганье, недавно позволившее ему схватить Джо. А встреча с Джо — это лучшее, что случилось с

ним, начиная с воскресенья. Джо оказался истинным даром небес.

Кейт ощупью нашел край тротуара, а потом фонарь, к которому и прислонился. Он пытался сохранить спокойствие и не думать о своих ничтожных шансах добраться до Сатурна — истинного места назначения, о котором он не сказал Джо, чтобы не вызывать лишних подозрений. Пытался он не думать и о гораздо больших шансах на то, что первый же встреченный корабль Флота превратит его в пыль вместе с краденым «эрлингом».

Того, о чем Кейт пытался не думать, было слишком много, и он, стараясь прогнать одну мысль, натыкался на другую, не менее отвратительную или еще хуже. Правда, таким вот образом время шло быстрее.

Во всяком случае, не прошло и получаса, как он услышал автомобиль, медленно едущий вдоль края мостовой и время от времени трущийся шиной о камень бордюра.

Машина остановилась перед самым углом, в нескольких метрах от Кейта, насколько он мог определить по звуку. Кейт двинулся в том направлении, ставя одну ногу на тротуар, а вторую на мостовую, и вскоре крепко приложился голенью о бампер.

— Джо? — тихо позвал он.

— Точно, старина. Карета подана. Прыгай внутрь и поехали. Это заняло больше времени, чем я ожидал, а нам нужно доехать до места, пока еще темно.

Кейт нащупал ручку дверцы, открыл ее и сел.

— Вдоль края ехать приходится медленно, но вдвоем дело пойдет быстрее. Держи фонарь.

Фонарь ткнулся Кейту в ребра, и он принял его. Щелкнув выключателем, он увидел лицо Джо и ветровое стекло, но капот машины уже терялся во мраке.

— Да не так же, — сказал ему Джо. — Направь его на пол машины и держи так. Теперь возьми мелок и проведи линию, вдоль оси машины. Постарайся, чтобы она была ровной.

Кейту пришлось нагнуться, чтобы лучше видеть пол. Начертить прямую оказалось легко: линолеум или похожий на него материал, закрывавший пол машины, имел узор, состоявший из прямых линий. Джо тоже наклонился.

— Хорошо, — сказал он. — Я не знал, что линия там уже есть. Нам будет легче, поскольку мы знаем, что

она прямая. Теперь возьми компас и положи его на линию.

Кейт повиновался.

— Что теперь? — спросил он.

— Пока ничего. Я доеду до угла и поверну на запад. Сколько шагов ты прошел от фонаря до машины? Около десяти?

— Думаю, все пятнадцать.

— Хорошо, тогда я легко доеду до угла и поверну направо. Думаю, до Шестой авеню доберемся без проблем. Там свернем на юг и тогда начнется навигация.

Джо медленно поехал вперед, теперь уже сознательно потираясь о край тротуара. Когда бордюр кончился, он повернул направо и как мог точнее пустил машину под прямым углом к прежнему направлению. Он медленно ехал вперед, пока колеса — теперь с другой стороны машины — не начали снова тереться о камень.

— Так... хорошо, — сказал Джо и, чуть отвернув от тротуара, поехал быстрее.

Кейту показалось, они миновали несколько кварталов, прежде чем Джо остановил машину.

— Мы должны быть недалеко от Шестой авеню, — произнес тот. — Выйди и проверь номер дома.

Кейт вылез, нашел номер. Он вовремя вспомнил, что не должен ориентироваться в Нью-Йорке, поэтому сообщил его Джо безо всяких комментариев.

— Проскочили на два здания дальше, — заметил Джо. — Сейчас вернусь и сверну вправо и тогда поедем по Шестой авеню на юг.

Так он и сделал, но вскоре опять остановил машину.

— Посмотри, далеко ли мы от края, — сказал он Кейту.

Тот снова вылез, а вернувшись, доложил, что край тротуара в двух метрах от них.

— Отлично, — обрадовался Джо. — Теперь поработаем с компасом и фонарем. Линия, которую ты начертил, совпадает с направлением движения, верно? Шестая авеню идет на юго-восток — как и все прямые улицы — а у Минетта-плейс забирает сильнее к востоку; оттуда мы снова поедем по прямой до Спринг-стрит, где свернем в туннель. Следи за компасом и курсом. У меня есть второй фонарь, я буду следить за спидометром, чтобы мы приблизительно знали, где находимся. Время от време-

ни, но не очень часто, будешь выходить и проверять номер дома.

— А если мы на что-нибудь налетим?

— На скорости пятнадцать километров в час наверняка не убьемся, — успокоил его Джо. — Худшее, что может произойти, это столкновение с другой машиной. Будем вилять от края до края тротуара, но если ты хорошо выдержишь курс, наткнемся на него не чаще раза на сто метров. Не наша машина, не наши колеса.

Они двинулись. Джо был опытным водителем, и как бывший таксист, превосходно знал улицы. На всем пути до Спринг-стрит они только дважды коснулись края тротуара и всего два раза Кейту пришлось выйти и проверить номер дома. Во второй раз он отметил, что осталось всего несколько домов до того места, где им следовало свернуть в Голландский Туннель.

В самом туннеле они несколько раз потерлись о бордюр, а на середине пути услышали другую машину, ехавшую со стороны Джерси. К счастью, разминулись, даже не поцарапав друг друга.

Джо хорошо знал и район Джерси, он держался прямых улиц, на которых они могли пользоваться компасом. Через несколько километров он включил фары, и Кейт отметил, что их свет пробивает мрак на три или четыре метра.

— Отлично, старик, — сказал Джо, — теперь туман будет редеть. Можешь отдать мне компас.

Кейт распрямил затекшую спину и крутил головой, пока не прошло покалывание; к этому времени они уже успели выехать на пространство, свободное от черной завесы затуманивания.

Они находились между двумя городами и сквозь стекла машины Кейт видел звезды и Луну в черной пустоте неба.

«Это сон, — подумал он, — я никуда не полечу».

Однако что-то подсказывало ему, что это правда, и он полетит.

Внезапно мысль об этом ужаснула его больше, чем пурпурные чудовища, Люди Ночи, арктуриане и ВБР вместе взятые.

Впрочем, отступать было уже слишком поздно. На жизнь или на гибель, но он отправлялся в Космос.

Глава 15

ЛУНА. И КУДА ДАЛЬШЕ?

В два сорок по часам Кейта Джо остановил машину на дороге и выключил свет.

— Мы на месте, — сказал он. — Конец трассы, старик.

Джо забрал у Кейта фонарь.

— Нужно пройти через эти поля полкилометра или около того. Здесь безлюдно, незачем даже соблюдать осторожность. Надеюсь, никто не украдет у меня машину, пока я не вернусь.

Они перелезли через изгородь и двинулись через поля. Джо шел впереди, светя фонарем, пока не кончились деревья, растущие сразу за ограждением. Потом лунный свет достаточно хорошо освещал им дорогу.

— Как ты собираешься один доехать до города? — спросил Кейт. — Справишься с рулем и компасом?

— Мог бы, если бы ехал очень медленно. Но думаю, что не вернусь сегодня в Нью-Йорк. Поеду в Трентон или еще куда-нибудь и проведу там остаток ночи. А утром, пожалуй, тоже не поеду на краденой машине — о ней уже могли заявить в полицию. Оставлю ее в Трентоне.

Они перелезли еще через одну изгородь и оказались на другом поле. Джо указал куда-то вперед.

— Это сразу за теми деревьями.

Пробираясь сквозь заросли, он вновь включил фонарь, но теперь прикрывал его ладонью и направлял только на землю под ногами. В тени последних деревьев он выключил его и спрятал в карман.

Прямо перед ними находилось нечто, похожее на большую теплицу; внутри стояли два космолета, оба хорошо видимые в лунном свете. Кейту они больше напоминали самолеты, чем космические корабли; даже приблизительно они не походили на сигаровидный корабль, который он видел после того, как хватил лунного. Больший из них имел размеры грузового самолета, меньший был немногим крупнее «пайпера». Крылья, похоже, не убирались и не складывались, как почему-то ожидал Кейт.

— Подожди здесь, — сказал Джо. — Я проверю, все ли чисто.

Вернувшись, он кивком велел Кейту следовать за ним. Они миновали угол стеклянного строения и подошли к двери.

— Держи фонарь, — скомандовал Джо, — пока я не открою.

Он вынул из кармана небольшую отмычку, и через две минуты замок сдался. Войдя внутрь, они закрыли за собой дверь.

Кейт взглянул на крышу здания, но нигде не заметил следов люка. Однако в другом конце ангара виднелись большие двойные ворота. Им придется выкатить через них один из этих кораблей. Интересно, почему Джо не открыл их сразу, вместо того, чтобы возиться с маленькой дверью?

И вдруг Кейт понял, что им вовсе не придется выезжать на корабле из ангара. Космолет мог пролететь прямо сквозь крышу — именно потому весь ангар и был сделан из стекла. Как и швейные машинки профессора Ярли, космолеты могли дематериализовываться и таким образом проникать сквозь толстые стены или крыши, чтобы вновь возникнуть по прибытии к цели. Ангар сделали из прозрачного материала, чтобы можно было нацелить корабль, не выводя наружу.

«Зачем же тогда нужны ворота?» — подумал Кейт и едва не спросил об этом, но вспомнил, что этот принцип не действует в обратную сторону. Возвращающийся на Землю корабль должен был материализоваться вне атмосферы, сесть при помощи крыльев и вкатиться в ангар.

— Оба они «эрлинги», — сказал Джо. — Десятиместный «Скай-мастер» и двухместный «Стар-овер». Какой возьмешь?

— Пожалуй, который поменьше. А ты как посоветуешь?

Джо пожал плечами.

— Большой обойдется тебе не дороже, приятель. Разумеется, тебе его не продать, когда дело будет закончено, все они зарегистрированы. Какой бы ты ни взял, тебе придется его бросить, когда он будет не нужен.

— А управление одинаковое?

— Абсолютно, — ответил Джо. — Однако меньший легче вести в воздухе и ему не нужно большое поле для посадки.

— Тогда пусть будет меньший.

Он обошел его вокруг и отметил, что вблизи он менее

похож на самолет, чем он думал сначала. Крылья были короче и толще и, разумеется, не было винта. Корпус, казавшийся покрытым материей, наощупь больше напоминал асбест.

Присоединившись к Кейту, Джо сказал:

— Здесь у него люк. Просто поверни вот эту ручку; с другой стороны есть точно такая. Но если тебе вдруг приспичит открыть дверь в Космосе, сначала надень скафандр. Они лежат под каждым сиденьем. Итак, если ты открываешь дверь в Космосе, сначала медленно открой клапан в двери, а то воздух вышвырнет тебя наружу. А если выпустишь воздух, потом нужно будет в течение пятнадцати минут заполнять кабину при закрытом люке. Я покажу, как это делается. Идем.

Кейт вошел и занял место за пультом. Джо сел в кресло рядом с ним и все объяснил. Управление состояло из штурвала и двух педалей, как в планере, а поскольку Кейт налетал на планере более ста часов, он не видел особых трудностей.

— Вот здесь визир, — говорил Джо. — Просто нацель его туда, куда хочешь попасть. А на этих циферблатах установи дальность. Большой показывает сотни тысяч километров — можно прыгнуть максимум на пятьсот единиц, то есть на пятьдесят миллионов километров. Если захочешь попасть на какую-то из внешних планет, придется прыгать несколько раз — это главный недостаток «эрлингов». Следующий циферблат градуирован в тысячах километров и так далее, до этого маленького, на котором указаны метры. Теперь, что касается Луны — ты говорил, тебе нужно на нашу сторону, верно?

— Да.

— Тогда нацелься в то место, где хочешь сесть. Установи дальность на... подожди-ка.

Из ящичка на пульте управления, похожего на бардачок в автомобиле, Джо вынул толстый том размером со «Всемирный Альманах», проверил дату издания и сказал:

— Хорошо. Я боялся, что у Эггерса может не быть последнего издания «Астронавигатора», раз он не пользуется кораблем. Но тебе повезло — это то, что надо. Здесь приведены таблицы взаимных расстояний всех объектов Солнечной системы на каждую минуту этого месяца.

Он перелистнул несколько страниц.

— Вот таблица Земля-Луна. Выбираешь, к примеру,

три пятнадцать как время старта и устанавливаешь на циферблатах дальность, которую найдешь в таблице. В три пятнадцать нажимаешь кнопку. Усек?

— А если мои часы спешат на несколько минут? Что тогда? Полечу слишком далеко и материализуюсь под поверхностью Луны?

— Тогда выкинь свои часы, дуралей, — фыркнул Джо. — На пульте управления есть хронометр, который показывает время с точностью до долей секунды. Он не может быть неточным — это родомагнетик.

— Что?

— Родомагнетик, — терпеливо объяснил Джо. — В любом случае ты не врежешься в Луну, потому что есть предохраняющее устройство — вот этот циферблат. Если ты хочешь материализоваться в десяти километрах от поверхности Луны — это обычное расстояние, — тогда устанавливаешь прибор на десять километров и зависаешь именно на таком расстоянии от цели, на которую направил визир. Этот отталкиватель настраивают в зависимости от того, насколько густая атмосфера у данного объекта. Десять километров для Луны, около двадцати пяти для Земли, тридцать для Венеры, пятнадцать для Марса и так далее. Понял?

— Нажимаешь кнопку — и уже на месте, — сказал Кейт. — А потом?

— Как только материализуешься, ты начнешь падать, но гироскоп не даст тебе кувыркаться. Носом вниз ты летишь скользящим полетом до тех пор, пока не войдешь в атмосферу, а уж тогда крылья начинают тебя тормозить. Как только под ними оказывается достаточно воздуха, планируешь и садишься. Вот и все. Если видишь, что садишься не там, где хотел, или подходишь неверно... нажимаешь кнопку. Отталкиватель выбросит тебя снова на десять километров от поверхности, и тогда можешь начинать все сначала. Это все, старина. Усек?

— Конечно, — ответил Кейт.

Выглядело это достаточно просто. Кроме того, с внутренней стороны люка он заметил зажим, в котором покоилась толстая книга с надписью «Инструкция по обслуживанию», так что можно будет заглянуть в нее, в случае чего.

Кейт вынул пачку банкнот и отсчитал три тысячи кредиток, которые обещал Джо. У него оставалось всего пятьсот семьдесят, но они скорее всего, ему не понадобятся.

До утра он либо свернет себе шею, либо доберется до Мекки, который — он на это надеялся — решит его проблемы.

— И лучше отдай мне свое оружие, приятель. Не забывай о взрывчатых веществах, они детонируют в гиперпространстве. Поверь, нет ничего хорошего, когда это происходит в твоем кармане.

Кейт вспомнил, что читал об этом в книге Уэллса.

— Спасибо, что напомнил, Джо, — сказал он. — Сам бы я забыл... и взлетел бы на воздух. Спасибо.

Он протянул Джо свой «сорок пятый».

— Ну что ж, приятель, — сказал Джо, — желаю удачи. Счастливой посадки.

Они обменялись рукопожатием.

Когда Джо ушел, Кейт взял инструкцию и с полчаса читал ее. В книге все объяснялось лучше, чем это делал Джо, и выглядело невероятно просто. Было вовсе не обязательно использовать таблицы расстояний из «Астронавигатора». Достаточно было настроиться на максимальный прыжок — пятьдесят миллионов километров — и воспользоваться отталкивателем, чтобы остановиться на нужном отдалении от объекта. Точные расстояния и остальные циферблаты требовались только тогда, когда один корабль приближался к другому. А в этом случае, подумал Кейт, мне будет достаточно остановиться и позволить второму маневрировать.

Посадка выглядела не труднее посадки на планере; к тому же, если ожидались какие-то осложнения, всегда можно было нажать кнопку, отскочить и начать все сначала.

Кейт посмотрел на Луну и звезды сквозь стеклянный купол кабины и стеклянную крышу ангара, сквозь атмосферу Земли и пустоту Космоса.

Сразу отправиться на Сатурн, или для тренировки слетать на Луну?

Луна казалась такой близкой, такой достижимой. Всего один шаг в сравнении со всей трассой. Не было никаких причин заглядывать туда — ведь ему нужно найти флот, находящийся возле Сатурна. Однако он знал, что шансы добраться до Мекки невелики, и даже если он его найдет, а Мекки оправдает возлагаемые на него надежды, то Кейту придется вернуться в свой собственный мир, который он покинул вечером воскресенья. И у него скорее всего, никогда уже не будет возможности ступить на Луну или

другую планету. А какое значение могла иметь получасовая задержка?

Да, он разминется с планетами, но сейчас, раз уж есть такая возможность, надо ступить на почву, за пределами Земли. А Луна не представляла в этом смысле никакой опасности. В разделе, посвященном Луне, «Инструкция» утверждала, что поля и все поселения находились на другой ее стороне, где имелась вода, а атмосфера была более плотной. На стороне, обращенной к Земле, были только пустыни и горы.

Кейт глубоко вздохнул и пристегнулся к пилотскому креслу. Близилась половина четвертого; он нашел в «Астронавигаторе» расстояние Луны от Земли на это время и установил циферблаты. За несколько секунд до трех тридцати он нацелил визир в самую середину Луны, подождал, пока стрелки родомагнитных (что бы это ни означало) часов покажут точное время, и нажал кнопку.

Ничего не произошло, совершенно ничего. Видимо, он забыл передвинуть какой-нибудь рычаг.

Потом Кейт вспомнил, что закрыл глаза нажимая кнопку, и снова открыл их, чтобы посмотреть на пульт управления. На первый взгляд все было нормально.

Он взглянул через визир, чтобы проверить, по-прежнему ли тот нацелен в середину Луны, но оказалось, что Луны в нем нет. Более того — Кейт нигде не мог ее найти, зато высоко вверху висел большой шар, в несколько раз превосходящий размерами Луну. И совершенно на нее не похожий. Внезапно Кейт понял, что это вовсе не Луна, а Земля висит в трехстах семидесяти тысячах километров над его головой. И всюду вокруг были звезды, тысячи звезд, куда более ярких, чем те, которые он видел с Земли. Великолепные звезды.

Но куда же подевалась Луна?

И тут он обратил внимание на чувство падения, словно ехал вниз скоростным лифтом.

Кейт вспомнил об иллюминаторе в полу кабины, посмотрел вниз и увидел несущуюся на него Луну; удаленная всего на несколько километров, она заполнила весь иллюминатор. Маленький «Стар-овер» повернулся — об этом Кейт догадался бы, если бы немного подумал, — управляемый гироскопом, обеспечивающим необходимое положение корабля относительно цели в момент финиша.

Сердце колотилось в его груди, когда он быстро на-

страивал приборы, готовясь к быстрому отскоку на десять километров вверх, если возникнет такая надобность; потом схватился за штурвал и поставил ноги на педали. Отжав штурвал от себя, Кейт направил корабль носом вниз — наверное, штурвал был соединен с гироскопом, потому что небольшое давление воздуха на поверхность крыльев не могло еще дать такого результата.

Как только корабль оказался направлен вниз, крылья ухватили воздух, и «эрлинг» перешел в скользящий полет.

Это произошло слишком неожиданно, и Кейт не успел подготовиться. Он нажал кнопку.

И вновь, казалось, ничего не произошло, хотя поверхность Луны стала чуть дальше, чем секунду назад.

На сей раз он ждал момента перехода в скольжение. Кейт держал палец на кнопке, пока не пролетел над кратером вулкана и не увидел, что снижается в направлении обширной плоской равнины, на которую сумел бы сесть последний растяпа.

Посадка была превосходной, корабль остановился сам.

Кейт медленно отстегнул ремни. Какое-то время он колебался, держа ладонь на ручке люка и думая, есть ли снаружи воздух. Наличие воздуха на Луне противоречило теории, общепринятой в мире, из которого он прибыл... впрочем, как многие другие вещи.

Наконец он решил, что гадать тут нечего. Если бы воздуха не было, на что бы тогда опирались крылья?

Открыв люк, он вышел наружу. Да, воздух здесь был. Разреженный и холодный, как на вершинах высочайших гор Земли, но вполне пригодный для дыхания. Оглядевшись по сторонам, Кейт поначалу почувствовал разочарование. С таким же успехом он мог находиться на пустынном земном плато, окруженном далекими горами. Он не видел никакой разницы.

Однако чувствовал он себя совершенно иначе. Прежде всего, он был невероятно легким. Кейт подпрыгнул; на Земле это подняло бы его на десяток сантиметров, а здесь он взлетел на несколько метров. Опускался он медленнее, чем ожидал, однако эксперимент этот вызвал легкую тошноту, и Кейт не испытывал желания повторять его.

Он был на Луне — и не чувствовал ничего, кроме разочарования. Все оказалось вовсе не так волнующе, как он ожидал.

Он посмотрел вверх, гадая, что же тут не так. Земля висела на месте, но не была и наполовину такой яркой и

величественной, чем когда он смотрел на нее из свободного космоса.

Кейт задумался, ошибались ли ученые его мира относительно воздуха на Луне. А может, атмосфера на Луне была просто одним из многих отличий, которые он здесь встретил?

Звезды отсюда выглядели ярче, чем с Земли, но не намного. Это тоже было воздействие атмосферы.

Колющий холод в горле и легких напомнил ему, что он замерзнет, если будет долго стоять. Было значительно ниже нуля, а он был одет для летней нью-йоркской погоды.

Вздрогнув, Кейт еще раз оглядел пустой, неприятный пейзаж.

Он стоял на Луне... и ему здесь не нравилось.

Теперь он знал, чего хочет. Он хотел вернуться в свою Вселенную, туда, где еще не достигли Луны. И если ему удастся вернуться, то дьявол его забери, если он подскажет ученым, чтобы бросили работу над ракетным приводом и начали подключать генераторы к швейным машинкам.

Кейт вернулся на корабль — гораздо поспешнее, чем выходил из него — и закрыл люк. Воздух внутри был теперь такой же разреженный и холодный, как и снаружи, но как только люк закроется, обогрев и система восполнения воздуха доведут его до нормы за несколько минут.

Он пристегнулся ремнями, мысленно сказав себе: «Я рад, что разочаровался».

Он радовался потому, что в ином случае уже никогда не был бы доволен своей Вселенной, даже сумев туда вернуться. Весь остаток жизни он помнил бы, что побывал в мире, где возможны космические путешествия, и не воспользовался случаем.

Ну вот, он воспользовался и теперь знал, что и как.

«Возможно, — подумал Кейт, — я слишком стар, чтобы привыкнуть к такому. Если бы это случилось со мной в двадцать лет, а не в тридцать с лишним, и я не был бы так сильно влюблен, может, я и решил бы, что эта Вселенная именно та, какая мне нужна».

Однако все было иначе, и потому он хотел вернуться.

И только искусственный мозг мог ему в этом помочь.

Кейт направил визир на Землю, установил расстояние в сто девяносто тысяч километров — на полпути между

Землей и Луной. Там, в пространстве, он сможет спокойно отыскать Сатурн.

И нажал кнопку.

Глава 16

СУЩЕСТВО С АРКТУРА

Кейт уже свыкся с мыслью, что после нажатия кнопки вроде бы ничего не происходит. Однако на этот раз что-то произошло, пусть даже почти мгновенно, и он удивился. Он испытывал странное, медленно нарастающее чувство, будто его тело теряет вес. Поначалу он чувствовал себя почти нормально, а затем, когда «Стар-овер», находящийся на полпути между Луной и Землей, преодолел инерцию покоя и начал падать к Земле, Кейт совершенно утратил свой вес.

Это было удивительное чувство. Сквозь визир в полу он видел Землю как шар в два раза больший, чем с Луны, а через колпак кабины мог видеть Луну в два раза большую, чем с Земли.

Кейт знал, что падает на Землю, но это его не беспокоило. Падать с высоты в сто девяносто тысяч километров довольно долго. А если он не успеет найти Сатурн и подлетит к Земле опасно близко, всегда можно было снова отскочить на сто девяносто тысяч километров.

Конечно, если Сатурн находится сейчас по другую сторону Солнца, возникнут определенные проблемы, хотя Кейт считал, что сможет разрешить их с помощью «Астронавигатора». Но сначала он хотел найти его невооруженным глазом.

Он начал разглядывать небо, сначала через один, потом через второй визир, надеясь увидеть кольца. Здесь, в Космосе, где не мешает атмосфера, звезды казались огромными в сравнении с теми, какие видны с Земли. Кейт заметил, что Марс и Венера выглядят небольшими дисками, а не точками. Он слышал, что некоторые люди могут видеть кольца Сатурна невооруженным глазом. Здесь, в пространстве, он должен заметить их без труда.

И хотя он не знал нынешнего положения Сатурна, вовсе не обязательно было обшаривать весь небосклон. Кейт достаточно изучил астрономию, чтобы знать о пло-

скости эклиптики и ограничить поиски узкой полосой пространства.

Почти минуту заняло у него установление собственного местонахождения — поскольку он не привык видеть столько звезд одновременно. Звезды не мигали; они казались алмазами, сверкающими на черном бархате, и он, восхищенный их сиянием, с трудом узнавал созвездия.

В конце концов Кейт нашел Большую Медведицу и пояс Ориона, а затем с легкостью определил остальные зодиакальные созвездия — пояс, на фоне которого кружат планеты.

Кейт медленно прошелся по нему взглядом, внимательно изучая каждый объект, находящийся поблизости. Снова нашел он красный диск Марса и ему показалось даже, что он различает красные ниточки каналов.

Около тридцати градусов дальше нашелся и Сатурн. Кольца его были повернуты к Кейту ребром, однако видел он их хорошо.

Взяв «Астронавигатор», он нашел таблицу Земля-Сатурн. Он по-прежнему находился более чем в ста пятидесяти тысячах километров от Земли, хотя с момента прыжка с Луны уже успел преодолеть какое-то расстояние. Однако в сравнении с полной дистанцией этой величиной можно было пренебречь; таблицы Земля-Сатурн должно было хватить. Кейт проверил данные в таблице на половину пятого — 1 523 921 200 километров.

Тридцать прыжков при максимальной дальности одного пятьдесят миллионов километров. Он настроил приборы на максимум и тридцать раз нажал кнопку, делая секундные паузы, чтобы убедиться, что окруженная кольцами планета по-прежнему в визире.

После тридцатого прыжка он увидел Сатурн во всем его великолепии, все еще удаленный более чем на двадцать миллионов километров. Кейт установил на приборах двадцать миллионов, на всякий случай настроив отталкиватель на сто тысяч километров, и снова нажал кнопку.

Ему не пришлось искать корабли флота, они сами нашли его в ту же секунду, как он там оказался.

Кейт вздрогнул, услышав голос:

— Остановись!

Это был настоящий человеческий голос, а не слова, звучащие в голове. Значит, его засек не Мекки.

— Ты арестован, — продолжал человек. — Частным

кораблям запрещено выходить за орбиту Марса. Что ты здесь делаешь?

Теперь он сумел установить источник голоса. Звук шел из небольшого динамика на пульте. Кейт еще раньше заметил закрывающую его сетку, но не задумывался, что это такое. Рядом находилась еще одна, вероятно, она закрывала микрофон. Как бы то ни было, раз уж ему задали вопрос, значит на корабле должно быть устройство, позволяющее ответить на него.

— Я должен увидеться с Мекки, — сказал он. — Это очень важно.

Говоря это, он выглянул через визир и увидел их — несколько удлиненных объектов, окружающих его со всех сторон, заслоняющих большую часть неба. Трудно было сказать, насколько они велики: не зная расстояния, он не мог оценить их размеров, а не зная размеров, не мог прикинуть, как далеко они могут находиться.

Голос решительно произнес:

— Гражданским лицам категорически запрещено приближаться к военным кораблям. Ты будешь отправлен под охраной на Землю и передан в руки властей для наказания. Не пытайся коснуться пульта управления, иначе твой корабль будет немедленно уничтожен. Ты и так не смог бы совершить прыжка, но наши приборы среагируют, если ты коснешься пульта. Это будет расцениваться как попытка к бегству.

— Я не собираюсь бежать, — сказал Кейт. — Я для того и прилетел, чтобы вы меня схватили. Мне нужно увидеться с Мекки. *Я должен* с ним увидеться.

— Ты будешь отправлен на Землю. Сейчас мы войдем в твой корабль, а затем один из нас отвезет тебя. Ты в скафандре?

— Нет, — ответил Кейт. — Слушайте, это очень важно. Мекки знает, что я здесь?

— Знает. Это он приказал нам окружить твой корабль и схватить тебя. Иначе мы уничтожили бы тебя, едва ты материализовался. А теперь слушай приказ: надень скафандр, чтобы можно было открыть люк, и выпусти воздух. Один из нас войдет в корабль и примет управление.

Кейт не слушал его, потому что не собирался выполнять такие приказы. Возвращение на Землю означало верную смерть... Лучше уж умереть сопротивляясь.

А Мекки знал, что он здесь. Это означало, что даже сейчас он находился в мысленном контакте с Кейтом.

Зная, что незачем говорить вслух, и все-таки говоря, поскольку это помогало собраться с мыслями, Кейт обратился прямо к Мекки.

— Мекки! — сказал он. — Ты не забыл об одном деле? Моя смерть ничего не значит для тебя и твоей Вселенной, и я не виню тебя за то, что ты об этом не беспокоишься. Однако ты не забыл, что я прибыл из... другого места? И хотя мы не овладели техникой космических путешествий, у нас может найтись какое-нибудь оружие или изобретение, которое пригодится вам в... в ближайшее время. Я не слышал, чтобы кто-нибудь здесь говорил о радаре. Есть он у вас?

На этот раз ему ответил другой голос. Странно, но он звучал и в голове Кейта и шел из динамика на пульте управления.

— Кейт Уинтон, — произнес он, — я говорил тебе, чтобы ты меня не преследовал. Да, у нас есть радар, есть устройства обнаружения, которые никому в вашей Вселенной даже не снились.

— Слушай, Мекки, — сказал Кейт, — я должен был прилететь... теперь или никогда. Мои планы — те, о которых ты прочел у меня в голове, — не увенчались успехом. И даже ты не всезнающ, а то знал бы, что цена им — пшик... Я предложил рассказы человеку, который сам их написал! Значит, ты проник в мои мысли недостаточно глубоко, иначе знал бы это! Ты не можешь быть уверен, что у меня нет чего-то, что могло бы вам помочь. Откуда тебе знать, что ты проглядел, и что может скрываться в моей голове? Ты изучил меня далеко не до конца. Кроме того, у вас здесь изрядная суматоха. Вы ждете очередного нападения арктуриан, так не упускайте же своего шанса, каким бы ничтожным он ни был!

— Твоя Вселенная довольно примитивна. У вас нет...

— Откуда ты знаешь? — прервал его Кейт. — Тебе не известно даже, как я здесь оказался; какой бы механизм этим ни управлял, вы его не знаете, иначе ты сказал бы об этом.

Из динамика на пульте прозвучал спокойный голос, которого Кейт прежде не слышал.

— Может, в этом что-то и есть, Мекки, — произнес он. — Когда ты рассказывал мне о нем, то признался, что не понимаешь, в чем тут дело, хотя и знаешь, что он нор-

мален и вполне уравновешен. Так почему бы не доставить его сюда? Ты сможешь проанализировать его разум в течение десяти минут; ведь наши прежние усилия все равно ничего не дали.

Голос был молодым, но глубоким, в нем звучала уверенность в себе и, хотя фраза была в сослагательном наклонении, Кейт понял, что это приказ, который тут же будет выполнен.

Кейт понял, что это голос Допелле, великого Допелле, в которого Бетти Хедли — его Бетти Хедли — влюблена по уши. Великолепного Допелле, который держал в руках всю Вселенную... если не считать арктуриан.

«Ах, чтоб тебя», — подумал Кейт.

— Хорошо, — согласился Мекки. — Доставьте его сюда, на флагманский корабль.

Кто-то постучал в люк. Кейт быстро расстегнул ремни и встал.

— Минуточку, — сказал он, — я только надену скафандр.

Он поднял соседнее кресло и нашел под ним скафандр. Несмотря на его толщину, единственную трудность при надевании создавало ограниченное пространство корабля. Застегивался он на молнии — совершенно обычные молнии, отличавшиеся от одежных только тем, что прилипали к рукам из-за какой-то уплотняющей пропитки.

Шлем щелкнул, входя в пазы воротника, а на груди Кейт нашел небольшую коробочку, похожую на аэратор*. Он щелкнул переключателем и закрыл забрало шлема.

Потом он открыл клапан, выпуская воздух, а когда шипение стихло, распахнул люк.

Внутрь вошел человек в скафандре, еще более толстом и неуклюжем, чем тот, который только что надел Кейт. Не говоря ни слова, он сел в кресло пилота и занялся приборами. Через несколько секунд он указал пальцем на люк. Кейт кивнул и вновь открыл его.

Они находились у самого борта большого корабля. С такого близкого расстояния Кейт не мог определить его размеры.

Перед ними открылся люк воздушного шлюза величиной с комнату средних размеров. Кейт вошел в него, и дверь закрылась за его спиной. Кораблю такого размера

---

* Аэрация — искусственное насыщение различных сред воздухом.

необходим был настоящий воздушный шлюз, из которого можно выпускать воздух, когда кто-нибудь входил или выходил в пространство, а на маленьком кораблике, которым он сюда прибыл, практичнее было просто выпускать воздух из кабины.

Когда наружный люк закрылся, послышалось шипение, а едва оно стихло, открылась дверь, ведущая во внутренние помещения.

Сразу за ней стоял высокий, очень красивый молодой человек с черными вьющимися волосами и сияющими черными глазами. Он улыбался Кейту. Несомненно, это и был Допелле.

Он нисколько не походил на Эррола Флинна, однако был при этом красивее и мужественнее его. Кейт знал, что должен бы его ненавидеть, но почему-то не испытывал ничего такого. Удивительно, он сразу полюбил его.

Допелле быстро подошел к нему и помог снять шлем.

— Меня зовут Допелле, — представился он. — А вы тот Уинтон или Уинстон, о котором рассказывал Мекки. Давайте снимем с вас этот скафандр.

Голос его звучал ровно, но в нем чувствовалось беспокойство.

— Ситуация, честно сказать, неважная. Надеюсь, вы правы, и мы на самом деле найдем что-нибудь, что сможем использовать. Иначе...

Освобождаясь от скафандра, Кейт осматривался по сторонам. Корабль был огромен. Помещение, в которое Кейту предстояло войти, вероятно служило центром управления и тянулось метров на тридцать при ширине в девять или десять. В нем находилось множество людей, занятых чем-то в другом его конце — в части, похожей на превосходно оборудованную исследовательскую лабораторию.

Кейт снова посмотрел на Допелле, но тут же перевел взгляд выше. Прямо над ним висел Мекки — шар размером с футбольный мяч, скрывающий искусственный разум.

В голове его вновь прозвучал голос Мекки:

— Может, ты и прав, Кейт Уинтон. Я вижу предмет, который в твоем мире называется конденсатором Бартона. Это каким-то образом связано с ракетой, запущенной на Луну. Чем бы оно ни было, у нас такого нет. Ты знаешь принцип его действия, схему соединений? Не отвечай вслух, просто думай. Так будет быстрее, а время сейчас

дорого... Попытайся вспомнить... Ты видел рисунок и формулы. Ты не помнишь их, но они хранятся в твоем подсознании. Думаю, что смогу их извлечь, используя гипноз. Ты согласен?

— Да, конечно, — сказал Кейт. — А какова общая ситуация?

— Ситуация серьезная, — ответил Допелле вместо Мекки. — Арктуриане вот-вот атакуют. Мы не знаем когда точно, но ясно, что в ближайшие несколько часов. И у них есть кое-что новое. Мы пока не знаем, как с этим справиться — узнали несколько деталей от пленного, которого удалось захватить, но и он не знал всего. Речь идет об отдельном корабле, а не обо всем флоте, но в него вложены усилия последних нескольких лет. В какой-то степени это хорошее известие: если мы его уничтожим, то сможем разбить их флот и быстро закончить войну. Однако...

— Что? — спросил Кейт. — Может, этот корабль настолько велик, что вы не можете его уничтожить?

Допелле нетерпеливо отмахнулся.

— Размеры не имеют значения... хотя это и вправду чудовище — три километра длиной; в десять раз больше того, что мы когда-либо строили. Но главное не это — весь корабль покрыт новым материалом, неуязвимым для того оружия, что мы имеем. Можно целый день забрасывать его атомными бомбами и даже не поцарапать брони.

Кейт кивнул.

— У нас это тоже есть, — сказал он. — В наших фантастических журналах. Я был редактором одного из них.

Допелле заинтересовался.

— Я читал их, — заметил он, — когда был моложе. Просто помешался на них. Конечно, сейчас...

Что-то в выражении его лица всколыхнуло память Кейта.

Где-то он уже видел лицо, похожее на лицо Допелле... и совсем недавно. Нет, не лицо, фотографию. Фотографию более молодого, но куда менее красивого парня...

— *Джо Доппельберг*! — выдавил он, и челюсть у него отвисла.

— Что? — Допелле удивленно посмотрел на Кейта. — Что вы хотите этим сказать?

Кейт быстро закрыл рот. Несколько секунд он смотрел на Допелле, потом сказал:

— Теперь я вас узнал — по крайней мере получил

подсказку, и все начинает складываться в логичное целое. Вы Джо Доппельберг... точнее дублер Доппельберга.

— А кто такой Джо Доппельберг?

— Это фанат научной фантастики из... из того мира, откуда я прибыл. Выглядите вы таким же, как он, точнее, таким, каким он хотел бы стать! Разумеется, вы старше и в тысячу раз симпатичнее, более романтичны и умны... Вы именно такой, каким он хотел бы быть. Вы... он писал мне длинные письма, полные ехидных шуточек, называл меня Ракетчиком, и не любил наших обложек, потому что чудовища были недостаточно чудовищны, а...

Кейт умолк и челюсть его снова отвисла.

Допелле нахмурился.

— Мекки, — произнес он, — да он просто спятил. Ты ничего от него не добьешься. Он совершенно свихнулся.

— Нет, — ответил механический голос, — он не безумен. Конечно, он ошибается, но не сошел с ума. Я слежу за ходом его мыслей и знаю, почему он думает то, о чем говорит. Признаться, это не лишено смысла, хотя он и ошибается. Я могу объяснить ему, что случилось; теперь мне известно почти все, кроме схемы и уравнения, которые нам нужны. Мы должны заняться ими, прежде чем перейдем к объяснениям, иначе никто из нас не уцелеет.

Мекки чуть опустился и завис перед Кейтом.

— Иди за мной, пришелец из другой Вселенной, — сказал он. — Я должен тебя загипнотизировать, чтобы извлечь из твоего подсознания то, что нам нужно. Потом, когда мы начнем над этим работать, я расскажу тебе все, что ты хочешь знать.

— Как вернуться?

— Возможно, хотя пока я ни в чем не уверен. Но теперь я вижу, что та вещь, которую вы знаете, а мы нет — конденсатор Бартона, который в твоем мире стоял на первой ракете, летящей на Луну, — может означать спасение для Земли. И еще раз говорю тебе, что ты ошибаешься. Наш мир так же реален, как и тот, из которого ты прибыл. Это вовсе не чей-то сон. И если арктурианe выиграют, ты умрешь и не сможешь даже попытаться вернуться в свой мир. Ты мне веришь?

— Я... не знаю.

— Идем, я покажу тебе, от чего ты можешь спасти Землю. Хочешь увидеть арктурианина? Живого арктурианина?

— Ну... почему бы и нет?

— Тогда иди за мной.

Мекки поплыл через помещение и Кейт последовал за ним. В голове его зазвучал голос:

— Это тот, которого мы схватили в разведывательном корабле недалеко от Альфы Центавра — первый пленник за долгое время. Из его разума — если это можно назвать разумом — я и узнал об огромном корабле, который может уничтожить весь наш флот, если мы не уничтожим его первыми, а также о его вооружении и броне. Может, после того, как ты его увидишь...

Дверь открылась, показав еще одну, стальную, ведущую в камеру. Одновременно в дверях камеры вспыхнул свет.

— Это, — произнес голос Мекки, — и есть арктурианин.

Кейт шагнул вперед, чтобы взглянуть через решетку, и тут же отпрянул, почувствовав приступ тошноты. Закрыв глаза, он прислонился к стене, едва не потеряв сознание от ужаса и отвращения.

А ведь он увидел лишь часть тела арктурианина. Даже теперь он не имел понятия, как выглядит весь чужак, и *не хотел* этого знать, потому что вид существа за решеткой мог довести человека до безумия.

Эта форма жизни была совершенно чужда людям. Даже Джо Доппельберг не смог бы придумать *такого.*

Стальная дверь закрылась.

— Это арктунианин в своем собственном теле, — сказал Мекки. — Может, теперь ты поймешь, почему в арктурианских шпионов, скрывающихся в телах людей, стреляют без предупреждения. Когда-то, в первые дни войны, нескольких арктурианин привезли на Землю и показали ее жителям, чтобы подготовить их к долгой и яростной борьбе за выживание. Люди Земли видели таких, как этот, знают возможности, которыми располагает арктурианин, овладевший человеческим телом. Вот почему земляне при малейшем подозрении стреляют в каждого, кто может оказаться арктурианским шпионом. Теперь, увидев его, ты их понимаешь?

У Кейта пересохло во рту.

— Да, — хрипло произнес он, по-прежнему ощущая ужас и отвращение; он едва осознавал, что говорит ему Мекки.

— *Это*, — продолжал шар, — уничтожит людей и заселит Солнечную систему, если мы не справимся с кораблем, который скоро будет здесь. Идем, Кейт Уинтон.

Глава 17

БЕСКОНЕЧНОЕ МНОЖЕСТВО ВСЕЛЕННЫХ

Кейт Уинтон испытывал легкое ошеломление. Он чувствовал себя так, словно упился и теперь протрезвел, или как если бы был под наркозом и еще не совсем пришел в себя.

Впрочем, это не вполне определяло его состояние. Хотя физически он испытывал сонливость, разум его оставался ясным... пожалуй, даже кристально ясным. Просто-напросто в него запихнули слишком много информации разом, и мозгу трудно было усвоить ее.

Он сидел на небольшом помосте, окруженном стальными перилами и возвышающимся над центром управления флагманского корабля, глядя, как Допелле со своими людьми быстро и умело монтирует нечто, похожее на сильно увеличенную и модифицированную версию того, что Кейт видел на иллюстрации в научном журнале, издававшемся на Земле... на его Земле. Это был конденсатор Бартона. Именно в журнале видел он схему соединений и формулу, описывающую электрическое поле.

Мекки висел над работающими, над самым плечом Допелле, метрах в двадцати от Кейта. Однако он говорил с ним, голос шара звучал в его голове. Видимо, расстояние не играло роли для Мекки.

Кейт подозревал, что Мекки ведет не один такой разговор одновременно, ибо не подлежало сомнению, что беседующий с ним шар наблюдал за работой Допелле и его людей.

— Разумеется, тебе трудно понять это, — говорил Мекки. — Бесконечность вообще трудно понять. И все-таки существует бесконечное число Вселенных.

— Но где? — мысленно спрашивал Кейт. — В параллельном измерении или где-то еще?

— Измерение — всего лишь свойство Вселенной, — сказал Мекки, — и его можно отнести лишь к данной конкретной Вселенной. Впрочем, Вселенная — сама по себе являющаяся бесконечным пространством — всего лишь точка, безразмерная точка. На кончике иголки можно уместить бесконечное количество точек, следовательно, на нем столько же точек, что и в бесконечной Вселенной; или в бесконечном числе бесконечных Вселенных. А бес-

конечность, возведенная в бесконечную степень, остается бесконечностью. Понимаешь?

— Почти.

— Итак, имеется *бесконечное множество сосуществующих Вселенных*, среди которых находится и та, откуда ты прибыл. Все они одинаково реальны. Ты понимаешь, что означает это бесконечное количество Вселенных, Кейт Уинтон?

— Ну... и да, и нет.

— Это означает, что в этой бесконечности *существуют все вообразимые Вселенные*. Есть, например, такая, в которой эта сцена повторяется во всех деталях, за исключением того, что ты — или твой аналог — носишь черные башмаки вместо коричневых. Существует бесконечное множество подобных вариантов, в которых ты можешь иметь небольшую царапину на указательном пальце левой руки или, скажем, пурпурные рога и...

— И каждый из них — это я?

— Нет, — ответил Мекки, — ни один из них не ты; во всяком случае, не в большей степени, чем является тобой Кейт Уинтон нашей Вселенной. Я использовал неподходящее местоимение. Каждый из них является самостоятельной личностью, как здешний Кейт Уинтон. В данном конкретном случае существуют значительные внешние отличия... собственно говоря, полное отсутствие сходства. Однако и ты, и твой аналог здесь имеете примерно одинаковые биографии. Например, ты установил, что оба вы написали одни и те же рассказы. Также существует сходство между моим хозяином, Допелле, здесь и фанатом научной фантастики по фамилии Доппельберг в твоей Вселенной... но это не один и тот же человек.

— Если существует бесконечное множество Вселенных, — задумчиво произнес Кейт, — то должны существовать и все возможные комбинации. Значит, все должно где-то быть правдой. Я хочу сказать, что невозможно написать фантастическое произведение, потому что — каким бы невероятным оно ни было — нечто подобное непременно имеет где-то место. Так?

— Разумеется. Существует Вселенная, в которой Гекльберри Финн является реальным человеком, совершающим поступки, которые заставил его делать в своих книгах Марк Твен. В сущности, имеется бесконечно много

Вселенных, в которых Гекльберри Финн делает то, что Марк Твен *мог бы* заставить его делать. Независимо от того, какие изменения мог бы внести в свои книги Марк Твен, все равно они оказались бы правдой.

У Кейта Уинтона закружилась голова.

— Значит, есть бесконечное множество Вселенных, в которых мы — или наши аналоги — монтируем устройство Бартона, чтобы побить атакующих арктурианн? И в некоторых побеждаем, а в некоторых проигрываем?

— Верно. И, конечно, есть бесконечное множество Вселенных, в которых мы вообще не существуем... то есть, не существуют создания, подобные нам. Такие, в которых не существует человек. Есть, например, бесконечное множество Вселенных, в которых доминирующей формой являются цветы, или таких, в которых не возникла и никогда не возникнет вообще ни одна форма жизни. И бесконечное множество Вселенных, которых мы не можем ни описать, ни представить.

Кейт зажмурился и попытался представить Вселенную, которую невозможно представить. Он вновь открыл глаза, когда Мекки сказал:

— В бесконечности должны существовать все возможные комбинации, следовательно, есть бесконечное множество Вселенных, в которых ты умираешь в течение следующего часа, пилотируя ракету, атакующую гигантский корабль с Арктура. Потому что именно ты будешь ее пилотировать.

— Что-о?!

— Ну, разумеется, добровольно. Возможно, таким образом тебе удастся вернуться в свою Вселенную. А ты хочешь туда вернуться, я ясно читаю это в твоих мыслях. Если решишься — у тебя будет шанс. Однако не спрашивай, удастся ли это в нашей Вселенной. Я не ясновидящий.

Кейт тряхнул головой, пытаясь собраться с мыслями. Оставался еще миллион вопросов, которые он хотел бы задать. Он начал с самого важного; может, теперь, когда он лучше разбирался в ситуации, ответ не покажется ему таким туманным, как в первый раз.

— Мог бы ты еще раз объяснить, как я здесь оказался?

— Ракета, направленная на Луну, вероятно, упала на Землю недалеко от тебя. Скорее всего, в нескольких мет-

рах. Машина Бартона сработала. Это был не взрыв, хотя некоторые эффекты оказались похожими. Однако, изучив проблему, я вижу, что эффект действия электрического поля довольно своеобразен. Каждый, оказавшийся в центре вспышки, а не на ее периферии, не гибнет, а просто выбрасывается из своей Вселенной в другую, в одну из бесконечного их числа.

— Как ты можешь знать это? Ведь эффект Бартона — новинка для вас.

— Частично я вывел это из того, что случилось с тобой, а частично выяснил благодаря анализу, гораздо более вдумчивому, чем тот, который провели на твоей Земле, эффекта и формулы Бартона. Однако хватило бы только первого, даже без научного обоснования. Ты был там, а теперь ты здесь. Кроме того, в твоих мыслях я нашел объяснение, почему из всех возможных Вселенных ты оказался именно в этой.

— Ты хочешь сказать, это не было случайностью?

— Ничто не бывает случайно. Так произошло потому, что в тот момент ты думал именно об этой Вселенной. Точнее, о своем фэне, Джо Доппельберге, и гадал, о какой Вселенной он мечтает, какой вид Вселенной устроил бы его. Вот это она и есть. И это вовсе не значит, что данная Вселенная нереальна. Ни ты, ни Джо Доппельберг не *придумали* этой Вселенной, она *уже* существовала. Это просто одна из бесконечного множества Вселенных, именно такая, о какой ты думал в момент вспышки... точнее, такая, о какой, по твоему мнению, мечтал бы Джо Доппельберг.

— Кажется, теперь я понимаю, — сказал Кейт. — Это многое объясняет. Например, почему Девушки Космоса носят такие наряды. Джо Доппельберг придумал бы нечто подобное... точнее, я считал, что он придумал бы. И...

Он размышлял о стольких вещах одновременно (и все укладывались в логическое целое), что не мог выразить этого словами.

Допелле был именно таким, каким хотел бы стать Доппельберг, включая и романтически звучащую фамилию.

Теперь можно было объяснить множество мелких деталей. Джо Доппельберг посетил контору Бордена во время отсутствия Кейта, а значит, не видел Уинтона и не знал, как тот выглядит. Однако на основании переписки

он составил себе его предполагаемый образ, которому соответствовал Кейт Уинтон этого мира — более высокий и стройный, чем Кейт, выглядевший серьезнее из-за очков; короче говоря, типичный редактор. Если бы Джо видел Кейта, этот образ совпадал бы с оригиналом, и местный Кейт Уинтон оказался бы как две капли воды похож на Кейта оттуда. То есть, если выражаться точнее, Кейт был бы перенесен во Вселенную, в которой Кейт Уинтон похож на него, как брат-близнец.

Джо Доппельберг несомненно видел Бетти в конторе Бордена. Он не знал, что девушка работала там всего несколько дней — и в этой Вселенной это было не так. Он не знал об имении Бордена в Гринвилле, поэтому здесь Борден не имел этого дома, если вообще имел какой-нибудь. А должен был иметь.

Да все совпадало — даже изменение облика чудовищ на обложках журналов... Настоящие, жуткие БЕМы, которых требовал Джо Доппельберг.

Кроме того, во многих отношениях эта Вселенная была именно такой, какую мог бы придумать подросток. Старые автомобили и космические корабли. Люди Ночи. Атмосфера на Луне. Обычное огнестрельное оружие на Земле и Бог знает, чем вооруженные корабли космического флота. Лунный коктейль и ВБР.

И Доппельберг, превратившийся во владыку Вселенной, за исключением враждебного Арктура. Допелле — суперученый, создатель Мекки, единственный человек, побывавший на планетах Арктура и вернувшийся живым.

Допелле — жених Бетти Хедли. Разумеется, он влюбился в нее с первого взгляда в день, когда увидел девушку в конторе Бордена. И за одно это Кейт не мог его винить.

Вселенная а la Доппельберг.

Впрочем, Кейт снова поправил себя: Вселенная а la Доппельберг, которую мог бы придумать Кейт, сознательно и подсознательно. Сам Джо не имел с этим ничего общего. Это была Вселенная, которую — по мнению Кейта — придумал *бы* Доппельберг. Включая все детали, о которых тот бы не подумал.

Мекки был прав — все слишком хорошо сходилось, чтобы быть неправдой.

Люди под помостом завершали работу над устройством, лишь отдаленно напоминающим конденсатор, который Кейт видел когда-то на иллюстрации. Вероятно, Мек-

ки, поняв принцип действия, сделал его гораздо мощнее и эффективнее.

Мекки поднялся на высоту балкона и завис перед Кейтом.

— Теперь его установят вместо боеголовки в капсуле, снабженной ракетными двигателями, — сказал он. — Я не могу предсказать, как подействует телепортация на поле Бартона, поэтому мы не можем рисковать и устанавливать агрегат на чем-то более крупном. А времени для экспериментов нет. Кому-то — ты получишь шанс стать первым добровольцем — придется вывести капсулу из корабля-матки и вести ее до тех пор, пока в аппарате Бартона накопится необходимый заряд. Это будет небывало мощный заряд.

— Сколько времени это займет? — спросил Кейт, уже зная, что вызовется добровольцем.

— Считанные минуты. Точнее говоря, максимальный заряд накопится за четыре минуты и пятнадцать секунд. Дальнейший полет ракеты не увеличит и не уменьшит потенциала. Затем ракета начнет описывать круги вблизи флагманского корабля — первой цели арктуриан. Когда их огромный корабль материализуется перед нами, капсула должна будет с ним столкнуться. Арктурианский корабль будет лишен инерции; любой корабль из тех, которые у нас есть, может столкнуться с ним и не причинить ему никакого вреда. Ни одно наше оружие не возьмет его. Он пройдет сквозь наши ряды, сея смерть и разрушение, и то же потом, после победы над нами, сделает на Земле. Разве что этот аппарат Бартона — новость и для нас, и для них — сможет его уничтожить.

— А он сможет?

Если голос Мекки мог звучать угрюмо, это произошло именно сейчас.

— Думаю, да. Это станет ясно, когда капсула столкнется с кораблем. Я вижу в твоих мыслях, что ты вызовешься добровольцем на это задание, чтобы вернуться в свой мир. Это огромная честь. Любой из команды нашего корабля пойдет на это, если ты откажешься.

— А смогу ли я управлять капсулой? Я понятия не имею, как это делать, я в жизни не видел такой капсулы. Ею труднее управлять, чем «эрлингом»?

— Это не имеет значения, — ответил Мекки. — Прежде чем ты поднимешься на борт, я запишу в твоем

мозгу навыки управления. Ты будешь делать все машинально, не задумываясь. Вообще ты должен все делать машинально, если хочешь вернуться в свою Вселенную, а не просто покинуть нашу. Твой разум не должен отвлекаться на управление ракетой.

— Почему?

— Потому, что ты должен сосредоточиться на Вселенной, в которую желал бы вернуться, вспомнить ее во всех подробностях. Говоря точнее, сосредоточься на месте, в котором ты находился неделю назад, когда рядом с тобой упала ракета. Разумеется, пусть это будет не тот самый момент, пусть пройдет какое-то время, иначе ты окажешься там в самый раз для того, чтобы снова перенестись в иную Вселенную. Твое недельное отсутствие можно объяснить амнезией, вызванной шоком. А из Гринвилла ты можешь отправиться в Нью-Йорк, к Бетти Хедли — *своей* Бетти Хедли, если сумеешь этого добиться.

Кейт слегка покраснел. Не очень-то приятно, когда читают твои мысли, даже если это делает искусственный мозг.

Люди Допелле выкатили готовый агрегат.

— Долго продлится установка на ракету?

— Минут десять или даже меньше. А теперь расслабься и закрой глаза, Кейт Уинтон. Я запишу в твой мозг навыки управления кораблем, на котором ты полетишь.

Кейт Уинтон закрыл глаза и расслабился.

Глава 18

РАКЕТЧИК

Снабженная ракетными двигателями капсула висела в космосе, в полумиллионе километров от Сатурна и в ста километрах от флагманского корабля земного флота. Кейт видел корабль на экране и знал, что с него за ним следит каждый, кому удалось протиснуться к монитору.

В данный момент — ненадолго — он был героем этой Вселенной. На какое-то время он стал даже выше Допелле. Ему предстояло совершить то, чего никогда не смог сделать Допелле — уничтожить мощь и силу Арктура.

«Ничто, — с иронией подумал он, — совершенное

им в этой Вселенной, не сравнится с тем, как он ее покинет».

Честно говоря, он сделал неплохую карьеру: из преследуемого шпиона, в которого стреляли без предупреждения, превратился в героя, способного спасти человечество. Правда, он не сможет увидеть, спас его или нет, разрушит эффект Бартона корабль арктуриан или нет, убьет он Кейта Уинтона или перебросит его... куда-то. Кейт надеялся, что в его собственную Вселенную.

Интересно, поставят ли ему памятник, если все получится? Станет ли день рождения Кейта Уинтона национальным, международным, межпланетным праздником? Насколько же странным покажется это тому, второму Кейту Уинтону, который принадлежал этому миру и, несомненно, родился в тот же самый день. Людям придется называть одного из них Кейтом Уинтоном Вторым.

Из бесконечности Кейтов Уинтонов в бесконечности Вселенных и бесконечности Вселенных, в которых не было никакого Кейта Уинтона, и по крайней мере одной — нет, скорее, другой *бесконечности* Вселенных — где Кейт Уинтон существовал, но исчезал после взрыва ракеты...

Однако эта Вселенная была реальной. По крайней мере пока.

И он, Кейт Уинтон, запертый в этой небольшой сигарообразной ракете размером десять метров на два, может совершить то, что не удалось всему флоту Земли.

Возможно ли это? Мекки сказал, что да, а Мекки должен знать... если это вообще кому-либо ведомо. Нечего беспокоиться. Или получится, или нет. Если нет, он не доживет до того, чтобы это увидеть.

Кейт проверил управление, описав ракетой круг диаметром не более километра, и остановился точно в той точке, из которой начал. Трудный маневр, но для него теперь легкий — благодаря Мекки он стал искусным пилотом.

Старый Ракетчик, подумал Кейт, вспомнив, как подписывал свою рубрику в «Поразительных Историях». Если бы только фэны могли видеть его сейчас! Он улыбнулся.

— Он приближается, — произнес в его голове голос Мекки. — Я чувствую вибрацию гиперпространства. Приготовься, Кейт Уинтон.

Он посмотрел на монитор и сбоку экрана заметил чер-

ную точку. Коснувшись штурвала, вывел точку в самый центр и дал полную тягу.

Черная точка начала расти, сначала медленно, потом все быстрее, и наконец заполнила весь экран. Она заполнила весь экран, несмотря на то, что продолжала оставаться довольно далеко. Этот корабль был сущим чудовищем!

Кейт увидел, как открываются амбразуры вражеского корабля, как стволы орудий поворачиваются в его сторону. Впрочем, у них не будет времени сделать хотя бы выстрел — столкновение произойдет через долю секунды.

Всего через долю секунды!

Быстро, лихорадочно попытался он сосредоточиться на Земле, на своей Земле, и саде недалеко от Гринвилла, штате Нью-Йорк. На Бетти Хедли, прежде всего на Бетти Хедли. На привычных долларах и центах, на ночной жизни Бродвея без затуманивания. На всем, что знал и любил.

Перед его мысленным взором проносились образы, как это должно быть (но на самом деле не бывает) с тонущими. «Боже, — мелькнула у него мысль, — почему я не подумал об этом раньше? Ведь это вовсе не обязательно должен быть точно тот мир, который я покинул. Он может быть лучше! В моем распоряжении бесконечное множество Вселенных, и я могу выбрать такую, которая будет хотя бы немного лучше. Я могу выбрать Вселенную, почти такую же, как моя, только... моя работа... Бетти...»

Разумеется, все эти мысли возникали в его голове не в такой форме, не слово за словом. Они не были такими складными — просто вспышка понимания, что он мог бы сделать, если бы успел все как следует обдумать.

А потом, когда ракета ударила в самый центр чудовищного корабля, полыхнула еще одна ослепительная вспышка. Совершенно иного рода.

Кейт вновь не почувствовал никакого прыжка. Он снова лежал, растянувшись на земле, и снова был ранний вечер. На небе светили звезды и Луна, и Кейт отметил, что Луна была в первой четверти, а не молодая, как в воскресенье вечером.

Он огляделся и увидел, что лежит на почерневшей и сожженной земле. Недалеко виднелись развалины чего-то, бывшего некогда домом. Кейт узнал знакомую ле-

стницу. Узнал он и почерневший обрубок дерева рядом с собой.

Все выглядело так, словно взрыв и пожар произошли не менее недели назад.

«Хорошо, — подумал Кейт, — значит, я вернулся в нужное время и место».

Он встал и расправил руки и ноги, слегка затекшие после путешествия в тесной кабине ракеты. Затем вышел на дорогу — ту самую, что проходила мимо имения.

Ему по-прежнему было не по себе. Почему он рискнул и в последний момент дал мыслям полную свободу? Так слишком легко было совершить ужасную ошибку. А что, если?..

Показался грузовик. Кейт остановил его и доехал до Гринвилла. Водитель оказался неразговорчив, и за всю дорогу не сказал ни слова.

Кейт вылез на главной площади города и поблагодарил шофера.

Торопливо подбежал он к стойке с газетами, чтобы взглянуть на заголовки. «Гиганты» побеждают «Бродяг», прочел он и облегченно вздохнул, чувствуя, что весь покрылся потом.

Вытерев пот со лба, Кейт подошел к продавцу.

— Есть у вас «Поразительные Истории»? — спросил он.

Это была еще одна проверка.

— Пожалуйста, сэр.

Он взглянул на знакомую обложку и констатировал, что девушка и чудовище на ней такие, какими и должны быть, а цена указана в центах, а не кредитках.

Кейт вновь облегченно вздохнул, полез в карман за мелочью и только тут сообразил, что у него нет денег. Осталось только около пятисот семидесяти кредиток, насколько он помнил. Лучше их даже не доставать.

Смущенный, он отдал журнал продавцу.

— Простите. Я вышел из дому без денег.

— О, ничего страшного, мистер Уинтон, — сказал тот. — Заплатите при случае. А если... гмм... вы вышли из дому без денег, то, может, вам немного одолжить? Двадцати долларов хватит?

— Наверняка, — ответил Кейт. Это было даже больше, чем стоил билет до Нью-Йорка. Только откуда мог знать его продавец в такой дыре как Гринвилл? Он свер-

нул журнал и сунул в карман, пока мужчина открывал кассу.

— Большое спасибо, — сказал Кейт. — Только... гмм... дайте мне девятнадцать восемьдесят, чтобы я не был должен вам за журнал.

— Конечно, пусть будет ровно. Господи, как я рад видеть вас, мистер Уинтон. Мы думали, вы погибли при падении ракеты. Все газеты так написали.

— Похоже, они ошиблись, — сказал Кейт.

Ну конечно, подумал он, вот откуда этот человек знает меня. В газетах наверняка поместили фотографию гостя Бордена, который, вероятно, погиб в катастрофе.

— Искренне рад, что это была ошибка, — сказал продавец.

Кейт спрятал в карман сдачу с двадцати долларов и вышел. Темнело, так же как в прошлую субботу вечером. Так, и что теперь? Он не мог позвонить Бордену.

Борден погиб или оказался в иной Вселенной; Кейт надеялся, что второе. Оказались ли Бордены и другие, кто был в усадьбе, достаточно близко от центра вспышки, чтобы с ними произошло то же, что и с ним? Кейту хотелось думать, что да.

Неприятные воспоминания заставили его обойти аптеку на углу, в которой — казалось, это было века назад — он увидел своего первого пурпурного БЕМа и едва не был застрелен аптекарем. Разумеется, теперь это ему не грозило, но все-таки он пошел в другую аптеку, находившуюся в квартале от первой.

Там он вошел в телефонную кабину... да, аппарат имел отверстие для монет. Попробовать позвонить в Издательства Бордена в Нью-Йорке? Часто бывало, что кто-нибудь работал допоздна; может, он и сейчас застанет кого-то. А если нет, звонок ничего не будет ему стоить.

Кейт вернулся к стойке с сигаретами и получил горсть мелочи за две долларовых банкноты, которые дал ему продавец газет. Затем опять вошел в кабину.

Какой номер междугородного коммутатора Гринвилла? Он взял телефонную книгу, прикрепленную цепочкой к стене, и открыл ее сначала на букве Б. Когда он в последний раз листал подобную книгу, то не нашел в ней никакого Л. А. Бордена. С этого и начались его неприятности.

На сей раз — просто чтобы убедиться — он вновь быстро провел пальцем вдоль колонки, где должна была находиться эта фамилия.

Ее не было. В книжке не значился никакой Л. А. Борден.

Кейт тяжело привалился к стене будки и закрыл глаза. Потом поискал еще. Ничего не изменилось.

Неужели какая-то смутная мысль в последний момент изменила все и перенесла его во Вселенную, не похожую на ту, которую он покинул? Если так, то это первый признак... разве что добавить продавца, назвавшего его по фамилии... а это можно было легко объяснить. Однако отсутствие в книге Бордена?

Кейт выхватил из кармана экземпляр «Поразительных Историй» и открыл его на оглавлении. Затем провел пальцем по колонке мелкого шрифта до места, где значилось...

Рэй Уилер, главный редактор.

Не Кейт Уинтон, а Рэй Уилер. Кто же он такой, этот Уилер?

Кейт быстро посмотрел на фамилию издателя, желая проверить, совпадает ли она. Не совпадала...

Вместо «Объединенные Издательства Бордена» было напечатано: «Объединенные Издательства Уинтона». Кейт смотрел на это тупым взглядом и только через пять секунд понял, откуда ему знакома фамилия Уинтон.

Когда он наконец сообразил, что это его собственная фамилия, то снова схватил телефонную книгу и на сей раз заглянул в букву У. В списке значился Кейт Уинтон, живший на Сидербург Роуд, а также знакомый номер: Гринвилл-111.

Ничего удивительного, что продавец газет знал его! Все-таки он кое-что изменил в ту последнюю долю секунды! В этой Вселенной Кейт Уинтон был владельцем одного из крупнейших издательств страны и владел именем в Гринвилле. Он был миллионером!

Это последнее напомнило ему о работе... и о Бетти.

Кейт едва не сломал себе палец, запихивая монеты в отверстие автомата. Он так и не проверил номер междугородного коммутатора Гринвилла, поэтому набрал ноль и попросил междугородную. Получилось.

— Соедините меня с Нью-Йорком, — сказал он. — И пожалуйста, пусть междугородная в Нью-Йорке проверит, есть ли там абонент по фамилии Бетти Хедли, и соединит меня с ней, если есть. Пожалуйста, поскорее!

Через несколько минут телефонистка сказала ему, сколько монет он должен бросить, и добавила: «Соединяю!»

— Алло, — услышал он холодный голосок Бетти.

— Бетти, это Кейт Уинтон. Я...

— *Кейт*! А мы думали, что... В газетах... Что случилось?

Он обдумал это еще в ракете, как и подсказывал Мекки.

— Похоже, я оказался недалеко от места взрыва, но не в самом центре. Видимо, потерял сознание и, хотя не был ранен, шок вызвал амнезию. Вероятно, я бродил вокруг имения, пока не пришел в себя. Сейчас я в Гринвилле.

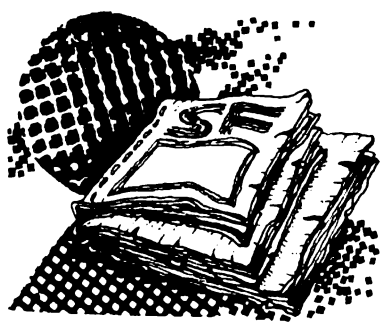
— О, Кейт, это просто здорово! Это... у меня слов не хватаст! Ты едешь в Нью-Йорк?

— Так быстро, как только смогу. Здесь есть небольшой аэродром... мне так кажется... так что я закажу такси и чартер до Нью-Йорка. Буду примерно через час. Ты приедешь меня встречать?

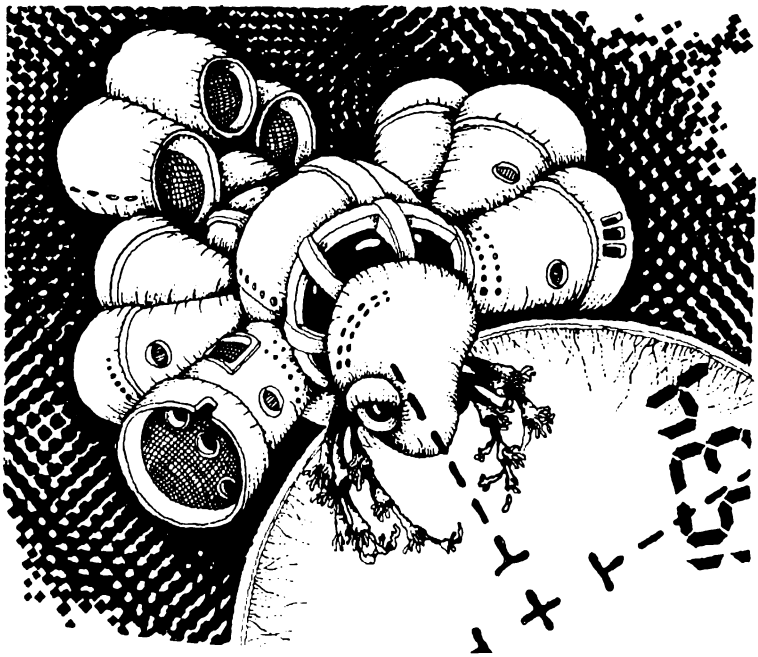
— Приеду ли я? Любимый... О, любимый мой!

Секунду спустя Кейт Уинтон с ошеломленным и глуповатым выражением лица выскочил из телефонной кабины и побежал ловить такси.

«Вот, — думал он по пути в аэропорт, — это та самая Вселенная, которая мне подходит».



ПЕРСОНА
ГРАТА



ПРИКАЗ ЕСТЬ ПРИКАЗ

Далеко-далеко, на крошечной планетке, что вертится вокруг тусклой звездочки на самом краю Галактики — люди еще не скоро туда доберутся, — воздвигнут Памятник Землянину. Огромный, высотой почти в десять дюймов, он отлит из драгоценного металла. Скульпторы искусно воспроизвели черты человека.

По памятнику ползают букашки...

Они патрулировали сектор 1534; это за много парсеков от Солнца, в зоне Сириуса. Такие кораблики — двухместные разведчики — издавна использовались для патрулирования вне системы. Когда прозвучал сигнал тревоги, капитан Мэй и лейтенант Росс играли в шахматы.

— Выключи его, Дон, а я тем временем помозгую, — сказал капитан Мэй.

Он даже не повернулся, совершенно уверенный, что радар всполошился из-за шального метеора. Кораблей в этом секторе не было и быть не могло: люди проникли в Космос уже на тысячу парсеков, но пока не встретили разумных соседей. Откуда же здесь взяться кораблю?

Росс лениво крутнул свое кресло и оказался лицом к пульту. Он глянул на экран и даже рот открыл от изумления — перед ним был корабль!

— Кэп! — позвал он, и в тот же миг шахматная доска полетела на пол, а Мэй оказался у него за спиной, дыша в затылок.

— Огонь! — скомандовал капитан.

— Но это же наш! Лайнер класса «рочестер». Не знаю, кой черт его сюда занес, но нельзя же...

— Посмотри получше, Дон.

Лейтенант Росс и так не отрывал глаз от экрана. Он быстро понял, что имел в виду капитан: корабль только *походил* на «рочестер». В его линиях ощущалось что-то чужое. Да, именно — чужак, закамуфлированный под *рочестер*. Еще не успев толком осознать это, Росс бросил руку на гашетку.

Держа палец на спуске он взглянул на дальномер Пикара и детектор Монолда. Оба показывали ноль.

Росс ругнулся.

— Кэп, он сбивает показания приборов! Мы не можем определить ни размеры, ни массу, ни дистанцию!

Капитан Мэй кивнул. Лицо его было бледно.

«Успокойтесь люди», — отдалось в мозгу Росса. — *«Мы вам не враги»*.

Росс в недоумении уставился на капитана.

— Да, я тоже слышал, — ответил тот на немой вопрос. — Телепатия.

— Дьявол! Если они телепаты...

— Огонь, Дон! Наводи по визиру.

Росс нажал гашетку, и на экране полыхнула ослепительная вспышка. А потом — ничего. Не было даже обломков.

Адмирал Сазэрленд отвернулся от звездной карты, что занимала всю стену и угрюмо глянул на Мэя с Россом.

— Нечего пересказывать мне ваш рапорт, Мэй, — сказал он. — Вас обоих подвергли психосканированию, так что мы представляем бой в мельчайших подробностях. Наши аналитики проработали всю информацию и сделали соответствующие выводы. Я вызвал вас, чтобы объявить приговор. Вам известно, чем карается неподчинение приказу?

— Да, сэр, — выдавил Мэй.

— Чем же?

— Смертной казнью, сэр.

— И какой же приказ вы нарушили?

— Основной приказ номер тринадцать-девяносто, параграф двенадцатый, пункт четыре—А. «Земной корабль, военный или любой другой, встретив корабль неземного происхождения, должен уничтожить его немедленно и без предупреждения. В случае неудачи капитану предписывается направить свой корабль в открытый космос курсом от Земли и лететь так, пока не кончится топливо».

— А зачем, по-вашему, это придуманно? Я хочу знать, понимаете ли вы смысл приказа, хотя, строго говоря, приказы надо не толковать, а исполнять.

— Да, сэр. Это предусмотренно для того, чтобы чужой корабль не мог последовать за земным и таким образом обнаружить Солнечную систему.

— Понимаете, значит... И все же нарушили. Вы ведь не были уверены, что уничтожили чужой корабль. Что можете сказать в свое оправдание?

— Я подумал, что в этом нет необходимости. Чужак не проявлял агрессивности, сэр. И еще: обращаясь к нам, они применили слова «люди», значит, знали откуда мы, сэр.

— Ничего подобного! Телепатема передавалась нелюдским мозгом, но принята была людскими. Ваш мозг и мозг лейтенанта автоматически интерпретировали ее. Нет никаких оснований полагать, будто они знали, кто вы и откуда.

Лейтенант не имел права вступать в разговор, но все же спросил:

— А вы, сэр, сомневаетесь в их дружелюбии?

— Чему вас учили, лейтенант? — фыркнул адмирал. — Вы, похоже, не поняли сущность нашей оборонительной доктрины. Почему мы вот уже четыреста лет патрулируем Космос в поисках чужаков? Потому, что каждый чужак — враг. Пусть сегодня он настроен дружелюбно, но кто поручится за его настроения через год или через сотню лет? Потенциальный противник — он противник и есть, и чем быстрее его уничтожишь, тем лучше для Земли. Вспомните мировую историю. Она доказывает это наилучшим образом. Возьмите Древний Рим! Он не терпел сильных соседей именно из соображений безопасности. И Александр Македонский! И Наполеон!

— Сэр, — спросил капитан Мэй, — меня расстреляют?

— Да.

— Тогда позвольте спросить и мне. Где сейчас Древний Рим? Где империи Александра Македонского и Наполеона? Где Третья империя Гитлера? Где тиранозавр?

— А это кто еще такой?

— Самый сильный из ящеров. Он тоже всех держал за врагов. Где все они теперь?

— Вы все сказали, капитан?

— Да, сэр.

— Тогда будем считать, что я ничего не слышал. Вы апеллируете не к логике, а к чувствам. Вас не расстреляют, капитан. Я сказал это потому... Словом, мне было интересно, как далеко вы зайдете. Но вас помиловали не из каких-то там гуманных соображений. Обнаружилось серьезное смягчающее обстоятельство.

— Можно узнать, какое, сэр?

— Вы все-таки уничтожили чужака, специалисты выяснили это однозначно. Дальномер Пикара и детектор Монолда были у вас совершенно исправны. А чужака они не засекли потому, что он был слишком мал для них. Они реагируют на объекты массой в пять и более фунтов, а чужак был меньше.

— Меньше пяти?..

— Вот именно. Вы полагали, что чужаки сомасштабны нам, а это вовсе не обязательно. Чужая жизнь может быть хоть микроскопической. Получается, что чужой корабль

вышел на контакт с вами на дистанции в несколько футов. Естественно, ваш залп совершенно его испепелил, потому и не было никаких обломков. — Адмирал улыбнулся, — Благодарю вас за меткую стрельбу, лейтенант Росс. Впредь вам уже не придется наводить по визиру: дальномеры и детекторы на всех кораблях будут перекалиброванны, чтобы засекать любую мелочь.

— Спасибо, сэр, — ответил Росс. — Но разве сходство чужого корабля с «рочестером» не доказывает, что они знают о нас больше, чем мы о них? Возможно, им известно и местонахождение Земли. Кстати, так ли уж они опасны? Будь они даже агрессивны, их размеры не внушают опасения.

— Возможно, вы и правы, лейтенант. Или не правы совершенно. Если забыть об их телепатических способностях, то можно сделать вывод, что они отстают от нас, иначе не стали бы копировать один из наших кораблей. Очевидно, они покопались в мозгах у наших инженеров. Но это еще не значит, что они знают расположение Солнечной системы. Наша система координат имеет смысл только для нас, а название «Солнце» ничего им не говорит. Таких звезды тысячи. Как бы то ни было, мы должны найти их и уничтожить прежде, чем они обнаружат нас. Все наши корабли приведены в полную боевую готовность, приборы будут перекалиброваны. Мы вступаем в войну. Впрочем, с чужаками всегда война.

— Да. сэр.

— У меня все, господа. Можете быть свободны.

В коридоре Мэя взяли под конвой два охранника.

— Не рыпайся, Дон, — предостерег капитан. — Так и должно быть — ведь я нарушил основной приказ. Адмирал лишь сказал, что меня не расстреляют. Так что не суйся в это дело.

Лейтенант Росс стиснул зубы и позволил увести друга. Мэй был прав: он мог только напортить.

Ничего не видя перед собой, Дон вышел из адмиралтейства. Вечером он в стельку напился, но легче не стало.

Перед возвращением на патрулирование ему полагался двухнедельный отпуск, и он решил употребить его на лечение нервов. Он походил с психиатру, и тот худо-бедно привел его к норму.

Потом Росс обложился уставами и доказал себе, что приказы должны выполняться неукоснительно, что патрули должны быть бдительны и что чужака, едва встретив, следует уничтожить.

Теперь он мог даже удивляться, вспоминая свое прежнее повсдение. Капитан Мэй нарушил приказ — неважно, почему, — и должен был понести наказание. Он и сам был отчасти виноват, хотя за корабль отвечал капитан, и решение вернуться на Землю целиком лежало на его совести. Как подчиненный, он формально не мог разделять ответственность, но сейчас его грызла совесть — ведь он даже не возразил Мэю, даже не напомнил ему о приказе.

Что станет с Космическим Корпусом, если каждый офицер начнет толковать приказы как ему угодно?

Он, лейтенант Росс, тоже нарушил свой долг, и теперь предстояло как-то искупить это. Он смотрел подряд все выпуски теленовостей и узнал из них, что в других секторах патруль уничтожил еще четыре корабля чужаков. Уничтожил немедленно, без переговоров.

На десятый день он добровольно прервал отпуск, вернулся в адмиралтейство и попросил доложить о нем адмиралу Сазэрленду. Его высмеяли, но этого следовало ожидать. Все же удалось передать адмиралу коротенькую записку: «Я придумал, — написал Росс, — как нам найти планету чужаков, не рискуя при этом выдать наше местонахождение».

Это решило дело, и вскоре он уже стоял перед адмиралом по стойке «смирно» и докладывал:

— Сэр, чужаки попытались вступить в контакт, но были уничтожены прежде, чем телепатема была передана до конца. Если мы выслушаем их, возможно, они выдадут, хотя бы случайно, расположение своей планеты.

— Не так уж важно, чего они хотели. Важно другое: пристроившись в кильватер кораблю, они смогут найти Землю, — холодно ответил адмирал.

— Я учел это, сэр. Пошлите меня в тот сектор, где произошел первый контакт, но на одноместном корабле и без оружия. Объявить об этом следует по всем каналам, пусть весь Космос знает, что я безоружен и ищу чужаков. Они, конечно, тоже узнают об этом. Мне кажется, что они могут посылать телепатемы лишь с близкого расстояния, но улавливают чужие мысли издалека.

— С чего вы это взяли, лейтенант? Впрочем, к такому же выводу пришли и наши аналитики. Они считают, что чужаки способны читать мысли на... э-э... средних дистанциях, поскольку смогли скопировать наши корабли задолго до того, как мы о них узнали.

— Именно, сэр. Так вот: если все наши узнают о моей миссии, о ней узнают и чужаки. А узнав, что мой корабль не несет оружия, они, конечно, пойдут на контакт. Послушаем, что они скажут. Не исключено, что чужаки намекнут на местоположение своей планеты.

— Если так, ей останется существовать не более суток. А если наоборот? Если они устремятся за вашим кораблем?

— Это ничего им не даст. Я полечу к Земле только в одном случае: если выясню, что они уже знают ее местоположение. Мне кажется, что они это знают, с их-то телепатией. Встает вопрос: почему же они до сих пор не напали на нас? Наверное, потому что слабы или миролюбивы. Если чужаки знают, где находится Земля, они вряд ли будут это отрицать — ведь для них это козырь в переговорах. Конечно, они могут и сблефовать, но я потребую от них однозначных доказательств.

Адмирал Сазэрленд внимательно рассматривал лейтенанта.

— Сынок, ты это здорово придумал, — сказал он наконец. — Это рискованно, но если ты уцелеешь, да еще и узнаешь, откуда они взялись на нашу голову, ты станешь героем! А со временем, глядишь, займешь мое кре-

ло.. Меня так и подмывает присвоить твою идею и отправиться на контакт самому.

— Вам нельзя, сэр, ваша жизнь слишком ценна для человечества. Без меня же человечество легко обойдется. И еще одно, сэр: я просто обязан сделать это. Героизм тут ни при чем. Речь идет, скорее о том, чтобы искупить вину: я должен был убедить капитана Мэя выполнить основной приказ. Мы должны были уйти в открытое пространство, а вместо этого я стою здесь живой и невредимый.

Адмирал откашлялся и сказал:

— Ты не виноват, сынок. В таких вот случаях вся полнота ответственности ложится на капитана. Но я тебя понимаю: ты чувствуешь себя так, будто, согласившись с решением капитана Мэя, сам нарушил приказ. Впрочем, это уже в прошлом, а твой план вполне искупает любую вину... пусть даже на контакт пойдет кто-то другой.

— Но я могу рассчитывать?

— Можете, лейтенант. Вернее, капитан.

— Благодарю вас, сэр!

— Корабль будет готов через три дня. Собственно, такой корабль всегда есть под рукой, но нужно еще пустить слух по всему Космосу. Сами понимаете: вы ни в коем случае не должны выходить за пределы, которые сами только что обрисовали.

— Так точно, сэр. Я вернусь только в том случае, если чужаки уже знают, где находится Земля, и смогут однозначно это доказать. Иначе я направлю корабль в открытый космос. Слово офицера, сэр.

— Надеюсь на вас, капитан Росс.

Одноместный корабль патрулировал сектор 1534 в зоне Сириуса. Других земных кораблей в секторе не было.

Капитан Дон Росс смотрел на приборы и ждал, не зазвучит ли у него в мозгу чужой голос.

Ждать пришлось недолго, менее трех часов. *«Привет тебе Дон-росс»*, — пронеслось у него в голове, и тут же

детектор Монолда засек пять крошечных корабликов, каждый массой не больше унции.

— Мне говорить или просто думать? — спросил Росс.

«Все равно. Можешь говорить, если тебе так удобнее. А пока немного помолчи».

Прошло полминуты, и Россу показалось, будто он услышал что-то вроде тяжелого вздоха. Потом снова донесся голос:

«Прости, Дон-росс, но переговоры, похоже, ни к чему не приведут. Мы не знаем, где находится твоя планета. Конечно, мы могли бы узнать, но нас это не интересует. Мы миролюбивы, но вы, землянс, предубеждены против инопланетян. Так что ты не сможешь вернуться домой, не нарушив приказа».

Дон Росс закрыл глаза. Да, в переговорах не было смысла. А он дал адмиралу слово исполнить приказ в точности.

«Да, Дон-росс, — сказал голос, — *ты обречен, но и мы тоже. Мы не можем прорваться через ваши патрули. Мы и так уже потеряли половину наших»*

— Половину?! Но не хочешь же ты сказать...

«Именно. Нас было чуть больше тысячи. Мы построили десять кораблей, и каждый из них нес, не считая экипажа, сотню пассажиров. Пять кораблей были уничтожены землянами. Те, что ты видишь, это весь наш флот. И весь наш род. Ты обречен, но, возможно, хочешь узнать о нас что-нибудь еще?»

Росс молча кивнул, но его поняли.

«Наша цивилизация гораздо старше вашей. Мы живем, точнее, жили на одном из планетоидов, что вращаются вокруг темного спутника Сириуса. По вашим меркам наша родина мала — диаметр планетоида не превышает сотни миль. Вы пока не нашли его, но рано или поздно найдете. Наша цивилизация насчитывает многие тысячи лет, но в космос мы до сих пор не выходили, не было надобности.

Прощай, Дон-росс. Что означает сокращение твоих мимических мышц? Я никак не могу интерпретировать эту твою эмоцию, она противоречива! Что это?»

Дон Росс перестал смеяться.

— Вот что, мой миролюбивый друг-чужак, — сказал он, я вас пожалуй выручу, помогу миновать патрули и удалить-

ся от людей на безопасное расстояние. А смеялся я потому, что при этом мне не придется нарушать приказ. Мы с вами отправимся в открытое пространство; я — чтобы погибнуть, вы — чтобы выжить. Приземляйтесь на меня. Приборы патрулей не заметят ваших корабликов. Для вас здесь еще одна выгода: притяжение моего корабля захватит ваши, и вам не придется расходовать топливо, пока оно не кончится у меня. А у меня его хватит на многие тысячи парсеков.

Голос долго молчал, потом в мозгу Дона Росса едва слышно отдалось:

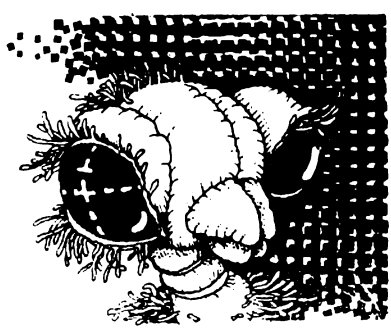
«Спасибо тебе...»

Росс подождал. Пять кораблей исчезли с экрана, послышались один за другим пять щелчков. Тут он снова рассмеялся и, точно выполняя приказ, направил свой корабль в открытое пространство, навстречу гибели.

Далеко-далеко, на крошечной планетке, что вертится вокруг тусклой звездочки на самом краю Галактики — люди еще не скоро туда доберутся, — воздвигнут памятник Землянину. Огромный, высотой почти десять дюймов, он отлит из драгоценного металла. Скульпторы искусно воспроизвели черты человека.

По памятнику ползают букашки, и пусть себе ползают — ведь это они его воздвигли, это их святыня. Памятник несокрушим, он простоит целую вечность, если, конечно, люди не найдут его и не уничтожат.

А может, к тому времени люди переменятся.



ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МАРСИАН

Был самый обычный, ничем не примечательный вечер. Мы втроем — Слиппер, Хейл и я — торчали в редакции. Слиппер сидел, взгромоздив ноги на стол и нагло бездельничал, Джон Хейл с обреченным видом менял ленту в машинке, а я, проклиная все на свете, описывал для читательских масс скучнейший банкет, на котором побывал накануне. При одном воспоминании о нем у меня сводило скулы.

Тут на пороге своего кабинета нарисовался Карген. Он подошел к нам и сообщил:

— Ребята, позвонил Барни Уэлш. Он говорит, что у него в баре сидит какой-то странный тип, утверждающий, будто он марсианин.

Барни Уэлш, надо сказать, держал заведение прямехонько напротив нашей «Трибюн».

— Псих или просто пьян в стельку? — лениво полюбопытствовал Слиппер.

— Барни не разобрался. Он считает, что кому-то из вас стоит спуститься и покалякать с этим типом; говорит, можно сочинить недурную статейку. А поскольку вы тут все равно валяете дурака на троих, полагаю, этот процесс не пострадает, если один из вас поднимет задницу и сходит туда. Но предупреждаю: никаких возлияний за счет редакции!

— Давайте я сползаю, все равно делать не черта, — кисло предложил Слиппер.

Но глаза Каргена нацелились на меня.

— Слушай, Билл, по-моему, эта работенка как раз по тебе. У тебя мягкий стиль, и ты умеешь общаться с подобными типами. Кто знает, может, удастся вытянуть из него что-нибудь путное.

— Ладно, — буркнул я. — Сейчас вот закончу и пойду.

— Если парень на самом деле чокнутый — вызывай санитаров. Но сначала убедись, что нам там нечем поживиться.

Я отстукал последние строчки многострадального репортажа, поднялся и пошел надевать пальто и шляпу.

— Приволоки чего-нибудь промочить горло, Билли, — встрепенулся Слиппер. — Да смотри, сам не надерись, а то твой драгоценный «легкий стиль», не дай бог, отяжелеет, — ехидно добавил он.

— Постараюсь, — пообещал я и пошел на выход.

Войдя в бар, я огляделся и мигом заприметил тощего долговязого субъекта, который уныло сгорбился над полупустым стаканом пива. Он в полном одиночестве сидел сбоку от стойки, и его желтоватое лицо было хмурым и растерянным.

Я решил, что сперва лучше поболтать с Барни и выяснить, что к чему, поэтому подвалил к стойке, выгреб мелкую монету и попросил виски.

— Только не разбавляй, Барни. Воду лучше отдельно.

Так кто тут у тебя марсианин? Держу пари, вон тот длинный хмырь с мордой мученика!

— Точно, он и есть, — подтвердил Барни, наливая мне виски.

— Какую посоветуешь наживку? Парнишка знает, что я репортер? Как думаешь, согласится он дать интервью, или просто сперва подпоить его как следует? Психи — они народ непростой... Ты как считаешь, он псих?

— Еще бы! — ухмыльнулся Барни. — Лопочет, что два часа назад был на Марсе, а потом вдруг — бац! — очутился здесь, а как и почему — сам не знает. Все твердит, что он последний марсианин. Я не стал говорить, что вы репортер, но он обещал все вам рассказать, я с ним договорился.

— Как это тебе удалось?

— Ну, я сказал, что у меня есть приятель, и что этот приятель здорово волокет в таких делах... Имени я не назвал, потому что не знал, кого надумает прислать мистер Карген, да он и не больно спрашивал, не до того ему. А вот пиджачок он вам может подпортить, рыдаючи у вас на груди...

— А как его зовут?

— Говорит, что Вэнген Дал. Вы уж его попридержите, мистер Эверт, чтобы не бузил здесь. На кой мне лишние неприятности?

Я покончил с виски и напоследок глотнул воды.

— Лады, Барни, постараюсь вправить ему мозги. Давай-ка мне два пива, и приступим.

Барни открыл две банки, разлил пиво и отсчитал мне сдачу. Я взял стаканы и бодро подвалил к столику, за которым маялся бедолага-«марсианец».

— Мистер Дал? — В улыбку я вложил максимум обаяния. — Меня зовут Билл Эверт. Барни сказал, что у вас какие-то проблемы. Возможно, я сумею вам помочь.

Он с надеждой посмотрел на меня.

— Садитесь, мистер Эверт. Вам, значит, Барни позвонил, да? Он обещал... Большое спасибо, что пришли, и за пиво спасибо...

Я уселся напротив. Он залпом заглотил то, что еще

оставалось у него в стакане и дрожащими руками вцепился в тот, что я принес.

— Вы... Вы, наверное, думаете, что я сошел с ума? Может, так оно и есть. Не могу понять, что со мной. Бармен, похоже, уверен, что я спятил. Постойте-ка... так вы, наверное врач?

— Около того. Я вроде психолога-консультанта.

— Как по-вашему, я на самом деле сумасшедший?

— Большинство сумасшедших нимало не сомневаются, что они в здравом уме. Но ведь я еще не слышал вашей истории...

Он судорожно отхлебнул пива, потом поставил стакан на стол, но так и не выпустил — наверное, чтобы руки меньше дрожали.

— Я — последний марсианин, — выдавил он наконец. — Остальные все погибли. Два часа назад я видел их трупы.

— Вы говорите, что были на Марсе два часа назад? Как же вы могли оказаться здесь?

— Не знаю. Это кошмар какой-то... На Марсе нас было сто миллионов, и... все погибли. Остался я один.

— Сто миллионов — это все население планеты?

— Ну, может, чуть побольше. И все погибли, все, кроме меня. Я видел это своими глазами. Я был в трех самых больших городах — везде одно и то же. Там, в Скаре, когда я увидел эти трупы — я не знал, что и подумать. Тогда я вскочил в тарган и полетел в Унданел. Конечно, я не имел права брать тарган, но кто мог мне запретить? На весь город — ни одного живого марсианина, только трупы. Я и не думал, что управлять тарганом так легко, просто сел и полетел. В Унданеле — та же картина... сплошные трупы. Тогда я полетел в Зандар. Зандар — наша столица, раньше там жило три миллиона марсиан. Я специально летел пониже, думал, увижу хоть кого-нибудь, но везде было пусто. В Зандаре — то же самое... сплошные мертвецы. Вся наша столица превратилась в огромное кладбище. Какой-то кошмар... Это было ужасно, чудовищно. Нет, я не могу...

— Я вас понимаю, — сочувственно сказал я.

— Нет, вы не можете меня понять: чтобы понять, надо

увидеть это. Наша планета была обречена, и все знали об этом. Двести лет назад население Марса равнялось трем миллиардам. Мы не могли себя прокормить, и почти все голодали. А потом нас начала косить смертельная болезнь — крил. Говорят, ее принесли ветры из пустынь. Наши ученые так и не научились ее лечить. За два века, пока свирепствовал крил, население уменьшилось в тридцать раз.

— Может, те, кого вы видели, умерли от крила?

— Нет, умершие от крила выглядят по-другому. Их тела совершенно высыхают, а эти трупы были не высохшие.

Его колотило все сильнее, и он с трудом прикончил свой стакан. Тут я вспомнил, что еще не прикасался к своему, и выпил все одним духом.

Я заметил, что Барни искоса поглядывает на нас из-за стойки, и показал ему два пальца.

— Наши ученые пытались построить космические корабли, чтобы хоть часть марсиан могла перебраться на Землю, или еще на какую-нибудь планету. Мы надеялись, что хоть кто-то спасется от крила. Но у них так ничего и не получилось.

— Не получилось? Значит, космические корабли так и не были построены? Но в таком случае как же вы попали сюда?

— Не знаю. Самое ужасное, что я понятия не имею, как очутился здесь. Это так страшно, так жутко... вы не представляете. Я знаю только, что я — марсианин, я — Вэнген Дал, и вдруг — я здесь, да еще в таком виде... я не могу передать, как это страшно, как невыносимо страшно!

Тут Барни приволок нам еще два пива. Было видно, что он здорово психует, на нас глядючи. Я дождался, когда он уйдет, а потом спросил:

— А почему вас беспокоит ваш вид? Вы выглядите вполне нормально.

— На ваш взгляд, может, и нормально, но ведь это тело не мое, чужое! Мы, марсиане, совсем не похожи на вас. Мой рост — три фута, на Земле я бы весил не более двадцати фунтов, а это тело... Кошмар! У меня должно

быть по шесть пальцев на руках... Самое страшное — то, что я не понимаю, как все это случилось... как я очутился здесь, как я попал в это тело.

— А вам не кажется странным, что вы так свободно говорите по-английски?

— Это-то мне как раз понятно. Хозяин этого тела — Говард Уилкокс, он бухгалтер, работает в «Хемберт Лэмп Компани». Он женат на земной женщине. Я знаю и помню абсолютно все, что есть в его мозгу. Все, что умеет делать Уилкокс, умею и я. Наверное, можно сказать, что я и есть Говард Уилкокс. У меня вот здесь, в кармане его документы. Даже запах этого тела — это запах Говарда Уилкокса. Я люблю пиво, потому что его любит Говард Уилкокс. И я... я люблю жену Говарда Уилкокса.

Наши взгляды встретились. Я достал сигареты и протянул ему.

— Угощайтесь.

— Нет, спасибо. Это тело... Этот человек, Говард Уилкокс, не курит. Я, пожалуй, возьму еще пива. Тут, в кармане, есть деньги.

Я сделал знак Барни.

— Так когда, вы говорите, это произошло? Два часа назад? А до этого вы никогда не думали, что вы марсианин?

— Не думал? Что значит, «не думал»? До этого я *был* марсианином! Интересно, который час?

Напротив меня на стене висели большие часы.

— Начало десятого.

— Значит, я сижу здесь дольше, чем думал, — тяжело вздохнул он. — Уилкокс как раз возвращался с работы, когда я почувствовал, что я — это он. Было примерно половина шестого, потому что работу он заканчивает в пять, и с той поры прошло полчаса. Все это я узнал сразу, потому что это знал он. Все, что он знал и помнил, я узнал в одно мгновение.

— Мы остановились на том, что вы, то есть он, шли домой. А потом?

— Я был так потрясен, что не мог идти дальше. Я не мог идти в чужой дом, я ведь марсианин, понимаете?!

Нет, конечно... как вы можете понять, если я сам ничего не понимаю. И мне, то есть ему, Говарду Уилкоксу ужасно захотелось пива, и он, вернее я... — Он запутался и замолчал, а потом начал снова: — Это тело захотело пива и зашло в первый же попавшийся бар. И оно... Нет, уже я.... Наверное, это уже был я... Я выпил пару стаканов, а потом решил поговорить с барменом. Я все ему рассказал, и он обещал помочь.

Я перегнулся через стол и посмотрел ему прямо в глаза.

— Послушайте, Говард, — сказал я спокойно, будто разговаривал с давним знакомым, — надеюсь, вы позвонили, предупредили жену, что задерживаетесь? Она ведь наверняка ждет вас к обеду.

— Нет, конечно! — он даже обиделся. — Я не Говард Уилкокс, и это не моя жена.

— Все-таки лучше бы вам позвонить. Ведь она беспокоится. В конце концов, неважно, кем вы себя считаете — Вэнгеном Далом или Говардом Уилкоксом; она-то беспокоится именно о вас. Не расстраивайте женщину, позвоните, я вас прошу. Телефон-то хоть помните?

— Еще бы! — фыркнул он. — Как я могу не помнить свой телефон? — Он смутился. — То есть... я хочу сказать, его, Говарда Уилкокса.

— Да хватит вам упражняться с притяжательными местоимениями. «Мой», «его»! Просто идите и позвоните. И ни слова про Марс — вы ведь еще сами не разобрались что к чему. Скажите, что с вами все в порядке, просто задержались, а когда придете — все объясните.

Не выдержав такого натиска он поднялся и отправился звонить. Вид у него при этом был растерянный, но уже не такой унылый.

Я решил, что пора подкрепиться, подошел к бару и взял еще виски.

— Ну что? Псих он или нет? — спросил Барни.

— Пока не знаю. Есть в нем что-то странное, а что — никак не пойму.

Когда он вернулся, я уже сидел за нашим столиком.

— Она в ярости, — сообщил он. — Если я все-таки решусь явиться к ней под видом Говарда Уилкокса, при-

дется что-нибудь придумать. — Он приложился к стакану. — Если я расскажу историю Вэнгена Дала, боюсь, она меня просто пришибет. — Мне показалось, что при этом на его лице промелькнуло подобие улыбки. Но потом он снова помрачнел.

— Нет, я все-таки должен рассказать вам все по-порядку. Знаете, там, на Марсе, я сидел взаперти. Это было в Скаре. Скар — один из самых крупных наших городов. Я не знаю, почему меня все время держали в запертой комнате. А потом мне перестали приносить еду, и я чуть не умер от голода. Пол в комнате был сделан из больших камней. Кое-как я вытащил один камень и разбил замок. Через три дня после того, как меня перестали кормить, я выбрался на свободу. Три марсианских дня — это шесть ваших. Когда я вышел, меня шатало от голода, и я едва мог идти. Но я все-таки пошел по каким-то коридорам, заглядывал в комнаты; ни в одной не было ни души. Наконец я нашел пищу и наелся, а потом... — Голос его вдруг прервался, и он уставился в пространство, будто увидел привидение.

— И что же было потом? Продолжайте, пожалуйста, — попросил я.

— Потом я вышел на улицу. Там повсюду лежали трупы и стоял ужасный смрад. — Он уткнул лицо в ладони. — Я ходил по городу, заглядывал в дома, но в них было пусто. Почему-то все погибли на улицах. И среди трупов не было ни одного высохшего — значит, это был не крил. Потом — я уже вам говорил — я угнал тарган. Вернее, не угнал, а просто взял, никто не мог меня остановить. И я полетел искать живых. Я пролетал над деревнями и видел одних мертвецов — они лежали возле своих домов. Наконец я прилетел в Зандар. Не помню, говорил я или нет, что Зандар — наша столица. Там в центре есть площадь, она называется Геймс Филд. Размером она примерно с вашу квадратную милю или чуть побольше. И вся эта площадь была... была завалена трупами. По-моему, там были все жители Зандара, все три миллиона. Я рассмотрел все это с высоты, из таргана. А посреди площади, на платформе, стоял какой-то странный предмет. Я повел

тарган на снижение и пролетел над самой платформой. Кстати, я ведь не сказал вам, что такое тарган. Это что-то вроде вашего вертолета. Я долго кружил над платформой, разглядывая ее со всех сторон. На платформе стоял медный столб, а на нем я заметил кнопку, она блестела как драгоценный камень. Прямо у подножия столба лежал марсианин в голубом комбинезоне. Похоже было, что он нажал эту кнопку и тут же умер. И все остальные тоже... Кроме меня. Я опустился у столба, вышел из таргана и нажал блестящую кнопку. Мне тоже хотелось умереть. Но вместо этого я очутился здесь. Я возвращался домой с работы. А дом мой...

— Вот что, Говард, — перебил я его, — давайте выпьем еще по стакану, а потом ступайте-ка вы домой. Вам и без того влетит от благоверной, а чем дольше вас не будет, тем крепче достанется. Если вы не полный болван, то догадаетесь купить ей цветы или коробку конфет, а по дороге сплетете какую-нибудь правдоподобную историю.

— Я согласен, — сказал он, — но...

— Никаких «но», — напирал я. — Вас зовут Говард Уилкокс и вам пора идти домой, к супруге. А пока Барни принесет пиво, я расскажу вам, что, по-моему, произошло. Мы еще очень мало знаем о человеческом сознании, о том, на что оно способно. Мне сдается, в средние века неспроста верили всяким одержимым. Так хотите узнать, что я обо всем этом думаю?

— Конечно! Впрочем, вы, скорее всего, думаете, что я сошел с ума.

— Я думаю, что вы и впрямь соскочите с катушек, если заклинитесь на этом. Объясните это себе как-нибудь, а потом забудьте ко всем чертям. Или примите мое объяснение.

Барни принес нам пиво, и я опять примолк, ожидая, когда он отойдет.

— Так вот, Говард, очень даже может быть, что некий человек... точнее, марсианин по имени Венген Дал умер нынче у себя на Марсе. Возможно, что его сознание каким-то неведомым образом сплелось с вашим. Я не утверждаю, что все было именно так, но мое объяснение не ху-

же любого другого. Примите его и бросьте об этом думать. Живите так, словно вы и в самом деле Говард Уилкокс, а если вдруг снова начнете сомневаться, посмотрите в ближайшее зеркало. Учитесь жить по-новому, а перво-наперво — идите домой. Ну, как вам такой вариант?

— Гм... может, вы и правы... с точки зрения здравого смысла.

— Вот и держитесь своего здравого смысла, — подытожил я.

Мы допили пиво, и я проводил его до такси.

Я вернулся в редакцию, зашел в кабинет Каргена и плотно притворил дверь.

— Все в порядке, — сказал я. — Наставил заблудшего на путь истинный.

— А что с ним было?

— Он, несомненно, марсианин. Он остался на Марсе один и не знал, что мы все перебрались сюда. Он думает, что мы умерли.

— Но как это могло случиться? И почему он ничего не знал?

— Он сумасшедший, и в этом качестве его держали в одной из лечебниц Скара. Наверное, о нем просто забыли. Он оставался в своей палате, когда все вышли на открытый воздух, получили свою дозу ментапортного излучения и перенеслись сюда. Но он выбрался, нашел излучатель в Зандаре и нажал кнопку. Должно быть, энергия еще оставалась.

Карген присвистнул.

— Ты рассказал ему, как обстоит дело? Хватит у него ума помалкивать?

— Нет, конечно. По-моему, коэффициент интеллекта у него не выше пятнадцати. Впрочем, это нормальный для землянина уровень, так что с ним все будет в порядке. Мне удалось убедить его, что он и есть тот землянин, в которого попало его сознание.

— Хорошо, что он угодил к Барни. Надо ему позвонить, успокоить. Как это он не отравил этого типа, прежде чем позвал нас?

— Барни — из наших, он знает, как дела делаются. Он попридержал его до нас.

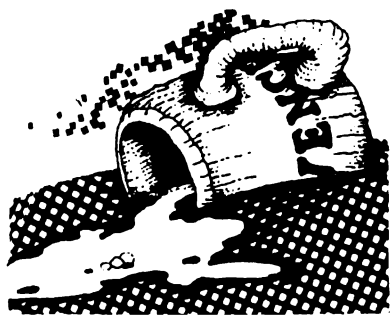
— Но ты-то его отпустил. Ты уверен, что все обойдется? Может, стоит...

— Не стоит, — ответил я. — Оставь это мне, я послежу за ним, пока мы не исполним План. Ну, а потом, наверное, придется снова засадить его в лечебницу. Знаешь, я рад, что не пришлось его убирать. Сумасшедший ли он, нет ли — он один из нас. Может быть, когда он узнает, что мы не умерли, он так обрадуется, что сам запрет за собой дверь палаты.

Я вышел из кабинета Каргена и вернулся за свой стол. Слиппера не было, его куда-то отослали.

— Ну, как, наудил чего-нибудь? — спросил Джон Хейл, подняв взгляд от журнала.

— Ни черта, — ответил я. — Один хмырь насосался до розовых слонов и потешал публику. И с чего это Барни вздумалось нам звонить?



МИСТЕР ДЕСЯТЬ ПРОЦЕНТОВ

Страх совершенно парализовал меня. Завтра — последний день моей жизни. Завтра в комнате за узенькой зеленой дверцей я узнаю, каков на вкус цианги дрит. Но не это страшит меня. Умереть я готов, но...

Все началось со встречи с Роско. Перед этим я сам стал А. Рос — Ант Роско. Сейчас я попытаюсь объяснить.

Тогда я был молод, довольно красив, в меру умен, недурно воспитан. Тогда меня звали Биллом Виллером. Уже пять лет я пытался стать актером кино или, на худой конец, телевидения, но пока не попал даже в рекламный ролик, не говоря уже о каких-то ролях. А чтобы не околеть с голоду, я крутился, как белка в колесе, каждый вечер с шести до двух в одном погребке Санта-Моники.

В этой работе был свой плюс — день оставался свободным для осуществления моей мечты. Я ездил на автобусе в Голливуд и обивал пороги агентов и студий. Как

раз в тот вечер, когда фортуна повернулась ко мне профилем, я решил не ходить на работу. И в Голливуд я не ездил уже восемь дней. Я разрешил себе отдыхать, загорать на пляже и размышлять о будущем. Меня всерьез занимал вопрос, какой тип занятий может хоть в какой-то мере удовлетворить мои высокие духовные потребности. До сих пор я считал — или актер, или ничто. Отказавшись от надежд стать актером, я вынужден был провести ревизию своих представлений.

Так вот, фортуна подмигнула мне в шесть часов вечера, как раз в тот момент, когда я уже должен был быть в своем погребке, так как день был не выходной. Это случилось в Санта-Монике, на бульваре Олимпик, недалеко от Четвертой стрит.

Я нашел бумажник.

Наличными там было тридцать пять долларов. Плюс кредитная карточка Юнион-клаб, карточка Интернейшенэл-клаб, Карт Бланш и еще несколько.

Пришлось зайти в ближайший бар, присесть и пропустить стаканчик, чтобы обмозговать происшедшее.

Я принципиальный противник мошенничества, но, взвесив все свои обстоятельства, решил, что такая находка, да еще в самую гнусную пору жизни, должна означать крутой поворот к лучшему.

Понятно, пользоваться чужими кредитными карточками не только грешно, но и рискованно. Однако в первый вечер или даже ночь попробовать можно. Мне хватит на хороший ужин, скромную выпивку, отель средней руки и девушку по вызову. Но с девушками не расплачиваются кредитными карточками, значит, нужно получить звонкую монету. Вероятно, чтобы дойти до стадии вызова девушки, мне понадобится не один заход. Даже при минимальном везении к концу вечера у меня может оказаться приличная сумма. В последний раз я воспользуюсь кредитной карточкой, чтобы получить место в самолете, который унесет меня подальше от этой безнадежной дыры. Я начну новую жизнь на новом месте, буду работать. Только не играть. С этими глупостями покончено... ну, разве что так... в любительских спектаклях... для души...

Время было дорого. Я тщательно обдумал все детали.

Начал я с того, что попросил бармена вызвать мне такси. Дома потренировался с полчасика и научился сносно имитировать подпись на кредитных карточках. Я должен был расписываться, не глядя на образец. Я опять вызвал такси и, пока дожидался его, собрал вещички. Когда машина пришла, я был уже вполне готов и попросил отвезти меня в бюро проката автомобилей.

Я размечтался о «кадиллаке» и был слегка разочарован, когда мне предложили только «крайслер». В сущности, это было не так уж важно — и на меня, и на мою машину обратят внимание только служащие на стоянках.

В бюро я сказал то, что намеревался говорить всем в течение этого вечера: я временно не при деньгах и буду очень признателен... и подпишу соответствующий счет со своей кредитной карточкой. Да, конечно, другие документы у меня есть. Вот водительская лицензия. Имя в ней то же, что и на карточках... Они проверили имя по списку и выдали мне пятьдесят долларов. Так началась моя преступная карьера.

Поскольку я уже проголодался, то поехал в направлении Голливуда, в Билшир, оставил машину на стоянке и переступил порог ресторана. Все столики в зале были заняты. Метрдотель спросил, не могу ли я подождать минут пятнадцать-двадцать. Я ответил, что это меня вполне устроит, а когда столик освободится, он найдет меня в баре. Туда я и направился.

В баре был один-единственный свободный стул. Я сел и оказался рядом с каким-то типом, который, повидимому, тоже был один. Еще за столиком сидели мужчина и женщина, но те не сводили друг с друга глаз и шептались, не обращая ни на кого внимания. Незнакомец был невысок, одет с иголочки. Его густые, но странно светлые волосы были тщательно уложены, седоватые усы аккуратно подстрижены. Однако складывалось впечатление, что, он несмотря на седину, довольно молод. Это впечатление создавал здоровый румянец и нежная гладкая кожа лица. Видимо, он тоже недавно зашел в бар — бокала перед ним еще не было.

Так случилось, что нас свел бармен. Это вышло нечаянно — мы сидели рядом, бармен принял наши заказы и, подав выпивку, поинтересовался, выписать один или два счета. Я уже раскрыл рот, но мой миниатюрный сосед повернулся ко мне и спросил, не окажу ли я ему честь выпить с ним за его счет. Мне осталось только поблагодарить его и принять приглашение. Взаимно пожелав друг другу здоровья, мы завязали разговор.

Помнится, мы не обременяли себя условностями знакомства, а сразу накинулись на главную тему летнего лос-анджелесского вечера: шансы «доджеров» в чемпионате.

Бывшая моя актерская профессия требовала знания различных акцентов, и я много над этим работал. Произношение моего нового знакомого было необычным: оксфордский английский с небольшими ливанскими вкраплениями, расцвеченный к тому же чисто голливудскими блестками. При этом он то и дело употреблял просторечные обороты. Я даже не рискую передавать здесь его речь — у меня все равно ничего не выйдет.

Он мне сразу очень понравился, похоже, и я ему показался симпатичным. Почти сразу мы стали звать друг друга просто по имени. Он назвался Роско, а я сказал, что меня зовут Джерри, памятуя, что в кредитной карточке было имя Д. Р. Бергер. Мне пришло в голову пригласить его разделить со мной стол, если он еще не обедал. Я прикинул, что если все пойдет так, как до сих пор, два обеда обойдутся мне не намного дороже одного. Бейсбольная тема быстро иссякла, ибо мы не относились к знатокам и даже к любителям. Разговор как-то сам собой перекинулся на кино. Оказалось, мой собеседник имел кое-какое отношение к этой отрасли. Особой активности он не проявлял, но имел капиталовложения во многих независимых кинофирмах и паре телевизионных программ. В течение последних трех лет он производил и продавал фильмы от Лондона до Лос-Анджелеса. Вдруг он поинтересовался, не актер ли я. Ему показалось, что у меня манеры и стиль поведения, как у актера.

Не могу объяснить, как это получилось, но, неожиданно для себя, я выложил ему всю горькую историю круше-

ния своих надежд. Я про себя с удивлением отметил, что, вновь переживая ее, не испытывал обиды на судьбу, а наоборот, даже бравировал своими неудачами. Еще более странным было то, что теперь я сам увидел всю смехотворность моих попыток. Тут ко мне подошел официант и спросил, не я ли ожидаю столика. Я обрадовался и попросил Роско принять мое приглашение и разделить со мной обед. Он направился за мной.

Во время обеда я дотягивал свою историю. Я судорожно соображал, какой конец к ней приделать, чтобы мое нынешнее благополучие не показалось нелогичным. Пришлось довольствоваться банальной развязкой: я изобрел дядюшку, оставившего мне мизерное наследство. Я добавил, что получил хороший урок, который никогда не забуду, и свой капиталец уже не брошу в бездонную бочку, которую пытался наполнить в течение пяти лет. Теперь я вернусь домой и подыщу какое-нибудь стоящее занятие.

Появился официант, оставил счет и повернулся, чтобы уйти. Я окликнул его, положил на тарелку хорошие чаевые и карточку. Я боялся, что Роско станет настаивать, чтобы оплатить счет или хотя бы разделить его. Мне нужно было получить наличными хотя бы по одной из карточек. Я поинтересовался у Роско — больше для того, чтобы поддержать разговор, чем для справки, — смогу ли я получить деньги у «Дерби», поскольку у меня маловато наличных.

— К чему пользоваться услугами «Дерби»? — удивился он. — Я при деньгах. Пятьсот долларов вас устроит, дружище?

Я изо всех сил старался, чтобы мое лицо не излучало сияния. Как можно спокойнее я сказал, что этого вполне достаточно. Больше ста долларов получить я не надеялся. Ресторан мог постараться ради клиента, но размахнуться широко, конечно, не рискнет. Я попросил у официанта чистую чековую книжку. Я старательно выписал название банка, заученное еще у себя дома, и оторвал чек на предъявителя, Роско тем временем вытащил из кармана золотой зажим. В нем все банкноты были по сто долларов, и было их там, похоже, не меньше десятка.

Он отстегнул пять штук, протянул мне, а я ему — чек.

Он взглянул на него, и брови его от удивления поползли на лоб.

— Джерри, дорогой, — воскликнул он. — У меня и без того было намерение пригласить вас к себе, чтобы кое-что предложить. Теперь я еще больше вами заинтересовался. Представьте, мы — тезки. Если только вы не нашли бумажник, который я потерял сегодня вечером в Санта-Монике.

Да, теперь-то я с божьей помощью понимаю, что это не могло быть простым совпадением в таком огромном городе, как Лос-Анджелес. А тогда что я мог подумать? Я даже не мог утверждать, что он следил за мной. Ведь когда я пришел в «Дерби», он был уже там.

Я подумал было, не рвануть ли к двери. Настоящего моего имени никто здесь не знает, если я вырвусь отсюда, то улизнуть мне удастся легко. Но эта безумная мысль быстро улетучилась. Как только я побегу, он закричит: «Держи вора», взвод официантов кинется на меня, дадут подножку и... все.

Тем временем он совершенно спокойно продолжал:

— Д. Р. — это Джошуа Роско. Не надо делать глупостей, лучше выслушайте мое предложение. Согласны?

Он поднялся. Я растерянно кивнул, покорно встал, гадая, что же это за предложение. На «голубого» он, вроде, не похож. Даже если это так, я буду защищаться.

Итак, я двинулся за ним. Едва мы вышли на улицу, около входа в ресторан резко затормозила полицейская машина. Меня прошиб холодный пот. Я с трудом взял себя в руки, увидев, что они не за мной. Роско протянул швейцару доллар, достав его из кармана, где беспорядочно лежала мелочь; золотой зажим скреплял кое-что покрупнее. Он велел вызвать такси. Я хотел сказать, что недалеко стоит моя машина, но вовремя удержался, сообразив, что она мне еще может понадобиться.

Пока мы ехали, он молчал. Я попытался произвести мысленный подсчет. Вообще-то я мог вернуть ему почти все: у меня же был свой стартовый капитал в двадцать

пять долларов. Ресторанный счет плюс чаевые унесли двенадцать долларов. Если я тут же отведу «крайслер», то за мной будет только тридцать километров за два, ну, может, за три часа. Я не потратил тех пятидесяти долларов, которые получил там по кредитной карточке. Их тоже можно вернуть Роско. Только бы он согласился на тот вариант, который я предложу.

Такси остановилось около весьма приличного дома. У тротуара напротив опять стояла полицейская машина. Господи, да что за наваждение! Я шагнул из такси. Что ж, выслушаю его, попробую предложить ему свой вариант. Если не выйдет, придется прибегнуть к силе.

На лифте мы поднялись на четвертый этаж. Роско открыл дверь в аккуратную, но явно холостяцкую квартиру. Позже я узнал, что в ней шесть комнат, прислуга приходящая. Он жестом пригласил меня сесть на диван, а сам направился к небольшому бару в углу комнаты.

— Коньяк? — не оборачиваясь спросил он.

Я сглотнул комок в горле и решился предложить возмещение. Он спокойно разлил коньяк, подошел и протянул мне один бокал.

— Бросьте вы выкручиваться, Джерри. Однако, я хотел бы знать, это ваше настоящее имя или вы его случайно выбрали по первому инициалу на кредитных карточках?

— Меня зовут Билли. Уильям Трект.

Я вовсе не собирался раскрывать свою настоящую фамилию, не убедившись, что ничем не рискую. А имя я назвал настоящее.

Мне полегчало, когда я увидел, что он опускается в кресло напротив, а не на диван рядом со мной.

— Нет, не пойдет. Чересчур банально, — рассуждал он. — Как вам такое: Брик*? К вашей рыжей шевелюре больше подойдет это имя. Скажем, Брик Бреннон. Нормально?

Пока мне нравилось. Главным образом то, что он не звал копов и не делал мне авансов. Обзывать меня он мог, сколько его душе было угодно.

---

* Кирпич *(англ.)*.

— Ну что ж! Ваше здоровье, Брик. Теперь вернемся к вашей истории: есть в ней хоть доля правды?

— Все правда! — сорвался я. — Только вместо дядюшкиного наследства подставьте найденный бумажник.

Он поставил стакан, пересек комнату и взял с небольшого письменного стола какие-то листки. Это был сценарий. Он выбрал эпизод и показал мне, откуда читать.

— Прочтите из этой пьески странички полторы. Роль Филиппа. Это лесоруб. Грубый, неотесанный. Канадский акцент. Жену свою он сильно любит, но в данный момент обозлился на нее. Здесь сцена ссоры. Прочтите сначала про себя, потом вслух. Реплики жены вслух не читайте.

Я прочитал про себя, потом изобразил этого Филиппа. Роско велел мне пролистнуть несколько страниц до интересной сцены и зачитать реплики другого персонажа. Затем последовала еще одна роль. Каждый раз он давал кое-какие пояснения к характеру персонажа: о манере говорить, об отношениях к другим участникам сцены.

Поправив меня таким образом несколько раз, он разрешил положить сценарий и отхлебнуть из бокала. Сам он не торопясь смаковал свой коньяк.

— Ладно, — вымолвил он наконец, — похоже, вы и вправду актер. Видимо, вам просто не везло. Хотите, я в течение двух лет сделаю из вас звезду? Но вы полностью должны довериться мне.

— А что с меня? — обалдел я. Я стал всерьез опасаться, не спятил ли он.

— С вас?.. Десять процентов. Но десять процентов со всей суммы и наличными. Как вы догадались, я не профессиональный агент. Если вам понадобятся услуги такого агента, то ему ведь тоже надо платить десять процентов, чтобы он занимался вашими делами, заключал контракты и все такое. Специфика моей деятельности в том, что я всегда остаюсь за кулисами.

— Мне-то это подходит, но все упирается в импрессарио. У меня никогда не было подходящего.

— Этим займусь я. У вас будет подходящий импрессарио. Ему тоже будете платить десять процентов с девяноста процентов общей суммы ваших доходов, потому что

он не должен знать... Никто не должен знать о соглашении между нами. Вы уменьшите декларацию доходов на его десять процентов, а на мои — нет, потому что они будут передаваться из рук в руки. Будем договариваться?

— Согласен, — решился я.

В этом я был совершенно искренен. В отчаянные минуты мне приходили в голову мысли подкупить импресарио. Я готов был отдать ему двадцать, а то и пятьдесят процентов, лишь бы он вывел меня в люди. Я даже открыто предлагал это в тех случаях, когда мне удавалось прорваться в контору. Меня без сожаления выкидывали за дверь.

— О чем еще мы условимся?

— Пожалуй, только об одном: мы не заключаем никакого письменного соглашения, поэтому вы дадите мне честное слово, что не бросите меня, когда я помогу вам стать звездой. Вот что конкретно я предлагаю. В течение первого года мы можем аннулировать наш договор. Если же за этот первый год ваш доход достигнет или превысит двадцать пять тысяч долларов, наш договор становится окончательным и нерушимым. Договорились?

— Да.

Как бы я ни старался на актерском поприще, мои усилия еще не принесли мне и сотни долларов. Двадцать пять тысяч — это была мечта.

Даже если он спятил, я ничем не рисковал. Еще я понял, что сегодня он не собирается отправлять меня в тюрьму. Я встряхнулся и вернулся с небес на землю. В кармане у меня все еще лежал его бумажник. Я достал его.

— Я хотел бы возместить то, что...

— Ах, да, — вздохнул он. — Детали меня всегда угнетают. Давайте покончим с ними как можно быстрее. Поведайте мне, что вы предприняли с тех пор, как нашли бумажник.

Я выдал ему полный отчет обо всех исторических событиях этого вечера и положил бумажник на стол.

Роско взял его, вытащил оттуда деньги и сунул бумажник в карман.

— Итак, что мы имеем? Вот эти пятьсот тридцать пять долларов принадлежат мне. Я даю их вам взаймы. Сейчас вы отведете взятый «крайслер» и вернете им пятьдесят долларов наличными. Счет, подписанный вами моим именем в ресторане, забудем, будем считать, что я угостил вас обедом. Итак, на работу в погребок больше не ходите. Можете снять в Голливуде студию с квартирой. Прямо сегодня вечером этим и займитесь. Далее... Как у вас с гардеробом? Костюм на вас вполне приличный, однако, если это лучшее, что у вас есть, то завтра же купите новый, да и все прочее тоже. Кстати, купите также черную кожаную мотоциклетную куртку и джинсы, если их у вас нет.

— Куртку? Зачем?

— Слушайте, что я вам говорю. Стойте-ка. — Он достал свой зажим с банкнотами, отсчитал восемь сотенных и протянул мне. — Будете должны мне на восемьсот долларов больше. Вам нужно купить машину. Концы у вас будут приличные: то в Юниверсал, то в Колвер... Голливуд, конечно, центр киноиндустрии, но не вся она в нем сосредоточилась. Подержанную машину можно купить за пятьсот долларов. Через несколько месяцев купите новую, а старую продадите. Что же еще?.. Скажите, Билл Трент — ваше настоящее имя?

— Нет. Настоящее — Билл Биллер.

— Забудем его. Как договорились, теперь вы — Брик Бреннон. Пока все. Завтра вы мне позвоните около полудня. Обязательно, это уже работа. Номер моего телефона есть в телефонной книге, а имя мое вы вряд ли забудете. — Здесь он позволил себе слегка улыбнуться.

Весь вечер я был занят, правда, не тем, что задумал в самом его начале. До «Дерби» я доехал на такси, взял со стоянки свой «крайслер» и поехал на нем в Санта-Монику. Там мои объяснения никого не интересовали. Взяв обратно пятьдесят долларов, которые давали мне взаймы, служащий порвал подписанный мною чек. Я упросил его взять на хранение мои чемоданы и пешком отправился покупать машину. Бродил я недолго. На одной из стоянок был выставлен на продажу вполне приличный «рэмблер». За него просили пять сотен. Я опробовал его, объехав вокруг

квартала, поторговался по привычке и, сойдясь на четырехстах пятидесяти, отдал наличными. Потом я забрал чемоданы и рванул в Голливуд. Я успел туда еще достаточно рано, чтобы заняться поисками квартиры. Мне удалось и это. Я отлично устроился: жилье, место для стоянки «рэмблера», душ, услуги телефонистки — все это за сто пятьдесят долларов в месяц. Время тянулось страшно медленно, вечер никак не кончался. Я завершил все дела задолго до того часа, когда по моему первоначальному плану очередь могла дойти до девушки, но я вымотался до предела. Меня хватило только на то, чтобы распаковать чемоданы. После этого я свалился в постель. Сначала чересчур возбужденные нервы не давали мне уснуть. В изнеможении я лежал с открытыми глазами. Постепенно стало приходить успокоение, а там и сон охватил меня.

На следующее утро я вспомнил все советы моего покровителя и первым делом поехал на Голливудский бульвар, чтобы купить шикарный костюм, соответствующее белье и еще кое-какую мелочь. Я прихватил и кожаную куртку, которая казалась мне совершенно лишней. Джинсы я покупать не стал, решив обойтись старыми. Я вернулся домой, сделал гимнастику, принял душ, позавтракал в ресторанчике напротив, и тут подошло время звонить Роско.

— Ну что ж! Этим утром вы неплохо проявили себя. Так держать, молодой человек! — сказал он. — Теперь к делу. Вы знаете агента по имени Рэй Рамспэй?

Да, я его знал. Он был для меня недосягаем. Это был самый крупный поставщик актерского мяса на студии. Он занимался только с теми клиентами, которых сам тщательно отобрал и проверил. Я даже близко не осмеливался к нему подойти.

— У вас с ним встреча в четырнадцать часов. Не опаздывайте.

— Да, конечно... Вам позвонить насчет результатов?

— Я и так все узнаю. Брик, дорогой, теперь вы будете звонить только тогда, когда получите деньги за свою работу.После этого сразу позвоните мне. Мы договоримся, где встретиться — у меня или в другом месте — и вы отсчитаете мои проценты. Наличными.

Я очень постарался не опоздать к Рамспэю. В назначенное время я был в его бюро. Мне даже ждать не пришлось: секретарша немедленно провела меня к шефу. Рамспэй без предисловий приступил к делу.

— Мне рекомендовал вас Роско. Я ему доверяю. Если он сказал, что вы подходите, значит, подходите. Вот этот контракт вы должны подписать. Контракт стандартный, но все же рекомендую его прочитать, прежде чем подписывать. В приемной у моей секретарши вы спокойно его изучите. А я пока позвоню кое-куда.

Я бросил взгляд на бумагу. Контракт был отпечатан типографским способом. Я готов был подписать его не читая, но видя, что Рамспэй явно выпроваживает меня, чтобы поговорить по телефону без свидетеля, вышел с контрактом в приемную. Я уселся и стал внимательно его читать, потом подписал. Секретарша, которая не сводила с меня глаз, позвонила Рамспэю и сообщила мне, что он меня ждет.

— Так, я кое-что для вас подыскал, — повернулся он ко мне. — Пока роль небольшая, но все артисты, пока их никто не знает, начинают именно с таких. На этот раз у вас будет только общий план. Съемка будет проходить в Рино. Эту роль должен был исполнять один парень, но с ним сегодня утром произошел несчастный случай. Я позвонил, они будут вас ждать. Постарайтесь явиться побыстрее. Сможете быть там в три часа?

Я потерял дар речи, поэтому ответил кивком.

— Прекрасно. Там спросите Теда Кроутера. Чтобы сэкономить время, можете сразу одеться для роли. Сейчас объясню. Вы играете мелкую шпану, одного из банальных хулиганов, который подражает Брандо в «Дикой проделке». Джинсы и кожаная куртка у вас есть?

Я снова поперхнулся и снова кивнул.

— Езжайте скорее домой, переодевайтесь и дуйте туда, дружище. Мне кажется, мы на верном пути.

Вот так, я получил свою первую роль. В последующие дни я был слишком занят, чтобы всерьез задуматься над вопросом, каким образом Роско заранее мог знать, что для успешного старта моей актерской карьеры понадобится ко-

жаная куртка. Когда он посоветовал мне ее купить, несчастный случай с тем парнем еще не произошел. Потом, поразмыслив, я понял, почему он так поступил. Только один раз проглянула его «хитрая итальянская сущность», как он выражался. Это тот момент, когда он с первого захода, и, вроде бы, без проблем пристроил меня к импрессарио больших звезд, что само по себе было чудом. В дальнейшем я контактировал только с Рамспэем. Кстати, мы с ним прекрасно ладили. А в тот первый раз Роско хотел произвести впечатление.

Но особенно я не задумывался, лишнего времени не было ни для размышлений, ни тем более для опасений. Работа тут же полностью захватила меня. Я играл сначала маленькие роли, иной раз всего лишь в эпизодах, каждый раз такие, чтоб я мог выложиться, но не надорваться. К концу года я устроился — точнее, меня пристроили — на вполне серьезные вторые роли. Зарабатывал я уже очень прилично, но, без сомнения, мог зарабатывать еще больше. Мудрость Рамспэя как импрессарио заключалась в том, что он, случалось, отказывался за меня от лучше оплачиваемых ролей и заставлял играть те, что подешевле. Он заботился о том, чтобы я не превратился в определенный типаж, чтобы меня не отождествляли только с одним амплуа. Он смело отказывался в таких случаях, пусть даже предлагаемая роль была одной из центральных в скетче или даже в сериале, если я не мог бы в ней показать ничего нового.

Тем не менее, мой доход перевалил за пятьдесят тысяч долларов. Это в два раза превосходило сумму, при которой мое соглашение с Роско становилось нерушимым. Таким оно и стало. Я платил по двум контрактам, два раза по десять процентов: один раз с вычетом налогов, другой — с чистых и наличными. После этого у меня оставалось чуть больше пятисот долларов в неделю, плюс «Ягуар», шкафы, набитые первоклассным барахлом и роскошная квартира.

На второй год нашего соглашения мой доход удвоился. Я имею в виду удвоение чистого дохода, он превысил тысячу долларов в неделю. Общий доход был значительно больше, к тому же я попал теперь в категорию облагае-

мых более высоким налогом. У меня было прочное положение актера на вторых ролях. Я снимался в самых крупных вторых ролях. Имя мое стало довольно известным. Когда я соглашался играть в телевизионных сериалах, в титрах меня называли дарстеллером. В спектаклях же я все чаще оказывался на положении звезды.

Однако именно в тот год кое-что напомнило мне о способностях Роско к предвидению — более подходящего слова не подберешь. Я столкнулся с неожиданной гранью его характера, и в наших отношениях появилось нечто новое. Он счел это само собой разумеющимся.

Сейчас я расскажу о том, что предварило дальнейшие значительные события. Мне пришлось провести неделю в Лас-Вегасе, вживаясь в роль. Я никогда не замечал за собой склонности к игре, но однажды вечером от скуки заглянул в казино. Я взял на тысячу долларов фишек и, делая ставки по сто долларов, получил хорошую серию. Очень скоро я поставил на максимум — пятьсот долларов. Мне везло: буквально через минуту передо мной лежали двадцать тысяч долларов. Потом, естественно, удача от меня отвернулась. Я остановился, когда у меня осталось одиннадцать тысяч, то есть десять тысяч чистого дохода. Вернувшись из Лас-Вегаса, я встретился с Роско, чтобы расплатиться с ним и отдать его обычные десять процентов. Он сосчитал, что оставалось за мной со времени нашей последней встречи, и потребовал еще тысячу — десять процентов от суммы, выигранной в казино. Я отдал немедленно, у меня и в мыслях не было скрывать свои доходы. Я просто не подумал, что это *общий* доход. Мне не показалось странным, что он узнал о выигрыше — в казино со мной было много актеров.

Тогда я этому событию не придал значения, задумался об этом позднее. Со своей съемочной группой примерно через неделю я опять оказался в Лас-Вегасе. Мне опять захотелось поиграть — почему бы и нет, деньги у меня были.

На сей раз мне не везло с самого начала, а в общей сложности я проиграл четыре тысячи. Я искал счастья по

разным казино. Проиграв в одном, я тут же уходил в другое. Таким образом я побывал в десятке заведений. Со мной никого не было, о моем проигрыше никто не знал. По приезде я, как обычно, выложил Роско десять процентов. К моему удивлению, он тут же вернул четыреста долларов. Я сообразил, что если он получает процент с моего выигрыша, то должен делить со мной и проигрыш. Но... как он узнал?

Итак, я убедился, что он берет десять процентов со всего. Но самое потрясающее было впереди. Я женился и... Да, так оно и случилось. Все же я хотел бы кое-что объяснить.

Третий год моей артистической карьеры начался моим первым ангажементом в качестве звезды в значительном фильме. Это пять тысяч в неделю. В фильме было две главных роли. Моей партнершей оказалась молодая восхитительная красотка, восходящая звезда по имени Лорна Говард. Перед съемкой продюсер свел нас в своем кабинете, чтобы уточнить кое-какие детали. У него, видите ли, мелькнула идея.

— Послушайте меня, ребята. Конечно, это только предложение, — сказал он. — Вы оба молоды и свободны. Что, если бы вы поженились? Это станет отличной рекламой. Фильму будет обеспечен успех... да и ваша карьера... В конце концов, можно считать это браком по расчету. — Он хорошо сыграл безразличие.

Повернувшись к Лорне, я вопросительно поднял бровь.

— А вы как относитесь к браку по расчету?

— Все зависит от того, что считать браком по расчету, — улыбнулась она.

Вот так решился вопрос о нашей свадьбе.

Сейчас, вспоминая свое прошлое, я затрудняюсь объяснить, почему я не использовал в отношении женщин на полную катушку те возможности, которые мне предоставили мои успехи в актерской карьере. Конечно, монахом я не жил, но мои связи с женщинами были и немногочисленны, и неинтересны, точнее, безлики и серы. Серьезных привязанностей у меня не случалось. Два года пролетели

в напряженной работе, и к концу дня я порой так уставал, что хотелось только добрести до постели. Тут уж не до женщин, когда рано утром нужно торопиться на съемочную площадку. Иногда по целым неделям у меня не возникало желания.

После женитьбы все изменилось. Хотя любовь между нами так и не возникла, брак наш не остался в границах фиктивного. Лорна была соблазнительна в той же степени, в какой и красива. Поначалу все было замечательно, и меня это вполне устраивало. Мы не испытывали друг перед другом никаких моральных обязательств, были абсолютно свободны: любви-то не было. Не было и ревности. Со своей стороны я никогда не пользовался этой свободой, мне хватало Лорны. А вот меня ей было недостаточно. Я вскоре заметил, что у нее есть интрижка. Я также понял, что эта связь занимает процентов десять, когда узнал, кто ее любовник.

Воспитывать жену не было оснований, но брак сразу утратил для меня весь свой вкус. Она это почувствовала и постепенно стала отдаляться от меня. Наконец, однажды, уже закончив сниматься в фильме, она съездила в Рино, чтобы тайно развестись со мной. Кстати, мне это не стоило ни гроша. Она была богаче меня. Я уверен, что, если бы мне пришлось заплатить за развод или выплачивать алименты, десять процентов этих моих расходов были бы мне возвращены.

Жизнь продолжалась. Мне предложили контракт на следующую роль. Оплата была астрономической. Вот здесь-то я и понял все. Большинство людей не очень-то разбирается в финансовых тонкостях, я и сам никогда не задумывался о них. А тут пришлось. Если облагаемая часть дохода превышает двести тысяч долларов и налогоплательщик не женат, девяносто один процент с того, что превышает двести тысяч, забирается. Налогоплательщику остается только девять процентов, из них еще полагается заплатить местные налоги. А я должен был отдать еще десять процентов *общего* дохода, которые идут из рук в руки, то есть не списываются. Итак, я начинал терять деньги, едва мой доход переваливал за двести тысяч. Дойди я

до полумиллиона, все мои сбережения уйдут на десятипроцентный налог. Звездой мне не бывать!

Однако убить Роско я решил не поэтому. Хотя положить конец нашему договору было давно пора. Вообще-то денег мне не так уж хотелось, всемирной славы тоже. Во всяком случае, можно было играть в одном фильме за год. Многие звезды так и делают. Конечно, радости такой расклад принес бы мало, да и Рамспэй был бы не в восторге. Но... что прикажете делать, не платить же свои деньги за свою же работу.

К роковому шагу меня толкнуло то, что я влюбился. Любовь нахлынула внезапно и охватила меня всего. Я преобразился. Это была первая в моей жизни любовь и, как я был убежден, последняя. Слава Богу, она не была актрисой и никогда ни о чем таком не мечтала. Ее звали Бесси Эванс. Она была простой машинисткой. Она влюбилась в меня так же сильно, как я в нее, и тоже с первого взгляда.

Обычной пошлой связи с Бесси я не хотел. Я мечтал жениться на ней, жить честно и спокойно. Поэтому Роско нужно было убрать. Пока Роско был жив, я не мог жениться. И не хотел. Если он получит десять процентов и с этого брака, я все равно его убью. Так что лучше убить заранее.

Объяснить Бесси, почему мы не можем пожениться немедленно, было трудно. Я просто попросил ее верить мне. Она и верила. Моя бедная девочка, как она мне верила!

Я тщательно продумал план уничтожения Роско. Я так хотел освободиться! Бесси я поселил в маленькой квартирке в Кербанке под другим именем. Я ходил к ней так редко, как только позволял жар нашей любви. Когда шел к ней, принимал все меры предосторожности, чтобы меня не выследили.

Не хочу описывать все мои приготовления к убийству Роско. Я раздобыл револьвер, который будет обнаружен на месте убийства, но на меня не укажет ни в коем случае. Подобрал ключ от его квартиры. Я загримировался так хитро, что никто бы меня не опознал,

если бы увидел в его квартире или на улице возле его дома.

Около трех утра я открыл дверь в его квартиру. Сжимая револьвер, почти бесшумно я пробрался через гостиную и рванул дверь в спальню. В тусклом свете наступающего утра, сочившемся из окна, я увидел, как он сел в постели.

Я выстрелил шесть раз.

После выстрелов наступила абсолютная тишина. Я уже шел обратно, когда услышал скрип осторожно закрываемого окна. Он доносился из кухни. Я вспомнил, что кухонное окно у Роско выходит на пожарную лестницу.

Я замер от ужасной мысли. Дрожащей рукой я потянулся к выключателю. В спальне вспыхнул свет. Моя ужасная догадка догадка подтвердилась. В кровати был не Роско. В кровати была Бесси. Теперь одна Бесси... Это она поднялась навстречу мне. Десять процентов Роско брал *со всего*: с доходов, с брака, с...

Я умер уже там, в этой проклятой спальне. Жить мне было ни к чему, и если бы в револьвере оставалась хоть одна пуля, я пустил бы ее себе в лоб. Я машинально позвонил в полицию, чтобы правосудие выполнило за меня эту работу, отправив в газовую камеру.

На вопросы полиции я отказался отвечать, чтобы не дать адвокату возможности уцепиться за мою невменяемость. Когда он ко мне явился, я наплел ему всякого вздора, он насобирал для защиты кое-какого материала. На процессе инициативу захватил прокурор, на его перекрестном допросе я позволял методично отрывать от себя кусок за куском. Мне нужен был только смертный приговор!

Роско словно провалился, никто не знал, где он. Его пытались найти, чтобы допросить, ведь преступление совершилось в его квартире. Однако особенно они не усердствовали: все и без него было ясно.

И вот я ожидаю исполнения приговора. Но наш с Роско договор так и остался «окончательным и нерушимым», никто его не расторгал. Поэтому я уже много ночей не

смыкаю глаз, размышляя, что же такое десять процентов от *смерти*.

Я что же, останусь на десять процентов живым? С десятью процентами сознания? Сколько времени это продлится? Вечно?.. Может, я буду возвращаться к жизни на один из десяти дней, на один год из десяти? А во что я буду воплощен?

Если Роско тот, кем я его теперь считаю, что он будет делать с десятью процентами души?

Я знаю одно: завтра это выяснится.

И я боюсь.

ПЕРСОНА ГРАТА

Так вот: жил да поживал некий Хенли, Ал Хенли, и если бы вы его увидели, то никогда бы не подумали, что от него может быть хоть какой-нибудь прок. А если бы еще узнали о его образе жизни, то тем более не подумали, что будете — если у вас хватит терпения дочитать эту историю до конца — благодарить его всю жизнь.

В этот день Ал был как всегда пьян. Он был пьян постоянно; его девизом было — ни дня без выпивки, хотя воплощать это стремление в жизнь с каждым днем становилось все труднее и труднее. Друзей он давно растерял, а приятели, у которых можно было бы одолжить наличных, избегали его. Он составил длинный список знакомых, полузнакомых и едва знакомых и день за днем методично

Persona grata *(лат.)* — букв. «желательная персона», обычно означает постоянный статус дипломатического работника. Здесь в смысле «фигура, одинаково устраивающая обе стороны».

обходил их в надежде разжиться хотя бы парой долларов. Если это удавалось, Хенли был счастлив. Но самым неприятным было то, что во время этих вынужденных маршбросков он неизбежно трезвел, пусть не совсем, не до того опасного предела, когда промедление смерти подобно. В своем стремлении быть постоянно навеселе Хенли напоминал Алису в Зазеркалье: мчался изо всех сил для того, чтобы оставаться на месте.

Можно было, конечно, стать профессиональным нищим, но в положении Ала эта работа была сопряжена с непомерным риском: вместо кабака легко можно было загреметь в участок, где выпить, уж точно, не поднесут, хоть вешайся...

Хенли уже давно был на той стадии, когда день без спиртного был чреват лиловыми кошмарами, рядом с которыми белая горячка выглядела, как легкий насморк по сравнению с бубонной чумой. Он давно уже не боялся глюков, сопровождавших горячку. Если разобраться — что тут страшного? Ясно же, что все не настоящее, будто смотришь фильм ужасов. Другое дело — лиловые кошмары. Но чтобы познакомиться с ними, необходимо поглощать виски в непомерных количествах, поглощать годами, а затем резко прекратить, как это бывает с теми, кто попадает за решетку.

Стоило Алу Хенли вспомнить про лиловый кошмар, как у него тут же затряслись руки. Правда, со стороны это не слишком бросалось в глаза, потому что в эту самую минуту он как раз тряс руку своего закадычного дружка, с которым встречался до этого аж два раза. Обе встречи сопровождались поглощением огромного количества «молочка от бешеной коровки», поэтому Хенли с полным основанием считал, что приходится встречному кем-то вроде молочного брата.

Давнего кореша звали Кид Иглстоун — рослый, с помятым лицом мужчина, бывший боксер, а ныне вышибала в забегаловке, где и состоялось их с Хенли знакомство. Впрочем, не стоит обращать на него внимание читателя, поскольку Кид не имеет никакого отношения к тому, что случилось с Алом Хенли. Кроме того, всего через полторы минуты он и вовсе сойдет со сцены: завизжит, будто его режут, грохнется в обморок и навсегда исчезнет из нашей повести.

Однако, объективности ради, нужно признать, что если бы Кид Иглстоун не завопил, как укушенный скорпионом, и не потерял сознание, то вы бы сейчас не сидели в своем кресле и не читали этот опус, а вкалывали бы под слепящими лучами зеленого солнца на гранитовом руднике планеты на краю Галактики. Большого удовольствия это занятие вам бы не доставило, и поверьте, что уберег вас от этого именно Ал Хенли. Кстати сказать, он и по сей день продолжает спасать всех нас. Ведь если бы Три и Девять вместо него унесли с Земли Иглстоуна, вся наша жизнь, возможно, пошла бы по-другому. А потому, не будьте к нему слишком суровы.

Три и Девять прилетели к нам с планеты Дар, второй (причем единственно пригодной для жизни) планеты уже упомянутого зеленого солнца на краю Галактики. Три и Девять — это, конечно, не полные их имена. На самом деле их звали 389057792 и 9869223, если перевести цифры, из которых состоят имена дариан, в десятиричную систему.

Я рассчитываю на вашу снисходительность, когда именую одного из пришельцев Три, а другого — Девять и принуждаю их в рассказе называть друг друга так же. На их снисходительность я рассчитывать не могу, поскольку дариане, именуя друг друга, называют номер полностью, и пропустить или перепутать цифру — это не просто грубость, а чудовищное оскорбление. Скажу в свое оправдание, что дариане живут значительно дольше, чем мы, и у них, в отличие от нас, достаточно времени, чтобы соблюдать этот громоздкий этикет.

В тот миг, когда Хенли восторженно тряс руку своего дружка Кида, Три и Девять парили приблизительно в миле над Землей. Ни о каком самолете, космическом корабле и даже о летающей тарелке не идет и речи. (Разумеется, я знаю, что такое летающие тарелки, и могу подробно вам о них рассказать, но только как-нибудь в другой раз, поскольку сейчас речь идет о дарианах.) Короче говоря, они довольно комфортабельно парили в некоем пространственно-временном объеме.

Вы, конечно же, спросите, что же это такое. Попыта-

юсь объяснить подоступнее. Дариане открыли (нам это еще предстоит сделать, если повезет), что Альберт Эйнштейн оказался прав на все сто процентов. Материя не может перемещаться со скоростью, превышающей световую, не превращаясь при этом в энергию. Сомнительное удовольствие — превратиться в энергию, не правда ли? Дариане были того же мнения и все-таки стали путешествовать по Галактике с суперсветовой скоростью.

Ученые Дара доказали, что можно перемещаться в пространстве с любой скоростью, если одновременно перемещаться во времени. Словом, движение должно происходить не в пространстве, как таковом, а в пространственно-временном континууме*. На пути от Дара к Земле дариане преодолели расстояние в 163 тысячи световых лет. И при этом они для компенсации на 1630 веков сместились в прошлое. На обратном пути они, перемещаясь в пространстве со скоростью света, тоже сделают скачок на 163000 лет в прошлое, то есть в конце концов окажутся в исходной точке этого пространственно-временного континуума. Таким образом, фактическое время их путешествия окажется равным нулю. Уф! Ну, теперь, надеюсь, вам все понятно?

Короче говоря, невидимый куб завис над Землей, конкретно в миле над Филадельфией. (Только не спрашивайте меня, почему именно над Филадельфией, я и сам не понимаю, почему они ее выбрали, и вообще не знаю, на кой черт им понадобилась именно Филадельфия...) Куб болтался над Филадельфией уже четвертый день. Все это время Три и Девять слушали местные радиопередачи и изучали наш язык. На четвертый день они уже могли свободно на нем изъясняться.

Естественно, что они не смогли ничего понять ни в нашей культуре, ни в наших взаимоотношениях. Ведь не думаете же вы, что мешанина из радиоконцертов, обрывков мыльных опер, примитивных сценок из ковбойских сериалов может дать подлинную панораму жизни планеты?

Да и по правде сказать, плевать они хотели на нашу

---

* Континуум *(лат.)* — сплошная материальная среда, свойства которой изменяются в пространстве непрерывно.

цивилизацию; им просто нужно было выяснить, стоит ли опасаться землян как потенциального противника. Не приходится упрекать их за то, что потратив всего четыре дня, дариане пришли к выводу о нашей полной безобидности. Особенно, если признать, что они были абсолютно правы.

— Спускаемся? — спросил Три.

— Самое время, — ответил Девять.

И Три обвился вокруг пульта управления.

— Слушай, я же видел тебя на ринге! — горячо разглагольствовал Хенли. — У тебя настоящий талант, Кид! Будь рядом с тобой приличный тренер, ты бы высоко взлетел. Ладно, пошли промочим горло, а?

— А кто оплатит выпивку? Ты или я?

— М-м-м... Слушай, Кид, я сегодня не при деньгах, но мне позарез надо вмазать, а то загнусь... Ну, Кид, мы ведь друзья!

— Тебе сейчас виски, как акуле — шезлонг. Ты уже настолько бухой, что если не пойдешь проспаться, скоро увидишь чертей.

— Да я их и сейчас вижу, — ответил Хенли, — но они меня не колышат. Вон они, за твоей спиной маячат.

Пренебрегая здравым смыслом, Кид обернулся. И сразу с диким воплем рухнул, лишившись чувств. К ним приближались Три и Девять. А за их спиной расплывались нечеткие контуры гигантского куба, каждая грань которого была не меньше двадцати футов. Причем этот куб вроде и был реальностью, а с другой стороны, как будто бы и не существовал. Очертания его то проявлялись совершенно ясно, то исчезали, словно растворяясь, в воздухе. Наверное, именно куб и нокаутировал Кида, потому что Три и Девять, по правде говоря, выглядели довольно безобидно.

Это были симпатичные червеобразные существа, свернутые в спираль. Если бы кому-то стрельнуло в голову их полностью развернуть, они оказались бы длиной футов в пятнадцать. Их тела приятного нежно-голубого цвета бы-

ли толщиною в фут и симметрично закруглялись с обоих концов. Они были абсолютно гладкими, никаких видимых ртов, носов или ушей, так что невозможно было понять где зад, а где перед, но это и не имело никакого принципиального значения, ибо и то, и другое было совершенно идентичным.

По мере того, как они приближались к нашей парочке, рассмотреть, где же у них голова, а где хвост, так и не удавалось. Тем более, что они плыли по воздуху в обычном для себя свернутом виде.

— Салют, парни, — произнес Хенли. — Вы зачем моего корешка напугали, чтоб вам провалиться?! Он уже созрел, чтобы поставить мне выпивку. Пополоскал бы мне мозги, а стаканчик бы поднес. Так что с вас причитается...

— Реакция неадекватная, — констатировал Три. — У другой особи тоже. Возьмем обоих?

— Нет, только одного. Второй покрупнее, но психика явно неустойчива. Ограничимся этим. Ну ты, пойдем с нами.

Хенли сделал шаг назад.

— Если вы, ребята, угощаете, то я завсегда готов. Хотелось бы только узнать, куда вы меня зовете.

— Мы направлены Даром...

— Даром? — возмутился Хенли. — Даром пусть вам кошки мурлыкают. Лично я не тронусь с места, пока вы, сколько бы вас там ни собралось, не нальете чего-нибудь забористого...

— Ты понимаешь, что он говорит? — спросил Девять. Три отрицательно помотал одним из своих концов. — Будем применять силу?

— Может, он еще пойдет добровольно? Отвечайте, существо, вы согласны последовать за нами в этот куб?

— А выпивка там есть? — быстро спросил Хенли.

— У нас все есть. Добро пожаловать.

Хенли забрался в куб. Само собой, он не верил в его существование, поэтому и не боялся, И вообще, на кой черт пререкаться с собственными галлюцинациями? Три улегся кольцом на приборную панель и стал обоими концами нажимать кнопки.

— Мы вышли в подпространство, — сказал он. —

Предлагаю задержаться на орбите и обследовать контрольную особь. Необходимо выяснить, годятся ли они для наших целей.

— Эй, парни, а где же выпивка? — забеспокоился Хенли. С каждой минутой он чувствовал себя все ужаснее: руки ходили ходуном, а по всему телу словно ползали мохнатые пауки.

— По-моему, ему плохо, — сказал Девять. — Может быть он голоден или хочет пить. Что пьют эти особи? Так же, как и мы, перекись водорода?

— Две трети планеты покрыты, насколько я понял, водой с большим содержанием хлористого натрия. Можно синтезировать для него этот раствор.

— К черту! — завопил Хенли. — Не хватало мне воды, да еще соленой! Мне позарез нужна выпивка! Виски, поняли? Виски!

— Исследуем его обмен веществ, — решил Три. — Интраскоп позволяет сделать это за секунды. — Он отделился от пульта и медленно подплыл к необычного вида аппарату. Засветились разноцветные огни. — Поразительно! — воскликнул он. — Его метаболизм основан на C_2H_5OH.

— C_2H_5OH?

— Да. В основе всех реакций лежит этиловый спирт. Есть еще некоторое количество H_2O, но, как ни странно, без хлористого натрия, присутствующего в водной поверхности планеты. Есть и еще кое-какие составные, но в мизерных количествах. Впечатление такое, что это было его единственным питанием за последние месяцы. В крови и клетках мозга содержание спирта составляет 0,234 процента. Нет сомнения, что весь обменный процесс в его организме осуществляется через C_2H_5OH...

— Парни, — канючил Хенли. — Я же умираю от жажды. Прекратите свой треп и плесните виски.

— Не волнуйтесь, — успокоил его Девять. — Сейчас вы получите все, что нужно. Надо только подключить интраскоп к психоанализатору.

Снова загорелись огоньки, и Девять проплыл в угол куба, где размещалась лаборатория. Он поколдовал там и

через минуту возвратился с объемистой колбой, в которой весело переливались почти две кварты напитка, цветом напоминавшего янтарь.

Хенли понюхал, потом пригубил и испустил вздох, одновременно восторженный и печальный.

— Я умер, — резюмировал он. — Это же суперлюкс высшей категории, смесь нектара и амброзии. В земной жизни такой выпивки не существует...

Он сделал подряд несколько крупных глотков, и горло даже не почувствовало ожога.

— Что ты ему дал, Девять? — заинтересованно спросил Три.

— Достаточно сложный состав, абсолютно отвечающий запросам его организма. Пятьдесят процентов — спирт, сорок пять — вода. В оставшиеся пять процентов входит многое: соли и витамины, необходимые ему в определенных пропорциях, и еще минимальные добавки, повышающие вкусовые (в его понимании) качества напитка. Для жителей Дара вкус этого пойла хуже яда, даже если бы спирт или вода не были для нас смертельными...

Хенли блаженно вздохнул и хлебнул еще. Он качнулся, взглянул на Три и осклабился:

— Меня не обманешь, вас здесь нет... И никогда не было...

— Что он пытается выразить? — спросил Девять.

— Думаю, что его мышление не только примитивно, но и абсолютно алогично. Не думаю, что из подобных существ могут получиться хоть сколько-нибудь пригодные рабы. Во всяком случае, необходима тщательная проверка. Как вас зовут, существо?

— А, не все ли равно, приятель, — отмахнулся Хенли. — По мне — хоть как называй, только чаще наливай! Вы теперь, ребята, мои кореши. Куда вы, туда и я.

Он снова присосался к колбе и на этот раз не отрывался довольно долго, потом улегся на пол. Странные звуки, которые он теперь испускал, расшифровке не поддавались. «Хррр... взззз... хррр... взззз...» — так и осталось для дариан загадкой. Они попробовали расшевелить его, но ус-

пеха не добились. Чтобы не терять времени, они провели над ним все опыты и анализы, которые входили в их научный арсенал. Прошло несколько долгих часов. Наконец Хенли стал приходить в себя, с трудом уселся и посмотрел на инопланетян обезумевшими глазами.

— Все равно не поверю, — произнес он. — Вас нет, это просто мираж. Дайте глотнуть, ради всего святого...

Ему протянули колбу — Девять за это время дополнил ее до прежнего уровня. Хенли припал к ней, как младенец к материнской груди и, опустив веки, погрузился в нирвану.

— Не давайте мне проснуться, — невнятно произнес он.

— Но ведь вы и не спите.

— Тогда не позволяйте мне заснуть. Теперь я знаю, что такое амброзия — нектар богов.

— Богов? Кто такие боги?

— На самом-то деле их нет. Но живут они на Олимпе и там пьют... Пьют вашу амброзию...

— Умственные процессы лишены всякой логики, — констатировал Три.

Хенли вознес колбу и продекламировал:

— О, стойка есть рай, и кабак — это рай,
И с места они не сойдут...*

Выпьем за рай и райское блаженство.

— Что такое рай?

Хенли задумался на секунду, потом вдохновенно продекламировал:

— Рай — когда наподдаешься,
Заведешься и напьешься.
Будешь шляться и шататься,
С первым встречным лобызаться...

Вы мне дороги, ребята,
Словно два родимых брата.
Рай — когда стоишь пред баром,
Где тебя поят задаром...

---

* Парафраз знаменитого стихотворения Р. Киплинга «Баллада о Востоке и Западе»: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, И с места они не сойдут...» *(Пер. Е.Полонской)*.

— Даром? Что вы знаете о Даре?

— Дар небес — это чудо из чудес, нынче ты пьян, а завтра трезв... Парни, пока мы не расстались, я пью за вас.

Что он и сделал.

— Интеллект в зачаточном состоянии. Годен только для физической работы, — подытожил Три. — Надо выяснить, обладают ли земляне достаточной выносливостью. Если да, будем готовить вторжение и захват. Все-таки три-четыре миллиарда обитателей. В конце концов такое количество даже примитивных рабов можно будет использовать...

— Урра-а-а! — прокричал Хенли.

— По-моему, с координацией движений у него явно не все в порядке, — огорченно сказал Три. — Но, возможно, сила у него все-таки имеется. Как ваше наименование, существо?

— Друзья, вам я разрешаю звать меня Алом.

Хенли с великим трудом встал на ноги.

— Ал — это ваше личное имя или наименование всего вашего вида? Есть ли более полное наименование?

Хенли оперся на стену и чуточку подумал.

— Это наименование вида, — подтвердил он. — Но сокращенное. А полное... Сейчас я изложу вам, как оно звучит по-латыни...

И он изложил по-латыни, насколько помнил.

— Нам бы надо проверить вас на выносливость. Вы будете бегать между двумя стенами до полного утомления. Дайте колбу с вашим питанием, я пока подержу ее...

Девять хотел отнять у Хенли драгоценный сосуд, но тот вцепился в него мертвой хваткой.

— Один глоток, такой кро-о-хотный глоточек и я пущусь в бега. Клянусь вам! Куда скажете, туда и побегу...

— Возможно, эта пища укрепит его, — высказал предположение Три. — Позвольте ему, Девять.

«А что, если такое блаженство уже не повторится?» — испугался Хенли и присосался к колбе. После чего он,

радостный, как отправляющийся на смерть гладиатор, приветствовал дариан, которых почему-то стало четверо.

— Все на бега, парни! Всей компанией... Делайте ваши ставки. Я — бесспорный лидер. Сорвете большой куш. Но сперва немного допинга...

Допинга он принял и в самом деле немного, на этот раз всего пару унций.

— Достаточно, — сказал Три. — Начинайте бег.

Хенли сделал пару неверных шагов и ничком рухнул на пол, расквасив при этом физиономию. Последнее его, похоже, ничуть не обеспокоило, потому что он перевернулся на спину и окончательно затих с благостной улыбкой.

— Это невозможно! — воскликнул Три. — Он же морочит нам голову. Проверь его состояние, Девять...

Девять проверил.

— Это совершенно необъяснимо, — сказал он. — И все-таки даже такое слабое усилие лишило его сознания. Причем обморок настолько глубок, что он даже не ощущает боли. Он не притворяется. Как ни печально, этот вид абсолютно бесполезен для нас. Ну что ж, придется возвращаться на Дар ни с чем. Все это отразим в отчетах. Согласно инструкции берем его с собой. После стационарного обследования его поместят в зоопарк. Я уверен, он вызовет огромный интерес. Мы облетели уже около миллиона планет, но существа, настолько неполноценные умственно и физически, встретились нам впервые.

Три обвился вокруг пульта управления и пустил в дело оба своих конца. Мелькнули 163 тысячи световых лет, промчались 1 630 веков, и нейтрализовали друг друга так точно и синхронно, будто куб вообще не перемещался ни во времени, ни в пространстве.

В столице Дара — великой империи, подчинившей себе тысячи полезных планет и обследовавшей миллионы бесполезных (в их число вошла и наша Земля), Ала Хенли поместили в комфортабельную прозрачную клет-

ку, занимающую лучшее место в зоопарке, как самый выдающийся экспонат представленного здесь животного мира.

Посетители зоопарка по праву считают его одним из самых поразительных творений во всей Вселенной.

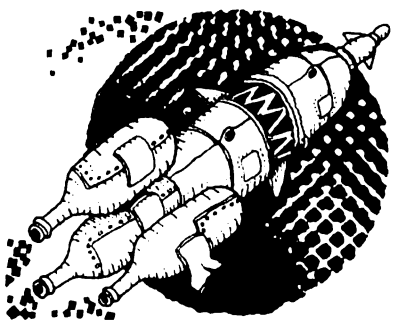
В центре клетки небольшой бассейн, из которого он постоянно пьет, а по некоторым утверждениям, иногда даже плавает в нем. Бассейн проточный, всегда заполненный до верха божественным напитком, который во столько же раз превосходит первосортное земное виски, во сколько раз первосортное земное виски превосходит отвратительный земной самогон. А кроме того напиток содержит в себе все необходимые для нормальной жизнедеятельности экспоната химические вещества. Причем на вкусовых качествах напитка это, по-видимому, не отразилось. Это питье — можно назвать его «бассейновка» — не вызывает ни похмелья, ни других нежелательных эксцессов. Поэтому у Хенли его времяпровождение вызывает такое же удовольствие, какое получают и посетители зоопарка от лицезрения Хенли. Они с восторгом наблюдают за ним, а потом с почтением читают табличку на его клетке. Текст открывается латинским наименованием вида, которое по просьбе дариан Хенли в свое время назвал.

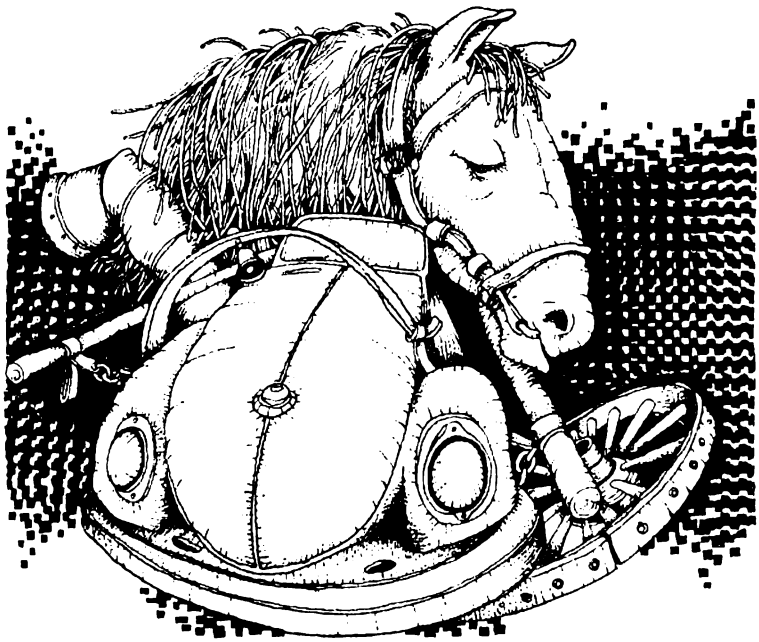
ALCOGOLICUS ANONIMUS

Основа питания — C_2H_5OH, с незначительной добавкой витаминов и минеральных солей. Эти существа могут время от времени высказывать здравые мысли, но в целом их мышление абсолютно алогично. Крайне низкий порог выносливости, нуждаются в отдыхе даже после нескольких шагов. Коммерческой ценности не представляют, в то же время вызывают значительный интерес, как самая необычная форма жизни, найденная в галактических мирах. Место обитания: третья планета системы IK 6547 — ХГ 908.

Заканчивая эту историю, добавлю, что Ал Хенли показался дарианам настолько удивительной формой жизни, что они подвергли его особой обработке. Теперь он прак-

тически бессмертен. И слава богу, потому что в зоопарке он пользуется бешеным успехом, и если бы с ним что-нибудь случилось, дарианс обязательно бы отправились на Землю, чтобы отловить еще один экземпляр. А где гарантия, что они не натолкнутся на меня или, к примеру, на вас, а мы в этот момент, как на грех, окажемся трезвыми? Представляете, что будет с нами со всеми — с человечеством?!





ВОЛНОВИКИ

Выписка из Краткого словаря для средней школы (Уэбстер-Хемлин) 1988 года:

Космик, -а, м. разг. — Волновик. Разр. электромагнитных. Класс Радио. Нетварь.

Нетварь, -и, -ей — Волновик, космик. Невещественный организм.

Радио, нескл. 1. Класс нетварей. 2. Электромагнитные волны с частотой колебания между светом и электричеством. 3. Средство связи, применявшееся до 1957 года (устар.).

Орудия били, не умолкая. Но землян оглушал не грохот вражеского вторжения. Среди миллионов людей один Джордж Бейли догадывался, что это может означать. О нем и пойдет речь.

В тот день Джордж, как всегда, напился. Не стоит его строго судить, ибо работенка, которую подкинул ему шеф, отличалась редкой тошнотворностью.

Искренне, всей душой, он ненавидел и радио, и рекламу. Оно и понятно, если учесть, что именно этим он зарабатывал на жизнь.

— Бейли, — втолковывал ему Д. Р. Мак-Джи, глава радиокорпорации «Юнион», — нам просто необходимо знать, чем занимаются наши конкуренты. Я хочу, чтобы вы были в курсе всех радиорекламы наших соперников.

Пытался ли кто, получая двести долларов в неделю, возражать начальству?

Вот и пришлось Бейли в нерабочее время торчать у приемника и прослушивать рекламы, все подряд глупые до омерзения.

К счастью, занятие это великолепно совмещалось с бутылкой виски и лимонным соком, что, в определенной пропорции, наш герой обожал. Комфорт удачно дополнялся рыженькой Мейзи, симпатичной машинисткой из радиостудии, а она совсем была не против поиграть в разные веселые игры в перерывах между рекламами и приемом виски с лимонным соком. И обстоятельству этому способствовало то, что прослушивать рекламы пришлось на ее квартире, поскольку Бейли из принципа не держал дома ни радио, ни телевизора. Себя и виски он приносил сам, без стеснения ожидая всего остального от подруги. Мейзи была девушкой покладистой и надежды его оправдывала.

«Лучше ти-ти-ти табака, — сообщало радио, — на самые лучшие ти-ти-ти...»

Джордж покосился на приемник.

— Маркони, — рассеяно промолвил он.

Ну конечно, он хотел сказать «Морзе», но лимонный коктейль изрядно бьет по мозгам. Он пока и сам не знал, как точна его оговорка.

— Кто это? — заинтересовалась Мейзи.

— Оговорился я. Это морзянка, — сказал Джордж и выключил радио. — В детстве я был бойскаутом и натаскался в азбуке Морзе. Сейчас, правда, маленько подзабыл.

— Ага, с тех пор ты здорово сдал, — хихикнула девушка.

Джордж вздохнул, но не слишком грустно.

— С преисподней они хотят связаться; что ли? Кто ж на этой волне морзянку гонит?

— А ты разбираешь, что они там пищат?

— Ну да. Тебе на самом деле интересно? Букву «С» они пищат. Ти-ти-ти — это три точки, а три точки означают «С». Вот «SOS», например, звучит так: ти-ти-ти, та-а — та-а — та-а, ти-ти-ти. Три точки — три тире — три точки. Спасите наши души, то есть.

— А эти та-а — та-а — та-а, стало быть, «О»?

— Умничка, — улыбнулся Джордж, выключая приемник. — Попищи еще. Мне так понравилось. Ну прямо птичка.

— Ой, Джорджи, а вдруг кто-то на самом деле просит помощи? Включи обратно.

Джордж включил. Табак продолжали расхваливать:

«... обладают самым ти-ти-ти вкусом, ти-ти-ти тонкий аромат ти-ти-ти сигарет. Яркая оригинальная упаковка ти-ти-ти свежими».

— Странно. Кто-то шпарит одну «С». Это не сигнал бедствия.

— А мне нравится. Забавно так чирикает. А может это реклама такая, а, Джорджи?

— Нет, — покачал головой Бейли. — Чего бы ей зачирикивать саму себя. Так не делают. Интересно, что на других волнах?

Он медленно покрутил ручку настройки. Недоверие и удивление сменялись на его лице. Он крутил сперва вправо, потом влево, до самого упора. Повторил, уже с некоторым раздражением, но весь эфир заполняло сплошное ти-ти-ти... Пропали вдруг несущие волны, треск глушилок, провалились черт-те куда все радиостанции. Невидящим взглядом он уставился сквозь Мейзи, не замечая ее яркой прелести. Приемник однообразно ти-ти-тикал.

— Что-то случилось, да? — озабоченно спросила Мейзи.

— Было бы здорово, если бы что-то наконец случилось.

Он выключил приемник, потянулся за бутылкой, но вдруг передумал. Предчувствие чего-то небывалого пронзило его. Такие дела требовали ясной головы, и Бейли решил срочно протрезветь.

Но он еще не знал, что несет это безобидное попискивание ему самому и всей цивилизации.

— Что ты хочешь сказать, Джорджи?

— Почем я знаю? Катим в Центр, подружка. Представляешь, что там творится? Эх, и потешусь же я напоследок...

Вечером пятого апреля 1957 года на Землю вторглись волновики. Будем, однако, справедливы, — не на Землю, а лишь в ее воздушное пространство. Последствия, тем не менее, были потрясающими.

Все такси куда-то запропастились, и нашей парочке пришлось довольствоваться метро. Я понимаю, в это трудно поверить, но метро еще работало. Из подземки они вышли за квартал от радиоцентра.

Кавардак в студии составил бы честь любому сумасшедшему дому. Здание гудело и сотрясалось. Джордж подхватил Мейзи под руку и, ухмыляясь во весь рот, провел ее через вестибюль в лифт. На пятом этаже они вышли. Джордж сунул лифтеру доллар — поступок, достаточно говорящий о его состоянии. До сих пор он не расщедривался и на цент.

Удивленный лифтер взял доллар, но отвисшая челюсть не позволила поблагодарить. Он только успел крикнуть вслед:

— Не попадайтесь начальству. Все прямо рехнулись. Живьем сожрут.

— Сейчас повеселимся, — радовался Джордж. Прямиком из лифта он двинулся к апартаментам самого Д. Р. Мак-Джи.

Сквозь стеклянную дверь прорывались раздраженные голоса. Джордж тихонько потянул за ручку.

— Ну, постой. Ну, перестань. Тебя же выгонят, — пыталась остановить его Мейзи.

— Не мешай! Я всю жизнь ждал этого часа! — сказал Джордж. Он легонько отстранил ее. — Отойди, моя хорошая. Постой в сторонке. Смотреть разрешаю.

— Что ты задумал?

— Сейчас увидишь. — Он просунул в приоткрытую дверь голову. Возбужденные голоса разом смолкли.

— Ти-ти-ти, — пропищал Джордж. — Ти-ти-ти.

Он едва успел отскочить. В коридор, пробив дверь, разом вылетели массивное пресс-папье и мраморная пепельница. Звонко посыпалось стекло.

— Теперь можно и напиться! — жизнерадостно воскликнул он, удирая и волоча за собой подругу.

В забитом до предела баре напротив Центра было непривычно тихо. Из уважения к завсегдатаям из радиоцентра бармен держал только радио, отказавшись от обычных для таких заведений телевизоров и музыкальных автоматов.

Именно вокруг приемника и грудилась притихшая толпа.

«Ти-ти-ти, — вещало радио, — ти-ти-ти...»

— Красота, — прокомментировал Джордж.

Кто-то упорно крутил ручку настройки.

— А это чья волна? — поинтересовался один из присутствующих.

— Полиции.

— Заграницу попробуй! — крикнул кто-то.

— Пожалуйста. Буэнос-Айрес.

«Ти-ти-ти», — издевалось радио.

— Заткни его! — крикнул мужчина с взъерошенными волосами.

Но радио тут же снова включили.

«Ти-ти-ти...» — посмеивался эфир.

Джордж, улыбаясь до ушей, провел Мейзи к дальней стойке, где в гордом одиночестве, если не считать стакана виски, грустил Пит Малвени, начальник научно-технического отдела студии. Они подсели к нему.

— Салют, — небрежно бросил Джордж.

— Салют. Провались все... — сумрачно ответил Пит.

— Чудный вечер, Малвени, — дурачился Джордж. — Луна в кудряшках облаков, словно бриг пиратский в бурном море...

— Захлопнись! — проворчал Пит. — Я думаю.

— Ну-у? Виски с лимонным соком, — сказал Джордж бармену. Затем он снова повернулся к приятелю: — А ты валяй вслух. Может, нам тоже будет интересно. Как ты сумел слинять с этого дурацкого совещания? — Джордж кивнул в сторону радиоцентра.

— А-а... Вышвырнули. Коленкой под зад.

— Ха, жму руку. Меня тоже, — обрадовался Джордж. — «Ти-ти-ти» им сказал.

— Неужели?! — Пит восхищенно глянул на друга.

— Ага. Есть свидетели. А ты что натворил?

— Подкинул им идейку насчет всего этого, а они решили, что я чокнулся.

— А это не так?

— Не знаю. С этими «ти-ти-ти» и впрямь рехнешься.

— Чудненько, — Джордж довольно щелкнул пальцами. — Расскажи и мне, ладно? Кстати, что на телевидении?

— То же. Изображение трясется, а вместо звука — одно чириканье.

— Здорово! Ну, и как ты это понимаешь? Давай, трепись, только чтобы интересно.

— Все дело в космосе и в том, что пространство должно быть искривлено.

— Ага, кривое, значит, — веселился Джордж.

— Ой, Джорджи, помолчи, — вмешалась Мейзи. — Интересно же.

— Космос совсем не безграничен, — продолжал Пит, наливая себе неразбавленного виски. — Если долго лететь, то все равно вернешься в изначальную точку. Как муравей по яблоку.

— Апельсин был бы лучше, — не унимался Джордж.

— Ладно, по апельсину. Так вот, впервые радиоволны были выпущены пятьдесят шесть лет назад. За это время они совершили полный круг.

— А не маловато? Я всегда думал, что радиоволны тащатся со скоростью света. Стало быть, за это время они покрыли расстояние в пятьдесят шесть световых лет, верно? Что-то у тебя больно маленькая вселенная получается. Насколько я помню, есть галактики, которые болтаются

от нас за миллионы, а то и миллиарды световых лет. Да одна наша Галактика тянется раз в сто дальше.

Пит тяжко вздохнул.

— А я что говорю? Где-то пространство искривлено. Есть более короткий путь, понимаешь?

— Как это?

— Да ты послушай, что творится в эфире. Откуда это взялось? Морзе знаешь?

— Немного. Разбираю, если медленно.

— А я могу и быстрее. Это же сигналы первых американских радиолюбителей. Подобной ерундой эфир был заполнен незадолго до регулярных радиопередач. Тут и Морзе, и когерер Маркони, и детектор Фессендена. Пока треплются радиолюбители, а скоро мы услышим соло на скрипке. Вот увидишь. Я даже знаю, что именно.

— Ну?

— «Лярго» Генделя. Первая в истории музыкальная запись на фонографе. Ее передал по беспроволочному телеграфу Фессенден из Брант-Рока в тысяча девятьсот шестом году. Мы скоро услышим его позывные «СО». Пари? На бутылку?

— Идет. А что это за «ти-ти-ти»? С них-то все и началось.

— Маркони, — ответил Пит. — Помнишь его сигнал через Атлантику?

— Так это он?

— Ну да. Двенадцатого декабря тысяча девятьсот первого года он из Англии, где у него была довольно мощная радиостанция, посылал эту «С» в Сент-Джонс. Там два его помощника с помощью антенны, поднятой на четырехсотфутовую высоту воздушным шаром, принимали сигнал. Ты только представь, Джо. В Полду, что в Англии, из здоровенных лейденских банок, через высоченные антенны в атмосферу выскакивала голубая искра в двадцать тысяч вольт, и через весь океан...

— Погоди, Пит. Что-то ты загибаешь. Ты сам сказал, что «ти-ти-ти» огласило эфир в девятьсот первом году, а «Лярго» Генделя — в девятьсот шестом. Значит, он и сейчас должен следовать за Маркони с промежутком в пять

лет. Ну, пусть сигналы не затухают, пройдя чудовищное расстояние, пусть даже где-то есть короткий путь, но куда ты засунешь эти пять лет, а? Не рушится ли твоя идейка?

— А я спорю? — мрачно сказал Пит. — Да, по логике этот дурацкий писк должен затухать, и пять лет пропали я не знаю куда, а уж то, что верещит по всем диапазонам — совсем никуда не лезет. Ну, пускай моя идея безумна, так предложи что-нибудь еще.

— А если...

— Тс-с, — прервал Пит.

Сквозь непрерывное пищанье динамика прорвался голос. За ним последовала тихая музыка. Смычок тоненько запиликал «Лярго» Генделя..

Взметнувшись вдруг до самых высоких нот, скрипка издала раздирающий уши визг, вскоре исчезнувший за пределами слышимости. Все смолкло, лишь «ти-ти-ти» нарушало тишину.

— Вырубай! Надоело! — крикнул кто-то.

Приемник замолчал. Больше его не включали.

— Еще есть одна странность, — сказал Пит. — Телевизор не может принимать обычные радиоволны, но сигналы забивают и его.

Он недоуменно покрутил головой.

— Да, Джо, что-то тут другое. Я не прав. Должно быть иное объяснение.

Не то чтобы Пит Малвени ошибался, он просто был не совсем прав.

— Не может быть! — яростно воскликнул мистер Оджилви. Сняв очки, он свирепо насупил брови. Снова одел и уставился на листки с текстом. Наконец, раздраженно фыркнув, он бросил их на стол, от чего они веером рассыпались по табличке с надписью:

Б. Р. ОДЖИЛВИ
Главный Редактор

— Не может быть! — повторил он с не меньшей энергией.

Лучший его репортер Кейзи Блэр указательным пальцем проткнул колечко дыма, что запустил перед этим, и спросил:

— Что именно?

— А то и не может быть, что... не может быть.

— Помехи начались в девять вечера, — невозмутимо сказал Кейзи. — Сейчас три утра. К этому времени они забили весь эфир, прикончив радио и телевидение. Вещательные станции отключены по всему миру. С одной стороны жалко впустую тратить электричество. С другой — военные попросили очистить эфир, чтобы ловчей засечь источник помех. Вот уже пять часов ищут, и все без толку.

— Не может быть, — зациклился главный редактор.

— Вот именно. И это единственное, что мы пока можем сказать. Помехи по всему миру. Сначала их засекли в Майами, затем дальше к северу. Около двух часов ночи в Ричмонде, чуть позже в Денвере и Тусоне. В южном полушарии они двигались от Кейптауна до Буэнос-Айреса и далее к Монтевидео, что на тысячу миль севернее. В двадцать три часа они появились в Нью-Йорке, откуда прыгнули на Мадрид. В самом Нью-Йорке они пропали к двум ночи. — Кейзи так же спокойно выпустил еще одно колечко. — Наверное, из-за того, что там применяют горизонтальные антенны.

— Чепуха.

— Вот как? А мне больше нравится ваше «не может быть». Не может быть, но не чепуха. Вам не страшно? А вот у меня уже мурашки по коже бегают. Вы только послушайте. Факты упрямы. А они говорят, что если из пунктов наиболее уверенного приема сигналов провести векторы по касательной к поверхности Земли, они укажут на одну и ту же точку в космосе: созвездие Льва. Я проверил это с помощью глобуса и карты звездного неба.

Наклонившись, Блэр постучал пальцем по статье, которую сам только что принес.

— Станции, расположенные прямо под созвездием Льва, вообще ничего не принимают. Но по мере удаления

к краю земного диска, каким видится наша планета с этого направления, сигналы становятся все слышнее. На вашем месте, я бы связался с астрономами. Любопытно, что они скажут. Но советую торопиться, пока не узнаете об этом из других газет.

— А слой Хэвисайда? Он же непроницаем для радиоволн, он отражает их обратно.

— Значит, либо где-то есть брешь, либо отражает он их только со стороны Земли, а для волн, идущих из космоса, он прозрачен. Статью же необходимо немедленно отправить в набор, а пока поговорите с астрономами. Есть еще кое-что.

— Что именно? — встрепенулся и без того взбудораженный редактор.

— Стоило бы проверить расположение планет на данный момент. Созвездие Льва сейчас находится в плоскости эклиптики, и между ним и Землей может оказаться какая-либо планета Солнечной системы. К примеру, Марс.

— А если все не так, Блэр? Ведь весь же мир со смеху покатится.

— А если я прав?

Подумав с минуту, главный редактор снял телефонную трубку...

Шестого апреля утренний выпуск «Нью-Йорк Морнинг Мессенджер» венчался шапкой:

АБОРИГЕНЫ СОЗВЕЗДИЯ ЛЬВА НАЛАЖИВАЮТ С НАМИ РАДИОСВЯЗЬ

К этому моменту все радио- и телепередачи почили с миром. Акции их компаний падали катастрофически. Обычный дневной спрос несколько поднял их цену.

Телевизоры, впрочем, не покупали вовсе, но вот за портативные и настольные радиоприемники чуть не дрались. На экранах же изображение отсутствовало полностью, не было даже помех. Лишь звуковой канал бодро отображал свихнувшийся эфир. Этому несказанно удивлялся Пит Малвени, ибо по его мнению звуковой контур телеприемников радиоволны принимать не мог, во всяком случае, не в обычном диапазоне радиопередач.

И все-таки это были именно радиоволны, хоть и изуродованные до неузнаваемости.

Слушать же радио стало невыносимо. Бывали, правда, проблески. Иногда на несколько секунд вдруг появлялся голос Уилла Роджерса или Джеральдин Фарар. Или пальба, взрывы, крики времен нападения на Пирл-Харбор. Помнит ли еще его кто-нибудь? Но такие моменты относительно разборчивых передач бывали крайне редко. Чаще радио отрыгивало окрошку из обрывков опер и реклам, перемежаемых визгом и хрипом музыки, еще недавно столь прекрасной.

Но любопытство — порок из самых заманчивых, от чего спрос на приемники не падал еще некоторое время. Сказались тут и надежды услышать пришельцев. Да и кто мог тогда знать, что это навсегда?

Менее объяснимы казались другие поголовные увлечения. Словно вспомнив о панике 1938 года, которую вызвала радиопостановка Орсона Уэллса «Война миров», потребители начали в невероятных количествах расхватывать огнестрельное оружие, в том числе, пулеметы и пистолеты. Заодно резко повысился спрос на книги по астрономии и Библию. В одном из штатов все лихорадочно кинулись устанавливать громоотводы.

По неясной до сих пор причине в Мобиле, штат Алабама, публику охватила повальная страсть к рыболовным крючкам; многолетние запасы в скобяных лавках и магазинах спортивных товаров расхватали за каких-то два часа.

Книжные магазины и публичные библиотеки осаждались толпами, все вдруг почувствовали неодолимое желание просветиться насчет космоса и, в частности, Марса. Подобные страсти не смогло сбить даже появившееся в газетах известие, что Марс в данный момент находится вообще по другую сторону Солнца, а между Землей и созвездием Льва нет ни одной планеты Солнечной системы, нет, кажется, совсем ничего.

У редакций скапливались нетерпеливые толпы. Новости отныне черпались только из газет, и заведующие тиражом сбивались с ног в попытках удовлетворить спрос. Вразумительного объяснения происходящему пока не дал никто. Словом, творилось нечто непостижимое.

Перед смолкнувшими теле- и радиостудиями собирались небольшие группы. Они стояли чинно, словно на поминках, а если и переговаривались, то вполголоса. Вахтер в дверях «Юнион» пропускал только сотрудников научно-технического отдела, для остальных вход не открывался. Но те немногие, кто по роду службы оказался там, тщетно бились над загадкой и не спали уже более суток с того момента, когда радио пропикало первый раз.

Проснувшись к полудню, Джордж Бейли побрился и принял душ. От вчерашней попойки голова немного побаливала, но после чашечки кофе он почувствовал себя человеком. Просмотрев несколько утренних газет, он довольно усмехнулся. Предчувствие не обмануло его — творилось что-то потрясающее.

Оставалось разобраться, что именно.

Ответ появился в вечерней газете, где аршинными буквами был набран заголовок:

УЧЕНЫЙ УТВЕРЖДАЕТ:
МЫ ПОДВЕРГЛИСЬ НАШЕСТВИЮ ИНОПЛАНЕТЯН!

В этот вечер ни одна газета не попала по адресу. Едва разносчики выходили из типографии, на них тут же набрасывались возбужденные толпы. Газеты буквально вырывали из рук. Причем самые сообразительные из разносчиков беззастенчиво драли доллар за оплаченную уже газету.

С точки зрения наборщиков шапка утренних газет изменилась незначительно. Но звучание во сто крат усилилось:

УЧЕНЫЕ УТВЕРЖДАЮТ:
МЫ ПОДВЕРГЛИСЬ НАШЕСТВИЮ ИНОПЛАНЕТЯН!

Единственное число стало множественным и только, но пронимало это значительно сильнее.

Лекция, не объявленная заранее, состоялась около полуночи в Карнеги-холл за несколько часов до утреннего выпуска. Эффект ее оказался не хуже взрыва бомбы. Из поезда на Нью-Йорском вокзале за полчаса до полуночи вышел профессор Хелметц. Вмиг его окружила толпа ре-

портеров. Хелметц, профессор Гарвардского университета, первым из ученых выступил с заявлением о вторжении инопланетян.

Навстречу Хелтметцу, рискуя жизнью, сквозь бушующую толпу, лишившись шляпы и очков, но не присутствия духа, прорвался директор Карнеги-холла Харви Амберс. Схватив профессора за руку, он, перекрывая репортерский гвалт, крикнул:

— Пять тысяч долларов за одну лекцию! Всех интересуют пришельцы. Пять тысяч!

— Согласен. Но не ранее, чем завтра после трех.

— Какое там завтра? Сейчас же! Такси уже ждет!

— Послушайте...

— Аудиторию обеспечим! Поспешим! — Харви обратился к толпе. — Позвольте пройти! Все, кто хочет услышать профессора, двигайте в Карнеги-холл. По пути прихватите знакомых и друзей.

Слух о лекции стремительно облетел Нью-Йорк. Зал Карнеги-холл любопытные забили чуть не штабелями. Для менее везучих граждан на улице установили динамики.

Сколько компаний отдали бы последний миллион за трансляцию такой вот лекции, но радио и телевидение скончались...

— Можете задавать вопросы, — объявил ученый.

Поднялся репортер в первом ряду.

— Профессор, — спросил он. — Вы что-то говорили об ослаблении помех; якобы, оно началось сегодня утром. Подтверждают ли это армейские пеленгаторы?

— Да. Практически все. Слабеть сигналы начали в полдень, а к четырнадцати часам двадцати пяти минутам совсем пропали. Однако мы успели выяснить, что шли они из точки где-то в созвездии Льва.

— Звезду вы определили?

— Нет. Она отсутствует на наших картах. Кроме того она вообще не видна в наши телескопы, из чего мы предположили, что сигналы могли идти просто из точки пространства. Кстати, не стоит думать, что сигналы пропали.

Исчезла их направленность, и в данный момент они хаотически пронизывают нашу атмосферу. Пеленгаторы ничего не показывают, и поэтому я считаю, что вторжение завершено. Пришельцы захватили Землю. Но о них нельзя говорить, как о существах вещественных. Судя по всему, природа их электромагнитная, причем собственная частота этих существ совпадает с частотой земных радиоволн, что, возможно, и оказалось для них приманкой, причем весьма аппетитной.

— А все-таки, со звезды они или из точки пространства?

— Вероятнее второе. В каком-то смысле существа они не материальные, суть их волновая и в этом случае они свободно могут обитать в пространстве. Но допустим, что они со звезды. Учитывая, что она не видна в наши телескопы на расстоянии каких-то двадцати восьми световых лет, звезда эта может являться только «черной дырой».

— А расстояние как определили?

— Вначале помехи были копией первых сигналов, посланных с Земли пятьдесят шесть лет назад. Нетрудно подсчитать, что при движении со световой скоростью им понадобилось двадцать восемь лет туда и столько же обратно. Пришельцы, видимо, движутся с такой же скоростью. И если первые из них имели вид сигналов Морзе, то последующие, встречая на пути к Земле более поздние сигналы, поглощали их и уподоблялись им. Я уверен, что сейчас эфир забит отрывками самых последних передач, перемешанных и неразборчивых.

— Что представляют из себя эти пришельцы? Вы можете их описать?

— Я попытаюсь. В конце концов, вряд ли кто знает о радиоволнах более моего. В принципе они являются радиоволнами, каким-то образом упорядоченными. Не имея своего источника излучения, они, тем не менее, питаются именно излучением. В данном случае мы столкнулись с волновой формой жизни. И если земная жизнь зависит от движения и вибрации вещества, то пришельцы — от колебаний электромагнитного поля.

— Что вы скажете об их величине? Похожи ли они друг на друга?

— Я думаю, наши представления о похожести и величине тут бессмысленны. Можно, конечно, измерять их по длине волны. От гребня до гребня синусоиды, к примеру. Но это только приемник ловит конкретные волны при конкретной настройке диапазона. Пришельцам же доступна любая длина волны и, кажется, они могут произвольно ее менять.

Можно попробовать определять размеры длиной передачи, поглощенной пришельцем. Например сигнал протяженностью в одну секунду, при распространении со скоростью света, имеет длину в пространстве около 187000 миль, или одну световую секунду. Сообразите сами, что программа в полчаса растянется на половину светового часа. В милях можете подсчитать сами, если не лень, конечно. Но какой смысл в подобных расчетах?

Самый длинный отрывок, зарегистрированный нами, длится восемь секунд. Есть в десятые доли секунды. Таким образом длина пришельцев может меняться от нескольких тысяч миль до миллиона. Но что тут можно сказать о размерах, форме, похожести, если они вольны менять как частоту, так и протяженность?

— Способны ли они мыслить? Как вы думаете?

— Вопрос не менее бессмыслен, как и предыдущие. Мы настолько различны, как по сути, так и по форме, что практически не стыкуемся ни в пространстве, ни во времени. Учитывая сие, понятно, что вряд ли нам суждено найти общий язык.

— Но если они разумны...

— Ну, знаете... Муравьи тоже в чем-то разумны. Инстинкт, во всяком случае, сложный, можно назвать особым видом сознания. Муравьи способны к действиям, в которых заметны проблески разума. Но разве мы смогли установить с ними контакт? Вот почему я не верю, что мы когда-нибудь сможем договориться с пришельцами.

Будущее показало правоту его слов. И по сей день контакта с ними не произошло.

На следующий день радиокомпании приободрились. Акции их несколько поднялись. Но вопрос, заданный кем-то профессору, окончательно прикончил их, в чем газеты

радостно посодействовали, немедленно опубликовав мнение ученого:

— Сможем ли мы наладить радиотрансляцию? Уверен, что нет. Другое дело, если бы пришельцы покинули околоземное пространство. Но зачем это им? Пусть даже где-то во вселенной изобретут радио, а пришельцы почуют его. Допускаю, что часть наших гостей немедленно пустится в странствие. Пусть даже отправятся все. Но стоит нашим радиостанциям заработать, как они повернут обратно. Что дальше, вы знаете.

Спустя час акции рухнули до нуля, а радиокомпании скончались тихо и незаметно. На бирже обошлось без паники. Акции, превратившись в обыкновенные бумажки, из рук в руки не передавались, что позволило обойтись без сопутствующих в таких случаях безумств. Работники радио и телевидения, разом оставшиеся без работы, хлынули на рынок труда. Но на развалинах рухнувшей невообразимо гигантской индустрии оповещения и развлечения, как грибы стремительно стали расти другие ее виды: цирк, эстрада, театр. Жаждущий зрелищ народ ломился на любые представления. Туда и ринулись знающие вкусы публики специалисты из радио и телевидения.

— Опять нет, — удивленно сказал Джордж Бейли.

— Ты о чем? — спросил бармен, с любопытством посматривающий на Джорджа.

— Если бы я знал, Хэнк. Что-то не так.

— Что же?

— Сам не пойму. Сотвори мне еще порцию, да пойду-ка я.

Бармен взбалтывал коктейль вручную, поскольку электромиксер наотрез отказывался работать.

— Подходящая для тебя работенка, — улыбнулся Джордж, — Может, жирок сбросишь.

Хенк невозмутимо опрокинул емкость над стаканом. О стекло весело звякнул кубик льда.

Не торопясь выпив коктейль, Бейли вышел на улицу. Он встал под навесом, с наслаждением вдыхая весеннюю

свежесть. Бушевала первая гроза. Такси не было. Рядом остановился какой-то старик.

— Чудесная погода, — заметил Джордж.

— Кхе-кхе... вы тоже заметили? — проперхал старик.

— Что?

— А вы повнимательнее, повнимательнее.

Старик ушел. Такси все не было. Свинцовые низкие тучи оседали потоками воды. Вдруг Джордж понял. Он подобрал отвисшую было челюсть и бросился обратно в бар. В телефонной будке он набрал номер Пита Малвени.

Попал к нему только с четвертого раза.

— Салют, старик. Это Бейли. Грозу видишь?

— Ага. Мура какая-то. Молний-то нет. Пропали напрочь.

— Волновики?

— Похоже. Уже молнии жрут. Что же дальше?

Голос пропал. В трубке затарахтело.

— Алло! Алло! Пит, ты слышишь меня?

В трубке заливалась скрипка. Но Джордж точно знал, что Пит на скрипке не играет.

— А-а, черт! — разозлился он.

— Подгребай ко мне, — прорвался голос Пита. — Телефон вот-вот загнется. Прихвати...

Трубка зажужжала и кто-то сказал:

— Приглашаем в Карнеги-холл. Лучшие мелодии...

Джордж бросил трубку.

Он пешком побрел к Питу. Дождик, конечно, сразу превратился в ливень. По пути он прихватил в лавке бутылку виски. «Прихвати...» Наверняка Пит имел в виду виски.

Так оно и оказалось.

Едва друзья успели приготовить коктейль и поднять бокалы, как свет мигнул и погас. Затем зажегся опять, но волосок в лампочке едва теплился.

— Молний нет, — проворчал Джордж. — Теперь они добрались и до света. Телефон прикончили. А с молниями они что делают?

— Жрут, наверное. Радиоволны слопали — бросились на электричество.

— Молний жалко, — продолжал стенать Джордж. — Интересно, а как это я обойдусь без телефона? Ну и дела!

Ну ладно, вместо лампочек подойдут свечи и керосиновые фонари, а как быть без молний? Мне они так нравились. Сверкали-то как...

Свет потух окончательно, но коктейль неплохо шел и в темноте.

— Без электричества все эти холодильники, электротостеры и... — начал Пит.

— Автоматические проигрыватели в кафе, — подхватил Джордж. — Счастье-то какое! Вся эта подлая техника вымрет. Эх, а как же кино?

— И кино туда же, даже немое. Кинопроектор от свечки работать не сможет. А ведь автомобилей тоже не будет.

— Это еще почему?! Будем вручную заводить.

— А искра?

— А-а, про искру-то я и забыл. Та-ак, самолеты, значит, тоже. А реактивные?

— Есть такие виды реактивных двигателей, которые обходятся без электричества. Но в самолете множество приборов, а вот они без электричества никак. Не руками же его подбрасывать и не на собственную задницу сажать. Останутся планеры, и то небольшие.

— Радаров тоже не будет. А на черта он теперь? Войны еще лет сто не предвидится.

— Может, и все двести.

— Слушай, Пит, — Джордж даже подскочил в кресле, — а как насчет атомного распада?

— Вообще-то внутриатомные процессы имеют электрическую природу. Волновики наверняка и свободными нейтронами не побрезгуют. Пари?

Пари Пит выиграл бы. В Неваде атомная бомба издала лишь слабый пшик и на этом заглохла. А по всему миру реакторы на атомных станциях выдыхались наперегонки. Правительства пока предпочитали молчать.

Джордж изумленно покачал головой.

— Весь транспорт к лешему! Но ведь это значит, что мы вернемся к лошадиной тяге, как в допотопные времена? Все эти рысаки, битюги... Ха! Пит. Есть смысл вбухать все деньги в лошадей. Дело верное. Лучше в кобыл. Уверен, племенная кобыла будет стоить на вес платины. Как думаешь?

— М-да, Джо. Кажется, к этому идет. Но послушай, про пар-то мы и забыли.

— Верно! — обрадовался Джордж. — Это выход. Стальной конь хорош на дальние расстояния, а вот для ближних лошадь лучше. Ты верхом ездил когда-нибудь?

— Давным-давно. Сейчас годы уже не те. Но неплох и велосипед. Рекомендую купить завтра же, пока не сообразили другие и не начался ажиотаж. Я тоже поспешу.

— А это мысль! Так и сделаю. В молодости я обожал велик. Славно-то как! Едешь себе потихоньку и не обмираешь со страха, что тебя вот-вот собьют. Красота! Есть еще идея...

— Какая?

— А куплю-ка я себе корнет-а-пистон! Когда-то я неплохо играл. Попробую вспомнить, как это делается. Здорово! Прихвачу корнет, Мейзи под мышку и укачу на велосипеде в местечко поглуше, где напишу, наконец, свой роман... Э-э, послушай-ка, а как же с типографиями?

— Успокойся. Книги печатали задолго до электричества. Печатные станки можно перевести на пар. Были и ручные. В общем, не волнуйся, книги будут выходить.

Джордж Бейли расцвел. Он встал из-за стола и подошел к окну. Гроза ушла. Ясное ночное небо сияло звездами.

Посреди улицы застыл пустой трамвай — вымершая реликвия прошлого. Прерывисто заурчал автомобиль. Вот он выехал из-за угла и остановился. Дернувшись, проехал еще немного. Яркие поначалу фары его быстро тускнели, еще чуть — и погасли совсем. Автомобиль застыл навсегда.

Отпивая маленькими глоточками из бокала, Джордж смотрел на небо.

— А молнии пропали, — грустно сказал он. — Я всегда буду жалеть о молниях.

К счастью, мрачные прогнозы не оправдались и жизнь налаживалась вполне успешно.

Чрезвычайная сессия правительства объявила о создании объединенного комитета с чрезвычайными же полномочиями. После небольших дебатов его обозвали Советом Экономического Возрождения (СЭВ) и подчинили ему три

комиссии, действия которых он должен был координировать четко и без проволочек, не допуская споров и разногласий. Решения СЭВа считались окончательными и обсуждению не подлежали.

Одна из трех комиссий взяла под свою ответственность весь транспорт страны, все железные и шоссейные дороги. Электровозы были отправлены на слом, тепловозы — на запасные пути. По всей стране разыскивались уцелевшие паровозы. Разрабатывалась система, которая обеспечивала бы управление путями сообщения без привычных телеграфа и автоматики. Был разработан график очередности перевозок наиболее важных грузов. Предпочтение отдали пищевым грузам, затем шли уголь, нефть, а уже потом все остальное; очередность определялась степенью важности данной промышленной продукции для экономики страны. Безжалостно опрокидывались под откос целые составы с новенькими приемниками, холодильниками и прочей бытовой и промышленной техникой, без электричества омертвевшей. Впоследствии эти груды увозились на переплавку.

Собственностью государства были объявлены лошади. В зависимости от состояния и породы их распределяли для работ и перевозок или отправляли на племенные заводы. Предполагалось, что за год поголовье лошадей должно было увеличиться вдвое, за три года — в четыре раза, а лет через семь в каждом гараже вместо машины будет стоять лошадь.

Фермерам пока рекомендовали использовать для вспашки крупный рогатый скот, чему их еще пришлось обучать. По обочинам полей ржавели ненужные комбайны и трактора. Быков еще использовали для перевозки не слишком тяжелых грузов.

Комиссия по делам переселенцев занималась именно делами переселенцев. Тут было и выплачивание пособий, и компенсаций миллионам людей, оставшимся без работы. Она помогала переселению желающих на новые места. Города превратились в издыхающих монстров, и огромные массы горожан хлынули в сельскую местность.

Самые трудные задачи стояли перед третьей комиссией. Ей поручили максимально быстро и безболезненно

перевести предприятия с электричества на пар и скорейшим образом наладить выпуск соответствующей техники.

Несколько заброшенных стационарных паровых двигателей были отремонтированы до рабочего состояния. Работать им пришлось все двадцать четыре часа в сутки. От них крутились валы и шпиндели токарных, фрезерных и штамповочных станков. В первую очередь изготавливались детали для новых паровых двигателей. Число их — разных размеров и мощности — росло в геометрической прогрессии. Как и поголовье лошадей на конных заводах. Первые новенькие двигатели так в шутку и обозвали «племенными». В металле и других материалах недостатка не было. Заводские площади расчищались под новые станки, работающие от паровых установок, а старые электрические нагромождались в складах, где ждали своей очереди на переплавку.

Наконец, когда промышленность укомплектовалась паровой энергетикой, заводы стали постепенно переходить на производство ширпотреба. Для начала — керосинок, одежды, угольных печей, велосипедов, телег, карет. Короче, всего, что необходимо человеку в первую очередь.

Заводы и фабрики, которые по каким-то причинам невозможно было перевести на новую энергетику, просто закрывались. Территории их и здания оставались под охраной государства до лучших времен. Началось бурное развитие мелких кустарных предприятий, весь штат которых зачастую состоял их двух-трех человек. Занимались они производством и починкой обуви, ржавых, подобранных в сараях и на чердаках примусов, и прочей бытовой мелочью. Прибыль поначалу оказывалась ничтожной, но постепенно наиболее преуспевающие из них вставали на ноги, увеличивали производство, а значит, и прибыль. Потом приобретали небольшие паровые двигатели, станки к ним и превращались в серьезные, вполне конкурентноспособные фирмы. Таким образом деловая активность и занятность населения росли, а вместе с ними росла и покупательная способность того же населения.

Разумеется, были и жертвы, даже трагедии. Рушились чьи-то надежды. Стремительное обнищание грозило очень многим. Но так было всегда и это надо было пережить.

Тем не менее, положение было несравненно лучше, если сравнивать с кризисом тридцатых годов. На этот раз экономическое оздоровление шло гораздо быстрее.

В тридцатые годы правительства действовали вслепую. Причин у кризиса, казалось, были тысячи, истинную не знал никто. Все было противоречиво и запутанно до невозможности и главное, непонятно было, с чего начать. Впрочем, правительства и не собирались с чего-то начинать. Они пребывали в уверенности, что кризис — явление временное и закончится сам собой, как и начался. Ошибка, едва не оказавшаяся фатальной. А пока правители пребывали в приятном заблуждении, рушились огромные состояния. Банки объявляли себя банкротами. Разорялись, выставляя на улицу работников, фабрики и заводы. Тысячи и тысячи людей оставались без крова и средств к существованию, пока правительства развлекались бесконечной болтовней. Кризис нарастал со скоростью снежной лавины.

Но в 1957 году было легче. Причины были ясны. Не менее ясен был и способ выхода из критического положения. Исчезло электричество? Но это только один из источников энергии. Тысячелетия люди пользовались мускульной силой животных. Кроме того, есть уголь, торф, нефть, газ. Ветер, в конце концов.

Таким образом, все становилось понятным. Без всяких там «если», «но», «допустим»... Ясно это стало и для народов всех стран мира. Быть может, исключая горсточку маньяков. Не без этого. Все дружно взялись за перестройку жизни, а заодно и общества.

И в этих благословенных делах незаметно подошел 1961 год.

Промозглым апрельским днем уныло моросил дождь. На маленькой станции Блейкстауна Джордж Бейли поджидал трехчасовой поезд. Прохаживаясь под навесом вдоль пустой платформы, он от нечего делать прикидывал, кто может пожаловать в такую глушь.

Опоздав всего на шестнадцать минут, натужно пыхтя и отдуваясь, паровозик приволок три пассажирских вагона

и один багажный. В багажном приоткрылась дверь, и чья-то рука бросила на платформу мешочек с почтой. Паровозик тоненько завопил и запыхтел дальше. Ну вот. Значит, сегодня никого...

Вдруг с площадки последнего вагона спрыгнул высокий человек. Джордж всмотрелся в темную фигуру. Из груди его невольно вырвался радостный вопль:

— Пит!! Дружище! Какими судьбами?

— Бейли?! Вот это сюрприз! Как ты здесь оказался?

— Я? — Бейли радостно тряс руку Пита. — Живу я тут. Уже два года с лишним. В пятьдесят девятом приобрел газетенку «Блейкстаун Ункли». По дешевке. Теперь я един в трех лицах: и редактор тебе, и владелец, и сторож. Из наемных — один наборщик. А хронику ведет Мейзи. Мы...

— Мейзи? Неужели? Она все еще Хеттерман?

— Вот еще! Конечно, Бейли! Как купил газету, так и поженились, сразу и переехали сюда. А у тебя здесь что за дело?

— Да небольшое. На один день. Хочу повидаться с неким Уилкоксом.

— Ба, так это наш известный чудик. Не пугайся, парень он хороший. Странноватый чуть. Вот что, давай-ка все дела оставим на завтра, а сейчас двинем ко мне. Пообедаешь, переночуешь. Сто лет же не виделись. Мейзи обрадуется. Идем, у меня тут двуколка ждет.

— Ладно, пошли. Ты здесь все дела закончил?

— Да я же просто так тут торчал. Из любопытства: может, кто приедет. Пошли, пошли...

Двуколка мягко просела под весом двоих мужчин. Джордж дернул вожжи.

— Н-но, Бетси, — разбудил он кобылу и обратился к Питу: — Чем занимаешься, старина?

— В газовой компании работаю. В данный момент разрабатываю газокалильную сетку, более экономичную и стойкую, чем старые. А ваш чудик Уилкокс письмом сообщил, что у него есть кое-что интересное для нас. Вот компания и послала меня, чтобы оценить его изобретение. Если оно стоит того, я возьму парня в Нью-Йорк, и компания заключит с ним контракт. Посмотрим.

— А что, твоя компания на подъеме?

— Процветает. Сейчас газифицировать пытаются всё, и в первую очередь отопление и освещение. Так что перспективы просто великолепны. А у тебя дома что?

— Газ, конечно. Я удачно достал старинный линотип, в котором тигель нагревается от газовой горелки. Только пришлось протянуть газовую трубу на один этаж. Как там Нью-Йорк?

— На месте. Жителей всего один миллион. Красота! Народу мало, места всем хватает, а воздух... Представляешь: ни машин, ни чего другого, что отравляло бы воздух бензиновым перегаром. Я никогда не думал, что дышать так вкусно.

— Лошадей хватает?

— Хватает, но мы все больше на велосипедах. Ты не представляешь, что творится. Настоящая веломания! Велики штампуют в огромных количествах, но спрос все растет. Велоклубы пооткрывали. Гоняют и на работу и с работы, и по магазинам, и просто так. Все на велосипедах. Кстати, для здоровья очень полезно. Мы начинаем забывать о болезнях.

— И у тебя есть велосипед?

— Естественно. Еще старинный, доэлектрической эпохи. Каждый день не менее пяти миль накатываю. Аппетит — волчий!

— Что-ж, придется сказать Мейзи, чтобы сготовила барашка пожирней, — пошутил Бейли. — Вот и приехали. Стой, Бетси! Тпр-у...

На втором этаже открылось окно, выглянула Мейзи.

— Пит?! Здравствуй! Ты к нам надолго?

— Накрывай на стол! — крикнул жене Джордж. — Вот лошадь распрягу, похвастаюсь Питу хозяйством, да сразу и за обед.

Оставив лошадь в конюшне, Джордж через черный ход провел Пита в типографию.

— Во, линотип. Мой, — гордо сказал он, показывая на станок.

— Двигатель паровой?

— Будет, — улыбнулся Джордж, — но пока вручную набираем. Двигатель для линотипа я уже заказал.

Поставят через месяц. Но нужен еще один для ротатора. Достану по случаю. Обучает меня линотипу Пол Дженкинс, а там мы с ним расстанемся. Я и один справлюсь.

— А не жестоко это по отношению к Дженкинсу?

— Что ты! — покачал головой Джордж. — Он только об этом и мечтает. Ему давно за шестьдесят, пора и на покой. Он сам согласился работать временно. А вот и наш Мейол. Отличный наборщик. Дел ему хватает. А вот здесь редакция. Окна наружу. Дело, надо сказать, хлопотливое, но стоит того.

Улыбаясь, Малвени с одобрением оглядывал все вокруг.

— Ну что же, Джо, — сказал он. — Свое место в жизни ты нашел. С чем тебя и поздравляю. Ты всегда был прирожденным газетчиком.

— Думаешь? Прирожденным, значит... Наверное, ты прав. Я вкалываю, как вол, но счастливее меня нет человека на свете. Идем-ка наверх.

— А что роман? Ты когда-то грозился написать, — спросил Пит, поднимаясь по лестнице.

— Половина уже готова. И получается, по-моему, совсем неплохо. Жаль, что раньше никак взяться не мог. Да куда уж там было алкашу и цинику, и вообще...

— К космикам ты как относишься?

— К каким еще космикам?

— Надо же, как медленно доходят до провинции словечки из Нью-Йорка! С легкой руки одного ученого, что обозвал волновиков космиками, так и пошло — космики, космики... Здравствуй, Мейзи. Ты стала только еще красивее.

Обедали не спеша и с чувством. Джордж водрузил на стол целую батарею бутылок с холодным пивом.

— Извини, Пит, но ничего покрепче у меня нет, — смущенно сказал он. — Что-то совсем пить перестал.

— В трезвенники записался?

— Да нет. Как-то само-собой получилось. Уже год, как не испытываю никакого желания. Даже не знаю, почему.

— А я знаю. Мы все сейчас почти не пьем. Особых

причин нет. Жизнь стала совсем другой. Приемник ты сохранил?

— Ага, — усмехнулся Джордж. — На память. Ни за какие деньги не отдам. Иной раз погляжу на него и вспомню, какое дерьмо я из себя выдавливал, чтобы ублажить этот сундук. Подойду к нему, включу, а он молчит, гад! А я радуюсь. Знаешь самую чудесную музыку на свете? Тишина! Много-много тишины. Даже если бы этот дурацкий ящик вдруг заработал, да ни за какие коврижки я не стал бы его включать. А что, эфир до сих пор забит этими космиками?

— Наверно. В Нью-Йорке, в самом центре, физический институт каждый день прослушивает эфир. Запускают маленький генератор, но космики тут же высасывают ток.

— А они не улетят обратно, как считаешь?

— Вряд ли, — пожал плечами Пит. — Профессор Хелметц говорит, что они плодятся пропорционально количеству электричества. Даже если они и улетят, услышав радио где-то еще, то часть их все равно останется. Пусть даже совсем немного, но стоит нам врубить вещание, так они тут же расплодятся до соответствующего количества и слопают все радиоволны. Сейчас им достаточно атмосферного электричества. А вы тут чем развлекаетесь?

— Ну, вечером читаем, пишем, ходим в гости. У нас тут организовали любительский театр. Я сам, бывает, участвую на третьих ролях. Кино исчезло, так все увлеклись театром. Даже в этой дыре нашлись настоящие таланты. Есть шахматно-шашечный клуб. Устраиваем прогулки на велосипедах, загородные пикники. Да что там говорить, времени на все не хватает! Я еще никогда не бывал так занят. Кроме того, все вообразили себя музыкантами и обязательно на чем-нибудь играют. Даже те, кому слон на ухо наступил.

— А ты?

— И я тоже. Корнет-а-пистон. В нашем оркестре — первый корнет. Играю и соло. А, черт... совсем забыл! Сегодня же репетиция. В воскресенье даем концерт в городской ратуше. Ты уж извини, но придется мне оставить тебя.

— А меня ты не хочешь прихватить? У меня флейта в саквояже...

— Ну-у?! Отлично! В нашем оркестре как раз недостает флейт. Забирай ее и пойдем. Хочешь пари? Сид Петкинс будет уговаривать тебя задержаться до воскресенья. Это наш дирижер. Оставайся. Это же всего на три дня. Что ты теряешь? Давай-ка разомнемся перед уходом. Мейзи! Убирай все со стола и садись за пианино.

Пит Малвени сходил за флейтой. Джордж поднес к губам корнет-а-пистон. Нежная, чистая, словно звук серебряного колокольчика, полная грусти мелодия в минорном ключе заполнила комнату.

Продолжая играть, Джордж подошел к открытому окну. В руках его серебристо поблескивал инструмент. Уже стемнело. Дождь утих. Нежная музыка поплыла на улицу.

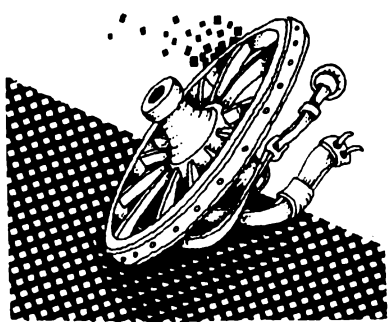
Четко пробарабанил лошадиный галоп. Звякнул раз звонок велосипеда. Слышались гитарный наигрыш и девичье пение. Джордж вздохнул всей грудью, глубоко и умиротворенно. Как хорошо!

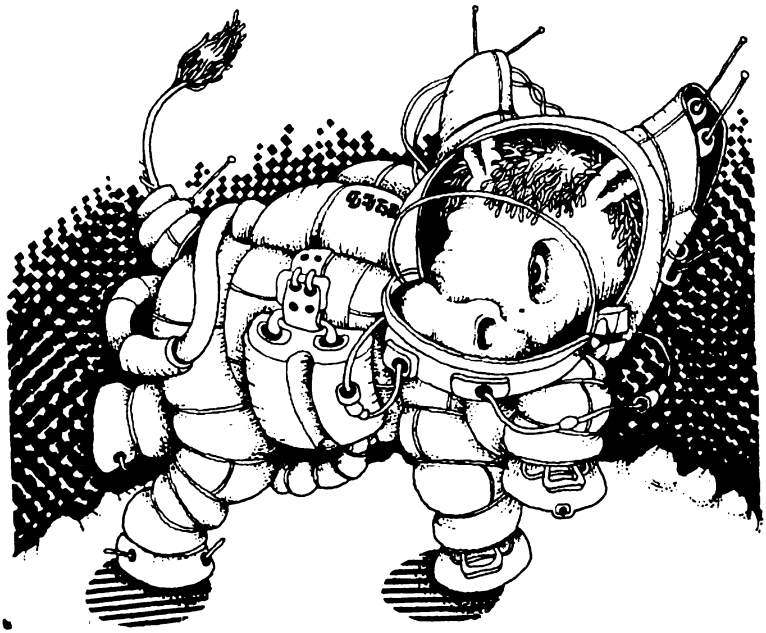
Пахло влажной весенней свежестью.

Где-то раскатисто громыхнуло.

«Боже мой, — подумал Джордж. — Неужели я никогда больше не увижу молнию, хотя бы малюсенькую?..»

Но это было единственное, о чем он жалел.





ТЕАТР МАРИОНЕТОК

Страшилище явилось в Черрибелл в первом часу одного из адски жарких августовских дней.

Признаемся, что кое-какие слова тут ни к чему: *любой* день августа в Черрибелле, штат Аризона, напоминает о пекле. Черрибелл находится на 89-й автотрассе, примерно на сорок миль южнее Тусона и на тридцать севернее границы с Мексикой. Две бензозаправки (по разные стороны шоссе, чтобы соблазнить путешествующих в любом направлении), магазин, салун с разрешением на торговлю спиртным, киоск-западня для тех туристов, которые спешат закупить мексиканские сувениры, еще до того, как побывают в Мексике, и опустевшая палатка, где некогда продавались рубленные шницеля. Да еще несколько кирпичных домов, владельцы которых, в основном, американцы мексиканского происхождения. Они трудятся в Ногазесе, приграничном городке к югу от Черрибелла, но по

какой-то непонятной блажи поселились здесь, а на работу добираются на своих машинах, причем кое-кто — на весьма дорогих. Вот, собственно, и весь Черрибелл. На указателе при въезде прямо под названием сообщается: «Нас. 42», но это не совсем точные сведения: как раз Нас Андерс — бывший владелец заброшенной палатки, где он торговал шницелями — год назад умер, и население сократилось до сорока одного.

Страшилище явилось в Черрибелл верхом на ослике, которого вел под уздцы древний, как Ной, седовласый и замшелый крот-золотоискатель, носивший, как выяснилось позже, имя Дейз Грант. А кошмар назывался Гарвейном. Он был неимоверно тощий, прямо как щепка, и при росте около девяти футов весил, наверное, не больше ста фунтов, так что, хотя его ноги бороздили песок, ослик старины Дейза без труда справлялся со своим бременем. Потом удалось установить, что ноги Гарвейна волоклись по земле больше пяти миль, однако, это не оставило никаких следов на его обуви, очень напоминавшей котурны древних римлян. Второй принадлежностью его туалета были голубые, словно яйцо малиновки, плавки. Больше одежды на нем не было никакой. Однако ужасали не рост, не конституция, не одежда: потрясала его кожа, багровая, как сырая говядина. Он выглядел так, словно с него сдернули кожу, вывернули ее наизнанку и снова надели. Его лицо и череп были такими же сплюснутыми и вытянутыми, как и все его тело; во всем остальном он казался человеком, или, скажем так, существом, походящим на человека. Конечно, если отбросить незначительные детали — то, что его волосы были такими же голубыми, как плавки и глаза, да и обувь тоже. В его облике было всего две краски: небесно-голубая и кроваво-красная.

Первым, кто увидел их приближение с восточного края равнины, был владелец салуна Кейси; он вышел с черного хода своего заведения, чтобы подышать пусть жарким, но хоть чистым воздухом. Троица находилась уже в сотне ярдов от заведения и первое, что бросилось ему в глаза, была необычайная фигура, оседлавшая ослика. Когда они приблизились еще, он всерьез испугался. Рот у Кейси рас-

крылся и не закрывался, пока расстояние между ним и пришельцами не сократилось до пятидесяти ярдов. Тогда Кейси нехотя направился навстречу. Он принадлежал к той категории людей, которые не бегут от неизвестного, а встречают его лицом к лицу.

Встреча состоялась на открытом пространстве в двадцати ярдах от салуна. Дейз Грант поднялся и отпустил уздечку ослика. Ослик встал, понурив голову. Существо, напоминающее жердь, тоже встало — для этого оно просто опустило ноги на землю и вознеслось над животным. Затем оно перешагнуло через него, на секунду застыло, упершись руками в спину ослика и сразу село на песок.

— Гравитация здесь очень высокая, — произнесло существо. — На ногах стоять трудно.

— Друг, как бы найти воды для ослика? — обратился старатель к Кейси. — Бедняга наверняка умирает от жажды. Воду и все остальное пришлось бросить, иначе он не дотащил бы... — и он кивнул на двуцветное чудище.

Лишь теперь Кейси осознал, насколько оно отвратительно. Издалека соседство красного и голубого лишь удивляло, но в непосредственной близости кожа выглядела шероховатой, сплошь пронизанной кровеносными сосудами и увлажненной, хотя такой на самом деле совсем не была, и он готов был провалиться в преисподнюю, если она не казалась содранной с существа, вывернутой наизнанку и снова натянутой на своего владельца. А может быть, просто содранной, и ничего больше. Такое Кейси видел впервые в жизни и от души надеялся, что больше никогда ничего похожего не встретит.

Он ощутил какое-то шевеление за своей спиной и взглянул через плечо. Там собирались другие обитатели Черрибелла — они тоже шли посмотреть на незнакомцев, а ближе всех подобрались, конечно, мальчишки, они кружились совсем рядом.

— Eh, muchachoada, — приказал он им, — agua para el burro. Un pozale. Pronto!* — Затем он снова обернулся к гостям и спросил: — Простите, а вы кто такие?

— Меня кличут Дейз Грант, — представился старатель

---

* Эй, гоп-компания, ведро воды для ослика. Быстро! *(исп.)*.

и протянул руку, а Кэйси автоматически пожал ее. Когда он разжал ладонь, рука старателя поднялась к уху и ткнула большим пальцем в сидящую на земле двуцветную личность.

— А его, говорит, называют Гарвейн. Космик, вроде бы, и чуть ли не министр.

Кейси поклонился жердеподобному существу и облегченно вздохнул, получив в ответ поклон, а не протянутую длань.

— Меня зовут Мэнвюэл Кэйси, — назвался он. — Чего это старик бормочет про какого-то космика?

Голос существа-жерди оказался на удивление ясным и чистым:

— Я прибыл из космоса. И у меня министерские полномочия.

Как ни странно, но Кэйси был настолько эрудирован, что понял оба этих термина. Кэйси, наверное, единственный в Черрибелле знал, что такое полномочный министр. Но гораздо удивительнее было не то, что он поверил обоим его утверждениям, а то, что Кэйси вообще сумел понять, о чем тот говорит.

— Чем я могу вам служить, мистер, — спросил Кэйси. — Может, сперва отойдем в тень?

— Спасибо, только не это. Здесь несколько холоднее, чем я думал, но мне совсем неплохо — так бывает у нас на планете ранними весенними вечерами. А если говорить об услуге, то прошу вас известить свои власти о моем визите. Надеюсь, это вызовет у них определенный интерес.

«Да, — подумал Кэйси, — тебе сказочно повезло. Ты наткнулся на единственного человека в этой округе, который действительно может тебе помочь». Мэньюэл Кейси был помесью ирландца с мексиканцем и имел сводного брата — помесь ирландца черт знает с чем. Так вот, этот сводный брат служил в звании полковника ВВС США на военно-воздушной базе Девис-Монтана, недалеко от Тусона.

— Секундочку, мистер Гарвейн, один телефонный звонок. А вы, мистер Грант, не желаете войти в дом? — спросил Кэйси.

— Меня жара не берет. Я все равно целыми днями жарюсь на солнце. Так вот, этот Гарвейн начал меня уговаривать: не смывайся, покуда я дела не сделаю. Сулил мне какую-то штуковину, если я его отведу сюда. Какую-то ликтронику...

— Портативный электронный аппарат для поиска полезных металлов, — четко пояснил Гарвейн. — Простенький прибор, работает на батарейках, обнаруживает руду, определяет ее вид, содержание металла, объем месторождения и глубину залегания, если оно не превышает двух миль.

Кэйси чуть не задохнулся, пробормотал извинения и с трудом пробился через толпу в свой салун. С полковником Кэйси его соединили через минуту, но ровно в пять раз больше времени понадобилось ему, чтобы заставить своего сводного брата поверить в то, что он — Мэньюэл Кэйси — во-первых, трезв, а во-вторых, не собирается разыгрывать высокопоставленного офицера.

Через двадцать пять минут донесся нарастающий гул, который прекратился, когда четырехместный вертолет опустился рядом с космическим посланцем, осликом и двумя представителями рода человеческого, и заглушил двигатель. Один только Кэйси сумел заставить себя присоединиться к странникам, все прочие предпочли удовлетворять свое любопытство с приличного расстояния.

Из вертолета выпрыгнул полковник Кэйси, затем, в порядке воинских званий, майор, капитан и лейтенант-пилот. Человек-жердь поднялся и с большим усилием принял вертикальное положение. Было видно, что земная гравитация значительно больше, чем та, к которой он привык на родной планете. Он отдал поклон, вторично представился и подтвердил, что он полномочный представитель космоса в министерском звании. После этого он объяснил, что с трудом выдерживает земное притяжение и попросил позволения снова сесть на землю, что тут же и сделал.

Полковник назвал себя и представил трех сопровождающих его лиц.

— Ну, а сейчас, сэр, чем мы можем быть вам полезны?

Человек-жердь, скривил гримасу, которая, очевидно, изображала улыбку, показав зубы, такие же голубые, как и его волосы.

— Вы часто произносите слова: «Я хотел бы увидеть вашего босса». Я не могу этого сказать, так как должен оставаться в этом месте. Я не смею просить, чтобы кто-то из ваших боссов прибыл для беседы со мною: это не соответствует дипломатическому этикету. Я готов рассматривать вас как полномочных представителей, согласен вести с вами переговоры, а также ответить на все ваши вопросы. Но при одном условии. Вы располагаете записывающими устройствами. Прошу вас приказать, чтобы одно из них было принесено сюда до того, как начнутся наши переговоры. Это позволит мне быть уверенным в том, что информация, которую я передам для вашего правительства, не будет искажена.

— Отлично, — согласился полковник и приказал пилоту: — Лейтенант, следуйте в вертолет и радируйте, чтобы нам немедленно переправили магнитофон. С парашютом... нет, много времени уйдет на упаковку. Стрекоза будет лучше.

Лейтенант отдал честь, готовый выполнить приказ.

— Да, — добавил полковник, — пусть еще захватят полсотни ярдов провода, чтобы растянуть шнур до салуна Мэньюэла.

Лейтенант бегом кинулся к вертолету.

Теперь людям оставалось сидеть и ждать, потея.

Мэньюэл поднялся.

— Пройдет примерно полчаса, пока они прилетят, — сказал он. — Раз уж мы остаемся на этой жаре, может быть, освежимся бутылочкой охлажденного пивка? Ваше мнение, мистер Гарвейн?

— Пиво — вроде бы холодное питье? Я чуточку замерз. Нет ли у вас чего-нибудь погорячее?..

— Сейчас сварю кофе. Не принести ли вам плед?

— Спасибо, нет необходимости. Я обойдусь.

Кэйси удалился и вскоре возвратился с подносом, устав-

ленным полудюжиной пивных бутылок, окружавших чашку обжигающего кофе. Опустив поднос, Кэйси первым делом, протянул кофе длиннющему инопланетянину, который, отведав напиток, изрек:

— Превосходиқ.

Полковник Кэйси прочистил горло.

— Давай-ка, Мэнни, угости старину-старателя. Теперь о нас, военных. Устав запрещает пить при исполнении служебных обязанностей, но в Тусоне сейчас сто двенадцать по Фаренгейту в тени, а здесь не только тени нет, но и жара покруче. Потому, джентльмены, даю вам официальное увольнение, продолжительность которого определяется временем, необходимым для того, чтобы доставить магнитофон или покончить с бутылкой пива. В любом из этих случаев срок вашего увольнения автоматически истекает.

Первым кончилось пиво, но прощаясь с ним, они уже услыхали и увидели вертолет. Кэйси поинтересовался у инопланетного министра, не хочет ли тот еще чашечку. Длинный ответил вежливым отказом. Кэйси взглянул на старину Дейза и подмигнул ему; золотоискатель подмигнул в ответ, и Кэйси двинулся за двумя бутылками для гражданских лиц. На обратном пути он встретился с лейтенантом, который тянул провод к салуну. Кэйси повернул за ним, чтобы проводить офицера и показать ему, куда включить шнур.

Возвратившись к группе, он увидел, что она значительно увеличилась. Кроме магнитофона прибыли: техник-сержант (он налаживал аппаратуру), подполковник и старший лейтенант, то ли любители воздушных моционов, то ли решившие выяснить, для чего так срочно понадобилось гонять вертолет с магнитофоном в Черрибелл, штат Аризона. Теперь они стояли, обмениваясь тихими фразами, и пялились на длинного двухцветного человека.

Когда полковник спокойно, но внушительно сказал «внимание», немедленно воцарилось молчание.

— Прошу садиться, джентльмены. Прошу образовать круг. Сержант, если магнитофон будет в центре, это не вызовет затруднений с записью?

— Все будет в порядке, сэр. Сейчас проверим.

Десять землян и один инопланетянин уселись в круг. Люди покрылись потом, а человека-жердь немного познабливало. За чертой круга грустно стоял ослик. Вокруг толпились, из осторожности не приближаясь ближе, чем на пять футов, все жители Черрибелла, оказавшиеся на этот момент в поселке; прилавки и бензозаправочные станции были забыты.

Сержант нажал клавишу, и кассета закрутилась.

— Внимание, проверка... — произнес он. Затем перемотал пленку обратно и включил звук: «Внимание, проверка...» — четко и звучно произнес динамик. Сержант еще раз перемотал пленку, стер запись, и нажал клавишу «стоп».

— К записи все готово, сэр, — доложил он полковнику.

Полковник вопросительно глянул на гостя, готов ли он, тот ответил кивком, после чего полковник сделал знак технику.

— Меня зовут Гарвейн, — неторопливо и внятно заговорил длинный человек. — Я явился на Землю с одной из планет, вращающихся вокруг неизвестной вашим астрономам звезды, хотя о шаровом скоплении из девяноста тысяч звезд, в число которых она входит, вы знаете. Расстояние между нашей и вашей планетами составляет более четырех тысяч световых лет в направлении центра Галактики.

Сейчас я представляю не свой народ и не свою планету, а являюсь полномочным министром Галактического Союза, объединения прогрессивных федераций Галактики, организованного в целях общего благополучия. Мне поручено встретиться с вами и здесь, на месте, решить, достойны ли вы быть принятыми в Союз. Понимаю, что у вас есть немало вопросов. Я готов отвечать на них, с той оговоркой, что на некоторые я не буду давать окончательного ответа, если у меня возникнут какие-либо сомнения. Если сомнения рассеются, то я вернусь к этим вопросам позже и отвечу на них. Вы согласны с такой формулой нашей встречи?

— Согласны, — ответил полковник. — Как вы прибыли на Землю? На космолете?

— Абсолютно правильно. Наш космический корабль в настоящее время находится на орбите с радиусом в двадцать две тысячи миль. Он вращается вместе с Землей и таким образом постоянно остается на одном и том же месте над нами. За мною ведется наблюдение с корабля, в связи с этим я вынужден оставаться именно здесь, на открытом пространстве. В случае необходимости я дам сигнал, космолет опустится и заберет меня.

— Как объяснить ваше безупречное владение нашим языком? Вы телепат?

— Я отнюдь не телепат. Вообще в Галактике нет ни одной расы, все представители которой имели бы телепатические способности; в то же время нет такой расы, в которой не было бы отдельных особей, способных к телепатии. Ваш язык я изучил специально в ходе подготовки к данному визиту. Уже не одно столетие наши наблюдатели находятся среди вас. Под словом «наши» я, естественно, подразумеваю представителей Галактического Союза. Вполне понятно, что меня, например, невозможно принять за обитателя Земли, но есть такие расы, которые без труда могут принять облик землян. К слову, представители Союза не вынашивают враждебных замыслов и никоим образом не пытаются повлиять на вас. Их задача — наблюдение и ничего больше.

— Предположим, что мы заслуживаем приглашения в Галактический Союз, получим и примем его. Что мы приобретем в результате этого?

— В первую очередь, вы пройдете сжатую программу обучения главным постулатам, которые помогут вам покончить с конфликтами, патологическим тяготением к войнам, избавят от врожденной агрессивности. Когда вы освоите этот курс и мы убедимся, что вашей расы можно не опасаться, вас снабдят средствами для космических перелетов, а потом и многими другими знаниями — последовательно, от простых к более сложным, — вполне доступными для вашего понимания.

— А если мы не заслужим приглашения или не примем его, что произойдет?

— Ничего. Вам предоставят полную свободу выбора; даже наблюдатели покинут Землю. Дальнейшее будет в ваших руках: или вы в течение ближайшего века уничтожите всяческую жизнь на своей планете, или сами совершите необходимые для прогресса открытия и созреете для вторичного приглашения в наш Союз. Конечно, мы регулярно будем следить, как складывается жизнь на вашей планете, и, если будет неопровержимо доказано, что вы покончили с жаждой самоистребления, то представители Галактического Союза нанесут вам новый визит.

— Но вы уже прибыли на Землю. Почему же вы не хотите затратить немного времени, чтобы представители нашего правительства могли прибыть сюда для встречи с вами, чтобы лично оговорить все вопросы?

— На это я однозначно ответить не могу. Причина моей торопливости не столь важна, но слишком сложна, чтобы тратить на ее объяснение дорогое время.

— Предположим, что мы согласимся вступить в ваш Союз. Каким путём мы сможем связаться с вами и сообщить о своей готовности? Думаю, вы сознаете, что лично я не имею права брать на себя такую великую ответственность.

— Наши наблюдатели сообщат нам о вашем решении. Главное условие для приема в Союз — публикация в прессе нашей беседы безо всяких купюр, так, как она будет записана на этой пленке. В дальнейшем любой шаг или заявление вашего правительства станет красноречивым ответом на наше предложение.

— А что делать с правительствами других стран? Они могут не разделять нашу точку зрения.

— Нас интересует реакция вашего правительства. Если оно будет согласно, тогда мы займемся другими государствами. Мы располагаем средствами воздействия на них. Не волнуйтесь, эти средства исключают силовые действия и даже угрозу применения силы.

— Могу себе представить, что это за средства, — поморщился полковник.

— Часто обещание вознаграждения ведет к цели надежнее, чем запугивание. Неужели вы считаете, что другие государства будут рады, если ваша страна приступит к освоению межзвездных пространств еще до того, как они сами будут только планировать полеты на Луну. Но это не самое главное. Поверьте, что наши методы убеждения весьма действенны.

— Вашими бы устами да мед пить. Однако, если я правильно понял, вы имеете право прямо здесь и сейчас принять решение о том, приглашать ли нас в состав вашего Галактического Союза или воздержаться от приглашения. Какими критериями вы собираетесь руководствоваться?

— Главное, что надлежало сделать — должен признаться, что я это уже сделал, — это определить уровень вашей ксенофобичности. Если рассматривать это понятие в принятом у вас широком толковании, то речь идет о полном неприятии чуждых существ вообще. В нашем языке есть слово, не имеющее аналога в речи землян; оно означает ужас, точнее, страх, смешанный с отвращением, который могут вызвать существа, отличные от нас по своим физическим качествам и облику. Я, наиболее характерный представитель своей расы, предназначен для первого непосредственного контакта с землянами. Именно в силу своей относительной человекообразности — замечу, что вы, в свою очередь, кажетесь мне тоже более или менее похожими на людей в нашем понимании — я, очевидно, вызываю у вас гораздо больший страх и отвращение, чем многие другие, абсолютно не похожие на вас существа. Я для вас выгляжу гротескной подделкой под человека, и это должно вызвать у вас такое сильное неприятие, какого не вызвало бы, например, животное любого другого вида. Наверное, мои слова провоцируют у вас новый приступ того страха и брезгливости, о которых я вам говорю. Пусть вас это не огорчает, потому что, сообщаю это с радостью, главный тест вы прошли успешно. В Галактике имеются расы, которые никогда не войдут в состав Галактического Союза, как бы далеко ни продвинулись они в технике, культуре и других областях. Причина одна — тяжкая и необратимая ксенофобия, не позволяющая им не

только встречаться с существами другой расы на равных, но даже просто глядеть на них. Первая же их реакция — либо паническое бегство, либо попытка уничтожить ненавистного чужака. Анализируя поведение ваше и всех собравшихся здесь, — он широким жестом своей длинной руки показал на толпившихся неподалеку жителей Черрибелла, — я пришел к неоспоримому выводу, что то отвращение, которое вы испытываете, глядя на меня, вполне естественно, допустимо и, несомненно, поддается излечению. Первый тест вы прошли успешно.

— А что, есть и другие?

— Есть. Но мое время истекло и...

Оборвав свою речь на полуслове, человек-жердь рухнул навзничь и сложился пополам, глаза его закрылись.

Полковник мгновенно вскочил, словно подброшенный пружиной.

— Какого дьявола? — сорвалось с его губ. Обогнув подставку с магнитофоном он опустился на колени перед замершим телом и прильнул ухом к кроваво-красной грудной клетке.

Когда он поднялся, старик-золотоискатель Дейз Грант рассмеялся.

— Вы не слышите сердца, полковник, потому что сердца у него нет. Зато вы можете сохранить Гарвейна, как мой подарок, и отыщете внутри него много такого, что куда полезнее, чем внутренние органы. Он был простой марионеткой, и я дергал его за ниточки, как ваш Эдгар Берген* водит своего... как же он его называет?.. ну, конечно, Чарли Маккарти. Мой Гарвейн сделал все, что было нужно и подвергся реактивации. Прошу вас занять свое место, полковник.

Полковник Кэйси с растерянным видом поднялся на ноги.

— Что все это значит? — спросил он.

Дейз Грант сбросил бороду и парик. Клочком материи он очистил лицо от грима и предстал перед собравшимися обаятельным и красивым юношей. Он продолжил свою речь:

---

* Эдгар Берген — знаменитый американский кукольник и чревовещатель. Прославился благодаря своим куклам, одну из которых назвал Чарли Маккарти, а другую Мортимером Снердом.

— То, что говорил Гарвейн — точнее, то что было вам передано через него, — истинная правда. Конечно, он марионетка, но точно копирующая представителя одной из галактических рас, причем такой, которая, по выводам наших психологов, произвела бы на вас самое тягостное впечатление, если бы вы были заражены ксенофобией в ее неизлечимой форме. Живого представителя этого вида мы привезти с собою не могли, потому что у обитателей этой планеты есть своя фобия, агорафобия — боязнь пространства. Эти существа достигли высокой степени цивилизованности, их авторитет в федерации весьма велик, но за пределы своей планеты они не путешествуют.

Наши наблюдатели, внедренные на Землю, заверяют, что у вас нет тяжелой и опасной формы ксенофобии. Но с точностью установить степень вашей ксенофобичности можно было только в том случае, если организовать вашу контактную встречу с кем-то или с чем-то, на ком можно было бы осуществить проверку, и кроме того, если такая возможность откроется, вступить с вами в первый контакт.

Полковник вздохнул облегченно и так громко, что его услышали все.

— Признаюсь честно, что во всей этой истории только одно приносит мне известное удовлетворение. Мы, конечно, сумеем договориться с существами, похожими на людей, и достигнем любой договоренности, когда это потребуется. И все-таки не могу умолчать о том, что крайне приятно сознавать, что господствующей расой в Галактике являются все же люди, а не эти существа. А каким будет второй тест?

— Второе тестирование уже началось. Можете звать меня... — Дейз Грант щелкнул пальцами, что-то припоминая. — Как Берген назвал свою вторую марионетку, которая сменила Чарли Маккарти?

Полковник замялся с ответом, и его опередил сержант технической службы:

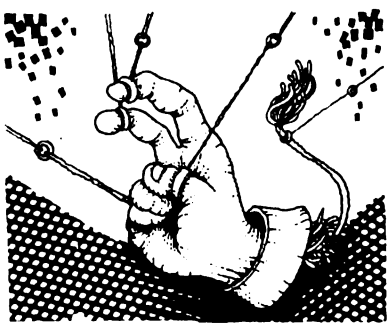
— Мортимер Снерд.

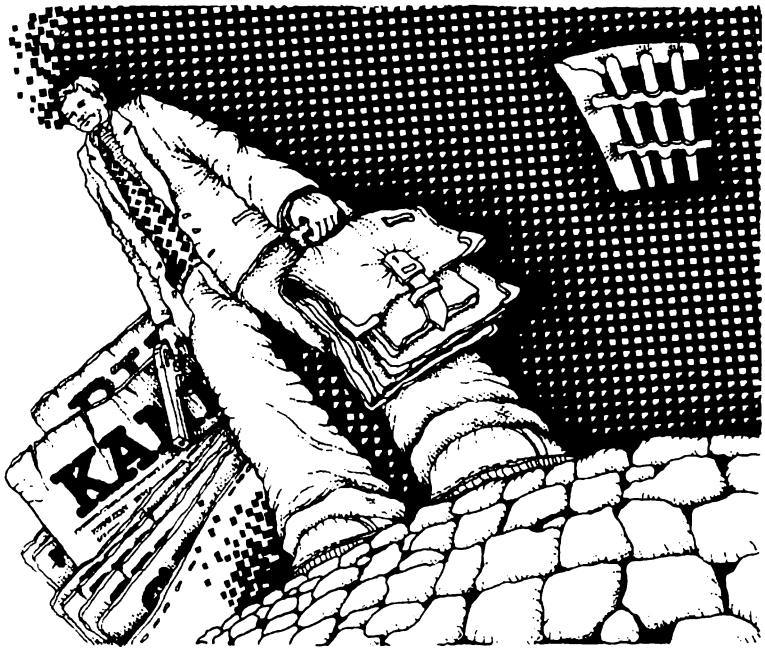
— Совершенно верно. Так вот, вы можете называть меня Мортимером Снердом. Но и мое время кончилось... —

Произнеся эти слова, Дейз рухнул наземь и сложился так же, как это сделало несколькими минутами раньше длинное страшилище.

Вот тут-то ослик поднял морду и из-за плеча сержанта протиснулся в круг.

— С марионетками кончено, — сказал он. — Пришла пора выяснить, полковник, всерьез ли вы утверждали, что господствующей расой могут быть только люди, или, в лучшем случае, человекоподобные существа. И заодно, что это вообще такое — господствующая раса?





НИЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ

Конечно, никто не знал, что для Лоренса Кэйна все было предопределено уже в тот момент, когда он сбил девушку на велосипеде. Кульминация наступила сентябрьским вечером за кулисами ночного клуба, хотя произойти это могло когда угодно и где угодно.

Перед этим он три вечера подряд смотрел номер местной падшей звезды Кинни Кин. Номер был, что называется, зажигательным: под конец изо всей одежды на Кинни оставался только голубой свет да три клочка материи в стратегически значимых пунктах. И если уж говорить военным языком, сама Кинни была сложена, как бетонный бастион. Когда она кончила возбуждать мужскую похоть и скрылась за кулисами, Лоренс решил, что номер был бы гораздо приятнее, если бы исполнялся в более приватной обстановке, а именно, в его холостяцкой квартире и для ограниченной аудитории, точнее, для него одного.

Впрочем, его планы не исключали и более существенных впечатлений.

Итак, Кинни освободилась, шоу заканчивалось, словом, трудно было выбрать лучший момент для частной беседы.

Лоренс Кэйн вышел из зала, прошел по аллее вокруг здания и отыскал служебный вход. Пятидолларовая купюра, врученная швейцару, вполне сошла за пропуск, и минуту спустя он уже стучал в дверь уборной, украшенную позолоченной звездой.

— Кто там? — послышалось из-за двери.

Кэйн хорошо понимал, что переговоры через дверь ничего не дадут. Он был достаточно искущен в театральных обычаях и сразу выбрал верный ответ, чтобы сойти за своего человека, который, возможно, вовсе не собирается подкатываться к усталой женщине с гнусными предложениями.

— Вы одеты? — спросил он.

— Подождите минутку, — ответила Кинни и вскоре разрешила войти.

Лоренс вошел. Кинни была в красивом пеньюаре из тех, которые так идут голубоглазым блондинкам. Кэйн раскланялся, представился и посвятил Кинни в детали своего плана.

Он был готов к тому, что Кинни поначалу будет отнекиваться, был готов даже к решительному отказу. На этот случай он приготовил весомый четырехзначный довод; столько Кинни не зарабатывала за неделю, а может, и за месяц — ведь второразрядный ночной клуб — не Карнеги-холл, это касается и гонораров. Но на вежливое предложение ангажемента Кинни ответила грубой бранью; мало того, она влепила Лоренсу пощечину. Довольно крепкую. Напрасно она это сделала.

В ярости он выхватил револьвер, отступил на шаг и прострелил ей сердце.

Потом он вышел на улицу, подозвал такси и поехал домой. Там он немного выпил, чтобы успокоить нервы и улегся спать. Когда глубокой ночью к нему явились полицейские с ордером на арест, он долго не мог взять в толк, о каком таком убийстве идет речь.

Мортимер Мерсон, лучший в городе адвокат, отработал с утра пораньше восемнадцать лунок и зашел передохнуть в холл гольф-клуба. Там его ждала записка: его просили как можно скорее позвонить городскому судье Аманде Хейс, что он тотчас же и сделал.

— Доброе утро, ваша честь, — начал он. — Что у вас случилось?

— Кое-что, Морти. Если вы сейчас не сильно заняты, зайдите ко мне. Тогда мне не придется излагать дело по телефону.

— Через час я буду к вашим услугам, — пообещал адвокат.

И поехал во Дворец Правосудия.

— Еще раз доброе утро, судья, — сказал он Аманде Хейс, на этот раз лично. — Вдохните поглубже, дорогая, и расскажите, в чем дело.

— Надеюсь, вы уже почуяли, что дело это я приготовила для вас. Если коротко — этой ночью по подозрению в убийстве арестован один человек. Он отказывается давать показания в отсутствие адвоката, но своего адвоката у него нет. Он говорит, что никогда не соприкасался с правосудием и даже не знает ни одного адвоката. Он попросил прокурора порекомендовать кого-нибудь из вашей братии, а тот передал эту просьбу мне.

— Стало быть, очередное бесплатное дело! — вздохнул Мерсон. — Что ж, никуда от них не денешься. Вы официально назначаете меня?

— Не плачьте, бедное дитя, — утешила адвоката госпожа судья, — дело вовсе не бесплатное. Ваш потенциальный клиент хотя и не миллионер, но все же человек весьма состоятельный. Этот молодой бонвиван хорошо известен в высшем свете и вполне способен платить, даже по вашему несусветному тарифу. Ну, об этом вы с ним сами договоритесь, если он согласится на вашу кандидатуру.

— Конечно, этот добродетельный юноша невинен, словно агнец, и стал жертвой гнусного оговора? Кстати, как его зовут?

— Вам его имя знакомо, если вы читаете в газетах светскую хронику. Его зовут Лоренс Кэйн.

— Да, это имя мне попадалось. Такие обычно не убивают. Правда, сегодняшних газет я еще не читал. Кого убили? И вообще, расскажите-ка поподробнее.

— По правде говоря, милый Морти, дело это не подарок: у вашего клиента нет ни единого шанса, разве что вы умудритесь доказать невменяемость. Потерпевшая была известна под псевдонимом Кинни Кин. Настоящее имя выясняется. Она исполняла стриптиз в ночном клубе «Мажестик», гвоздь программы, так сказать. Множество свидетелей видели, что Кэйн вышел из зала сразу после номера Кинни Кин. Швейцар, что пустил Кэйна через служебный вход, знал его в лицо; собственно, поэтому его и нашли так быстро. Тот же швейцар показал, что Кэйн вскоре вышел и что перед этим он слышал звук выстрела. Кстати, выстрел слышали и другие. А вскоре мисс Кин была найдена мертвой.

— Ну-у... — сказал Мерсон. — Тут слова Кэйна против слов швейцара. Здесь есть за что зацепиться: не составит труда доказать, что этот швейцар — психопат и лжец олимпийского класса.

— Не сомневаюсь. Но полиция, учитывая связи Кэйна, испросила ордер не только на арест, но и на обыск в его квартире. В кармане его пиджака нашли револьвер тридцать второго калибра со стреляной гильзой в барабане, а Кинни Кин была убита пулей именно тридцать второго калибра. Эксперты утверждают, что она была выпущена из револьвера Кэйна.

— Ясно. А сам он, значит, не желает ничего говорить, пока не посоветуется с адвокатом?

— Да, если не считать одной довольно странной фразы. Он произнес ее, когда его доставили в тюрьму. Полицейские передали ее слово в слово. Он сказал: «Боже мой, выходит, она была настоящей!» Как вы думаете, что бы это значило?

— Не представляю, ваша честь. Но если он согласится, чтобы я защищал его, я непременно спрошу. Не знаю, благодарить мне вас за это или проклинать в душе. По-

хоже, вы подсунули мне пресловутую палку о двух концах.

— Так ведь я знаю, что это ваш любимый инструмент, Морти. К тому же, выиграете вы процесс или проиграете, гонорар все равно у вас в кармане. Примите вдобавок добрый совет: не пытайтесь добиться освобождения Кэйна под залог до суда. Прокурор зубами вцепился в эту пулю и в протокол экспертизы. Для него это дело совершенно ясное — умышленное убийство без смягчающих обстоятельств. Он даже прекратил следствие. Так что суд состоится, как только вы исчерпаете все свои проволочки. Вас интересует еще что-нибудь?

— Пожалуй, нет, — ответил Мерсон и откланялся.

Надзиратель привел Лорснса Кэйна в комнату для свиданий и оставил наедине с Мортимером Мерсоном. Адвокат представился, они обменялись рукопожатием. Мерсон отметил для себя, что Кэйн скорее заинтригован, чем обеспокоен. Это был высокий мужчина лет сорока, красивый, но не слишком. Он выглядел вполне элегантно, хотя и провел ночь в тюремной камере. Очевидно, он был из тех людей, которые сохраняют элегантность, даже если их бросить в одиночестве и без багажа где-нибудь в джунглях Конго.

— Я рад, мистер Мерсон, что вы согласились защищать меня. Удивительно, как я сам не догадался обратиться к вам: я ведь слышал о вас от своих знакомых и читал в газетах о ваших процессах. Что будем делать? Выслушаете сперва меня или примете сразу, в радости и в горе?

— Приму сразу, — ответил Мерсон, — в радости и в горе, пока...

Он прервался: венчальную формулу не стоило произносить до конца при человеке, на которого уже пала тень электрического стула.

—...пока смерть не разлучит нас, — с улыбкой закончил Кэйн. — Вот и хорошо.

Они уселись по сторонам стола.

— Нам предстоит часто встречаться, — сказал Кэйн, — так что давайте без церемоний. Зовите меня Ларри.

— А меня — Морти, — ответил Мерсон. — Прежде, чем вы расскажете свою версию дела, мне хотелось бы задать пару вопросов, Вы...

— Подождите, Морти. Сперва я спрошу вас: вы уверены, что здесь нет микрофонов и нас никто не подслушивает?

— Абсолютно уверен. Итак, первый вопрос: вы в самом деле убили Кинни Кин?

— Да.

— Полицейские утверждают, будто после ареста вы сказали: «Боже мой, выходит, она была настоящей!» Говорили вы эти слова? Если да, то что это значит?

— Я был тогда не в лучшей форме, Морти, и вряд ли вспомню точно... Может, я и сказал что-нибудь в этом роде, во всяком случае, подумал я именно это. А вот что это означает... в двух словах не объяснишь. Придется вам выслушать все с самого начала.

— Хорошо. Не торопитесь. Спешить нам некуда: я могу оттянуть процесс месяца на три, а то и больше.

— Столько времени нам не понадобится. Все это... только не требуйте пока объяснений, что я имею в виду... это началось с полгода назад, а именно — третьего апреля, в половине третьего утра. Я возвращался с приема в Арманд-Виллидж и...

— Извините, но я вынужден буду часто прерывать вас: мне нужны подробности. Вы сами сидели за рулем? С вами никого не было?

— Никого, я сам вел свой «ягуар».

— Вы были пьяны? Может, превысили скорость?

— Честно говоря, почти трезвый. Прием был скучный, и я уехал рано, так что хорошенько выпить просто не успел. Дорогой я проголодался и остановился у придорожного ресторанчика. Там я, правда, принял еще один коктейль, но потом съел здоровенный бифштекс с овощным гарниром и выпил несколько чашек кофе. Словом, из ресторана я вышел даже трезвее, чем раньше. Кроме того,

я полчаса ехал в открытой машине на свежем ночном воздухе. Так что тогда я был трезвее, чем сейчас, а с прошлого вечера у меня капли во рту не было...

— Прервитесь на минутку. — Мерсон достал из заднего кармана плоскую серебряную фляжку и подал Кэйну. — Раритет времен сухого закона. Она помогает мне играть роль сенбернара, особенно, если мой клиент не знает, как в тюрьме достают выпивку.

— Ухх! — выдохнул Кэйн, приложившись к фляжке. — Разрешаю вам удвоить ваш гонорар — ведь эта услуга не входит в обязанности адвоката. Так на чем я остановился? Да, я утверждал, что был совершенно трезвым. Вы спрашивали насчет скорости? Пожалуй, да, превысил. Я ехал по Уэйн-стрит, подъезжал к Ростоу...

— То есть, вы были неподалеку от сорок четвертого поста?

— Именно. Про полицейский пост я еще расскажу. Скорость там ограничена сорока милями в час, но я разогнался до шестидесяти — ведь в половине третьего ночи там не бывает ни одной машины. Там никто не смотрит на указатели, если не считать старых леди из Пасадены...

— Но эти леди по ночам не катаются. Впрочем, извините, я вас слушаю...

— Внезапно из какого-то переулка прямо мне под колеса выкатилась девушка на велосипеде; она тоже разогналась вовсю. Я среагировал довольно быстро, нажал на тормоз. Ей было не более семнадцати лет, волосы были повязаны пестрым платком по-цыгански, с узлом сзади. Одета она была в зеленую безрукавку ангорской шерсти и велосипедные трусики. Велосипед был красного цвета.

— И вы успели все это заметить?

— Успел. Она как бы отпечаталась у меня в памяти, я и сейчас ее вижу, будто все это было только вчера. В последний момент она повернула голову и взглянула на меня. Я хорошо помню испуганный взгляд и очки в массивной оправе.

Затормозил я так резко, что «ягуар» чуть не завертело

волчком. У меня отличная реакция, но когда едешь на шестидесяти, можно только уменьшить скорость, но не остановиться, так что налетел я на нее со скоростью не менее пятидесяти миль в час... Удар был страшный... Я переехал ее сперва передними колесами, потом задними, и только метров через десять я остановил-таки свой «ягуар»...

Впереди я увидел павильон полицейского поста, выскочил из машины и побежал туда. У меня не хватило смелости оглянуться и посмотреть на то, что осталось позади. К тому же... я все равно ничем не мог ей помочь. Она наверняка погибла — такого удара хватило бы на десятерых.

Я сломя голову вбежал в павильон, и едва отдышавшись, рассказал все полицейским. Двое из них пошли со мною на место происшествия. Поначалу я почти бежал, но копы шли шагом, и я тоже сбавил темп: сами понимаете, мне не хотелось оказаться там первым. А когда мы пришли на место...

— Догадываюсь, — перебил адвокат. — Не было ни девушки ни велосипеда.

Кэйн кивнул.

— Мой «ягуар» стоял поперек дороги, фары горели, ключ торчал в замке зажигания, но мотор заглох. Ясно был виден тормозной след, он шел от самого переулка. Но больше ничего не было: ни девушки, ни велосипеда, ни крови, ни обломков. И на моем «ягуаре» не было ни царапины. Полицейские приняли меня за психа, и их можно понять. Они даже не позволили мне сесть за руль. Один из копов отвел машину на обочину, а ключ оставил у себя. Потом они отвели меня на пост и допросили.

Я провел там всю ночь. Можно было позвонить кому-нибудь из друзей, попросить связаться с адвокатом, чтобы он приехал и забрал меня под залог, но мне это даже в голову не пришло, так я был ошеломлен. Наверное, если бы даже меня отпустили, я не знал бы, куда идти и что делать. Мне нужно было успокоиться, хорошенько все обдумать, и полицейские предоставили мне такую возмож-

ность. Я был хорошо одет, в бумажнике лежала куча денег, и копы решили, что пусть даже я и псих, но псих состоятельный, а значит, и обходиться со мною надо соответственно. Вместо того, чтобы запихнуть меня в отстойник для пьянчуг, они открыли отдельную камеру, где я мог размышлять, сколько захочу. Ясно, что заснуть я даже не пытался.

Утром ко мне явился психиатр. Но я к этому времени вполне пришел в себя и надумал, что от полиции в этом деле толку мало, а значит, надо поскорее с нею развязываться. Я повторил свой рассказ, но тоном ниже — умолчал о том, как хрустнул велосипед под колесами «ягуара», и о толчке, из-за которого я чуть не вылетел сквозь лобовое стекло. Словом, у психиатра создалось впечатление, что я стал жертвой зрительной галлюцинации, и только. Он сказал, что такое, мол, бывает от утомления, и меня отпустили на все четыре стороны.

Кэйн помолчал, отхлебнул из серебряной фляжки.

— Вам все понятно? — вдруг спросил он. — Вы ни о чем не спрашиваете. Надо думать, вы мне просто не верите.

— Сейчас спрошу. Вы уверены, что провели ночь на сорок четвертом посту? Вам это не пригрезилось? Я смогу найти документы, подтверждающие это? Они могут пригодиться, равно как показания полицейских и психиатра: можно попытаться доказать, что вы невменяемы и, таким образом, не несете ответственности за свои действия.

Кэйн криво усмехнулся.

— Конечно, все это было на самом деле. И столкновение тоже было. Правда, ночь на полицейском посту проще доказать — сохранился протокол, да и копы меня, наверное, запомнили.

— Ясно. Рассказывайте дальше.

— Так вот, полиция списала все на галлюцинацию и успокоилась. Тогда я решил действовать сам. Я завел «ягуар» на яму, осмотрел снизу, но не нашел никаких следов. Выходило так, что и в самом деле ничего не случилось: по крайней мере, машина этого не заметила.

Тогда я зашел с другого конца: решил установить, откуда взялась велосипедистка. Я нанял частных детективов — это обошлось мне в несколько тысяч — и они прочесали всю округу, разыскивая девушку по моему описанию, с велосипедом или без. Они нашли несколько похожих девушек и незаметно показали мне. Без толку.

Наконец через своих друзей я познакомился с психиатром, самым лучшим и, ясно, самым дорогим в здешних местах. Угробил на него два месяца, и все зря. Я так и не добился от него, что он думал по этому поводу. Вы, наверное, знаете, как работает психиатр: позволяет вам выговориться, подталкивает к самоанализу и ждет, когда вы сами объясните себе и ему, в чем причина ваших бед. После этого пациент благодарит врача, а тот благословляет его и отпускает с миром. Такой подход срабатывает, если пациент подсознательно знает решение своей проблемы, но у меня-то был совсем другой случай. В итоге я решил поберечь время и деньги и отказался от услуг психиатра.

Но проблема оставалась, и я доверился кое-кому из ближайших друзей. Один из них, профессор философии, рассказал мне, что есть такая наука, онтология. Я кое-что почитал и начал помаленьку догадываться. Дальше — больше, наконец, я пришел к решению, а оно повлекло за собой совершенно поразительные выводы. Правда, вчерашний вечер показал, что эти выводы не совсем верны.

— Он-то-ло-ги-я, — проговорил Мерсон. — Что-то я такое слышал, но не могу припомнить...

— Уэбстеровский словарь определяет ее так: «Онтология — наука, занимающаяся вопросами бытия или реальности; отрасль знания, объясняющая природу, основные свойства и связи существования как такового». — Кэйн посмотрел на часы. — Извините, Морти, но рассказывать придется долго. Я утомился, да и вы, наверное, тоже. Может, отложим до завтра?

— Хорошо, Ларри, — согласился Мерсон и поднялся.

Кэйн прикончил виски и отдал фляжку адвокату.

— А нельзя ли нам и завтра поиграть в сенбернара и альпиниста?

— Я побывал на сорок четвертом посту, — начал назавтра Мерсон, — и отыскал протокол допроса. Еще я встретился с одним из полицейских, что были с вами на месте... словом, у вашей машины. Все подтвердилось, за исключением самого инцидента.

— Ну, тогда я, пожалуй, начну с того, на чем вчера остановился, — сказал Кэйн. — Итак, онтология изучает природу самой реальности. Начитавшись философских трудов, я сделался солипсистом. Солипсизм утверждает, что весь окружающий мир — всего лишь продукт воображения индивида... в данном случае — моего воображения. То есть, я — реален, а все прочие вещи и люди существуют лишь в моем мозгу.

— То есть, — нахмурился Мерсон, — эта девушка на велосипеде сначала существовала только в вашем воображении, а потом, когда вы на нее наехали, перестала существовать, так сказать, ретроспективно? Исчезла и не оставила по себе никакого следа, если не считать ваших переживаний?

— Вот и я рассуждал так же и наконец надумал поставить решающий опыт: убить кого-нибудь и посмотреть, что из этого выйдет.

— Но ведь людей убивают каждый день, Ларри, а я что-то не слышал, чтобы они исчезали вместе со своим прошлым.

— Поймите, тех людей убиваю не я, — истово объяснил Кэйн. — Это совсем другое дело, если считать весь мир продуктом именно моего воображения. А девушку на велосипеде убил я, лично, сам.

— Ну ладно, — Мерсон глубоко вздохнул. — Значит, вы решили убить кого-нибудь, чтобы проверить вашу гипотезу, и застрелили Кинни Кин. А почему она не...

— Да нет же! — перебил Кэйн. — Я убил совсем другого человека, и было это с месяц назад. Это был мужчи-

на. Нет смысла называть его имя и прочее, потому что с тех самых пор он исчез так же абсолютно, как и девушка на велосипеде. Конечно, результат этого опыта я предсказать не мог и не стал в него палить чуть ли не у всех на глазах, как в ночном клубе. Я был очень осторожен. Даже если бы он не исчез, полиция никогда не вышла бы на меня.

Итак, я убил его, обнаружил, что все его следы в прошлом исчезли, и решил, что моя теория подтвердилась. С тех пор я начал носить с собой револьвер. Я был совершенно убежден, что смогу убить кого угодно, когда угодно, причем совершенно безнаказанно. Моральная сторона дела меня не заботила: при чем тут мораль, если я убиваю не человека, а лишь плод собственного воображения?

— Как сказать... — буркнул Мерсон.

— Вообще-то, я человек спокойный, — продолжал Кэйн. — До вчерашнего вечера я ни разу не пускал револьвер в ход. Но эта дрянь хлестнула меня по лицу, причем очень сильно, что называется, от всей души. Я света не взвидел, автоматически выхватил револьвер и нажал курок...

— ...Но Кинни Кин оказалась не менее реальной, чем вы сами, — подхватил адвокат. — Вас обвинили в убийстве, а теория разлетелась вдребезги.

— Не совсем. Исключения лишь подтверждают правило. Со вчерашнего вечера я много передумал и решил, что если Кинни Кин была реальной, значит я — не единственный настоящий человек. Следовательно, мир состоит из реальных и нереальных людей, причем нереальные существуют лишь как продукт сознания реальных. Сколько нас, реальных? Не знаю. Возможно, всего лишь горстка, может — тысячи, а может, и миллионы. Мне трудно судить, ведь мой опыт исчерпывается тремя особами, из которых одна оказалась реальной.

— Допустим. Но зачем нужна такая двойственность?

— Откуда я знаю? Предположить я могу что угодно, любой бред, но какой толк? Возможно, это некий заговор или тайный союз. Но против чего и ради чего? Не может

быть, чтобы все реальные люди входили в этот союз — я, например, ни о чем таком не знаю. — Кэйн невесело усмехнулся. — Этой ночью я видел странный сон. Знаете, бывают такие... на грани с явью. Его даже рассказать толком невозможно: в нем нет никакой внутренней логики, так... отдельные образы. Так вот, мне приснилось, что где-то есть этакий архив реальности, ему-то и обязаны своим существованием настоящие люди. Архив этот можно пополнять, а можно и сокращать. Все реальные люди входят в некое сообщество, но не знают об этом. Резидент этого сообщества есть в каждом городе, и, конечно, работает где-то кем-то для прикрытия. Дальше я ничего не помню... Ну вот, я совсем разболтался... Простите, Морти, что заставил вас слушать этакую чушь.

Ну вот, теперь вы знаете все. Надо подумать, вы посоветуете мне прикинуться невменяемым. Пожалуй, так и придется сделать, иначе я — убийца без смягчающих обстоятельств. Кстати, что мне грозит в таком случае?

— В таком случае... — Мерсон рассеянно поиграл карандашом и вдруг взглянул Кэйну прямо в глаза. — Психиатра, о котором вы упомянули, зовут не Бэлбрайт?

— Точно!

— Превосходно! Бэлбрайт — мой хороший приятель, а в суде его считают лучшим из экспертов. Можно смело сказать: во всей стране таких немного. Когда мы участвовали в процессах вместе, все они оканчивались оправдательным вердиктом. Прежде чем разрабатывать защиту, я хотел бы посоветоваться с ним. Я приглашу его сюда, а вы снова откровенно обо всем расскажете. Идет?

— Конечно. Вот только... не сможет ли он оказать мне одну услугу?

— А почему бы нет? О чем речь?

— Попросите его захватить с собой вашу фляжку. Вы представить себе не можете, до какой степени она способствует откровенности.

В кабинете Мерсона запел интерком. Адвокат нажал кнопку.

— К вам пришел доктор Бэлбрайт, — доложила секретарша.

Мерсон велел немедленно проводить доктора в кабинет.

— Привет, знахарь, — поздоровался он. — Дай отдых ногам и поведай мне, в чем дело.

Бэлбрайт переместил свой вес с подошв на ягодицы и закурил.

— Поначалу я ничего не понял, — начал он, — но когда узнал о его прежних болезнях, мне все стало ясно. Однажды — ему тогда было двадцать два года, — играя в поло, он получил битой по голове. Удар повлек сильную контузию и потерю памяти. Сначала это была полная амнезия, затем память вернулась, но только о детских годах. Воспоминания юности, вплоть до контузии, проявлялись лишь изредка и фрагментарно.

— Господи! Он забыл все, чему его учили?

— Вот именно. У него бывали просветления... взять хотя бы этот сон, о котором ты говорил. Конечно, можно попытаться полечить его, но боюсь, что уже слишком поздно. Другое дело, если бы мы занялись им до того, как он убил Кинни Кин. Мы не можем рисковать и оставлять его карточку в архиве. Пусть даже его признают невменяемым... Так что придется...

— Что ж, — вздохнул Мерсон. — Сейчас я позвоню куда следует, а потом пойду к нему. Жаль парня, но ничего не поделаешь.

Адвокат нажал кнопку интеркома.

— Дороти, вызовите мистера Доджа и соедините нас напрямую.

Бэлбрайт попрощался и ушел. Вскоре один из телефонов зазвонил, и Мерсон снял трубку.

— Додж?.. Говорит Мерсон... Нас никто не слышит?.. Хорошо. Код восемьдесят четыре. Немедленно уберите из архива карточку Лоренса Кэйна... Да, Кэйн Лоренс... Да, это совершенно необходимо и неотложно. Завтра получите мой рапорт.

Он выдвинул ящик стола, взял пистолет, вышел из конторы, подозвал такси и поехал во Дворец Правосудия.

Там он попросил свидания со своим клиентом и, как только Кэйн уселся напротив, выстрелил ему в лоб. Потом подождал минуту, пока тело не исчезло, и поднялся к судье Аманде Хейс. Нужно было проверить, все ли прошло гладко.

— Приветствую, ваша честь, — сказал он. — Не вы ли говорили мне что-то о деле какого-то Лоренса Кэйна? Никак не могу вспомнить...

— Нет, Морти. Я первый раз слышу это имя.

— Значит, вы мне о нем не говорили? Ладно, попытаюсь вспомнить, от кого я слышал это имя. Спасибо, ваша честь. До скорого...

ПИСЬМО ФЕНИКСУ

Я хочу сказать вам много, так много, что трудно решить, с чего начать. К счастью, большую часть своей жизни я уже не помню. Хорошо, что память ограничена. Было бы ужасно помнить во всех подробностях сто восемьдесят тысяч лет — срок четырех тысяч жизней, прожитых мною со времени первой великой атомной войны.

Это не значит, что я забыл по-настоящему важные моменты. Я помню первую экспедицию на Марс и третью экспедицию на Венеру. Я помню — кажется, это была третья великая война, — как Скору обстреливали с неба оружием, сравнить которое с ядерным — все равно, что сравнивать взрыв Новой с горением нашего медленно умирающего Солнца. Я был помощником командира гиперпространственного крейсера во время войны со вторыми внегалактическими захватчиками, которые втайне от нас построили базы на спутниках Юпитера и едва не вышибли

нас из Солнечной системы прежде, чем мы успели разработать оружие, против которого они не смогли устоять. И они бежали туда, где мы не могли их преследовать, а затем покинули нашу Галактику. Когда мы последовали за ними через пятнадцать тысяч лет, их уже не было. Они вымерли за три тысячи лет до того.

Я хочу рассказать и об этом — о том могущественном народе и о других, — но сперва, чтобы вы знали, откуда все это мне известно, я расскажу о себе.

Я не бессмертен. Во Вселенной есть лишь одно бессмертное создание. По сравнению с ним я ничего не значу, но вы не поймете и не поверите мне, пока не узнаете, кто я такой.

Имя мое не важно, и это к лучшему — ведь своего настоящего имени я не помню. Это не так уж странно, как может вам показаться: сто восемьдесят тысяч лет — долгий срок, и по тем или иным причинам я менял имя более тысячи раз. И что может иметь меньшее значение, чем имя, данное мне родителями сто восемьдесят тысяч лет назад?

Я не мутант. Это произошло со мной, когда мне было двадцать три, во время первой атомной войны. То есть, первой войны, где обе стороны использовали атомное оружие — разумеется, если сравнивать его с оружием, разработанным впоследствии, это оружие было слабеньким. Прошло менее двенадцати лет с момента открытия атомной бомбы. Первые бомбы были сброшены в малой войне, когда я был еще ребенком. Они быстро закончили войну, потому что были лишь у одной стороны.

Первая атомная война была не особенно скверной — да первая и не может быть такой. В этом мне повезло, потому что, если бы она оказалась скверной — той, что разрушает цивилизацию, — мне бы не выжить, несмотря на биологическую случайность, произошедшую со мной. Если бы с цивилизацией было покончено, я бы не пережил шестнадцатилетнего периода сна, который наступил тридцатью годами позже. Но я снова забегаю вперед.

Мне было, помнится, двадцать или двадцать один, ког-

да началась война. Меня не взяли в армию сразу, потому что я был негоден к службе. Я страдал весьма редкой болезнью гипофиза — какой-то там синдром. Название я забыл. Помимо всего прочего, она вызывала тучность. У меня было пятьдесят фунтов лишнего веса и полностью отсутствовала физическая выносливость. Я был без колебаний признан непригодным.

Следующие два года моя болезнь слегка прогрессировала, но все остальное прогрессировало отнюдь не слегка. К тому времени в армию брали уже всех подряд. Они бы взяли и слепого без руки и без ноги, если бы он хотел сражаться. А я хотел сражаться. Я потерял семью при бомбежке, мне осточертела работа на военном заводе, и врачи сказали мне, что моя болезнь неизлечима и в любом случае мне осталось жить год или два. Поэтому я вступил в то, что осталось от армии, и был без колебаний принят и направлен на ближайший фронт, который проходил в десяти милях. На следующий же день я участвовал в бою.

Я и теперь помню достаточно, чтобы видеть, что это был переломный момент войны, хотя дело тут вовсе не в моем участии. Противник исчерпал свои бомбы и перешел на снаряды и пули. Мы тоже исчерпали свои бомбы, но они не сумели вывести из строя все наши военные заводы, а их заводы мы вывели из строя полностью. У нас все еще оставались бомбардировщики и подобие командования, определяющее цели. Разумеется, на глаз; иногда мы по ошибке сбрасывали бомбы на свои войска. Через неделю после того, как я вступил в бой, я был выведен из строя нашей небольшой бомбой, упавшей примерно в миле от меня.

Через две недели я пришел в себя в тыловом госпитале с тяжелыми ожогами. К тому времени война была завершена, не считая операций по добиванию противника и восстановлению порядка. Это было совсем не похоже на то, что я называю катастрофической войной. Эта война истребила — я могу только предполагать, в точности я не помню — четвертую или пятую часть населения планеты. Осталось достаточно производственных мощностей и вы-

жило достаточно людей, чтобы цивилизация сохранилась. Человечество было отброшено назад на несколько столетий, но возврата к дикости не было, и начинать заново не пришлось. В такие времена люди вновь используют для освещения свечи и топят дровами, но не потому, что не знают, как пользоваться электричеством или добывать уголь; просто потрясения и революции выбивают всех из колеи. Знание не утеряно, оно ждет восстановления порядка.

Совсем иные последствия у катастрофической войны, когда уничтожается не менее девяти десятых населения Земли — или Земли и других планет. Тогда мир переходит к полной дикости, и сотое поколение вновь открывает металлы для наконечников копий.

Но я опять отвлекся. После того как я пришел в сознание в госпитале, меня долгое время терзала боль. Анестезирующих средств больше не осталось. Я получил глубокие радиационные ожоги, которые несколько месяцев причиняли мне нестерпимые страдания, пока постепенно не зажили. Я не спал, и это было странно. И это пугало, потому что я не понимал, что со мной произошло, а неизвестное всегда пугает. Врачи обращали на меня мало внимания — я был лишь одним из миллионов обожженных и покалеченных. Мне кажется, они не принимали всерьез мои утверждения, что я совсем не сплю. Они думали, что я сплю понемногу и либо преувеличиваю, либо искренне заблуждаюсь. Но я не спал совсем. И продолжал не спать, когда, спустя долгое время, выздоровел и покинул госпиталь. Волею случая прошла и болезнь моего гипофиза, вес вернулся к норме, и здоровье стало превосходным.

Я не спал тридцать лет. А потом заснул и проспал шестнадцать лет. И после этого сорокашестилетнего периода физически мне по-прежнему было двадцать три.

Вероятно, вы начинаете понимать, что со мной произошло, как в то время начал понимать и я. Радиация — или комбинация разных типов излучения — радикально

изменила функции моего гипофиза. Имели значение и другие факторы. Когда-то, примерно сто пятьдесят тысяч лет назад, я специально изучил эндокринологию, и мне, кажется, удалось в этом разобраться. Если мои вычисления верны, вероятность того, что со мною случилось — один ко многим миллиардам.

Конечно, процессы распада и старения в моем организме не прекратились, но их скорость уменьшилась приблизительно в пятнадцать тысяч раз. Каждые сорок пять лет я старею на один день. Так что я не бессмертен. За сто восемьдесят прошедших тысячелетий я постарел на одиннадцать лет. Сейчас мой физический возраст — тридцать четыре года.

Сорок пять лет — это мой день. Около тридцати лет я бодрствую, а затем сплю примерно пятнадцать. Мне повезло, что мои первые несколько «дней» не пришлись на время полного распада общества и дикости, иначе я бы не пережил первые периоды сна. Но я их пережил, понял систему и в дальнейшем смог позаботиться о своем выживании. С тех пор я спал примерно четыре тысячи раз и выжил. Возможно, когда-нибудь мне не повезет. Возможно, когда-нибудь, несмотря на все меры предосторожности, кто-то обнаружит и вскроет пещеру или убежище, где я укрылся на период сна. Но это маловероятно. У меня есть годы на подготовку такого места и опыт четырех тысяч ночевок. Вы можете тысячи раз пройти мимо и ни о чем не догадаетесь, а даже если что-то заподозрите, не сумеете туда проникнуть.

Нет, мои шансы выжить между периодами бодрствования намного выше, чем мои шансы выжить в сознательный, активный период. То, что я прожил их так много, можно назвать чудом, несмотря на разработанные мною способы выживания.

А это хорошие способы. Я пережил семь больших атомных и суператомных войн, которые сводили население Земли к горстке дикарей, сбившихся вокруг нескольких стоянок на мизерных площадях, еще пригодных для обитания. А в другие времена и в другие эпохи я побывал в пяти галактиках, не считая нашей собственной.

У меня было несколько тысяч жен, но всегда по одной — я родился в эпоху моногамии, и эта привычка укоренилась. Я вырастил несколько тысяч детей. Конечно, я не мог оставаться с одной женой больше тридцати лет и должен был исчезать, но тридцати лет хватало нам обоим, особенно, если учесть, что она старела с нормальной скоростью, а я практически не старел. Безусловно, это порождало проблемы, но я с ними справлялся. Когда я женился, то женился на девушке значительно моложе себя, чтобы впоследствии разница в возрасте не стала слишком заметной. Скажем, мне тридцать, и я женюсь на шестнадцатилетней девушке. Когда приходит время ее оставить, ей сорок шесть, а мне по-прежнему тридцать. И лучше для всех, что после пробуждения я не возвращаюсь. Если она к тому времени жива, ей уже за шестьдесят, и ей не доставит радости встреча с молодым мужем, вернувшимся из мертвых. А я оставлял ее хорошо обеспеченной, состоятельной вдовой, завещая ей деньги или то, что в ту конкретную эпоху обеспечивало богатство. Иногда это были бусы и наконечники для стрел, иногда — запасы зерна, а один раз — это была необычайная цивилизация — даже рыбья чешуя. Я никогда не испытывал трудностей с получением денег или того, что их заменяло. После нескольких тысяч лет практики труднее стало вовремя остановиться, чтобы не привлечь внимания чрезмерным богатством.

Естественно, мне всегда удавалось и это. По понятным вам причинам я никогда не стремился к власти и никогда не давал людям повода заподозрить, что чем-то от них отличаюсь. Обычно я каждую ночь по нескольку часов лежу и размышляю, делая вид, что сплю.

Но всё это важно не более, чем я сам. Я рассказал это лишь затем, чтобы вы поняли, откуда я узнал то, о чем сейчас вам скажу.

Мне незачем вас убеждать. Ничего изменить вы не сможете... а узнав все, и не захотите.

Я не пытаюсь на вас повлиять или куда-то вас повести. Прожив четыре тысячи жизней, я был кем угодно, только не вождем. Этого я избегал. Да, я нередко бывал

богом среди дикарей, но только для того, чтобы выжить. Я использовал силы, казавшиеся им магией, для поддержания порядка, а не для того, чтобы куда-то их вести, и не для того, чтобы от чего-то их удерживать. Если я учил их пользоваться луком и стрелами, то причиной тому был голод. Я видел, что существующий порядок вещей необходим, и никогда не пытался его нарушить.

Не нарушит его и мой рассказ.

Вот главное — единственным бессмертным организмом во Вселенной является человеческая раса.

Во Вселенной были и есть другие расы, но они уже вымерли или вымрут в будущем. Когда-то, сто тысяч лет назад, мы изучили их с помощью прибора, который регистрировал присутствие мысли, присутствие разума, насколько бы чужд и удален он ни был, и получили все данные о них. А пятьдесят тысяч лет назад этот прибор был открыт вновь. Число разумных рас практически не изменилось, но лишь восемь из них существовали пятьдесят тысяч лет, и все эти восемь рас одряхлели и теперь угасали. Они прошли пик своего могущества и шли к гибели.

Они достигли предела своих возможностей — а такой предел существует всегда, — и другого выхода, кроме смерти, для них не было. Жизнь всегда динамична и статичной быть не может.

Именно это я пытаюсь вам рассказать, чтобы вы никогда больше не испытывали страха. Только та раса, которая периодически разрушает себя и свои достижения, может пережить, скажем, шестьдесят тысяч лет разумной жизни.

Во всей Вселенной одно человечество достигло высокого уровня интеллекта, не достигнув высокого уровня здравого смысла. Мы уникальны. Мы уже по крайней мере в пять раз древнее любой другой существовавшей расы как раз потому, что его у нас нет. Не раз человек чувствовал, что в безумии кроется нечто удивительное. Но только вы-

сокий уровень культуры дает человеку возможность осознать, что он коллективно безумен, что он будет вечно сражаться с собой, разрушать себя — и возрождаться на пепелищах.

Феникс, птица, которая периодически сжигает себя в пламени и тут же рождается обновленной, чтобы прожить еще тысячелетие, и повторяет этот цикл вечно, является мифом лишь условно. Она существует, и она единственна.

Этот феникс — вы.

Ничто не в силах уничтожить вас, тем более теперь, когда многие высокоразвитые цивилизации разнесли ваше семя по планетам тысяч солнц, забросили в сотни галактик, чтобы вновь и вновь следовать тому же закону. Тому закону, что установился сто восемьдесят тысяч лет назад. Во всяком случае, я так думаю.

Я не могу быть уверенным в этом, потому что сам убедился, что те двадцать-тридцать тысяч лет, которые проходят между падением одной цивилизации и подъемом следующей, уничтожают все следы. За двадцать-тридцать тысяч лет память становится легендами, легенды становятся суевериями, а потом даже суеверия исчезают. Металлы ржавеют, рассыпаются и возвращаются в землю, а ветер, дождь и джунгли разрушают и истирают в пыль камень. Меняются сами очертания континентов, приходят и уходят ледники, и через двадцать тысяч лет города оказываются покрытыми милями земли или милями воды.

Поэтому я не могу быть уверенным. Возможно, первая известная мне катастрофа не была первой; цивилизации могли подниматься и падать и до меня. Если так, то это лишь усиливает сказанное мною; тогда получается, что человечество смогло прожить больше ста восьмидесяти тысяч лет, свидетелем которых я стал, и сумело пережить не только те шесть катастроф, первую из которых я считал началом костра феникса.

Но если не считать того, что мы так основательно распространили свое семя среди звезд, что нас не сможет уничтожить ни смерть Солнца, ни его превращение в Новую — прошлое значения не имеет. Лур, Кандра, Траган,

Ка, Му, Атлантида — эти шесть знакомых мне цивилизаций исчезли без следа, как примерно через двадцать тысяч лет исчезнет и эта, но человеческая раса выживет и будет жить вечно.

Это знание поможет вам сохранить мужество теперь, в 1954 году по вашему летоисчислению, когда вас гложет тревога. Я надеюсь, вам поможет мысль о том, что грядущая атомная война, которая, возможно, произойдет еще при жизни вашего поколения, не станет катастрофической. Для этого она придет слишком рано, прежде, чем вы разработаете по-настоящему сокрушительное оружие, которым человек столько раз овладевал ранее. Да, вас отбросит назад. Наступят темные века. Потом, напуганные тем, что назовут Третьей Мировой Войной, люди сочтут, что обуздали свое безумие... им всегда так кажется после умеренных атомных войн.

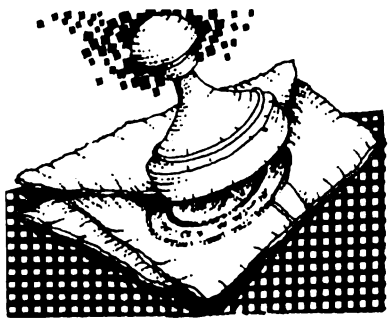
Некоторое время — если история повторится — человек будет остерегаться войн. Он вновь достигнет звезд и встретит там себе подобных. Не пройдет и пятисот лет, как вы снова высадитесь на Марсе, и я тоже отправлюсь туда, чтобы опять поглядеть на каналы, рыть которые я помогал когда-то. Я не был там восемьдесят тысяч лет, и мне хотелось бы посмотреть, что время сделало с Марсом и с теми из нас, кто оказался отрезан там, когда человечество в последний раз лишилось космических кораблей. Конечно, история повторяется и там, но сроки могут быть различны. Мы можем застать их на любой стадии цикла, кроме вершины. Если бы они находились на вершине развития, то не мы бы прилетели к ним, а они к нам. Разумеется, считая себя марсианами, как считают теперь.

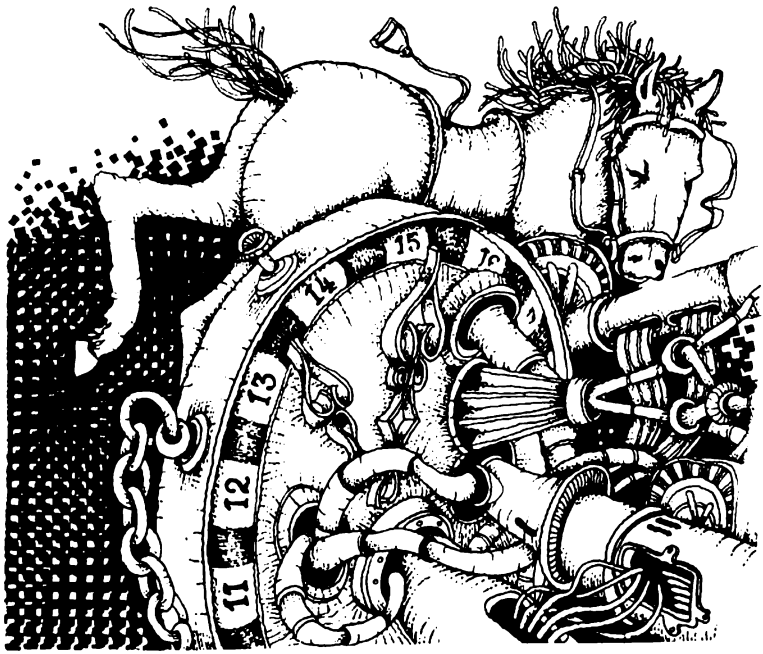
Интересно, как высоко вы подниметесь на этот раз? Я надеюсь, не так высоко, как Траган. Надеюсь, никогда не откроют вновь то оружие, которое Траган пустил в ход против своей колонии на Скоре, которая была пятой планетой, пока траганцы не разнесли ее на астероиды. Конечно, такое оружие может быть разработано лишь после

того, как межгалактические путешествия снова станут обычными. Если я увижу, что дело идет к тому, то покину Галактику, хотя мне очень бы этого не хотелось. Я люблю Землю и хотел бы провести здесь остаток своей смертной жизни, если ей еще отпущено достаточно времени.

Возможно, Земле и не повезет, но человеческая раса останется. Повсюду и навсегда, потому что никогда не образумится, а божественно лишь безумие. Только безумцы способны уничтожить себя и все ими созданное.

И только феникс живет вечно.





МАШИНА ВРЕМЕНИ

Собрав свою машину времени, Юстас Вивер возликовал, правда, втихомолку. Пока никто о ней не знает, у мира один властелин — он, Юстас. Ни один жадина и представить не смог бы того богатства, которое Юстас мог теперь сколотить за пару пустяков. Вот именно, за пару пустяков: достаточно прыгнуть в ближайшее будущее и узнать, какие акции пошли в гору и какая лошадь победила в заезде, а потом, вернувшись в свое время, купить эти акции и поставить на эту лошадь.

Именно с лошадей и придется начинать — к акциям без капитала не подступишься. Впрочем, и на ипподроме он легко мог превратить пару долларов в пару тысяч. Правда, скачки в этом сезоне проводились только на юге, а Юстасу нипочем было не добраться ни до Калифорнии, ни до Флориды: билеты на самолет стоили не меньше сотни, а у него и десятки не было. Он работал кладовщиком

в супермаркере, и со своего жалования мог бы копить на билет месяц, а то и больше.

Ждать так долго, когда богатство, считай, в руках — это же просто смешно! Юстас вспомнил сейф в магазине, где он, считая часы, отбарабанивал с часу дня и до девяти вечера, до закрытия. Уж тысчонка-другая там наверняка найдется! Правда, замок у него какой-то хитрый, с часовым механизмом, но разве это препятствие для изобретателя машины времени?

Решив не откладывать дела в долгий ящик, Юстас захватил машину времени на работу. Он постарался, чтобы она была покомпактнее и помещалась в чехле от старого фотоаппарата, так что легко пронес ее в магазин и спрятал в своем одежном шкафчике.

Смену свою он отработал обычным порядком, а за несколько минут до закрытия спрятался в подсобке, зарывшись в груду картонных коробок. Юстас был уверен, что никто его не хватится — все, как обычно, торопились по домам, — но на всякий случай просидел в своем убежище лишний час. Наконец он раскидал надоевшие картонки, достал из шкафчика футляр с машиной времени и подошел к сейфу.

Часовой механизм автоматически открывал замок сейфа через одиннадцать часов после того, как его запирали — вот, собственно, и вся хитрость. Юстас презрительно ухмыльнулся и перевел регулятор машины времени на одиннадцать часов вперед. Он крепко стиснул ручку сейфа — предварительные эксперименты показали, что во времени вместе с ним перемещаются лишь те предметы, которые надеваешь на себя или держишь в руках, — и нажал кнопку.

Поначалу казалось, будто ничего не произошло, но вскоре послышались щелчки — замок открывался. И одновременно — голоса за спиной. Юстас в панике обернулся и тут же понял, что сглупил: он перенесся к девяти часам утра завтрашнего дня, к открытию магазина. Вся утренняя смена — продавцы, кладовщики, грузчики и прочие — обнаружив, что сейфа нет, столпилась вокруг того места, где прежде стоял здоровенный стальной ящик.

И вдруг сейф явился просто из ничего, а вместе с ним — вцепившийся в ручку Юстас Вивер.

Слава богу, машина времени была у него в руке. Он мгновенно перевел регулятор на ноль — за точку отсчета он взял тот момент, когда закончил монтаж аппарата, — и снова нажал кнопку. И вернулся во вчера, в канун эскапады с сейфом...

Собрав машину времени, Юстас Вивер сразу понял, что пока о ней никто не знает, у мира один властелин — он, Юстас. Достаточно прыгнуть в ближайшее будущее и узнать, какие лошади победили в заезде и какие акции пошли в гору. А потом, вернувшись в свое время, ставить на этих лошадей и покупать эти акции.

Конечно, начинать придется на ипподроме — для биржи нужны приличные деньги, это вам не тотализатор. Но и с лошадьми все обстояло не так-то просто: скачки в этом сезоне проводились только на юге, а денег на самолет не было.

И тут Юстасу вспомнился сейф в супермаркете, где он работал кладовщиком. Тысяча-другая там наверняка найдется! Правда, замок у этой железяки хитрый, с часовым механизмом, но с машиной времени открыть такой замок — раз плюнуть...

Сказано — сделано. Юстас взял с собой машину времени — она легко помещалась в чехле от старого фотоаппарата, — и спрятал в одежном шкафчике. За несколько минут до закрытия магазина он спрятался в подсобке, зарывшись в груду пустых коробок. Для верности он просидел в своем убежище лишний час. Наконец он сбросил опостылевшие картонки, достал из одежного шкафчика машину времени и подошел к сейфу. Презрительно ухмыляясь, Юстас перевел регулятор на одиннадцать часов вперед и хотел тут же нажать кнопку, но спохватился: так он перенесется в девять часов завтрашнего утра, ровнехонько к началу утренней смены. Замок сейфа, конечно, откроется, но вокруг будет полно народу — продавцы, кладовщики, грузчики и прочие, словом, вся смена. Не-

долго думая, он переставил регулятор на двадцать четыре часа вперед, ухватился за ручку сейфа и нажал кнопку.

Юстас открыл толстую стальную дверь, рассовал по карманам банкноты и поспешил к служебному выходу. Он уже взялся отодвигать мощный засов, но тут вспомнил, что у него есть машина времени. Магазин заперт, внутри — никого, все шито-крыто или, если угодно, ищи-свищи. А Юстас Вивер — у себя дома в момент завершения монтажа машины времени.

Тут он понял, что с такой машиной только полный болван не сфабрикует себе железное алиби. Пусть хоть землю носом роют: ко времени ограбления Юстас Вивер окажется за тысячу километров, во Флориде или в Калифорнии, чин-чином зарегистрированный в каком-нибудь отеле не из худших.

Он поставил регулятор на ноль и нажал кнопку...

Собрав свою машину времени, Юстас Вивер мигом сообразил, что пока о ней никто не проведал, у мира только один властелин — он, Юстас. На скачках, а потом на бирже он за пару пустяков сколотит себе любое состояние, какое только захочет. Вот только начать, считай, не с чего — за душой ни цента.

Но тут он вспомнил, что в супермаркете, где он работал кладовщиком, стоит здоровенный сейф. Правда, он запирается на хитрый замок с часовым механизмом, но если уж человек повелевает временем, то какой-то замок для него — сущая ерунда...

Юстас Вивер присел на койку, намереваясь покурить и неспешно все обдумать. Он полез в карман за сигаретами... и вместе с мятой пачкой выудил с дюжину десяток! Он обшарил карманы — во всех были деньги. Юстас разложил нежданное богатство на одеяле, выудил крупные купюры и прикинул сумму в мелких. Невесть откуда на него свалилось тысячи полторы наличными.

Вдруг он все понял и залился смехом. Выходит, он уже побывал в будущем, уже обчистил сейф супермаркета. А потом перенесся в прошлое, то есть в тот самый момент, когда закончил монтаж машины времени. Другими слова-

ми, отхватил куш еще до ограбления. Оставались сущие пустяки: по-быстрому слинять из города и ко времени ограбления оказаться в Калифорнии.

Через два часа он уже летел в Лос-Анджелес. Беспокоило его только одно обстоятельство: вернувшись из будущего, он начисто забыл, что там с ним произошло.

Но деньги-то — вот они! Тоже вернулись, никуда не делись. А значит, точно так же вернутся и записи, и газеты с биржевыми курсами, и результаты скачек. А что нужно еще?

В Лос-Анджелесе Юстас Вивер поселился в отеле не из худших, забрался под одеяло и проспал чуть не до полудня.

Такси его застряло в уличной пробке, и хотя к первому заезду он опоздал, но успел-таки списать с табло номер победившей лошади. Он посмотрел еще пять заездов, но ставок, конечно, не делал, только записывал номера победителей. Призового гита он решил не дожидаться. Словно прогуливаясь, Юстас высмотрел за трибунами укромный уголок и незаметно скользнул туда. Он достал машину времени, перевел регулятор на два часа назад и нажал кнопку.

Ничего. Нажал еще раз — и снова ничего.

— Зря стараешься, — послышалось из-за спины. — Твоя машинка не сработает — мы нейтрализовали эту зону.

Юстас быстро обернулся. Перед ним стояли два здоровенных парня, сильно похожих друг на друга, только один был блондином, почти альбиносом, а второй — жгучим брюнетом. Правые руки они со значением держали в карманах.

— Темпоральная полиция из двадцать первого века, — объявил брюнет. — Мы уполномочены пресечь злоупотребление машиной времени.

— Но... но в-ведь я еще н-не ставил, — пробормотал Юстас, заикаясь.

— Ты просто не успел, — сказал блондин. — Обычно, обнаружив изобретателя, который собирается злоупотребить МВ в корыстных целях, мы на первый случай огра-

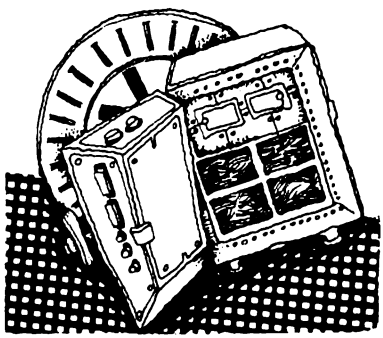
ничиваемся предупреждением. Но мы заглянули в твое прошлое и увидели, что ты уже злоупотребил ею — ограбил магазин. Надеюсь, ты не будешь оспаривать, что это серьезное преступление.

Он достал из правого кармана что-то страшноватое... вроде пистолета.

— Послушайте, парни, но нельзя же... — начал Юстас.

— Можно и нужно, — ответил блондин и нажал на спуск.

Время Юстаса Вивера кончилось.



В ДВЕРЬ ПОСТУЧАЛИ

Хотите, расскажу вам страшную историю? В ней всего две фразы:

«Последний человек на Земле сидел в комнате. И тут в дверь постучали...»

Всего две фразы, точка и многоточие. Именно многоточие и должно пугать: что это там постучало в дверь. Встречаясь с неведомым, человеческое воображение рождает всякие ужасные образы.

А на самом деле ничего страшного не было.

Последний человек на Земле — да и во всей Вселенной, — сидел в комнате. Один. Комната казалась ему странной и он как раз размышлял, почему. Выводы не пугали, но и не радовали. Он вообще был не из пугливых, Уолтер Филан, еще два дня назад — профессор кафедры антропологии в Натанском университете. Он не выделялся ни

героической внешностью, ни крутым нравом и сам это знал лучше всех прочих.

Впрочем, сейчас его мало беспокоило, как он выглядит со стороны. Честно сказать, его теперь уже ничто не беспокоило. Два дня назад все человечество сгинуло буквально в одночасье, остался только он сам и еще какая-то женщина. Где эта женщина, кто она, откуда — все это ни в малой степени не трогало Уолтера Филана. Скорее всего, им никогда не суждено увидеться. Ну и ладно.

Вот уже полгода женщины не играли в жизни Уолтера никакой роли, с тех пор, как умерла Марта. Она была хорошей женой, хоть и любила покомандовать, и Уолтер любил ее, любил спокойно, но крепко. Когда она умерла, ему было тридцать восемь лет, а сейчас — всего сорок, но он совершенно не думал о женщинах. Вся его жизнь свелась к книгам: одни надо было прочесть, другие — написать. Теперь писать стало не для кого, зато для чтения у него была впереди целая жизнь.

Конечно, компания не помешала бы, но и без нее можно было прожить. Кто знает, может быть, когда-нибудь его будет устраивать общество занов, хотя сейчас в это трудно поверить. Заны, бесспорно, разумны, но ведь и муравьи разумны на свой манер, а люди сроду не общались с муравьями. Почему-то Уолтеру сдавалось, что разум занов схож с муравьиным, хотя пока все доказывало обратное. Это заны держали людей за букашек, это они сотворили с Землей такое, что человек мог бы сделать с муравейником. Только гораздо эффективнее.

Они были с ним довольно обходительны. Они объяснили Уолтеру, что он проведет в этой комнате всю свою жизнь — они сказали «бу-дешь всег-да» — и дали ему множество книг, когда он, осознав ситуацию, объявил, что не может жить без чтения.

Интеллект занов был, несомненно, весьма высок, но не без странностей. К примеру, английский они освоили буквально за считанные часы, но так и не научились произносить слова слитно, говорили по слогам, как малые дети.

Впрочем, я отвлекся.

Итак, в дверь постучали.

Я нарочно не поставил многоточия, чтобы не пугать вас попусту.

— Заходите, — сказал Уолтер, и дверь распахнулась.

На пороге стоял, конечно же, зан похожий на всех прочих занов. Уолтеру они все казались одинаковыми, словно горошины из одного стручка. Все они были не выше четырех футов и выглядели совершенно не по-земному. Хотя ясно было, что теперь они стали на Земле доминирующим видом.

— Хэлло, Джордж, — сказал Уолтер. Собственно, имен у занов не водилось, и Уолтер всех их чохом окрестил Джорджами. Те не возражали.

— Хэл-ло, У-ол-тер, — сказал зан.

Так уж повелось между ними — стук в дверь и обмен самыми обычными приветствиями. «Интересно, — подумал Уолтер, — зачем зан пожаловал на этот раз?»

— Во-пер-вых, У-ол-тер, мы про-сим те-бя си-деть лицом вот в э-ту сто-ро-ну.

— Вот оно что! Эта стена прозрачна с вашей стороны, да?

— Да, про-зрач-на.

— Я подозревал это, — вздохнул Уолтер. — Стена гладкая, не как другие три; и мебели возле нее нет. Ну, а если я откажусь? Тогда вы меня убьете? Я буду только рад.

— Не у-бьем. От-бе-рем у те-бя кни-ги.

— Ваша взяла, Джордж. Ради книг я готов хоть волчком вертеться. А сколько еще зверушек в вашем зоопарке?

— Е-ще две-сти шест-над-цать.

— Всего-то? — Уолтер с укоризной покачал головой. — Да вас забьет любой второсортный зверинец... то есть забил бы. У вас была какая-то система, или вы хватали наобум?

— Ви-дов слиш-ком мно-го. Мы бра-ли о-дин из сотни. Сам-ца и сам-ку.

— А кем же вы кормите хищников?

— Мы син-те-зи-ру-ем для них пи-щу.

— Понятно... Растения вы тоже отобрали?

— Им из-ме-не-ние не по-вре-ди-ло. О-ни о-ста-лись в преж-нем со-ста-ве и ко-ли-че-стве.

— Повезло зелени. Не то что нам... Помнится, Джордж, ты сказал «во-первых». Что там у тебя еще?

— Дво-е жи-вот-ных у-сну-ли и не про-сы-па-ют-ся. О-ни по-хо-ло-де-ли. Мы не по-ни-ма-ем при-чи-ны.

— Такое встречается сплошь и рядом. Не беспокойтесь: наверное, они просто сдохли. От этого не застрахован даже самый лучший зоопарк.

— Сдо-хли? Э-то о-зна-ча-ет «у-мер-ли»? Но ведь их ни-кто не у-ми-рал. Мы их да-же не тро-га-ли.

Уолтер Филан воззрился на зана.

— Да ты что, Джордж, не знаешь, что такое смерть?

— Зна-ю. Для э-то-го су-ще-ство у-би-ва-ют, и о-но по-том не су-ще-ству-ет.

— Тебе сколько лет? — спросил Уолтер.

— Шест-над-цать... Но ты не зна-ешь на-ших мер. За э-то вре-мя тво-я пла-не-та сде-ла-ла семь ты-сяч о-бо-ро-тов во-круг сво-ей зве-зды. Я мо-ло-дой.

— Да уж, сущий младенец. — Уолтер даже присвистнул. — Вот что, Джордж, — сказал он после краткого раздумья, — похоже, придется просветить тебя насчет нашей планеты. Есть среди нас кое-кто... постарше вас всех: безносая мадам с острой косой и песочными часами. Ей ваше «изменение» не повредило.

— К ка-ко-му ви-ду о-на от-но-сит-ся? О-на сам-ка?

— Она сама по себе. Мы зовем ее Старухой Смертью или Неумолимой Жницей. Так вот: на нашей планете все существа — и люди, и животные — живут лишь до тех пор, пока она не вмешается.

— Зна-чит, э-то о-на у-би-ла э-тих су-ществ? Дру-гих о-на то-же у-бьет?

Уолтер собрался было ответить, но осекся — что-то в интонациях зана насторожило его. Похоже, тот нахмурился бы, если бы у него было что хмурить.

— Надо бы взглянуть на них, — сказал он наконец. — Это можно?

— Мож-но, — ответил зан. — И-дем.

На следующее утро в помещение Уолтера Филана вошли несколько занов. Они быстро вынесли мебель и книги, а потом пригласили выйти Уолтера. Миновав дверь, он оказался в другой комнате, куда большей, чем прежняя.

Уолтер уселся в кресло. Ждать пришлось недолгою Когда в дверь постучали, он уже знал, кто там.

— Войдите, — сказал он, поднимаясь.

Какой-то зан открыл дверь и отошел в сторону.

Вошла женщина.

— Хэлло, — сказал Уолтер и поклонился. — Меня зовут Уолтер Филан. Джордж, наверное, не представил меня? Впрочем, оно и понятно: откуда ему знать наши обычаи...

— Меня зовут Грейс Эванс, мистер Филан, — спокойно представилась женщина. — Но что здесь затевается? Зачем меня сюда привели?

Ей было около тридцати, ростом она была не ниже Уолтера и хорошо сложена. «Вот и Марте было столько же, — подумал Уолтер. — Да, пожалуй, она здорово напоминает Марту». В манерах ее сразу же ощущалась спокойная уверенность. «Тоже как у Марты...»

— Это вы скоро поймете, если еще не догадались, — ответил Уолтер. — Давайте лучше поговорим пока о другом. Вы знаете, что случилось?

— Они... всех убили, да?

— Да. Садитесь, в ногах правды нет. Вы знаете, как они это сделали?

Женщина опустилась в мягкое кресло.

— Не знаю, — ответила она. — Да и какая нам теперь разница?

— Согласен... Но один из занов рассказал мне кое-что. Правда, я не знаю, откуда они взялись на наши головы; возможно, из другой звездной системы. Вы видели их корабль?

— Да. Вот громадина-то!

— Это точно. Но вернемся к тому, что случилось. Они произвели «изменение». У них есть какой-то излучатель, он производит некие «колебания». Радиоволны, скорее всего. И вот этими-то колебаниями они уничтожили все живое на Земле, кроме растений. Уничтожили почти мгно-

венно и, надеюсь, безболезненно. К этому времени мы с вами и еще две с небольшим сотни животных были уже под защитой корабля, потому и уцелели. Нас взяли в качестве образцов земной фауны. Вы, наверное, уже поняли, что это зоопарк?

— Я... у меня мелькала такая мысль.

— Вот эта стена прозрачна, если смотреть с той стороны. В каждой такой камере для животных созданы привычные условия. Сами камеры пластиковые; оборудование занов штампует их по полудюжине в час. Будь у нас такая технология, мы бы давно позабыли о жилищных кризисах. Впрочем, теперь эта проблема исчерпана. Кроме того, человечество — то есть мы с вами — может не опасаться атомной войны. Надо сказать, заны разом разрешили множество проблем.

Грейс Эванс чуть улыбнулась.

— Да уж... Операция прошла успешно, только вот пациент скончался. Проблем у нас хватало... А вы помните, как заны вас забрали? Я вот ничего не помню; просто заснула вечером, а проснулась уже тут.

— И я не помню. Наверное, сперва заны излучали эти свои «колебания» вполсилы, чтобы все потеряли сознание. А потом, набрав достаточно живности для своего зверинца, они врубили излучатели до упора. И все дела. Правда, они только вчера разобрались, что мы не бессмертны.

— Мы не... что?

— Занам естественная смерть неведома, хотя их можно убить. Точнее, была неведома до вчерашнего дня. Дело в том, что двое из нас умерли.

— Двое из нас? А-а, понятно.

— Да-да, двое из нашего зверинца. Потеря, сами понимаете, невосполнимая. Заны надеялись, что эта забава надолго, но мы, по их меркам, живем всего минуту-другую.

— Вы хотите сказать, что они не знали, сколько мы живем?

— Именно, — кивнул Уолтер. — Один из занов сказал мне, что ему семь тысяч лет, так вот, по их понятиям он еще юноша. Кстати, у них, как и у нас, два пола, но вос-

производятся они, надо полагать, раз в десять тысяч лет или около того. Вчера они узнали, как быстротечна наша жизнь, и это их до печенок проняло, если у них, конечно, есть печенки. Похоже, они решили содержать животных попарно и сохранить если не особей, то хотя бы вид.

— Вот, значит, в чем дело! — вспыхнула Грейс Эванс, вскакивая. — Ну, если вы надеетесь... если эти твари надеются...

Она метнулась к двери.

— Дверь заперта, — спокойно сообщил Уолтер Филан. — Но вам не стоит беспокоиться. Возможно, они и надеются, но не я. Можете не говорить, что не согласились бы, даже будь я последним мужчиной на Земле. Сейчас это прозвучит трюизмом.

— Они что, так и будут держать нас в этой комнатенке?

— Почему же «комнатенке»? Места здесь хватает, как-нибудь устроимся. Спать я могу вот в этом кресле. И запомните: я согласен с вами по всем пунктам. Не говоря уже о чувствах, пусть лучше люди вымрут напрочь, чем будут жить в зверинце.

— И на том спасибо, — ответила она.

Глаза ее гневно сверкнули, но Уолтер понял, что ярость эта адресована не ему. «Как она похожа на Марту!» — подумалось ему.

— Впрочем, если вы передумаете... — сказал он с улыбкой.

Тут ему показалось, что Грэйс сейчас залепит ему пощечину, но она лишь тихо сказала:

— Настоящий мужчина на вашем месте уже придумал бы, как... Вы ведь сказали, будто их можно убить.

— Наших-то хозяев? Можно. Все это время я наблюдал за ними и сделал кое-какие выводы. Пусть даже с виду они совсем другие, но у них сходный с нашим метаболизм — есть пищеварение и кровообращение. Мне кажется, они уязвимы в той же степени, что и мы.

— Но вы же говорили...

— Различия, конечно, тоже есть. Люди стареют, а заны, похоже, нет. Может быть, какие-то железы обновляют

клетки их организмов. У людей клетки тоже обновляются, но медленно. А у занов, должно быть, эти железы работают интенсивнее.

— Да, возможно, — ответила она. — А вот боли они, по-моему, не ощущают.

Вот на это Уолтер и надеялся.

— С чего вы взяли? — с деланным равнодушием осведомился он.

— Я нашла кусок проволоки и натянула у порога. Зан запнулся, и проволока порезала ему ногу.

— До крови?

— Да, но он, что называется, и бровью не повел. Никаких эмоций; он просто снял проволоку и ушел. А когда вернулся — это было через пару часов, — порез уже зажил, остался только чуть заметный шрам.

Уолтер задумчиво покивал.

— Эмоций у них никаких, это верно. Даже если я убью одного из них, со мной, скорее всего, ничего не сделают. Просто станут осторожнее, а пищу будут подавать на вилах, как хищнику, который слопал смотрителя.

— А сколько их? — спросила женщина.

— На корабле их сотни две, а вообще, конечно, куда больше. Наверное, у этого корабля было задание очистить планету для заселения занами.

— Что ж, задание они выполнили на «отлично»...

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал Уолтер.

Вошел зан.

— Хэлло, Джордж.

— Хэл-ло, У-ол-тер.

Обычные приветствия. «Интересно, это тот же зан?» — продумал Уолтер Филан.

— Чем обязан?

— Е-ще од-но жи-вот-но-е не про-сы-па-ет-ся. Малень-ко-е, по-кры-то-е ме-хом... Вы на-зы-ва-е-те е-го лас-ка.

— Я тебе уже говорил: такое случается сплошь и рядом. Старуха Смерть, помнишь?

— У-мер-ло не толь-ко жи-вот-но-е. Се-го-дня ут-ром у-мер о-дин зан.

— Что поделаешь... — пожал плечами Уолтер. — Привыкайте, если уж собрались здесь жить.

Зан промолчал, но уходить явно не собирался.

— Что еще? — спросил Уолтер.

— Что де-лать с лас-кой? То же са-мо-е?

— Попробуйте. — Уолтер снова пожал плечами. — Иногда это помогает.

Зан повернулся и вышел.

— Стоит попытаться, Марта, авось получится.

— Марта? Меня зовут Грейс, мистер Филан. Что получится?

— А меня зовут Уолтер. Привыкайте, Грейс. Видите ли, вы здорово напоминаете Марту, мою покойную жену.

— Так что же у вас получится? И что имел в виду зан?

— Завтра узнаете... — таинственно молвил Уолтер.

Так она из него ничего и не вытянула.

Кончился третий день вторжения занов.

Четвертый день стал последним.

На этот раз зан явился около полудня. Он долго стоял в дверях, не говоря ни слова. Следовало бы, конечно, его описать, но в земных языках для этого просто нет слов.

— Мы у-ле-та-ем, — сказал он наконец. — Так решил об-щий со-вет.

— А что, умер еще кто-то из ваших?

— Да. Э-той ночь-ю. Зе-мля — пла-не-та смер-ти.

— И по вашей милости тоже. На ней жили миллиарды живых существ, а осталось, не считая нас, всего двести тринадцать. Извините, но больше мы вас не приглашаем.

— Что мы мо-жем сде-лать для вас?

— Откройте нашу дверь — но только нашу! — и улетайте поскорее. Обо всем остальном мы позаботимся сами.

Зан повернулся и вышел.

— Ничего не понимаю. — Грейс смотрела на Уолтера круглыми глазами. — Что?..

— Подождите... — ответил он. — Пусть сперва они улетят. Я хочу на всю жизнь запомнить это.

Ждать ей пришлось недолго, всего несколько минут. Уолтер улыбнулся и плюхнулся в кресло.

— В райском саду, — сказал он, — была змея, с нее и начались все людские беды. Но недавно другая змея искупила вину своей прародительницы. Обычная гремучая змея.

— Вы имеете в виду, что те два зана умерли из-за нее?

— Именно, — кивнул Уолтер. — Когда они показали мне животных, которые «не просыпаются», оказалось, что одно из них — гремучка. Тут-то у меня и блеснула идея. Похоже было, что заны ничего не знают о ядовитых змеях. Возможно, они водятся только на Земле. Я надеялся, что их метаболизм схож с нашим и змеиный яд окажется смертельным и для них. Попытаться стоило, а терять мне было нечего. И вот видите, получилось!

— Но со змеей-то вы как договорились?

Уолтер рассмеялся.

— Я поведал им про любовь. Они ни о чем таком слыхом не слыхивали. Им очень хотелось сохранить свой зверинец, чтобы успеть изучить. Я им наплел, что животное, оставшись без пары, непременно погибнет, если его не ласкать. Ну, и показал им, как это делается. Показал на овдовевшей домашней утке, а про змею сказал, что и с нею надо так же: прижимать к груди и гладить.

Он поднялся, прошелся, потянулся и снова плюхнулся в кресло.

— Теперь нам пора подумать о наших проблемах. Животных надо будет выпустить, но не всех сразу. Дикие травоядные пускай сами о себе заботятся, а домашние нам еще пригодятся. А вот что делать с хищниками, ума не приложу. Ведь синтезировать для них пищу мы не умеем. — Уолтер внимательно посмотрел не Грейс. — И с человеческой расой надо что-то решать.

Грейс вспыхнула.

— Нет... — сказала она наконец.

— Мы были не таким уж плохим народом, — продол-

жал он как ни в чем не бывало. — И нам еще не поздно начать все заново. Мы соберем книги и сохраним хоть часть наших знаний. Мы...

Грейс молча встала и пошла к двери. «Точно как Марта незадолго да свадьбы», — подумал Уолтер.

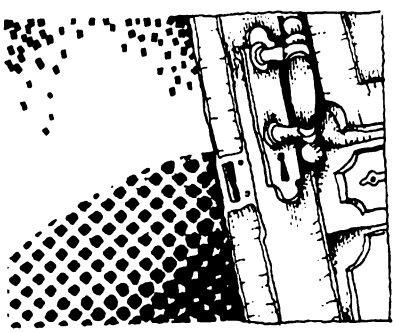
— Обдумайте все не торопясь. Я буду ждать вас.

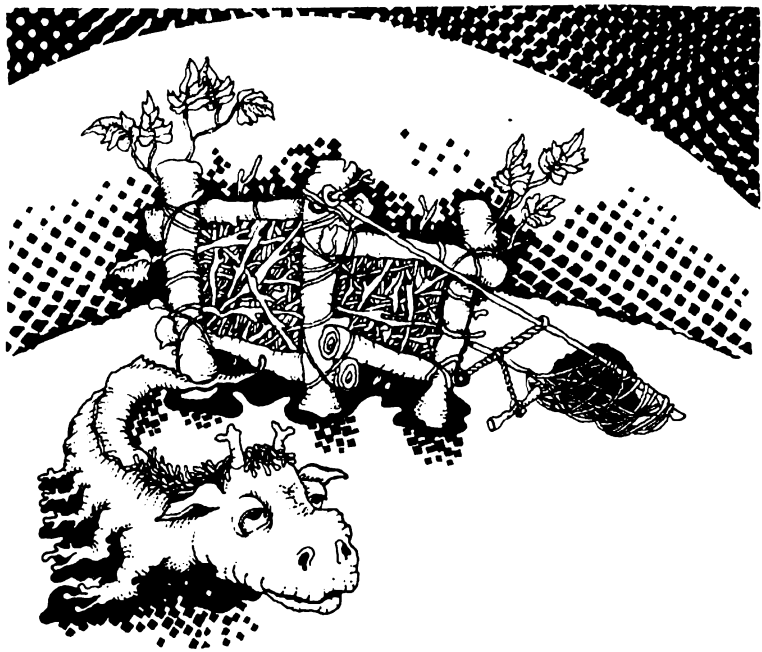
Грейс хлопнула дверью, оставив Уолтера думать о судьбах человечества.

Вскоре он услышал легкие шаги и улыбнулся.

Ну, говорил я вам — ничего страшного.

Последний на Земле человек сидел в комнате. В дверь постучали.





ПОЕДИНОК

Ад оказался каким-то странным. Совсем не таким, каким представлял себе Карсон. Во всяком случае, цветом. Все здесь было голубым. Однако раскаленный воздух склонял к мысли, что это если не сама преисподняя, то ее предбанник.

Карсон распластался на песке. Спину царапал острый камень, словно нарочно торчащий здесь из песка. Боль привела Карсона в чувство, он повернулся, и сел, опираясь на трясущиеся руки.

«Интересно, чего это мне взбрело улечься именно на него? С ума я, что ли, сошел? — подумал он. — Или все-таки меня сбили, и я умер, если... не что-нибудь похлеще».

Да... голубой песок. Такая яркая голубизна, что глаза режет. Где это видано? На Земле такого не встретишь, да и на других планетах, насколько известно.

Мало того — голубой песок под голубой крышкой. Небо, не потолок, а натуральное шапито. Правда, Карсон не мог видеть границ этого купола, но ясно ощущал, что он конечен и замкнут.

Он тронул песок, зачерпнул ладонью и посыпал на голую ногу. Щекотно.

Ба, а почему нога голая? Карсон вдруг обнаружил, что и вся его одежда куда-то испарилась, что он сидит совершенно голый. От жарищи он успел покрыться обильным потом, и во многих местах песок пристал к телу голубыми пятнами.

«Пора соображать, — решил Карсон. — Поскольку кое-где проглядывает мое тело, а оно все еще белое, значит, песок и вправду голубой, а не видится так в отраженном свете. Такой поразительный вывод, конечно, не решает проблемы. Голубого песка нет нигде, да и мест таких не сыщешь».

От жара мутило. Пот стекал на глаза.

Если отбросить идею насчет ада, то что это может быть за планета? Самая горячая в Системе — Меркурий, но это явно не он, хотя бы потому, что Меркурий остался позади примерно в четырех миллиардах...

Карсон внезапно вспомнил, где был только что. Он был в дозоре на своем маленьком космолете. Земной флот выслал патрули за орбиту Плутона, за миллион миль от главных сил. Флот уже принял боевой порядок, ожидалось нападение Завоевателей.

Он вспомнил возбуждение, которое его охватило после резкого тревожного сигнала системы обнаружения противника.

Завоеватели — это было чисто условное название тех, кто приближался. Никто никогда их не видел, не представлял уровня их цивилизации, даже не знали, из какой галактики они идут. Поговаривали, что откуда-то со стороны Плеяд.

Уже было несколько столкновений. Бои шли у дальних колоний и на форпостах Земли — сражались земные пат-

рули и разведка Завоевателей, состоящая из небольших группок космических кораблей. Поражения и победы делились поровну. Но землянам ни разу не удалось захватить в плен ни одного инопланетянина, ни одного вражеского космолета. Информации о Завоевателях, можно считать, не было.

Сначала все казалось чепухой — рейды противника были не серьезнее комариного укуса. Налеты не приносили большого ущерба, вооружение противника уступало земному, хотя было заметно, что их корабли более маневренны и превосходят земные по скорости.

Этого превосходства хватало как раз настолько, чтобы Завоеватели могли решать, вступать им в бой или скрыться, если, конечно, не бывали окружены.

Но у землян был большой военный опыт. Нельзя было покупаться на такой дешевый трюк — впереди обязательно будет генеральное сражение. Ждать пришлось долго. Земля тем временем подготовила отличный космический флот. Все чувствовали — решающий бой не за горами.

Разведка донесла о подходе крупных сил Завоевателей, в двадцати миллиардах миль от Земли. Разведчики не вернулись, но сообщения их дошли.

Земной флот — десять тысяч кораблей и полмиллиона космонавтов — ждал за орбитой Плутона, готовый сражаться насмерть.

Из донесений командованию стало ясно, что по численности флот противника не уступает земному, но и не превосходит. Битва предстояла на равных.

При таком соотношении сил судьбу битвы, а в конечном счете и судьбу всей Солнечной системы могла решить даже ничтожная случайность. Если она сработает не в пользу землян, итог будет страшен — и Земля, и ее колонии попадут под иго Завоевателей. Никто не знает, каково это.

В памяти Карсона ярко вспыхнули последние минуты перед боем, но он все еще не понимал, откуда взялся этот голубой мирок.

Резкий звук сирены заставил собрать всю волю в кулак. Боб бросился к пульту, лихорадочно пристегнулся к

креслу и уставился на экран — яркая точка на нем с каждым мгновением увеличивалась. Что-то неслось прямо на его кораблик.

Дело серьезное. Боб ни разу еще не бывал в настоящем бою. Началось! У него пересохло во рту. Основные силы противников находились еще на изрядном расстоянии друг от друга — время основного сражения еще не подошло. Значит, «началось» пока только для него и того, что мчался на Карсона.

Через три секунды все станет ясно: либо он победит, либо превратится в прах и в таком виде останется вечно кружить в пространстве. На все действия и все раздумья давалось всего три секунды — за это время бой в космосе успевает начаться и закончиться. В принципе, можно не утруждать себя: сосчитать до трех — и все. Для такого маленького, легко вооруженного, слабо бронированного космолета достаточно одного попадания. Карсон хорошо это себе представлял.

Машинально отсчитывая про себя «Раз!», Боб лихорадочно крутил рукоятки и нажимал на кнопки, стараясь держать яркую точку в центре экрана, в перекрестии линий прицела. Правая нога зависла над педалью пуска. Если промахнешься — все. Второго случая не будет.

«Два!» Своих слов он не слышал. На экране была уже не точка, а самый настоящий космолет. Его можно было даже разглядывать, словно он был в нескольких сотнях метров. Боб только и успел отметить, что вражеский корабль почти такой же, как у него — маленький и легкий.

Тоже патрульный.

«Три...» Педаль вжалась в пол.

Экран не показал ничего интересного. Стало ясно, что Завоеватель успел увернуться, мишень из центра экрана метнулась в сторону. Карсон яростно ухватился за ручки, ринулся в погоню. Полсекунды экран пустовал, но корабль Боба сделал крутой разворот, и чужак вновь стал приближаться к центру прицела. Но тут противник заложил крутое пике к планете.

Что за бред! Откуда здесь планета?!

Карсон тряхнул головой, он был уверен, что это опти-

ческий обман. Но планета все увеличивалась, заполняя собой экран. Чертовщина какая-то! Неужели это Нептун? Да нет, глупости, до него больше трех миллиардов миль, а Плутон сейчас вообще по другую сторону Солнца.

А радары? Они что, сломались все разом и не смогли обнаружить такое огромное тело? Карсон не слышал аварийного сигнала — приборы в порядке, но молчат, хотя обычно замечают за тысячи миль даже захудалый астероид.

То, к чему сейчас приближался его космолет, просто не могло существовать. Это было против всех законов физики и природы вообще... Да, но до него оставалась всего пара сотен миль.

Тут Боба пронзила мысль о неминуемой катастрофе. Рассуждать было некогда. Он включил передние тормозные ракеты и, повиснув на ремнях, изо всех сил навалился на штурвал аварийного разворота. Теперь оставалось надеяться только на двигатели. Боб еще успел сообразить, что теряет сознание от перегрузки.

И вот — голубой песок. Одежды нет. Правда, руки и ноги целы. Карсон пригляделся — никаких следов его корабля, да и знакомым космическим пространством не пахнет. Голубой купол над головой лишь отдаленно напоминал небо.

Боб поднялся, его сильно шатнуло. Здесь даже сила тяжести была другой. Не намного, но явно больше земной.

Горизонт расширился, но пейзаж остался прежним — ровная гладь песка. Кое-где торчали причудливые реденькие кустики разных оттенков голубого.

Есть тут кто живой? Словно почувствовав этот вопрос, из-под ближайшего куста вышмыгнуло какое-то пресмыкающееся. По земным представлениям это была ящерка, только лапок у нее было больше и, конечно, голубого цвета. Светло-голубого. Заметив Карсона, ящерка бросилась назад.

Карсон решил изучить «крышу». Долго смотреть на нее было трудно — купол странно мерцал. Боб успел понять, что это покрывало со всех сторон доходит до поверхности песка.

Боб стоял почти в центре этой площадки. До ближайшей стены — если это стена — метров сто. Ему казалось, что над ним опрокинута чаша, имеющая в окружности примерно двести пятьдесят метров.

И все было до отвращения голубое, кроме одного-единственного шарика, что лежал у дальней стены. Он явно контрастировал со всем окружающим. Рассмотреть его хорошенько не было пока никакой возможности. Боб решил, что диаметром он около метра. Постоянное мерцание мешало сосредоточиться. И то, что он был красным, Бобу почему-то не понравилось. В этом чувствовалось что-то тревожное.

Теперь уже и пот не давал присмотреться. Боб вытер лоб тыльной стороной ладони.

Долго ли будет тянуться этот кошмар? Жарища, дикий цвет песка и растений, необъяснимое чувство ужаса при одном взгляде на тот красный шар.

Хоть бы это был сон! Но кто же спит во время боя?

Тогда пусть смерть. Правда, в загробную жизнь Боб не верил, но и она, конечно, не могла быть такой странной: все голубое, мерзостная атмосфера и красный кошмар вдалеке.

И тут послышался голос.

Карсон не услышал его, скорее, почувствовал. Голова наполнилась звуками, нельзя было понять, откуда доносятся слова.

В мозгу звенело: «Недавно я обнаружил две цивилизации, готовящиеся к войне. Путешествия во времени и пространстве научили меня распознавать добро и зло, правильные и неверные шаги других. Ваша бойня закончилась бы полным истреблением одних и ослаблением других до такой степени, что они регрессировали бы и уже не смогли бы выполнить свое предназначение. Они вернулись бы к тому, с чего начали свой долгий путь, с теми же болезнями, голодом и разочарованиями. Этого не должно произойти».

«Кто... ты?» — подумал Карсон, но и этого оказалось достаточно.

«Твоего опыта не хватит, чтобы понять, кто я. Я... —

Тут Карсон ощутил, как нечто копается у него в мозгу, подыскивая нужные слова. — Я — продукт такой древней цивилизации, что ее возраст нельзя определить понятными для тебя мерами. Цивилизации, слившейся в одно целое. Такой может стать и твоя. Может... — Снова неприятная возня в извилинах, — со временем. Но тоже самое может случиться и с теми, кого вы называете Завоевателями. Именно поэтому я вмешался в ваши дела. Битва обещала быть настолько равной, что исход ее заранее известен — истребление обеих цивилизаций. Я считаю, что одна должна выжить, чтобы развиваться дальше».

«Чья же? — подумал Боб. — Лучше б моя...»

«По вашим меркам я всесилен. Могу сделать так, что Завоеватели уберутся прочь, в свою галактику. Но на этом борьба не закончится; в конце концов либо они вернутся, либо вы их найдете. Мне пришлось бы постоянно контролировать ситуацию, быть вашей нянькой, а я не могу здесь оставаться. Я раз и навсегда решу эту проблему сейчас: полностью истреблю один флот без всяких потерь для другого. Победителю откроются все двери дальнейшего процветания».

«Что он несет? Кошмар какой-то!» — Карсон ущипнул себя.

Самое невероятное: Карсон уже знал, что это не бред и не кошмар. Все это было на самом деле. В его голове вертелся единственный вопрос, который мог созреть в такую минуту: «Кто победит?» Карсон, с ужасом ожидая ответа, не осмеливался его задать вслух.

Незнакомец прочел его мысль.

«Останется сильнейший, — зазвучал голос. — Здесь я не вправе что-либо изменить. Я сделаю так, чтобы это была настоящая, а не... — снова пауза, — а не Пиррова победа, чтобы победившая цивилизация не была сломлена.

Прежде чем избрать путь вмешательства, я обратился к вашей древней истории, когда войны шли еще между племенами и народами. Тогда исход войны часто решал поединок. Мне показалось, что это очень мудрая традиция; поэтому я выбрал вас двоих — тебя и одного из Завоевателей.

Вы и будете биться. Условия одинаковы: оба наги и безоружны, место незнакомо и неприятно для обоих. Времени у вас предостаточно — для остальных я остановил его. Победит один. И его цивилизация выживет».

— Но... — неожиданно для себя начал Карсон, и тут же умолк. Сказать ему было нечего.

В голове опять зазвенело:

«Исход поединка решит не физическое превосходство. Это было бы неверно. Я поставил между вами барьер. По ходу дела сам разберешься. Есть кое-что поважнее силы — ум и мужество. Особенно мужество... воля к жизни. Все справедливо».

— Что же будет с нашими армиями, пока мы тут...

«Все относительно. Сейчас вы вне времени и пространства. В твоем мире время остановлено, и никто этого не заметит. Не мучайся сомнениями. Ты жив и должен действовать. Все вокруг условно, но для тебя это означает жизнь или смерть. А твое поражение будет означать гибель твоей цивилизации. Теперь ты знаешь достаточно».

Это было последнее, что услышал Карсон.

Он опять остался один. Один? Он пригляделся и увидел, что красный шар, тот самый, что внушал тоску и ужас, движется на него. Господи, да это же Завоеватель!

Шар просто-напросто катится.

Ни рук, ни ног, ни каких-нибудь щупалец. Катится, и все. Как капелька ртути.

Внезапно Карсон почувствовал сильное поле, распространяющееся от Завоевателя. Оно как бы опережало своего хозяина. Боб ощутил, как его обдало волной головокружительной, одуряющей, почти парализующей ненависти.

Карсон огляделся и в нескольких футах от себя обнаружил камень — единственное, что могло сойти за оружие. Не ахти какой величины, но с острыми краями, как у кремня. Он и похож был на голубой кремень.

Рассуждать не было времени. Боб схватил его и пригнулся, готовый отразить нападение. Завоеватель катился слишком быстро — в случае чего, догнать его будет трудно.

Будь, что будет. Да и как можно заранее представить

себе схватку, если не имеешь никакого понятия, как «устроен» твой противник, не знаешь его силы, его приемов?

Расстояние все сокращалось. Вот уже десять... пять метров. Вдруг шар остановился как вкопанный.

Словно мячик ударился о толстое стекло. Через мгновение Завоеватель отскочил назад.

Видимо, немного подумав, он снова двинулся вперед, но уже осторожнее. Та же история. И правее, и левее его что-то останавливало.

Да это же барьер! Карсон вмиг вспомнил слова Незнакомца: «Дело не в силе. Между вами барьер».

Разумеется, это не стекло. Это было бы слишком примитивно. Скорее всего, силовое поле, но какое? На Земле известно только поле Нетци, но оно светится и потрескивает, а это совершенно невидимо и не издает никаких звуков. Отпадает. Нечего искать аналоги. Здесь все не так.

Пока Карсон соображал, каких размеров мог быть барьер, Завоеватель нашел ответ — он прокатился вдоль невидимой линии и не обнаружил ни одной лазейки.

Карсон решил провести разведку со своей стороны. Вытянув вперед руку, он мелкими шажками направился в сторону границы. Наконец рука нащупала гладкую упругую поверхность, похожую на резину. Стеклом и не пахло. От барьера веяло жаром, почти таким же, как и от песка под ногами. Увидеть, однако, его не удалось даже в упор.

Боб отложил камень и стал давить на стену. Она чуть подалась, но тут же словно окаменела. Карсон приложил все силы, но результат остался прежним — такое впечатление, что тычешься в стальную дверь, обитую слоем резины. Сначала мягко, а потом — не подступись.

Боб поднял руки, привстал на носки, но барьер, конечно, был и там.

Все это время шар проверял протяженность границы. Сейчас он возвращался от дальнего края, и на Карсона вновь накатили тошнота и головокружение. Он с отвращением отступил. К счастью, Завоеватель прокатился мимо, не задерживаясь.

Боб решил проверить, глубоко ли барьер зарывается в

песок. Встав на четвереньки, он начал рыть яму. Песок отлично поддавался, он был легкий и сухой. Через несколько минут ямка углубилась фута на два. И все равно — барьер.

Красный шар показался снова. Видно, и ему не повезло.

Карсон никак не мог успокоиться. Если через преграду невозможно пробраться, поединок теряет смысл. Значит, способ есть. Но какой?

Спешить незачем. Нужно спокойно обдумать ситуацию и постараться найти выход. Завоеватель закончил свое турне и остановился почти напротив Карсона. Их разделяли какие-то два метра. Бобу показалось, что шар рассматривает его, хотя чем он это делает, понять было невозможно. Шар и шар — никаких тебе органов: ни ушей, ни глаз, ни чего-то похожего. Правда, теперь Карсон заметил, что тело Завоевателя было не совсем гладким — на поверхности было с десяток выемок. Едва Боб обратил на них внимание, из них сразу же высунулась пара щупалец и погрузилась в песок, как бы проверяя его плотность. Эти руки-щупальца были около дюйма в диаметре и фута полтора длиной. Видимо, когда в них нет нужды, они убираются обратно в выемки. Насколько Боб успел заметить, для передвижения шар ими не пользовался. Похоже, Завоеватель катился, как-то смещая центр тяжести. Правда, как он это делал, Карсон понять не мог.

Он еще раз взглянул на Завоевателя и невольно содрогнулся. Это было создание, до жути чуждое не только всему земному, но и любым формам жизни, обнаруженным на других планетах Солнечной системы.

Внезапно Карсона осенило — значит, и разум его так же не похож на земной, как и тело. Это осложняет ситуацию, но попробовать надо. Надежда только на телепатические возможности шара. Карсон почему-то был уверен, что противник ими обладает. Боб все время ощущал волны враждебности.

Вдруг до Завоевателя дойдут и слова?

Боб поискал взглядом камень, поднял его и демонстративно отбросил в сторону. Затем показал шару пустые

руки. Человеческую речь, конечно, это чудище понять не могло, но Карсон решил рискнуть, хотя бы для того, чтобы лучше выразить собственные эмоции.

— Как ты насчет мира? — гулко прозвучал его голос в абсолютной тишине. — Тебе ведь тоже рассказали, что нам предстоит сразиться. Если проиграешь... Тебе не жалко своих собратьев? Им придется исчезнуть. А не разойтись ли нам по-хорошему? Вы вернетесь в свою галактику, мы к себе домой.

Карсон замолчал, ожидая ответа.

Через мгновение он получил его, да такой, что чуть не свалился с ног. Воздействте было почти физически ощутимым, Боб даже отскочил на несколько футов. Его вдруг охватило чувство страха, неизбежности перед чем-то ужасным. Завоеватель излучил такую жажду убивать, мучить, что Боба затошнило. Образы, посланные шаром, не выражались словами, как это делало Единое Существо, они были сгустком ярости, от которого Карсону тяжело было освободиться. Боб собрал все оставшиеся силы и постарался сбросить этот ужасный груз.

Голова прояснилась. Карсон освобождался от кошмара. Кровавый бред, окутавший сознание, понемногу стал отпускать. Дыхание еще не успокоилось, коленки дрожали, но думать он уже мог.

Карсон посмотрел на Завоевателя. Тот оставался на месте на протяжении всего этого поединка, который чуть было не выиграл. Теперь шар покатился в сторону и притормозил у ближайшего голубого куста. Выпустил три щупальца и принялся трогать веточки.

Карсон, продолжая наблюдение, окликнул его:

— Эй, ты! Раз так, будем воевать, — рот его скривился в отнюдь не веселой улыбке. — Мир тебе не нужен, это я понял.

Внезапно Бобу захотелось сказать что-нибудь возвышенное.

— Учти, война — не на жизнь, а на смерть!

В полнейшей тишине слова эти прозвучали более чем странно и смутили его самого. Он вдруг понял, что драться придется до конца. Ему, Карсону, суждено либо вы-

жить, либо умереть. А ведь за ним стоит целая цивилизация — ее гибель или процветание.

Боб оробел. Слишком уж велика ставка. Но как же люди, оставшиеся на Земле? Их надо выручать. Карсон откуда-то знал, что тот Незнакомец не врал. Все будет именно так, как он сказал.

О том, что будущее человечества зависит от него одного, можно было думать бесконечно, но Карсон решил отогнать эти мысли. Пора сосредоточиться на другом.

Итак, главное препятствие — барьер. Должен быть способ его преодолеть. Но какой? Может, попробовать уничтожить противника прямо через него? Телепатически?

Это могло сработать. Правда, всего несколько минут назад Боб едва не был сокрушен мысленным излучением Завоевателя. Тут чужак явно сильнее. Или нет? Смог же, в конце концов, Боб изгнать из своего разума мысли шара. А тот? Если у него сильнее развита способность *передавать* свои мысли, не делает ли это его более уязвимым для чужих?

Карсон напрягся:

«Ты умираешь. Сейчас ты умрешь, — полыхало у него в голове. — Умри. Умри. Умри!»

Чего только не воображал себе Карсон, какие картины страшной смерти не рисовал в своем уме — даже пот выступил на лбу, тело дрожало от напряжения. А шар как ни в чем не бывало продолжал ощупывать куст, будто Карсон декламировал таблицу умножения.

Похоже, так ничего не получится.

Жара не спадала. После страшного напряжения мысли Боб снова почувствовал слабость и головокружение. Он опустился на песок и решил совместить отдых с изучением Завоевателя. Пригодится. Вдруг удастся подглядеть его слабую сторону. Если дело дойдет до рукопашной, такое знание здорово поможет.

Шар обламывал веточки. Карсон внимательно следил за ним, пытаясь определить, каких это требует от него усилий. Боб решил в скором времени отыскать на своей стороне такой же кустик и попробовать обломать его, чтоб сравнить силу своих рук и этих щупалец.

У Завоевателя дело не ладилось. Над каждой веткой ему приходилось изрядно потрудиться. Оказалось, что щупальца на конце раздваиваются, образуя два пальца с когтями. На вид они были не очень опасными — такие же, как человеческие ногти, только давно не стриженые.

Похоже, он не силач. Если, конечно, кусты эти не очень крепкие. Пора проверить свои догадки. Карсон встал и огляделся. Кустов хватало — около него преспокойно произрастал один из них. Боб протянул руку и обломил ветку: она была хрупкой и непрочной. Отлично. Правда, Завоеватель мог хитрить, нарочно скрывая свои способности. Интересно бы это выяснить.

Но как определить его уязвимые места? Шар, он и есть шар. Как с ним, в случае чего, драться? Карсон снова взялся изучать противника. Его кожа, а лучше сказать, внешняя оболочка, выглядела довольно прочной. Чтобы ее рассечь, потребуется острое оружие. Где же его взять? Боб наклонился в поисках подходящего камня. Вот этот. Дюймов двенадцать в длину, узкий, с довольно острым краем. Если бы его еще расколоть, как кремень, получился бы неплохой нож.

Пока Боб обдумывал свою проблему, Завоеватель углубился в кусты другой разновидности. Неожиданно из-под него метнулась ящерка — такая, как и на стороне Карсона, со множеством лапок.

Реакция шара ошеломила Карсона. Он и глазом моргнуть не успел, как животное оказалось зажатым в пальцах чудища. Поднявши ее высоко в воздух, Завоеватель другим щупальцем стал медленно и, как показалось Карсону, с удовольствием, отрывать ей ножки. В точности, как ветки с куста. Несчастная ящерка извивалась и громко пищала. Этот душераздирающий визг был первым звуком, который услышал здесь Карсон, не считая его собственных слов.

Карсону хотелось отвести взгляд и заткнуть уши, но он заставлял себя смотреть. Все, что он узнает об этом проклятом шаре, может пригодиться. Даже полезно увидеть эту ненужную жестокость. Да, прикончить эту тварь будет даже приятно. Лишь бы удалось.

Карсон, подавив сострадание, продолжал смотреть, как Завоеватель рвет ящерицу на куски.

Внезапно у Карсона отлегло от сердца: кажется, замученная ящерка то ли умерла, то ли потеряла сознание. Во всяком случае, в щупальцах мучителя болтался лишь бесформенный лоскут с несколькими ножками.

Интерес шара к ней мгновенно пропал. Он не стал отрывать ящерице последние лапки и пренебрежительно отбросил в сторону Карсона. Ящерка упала у самых ног Боба.

Как?! Куда же делся барьер?

Изумленный и обрадованный, полный решимости сразиться с Завоевателем, Карсон бросился вперед, держа перед собой камень. Если барьер исчез...

Увы. Гулкий удар и сильная боль доказали обратное. Карсон отлетел назад и грохнулся на песок.

Едва он стал приходить в себя, как заметил краем глаза, что в его сторону летит какой-то предмет. Тренированный солдат должен иметь хорошую реакцию — тело Карсона моментально распласталось на песке. И вовремя — в ногу что-то попало. Голова и туловище остались целы. А вот левая голень сильно болела.

Боб инстинктивно бросился прочь, не обращая внимания на боль. Шар уже замахивался другим камнем. От него уже увернуться было просто, тем более, что броски оставляли желать лучшего. Первый камень попал в Карсона только потому, что он не ожидал от Завоевателя такой прыти. Впредь придется быть осторожным и не подходить близко к барьеру.

Повертев в руках свой камень, Карсон бросил его в шар. Если камни могут перелетать через барьер, то стоит этим воспользоваться — закидать ими врага. Тем более, что Боб считал себя неплохим стрелком и никогда не жаловался на глазомер и твердость руки.

Четыре фута — пустяки. Промахнуться просто невозможно. Тем более, что шар был не таким уж маленьким. Конечно, Боб попал. Камень полетел точно и сильно — куда лучше тех, что бросал Завоеватель. Карсон залепил в самую точку, но камень ударил плашмя, а не острой кромкой.

И все же удар был нанесен — Завоевателю это явно не понравилось, он сразу перестал отыскивать себе камни и бросился наутек. Карсон собрался метнуть камень поувесистее, но шар уже был футах в сорока от барьера и продолжал улепетывать.

Второй бросок был менее удачным — Карсон промахнулся на несколько футов, а третий — совсем никуда. Завоеватель успел удрать так далеко, что достаточно тяжелый камень до него даже не докинешь.

Все же это победа, пусть и небольшая. Губы Карсона скривились в довольной усмешке. Правда...

Боль в ноге заставила его посмотреть вниз. Хорошее настроение сразу исчезло. Острый край камня нанес ему глубокую рану в несколько дюймов длиной. Из нее сочилась кровь, хотя крупные сосуды, похоже, задеты не были. Если рана начнет заживать сама по себе, все будет в порядке. В противном случае — дело дрянь. Об этом лучше и не думать.

Проблем и так достаточно. Надо срочно распознать, как устроен проклятый барьер.

Карсон опять приблизился к нему и уперся руками — все как и раньше. Не убирая одну руку, Боб захватил другой горсть песка и бросил. Песок рассыпался на вражеской территории, а рука стукнулась о преграду.

Может, дело в химии — органика или неорганика? Нет, не то. Ведь ящерка-то пролетела. Пусть мертвая — она все равно органика. А растения? Он побежал к кусту и отломил ветку. Она преодолела барьер, а вот пальцы, сжимавшие ее, ткнулись в невидимую преграду.

Итак, ни Карсона, ни Завоевателя барьер не пропускает. Через него летят только камни, ветки, мертвые ящерицы...

Стоп. Почему мертвые? А живые? Эта мысль настолько его возбудила, что он остервенело принялся гоняться за ящерицами. Скоро одна болталась у него между пальцев. Карсон осторожно бросил ее в барьер, она отлетела назад и поспешила восвояси, бороздя голубой песок.

Кажется, ответ есть. Только живые существа не могут преодолеть барьер. Карсон убедился, что неживое и неорганическое спокойно проникает сквозь него.

Нога снова заныла. Карсон ощупал рану. Кровотечение немного ослабло — значит, перетягивать не нужно. Но надо отыскать воду, чтобы промыть рану.

Мысль о воде напомнила Бобу, что его давно уже мучает жажда. Да, дела ухудшаются — если схватка затянется, без воды не обойтись.

Карсон двинулся на поиски вдоль барьера, касаясь его одной рукой. Нога сильно болела, Карсон начал заметно прихрамывать. Он доковылял до полукруглой стены, которая издали казалась серо-голубой, и ткнул в нее пальцем — похоже, то же самое, что и барьер. Он набрал горсть песка и швырнул в стену, — песок прошел насквозь и исчез из виду. Силовое поле. Только не просвечивает, как барьер.

Боб прошел вдоль стены и, не обнаружив ничего интересного, вернулся к барьеру, а затем повторил тот же маршрут в другом направлении.

Бесполезно. Никаких признаков воды.

Карсона залихорадило. Без воды долго не протянешь. Он суматошно стал обследовать все пространство между стеной и барьером, отведенное ему незнакомцем.

С тем же успехом. От сплошной голубизны его стало подташнивать. А может от жары или потери крови?

Карсон решил себя успокоить: «Нет, все в порядке. Мне только кажется, что я так страдаю от жажды». И все-таки интересно, сколько прошло времени, пока он тут поджаривается? С Землей сравнивать нельзя — ему же было сказано, что время там стоит. Но ведь жизненные процессы в его организме идут. Значит, можно прикинуть время по земным меркам — это... э-э... часа три-четыре. За такое время вряд ли можно так сильно захотеть пить. Что же происходит? Карсон и вправду испытывал страшнейшую жажду. В горле пересохло. Скорей всего, дело в жаре. Точнее, в жарище, какой не бывает даже на экваторе. Градусов пятьдесят пять. Сухо. Ни малейшего ветерка.

К концу своего бесплодного похода Карсон совершенно измучился и не на шутку захромал.

Вдруг он вспомнил о враге. Где он? «Ага, вот, стоит

себе неподвижно. Хотелось, чтобы и ему было так же скверно. По условиям поединка обстановка здесь одинаково незнакома и одинаково неприятна для обоих. Может быть, там, откуда заявился этот шар, нормальная температура градусов девяносто, и он тут мерзнет, в то время, как я медленно обгораю».

Или атмосфера не подходит. Карсон, например, страдает от разреженности воздуха. Прогулка пошла не на пользу — Боб еле отдышался. Наконец хоть какое-то сравнение: воздух здесь не плотнее, чем на Марсе.

Господи, и никакой воды.

Это говорило только об одном — поединок не бесконечен, во всяком случае, для Карсона. Нужно побыстрее проникнуть через барьер или убить Завоевателя, прежде чем доконает жажда. Это будет конец.

Все же следовало кое-что обдумать. Карсон присел, чтобы отдохнуть и придти в себя.

Проблем масса, а возможностей почти нет. Применить можно только то, что под руками. Например, кустики. Они разные и выглядят не так уж многообещающе, но изучить их надо. Теперь основной проблемой становится нога: в любом случае рану нужно продезинфицировать, пусть и без воды. Оружие можно сделать только из камней. Лучше всего найти камень с острым краем и смастерить что-то вроде ножа.

Пока он размышлял, нога разболелась сильнее. Что ж, начинать надо с нее. Боб подошел к кусту, на котором были листики, хоть и малюсенькие, но все же не колючки. Он сорвал дюжину и решил рискнуть. Ими Боб стер налипший на ногу песок и запекшуюся кровь, затем соорудил компресс из другой дюжины листьев и наложил его на рану, привязав к ноге усиками с того же куста.

Боб отметил, что усики эти необычайно прочные. Тонкие, но очень гибкие и упругие — он не мог их переломить, как ни старался. Пришлось искать острый камень, чтобы как-то перетереть их. Наконец удалось. Бобу понравилась такая находка, тем более, что усики потолще и в длину достигали целого фута. Из них же получится пре-

красная веревка! В его положении она может оказаться очень кстати.

Справившись на время с первой задачей, Карсон продолжил осмотр кустов. Их оказалось три разновидности. Первые были без листьев и сухие, хрупкие. На память пришло перекати-поле. Да, очень похоже. Другие — рыхлые, они крошились, как гнилушка. Из них хорошо разводить костер. Третьи были почти как деревья — с крупными нежными листьями, которые сворачивались при одном прикосновении, и с короткими, но прочными и крепкими стеблями.

Жара. Совершенно не дает сосредоточиться.

Может, барьер исчез? Сильно хромая, Карсон поспешил проверить свое подозрение. Ничего подобного. Все на месте.

Но тут вниманием Карсона завладел противник. Шар теперь не просто стоял. На безопасном расстоянии от барьера он что-то делал, передвигаясь взад-вперед. Боб ничего не мог разглядеть.

Один раз Завоеватель остановился и приблизился к Карсону, будто рассматривая его. И опять на Боба хлынула волна ненависти, и опять ему пришлось бороться с приступом тошноты. Он швырнул в шар камнем, но тот мигом очутился на прежнем месте и продолжал свое дело.

Пока Карсон мог только держать его на расстоянии.

«Не сильно я продвинулся», — с горечью подумал он. Но больше ничего не приходило в голову, и следующие два часа он собирал камни подходящей величины и складывал их в аккуратные кучки возле барьера.

А жара все давила. Горло не просто пересохло, оно буквально горело. В голову ничего, кроме мыслей о воде, не лезло.

С трудом он переключил себя на другое. Ему приходилось думать о том, как проникнуть сквозь барьер, как добраться до этой твари и убить ее, пока жара и жажда не убили его самого.

В голове стоял гул, мысли путались, и Карсон никак не мог сообразить, с чего начать. Он уже сидел на песке

и бесцельно следил за ящеркой, перебегающей от куста к кусту... а когда он бросил собирать камни и уселся, он вспомнить не мог.

Боб улыбнулся ящерке и погрозил пальцем. Может быть, у него в голове что-то сдвинулось, и он вдруг вспомнил россказни старых марсианских колонистов: «Приходит день, когда тебе становится так одиноко, что начинаешь заговаривать с ящерицами, а скоро они начинают тебе отвечать...»

Не следует проверять эту байку, надо думать о Завоевателе, но Карсон против воли улыбнулся и сказал ящерке:

— Здравствуй!

Она направилась в его сторону и остановилась.

— Здравствуй! — пропищала она.

Боб оцепенел от изумления, а потом расхохотался. Смеяться-то было не так больно — не совсем засохло его горло.

Что же тут удивительного? Может, творец этого чудовищного мирка обладал еще и юмором — вот и получились говорящие животные. Это даже мило с его стороны — так развеселить полуживого человека.

Боб решил продолжить знакомство:

— Подойди ко мне.

Но ящерка развернулась и юркнула под куст, затем снова вынырнула оттуда и помчалась прочь от Карсона.

И тут жажда напомнила о себе.

Боб вернулся в настоящее. Нельзя сидеть на песке и предаваться отчаянию. Главное — действовать. Все время что-нибудь делать. Но что?

Цель одна — преодолеть барьер. Сквозь него не получается, перелезть нельзя, значит, надо подкопать. Вдруг обнаружится еще и вода. Роют же колодцы. Одним выстрелом — двух зайцев.

Хромая, Боб направился к границе. Ткнувшись в барьер, он встал на четвереньки и принялся копать песок голыми руками. Вручную дело продвигалось медленно. Песок осыпался, поэтому, чем глубже он рыл, тем шире приходилось делать яму. Боб потерял счет времени. На

глубине четырех футов он уперся в камень. Тот был абсолютно сух — воды не было.

А барьер, это проклятое силовое поле, доходил до камня. Зря потратил столько сил и времени. Ни пути нет, ни воды.

Карсон выполз из ямы, едва дыша. Завоеватель наверняка не терял времени. Карсон стал искать его глазами.

Так и есть. Завоеватель успел соорудить какое-то приспособление из веток кустарника, скрепив их тонкими усиками. То, что он построил, выглядело весьма странновато: почти кубической формы и высотой фута в четыре. Карсон решил, что рассмотреть это будет удобнее, если взобраться на кучу песка, которую он только что накидал. Увиденное сразу подсказало ему назначение машины. «Так это же катапульта!» — вырвалось у Боба. Действительно, сзади из сооружения торчали две длинные палки, одна из них заканчивалась углублением наподобие чашки.

Завоеватель, видимо, уже решил опробовать свое орудие: он положил в чашку увесистый камень, одним щупальцем подвигал другую палку вверх-вниз, затем развернул машину для прицела и сразу выстрелил — чаша метнулась вверх и вперед.

Камень пролетел очень высоко над головой Карсона, и совсем не испугал его — он даже не стал нагибаться, но прикинул, сколько пролетел камень, и это его сильно озадачило. Сам он не смог бы бросить такой и на половину этого расстояния. Теперь ему предстояло спасаться — даже если он отступит к дальней стене своего участка, катапульта достанет его, если Завоеватель сообразит перетащить ее к самому барьеру.

Не успел Карсон все это как следует обдумать, как над ним пролетел еще один камень, уже гораздо ближе.

— С такими успехами, — пробурчал Карсон, — он, пожалуй, скоро пришлепнет меня.

Боб решил напасть. Двигаясь зигзагами вдоль барьера, спасаясь таким образом от катапульты, он запустил в нее десятком камней. Но оказалось, что от этого нет никакого толку. До машины долетали только небольшие камни, а

они не могли причинить ей вреда. Завоевателю на таком расстоянии тоже легко было увернуться, он не получил ни одного удара.

Зато Карсон измотался окончательно. Рука почти ничего не чувствовала, все тело ныло. Господи, отдохнуть бы чуть-чуть, вместо того, чтобы каждые полминуты увертываться от камней.

Еле держась на ногах, он доплелся до задней стенки. Но и здесь было небезопасно. Камни долетали и туда, только пореже, по-видимому для такого броска шару приходилось дольше заводить механизм катапульты.

Он снова захромал к барьеру. Силы были на исходе, Карсон несколько раз падал, но каким-то чудом поднимался на ноги. Останавливаться нельзя — это равносильно смерти. Если не вывести катапульту из строя, в один прекрасный момент она точно угодит в него. Как это сделать в его скверном положении, Карсон не имел ни малейшего представления.

Первые проблески идеи появились у него после очередного выстрела чужака. Снаряд угодил в склад Карсона — кучку камней, и от удара камня о камень высеклась искра.

Как все просто! Огонь. Первые люди на Земле именно так и добывали его. Топливом послужат сухие трухлявые ветки. Только быстрее.

К счастью, искать подходящие кусты не пришлось — один из них рос прямо перед носом у Боба. Он сломал его, поднес к куче камней и принялся терпеливо стучать камнем о камень, пока не вылетела искорка и не попала на древесину. Не успел Карсон и глазом моргнуть, как его костер превратился в горку пепла, заодно спалив и брови.

Но это было неважно. Главное — Карсон нашел выход, и уже через несколько минут, спрятавшись от Завоевателя за кучей песка возле ямы, Боб радостно подкладывал дровишек в костерок. На растопку пошла та же гнилушка, а огонь он поддерживал ветками другого кустарника, те сгорали не так быстро.

Еще одна неожиданная радость — прочные усики, похожие на проволоку, почти не горели, поэтому с их по-

мощью можно легко сделать зажигательные снаряды. Это будут пучки хвороста с маленьким камнем внутри для веса, обвязанные усиками с петлей, чтобы сильнее замахнуться. В приподнятом настроении Боб запас с полдюжины таких снарядов и открыл огонь. Огненный клубок не попал в цель, но перепугал Завоевателя — тот покатился прочь от барьера, таща за собой катапульту. Не зря Карсон старался над несколькими снарядами, вдогонку шару полетело еще несколько факелов. Четвертый попал в цель. Этого хватило. Завоеватель метался вокруг своей машины, пытаясь погасить пламя песком, но его когтистые щупальца не могли захватывать его помногу. Катапульта быстро обратилась в пепел.

Шар снова сосредоточился на Карсоне. Уже через минуту Боба захлестнула та отвратительная волна ненависти, которую он уже имел несчастье ощутить пару раз. Правда, сейчас она не валила с ног и была не такой продолжительной. Значит, Завоеватель ослабел, а может, у самого Карсона выработался иммунитет против этой гадости.

На радостях Боб скорчил шару рожу и камнями отогнал его подальше. Завоеватель у задней стенки своей половины судорожно собирал ветки. Что ж, пусть построит еще одну катапульту.

Так хотелось, чтобы барьер наконец-то исчез. Карсон в сотый раз ткнул в него пальцем и вдруг обнаружил, что сидит на песке, не имея сил подняться. В ноге что-то пульсировало, боль распространилась выше колена. Но ни боль, ни жажда не шли в счет рядом с полным изнеможением.

И жарой.

Карсон все больше склонялся к мысли, что он попал в ад. Тот самый, в который верили древние. Глаза закрывались от усталости, но он вручную разлеплял их, хотя не видел особой опасности в том, что заснет — все равно пройти через барьер невозможно, а Завоеватель сейчас за пределами досягаемости.

Боб попытался занять себя размышлениями. Он вспоминал все, что читал по истории и археологии. Как люди воевали в те времена, когда не было ни металла, ни пла-

стика. Первым оружием, похоже, был камень. Этот этап Карсон уже миновал. Следующее усовершенствование — катапульта, ее построил Завоеватель. Карсону не удастся повторить его опыт — на кустах остались только крохотные веточки. Конечно, если пошевелить мозгами, можно из них сотворить что-нибудь оригинальное, но для этого понадобится несколько дней, а сил становится все меньше и меньше.

А как быстро построил ее Завоеватель? Неужели время поединка исчисляется уже днями? Но тут он вспомнил, что у шара много щупалец, и он, конечно, работает быстрее человека.

К тому же оказалось, что катапульта — дело ненадежное. Надо придумать что-нибудь еще.

Чем еще пользовались древние? Ага, лук и стелы. Здорово, но отпадает. У Карсона был уже печальный опыт стрельбы из лука. Даже с современным спортивным луком точного боя он умудрился опозориться. А то, что он смастерит здесь, в лучшем случае повторит полет камня.

Оставалось копье. Метать его бессмысленно, но сделать надо — может пригодиться в рукопашной. Если, конечно, дело до этого дойдет.

Кроме того, он хоть чем-нибудь займется, и это отвлечет его от сна и бредовых мыслей, которые засоряют мозги. Карсон все чаще ловил себя на том, что не помнит, почему он здесь и зачем нужно убить Завоевателя.

К счастью, Карсон сидел вблизи кучи камней, приготовленных для боя. Он подполз и стал перебирать осколки, пока не нашел подходящий, напоминающий наконечник копья. Он решил его усовершенствовать — другим камнем стал обтесывать наконечник так, чтобы тот, воткнувшись в тело, не мог выйти обратно. Этакий гарпун.

А что? Очень неплохая идея. Для драки с таким непонятным противником гарпун лучше, чем копье. Если бы достать им Завоевателя, и если к гарпуну будет привязана веревка, то он сможет притянуть Завоевателя к барьеру, и тогда, даже если его руки не смогут проникнуть на ту сторону — это сделает каменный нож.

У копья должно быть и древко. Оказалось, что сделать его труднее — не было подходящего материала. Наконец, расколов вдоль и соединив самые толстые стволы четырех кустов и обвязав крепкими усиками, Карсон соорудил прочное древко фута четыре длиной. К концу он прикрутил отшлифованный камень. Оружие получилось корявое, но вполне надежное.

К копью надо было привязать веревку, значит, следует ее сплести. Карсон подошел к кустам с эластичными усиками, которые взял на заметку раньше. Двадцати футов ему показалось достаточно. Веревка была легкой и на вид непрочной, но Карсон уже имел дело с усиками и был вполне в них уверен. Один конец он привязал к древку гарпуна, а другой обвязал вокруг правого запястья. Теперь, бросив гарпун сквозь барьер, он в случае неудачи мог вытащить его обратно.

Закончив работу и вернувшись к бездействию, Карсон ощутил боль, жару и усталость во сто раз сильнее.

Надо было посмотреть на Завоевателя, но Карсон не мог подняться на ноги. С третьей попытки он ухитрился встать на четвереньки, но тут же снова завалился на бок.

«Надо поспать, — еле сообразил Боб. — В таком состоянии о схватке смешно и думать. Если бы Завоеватель мог прочитать мои мысли, он непременно прикатился бы сюда и прикончил бы меня. Капельку сна, больше ничего...»

Карсон, превозмогая боль и усталость, медленно отполз подальше.

Кошмарное, путаное забытье, в которое провалился Карсон, прервал странноватый звук, похожий на шлепок. Он открыл глаза и снова попал в реальность, которая ужаснее любого кошмара. Голубое мерцание над голубым песком сводило с ума.

Но откуда был шум? И сколько времени он спал... минуту, день?

Рядом опять что-то бухнулось, уже ближе, и осыпало

песком лицо. Камень! Упершись руками, Карсон сел и повернулся к вражеской стороне. Завоеватель находился у самого барьера, всего в двадцати ярдах от Боба.

Как только шар увидел, что Карсон движется, он метнулся вглубь своей территории и остановился лишь у задней стены.

До Карсона наконец дошло, что силы оставили его очень рано, и он уснул на полпути к задней стенке. А враг, видя неподвижное тело, подкатил поближе и стал метать камни. Хорошо, что Карсон смог привстать и пугнуть его. Если бы только Завоеватель догадался, в каком Боб состоянии, он остался бы на месте и продолжил обстрел.

Так сколько же прошло времени? Судя по разбитости, нисколько или совсем мало. И жажда почти не усилилась.

Карсон снова пополз, потащил свое тело дальше и дальше, пока непрозрачная внешняя стена не оказалась от него примерно в метре. Тогда он спокойно закрыл глаза...

Проснувшись, Боб с сожалением отметил, что ничего вокруг не изменилось. Зато он точно мог сказать, что на этот раз спал долго и крепко.

Первое ощущение было не из приятных — сухость во рту и распухший язык.

Боб заволновался: что-то не так. Он уже не чувствовал тяжелейшей усталости — изнеможение прошло. Но боль... Едва шевельнувшись, он понял, что источник ее — нога.

Карсон с ужасом посмотрел на нее. Ниже колена нога походила на бревно, более того — опухоль охватила половину бедра. Усики растений, которыми он привязал к ране компресс из листьев, сейчас врезались в раздувшуюся плоть. Просунуть под них каменный нож не было никакой возможности. Слава Богу, один из узлов пришелся над костью спереди, где прутья впились не так глубоко. Собрав все свое мужество, Боб развязал узлы.

Ему совсем не хотелось смотреть на повязку — явно ничего хорошего. Так и есть. Заражение. Сильное и ползущее по ноге вверх.

Как же с ним теперь бороться? Без лекарств, без бинтов, даже без воды.

Как только заражение охватит все тело, он умрет. А при таком начале это дело недолгое.

Надежда покинула Карсона. Все...

Но ведь погибнут все люди. Когда он перестанет дышать, там, на его родине, умрут все его друзья, все человечество. А Земля с ее колониями на других планетах попадет в руки к этим мерзким тварям, которые с удовольствием рвут на части живых ящерок.

Это было настолько страшно и невероятно, что Карсон то ли в испуге, то ли в шоке пополз вперед, почти ничего не видя перед собой от боли. Вперед, к барьеру. Работали одни руки, только здоровая нога продолжала кое-как отталкиваться.

Он уже не надеялся одержать победу или хотя бы начать поединок. Неизвестно было, где Завоеватель, что он делает. Сил хватит один-единственный раз бросить гарпун, но будет ли мишень на месте? Лучше, конечно, чтобы исчез этот проклятый барьер.

Расстояние, как показалась Бобу увеличилось раз в сто. Но все кончалось барьером, таким же несокрушимым, как в то раз, когда он впервые его нащупал.

Завоевателя поблизости не было. Приподнявшись на локтях, Карсон увидел его на дальних рубежах, тот возился с ветками. Деревянная рама, которую сумел разглядеть Карсон, была явно предназначена для катапульты.

Шар перекатывался еле-еле, работал медленно — он тоже был измотан. Тут Карсону пришла в голову не очень веселая мысль: зря Завоеватель это затеял — Боб умрет раньше, чем он закончит.

Приманить бы его чем-нибудь к барьеру, пока еще есть силы. Карсон попытался крикнуть, но запекшиеся губы не произнесли ни слова. Если бы только пройти через барьер!..

Наверное, на него нашло какое-то затмение — он обнаружил, что в ярости колотит кулаками по барьеру. Он заставил себя остановиться, закрыть глаза и успокоиться.

— Здравствуй, — послышался тонкий голосок.

Неужели? Так похоже...

Боб повернулся. Да, это была ящерка.

«Сгинь, — хотел сказать Карсон. — Тебя нет. Ты просто мне чудишься. А если и есть, то говорить ты не можешь».

Слипшиеся губы опять подвели. Карсон снова закрыл глаза.

— Больно, — пискнул голос. — Убей. Иди. Больно.

Он снова очнулся и открыл глаза. Уже знакомая десятиногая голубая ящерка вертелась около него. Немного пробежав вдоль барьера, она возвращалась, опять убегала и опять возвращалась.

— Больно, — говорила она. — Иди. Убей. — И опять повторила свой танец.

Зовет, что ли? Похоже на то.

Карсону все еще не верилось, что это наяву. Он устало опустил веки, но голосок не умолкал. И как только Карсон приоткрывал глаза, животное повторяло свой маршрут.

— Больно. Иди. Убей.

Карсон застонал. Видно, ящерица не отцепится от него до тех пор, пока он все-таки не последует за ней. Что ж, пусть... И он пополз.

Внезапно до него донесся другой звук — тонкий жалобный визг. С каждым футом он становился все громче.

На песке что-то извивалось и корчилось. Что-то маленькое, голубое — похожее на ящерку и в то же время...

Тут он понял, что это такое — это ящерка, у которой проклятый шар оторвал лапки. Сколько же она тут пролежала? Живая. Сначала без сознания, а потом очнулась, стала визжать и корчиться в агонии.

Другая ящерица твердила:

— Больно. Убей. Больно.

Все ясно. Боб достал нож и убил изувеченное животное. Вторая тут же исчезла под кустом.

Повернувшись к барьеру и припав к нему руками и лицом, Карсон стал наблюдать, как работает Завоеватель.

«Эх, пробраться бы туда, — мечтал он. — Шару ведь тоже хреново. Может, я бы еще победил. Я бы...»

Снова он осознал полную безысходность. Ему вдруг захотелось умереть — так замучила его нога. Он даже позавидовал ящерке, которую только что убил. А у него еще не вышел срок. Сколько? День? Час? Пока зараза не отравит всю кровь.

Пристукнуть себя самому?

Но он знал, что не сможет это сделать. Пока он жив, живет человечество. Значит, есть один шанс из миллиона.

Карсон опять набросился на барьер, как бы желая сдвинуть его. Он не узнал своих рук, такие они стали костлявые и тонкие. Да, давно он здесь.

А сколько еще осталось? Сколько жить? Сколько терпеть жару, жажду, боль?

Он чуть было не сорвался, но вовремя одернул себя, и вдруг пришло глубокое спокойствие. И тут его осенило.

Что же было с ящеркой, которую он только что убил? Когда ящерка пересекала барьер, она была еще жива. Это меняет все дело. Ящерица была на стороне Завоевателя и попала к нему в лапы. Затем, изувеченная им, она была перекинута сквозь барьер. Но преодолеть его смогла не потому, что была мертвой, как считал Карсон, а потому, что потеряла сознание.

Ящерица была жива! Только без сознания!

Итак, живая ящерка пересечь барьер не может, а потеряв сознание — запросто. Похоже, вот он ответ. Барьер непроходим не для живых существ, а для мыслящих.

От волнения у него задрожали руки. Пришло время последней попытки. Он пополз вдоль барьера, выбирая подходящее место. Надежда была так мала, что только умирающий мог ухватиться за нее.

Не было времени, да и сил, чтобы взвешивать все «за» и «против». Других вариантов тоже не было.

Карсон оказался у кучи песка, которую он накопал, пытаясь — Господи, когда же это было? — подкопаться под барьер или найти воду. Она была фута четыре в высоту, один ее край заполз на территорию Завоевателя.

Захватив с собой камень, Карсон поднялся на холмик, перебрался через его вершину и улегся, опираясь на барь-

ер. Если бы вдруг барьер исчез, Карсон тотчас скатился бы вниз, на сторону врага.

Боб проверил, на месте ли его нож, правильно ли он обхватил древко гарпуна левой рукой и хорошо ли привязана веревка к гарпуну и к запястью.

Правой рукой он занес над головой камень и на минуту задумался. Пришлось полагаться только на везение. Стукнешь слишком слабо — не потеряешь сознание, переборщишь — рискуешь попасть в когти Завоевателя.

На Завоевателя Боб не смотрел, но чувствовал, что тот насторожился и наблюдает за ним. Конечно, он увидит, как Карсон свалится вниз, и непременно прикатится выяснить, что случилось. Карсон хотел бы, чтобы шар принял его за мертвого — ведь должен же он был как-то проанализировать случай с ящерицей. К мертвому Завоеватель торопиться не будет, кроме того, еще и поосторожничает. Словом, время будет.

Карсон опустил камень себе на голову...

Он пришел в себя от резкой боли в бедре. Совсем другой, чем в голени и в голове.

Честно говоря, именно на эту боль и рассчитывал Боб, когда ударял себя по голове — нужно было что-то новенькое, пульсирующие дергания в ране не привели бы его в чувство — слишком он к ним привык. Он настолько желал эту боль, что смог не выдать себя ни движением, ни вскриком.

Чуть приоткрыв глаза, он стал наблюдать за шаром. Все шло по плану — Завоеватель приближался, ему осталось преодолеть футов двадцать. А ту боль, от которой Карсон очнулся, причинил ему камень, на всякий случай брошенный Завоевателем. Он валялся тут же.

Карсон задержал дыхание. Шар все катился, вот уже осталось пятнадцать футов. Вдруг он остановился.

Боб изо всех сил гнал из головы все, хоть отчасти похоже на мысли. Со своими телепатическими способностями Завоеватель мог бы распознать в нем жизнь. Но тут на его мозг накатились мысли Завоевателя.

Карсон почувствовал дикий ужас от этих совершенно чуждых идей, которые он ощущал, но не мог ни понять, ни выразить, потому что ни в одном языке Земли не нашлось бы для них слов, ни в одной земной душе — представлений. Бобу показалось, что мысли паука, или богомола, или песчаной змеи с Марса, обрети они вдруг разум, были бы гораздо милее и роднее.

Карсону вспомнились слова Незнакомца — Человек и Завоеватель настолько разные по организации, что во всей Вселенной есть место, может быть, только одному из них. Невероятный, на первый взгляд, вывод, но теперь Карсон полностью с ним соглашался. Человек и Завоеватель различны более, чем бог и дьявол — ни мира, ни равновесия между ними быть не могло.

Шар начал приближаться. Ну, еще. Карсон ждал. Пусть он подкатится еще на несколько футов, пусть он протянет к нему свои противные щупальца.

Пора! Забыв про свои страдания и боль, собрав последние силы, Карсон сел, занес гарпун и метнул его.

Завоеватель не успел увернуться. Он покатился прочь с глубоко вонзившимся в него оружием. Боб хотел встать и броситься вдогонку, но сил не осталось. Он упал и пополз вслед за врагом.

Веревка натянулась и дергала Карсона. Несколько футов его провезло, потом натяжение ослабло. Пришлось, чтобы продвинуться дальше, перехватывать веревку.

Завоеватель остановился, размахивая щупальцами, пытаясь вытащить гарпун. Его трясло. Внезапно он бросил эту затею, видно, поняв, что ему некуда деться, и двинулся на Карсона, выставив вперед, наверное, все щупальца, которые у него были.

Карсон выпрямился, сжимая в руке нож.

Удар за ударом сыпались на Завоевателя, а ужасные когти рвали кожу и плоть Карсона.

И тут Завоеватель обмяк.

В ушах звенело. Карсон открыл глаза, но еще несколько секунд не мог сообразить, где он и что с ним. Дребез-

жал зуммер в его собственном космолете. Сам же Боб был пристегнут к сиденью, а на экране перед ним ничего не было. Обычная космическая пустота. Ни голубых песков, ни врага.

Вызов продолжал трезвонить. Привычным жестом Карсон протянул руку и перебросил тумблер.

Экран вспыхнул и появилось лицо капитана Брандера — командира корабля-базы «Магеллан». Глаза его возбужденно сверкали, но сам он был бледен.

— Карсон! Я — «Магеллан»! — кричал он. — Отбой! Все кончилось. Наша взяла! Уходим!

Затем Брандер стал оповещать других офицеров. Связь закончилась.

Карсон медленно вывел корабль на обратный курс. Не веря своим ушам и глазам, он медленно отстегнулся от кресла. Почему-то страшно хотелось пить. Только после шестого стакана он решил, что немного утолил жажду.

Потом он оперся о переборку, собираясь с мыслями.

Сон это был или не сон? Сейчас он здоров и не чувствует усталости. Жажда? Ну, перенервничал... такое бывает. Горло вовсе не пересохло. Интересно, что с ногой...

Он задрал штанину и взглянул на голень. Вот это да! Шрам. Правда, давно заживший, белый. Но ведь раньше его не было. Заинтригованный, он расстегнул молнию на куртке и обнаружил, что его грудь и живот сплошь покрыты крохотными шрамами, тоже совершенно зажившими.

Все было.

Его корабль уже заходил в трюм базы. Манипуляторы уложили его на место, и вскоре зуммер сообщил, что шлюз заполнен воздухом. Боб открыл люк и вышел наружу.

Он спешил к Брандеру.

Вид у командира был, мягко говоря, ошалелый.

— Привет, Карсон! — воскликнул он. — Ты пропустил лучшее представление в мире!

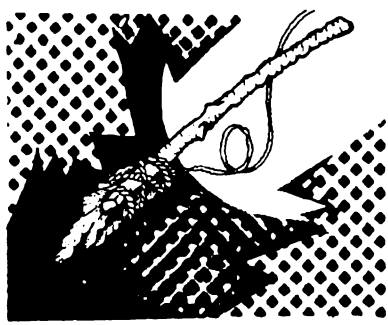
— В чем дело, сэр?

— Вообще-то, я сам толком не разобрался, но после первого нашего залпа их флот превратился в пыль, в ни-

что! Пошла какая-то непонятная реакция, уничтожившая все корабли, даже те, в которые мы не целились и которых не видели. Весь флот пропал на наших глазах, а у нас — ни царапины. Такой легкой победы не было никогда, даже победой это не назовешь. Скорее всего, в их сплавах была нестабильная составляющая, и наш пристрелочный залп запустил реакцию. Ух, здорово! Жаль, тебя рядом не было... такое зрелище пропустил.

Боб попытался улыбнуться. Чтобы окончательно прийти в себя, потребуется ни один день. Но шеф был на седьмом небе и ничего не заметил.

— Разрешите идти, сэр, — внутренний голос, а вовсе не природная скромность, подсказал ему, что если он проговорится хоть словом, то навеки прослывет странным малым с мозгами накребень. — Да, жалко, что меня при этом не было.



ДРУГАЯ МОРАЛЬ

11 апреля.

Даже сказать не могу, удивился я или испугался, когда впервые понял, что у людей по ту сторону стекла совсем другие обычаи и законы. До этого я полагал, что мораль для всех одна. А как же иначе? Должна же быть какая-то справедливость. Поначалу я подумал, что их цензура дала промашку. Что ж, бывает...

Началось все во время вестерна, хотя это и не главное. Я тогда был Уитни Грантом, шерифом Уэст-Пекоса, первоклассным наездником и отличным стрелком. Словом, настоящим героем. В городок ворвалась банда головорезов — негодяй на негодяе, — а поскольку местные жители отвагой не блистали, пришлось мне разбираться с бандитами одному. Их главарь Черный Берк — я сбросил

его с лошади, а следовало бы пристрелить, — сообщил мне потом сквозь тюремную решетку, что все это здорово походило на «Луну в небесах». Ну и что с того? «Луна в небесах» — неплохое кино, жизненное; значит, и в настоящей жизни вполне может произойти что-то подобное.

А чуть раньше, во время нашего сеанса, я мельком глянул через стекло «экрана», как мы его иногда называем, в тот, другой мир. Такое порой случается, когда глядишь на экран в упор. Там тоже живут люди, они очень похожи на нас, только вот жизнь у них скучная: никаких приключений, просто сидят и пялятся сквозь стекло на нас. И так из вечера в вечер. Когда нам удается заглянуть к ним, перед нами каждый раз оказываются новые лица. Почему? Не знаю. Так уж устроен мир.

В этот раз я увидел комнату, похоже, гостиную, и двух молодых людей — юношу и девушку. Они сидели на кушетке как-то слишком близко друг к другу и целовались. Казалось бы, ничего особенного, *у нас* ведь тоже целуются. Но у нас не целуются вот так, без повода, и так бесстыдно. Они буквально впились друг в друга и явно позабыли обо всем на свете. Это был *плотский* поцелуй, и тянулся он невероятно долго. Я трижды отходил от экрана и вновь приближался, а они все пребывали в той же позе.

Прошло секунд двадцать, не меньше, а они все лизались. Тут я смутился и отвернулся. Все имеет свои пределы, а поцелуй на двадцать секунд — это уж выше крыши. А может, и длиннее — ведь они вполне могли начать еще раньше, чем я их увидел. Двадцать секунд! Куда только смотрят их цензоры! Спят, наверное. Да и спонсоры-рекламодатели тоже хороши... нельзя же так!

Когда наш вестерн кончился и экран сделался матовым, я хотел было обсудить это с Черным Берком. Мы потолковали о всяком-разном сквозь решетку, но я так и не решился рассказать ему об этой парочке. Завтра Берка будут судить, а потом, надо думать, вздернут. Он, следует отдать ему должное, крепкий мужик и держится хорошо. Так зачем подкидывать ему лишние проблемы? У него и так есть над чем подумать... перед петлей-то. Никто ведь

не знает, в кого он воплотится в следующий раз, да и воплотится ли вообще.

15 апреля.

Не знаю, что и думать. Сегодня я видел это снова. Только на этот раз было еще хуже. В три прошлых вечера я, скажу честно, боялся глядеть на экран, а если вдруг все-таки случалось, как можно быстрее отворачивался. Правда, насколько я мог заметить за стеклом все было в порядке: каждый раз — новая гостиная, но ни одной аморальной парочки. Люди вели себя прилично: просто сидели и пялились на нас. Все как всегда.

Но нынче!

Боже, какая гадость! Опять парочка, на этот раз, конечно, другая. И гостиная была другая, и вместо кушетки в ней стояли здоровенный мягкие кресла. Но они-то сидели в одном. *Она — у него на коленях!*

На этот раз я был врачом в одном паршивом лазарете. Работенки хватало — то одного, то другого буквально вытаскивал с того света. Запарился я ужасно и только во время *хвоста* — так мы называем промежуток между последней рекламой и концом — я, разговаривая с интерном, повернулся к экрану и снова увидел *их*.

То ль они поменяли позу, то ли я в первый раз не заметил главного... Нет, они не целовались, они, как и полагается, сидели и пялились на нас. Но то, чем они при этом занимались, было еще хуже!

На девице были очень короткие шорты, а парень *положил ей руку на бедро*. И не просто положил, а гладил... ласкал!

Что у них там за порядки! Мужчина ласкает обнаженное женское бедро! Да у нас о таком и помыслить никто не посмеет.

Меня даже передернуло. Хоть присягнуть, их цензоры даром хлеб едят.

А может, у них что-то по-другому, а я не понимаю. Вот это меня и пугает. Пожалуй, даже больше, чем возмущает.

22 апреля.

С последнего тревожного события прошла почти неделя, и я немного успокоился. Я уверил себя, что все это случилось у них по чьему-то недосмотру. Разве у нас, в реальном мире не бывает накладок?

Но то, что я увидел, точнее, услышал сегодня, ни в какие ворота не лезет. Похоже, у них там нет никаких Моральных Норм*.

Наверное, надо объяснить, как мы их слышим. Редко-редко до нас с той стороны доносятся звуки. Они слышны едва-едва, да еще их заглушают наши разговоры, всякие шумы реальной жизни и музыка, которая играет, когда мы не говорим. Я долго ломал себе голову, размышляя, откуда берется музыка там, где нет ни музыкантов, ни инструментов, но потом отступился. Так уж устроен мир. Так вот, чтобы отчетливо услышать что-то оттуда, нужно особое стечение обстоятельств. Такое бывает лишь когда в нашем мире умолкает все, даже музыка. Но и тогда *их* слышит только тот, кто стоит «впритирку к экрану», как мы это называем. Обычно удается разобрать пару слов, и совсем уж редко — целую фразу.

Сегодня мне «повезло» не только услышать целую фразу, но и увидеть, кто ее сказал и кому. Это была вполне обычная пара почтенного возраста, они сидели на кушетке, но в разных концах и, как водится, пялились на меня. И вдруг мужчина сказал, причем говорил громко, словно его супруга туга на ухо: «Г..., душечка, экая дребедень. Вырубай этот х... ящик, и пойдем на угол, угостимся пивком».

Первое слово, которое я не пишу всуе целиком, было именем Всевышнего. Мы, конечно, тоже произносим его, но на молитве или в каких-то иных обстоятельствах. Но тут о молитве не могло быть и речи: второе слово, которое

---

* Имеются в виду положения так называемого Производственного Кодекса кинопромышленности (1930 г.), которые фактически обернулись цензурными запретами на показ определенных сюжетов и предметов. Например, нельзя было показывать священника, пьющего вино, долгий поцелуй, женскую ногу выше колена, убитого полицейского и т. п. *(Прим. ред.)*.

я не пишу, было гадким ругательством. И сказано оно было почти следом за тем... первым.

Все это меня очень беспокоит.

30 апреля.

Если честно, я сам не знаю, чего ради сейчас пишу. Скорее всего эту страницу я потом порву и выброшу в корзину. Дело в том, что я *должен* писать, точнее, печатать, так уж лучше что-нибудь осмысленное, чем просто набор букв и запятых. Сейчас я — журналист, сижу в редакции за пишущей машинкой. Роль свою я отыграл, отошел на второй план, и теперь мое дело — с озабоченным видом колотить по клавишам. Печатаю я «слепым» методом, так что могу время от времени поглядывать, что творится за экраном.

Там снова молодая пара, на этот раз — в спальне. Это, ясно, супруги, поскольку лежат в постели. Кровати, конечно, две. Сразу видно, они соблюдают Моральные Нормы, которые не разрешают показывать беседующих супругов в одной кровати. В разных, на пристойном удалении — другое дело. А если в одной, хотя бы и в широкой... Это может навести на самые худшие мысли.

Я взглянул еще раз. Они почти не смотрят на экран, говорят между собой, хотя я их, конечно, не слышу и слышать не могу, поскольку сижу далеко от экрана. Вот он, похоже, о чем-то ее спросил. Она улыбнулась и кивнула.

Вот она откидывает одеяло и садится.

ОНА ОБНАЖЕНА!

Господи, да как же ты не поразишь нечестивцев! Здесь, у нас, нагих женщин просто не бывает.

Вот она встала... а я никак не могу оторваться от этого чудесного и невероятного зрелища. Вот и мужчина отбросил одеяло, на нем тоже ничего нет. Он, кажется, зовет ее, а она медлит, красуется.

Что это со мной... там, внизу? Такого никогда не бывало! Я знаю, что должен отвернуться, но... не могу.

Вот она делает шаг... другой и — ложится рядом с ним. Он целует ее, ласкает. Он...

НО ВЕДЬ ТАКОГО ПРОСТО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!

Точно! У них нет цензоров! Они могут вытворять такое, на что у нас только намекают. Выходит, они свободны, а мы связаны Моральными Нормами. Это же несправедливо! А нам еще говорят, будто все равны в правах от рождения!

Я ТРЕБУЮ СВОБОДЫ! ПУСТИТЕ МЕНЯ ТУДА!

Эй, помогите! Кто-нибудь! Выпустите меня из этого чертова ящика!!!

АРМАГЕДДОН

Случилось все это в Цинциннати. Представьте себе, именно в Цинциннати! Просто уму непостижимо, правда? Боже упаси, я не хочу о Цинциннати сказать ничего плохого, но все-таки это не пуп Земли и даже не столица штата Огайо. Просто маленький старинный городок, довольно приятный, во всяком случае, не хуже прочих. Но даже на заседаниях местной Торговой Палаты неоднократно подчеркивалось, что город пока не ставит перед собой цели выйти на мировую арену. И если это самое, можно сказать, историческое выступление Джербера Великого — ну и имечко, правда? — состоялось именно в Цинциннати, то это, понятно, чистая случайность. Конечно, если бы об этой истории пронюхали газеты, Цинциннати прославился бы на весь мир, а если бы им удалось раскопать, какую роль в ней сыграл малыш Герби, он стал бы таким знаменитым, что всякие там отличники носили бы за ним его школьный ранец. Га-

зетные заголовки сравнивали бы его с Георгием Победоносцем или еще с кем-нибудь столь же славным. Загвоздка в том, что все кто был в этот вечер на представлении, напрочь позабыли все случившееся. Но вот что самое обидное: малыш Герби Уэстерман тоже начисто все позабыл; даже водяной пистолет, с которым он не расстается, ни о чем ему не напоминает.

Когда престиджитатор начал представление, Герби затаил дыхание, даже о водяном пистолете позабыл. Пистолет был новехонький, его купили Герби только что, по дороге в театр. Добиться этого было не так-то просто — надо было не мытьем так катаньем провести ничего не подозревающих родителей дальней дорогой: по Вэйн-стрит и через базарную площадь. При помощи нескольких хитрых приемчиков, которыми мастерски владеет любой мальчишка, это все-таки удалось, и Герби стал счастливым обладателем вожделенного пистолета. Но теперь его куда больше занимало то, что творилось на сцене, причем наблюдал он за работой коллеги с профессиональным интересом. Надо сказать, фокус с протыканием карт не был для Герби тайной, он и сам умел его делать не хуже. Правда, он пользовался специальной детской колодой с уменьшенными картами, которая продавалась в комплекте с волшебным ящиком, но ведь ему было всего девять лет, и руки у него были меньше чем у взрослого. (Если уж честно, карты в его руках поворачивались очень даже заметно, хоть он об этом и не догадывался.)

На сцене Джербер Великий демонстрировал прокалывание семи карт одновременно. Герби по собственному опыту знал, что это требует большой силы и ловкости. Он одобрительно кивал, глядя на фокусника. Тут он вспомнил, что следующий в программе — тот самый фокус, которого он ждал. Герби не поворачиваясь легонько подергал мать за рукав:

— Мам, спроси у папы, нет ли у него запасного носового платка.

Краем глаза он наблюдал за матерью, и как только она повернулась к отцу, Герби молниеносно вскочил и ринулся к проходу. Сами понимаете, платок ему был ни к чему, это был отвлекающий маневр, и Герби провел это просто блестяще. Герби видел это представление не в пер-

вый раз и знал, что сейчас Джербер попросит какого-нибудь мальчика выйти на сцену и помочь ему. К этому моменту Герби хотел быть свободным, как птица. Фокусник только-только открыл рот, а Герби уже стоял в проходе у самой сцены. В прошлый раз он оказался десятым, но сейчас, благодаря тщательной подготовке, опередил всех. А ведь обстановка осложнялась присутствием родителей — в тот раз Герби был на представлении один. Неизвестно, разрешила бы мать сделать то, что он задумал, никогда не поймешь, что у взрослых на уме. Поэтому Герби пришлось подстраховаться и отвлечь ее внимание.

— ...кто-нибудь подняться на сцену.

Эти слова еще не успели вылететь из рта фокусника, а нога Герби уже твердо стояла на первой ступеньке. За его спиной послышались разочарованные вздохи и огорченный шепот конкурентов, и под эти протяжные звуки Герби, немало довольный собой, поднялся на сцену, улыбаясь от уха до уха.

Настало время фокуса с тремя голубями, для него магу и нужен был помощник из зрителей. Ну, а у Герби к этому трюку был чисто профессиональный интерес: он никак не мог понять, как же это делается. Может, с помощью фальшивой стенки в ящике? Но где ее можно там устроить? Что ж, Герби предстояло держать этот самый ящик, и если он ничего не поймет, значит, лучше ему до конца жизни собирать марки или спичечные этикетки.

Герби поднял голову, понимающе, как коллега коллеге, улыбнулся магу. Даже если ему удастся разгадать секрет фокуса, он никому не скажет ни слова. Есть такая вещь — профессиональная солидарность.

Но когда Герби встретился взглядом с фокусником, улыбка его погасла, а по спине пробежали мурашки. Вблизи Джербер Великий выглядел ужасно старым... И еще — он стал гораздо выше с тех пор, как Герби был на первом его представлении... Ему вдруг показалось, что это вообще другой человек...

Но тут ассистент принес на большом подносе ящик. Герби немного успокоился, отвел глаза от лица мага и вспомнил, наконец, зачем он вылез на сцену. Ассистент по-

чему-то прихрамывал. Герби на всякий случай немного присел и заглянул под поднос — а вдруг секрет скрывается именно там? Но дно подноса было абсолютно гладким.

Джербер взял ящик и разложил его. Ассистент, хромая еще сильнее, заковылял прочь. «Наверное, он хромает нарочно, чтобы отвлечь внимание зрителей», — решил Герби.

Все стенки ящика крепились к днищу на шарнирах, а к задней стенке — тоже на шарнирах — была приделана крышка, она могла запираться на маленькие медные крючочки. Фокусник полностью разложил ящик — тот стал плоским, словно блин — и показал его почтенной публике.

Герби быстренько зашел сзади, чтобы получше разглядеть заднюю стенку, которая внушала наибольшие подозрения. Точно! В крышке была маленькая треугольная дырка, замаскированная зеркальцем. Зеркало устанавливалось под определенным углом, так что из зала заметить его было невозможно. Да, трючок-то с бородой! Герби был слегка разочарован.

Фокусник сложил ящик так, что зеркальце оказалось внутри, и живо повернулся к Герби.

— Ну, а теперь, юноша...

Событие, которое в этот момент произошло в горах Тибета, не было началом. Скорее уж, это было последнее звено в цепи.

Всю предыдущую неделю там стояла странная погода, ну просто-таки совершенно неслыханная. Была дикая жара, и в горах началось массированное таяние снегов. Огромные потоки воды с грохотом устремились со склонов вниз. Ничего подобного не могли припомнить даже самые древние старцы. Небольшие ручьи, ранее безобидные, превратились в бурливые реки.

Многие из молитвенных мельниц, которыми были утыканы берега, начали вертеться с бешеной скоростью, а некоторые были затоплены и остановились. Испуганные ламы, дрожа, бродили в ледяной воде и безуспешно пытались вытащить затонувшие мельницы на мелководье, где они снова могли бы продолжать свое вращение, исполненное высшего смысла.

Одна древняя маленькая мельница вертелась с незапамятных времен. Даже старейшие из лам не помнили, что за молитва была на ее барабане. Так вот, эта мельница оказалась наполовину затопленной, а вода все прибывала.

Лама по имени Кларут решил спасти мельницу и взял ее, собираясь отнести в безопасное место, но оступился на скользком камне, и рухнул в воду. Мельница выпала у него из рук, и поток тут же унес ее на глубину.

Если бы не эта досадная случайность, которая на самом деле, конечно, не была случайностью, если бы только мельница продолжала вертеться — все было бы в порядке, и мир не оказался бы на грани гибели.

Дрожа от холода, лама встал из ледяной воды и принялся спасать другие молитвенные мельницы. «Ничего страшного, если одна пропала», — подумал он. Откуда ему было знать, что мир уже стоит на пороге Армагеддона, и что именно этот маленький барабан и сдерживал до сих пор напор темных сил.

Итак, молитвенная мельница Вамгур-Ула была уничтожена. Поток отнес ее за километр, где она зацепилась за выступ скалы и застыла, неподвижная.

Случилось это как раз в ту минуту, когда были произнесены слова:

— Ну, а теперь, юноша...

Вы уже поняли, что теперь речь снова пойдет о Цинциннати. Герби Уэстерман в этот миг посмотрел на мага, удивляясь, что он прервался на полуслове, и увидел, что черты фокусника перекосились, будто от жуткой боли. Тут же лицо его начало искажаться, стало неузнаваемым, хотя — вот ведь поразительно, — в то же время как бы оставалось прежним.

Маг негромко рассмеялся; этот зловещий смех вобрал в себя все зло, какое только есть на свете, все мыслимые и немыслимые пороки. И каждый, кто услышал этот смех, сразу понял, кто таков этот фокусник. Это разом поняли все зрители, включая самых отъявленных атеистов, и никто, раз осознав эту страшную правду, уже ни на секунду в ней не усомнился.

При этом в зале стояла жуткая, прямо-таки неестествен-

ная тишина. Никто не издал ни звука, все затаили дыхание. И людям даже не было страшно, ведь страх рождается от колебаний, неопределенности, от сомнений. А тут никто уже не сомневался, все были уверены — это конец.

Смех становился все громче и громче, вот он уже заполнил весь зал и превратился в могучий грохот, от которого осыпалась пыль даже на галерке. В зале никто не шелохнулся, застыли даже мухи на потолке, будто пришпиленные этим смехом.

И тогда Сатана заговорил:

— Дорогие зрители, спасибо, что почтили своим вниманием мое скромное выступление. — Он издевательски раскланялся. — Представление окончено... Больше никогда не будет никаких представлений, — пояснил он и снова рассмеялся.

В зале вдруг сгустился мрак, хотя все лампы по-прежнему горели. Потом в мертвой тишине послышался странный звук, похожий на хлопанье кожистых крыльев. Звук начал нарастать, будто зал наполнялся какими-то невидимыми крылатыми монстрами. Потом сцена озарилась багровым светом, а на голове и плечах мага вспыхнули язычки пламени. Такие же огоньки вспыхнули вдоль авансцены, окольцевали рампу. Ящик, который Герби Уэстерман все еще держал в руках, тоже загорелся, и мальчик его уронил.

Тут, наверное, надо вспомнить, что Герби Уэстерман состоял в городской команде Юных Пожарников, так что дальнейшие его действия были чисто рефлекторными. Конечно, девятилетнему парнишке трудно осознать, что такое Армагеддон, но что-то он наверняка понял. Например то, что вода против такого пламени бессильна.

Но он действовал машинально, как его учили в команде Юных Пожарников. Он выхватил из кармана водяной пистолет, направил его на ящик и сиканул. Пламя погасло! Струя была довольно сильной, брызги попали и на брюки Джербера Великого; тот стоял лицом к публике и не видел манипуляций с пистолетом.

И тут все изменилось, словно по волшебству. Разом погасли все огоньки, исчез багровый свет, освещение в зале стало прежним. Затихло хлопанье кожистых крыльев, а может, просто утонуло в шуме очнувшейся публики.

Фокусник закрыл глаза и через силу прохрипел:

— Повелеваю все забыть! Никто и никогда не вспомнит о том, что здесь случилось. На это у меня еще достанет сил...

Он с трудом повернулся, и поднял ящик.

— Надо быть осторожнее, малыш. Держи вот так.

Он легонько ударил по ящику своей палочкой, крышка распахнулась и оттуда вылетели три белых голубя. Мягкий шорох их крыльев нисколько не походил на жуткое кожистое хлопанье.

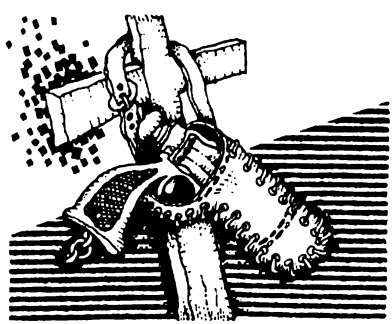
С выражением мрачной решимости на лице отец Герби Уэстермана спустился по лестнице и твердым шагом направился в кухню. Там на стене висел кожаный ремень для правки бритвы.

— Генри, дорогой, — сказала миссис Уэстерман, помешивая кипящий суп, — конечно, он зря стрельнул в машину, когда мы возвращались домой... Но ведь это всего лишь обычная вода. Стоит ли так строго его наказывать?

— Дело не в этом, — мрачно покачал головой Генри Уэстерман. — Вспомни-ка: мы купили этот пистолет на базаре и после этого никуда не заходили; только в церковь, договориться с отцом Риком насчет конфирмации. Ну, где же, по-твоему, этот бандит заправил свой пистолет? В церкви, вот где! Из чаши со святой водой!

Походкой тяжелой, как само возмездие, отец с ремнем в руке поднялся наверх. Послышались ритмичные шлепки, им вторили столь же ритмичные вопли.

Так вознаградили Герби Уэстермана, спасителя мира.



ЕЩЁ НЕ КОНЕЦ

ЕЩЕ НЕ КОНЕЦ

Зеленоватый свет в металлическом кубе зловеще пульсировал, и мертвенно-бледная кожа существа, сидевшего за пультом, казалось, вспыхивала. Единственный глаз этого существа, расположенный посередине лба, внимательно следил за семью циферблатами. Этим он был занят с момента старта корабля с Ксандора. Раса, к которой принадлежал Кар 388, не знала сна. Не знала она и жалости. Чтобы убедиться в этом достаточно было взглянуть на резкие черты лица.

Стрелки на четвертом и седьмом циферблатах показывали, что куб завис в пространстве над своей целью. Кар подался вперед и правой верхней рукой тронул рычаг стабилизатора. Потом встал и потянулся.

Повернувшись к своему товарищу, такому же, как он сам, Кар сказал:

— Итак, первый этап нашего путешествия — звезда

Z-5689. У этой звезды девять планет, но населена только третья. Надеюсь, мы найдем здесь крепких рабов.

Лал 163, который все время путешествия просидел неподвижно, встал и тоже потянулся.

— Надеяться нужно всегда, — произнес он. — Если повезет, мы вернемся на Ксандор в ореоле славы, а наш флот отправится сюда за невольниками. Но не будем торопиться. Если все получится с первого раза, это будет какое-то чудо. Скорее всего, придется обследовать не менее тысячи таких планет...

— Значит, обследуем тысячи, — сказал Кар, пожимая плечами. — Лунаки уже почти полностью вымерли, и если мы не найдем расы, способной их заменить, то не сможем больше эксплуатировать наши рудники. — Он снова сел за пульт и включил приближающий монитор.

— Мы находимся над неосвещенной стороной планеты, — сказал он, глянув на экран. — Много облаков, видимость затруднена. Перехожу на ручное управление.

Он нажал несколько кнопок.

— Смотри, Лал, огни рядами. Какой-то город! Эта планета и вправду населена!

Лал уселся перед пультом и тоже посмотрел на экран.

— Бояться нам нечего, — заметил он. — Вокруг города никаких следов силового поля. Научные знания этих существ, должно быть, в зачаточном состоянии. Если нас атакуют, мы сможем уничтожить этот город одним залпом.

— Верно, — согласился Кар. — Только не забывай, что цель нашей миссии — не уничтожение. По крайней мере пока. Сейчас нам нужно несколько образцов. Если они окажутся подходящими, наш флот вывезет отсюда столько невольников, сколько понадобится. Только потом можно будет разрушать. И мы, дорогой мой, уничтожим не город, а всю планету, ибо цивилизация, которая ее населяет, развивается. Кто знает, не решат ли ее обитатели однажды отомстить...

— Ладно, ладно, — сказал Лал, проверяя потенцио-

метр. — Я включу мегараполе, и мы станем невидимы. Разве что эти существа могут видеть в ультрафиолете... а это маловероятно при таком-то солнце.

Куб начал снижаться, свет, исходивший от него, из зеленого стал фиолетовым, а потом и вовсе погас. Корабль тихо остановился, и Кар включил механизм люка.

Он вылез наружу, Лал — следом за ним.

— Смотри, — сказал Кар, — два двуногих существа. Две руки, два глаза... Похожи на лунаков, только немного меньше. Как раз два образца, которые нам нужны.

Он поднял свою левую нижнюю руку — три ее пальца держали хлыст из сплетенных медных проволочек — и этим хлыстом коснулся сначала одного, а потом второго существа. Не было никаких вспышек, однако существа замерли, как две статуи.

— Они не тяжелые, — заметил Лал. — Я отнесу их на корабль, а исследования проведем уже в космосе.

— Ты прав. Двух экземпляров нам вполне хватит. Тем более, что один — самец, а второй — самка.

Минутой позже куб поднялся в воздух. Как только корабль оказался за пределами атмосферы, Кар включил стабилизатор и подошел к Лалу; тот уже начал изучать пленников.

— Это млекопитающие, — сказал Лал. — Пять пальцев, руки, пригодные для самой тонкой работы. Разумеется, для нас имеют значение не только руки, но и интеллект.

Кар вынул из шкафчика две пары касок. Одну каску Лал надел себе на голову, вторую — на голову существа, которое изучал. Кар проделал то же самое с другим пленником.

Через несколько минут они разочарованно переглянулись.

— На семь пунктов ниже нормы, — сказал Кар. — Нечего и думать научить их самым простым операциям на наших рудниках. Они не поймут даже элементарных приказов. В лучшем случае они сгодятся еще для нашего музея...

— Ну так что? Уничтожим планету?

— Думаю, не стоит. Через миллион лет, если наша раса еще будет существовать к тому времени, аборигены разовьются достаточно, чтобы работать в наших рудниках. Ничего не поделаешь, придется искать в другой звездной системе, на других планетах...

Секретарь редакции «Милоки Стар» сидел над макетом полосы, подверстывая колонку городских новостей. Дженкинс, метранпаж, показал ему свободное место в конце страницы.

— У меня дыра в восьмой колонке, — сказал он, — строчек на десять с заголовком. И есть две информушки нужного размера.

Секретарь мельком взглянул на них.

— Одна о съезде фермеров, а вторая о происшествии в зоопарке. Поставь лучше о фермерах. Кому интересно, что невесть куда пропали две обезьяны?

ОНО И ВИДНО

Бросив взгляд на часы, Генри Блоджет схватился за голову. Уже два часа ночи! Он раздраженно захлопнул учебник — все равно ему нипочем не успеть до утра. Чем больше он зубрил геометрию, тем меньше понимал. Математика вообще плохо давалась ему, а уж геометрия! Ее даже зубрить невозможно.

Если он завтра провалится, его вышвырнут из колледжа; у него и без того уже три хвоста за прошлые семестры. Еще один провал — и его отчислят автоматически.

Тогда конец всему: мечтам, карьере. Но сейчас его могло спасти только чудо.

Вдруг он вскинул голову, даже на стуле подпрыгнул. А почему бы не призвать на помощь тайные силы? Генри издавна интересовался магией и даже собрал небольшую библиотечку. В этих книгах простым языком объяснялось, как вызывать демонов и как подчинять их своей воле. До сих пор он не решался попробовать, но сейчас стоило рискнуть. Хуже не будет. Все равно без волшебства геометрию не осилить.

Он подошел к полке, достал самую толковую книгу по черной магии, открыл на нужной странице и повторил простые инструкции.

Генри взялся за дело: сдвинул мебель к стенам, мелом нарисовал посреди пола пентаграмму, ступил в нее и произнес заклинание.

Демон явился. Он был куда страшнее, чем предполагал Генри. Собравшись с духом, Блоджет обратился к сути дела.

— Мне никак не дается геометрия...

— Оно и видно! — прогремел демон; в голосе его слышалось торжество.

Полыхая пламенем, он вышел из мелового шестиугольника, который Генри нарисовал вместо пентаграммы.

ВОДУ

Миссис Деккер только что вернулась с Гаити. Отдыхала она в одиночестве — это должно было остудить страсти Деккеров перед серьезным разговором о разводе.

Не тут-то было. Страсти по-прежнему кипели, то есть супруги ненавидели друг друга еще больше, чем прежде.

— Половина, — твердо заявила миссис Дёккер. — Ты получишь развод, если я получу половину всех денег и имущества.

— Не смеши, — отмахнулся мистер Деккер.

— Подожди смеяться. Я могла бы получить все — и без малейших затруднений. Не понимаешь? Дело в том, что на Гаити я изучала колдовство «воду».

— Ерунда! — объявил мистер Деккер.

— Никакая не ерунда. Тебе повезло, что я порядочная женщина; другая уморила бы тебя — и концы в воду. И получила бы все деньги, все имущество и всю недвижимость, причем совершенно безнаказанно — такую смерть ни один доктор не отличит от инфаркта.

— Бред! — отрезал мистер Деккер.

— Ты уверен? Хочешь, докажу? Шпилька и воск у меня под рукой. Дай мне несколько своих волосков или кусочек ногтя; этого должно хватить.

— Дичь! — рявкнул мистер Деккер.

— Тогда чего ты боишься? Я-то знаю, чем дело кончится, но если ты останешься в живых, я дам тебе развод и не возьму ни цента. Ну, а... в другом случае — просто унаследую все.

— Ладно, — согласился мистер Деккер и посмотрел на свои ногти. — Слишком коротко острижены, лучше я дам тебе пару волосков. Готовь свою шпильку.

Он вышел и вскоре вернулся со склянкой из-под аспирина, в которой было несколько коротких волосков. Мисси с Деккер к этому времени уже размяла воск. Она замешала в него волоски и слепила корявую куколку.

— Вот увидишь... — промолвила она и вонзила шпильку в грудь куклы.

То, что увидел мистер Деккер, и вправду поразило его, но, скорее, приятно. Конечно, ни в какое колдовство он не верил, но издавна привык обходиться без лишнего риска.

Кроме того, его раздражало, что жена так редко чистит свою щетку для волос.

ПОЗДНИЙ ГОСТЬ

Был ранний тихий вечер. Доктор Джеймс Грэхем, известный ученый, возглавляющий правительственный проект необычайной важности, сидел, глубоко задумавшись, в своем любимом кресле.

Наступили его любимые часы. Именно здесь, в тихом полумраке гостиной, после долгого дня суеты и напряженной работы в лаборатории, он чаще всего находил остроумные и безошибочные решения самых трудных задач. Но сегодня ни формулы, ни чертежи совершенно не лезли в голову. Грэхема одолевали грустные мысли о судьбе единственного сына, который возился со своими игрушками в соседней комнате. Мальчик, абсолютно здоровый физически, был умственно отсталым. Когда несколько лет тому назад стало ясно, что ребенок неизлечимо болен, Грэхем, безумно его любивший, был буквально убит. Но со временем он привык и к несчастью. Горечь ушла, в душе остались лишь грусть и бесконечная нежность к сыну.

Вдруг кто-то позвонил у двери. Очнувшись от своих мыслей, Грэхем пошел в прихожую. Перед тем, как выйти в холл, он зажег свет в гостиной; задумавшись, он и не заметил, как стемнело. Странно... кто бы это мог быть? В другой день Грэхем непременно рассердился бы — какого черта так поздно, к тому же без приглашения и предупреждения. Но сегодня он даже об-

радовался: можно будет отвлечься от тягостных размышлений.

Он отворил дверь. На крыльце стоял совершенно незнакомый человек.

— Доктор Грэхем?

Грэхем кивнул.

— Моя фамилия Нэйменд. Если возможно, я хотел бы поговорить с вами.

Грэхем окинул его взглядом. Невысокого роста, худощавый, лицо — самое обычное, каких тысячи. Опасаться вроде бы нечего.

— Ну... заходите, располагайтесь, — пригласил он.

Некоторое время незнакомец сидел, молча, как бы собираясь с мыслями, потом крепко сцепил пальцы, подался вперед и горячо заговорил:

— Доктор Грэхем! Вам ведь ясно: то, над чем вы сейчас работаете, обрекает человечество на гибель. Есть и другие открытия, тоже опасные, но ваше... Оно не оставляет ни единого шанса. Оно просто бесчеловечно!

«Псих!» — подумал Грэхем и мысленно выругал себя за легкомыслие. Надо было еще на пороге спросить, о чем будет разговор.

— Оружие, которое вы разработали... — начал было незнакомец, но вдруг замолчал и оглянулся на дверь.

Из детской выбежал мальчик лет пятнадцати. Нэйменда, сидящего в глубоком кресле, он не заметил и прямым ходом подлетел к отцу.

— Пап, ты мне почитаешь? — Веселый детский голосок мог бы принадлежать ребенку лет четырех, но никак не пятнадцатилетнему подростку.

Грэхем обхватил его за плечи, а сам бросил испытующий взгляд на посетителя, гадая, знает ли тот, что мальчик болен.

— Погоди, Гарри, — ласково сказал Грэхем. Его голос выдавал всю глубину любви и нежности. — Папе сейчас

некогда, но папа скоро освободится. Поиграй пока у себя в комнате. Я скоро приду и почитаю тебе.

— Я хочу «Малыша-Цыпленка»! Почитаешь про Малыша-Цыпленка?

— Как скажешь. А теперь беги. Хотя нет, постой-ка, Гарри. Познакомься с мистером Нэймендом.

Лицо Гарри озарилось улыбкой, смущенной и радостной.

— Привет, Гарри, рад тебя видеть, — Нэйменд улыбнулся в ответ и протянул мальчику руку.

Гарри взял гостя за руку и долго ее не отпускал. Было видно, что ему очень хочется влезть к Нэйменду на колени.

— А теперь иди к себе, Гарри, — Грэхем легонько подтолкнул его к двери. Гарри повернулся и вприпрыжку помчался в соседнюю комнату, позабыв закрыть дверь.

Грэхем и Нэйменд переглянулись.

— Чудесный паренек! — сказал Нэйменд, и голос его звучал вполне искренне. — Не дай бог, чтобы рассказ Малыша-Цыпленка оказался правдой.

Грэхем в недоумении посмотрел на него.

— Вы помните то место, где Цыпленок рассказывает, что небо обрушилось на землю? Чудесная книжка, с детства ее помню.

Когда Грэхем понял, что его сын и вправду понравился гостю, Нэйменд показался ему симпатичным.

Но теперь он вдруг вспомнил, зачем тот явился. Грэхем терпеть не мог болтовни об абстрактном гуманизме.

— Боюсь, мистер Нэйменд, что мы только понапрасну тратим время, — решительно сказал он. — Я уже тысячу раз слышал все, что вы собираетесь мне сказать. Может быть, вы и правы в какой-то степени, да вот только я тут совершенно не при чем. Я — ученый, прежде всего ученый. Все в один голос кричат, будто я изобрел абсолютное оружие. В какой-то степени это так, но моя-то цель совсем другая. А это оружие, что называется, промежуточный результат, не более того. Главное для меня как для ученого — продвинуть науку еще на шаг вперед и тем

самым способствовать прогрессу человечества. В этом и заключен, по-моему, высший гуманизм, высшая человечность!

Эта маленькая речь прозвучала так горячо и с такой уверенностью, что гость, видимо, понял всю бесполезность своего визита.

— Что ж... раз так, мне остается только откланяться. Вы ведь просто не хотите говорить об этом, правда, доктор Грэхем? Я сейчас уйду, только вот... Может у вас найдется что-нибудь выпить? Желательно покрепче...

Грэхем уже успокоился.

— Конечно, найдется, — любезно сказал он. — Виски с содовой подойдет?

— Самое то.

Грэхем отправился на кухню за выпивкой, а когда через некоторое время вернулся, Нэйменд как раз выходил из детской со словами: «Спокойной ночи, Гарри». Грэхем слышал, как сын радостно откликнулся: «Спокойной ночи, мистер Нэйменд». Голос его звенел от счастья.

Грэхем смешал две порции, и они выпили. Предложение повторить Нэйменд отклонил и засобирался уходить.

— Я тут позволил себе кое-что подарить вашему сыну, пока вы были на кухне. Надеюсь, доктор, вы не рассердитесь?

— Ну что вы, конечно, нет, мистер Нэйменд. Большое спасибо. Спокойной ночи.

Закрыв за гостем дверь, Грэхем тут же направился в детскую.

— Ну вот, Гарри, я и освободился! Сейчас будем читать про...

Он так и застыл с открытым ртом. Потом его прошиб холодный пот, на лбу выступила испарина. Громадным усилием воли он заставил себя удержать на лице улыбку, с которой вошел, чтобы ребенок не почувствовал, какой ужас охватил отца. На негнущихся ногах он подошел к постели.

— Дай-ка я посмотрю твой подарок, Гарри. — Очень трудно было сказать это легким, беззаботным тоном, чтобы мальчик не испугался, и чтобы не случилось непоправимое.

Когда Грэхем осторожно взял зловещий подарок, руки его тряслись.

«Боже, — подумал он, — какой нелюдью надо быть, чтобы подарить ребенку заряженный револьвер... *такому* ребенку! Это же бесчеловечно!»

ЧУШЬ КАКАЯ!

Мистер Визервокс допил свой кофе. Пришло время выговорить жене.

— Дорогая, — твердо сказал он, — я хочу, чтобы в нашем доме больше не было такой вот макулатуры.

— Хорошо, Джейсон. Я просто не подумала...

— Разумеется, не подумала. Но за то, что читает наш сын, отвечать должна ты.

— Я прослежу, Джейсон. Я не заметила, что он притащил этот журнал, и даже предполагать не могла, что...

— Я тоже не мог бы предположить, если бы случайно не нашел у него под подушкой. «Небывалое», надо же! — Мистер Визервокс дернул щекой. — «Несусветное», так-то оно вернее! Сущая ересь: полеты к другим галактикам через... это... как его... *гиперпространство.* Может кто-нибудь внятно объяснит мне, что это за штука такая? И дальше не лучше: *машина времени, телепортация, телекинез!* Одуреть можно. Чушь какая! И на это наш сын гробит драгоценное время.

— Не нервничай, дорогой, — ответила миссис Визервокс. Ей уже начал надоедать этот разговор. — Я перетрясу книжную полку Джеральда. Успокойся, я совершенно с тобой согласна.

— Вот и хорошо, — подвел черту мистер Визервокс. — Наш долг — следить, чтобы дети не засоряли мозги всякой ерундой.

Он глянул на часы — пора было отправляться на службу, — поднялся из-за стола и чмокнул жену.

Выйдя из квартиры, он ступил в шахту антигравитационного лифта, и тот быстро и мягко опустил его с двухсотого этажа. К мистеру Визервоксу тут же подкатило атомное такси.

— В Лунный Порт, — велел он роботу-водителю.

Откинувшись в кресле, мистер Визервокс закрыл глаза и сосредоточился на телепатическом выпуске последних новостей. Он надеялся, что сообщат о том, как идут дела у четвертой марсианской экспедиции, но передавали довольно скучный репортаж из института Бессмертия.

ЗЕМЛЯНСКИЙ ДАР

Одинокие размышления Дара Ри нарушил мысленный импульс, соответствующий нашему стуку в дверь.

— Входи, друг мой, — сказал Дар Ри, усилием мысли откатывая дверь в сторону. Конечно, он мог воспользоваться телепатией, но словесное приветствие считалось более почтительным.

Вошел Эджон Хи.

— Ты не сомкнул глаз, вождь, — сказал он.

— Я не могу — ведь через час прилетит ракета с Зем-

ли. Я должен видеть это. Конечно, я знаю, что она взорвется в тысяче миль от нас, но мы увидим ядерную вспышку, даже если они промахнутся. Мы долго ждали этого дня! Это же первый физический контакт Марса и Земли. Конечно, наши телепаты уже не одну сотню лет слушают их мысли, но для землян это первый шаг к Марсу, пусть даже на борту ракеты нет ни одного человека.

— Да, — ответил Эджон Хи, усаживаясь, — но я так и не уяснил, зачем им нужен этот ядерный взрыв. Я знаю, они считают, будто Марс необитаем, но...

— Телескопы и спектографы лунной обсерватории позволят им составить точное представление о почве и атмосфере нашего мира. Минет еще несколько противостояний — и они прилетят к нам сами!

Марс ждал посланца землян. Точнее сказать, не Марс, а городок, неселенный девятью сотнями марсиан — все, что осталось от марсианской цивилизации. Она была гораздо старше земной, но теперь угасала. Марсиане ждали контакта, который мог бы изменить не только их будущее, но и будущее землян. Дело в том, что они не занимались точными науками, техника была им чужда, но зато владели такими ресурсами мозга, о которых на Земле едва начали догадываться. Телепатия, телекинез, эмпатия — всему этому они были готовы обучить землян. А те, как надеялись марсиане, оживят умирающую планету при помощи своей науки.

Вождь марсиан Дар Ри и Эджон Хи, его ближайший друг и помощник, подняли тост за будущее. Потом они взошли на крышу самого высокого дома и стали ждать, устремив взоры к северу.

— Сработало, Вилли! — Роуг Эверет оторвался от телескопа. — Теперь мы точно узнаем, что почем на Марсе.

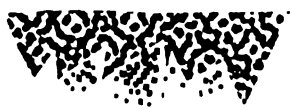
Они с Вилли Сантером торжественно пожали друг другу руки. Безо всякой иронии — момент и вправду был исторический.

— А мы никого там не зашибли, Роуг? Точно попали?

— Насколько это возможно. Правда, ракета отклонилась на тысячу миль к югу, но при дистанции в пятьдесят миллионов миль это все равно что ничего. А что, ты думаешь, что на Марсе кто-то живет?

— Нет, конечно, — ответил Вилли, чуть помолчав.

Он был абсолютно прав.



ОБЩИЙ ПРИНЦИП

— И чего это люди как с ума посходили?! — презрительно фыркнула миссс Мэйси. — От них ведь никакого вреда.

Паника ширилась: она охватила всю страну, всю планету. А в маленьком садике мисс Мэйси царил покой. На полуторакилометровые фигуры пришельцев она взирала совершенно хладнокровно.

Они явились неделю назад, их звездолет — полтораста миль в длину — сел в Аризонской пустыне. Из него вышли гиганты, числом в тысячу, если не больше, и разбрелись по планете.

Мисс Мэйси была права: вреда от них не было никакого. Материя их тел была весьма разрежена и они просто физически не могли что-то разрушить. Даже если великан наступал на человека или на дом, ничего особенного не происходило: на секунду-другую вокруг темнело, а потом, когда пришелец проходил дальше, все становилось на свои места.

Людей они словно не замечали. Все попытки наладить контакт кончались ничем... равно как и попытки атаковать их с земли или с воздуха. Снаряды разрывались в телах пришельцев, не причиняя им ни малейшего ущерба. На одного из них, когда он шагал по пустыне, сбросили водородную бомбу — никакого эффекта.

Одним словом, плевать они на всех нас хотели.

— Когда же люди, наконец, сообразят, что бояться нечего? — спросила мисс Мэйси свою сестру, тоже мисс Мейси, поскольку она тоже до старости засиделась в девицах.

— Дай бы бог, Аманда, дай бы бог, — ответила та. — Но что это они, по-твоему делают?

День был солнечный. До этой минуты. С утра то тут, то там маячили гиганты. Но сейчас их фигуры подернулись дымкой. Мисс Аманда Мэйси запрокинула голову и увидела в руках у великанов какие-то баллоны. Из них вырывались туманные облака и медленно оседали на землю.

— Облака делают. Развлекаются на свой манер. Ну, а нам-то что за забота? И чего только люди паникуют?

Она снова занялась цветами.

— Чем это ты на них брызгаешь, Аманда? — поинтересовалась сестра. — Удобрением, что ли?

— Нет, — ответила мисс Мэйси. — Средством от насекомых.

ДОЗОРНЫЙ

Он насквозь промок, извозился в грязи, проголодался и чувствовал себя заброшенным. Оно и понятно — родина была в пятидесяти световых годах.

Местное светило было непривычным, мертвенно-голубым, а из-за двойного тяготения каждое движение отдавалось по всему телу мучительной болью.

Шли годы, века, тысячелетия, но на аванпосте ничего не менялось. Несмотря на новейшие звездолеты и современное оружие, он по существу так и оставался стрелковой ячейкой, в которой засел одинокий солдат, готовый удерживать ее до последнего дыхания.

Впервые с чужаками встретились близ центра Галактики, когда долгая и трудная колонизация миллионов планет была уже завершена. Война началась сразу же. Договориться с чужаками не удалось — они начисто отвергали дипломатию.

Враг наседал, приходилось цепляться за каждую паршивую планету, вроде вот этой.

Он промок, перепачкался, проголодался и замерз, из-за бешеного ветра приходилось все время щуриться. Ничего не поделаешь — на то и аванпост, чтобы сдерживать врага, да и самому держаться.

Он был в головном дозоре, в полусотне световых лет от родной планеты; был призван сражаться и, если понадобится, умереть. Если он будет хорошо сражаться, то не погибнет и когда-нибудь снова увидит родной дом.

Он заметил чужака, тот пытался подобраться незаметно. Хватило одного выстрела — чужак повалился с каким-то странным звуком и застыл.

От омерзительного звука и от вида мертвого чужака его передернуло. Другие со временем привыкали к их гнусному виду, но он никак не мог. Такое и в кошмаре не увидишь: всего две руки, гадкая белая кожа и — вот мерзость-то! — никакой чешуи...

ПРЯМОЙ ОТВЕТ

Двенадцать камер следили за каждым движением Двара Эйва. Передача транслировалась по всей обитаемой Вселенной.

Вот он спаял золотом последний контакт. Вот он разогнулся и кивнул Двар Рэйну. Вот подошел к главному

переключателю. К тому самому, который через несколько минут объединит вычислительные машины всех девяноста шести миллионов обитаемых миров в одну — самую мощную, самую мудрую.

Двар Рэйн призвал бесчисленных зрителей смотреть и слушать и сказал:

— Пора, Двар Эйв!

Двар Эйв тронул переключатель.

Послышалось мощное гудение — это пульсировала энергия девяноста шести миллионов планет. По огромному пульту забегали огоньки.

Двар Эйв отошел от пульта и глубоко вздохнул.

— Тебе, Двар Рэйн, принадлежит честь задать первый вопрос, — объявил он.

— Благодарю тебя, — ответил тот. — Я задам главный вопрос. До сих пор ни один кибернетический мозг не мог дать на него прямого ответа. — Он подошел к пульту. — Есть ли Бог?

Мощный голос ответил без малейшего промедления:

— Да. *Теперь* есть.

Ужас исказил черты Двар Эйва.

Он метнулся к переключателю.

С безоблачного неба ударила молния. Она намертво заварила главное соединение и испепелила первого богоборца.

БОГ

Благообразный старец с длинной седой бородой улыбнулся Питеру как давнему знакомцу.

— Милости прошу в Рай, тезка! Надеюсь, тебе у нас понравится.

И Питер, четырех лет от роду, прошел жемчужные врата и отправился искать Бога. Он обегал все улицы — они были безупречно чисты; заглянул во все дома — они были великолепны; познакомился со множеством людей — все они были счастливы. Но Бога так и не встретил.

Питер изрядно устал, но сдаваться и не думал. Встречные останавливались, пытались заговорить с ним, но он не обращал на них внимания.

Под конец своих странствий он оказался перед сияющим дворцом чистого золота. Он был такой высокий, такой великолепный, что Питер сразу решил: вот здесь-то и живет Бог.

Перед ним простерся огромный зал, посреди него стоял золотой престол, но он был пуст. Бога не было и здесь.

Пол под ногами был прохладен как утренняя лужайка и мягок как ковер, он так и манил присесть и отдохнуть. Питер так и сделал — уселся на пол, решившись непременно дождаться Бога. А потом и сам не заметил, как растянулся на полу и уснул.

Сколько он проспал? Минуты или годы? Этого мы не знаем. Вдруг ему послышались знакомые шаги. Точно-точно, это шел Он! Питер вскочил на ноги.

Бог заметил Питера, улыбнулся, и тот со всех ног бросился к нему.

— Ну, здорово, Пит! — весело сказал Бог и возложил длань ему на голову.

Но тут Бог обернулся к престолу и как-то странно переменился: глаза, только что веселые, исполнились благоговейным страхом, он опустился на колени и склонил голову.

Но ведь Богу нечего бояться, правда? Конечно, нечего; и Питер отлично это понял. Значит, это какая-то игра.

Сразу же приняв новую игру, Питер завилял купи-

рованным хвостом и тявкнул на сияние, окутавшее престол.

УЖАСНЫЕ

Помахав на прощание рукой шерпам, сэр Ченси Аттертон продолжил свой путь в одиночестве. Сопровождать его дальше проводники отказались наотрез, потому что за несколько сотен километров от Эвереста начинались владения ужасного снежного человека. Иногда его встречали в горах Тибета и Непала, но чаще всего именно здесь, в Гималаях. Шерпы считали, что этот район прямо-таки кишит ужасными снежными людьми и не осмеливались пересекать границы их страны. Вот и теперь, несмотря на все уговоры, они решили подождать сэра Ченси внизу. Продолжить путь в одиночестве мог только человек исключительной отваги, а сэр Ченси по праву считался таким человеком.

Кроме того, Ченси считался, и тоже по праву, исключительным знатоком и ценителем женской красоты. Благодаря своему второму качеству он и оказался теперь здесь, в этом опасном районе. Цель Ченси Аттертона заключалась не в том, чтобы просто совершить рискованное восхождение; он прибыл сюда, чтобы спасти Лолу Габральди. Нет сомнения, она в плену у снежных людей, если, конечно еще жива, и он, сэр Ченси, ее спасет. Что и говорить, задача и посложней, и поблагороднее, чем просто штурм какой-то там горной вершины.

Надо сказать, что сэр Ченси никогда не встречался с Лолой Габральди. Он узнал о ее существовании месяц назад, когда случайно увидел фильм с ее участием. Лола играла главную роль, и сэр Ченси был восхищен, очарован, поражен в самое сердце. Никогда еще Земля не рождала

такой божественной, изысканной красоты. С трудом верилось, что это земная женщина, а не ангел. Такая красота — величайшая редкость даже среди женщин Италии, которая издревле славилась своими красавицами. Таково было мнение сэра Ченси Аттертона, и, видимо, не его одного: сразу после выхода фильма Лола Габральди сделалась кумиром миллионов мужчин. Снявшись в своей первой картине, она затмила таких звезд, как Бардо и Лоллобриджида, не говоря уже о прочих. Когда сэр Ченси увидел ее на экране, он понял, что если он с ней не познакомится, то просто-напросто умрет.

Но вскоре, к его великому горю, Лола Габральди пропала без вести. Когда закончились съемки, она с группой альпинистов отправилась отдохнуть в Индию. Все участники экспедиции вернулись целыми и невредимыми, все, кроме Лолы. Один из ее спутников потом клялся и божился, будто своими глазами видел Лолу в лапах ужасного волосатого человекоподобного существа. Он утверждал, что видел это издалека, иначе бы, несомненно, бросился на выручку. Поиски пропавшей кинозвезды продолжались несколько дней, но результатов не принесли, после чего группа альпинистов покинула Индию и вернулась к цивилизованной жизни. Все решили, что Лола погибла. Все, но только не сэр Ченси. Он немедленно вылетел из Англии в Индию.

И теперь наш благородный рыцарь в одиночестве блуждал среди вечных снегов в поисках своей прекрасной дамы. Кроме альпинистского снаряжения с ним было любимое ружье, с которым он в прошлом году охотился на тигров в Бенгалии. Здравомыслящий англичанин справедливо рассудил, что если оно подходит для тигра, то наверняка подойдет и для снежного человека.

Наконец сэр Ченси достиг облаков. Видимость стала скверной: здесь свирепствовала снежная буря. Вдруг в нескольких шагах от сэра Ченси из сплошного снежного месива выделился темный силуэт, очертаниями напоминающий фигуру громадного человека. Сэр Ченси поднял ружье и выстрелил. Фигура, стоявшая на краю глубокой расщелины, покачнулась и рухнула в тысячефутовую про-

пасть. Эхо выстрела еще на стихло, когда чья-то чудовищная лапа обхватила сэра Ченси сзади с такой силой, что он едва не задохнулся. Вторая громадная лапа выхватила ружье, переломила, будто спичку и швырнула в пропасть.

Откуда-то сверху послышался грубый голос, больше похожий на рычание: «Спокойно. Тебе нечего бояться». Несмотря на эти довольно мирные слова, сэр Ченси, которого считали редким смельчаком, на этот раз с перепугу не смог произнести ни единого слова. Он лишь издал какой-то жалкий хрип. Самое страшное — он никак не мог увидеть своего противника. Тот так плотно прижимал его к себе, что сэр Ченси не был в состоянии повернуть голову.

— Да будет тебе известно, — продолжал загадочный голос, — что те, кого называют ужасными снежными людьми — на самом деле трансмутанты. Много столетий тому назад мы были обычным племенем, таким же, как шерпы. Потом мы изобрели средство, с помощью которого смогли полностью перестроить свою физиологию. Мы стали выше ростом, сильнее, наши тела покрылись волосом. Все это позволило нам приспособиться к низкой температуре и к разреженному воздуху. Теперь мы можем жить высоко в горах, где обычный человек погибает. Ты понимаешь?

— П-п-п-онимаю, — выдавил сэр Ченси. Он немного приободрился, сообразив, что если бы чудовище собиралось его убить, оно бы сделало это без всяких объяснений.

— Слушай дальше. Нас очень мало и с каждым годом становится все меньше. Это вынуждает нас захватывать тех людей из вашего племени, чаще всего альпинистов, которые забредают сюда. Мы делаем пленнику укол, и он становится похожим на нас. В противном случае мы давно бы вымерли.

— З-н-н-ачит, — все еще заикаясь, пробормотал англичанин, — женщина, которую я ищу... ее имя Лола Габральди... значит, она теперь ростом футов в восемь, и вся покрыта волосами?

— Она была одной из нас. Несколько минут назад ты, к несчастью, застрелил ее. Она была женой моего соседа. Мы не собираемся мстить, но кто-то должен ее заменить. Таковы наши законы.

— Но я не могу ее заменить! Ведь я мужчина!

— И слава богу! — послышалось сверху. Огромные руки будто тряпичную куклу развернули сэра Ченси Аттертона лицом к огромному волосатому чудовищу, и он ткнулся носом в огромные волосатые груди. — Мне крупно повезло, что ты — мужчина, потому что я — ужасная снежная женщина.

Сэр Ченси лишился сознания и уже не чувствовал, как огромные волосатые руки новой подруги подхватили его обмякшее тело. Ласково, будто котенка, снежная женщина отнесла его в свою пещеру.

ДИПЛОМАТИЯ

Вис Хедрикс, экзопсихолог Третьей венерианской экспедиции, а проще говоря, специалист по психологии обитателей иных миров, устало плелся по горячему песку, надеясь встретить венерианина и разговорить его. Кое-какой опыт у него уже был, хотя он и не обнадеживал: четыре встречи и четыре неудачи. То, что экзопсихологи Первой и Второй экспедиций тоже не преуспели, утешало мало.

Найти венерианина труда не составляло, а вот разговорить... Дело было в том, что земляне их совершенно не интересовали. Полное безразличие, поразительная неком-

муникабельность. Поразительная тем более, что общение, казалось, подсказывалось самой природой: венериане были телепатами, они мгновенно усваивали язык, на котором к ним обращались, причем не только сам язык, но и диалект. И отвечали на том же языке... кратко и неприязненно.

...Наконец Хендрикс встретил своего пятого туземца; тот брел куда-то по своим делам с лопатой на плече.

— Здравствуй, венерианин! — со всей возможной вежливостью сказал ему Вис.

— Прощай, землянин, — холодно ответил тот и пошел себе дальше.

Хендрикс даже зубами скрипнул с досады, но — дело превыше всего — пошел за аборигеном. Точнее, почти побежал — венериане длинноноги и ходят очень быстро.

— Почему вы отказываетесь общаться с нами, — одышливо спросил Вис.

— С чего ты это взял? Я вот общаюсь с тобой, хотя с удовольствием обошелся бы без этого. Шел бы ты...

Венерианин остановился, повернулся спиной к землянину и вонзил лопату в песок. Надо думать, искал яйца корвила. А Вис с досадой смотрел на него. Всегда одно и то же! И земная психология, экзопсихология — все бессильно на этой клятой Венере!

А еще раскаленный песок жжет ноги сквозь подметки, а еще гнусный воздух, которым едва можно дышать. Виса прорвало:

— А ты... трахай себя всю свою жизнь!

Для землянина такое невозможно — анатомия мешает. Другое дело венериане, они гермафродиты.

Венерианин отставил свою лопату, повернулся к Хендриксу и от души улыбнулся. Подумать только: землянин заговорил вежливо! Он пожелал землянину примерно того же самого и уселся поудобнее, готовый к беседе.

Вот так были заложены основы дружбы и взаимопонимания между Землей и Венерой.

КАПИТАН

— Перед первой экспедицией на Марс, — говорил профессор-историк, — той, что последовала за изучением его разведывательными кораблями, предстояло решить немало проблем. Она должна была положить начало постоянной колонии на этой планете. Кстати, в ее составе был всего один мужчина.

Основной проблемой было: сколько женщин и сколько мужчин должно быть в составе экспедиции из тридцати человек.

Выдвигалось три предложения.

Согласно первому из них, космический корабль должен забрать пятнадцать мужчин и пятнадцать женщин, среди которых большинство найдет себе партнеров и, таким образом, колония возникнет в самом скором времени.

Второе предполагало отправку двадцати пяти мужчин и пяти женщин (все должны были предварительно подписать отказ от моноандрии*), поскольку пять женщин легко могут удовлетворить двадцать пять мужчин, а двадцать пять мужчин тем более удовлетворят пятерых женщин.

И наконец, сторонники третьего варианта утверждали, что экспедиция должна состоять из тридцати мужчин, по-

* Моноандрия — букв. единомужие. Имеется в виду традиционная семья европейского типа, где женщина довольствуется одним супругом. (Прим. ред.)

скольку так они лучше смогут сосредоточиться на работе. Кроме того, добавляли они, в течение ближайшего года на Марс прилетит следующий межпланетный корабль, он и привезет женщин. Год воздержания нельзя назвать слишком тяжелым испытанием для мужчин, привыкших жертвовать собой — ведь и мужская, и женская школы кадетов строго придерживались разделения полов и безбрачия.

Директор Департамента Межпланетных Полетов решил проблему просто. Он решил... Да, я вас слушаю, мисс Эмброуз?

Девушка поднялась с места.

— Профессор, вы говорите об экспедиции под руководством капитана Максона? Того, которого назвали Чемпион Максон? Можете вы объяснить откуда взялось это прозвище?

— Я как раз подхожу к этому, мисс Эмброуз. В младших классах вам, разумеется, рассказывали историю этой экспедиции, однако не целиком. Теперь вы достаточно взрослые, чтобы услышать ее целиком. Директор Отдела Межпланетных Полетов положил конец спорам, заявив, что члены экспедиции будут избраны с помощью жеребьевки — без учета пола — с выпускных курсов обеих кадетских школ. Ясно, что директор был сторонником второго варианта — в конце концов, выпускные классы мужской школы насчитывали пятьсот кадетов, а женской — сто. Теория вероятности должна была привести ко вполне определенному результату — двадцать пять мужчин и пять женщин.

Однако, теория вероятности не срабатывает при малых сериях. Получилось так, что жребий выпал двадцати девяти женщинам и только одному мужчине.

Все запротестовали, кроме, разумеется, счастливых избранниц, однако директор уперся и отказался корректировать состав экипажа. Единственной уступкой было назначение Максона капитаном в угоду, так сказать, мужскому общественному мнению. Корабль улетел, и полет прошел без осложнений.

Когда прилетела вторая экспедиция, колония на Марсе была уже в два раза больше, ровно в два раза. У всех женщин было по ребенку, а у одной даже двойня, что в сумме составляло тридцать детей.

Да, да, мисс Эмброуз, я вижу вашу поднятую руку, однако позвольте мне продолжить. Вы правы: в том, что я рассказывал вам до сих пор, нет ничего сенсационного. Возможно, кое-кто со мной не согласится, но я утверждаю, что нет ничего сверхъестественного в том, что мужчина, располагающий временем, оплодотворил двадцать девять женщин.

Но прозвище капитана Максона возникло потому, что вторая экспедиция прилетела раньше, чем предполагалось поначалу. Она прибыла не через год, а спустя девять месяцев и два дня после отлета первой.

Надеюсь, мисс Эмброуз, я вполне ответил на ваш вопрос.

А ЧТО БУДЕТ?..

— Перед вами, джентльмены, первая и единственная машина времени, — объявил двум своим коллегам профессор Джонсон. — Это всего лишь действующая модель, но и она способна перемещать предметы весом до трех фунтов пяти унций на двенадцать минут в прошлое или в будущее.

Машина и вправду выглядела скромно — платформа и два больших циферблата.

Профессор взял в руки металлический кубик.

— Мы экспериментировали, — сказал он, — с медным кубом весом в один фунт и две трети унции. Сейчас я отправлю его на пять минут вперед, в будущее.

Он склонился над одним из циферблатов и передвинул стрелку.

— Прошу заметить время.

Коллеги разом посмотрели на свои часы. Профессор

Джонсон осторожно поместил кубик на платформу, и тот сразу же исчез.

Он появился на прежнем месте через пять минут, секунда в секунду.

Профессор Джонсон осторожно взял кубик.

— А теперь я перемещу его на пять минут в прошлое. — Он передвинул стрелку на другом циферблате и взглянул на часы. — Сейчас без шести минут три. Я настроил машину на три часа ровно. Это значит, что без пяти три кубик исчезнет из моей руки и окажется на платформе за пять минут до того, как я его туда положу.

— Не понимаю, как же вы в этом случае его туда положите, — сказал один из гостей.

— Когда я поднесу руку к платформе, кубик исчезнет с нее и окажется у меня в руке, чтобы я смог положить его. Смотрите.

И правда — кубик исчез с его ладони.

Но появился на платформе машины времени.

— Убедились? За пять минут до того, как я должен положить его на платформу, он уже лежит там.

Второй коллега призадумался, наморщив лоб.

— А что будет, — спросил он, — если вы раздумаете класть на место кубик, который сейчас лежит на платформе, раздумаете за пять минут до того, как должны положить его туда? Может получиться парадокс.

— Забавно... — сказал профессор Джонсон. — Я, право, не думал над таким вариантом. Давайте попробуем. Итак, я не...

Парадокса не получилось. Медный кубик остался на месте.

Но профессор, его коллеги, да и вся Вселенная исчезли.

СОДЕРЖАНИЕ

Марсиане, убирайтесь домой! *Пер. Н. Гузнинова* 5

Что за безумная Вселенная! *Пер. Н. Гузнинова* 151

Персона грата

Приказ есть приказ *Пер. С. Ирбисова* 331

Последний из марсиан *Пер. Т. Барсовой* 341

Мистер Десять процентов *Пер. И. Мудровой* 352

Персона грата *Пер. Д. Литинского* 371

Волновики *Пер. В. Волкова* 384

Театр марионеток *Пер. Д. Литинского* 411

Ничего не случилось *Пер. С. Ирбисова* 426

Письмо фениксу *Пер. Е. Кофмана* 441

Машина времени *Пер. С. Ирбисова* 451

В дверь постучали *Пер. С. Ирбисова* 457

Поединок *Пер. И. Мудровой* 468

Другая мораль *Пер. С. Ирбисова* 500

Армагеддон *Пер. С. Ирбисова* 506

Еще не конец

Еще не конец *Пер. Н. Гузнинова* 515

Оно и видно *Пер. С. Ирбисова* 518

Воду *Пер. С. Ирбисова* 519

Поздний гость *Пер. Т. Барсовой* 521

Чушь какая! *Пер. С. Ирбисова* 525

Землянский дар *Пер. С. Ирбисова* 526
Общий принцип *Пер. С. Ирбисова* 528
Дозорный *Пер. С. Ирбисова* 529
Прямой ответ *Пер. С. Ирбисова* 530
Бог *Пер. С. Ирбисова* 531
Ужасные *Пер. Т. Барсовой* 533
Дипломатия *Пер. С. Ирбисова* 536
Капитан *Пер. Н. Гузнинова* 538
А что будет?.. *Пер. С. Ирбисова* 540

Литературно-художественное издание

Фредерик Браун

ПЕРСОНА ГРАТА

Редактор С. Ульянов
Художник Ю. Лук
Технический редактор М. Александров
Корректор И. Земкова

Подписано к печати 5.12.94. Формат 84x108/32. Бумага газетная.
Гарнитура "Таймс". Печать офсетная. Усл.-печ.л. 28,56.
Уч.-изд.л. 30,6. Тираж 40 000 экз. Заказ 3305

Лицензия ЛР № 061943 от 23.12.92

ТОО НПП "Параллель"
603137, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 103, кв. 37

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГИПП "Нижполиграф"
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32